СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XX

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1954

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор
Б. А. Рыбаков

Заместитель ответственного редактора
А. Л. Монгайт

Ответственный секретарь
Д. Б. Шелов

Члены редколлегии:
М. И. Артамонов, В. Д. Блаватский,
А. Я. Брюсов, Н. Н. Воронин, М. М. Дьяконов,
С. В. Киселев, Т. С. Пассек

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

М. К. КАРГЕР

РАСКОПКИ В ПЕРЕЯСЛАВЕ-ХМЕЛЬНИЦКОМ в 1952—1953 гг.

1

В 1954 г. украинский и русский народы вместе со всеми народами Советского Союза торжественно отметили, как выдающееся историческое событие, большой национальный праздник — 300-летие воссоединения Украины с Россией. Акт воссоединения был подписан 8 января 1654 г. на знаменитой Переяславской Раде, собранной Богданом Хмельницким.

Город Переяслав-Хмельницкий, ныне районный центр Киевской области, принадлежит к числу древнейших городов нашей Родины. В древнерусских летописях Переяслав-Хмельницкий, называвшийся в ту пору Переяславль Русский, упоминается впервые в связи с событиями самого начала X в. в числе крупнейших городов Руси, на третьем месте после Киева и Чернигова.

В XI—XIII вв. Переяславль — стольный город Переяславского княжества — фигурирует не раз на страницах летописей в связи с различными событиями военной и политической истории Древнерусского государства. Являясь крупнейшим городом на южной границе Руси, Переяславль был важнейшим опорным центром в борьбе со степными кочевниками, в частности, с половцами. Не может быть сомнений в том, что в конце XI в. в Переяславле существовало собственное летописание,— столь подробны и обстоятельны рассказы о переяславских событиях этих лет, сохранившиеся в составе киевских летописных сводов[1]. Летописные известия свидетельствуют о своеобразном архитектурном облике города, сложившемся к концу XI в. в результате широкой строительной деятельности, развернувшейся здесь в 80—90-х гг. XI в.[2]

От многочисленных архитектурных памятников, которыми Переяславль славился в далекой древности, до наших дней не сохранилось почти ничего. Татаро-монгольские полчища, обрушившиеся на древнюю Русь, разорили город и обратили в руины его богатую архитектуру. Представить древней-

[1] Попытку реконструкции древнего переяславского летописания см. в книге М. Д. Приселкова «История русского летописания XI—XV вв.», Л., 1940.

[2] Сводку и анализ летописных известий о строительной деятельности в Переяславле см. в нашей статье «Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований», СА, XV, 1951, стр. 44—50.

ший облик Переяславля Русского, его своеобразную архитектуру, понять историческое значение города в развитии древнерусской культуры можно только с помощью археологических раскопок.

Археологическое изучение города, если не считать эпизодической работы Д. Я. Самоквасова, раскопавшего на окраине города около полусотни курганов[1], и дилетантских раскопок в 80-х годах XIX в. перед постройкой новой Успенской церкви, началось совсем недавно. Раскопки, проведенные в 1945 г. экспедицией Института археологии Академии наук УССР при участии ИИМК и Киевского центрального исторического музея, под руководством Б. А. Рыбакова, имели разведочный характер. В задачу экспедиции 1945 г. входили поиски места первоначального поселения — древнейшего ядра будущего города, изучение жизни города XI—XIII вв., в частности, поиски древних каменных построек, упоминаемых в летописи, исследование земляных укреплений города[2]. На некоторые из этих вопросов раскопки 1945 г. позволили дать частичные ответы.

Осенью 1949 г. после завершения двухлетних раскопок развалин Зарубского монастыря, расположенных на правом берегу Днепра в районе Переяслава-Хмельницкого, Киевская археологическая экспедиция Академии Наук СССР и Академии наук УССР имела возможность провести небольшого масштаба исследования и на территории самого города.

В качестве основной задачи этих работ были поставлены раскопки на территории Переяславского детинца с целью поисков развалин древнего собора архангела Михаила. Раскопки, проведенные с 12 по 24 августа 1949 г., несмотря на крайне ограниченные возможности, увенчались несомненным успехом — в первый же день раскопок удалось обнаружить, а в дальнейшем частично раскрыть развалины древнейшего переяславского храма Михаила, выстроенного в 1089 г. Раскопки показали, что от этой некогда прославленной постройки под землею отлично сохранились не только фундаменты, но частично и стены. Основные итоги раскопок 1949 г. были опубликованы в упомянутой выше нашей статье[3].

2

Археологические исследования памятников древнего переяславского зодчества были продолжены в 1952 г. Переяслав-Хмельницкая археологическая экспедиция Академии Наук СССР и Академии наук УССР 1952 г.[4] ставила своей основной задачей разведочные раскопки на территории древнего Переяславского детинца. На территории детинца были заложены 32 разведочных раскопа, общей площадью около 570 кв. м. Разведки, широко охватившие всю территорию детинца, позволили установить, что древний культурный слой, отражающий домонгольский период истории города, в этой части Переяслава-Хмельницкого, повидимому, полностью разрушен в результате позднейших перекопов. Ни на одном участке не было обнаружено не только каких-либо остатков древних жилых или хозяйственных сооружений, но даже и ненарушенных участков древних культурных слоев. В слоях, перекопанных в позднейшее время вплоть

[1] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 220.

[2] Б. Рибаков. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1945 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 22.

[3] М. К. Каргер. Ук. соч., СА, XV, стр. 63.

[4] В раскопках под руководством автора принимали участие: младший научный сотрудник ЛОИИМК П. А. Раппопорт, научно-технические сотрудники ЛОИИМК М. В. Малевская и К. В. Павлова, лаборанты Н. А. Барабанова, Т. М. Иванова, А. Н. Кирпичников, И. И. Лйсаевич, Э. С. Смирнова, А. А. Хорошкевич, И. П. Чурсина, Т. А. Шубникова.

до материка, наряду с незначительным количеством предметов, относящихся к XI—XIII вв. (фрагменты керамики, изделия из кости, металла, стекла, шиферные пряслица), обнаружены и многочисленные изделия XVII—XVIII вв. Однако в самом центре детинца, на территории небольшого садика в усадьбе И. С. Дынника (Советская ул., д. 7), раскопками удалось обнаружить и почти полностью раскрыть руины еще одного древнего переяславского храма (рис. 1).

Остатки здания представляют в основном лишь фундаментные рвы, на дне которых сохранилась бутовая кладка из валунов. Нижние ряды кладки фундаментов сложены из мелких валунов насухо, без раствора. Выше лежат несколько более крупные валуны, промежутки между которыми забиты обломками древнего плиточного кирпича. Эта кладка была залита известковым раствором с обильной примесью толченого кирпича (цемянки). Раствор очень плохо сохранился. Обломки кирпича, использованные в бутовой кладке фундамента, имеют толщину от 3,5 до 4,5 см, так же как и кирпичи, применявшиеся в кладке стен, найденные в большом количестве в развале постройки. Глубина заложения фундаментов от уровня современной дневной поверхности — около 1,30 м, ширина фундаментных рвов — 1,30 — 1,40 м, а в апсидной части храма — 1,00—1,20 м.

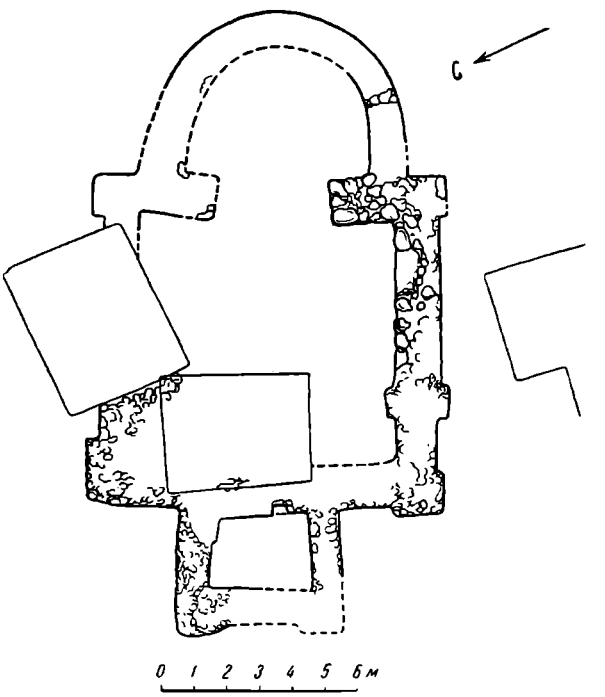

Рис. 1. Переяслав-Хмельницкий. План развалин одноапсидного храма XI в. Раскопки 1952 г.

В нескольких местах кладка фундаментов сохранилась на высоту до 0,80—0,85 м от подошвы. Фундаментные рвы были вырыты не в материке, а в темном гумусированном культурном слое более древнего времени, на глубину до 0,85 м от древней дневной поверхности. На дне рвов — плотный материковый грунт, служивший подошвой для фундамента.

В развале древних строительных материалов в процессе раскопок храма собраны многочисленные образцы кирпича, имевшего размеры 30 —33 × × 22—24 × 3,5—4,0 см; на многих кирпичах на одной постели имеются выпуклые параллельные бороздки (рис. 2). Обломки кирпича этого типа обнаружены и в развалинах храма Михаила. В значительном количестве были найдены также керамические плитки пола. Большая часть их не имела поливы, но встречались и поливные — одноцветные (желтые) и узорные (желтые разводы на зеленом фоне). В большом количестве попадались фрагменты штукатурки с фресковой росписью очень ярких цветов.

Фруктовые деревья и небольшой сарай в северо-западной части усадьбы не позволили исследовать здание полностью, но тем не менее план его был в основном выяснен. Вновь открытая переяславская постройка представляет собою небольшую бесстолпную церковь, почти квадратную в плане,

с одной полуциркульной апсидой с восточной стороны (рис. 1) [1]. Длина храма (без притвора) — 15,8 м, ширина — 10 м. Апсида несколько уже самой церкви, поэтому с наружной стороны на восточной стене образуются небольшие плечики. С запада к церкви примыкает небольшой притвор. На углах постройки имеются незначительные утолщения фундаментов — лопатки. В западной трети южной стены на внешней и внутренней поверхностях также были лопатки.

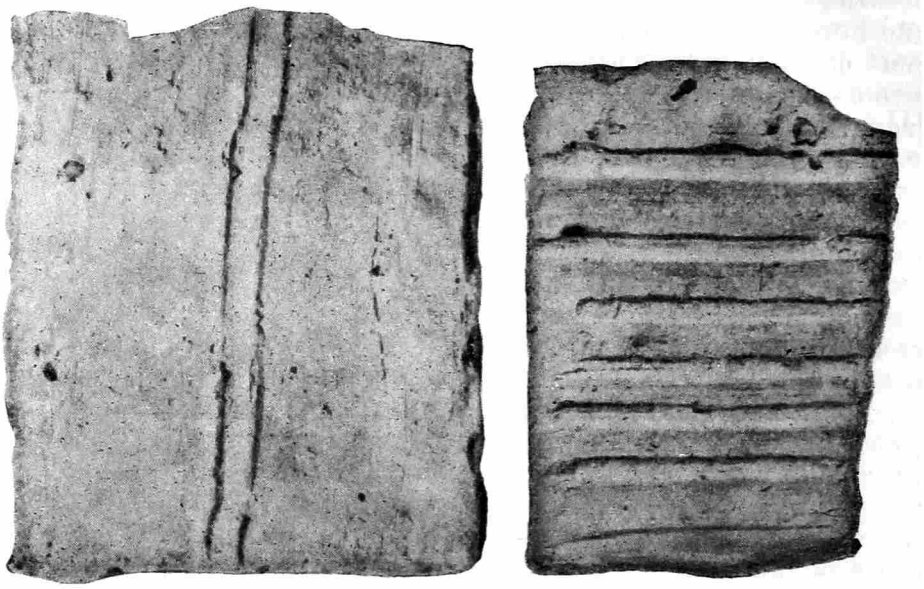

Рис. 2. Кирпичи XI в. с бороздками из развалин храма XI в. Раскопки 1952 г.

Фундаменты южной и западной стен церкви были изучены полностью. Апсида тщательно прослежена по границам фундаментных рвов. Значительно хуже удалось исследовать северную стену храма, которая в большей ее части перебита прямоугольной ямой; уровень дна ямы точно совпадает с уровнем подошвы фундамента. Над северо-западной частью развалин расположен сарай, помешавший исследовать полностью эту часть храма. Бутовая кладка фундамента здесь оказалась несколько шире кладки фундамента южной стены. Однако уточнить внутреннюю линию фундамента в северо-западном углу не представилось возможным. Вся доступная для раскопок площадь вокруг развалин храма подверглась тщательному исследованию. Никаких остатков других древних сооружений, связанных с храмом, не обнаружено.

Открытый раскопками 1952 г. миниатюрный одноапсидный храм, судя по данным строительной техники, можно отнести ко второй половине XI в. Ни с одной из упомянутых в летописи построек этого времени связать его невозможно. Храм этот, повидимому, не входил в ансамбль Ефремовского «каменного города». К вопросу о месте этого памятника в истории древнерусского зодчества нам придется вернуться несколько позже в связи с изучением результатов раскопок, проведенных Переяслав-Хмельницкой экспедицией в 1953 г.

В 1952 г. археологическому исследованию был подвергнут также древний земляной вал, окружающий детинец и окольный город. Прорезка вала

[1] Церковь ориентирована не строго на восток, а на так называемый «летний восток», т. е. на юго-восток.

на нескольких участках позволила изучить с достаточной полнотой его сложную конструкцию. Вал Переяславского детинца состоял из дубовых срубов, плотно забитых землей и глиной. К этим срубам с наружной стороны примыкала кладка из сырцовых кирпичей, связанных деревянным каркасом сложной конструкции. Вал Переяславского детинца оказался чрезвычайно близким по своей внутренней конструкции к валу древнего Белгорода, исследованному раскопками В.В. Хвойки в 1909—1910гг.[1] Есть основания полагать, что оба эти сооружения относятся к концу X в.[2]

Кроме раскопок в детинце в 1952 г. были проведены разведочные раскопки на территории окольного города. На одном из участков были обнаружены остатки двух жилищ полуземляночного типа, одно из которых врезалось в другое (рис. 3а). Как нижнее, более древнее, жилище, так и верхнее, более позднее, относятся к XII—XIII вв. В обоих жилищах хорошо сохранились глинобитные сводчатые печи (рис. 3б). Под глиняной обмазкой пода обнаружена забивка из обломков керамики. Из них удалось собрать целый горшок. Ниже оказались еще два слоя глиняной обмазки, под которыми также были обнаружены обломки керамики. Из обломков второго слоя также был собран целый сосуд. На полу жилищ найдено много обломков глиняной посуды, изделий из камня, кости и железа. По своему типу переяславские жилища ближайшим образом напоминают массовые городские жилища XI—XIII вв., открытые раскопками в Киеве, Чернигове, Вышгороде, Белгороде и других южнорусских городах[3]

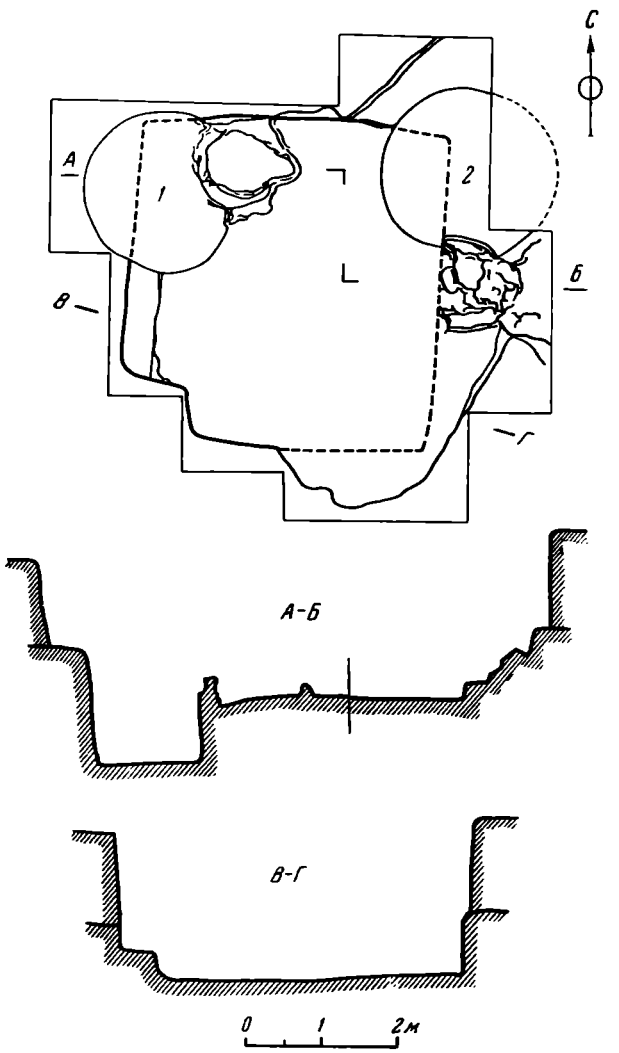

Рис. 3а. Переяслав-Хмельницкий. План и разрез жилищ XII—XIII вв. Раскопки 1952 г.

[1] Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойки 1909—1910 гг. в м. Белгородке. Труды Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда. М., 1911, стр. 52—57; В. В. Хвойка. Древние обитатели среднего Приднепровья. Киев, 1913.

[2] П. А. Раппопорт. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовой кладки. КСИИМК, 52, 1953, стр. 21—22.

[3] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 43—44; его же. Основные итоги и проблемы археологического исследования древнего Киева. VI научная конференция Института археологии Академии наук УССР. Киев, 1953, стр. 114—116.

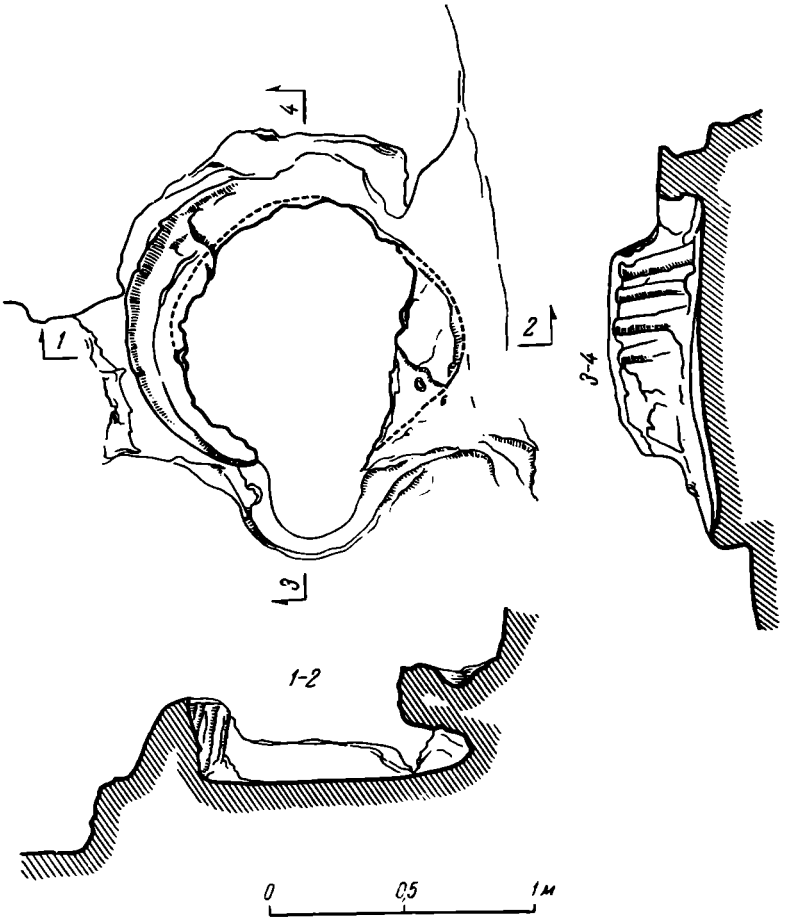

Рис. 3б. Переяслав-Хмельницкий. План и разрезы глинобитной печи из жилища XII— XIII вв. Раскопки 1952 г.

3

Особенно широкий размах археологические раскопки в Переяславе-Хмельницком приобрели в 1953 г. Открытые в этом году архитектурные памятники XI—XII вв. представляют исключительный интерес.

Исследование развалин храма Михаила и окружающей его территории в 1953 г. удалось продолжить лишь в незначительной мере. К югу от южной стены новой церкви раскопками был открыт фундамент южной стены древнего храма, на всем его протяжении от юго-западного до юго-восточного угла. Открытие этой стены позволило отвергнуть первоначальное предположение о том, что храм Михаила был трехнефной шестистолпной постройкой с притворами [1]. В действительности храм был, повидимому, пятинефным сооружением, крайние нефы которого с восточной стороны заканчивались не апсидами, а прямыми стенками.

С южной и западной сторон к основному массиву здания примыкали пристройки, полное раскрытие которых намечено провести при дальней-

[1] М. К. Каргер. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований, стр. 62.

ших раскопках. Напомним, что остатки различных пристроек к собору были обнаружены раскопками 1949 г. и с северной стороны [1].

Даже далеко не завершенные раскопки храма Михаила позволяют убедиться, что храм этот не только по своим масштабам, но и по роскоши внутреннего убранства мог конкурировать с наиболее крупными и богатыми храмами Киева.

Руины древнейшего переяславского храма Михаила открыты раскопками 1949 и 1953 гг. столь неполно, что попытку более или менее детальной реконструкции его первоначального облика, к сожалению, пока еще приходится считать преждевременной. Для решения этой задачи необходимо, уничтожив деревянный сарай, выстроенный недавно на основной части храма, открыть полностью этот древнейший архитектурный памятник Переяславля.

Задача исследования, однако, не ограничивается этим. Древний храм Михаила составлял центральное звено грандиозного архитектурного ансамбля «каменного города», созданного в конце XI в. по инициативе митрополита Ефрема. Обнаружение руин храма Михаила позволяет надеяться на раскрытие всего замечательного архитектурного комплекса конца XI в., столь ярко охарактеризованного древним переяславским летописцем.

О том, что поиски частей этого комплекса вознаградят исследователя значительными результатами, свидетельствует открытие в последние дни работы нашей экспедиции 1953 г. руин большой каменной гражданской постройки XI в.

4

Наряду с продолжением раскопок в детинце, в 1953 г. археологические исследования широко развернулись на территории окольного города. Наше внимание уже давно привлекал достаточно высокий земляной холм, расположенный в огороде частновладельческой усадьбы на углу улицы К. Либкнехта и Спасской улицы, известный в городе под именем «кургана». До 30-х годов XX в. на кургане стояла деревянная Спасская церковь, выстроенная в XIX в. Обследованием «кургана», произведенным в августе 1953 г., даже на поверхности его были обнаружены обломки плинфы, куски шифера, немногочисленные фрагменты штукатурки с фресковой росписью. Разведочным раскопом было установлено, что под неглубоким слоем земли и строительными остатками новой церкви лежит сплошной завал древнего здания: обломки плинфы и камня, куски раствора с примесью цемянки, многочисленные фрагменты фресковой росписи, поливные плитки пола. Вскоре удалось обнаружить отлично сохранившуюся кладку стен древней постройки с остатками фресковой росписи на внутренней поверхности.

В течение сентября — октября 1953 г. вновь обнаруженный памятник древнего переяславского зодчества был раскопан полностью [2]. Он представляет собою миниатюрный храм-усыпальницу. К прямоугольному в плане зданию с восточной стороны примыкает одна апсида, а с западной — притвор, ширина которого равна ширине храма (рис. 4). В северо-восточном и юго-восточном углах здания расположены два квадратных в плане столба. В западной части здания столбов не было. Своеобразный план

---

[1] Там же, стр. 62—63.

[2] Раскопки производились Переяслав-Хмельницкой экспедицией Академии Наук СССР и Академии наук УССР под руководством автора. В раскопках принимали участие младший научный сотрудник ИИМК П. А. Раппопорт, научно-технический сотрудник М. В. Малевская, лаборанты Т. М. Иванова и Г. К. Козьмян и студенты-практиканты.

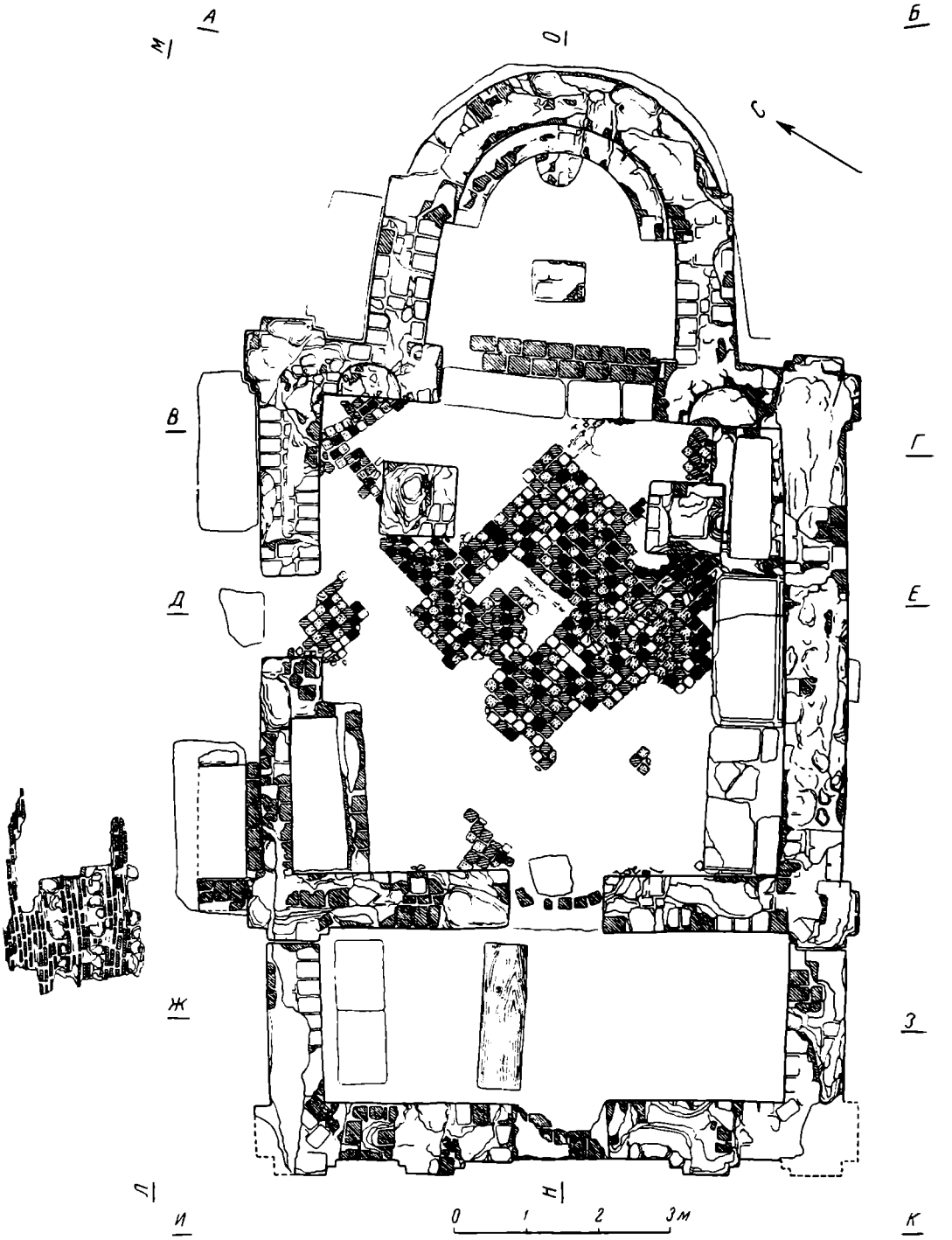

Рис. 4. Переяслав-Хмельницкий. Развалины храма-усыпальницы XI в. План. Раскопки 1953 г.

имеет алтарное помещение храма. Западная его часть, ограниченная прямыми стенками, слегка суживающимися к востоку, имеет трапециевидную форму. К этой части с востока примыкает небольшая полуциркульная апсида.

Никаких лопаток на внутренней поверхности стен храма нет. Снаружи лопатками отмечены только углы здания. Посередине северной и западной стен расположены порталы храма.

С западной стороны к храму примыкает притвор. Южная и северная стены притвора в сохранившейся нижней части их пристроены без перевязи к гладко затертой поверхности юго-западной и северо-западной лопаток храма. Однако тщательное исследование остатков упавшей северной стены притвора (рис. 4) позволило установить, что в верхних частях стены притвора были сложены вперевязь с кладкой северной стены основного здания. Подобное же обстоятельство отмечалось нами в киевской церкви Спаса на Берестове[1].

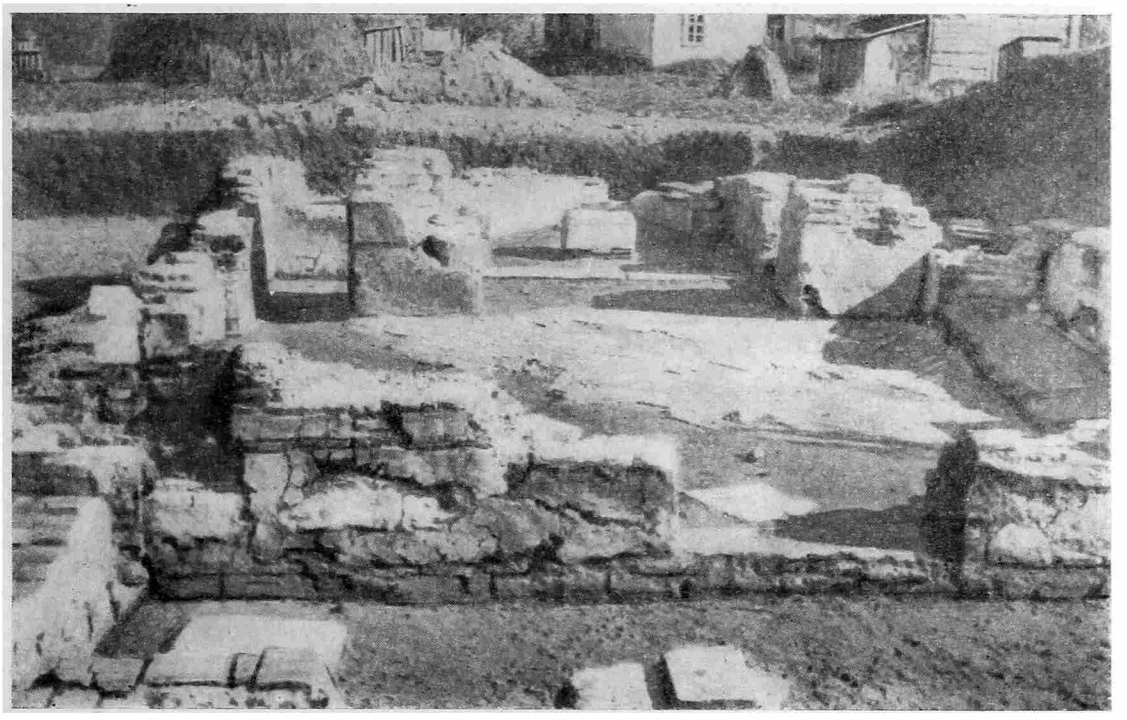

Рис. 5а. Переяслав-Хмельницкий. Общий вид развалин храма-усыпальницы XI в.

Кладка стен и столбов храма сохранилась на высоту до 0,7—0,8 м, а некоторые части здания (например, северо-восточный столб и северный пилон апсиды) даже до 1,5 м. Стены и столбы сложены в технике «смешанной кладки» на растворе извести с примесью толченого кирпича (рис. 5а). Ряды крупных, неровно отесанных камней чередуются с рядами кирпичной кладки. В кирпичной кладке применяется характерный для киевского зодчества XI в. прием чередования рядов кирпича, лежащих в плоскости фасада, с «утопленными рядами», прикрытыми гладко затертым раствором с примесью цемянки. Наружная поверхность каменной кладки стен также покрыта слоем гладко затертого раствора, сквозь который, однако, отдельные (наиболее выпуклые) части камней выступают наружу. Все углы и наружные лопатки здания сложены в основном из камня. Кирпич, примененный в кладке стен, имеет почти стандартные размеры: 30—32 × × 21—22 × 4—4,5 см. Кирпич хорошо сформован и обожжен, в обломе имеет красный цвет. Лишь в виде редких исключений встречены «половинки» (30—31 × 11—12 × 4—4,5 см). Известковый раствор от примеси

[1] М. К. Каргер. К истории киевского зодчества конца XI — начала XII в. Церковь Спаса на Берестове. СА, XVII, 1953, стр. 238—240.

мелко толченого кирпича имеет ровный розовый цвет. Толщина швов различная — от 1,5 до 4 см.

Фундаменты церкви заложены на глубину около 1 м. Бутовая кладка фундаментов состоит из рваного камня, по большей части каневского песчаника и отчасти валунов. В незначительном количестве в кладке фундаментов применены также обломки плинфы. В верхней части фундамента камни политы раствором извести с примесью цемянки, в нижней части они уложены насухо. Верхняя часть кладки фундамента перекрыта кирпичной выстилкой (в один ряд). Эта выстилка образует обрез фундамента, выступающий

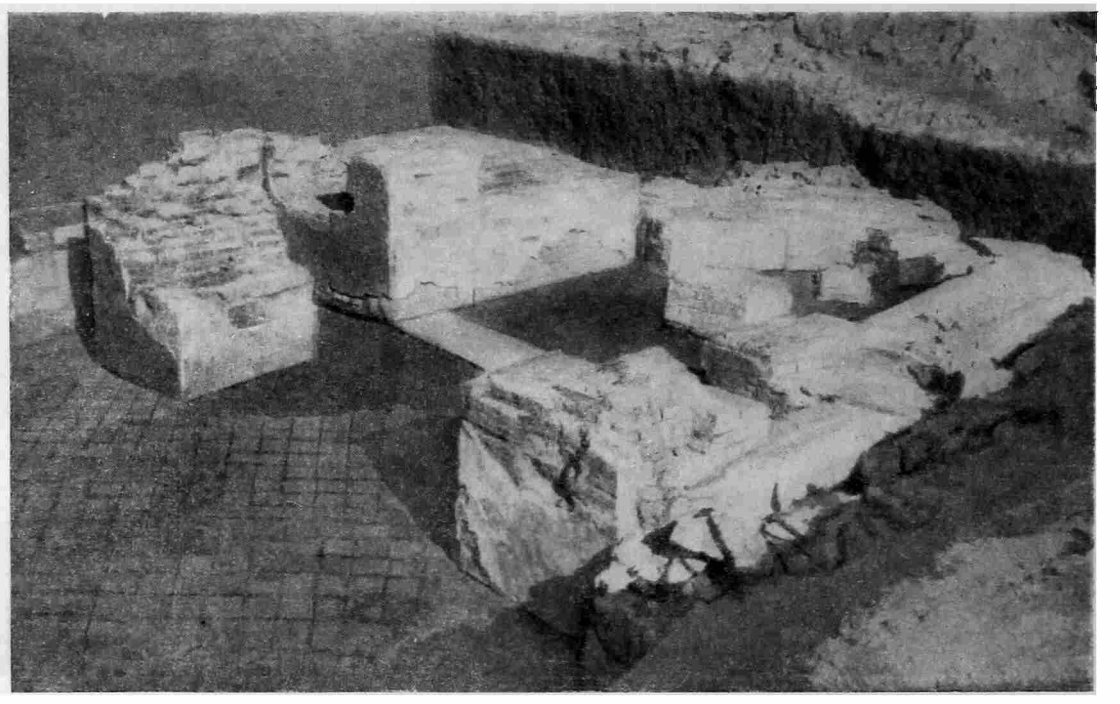

Рис. 5б. Переяслав-Хмельницкий. Развалины храма-усыпальницы XI в. Восточная часть здания

на 15—20 см от плоскости кладки стен.

В восточной стене храма (по сторонам от апсиды) на высоте 0,75 м от уровня пола расположены две полуциркульные ниши (рис. 5б).

Алтарная часть храма отделена от основной части здания порогом, который состоит из трех шиферных плит, уложенных плотно одна к другой (рис. 5б). За этим порогом расположена кирпичная вымостка (в два ряда кирпича),— повидимому, основание алтарной преграды.

В центре алтарного помещения расположен небольших размеров престол, сложенный из древнего кирпича на растворе извести с примесью цемянки (рис. 5б). Стенки его оштукатурены. Первоначальная высота престола неизвестна.

Вдоль стен полуциркульной апсиды находится кирпичная оштукатуренная скамья высотою около 0,5 м. К средней ее части примыкает полуциркульная ступенька.

Пол храма был выстлан керамическими поливными плитками желтого, зеленого и бронзово-коричневого цвета. Большая часть их сохранилась in situ. Плитки расположены по диагонали здания, причем плитки одного цвета образуют продольные ряды с востока на запад. Плитки уло-

жены на белой известковой подмазке, без примеси цемянки. В местах, где плитки утрачены, в растворе отчетливо прослеживаются их отпечатки. Известковая подмазка лежит непосредственно на плотном лессовом грунте. Плитки сформованы из хорошо отмученной глины, в изломе имеют белый или бело-розовый цвет.

Основной формат плиток 16,5 × 16,5 см, при толщине около 1,8 см. Края частично скошены, частично прямые. В северной части пола расположены плитки несколько меньшего размера (13,6×16,5 см при толщине 1,6 см). Среди них встречено несколько экземпляров с двухцветной поливой

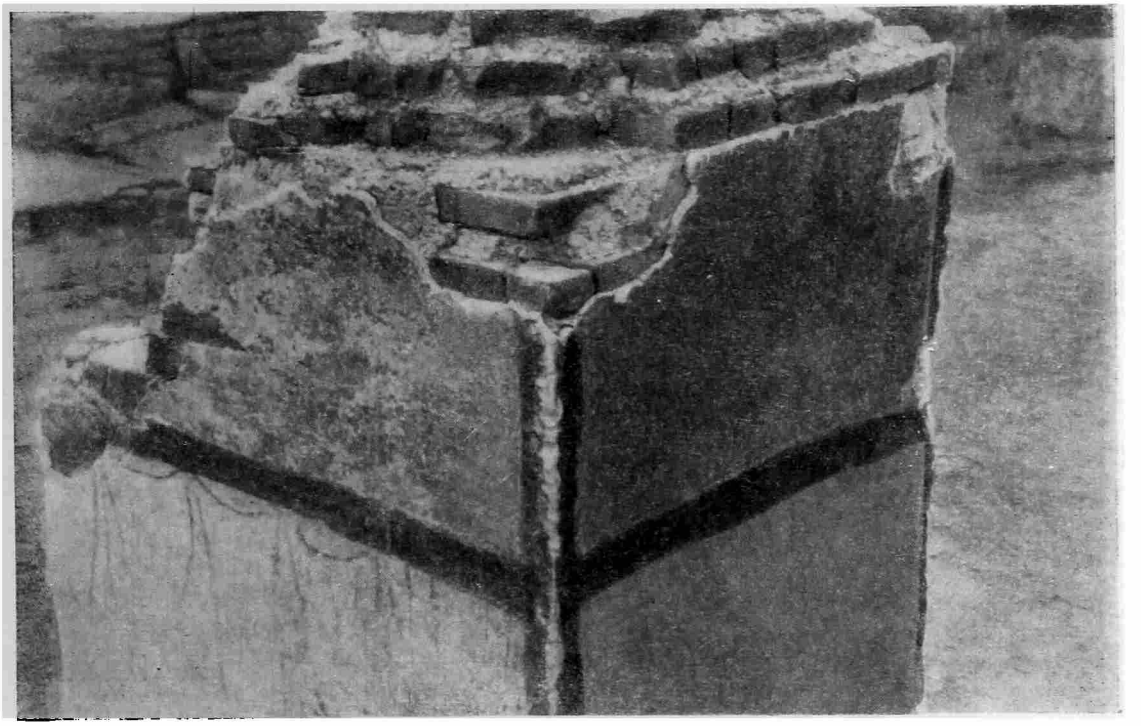

Рис. 6. Развалины храма-усыпальницы XI в. Фресковая роспись на северо-восточном столбе

(желтые с зеленым рисунком в виде волнистой линии). На тех участках пола, где плитки двух форматов смыкаются между собою, для заполнения небольших пустот употреблены куски битых плиток. Плитки меньшего размера появились, повидимому, в результате более поздней чинки пола, произведенной, однако, также в древности.

На многих участках внутренней поверхности стен храма хорошо сохранились in situ фрагменты древней фресковой росписи (рис. 6). Крупные обломки расписанной штукатурки найдены в огромном количестве в завале древних строительных материалов. Необходимо подчеркнуть, что не все сохранившиеся фрагменты живописи относятся к первоначальной росписи храма. Так, на южном столбе отчетливо видно, что часть штукатурки с фресковой росписью уже в древности отвалилась и была заменена несколько позже новой штукатуркой. Фресковая живопись на этой штукатурке воспроизводит старую схему росписи, которая, однако, неточно совпадает с ней как по рисунку, так и по цвету. Эта более поздняя штукатурка с росписью переходит и на стенки кирпичной гробницы, вплотную примыкающей к столбу; повидимому, более поздняя роспись синхронна этой гробнице.

В завале, состоявшем из строительных материалов, кроме многочисленных образцов кирпича, камня, растворов, найдены также обломки красноглиняных амфор со следами прилипшего к ним раствора извести с цемянкой, что свидетельствует о применении их в кладке сводов здания. Следует,

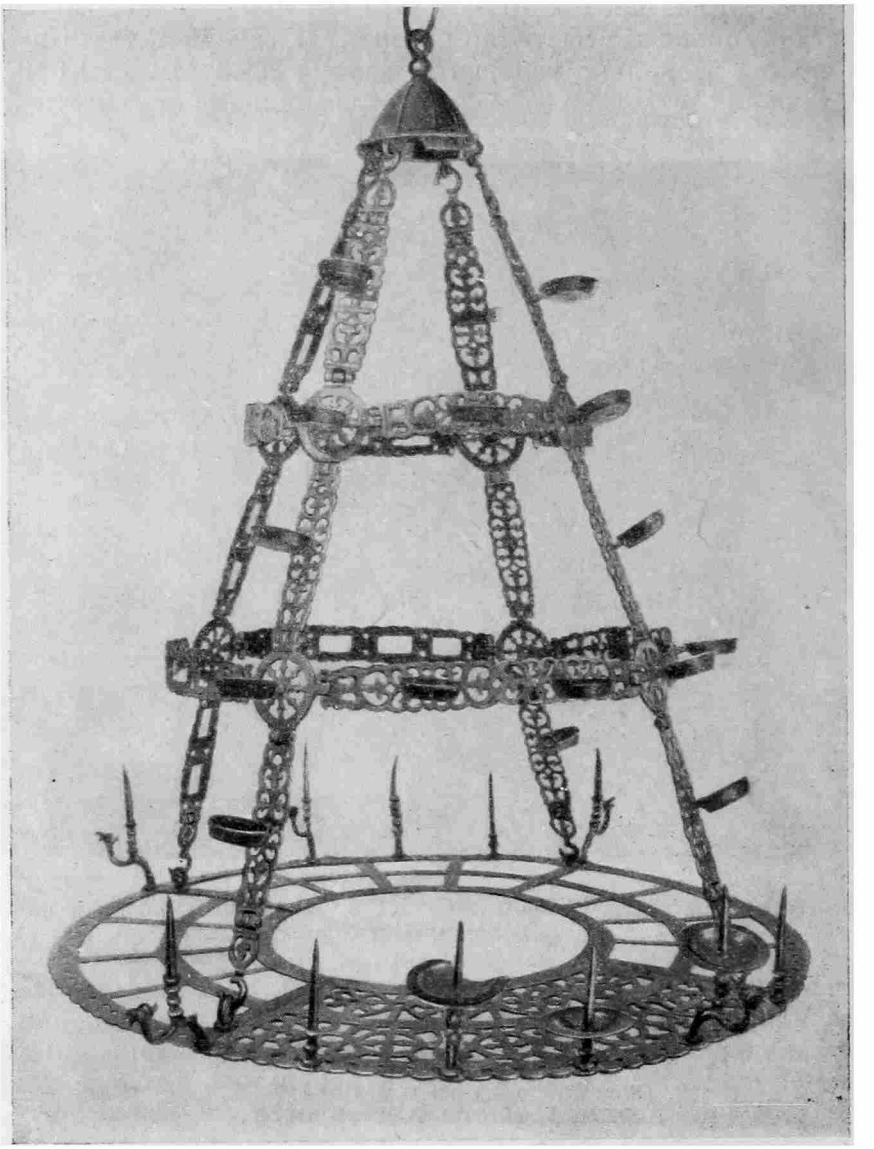

Рис. 7. Бронзовый хорос, найденный в развалинах храма-усыпальницы XI в. (после реставрации)

кроме того, упомянуть о многочисленных находках фрагментов фресковой штукатурки, кусков древней свинцовой кровли, в том числе одного целого листа свинца (размером 70 × 40 см), обломков круглого оконного стекла с загнутыми бортиками, а также железных кованых гвоздей с широкими шляпками, служивших для укрепления фресковой штукатурки на сводах и арках. На всей площади пола храма под обвалами сводов и верхних частей стен лежал слой золы и угля. Многие плитки имели сильно обгоревшую поверхность, что свидетельствует о том, что падение здания было связано с пожаром.

На полу храма-усыпальницы раскопками обнаружены многочисленные обломки различных бронзовых предметов, находившихся в храме в момент его гибели. Находки эти заслуживают специальной публикации и исследования. Упомянем здесь лишь две, вызывающие особый интерес.

Рис. 8а. Бронзовый подсвечник, найденный в развалинах храма-усыпальницы XI в. (после реставрации)

На полу средней части храма найдены многочисленные обломки бронзовых пластинок и литья, из которых удалось полностью восстановить замечательную по орнаментальному богатству люстру — хорос (рис. 7).

В алтарной части храма найдены подвергшиеся действию сильного огня обломки бронзового подсвечника (рис. 8а, 8б, 8в).

Внутри храма, в его западном притворе и возле храма, вдоль его северной стены расположены погребальные сооружения — склепы и каменные гробницы (рис. 4). В юго-восточном углу храма была обнаружена

гробница, сложенная из кирпича XII в. на известковом растворе без цемянки. Гробница была перекрыта шиферной плитой, от которой остались лишь обломки, провалившиеся на дно гробницы. От костяка сохранились только незначительные остатки. Гробница примыкает к оштукатуренной и расписанной фресками поверхности южной стены и юго-восточного столба. Сама гробница также оштукатурена (внутри и снаружи).

К описанной гробнице вплотную примыкают два шиферных саркофага, расположенных вдоль южной стены храма на невысоких кирпичных основаниях (рис. 4). От обоих саркофагов сохранились in situ только нижние

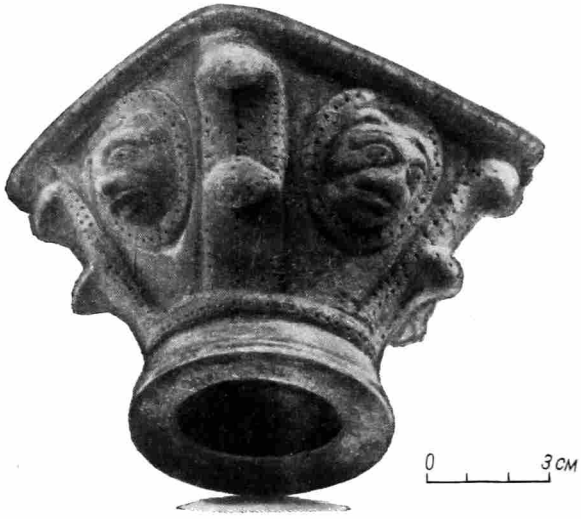

Рис. 8б. Деталь бронзового подсвечника

Рис. 8в. Деталь бронзового подсвечника

плиты — днища с продольными и боковыми выдолбленными по краям пазами для установки стенок. Стенки и крышки обоих саркофагов найдены тут же в обломках. Кирпичное основание под шиферным саркофагом, расположенным в юго-западном углу храма, перекрывает древний пол из поливных плиток. Наоборот, кирпичное основание другого шиферного саркофага у той же стены положено непосредственно на грунт; плитки пола не уходят под него, а образуют вдоль саркофага кайму коричневого цвета. На боковой стенке кирпичного основания под этим саркофагом сохранился слой белого раствора с отпечатками плиток, которые были установлены вертикально по бортику основания саркофага. Несколько плиток желтого и зеленого цвета сохранились на месте. От костяков уцелели лишь отдельные кости.

Еще одно погребальное сооружение расположено в северо-западном углу храма, представляя аркосолий в толще северной стены (рис. 4). Со стороны интерьера здания погребение отделено тонкой кирпичной стенкой. Костяк не сохранился.

Возле северной наружной стены храма раскопками обнаружены три древних погребения (рис. 4). У северо-восточного угла здания расположены два погребения в грунтовых могилах, перекрытых огромными шиферными плитами. Оба костяка сохранились in situ, однако никаких следов погребального инвентаря в могилах не оказалось. У северо-западного угла храма обнаружен склеп, стенки которого сложены из кирпича XII в. Костяк сохранился in situ; погребального инвентаря нет. Склеп был перекрыт шиферной плитой. На этой плите сохранились незначительные остат-

ки кирпичной гробницы, вплотную примыкавшей к северному фасаду; внутренняя поверхность стен гробницы была расписана фресками.

Три погребения были открыты в западном притворе храма. У северной стены притвора расположен кирпичный склеп, перекрытый плитой. Рядом с ним — два погребения в грунтовых могилах. В одном из них отлично сохранился деревянный гроб. Все три костяка сохранились in situ. Погребального инвентаря нет.

* * *

Охарактеризованная выше техника «смешанной» кладки, в которой сложены все столбы и стены здания, не оставляет никаких сомнений в дате памятника. Техника «смешанной кладки» (opus mixtum), распространенная в киевском зодчестве с конца X до конца XI в., в 20—30-х годах XII в. сменяется новой техникой «равнослойной» кирпичной кладки. Размеры и керамические особенности кирпича, употребленного в постройке, позволяют уточнить дату памятника в пределах второй половины XI в.

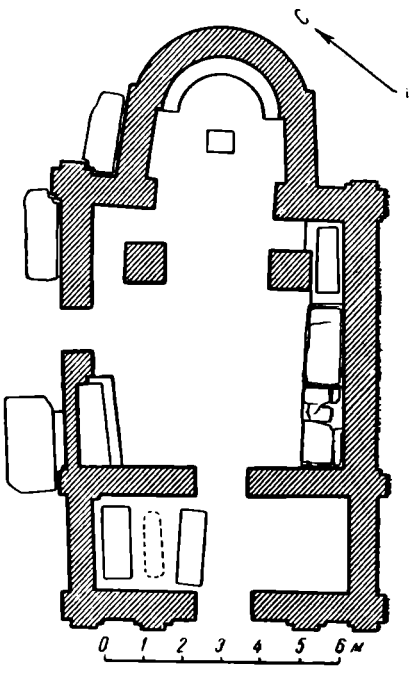

Рис. 9. Храм-усыпальница XI в. План.

Переяславский одноапсидный храм-усыпальница, открытый раскопками 1953 г., при всей необычности его плана (рис. 9), имеет ряд аналогий среди памятников русского зодчества XI—XII вв. и прежде всего среди построек самого Переяславля и Переяславской земли. Ближайшей аналогией ему является описанный выше небольшой одноапсидный храм в Переяславском детинце, руины которого были открыты нашими раскопками 1952 г. Детальное сопоставление этих двух одновременных переяславских памятников второй половины XI в. несколько затруднено тем обстоятельством, что руины храма, раскопанного в 1952 г., дошли до нас в значительно худшем состоянии. Как показано выше, от здания сохранились в основном лишь фундаментные рвы с незначительными остатками бутовой кладки на дне их. Однако сравнение планов обоих памятников позволяет убедиться в том, что оба они относятся к типу малых одноапсидных храмов, характерных для архитектурных ансамблей княжеских, а вероятно, и боярских вотчин второй половины XI в.

Именно к этому типу малых, скромных по своему облику построек княжой вотчины, несомненно, следует отнести и третий храм, сохранившийся на территории Переяславской земли. Мы имеем в виду так называемую «Остерскую божницу» Михаила — небольшой одноапсидный храм, незначительные остатки которого бережно охраняются на окраине современного города Остра.

До последнего времени этот памятник зодчества Переяславской земли было принято связывать, без особых к тому оснований, со строительной деятельностью Юрия Долгорукого и тем самым относить храм к середине XII в. Н. Макаренко, посвятивший этому памятнику большую, серьезную статью, колебался в уточнении даты Остерской божницы [1]. Ошибочно

[1] Н. Макаренко. Древнейший памятник искусства Переяславского княжества. Сборник статей в честь гр. Уваровой. М., 1916, стр. 403.

полагая, что технические особенности кладки стен храма характерны для древнерусских каменных построек всей «дотатарской эпохи» в целом, он относил постройку храма к периоду от 1098 до 1152 г., считая его сооружением либо сына Владимира Мономаха — суздальского князя Юрия Долгорукого, называвшего церковь своей божницей («оже есте мои Городець пожгли (и божницю), то я ся тому отожгу противу...»), либо сооружением самого Владимира Мономаха, построившего церковь одновременно с устройством Городца в 1098 г. В более поздней статье, посвященной фресковой росписи Остерской божницы, тот же автор дословно повторил изложенные выше соображения относительно датировки храма, однако высказался более решительно в пользу принадлежности божницы к числу построек Юрия, отнеся ее ко времени между 1120 и 1152 гг.[1]

В действительности Остерская божница, несомненно, принадлежит к числу построек Владимира Мономаха, о чем убедительно свидетельствует типичная для XI в. кладка его стен в технике «opus mixtum». Хорошо известная историческая судьба Остерского городка, столь часто упоминаемого в летописи, отнюдь не противоречит высказанным здесь соображениям. Хотя прямых известий о постройке Остерской божницы нет, но летописное сообщение под 1098 годом о закладке Владимиром Мономахом города «на Въстри»[2], видимо, может служить указанием и на время постройки храма.

Повидимому, к этой же группе памятников следует отнести еще одну постройку, неоднократно упоминаемую в киевских летописях — «Летскую божницу», выстроенную также Владимиром Мономахом. Несмотря на то, что нашими раскопками 1950 г. были обнаружены лишь жалкие обломки этой постройки, не дающие возможности реконструировать архитектурный облик этого любопытного памятника в целом, все же материалы, собранные в результате тщательных наблюдений в процессе раскопок, позволили высказать предположение, что Летская божница принадлежала к типу малых каменных храмов княжой вотчины. Поиски этого типа церковного здания древнерусские зодчие начали еще в ту пору, когда в официальной, парадной архитектуре господствовали монументальные сооружения, продолжавшие и развивавшие архитектурные традиции середины и первой половины XI в.[3]

Наряду с монументальными сооружениями, типичными для официального строительства внуков и правнуков Ярослава, в зодчестве конца XI и начала XII в. может быть прослежена вторая линия, характерная для частного, вотчинного строительства, памятники которого дошли до нас в очень незначительном количестве. Именно к этому кругу памятников, несомненно, принадлежат два малых переяславских храма, открытые раскопками 1952 и 1953 гг.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что второй из них расположен не в детинце, а в окольном городе. Отсутствие каких-либо сведений об истории постройки не позволяет уточнить социальную обстановку возникновения храма-усыпальницы. Однако уже самое местоположение храма в окольном городе, т. е. на посаде, позволяет высказать предположение, — не является ли раскопанный в 1953 г. малый храм постройкой какой-либо боярской фамилии?

---

[1] М. Макаренко. Старогородська божниця та її малювання. Чернигів та північне лівобережня. Київ, 1928, стр. 206.

[2] «Того же лета заложи Володимер Мономах город на Въстри». Ипат. лет. 6606 (1098) г.

[3] М. К. Каргер. «Летская божница» Владимира Мономаха. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 19—20.

О дальнейшем развитии типа малых одноапсидных храмов свидетельствует третий переяславский памятник этого рода — остатки стен миниатюрного храма, обнаруженные П. Лашкаревым при постройке существующей доныне церкви Успения. Обследование этого памятника, произведенное нами еще в 1946 г., позволило со всей решительностью отвергнуть выдвинутое впервые П. А. Лашкаревым [1] и широко распространенное до наших дней мнение о том, что сохранившиеся под полом современной Успенской церкви, выстроенной в конце XIX в. нижние части стен миниатюрной одноапсидной постройки можно рассматривать как остатки храма, выстроенного в 1098 г. Владимиром Мономахом на княжом дворе. Изучение техники кладки стен, сохранившихся на довольно значительную высоту, и характерных особенностей плана церкви (рис. 10) совершенно исключает возможность отнести названную постройку к столь раннему времени. Размеры употребленного в кладке стен кирпича (31 ×25 ×5 см) и особенно сама техника «равнослойной» кирпичной кладки без применения чередования рядов кирпича, утопленных в кладке, без применения камня,— позволяет отнести упомянутую постройку ко времени не ранее середины XII в. Об этой же дате свидетельствуют и характерные полуколонны на фасадах. Крайне незначительные размеры церкви привели к сомнению в том, что она является самостоятельным сооружением. Изучая обстоятельства раскопок 80-х годов XIX в., которыми была вскрыта эта постройка, и видя, что существующая доныне новая церковь стоит на достаточно большом по площади возвышении, по отношению к которому площадь древней церкви составляет лишь незначительную часть, несколько лет тому назад автор высказал предположение о том, что сохранившаяся под полом нового храма древняя постройка представляет лишь часть развалин большого архитектурного комплекса, оставшегося невскрытым и непонятым при раскопках [2]. Многочисленные разведочные раскопы, заложенные летом 1952 г. вокруг церкви Успения, не подтвердили это предположение. Никаких остатков древней постройки или хотя бы остатков строительных материалов ее обнаружено не было. Переяславский одноапсидный бесстолпный храм, остатки которого сохранились под Успенской церковью, наряду с

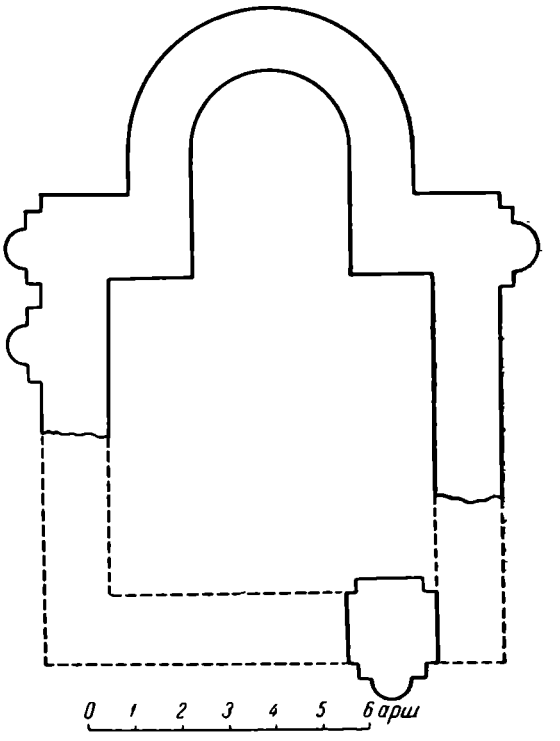

Рис. 10. Развалины одноапсидного храма XII в. Раскопки П. А. Лашкарева

[1] П. А. Лашкарев. Остатки древней церкви в городе Переяславе. «Киевская старина», т. 1, 1889, январь; позже перепечатано в книге того же автора «Церковно-археологические очерки», Киев, 1898, стр. 221—229.

[2] М. К. Каргер. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований, стр. 49—50.

Ильинской церковью в Чернигове, относящейся к той же поре[1], свидетельствует, что разработанный во второй половине XI в. переяславскими зодчими тип малого, одноапсидного храма княжой и боярской (?) вотчины продолжал развиваться вплоть до второй половины XII в.

5

Значительный интерес представляет второй храм, открытый раскопками 1953 г. Руины этого храма были обнаружены случайно в связи с постройкой летнего кинотеатра на углу улицы Ленина и улицы Шевченко. В первой половине 1953 г. были начаты земляные работы, имевшие целью выровнять строительную площадку, в центре которой возвышался невысокий холм. Вплоть до 1935 г. на этом холме стояла новая деревянная Воскресенская церковь. После удаления верхних пластов земли, на глубине около 1 м обнаружились завалы древнего строительного материала, а местами — блоки древней кирпичной кладки. Земляные работы были своевременно приостановлены и о находке сообщено в Академию наук УССР и Академию архитектуры УССР.

Предварительным обследованием территории, проведенным нами в июле 1953 г., было установлено, что под дерновым покровом и тонким слоем земли всюду лежит сплошной завал древнего строительного мусора: обломки битой плинфы, куски известкового раствора с примесью цемянки, фрагменты штукатурки с остатками фресковой росписи, обломки шиферных плит. Разведочными раскопками вскоре удалось обнаружить кирпичную кладку стен и столбов древнего здания, отлично сохранившуюся на высоту до 1,5 м над уровнем древнего пола. В течение июля и августа 1953 г. Переяслав-Хмельницкая экспедиция Академии Наук СССР и Академии наук УССР провела раскопки на всей территории, предназначенной для строительства, в результате которых были полностью открыты руины древнего храма.

Вскрытое раскопками 1953 г. здание представляет трехнефный шестистолпный храм с тремя полуциркульными апсидами с восточной стороны (рис. 11). Длина здания (по среднему нефу)— 24,2 м, ширина — 14,3 м.

Кирпичная кладка стен и столбов здания сохранилась на высоту в среднем около 1 м над уровнем древнего пола. Отдельные части здания сохранились на еще бо́льшую высоту. Так, высота северо-восточного столба достигает 1,5 м (13 рядов кирпичной кладки). Некоторые части постройки оказались в значительно худшем состоянии: от северо-западного столба сохранился лишь один ряд кирпичной кладки, а юго-западный столб уничтожен почти полностью; остались лишь отпечатки нижнего ряда кирпичной кладки на фундаменте.

Стены и столбы храма сложены целиком из кирпича на растворе извести с примесью цемянки. Техника кладки равнослойная, без применения «утопленных» рядов кирпича. Камня в кладке стен нет, он применен лишь в кладке фундаментов. Кирпич имеет в общем стандартные размеры: 31—32 × 21—23 × 5—6 см; отклонения в размерах не превышают 2—3 см, лишь в очень редких случаях встречены «половинные» кирпичи (15 × × 24 × 5 см). Основная масса кирпича сформована из одного сорта хорошо промешанной глины, имеет хороший обжиг. Характерной особенностью является наличие на одной из постелей кирпича различного вида борозд, главным образом, волнистых, сделанных на сырце (рис. 12).

[1] Ю. Асеев. Архітектурно-археологічні дослідження в Криму. Вісник АА УРСР, Київ, 1951, № 3, стр. 25.

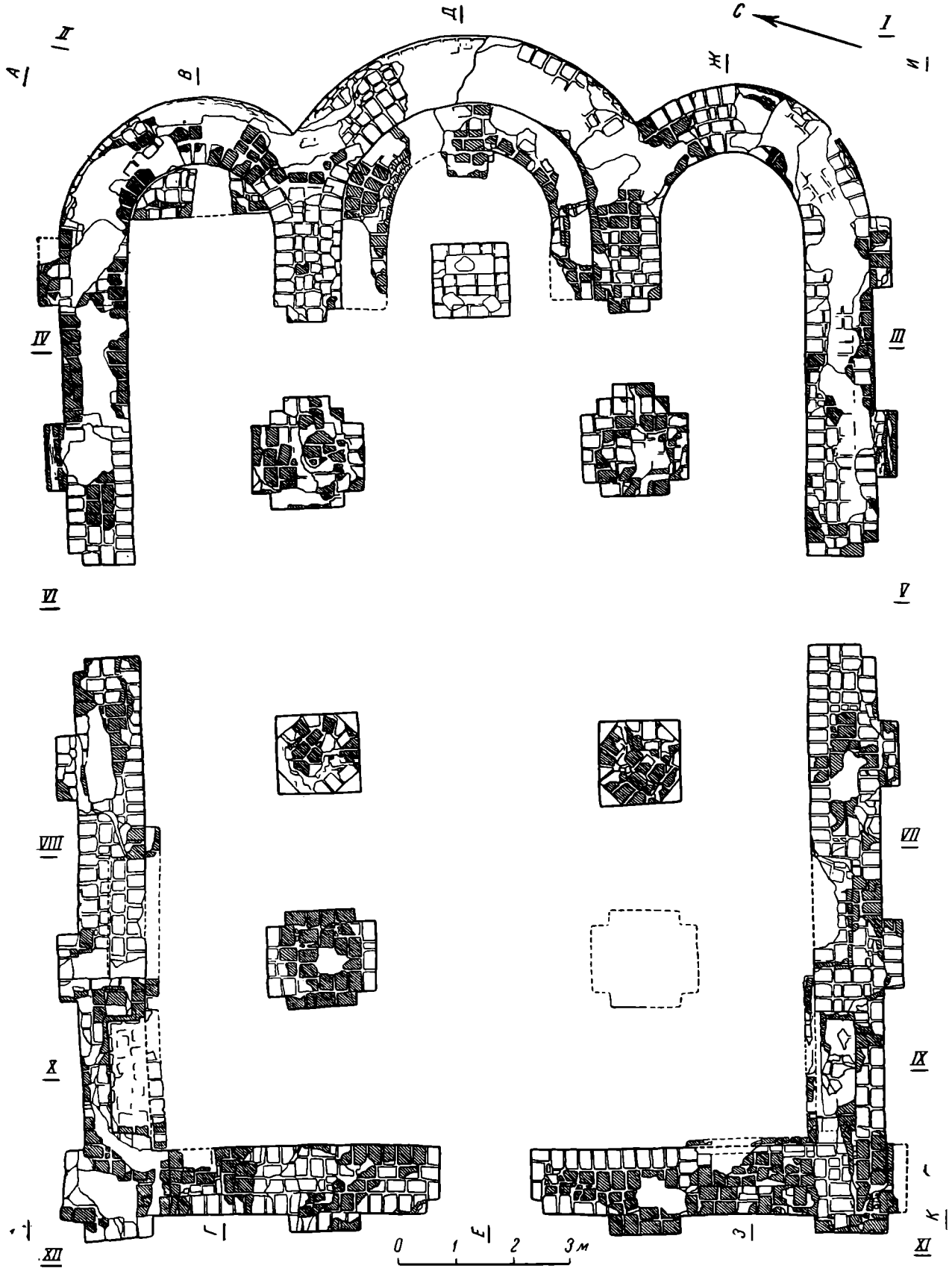

Рис. 11. Переяслав-Хмельницкий. Развалины шестистолпного храма XII в. План Раскопки 1953 г.

Лишь в качестве редчайших исключений встречены клейма и знаки, расположенные обычно также на одной из постелей кирпича. Только в одном случае обнаружен знак на торцовой части кирпича. Известковый раствор характеризуется значительной добавкой толченого кирпича, отчего он имеет ровный розовато-желтый оттенок. Цемянка встречается как в виде очень мелких кусочков, так и более крупных (до 1 см³). Раствор хорошо промешан, крупные куски извести встречены лишь в виде редчайших исключений. Толщина швов раствора обычно несколько меньше толщины кирпича.

Несмотря на тщательное исследование поверхности стен, нигде не было обнаружено каких-либо следов наружной штукатурки или обмазки, однако утверждать безоговорочно, что ее не было, мы все же не считаем возможным.

Фундамент, заложенный на глубину 1,12—1,17 м, представляет бутовую кладку из рваного камня, главным образом, каневского песчаника, на растворе извести с примесью цемянки. Кирпич размельчен не до состояния порошка, поэтому в отличие от раствора, примененного в кирпичной кладке стен здания, раствор в фундаменте не имеет общего розового оттенка. В верхних частях фундамента использованы более крупные камни, в нижних — мелкие обломки. Ширина фундаментов лишь незначительно (на 10—15 см) превышает ширину стен.

Кроме фундаментов под наружными стенами, по двум продольным и трем поперечным осям внутренних членений здания заложены ленточные фундаменты. На пересечении их расположены шесть столбов храма.

Исследованием фундаментов установлено, что ленточные фундаменты между юго-западным и северо-западным столбами и западной стеной отличаются от остальных фундаментов здания некоторыми особенностями. Они представляют собою каменную бутовую кладку, лежащую на дне фундаментного рва на высоту до 0,5—0,55 м от подошвы фундамента (рис. 13). Под юго-западным и северо-западным столбами ленточный фундамент поднимается до уровня пола здания. Выше этой каменной подушки фундаментный ров плотно забит строительным щебнем, происходящим из какой-то более древней постройки, относящейся, повидимому, к XI в. (обломки кирпича толщиною 3—4 см, куски заглаженного раствора наружной облицовки).

Засыпка эта была первоначально принята за более позднее заполнение верхней части фундаментного рва после выборки бутовой кладки фундамента. Однако тщательное исследование остатков разрушенного юго-западного столба позволило установить, что в том месте, где эта засыпка примыкает к фундаменту столба, края кирпичной кладки столба частично лежат на этом слое засыпки. Этот факт свидетельствует о том, что кладка столба (площадь которого оказалась несколько шире фундамента под ним) была выполнена уже после забивки фундаментного рва щебнем. Тем самым приходится признать, что щебеночная забивка двух упомянутых отрезков ленточного фундамента, лежащая поверх бутовой кладки, является изначальной. Об этом же свидетельствует достаточно ровная горизонтальная поверхность бутовой кладки обоих упомянутых отрезков фундамента, лежащая приблизительно на одной глубине. Совершенно иначе выглядят выбитые в более позднее время участки бутовой кладки фундамента между северо-восточным и северо-западным подкупольными столбами и между северо-восточным подкупольным столбом и северной стеной. Эти более поздние выбоины заполнены землей и обломками строительных материалов, происходящими, несомненно, из этого же здания.

План здания представляет собой вытянутый по оси восток—запад прямоугольник с тремя полуциркульными апсидами с восточной стороны

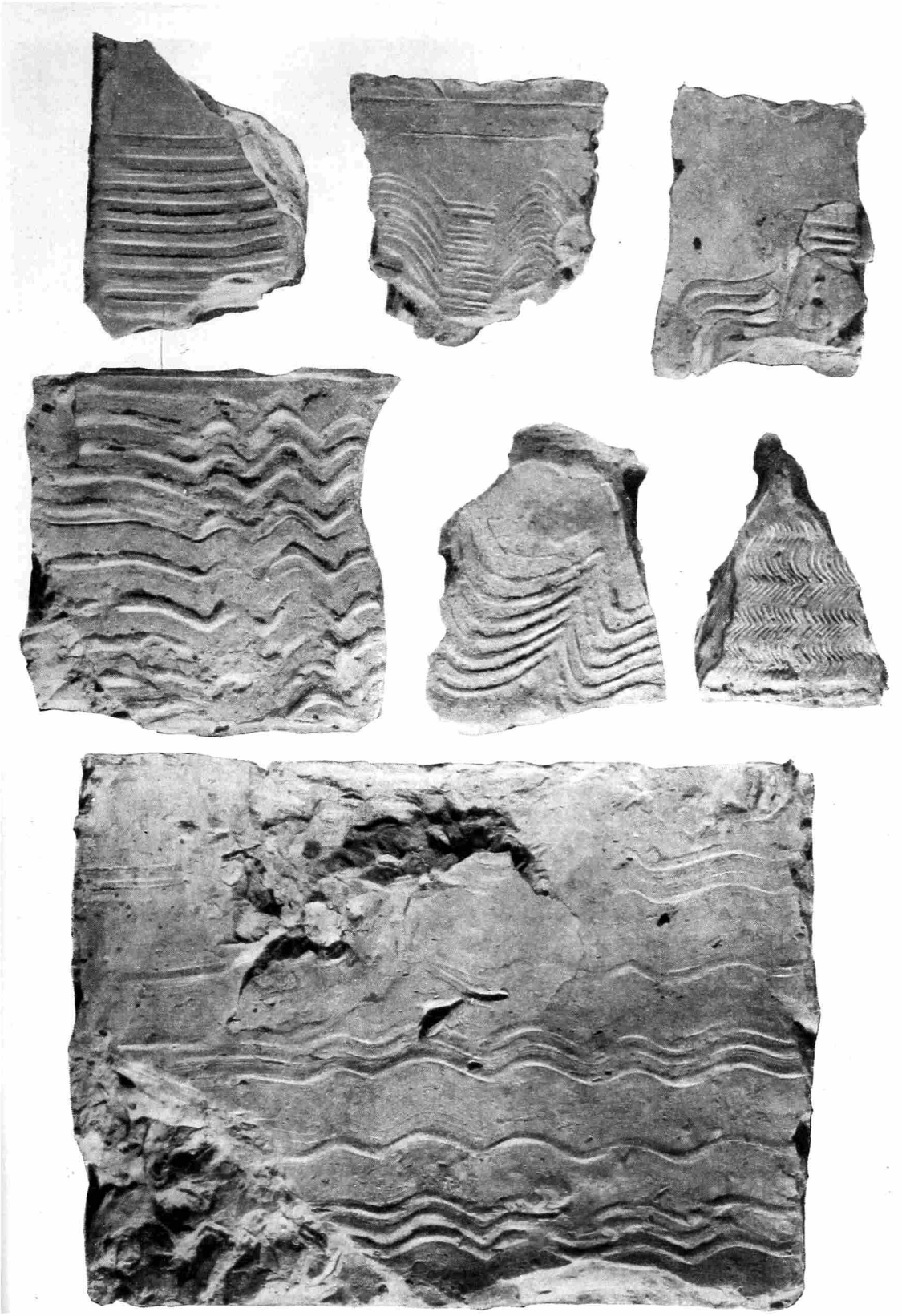

Рис. 12. Образцы кирпичей из развалин шестистолпного храма XII в.

Рис. 13. Развалины шестистолпного храма XII в. Кладка фундамента

(рис. 14). Шесть столбов делят внутреннее пространство на три нефа, из которых средний почти вдвое шире боковых.

Столбы имеют в плане различную форму. Восточные столбы — крещатые с дополнительными узкими лопатками с восточной стороны, соответствующими лопаткам, примыкающим к торцам апсидных полукружий. Средняя пара столбов имеет необычную для русского зодчества домонгольской эпохи восьмигранную форму. Западные столбы — крещатые. Две пары восточных столбов, связанные между собою подпружными арками, образуют подкупольный квадрат.

Стены храма имеют толщину около 1,2 м. На внутренней поверхности их нет характерных для зодчества XI и XII вв. лопаток. Плоские лопатки (без полуколонн) членят фасады здания соответственно внутренним делениям: западный фасад — четырьмя лопатками на три части; северный и южный — пятью лопатками на четыре части. Толщина лопаток — 0,35 м.

В среднем членении западного фасада и во втором с востока членении южного и северного фасадов расположены три портала (ширина проема — около 1,6 м), обрамленные неглубокой нишей. Северный и южный порталы храма оказались заложенными древним кирпичом на глине. Кирпич этот по своим размерам (23 × 32 × 4 см) и керамическим качествам отличается от кирпича, из которого сложены стены и столбы храма. На многих кирпичах, употребленных для закладки порталов, сохранились следы известкового раствора с примесью цемянки, также заметно отличающегося от раствора основной кладки стен храма. При удалении закладки северного портала были обнаружены также часть жернова, обломки шифера и большая шиферная плита с врезными углублениями для мозаичного на-

бора (рис. 15) [1]. Не может быть сомнений в том, что и шиферная плита, и кирпичи со следами раствора, использованные для закладки порталов, происходят из какой-то разрушившейся более древней постройки Переяславля, сооруженной, повидимому, во второй половине XI в.

В западной части храма находились полати — хоры. Об этом свидетельствует лестница в толще западной стены, остатки которой обнаружены раскопками. Вход на лестницу расположен в северной части западной стены, в северо-западном углу храма. Сохранились лишь нижние части дверного проема и две нижние ступени, поврежденные поздними погребениями.

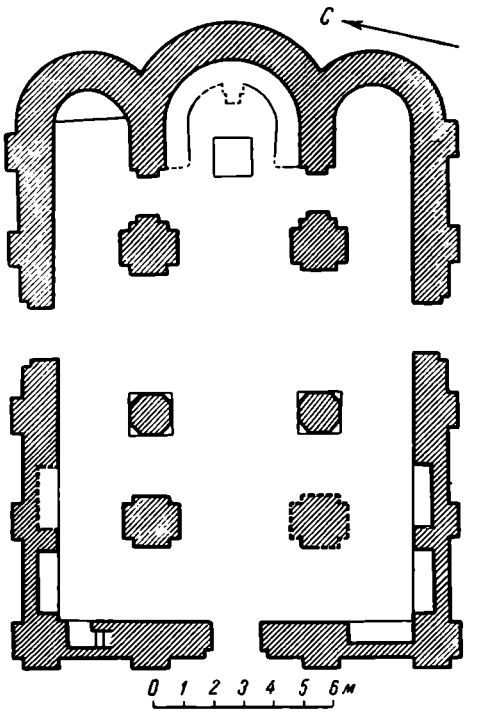

Рис. 14. Развалины шестистолпного храма XII в. План

В западной части храма в толще южной, северной и западной стен расположены пять глубоких ниш — аркосолиев, предназначенных для захоронений. Наиболее хорошо сохранился аркосолий в западном членении северной стены, в северо-западном углу храма (рис. 11) [2]. Аркосолий этот уже в древности был заложен тонкой кирпичной стенкой, часть которой сохранилась в самом углу здания. Закладка аркосолия была произведена, повидимому, вскоре после окончания постройки. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что фресковая роспись храма была исполнена уже после закладки аркосолия. На простенке между двумя аркосолиями северной стены сохранился кусок штукатурки с красной горизонтальной полосой, обрамляющей поле, и красной же вертикальной полосой, проходящей по границе примыкающей стенки аркосолия. К востоку от описанного аркосолия, почти рядом с ним, находится еще такой же аркосолий, сильно испорченный поздним захоронением, при устройстве которого была насквозь пробита северная стена храма (рис. 11). Этот аркосолий также был заложен тонкой кирпичной стенкой. В отличие от вышеописанного (западного) аркосолия восточный был заложен уже после того, как храм был расписан фресками. Стенка закладки вплотную примыкает к основной стене храма, уже покрытой штукатуркой с фресковой росписью.

К кирпичной стенке, закрывшей восточный аркосолий северной стены, вплотную примыкает расположенный ниже уровня пола древний склеп (рис. 11), стенки которого сложены из древнего кирпича на известковом растворе и оштукатурены. Сверху склеп был перекрыт шиферной плитой, обломки которой были найдены на дне его. Склеп, углубленный в землю на 65—70 см ниже уровня древнего пола, вплотную примыкал к фундаменту северной стены храма. На дне склепа обнаружены два погребения.

---

[1] Еще один большой кусок шиферной плиты (размером 30×60 см) с вырезанными на ее поверхности углублениями для мозаичного набора обнаружен в верхней части строительного щебня.

[2] При устройстве более позднего погребения в нижней части этого аркосолия были выбиты два ряда кирпича.

Рис. 15. Развалины шестистолпного храма XII в. Резная шиферная плита в поздней закладке южного портала

Основное оказалось разрушенным, от него сохранились лишь отдельные разрозненные кости взрослого человека. Костяк лежал на большой шиферной плите. Рядом, к северу от основного погребения, обнаружено второе. Костяк погребенного подростка сохранился полностью, в первоначальном положении. Для второго захоронения северная кирпичная стенка склепа была разобрана и погребенный был положен частично на шиферную плиту, частично на основание разобранной стенки. От основного погребения погребение подростка было отделено стенкой из поставленных на ребро кирпичей. Никаких вещей при погребенном не оказалось.

Два аркосолия, расположенные в южной стене храма (рис. 11), также были заложены кирпичными стенками (толщина около 17 см). Тщательным исследованием аркосолиев южной стены было установлено, что оба они были заложены одновременно одной стенкой, прислоненной к южной стене храма. Эта стенка была сооружена, когда основные стены храма были уже покрыты фресковой росписью. Стенка, закрывшая аркосолии, в свою очередь была оштукатурена и расписана фресками; в местах стыков эта более поздняя роспись частично перекрывает штукатурку с более древней росписью.

Пятый аркосолий, расположенный в южной половине западной стены (рис. 11), по своему устройству не отличается от остальных.

В средней апсиде храма расположена скамья (синтрон), по плану повторяющая алтарное полукружие. Скамья сложена в той же кирпичной технике, как и основные стены храма, но без фундамента. С кладкой стены апсиды кладка скамьи не перевязана. У средней части скамьи сохранились остатки ступени.

В центре средней апсиды сохранились фундамент и нижняя часть кирпичной кладки прямоугольного в плане престола (1,35 × 0,80 м), к которому с западной стороны примыкает кирпичная выкладка (без фундамента).

Престол пробит (повидимому, позднее) тремя круглыми отверстиями от деревянных столбов.

В восточной части северной апсиды обнаружена кладка из древнего кирпича на растворе извести с цемянкой, вплотную примыкающая к полукружию апсиды. С западной стороны эта кладка заканчивается по прямой линии. Назначение этой кладки осталось невыясненным.

Пол храма был выстлан керамическими плитками, покрытыми одноцветной поливой желтого, зеленого и темнокоричневого цвета. Многочисленные образцы этих плиток найдены в завале постройки. К сожалению, ни одного участка древнего пола здания не удалось обнаружить in situ. Уровень первоначального пола определяется тонким слоем плотно утрамбованного мелкобитого кирпичного щебня, лежащего на хорошо утрамбованном грунте по всей площади здания.

Внутренняя поверхность стен храма была покрыта фресковой росписью, многочисленные фрагменты которой сохранились in situ. В огромном количестве фрагменты штукатурки с фресковой росписью найдены в завале здания. На крупном блоке кладки, лежавшем в средней части храма, сохранилась нижняя половина человеческой фигуры.

В завале постройки, кроме многочисленных образцов кирпича, растворов, штукатурки, найдены куски свинцовой кровли, обломки оконного стекла, части бронзовых хоросов и другие предметы.

Характерные черты техники кладки здания, как и его план, позволяют с полной уверенностью установить дату памятника. Техника «равнослойной» кирпичной кладки, сменяя технику «смешанной кладки» с применением «утопленных» рядов кирпича, появилась впервые в киевских постройках конца 20—30-х годов XII в. и получила широкое распространение в зодчестве Киевской, Черниговской, Владимиро-Волынской, Смоленской, Рязанской земель в середине и особенно во второй половине XII в.

В эту же пору в зодчестве всех перечисленных выше земель широко распространяется новый вариант трехнефного, шестистолпного храма. В отличие от трехнефных построек второй половины XI в. здания этого нового типа несколько проще по плану: башни с лестницей для входа на хоры сменяются лестницами в толще западной или северной стены: самостоятельные постройки, служившие крещальнями, примыкавшие к основному массиву храмов, сменяются крещальнями, расположенными в одном из западных членений здания. Глубокие ниши — аркосолии, расположенные в толще стен храма, предназначенные для захоронений, заменяют отныне самостоятельные постройки — усыпальницы, располагавшиеся обычно у стен храма.

Вновь открытый переяславский храм XII в., близко напоминая памятники киевского, черниговского, владимиро-волынского, смоленского и рязанского зодчества XII в., в то же время имеет и некоторые отличительные особенности. Выше уже отмечалась необычная для русского зодчества домонгольского периода восьмигранная форма западной пары подкупольных столбов. Необычна для памятников интересующей нас группы и форма восточной пары столбов, имеющих дополнительную лопатку с восточной стороны.

Характерной особенностью переяславского храма являются также плоские лопатки на фасадах здания вместо типичных для памятников названной группы полуколонн.

Развалины переяславского храма, открытые раскопками 1953 г., невозможно связать с какими-либо древними письменными известиями прежде всего потому, что неизвестно даже, как назывался в древности этот храм. Существовавшая на древних развалинах до недавнего времени

деревянная церковь называлась Воскресенской. Известно, что более поздние церкви нередко традиционно сохраняли название древних храмов, на месте которых они возводились. Если предположить, что и в данном случае было так, то древний храм, раскопанный в 1953 г., был посвящен Воскресению. Однако нельзя не отметить, что посвящение храма Воскресению в домонгольский период известно лишь в редчайших случаях. В немногочисленных древних летописных известиях о церковных постройках Переяславля Воскресенский храм не упомянут ни разу. Среди приведенных выше летописных известий о переяславских церковных постройках под 1146 г. в Ипатьевской летописи упомянут монастырь св. Иоанна, по другим источникам неизвестный. Связать с этим упоминанием раскопанный в 1953 г. храм нет никаких оснований.

Переяславский храм, выстроенный в середине или во второй половине XII в., представлял собою, повидимому, монастырский собор, служивший усыпальницей. Местоположение храма на территории окольного города свидетельствует в какой-то мере о связи его строителей с жизнью городского посада, хотя нельзя с уверенностью отвергнуть и мысль о том, что это был «вотч» монастырь какой-нибудь княжеской фамилии.

Состояние руин, открытых раскопками 1953 г., свидетельствует о том, что храм, повидимому, в течение длительного времени находился в заброшенном состоянии. В это время были разграблены все погребения в аркосолиях, полностью выбраны поливные плитки пола, расхищена богатая утварь, от которой под развалинами сохранились лишь незначительные обломки хоросов.

Открытые в Переяславе-Хмельницком руины зданий XI—XII вв. ставят нас перед задачей продолжения поисков тех прославленных построек XI—XII вв., о которых повествует древний летописец. Обнаруженные раскопками 1949, 1952 и 1953 гг. древние здания наглядно свидетельствуют не только о высоком мастерстве переяславских зодчих, но и о крупнейшем значении, которое имел древний Переяславль в сложении богатой культуры Киевской Руси. Яркая и самобытная древнерусская культура XI—XIII вв. легла в основу последующего развития культуры русского, украинского и белорусского народов.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАБСТВО И ЕГО ИСТОЧНИКИ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ[1]

Общеизвестна роль рабства в античном мире, где рабы являлись основными производителями материальных благ. В силу этого и для изучения истории античного общества на нашем юге данная проблема имеет весьма большое значение, и только случайностью можно объяснить то обстоятельство, что до сего времени она не была темой специальных работ советских исследователей.

Не приходится говорить о том, что ни один кардинальный вопрос истории северо-понтийских государств нельзя решать, не учитывая роли окружавших античные города местных племен и народностей. Как известно, по вопросу о соотношении северо-черноморских племен с античным миром в советской науке отсутствует единая точка зрения. С одной стороны, имели место такие, в значительной мере изжитые крайности, как утверждения, что Ольвия была скифским городом или Херсонес полутаврским. С другой стороны, северо-понтийские эллины и их соседи — местные обитатели рассматривались как два навсегда разобщенных и никогда не сливавшихся мира.

Последнюю точку зрения отнюдь нельзя считать оставленной, в силу чего мы должны на ней остановиться. Здесь прежде всего следует отметить схематизм, абстрактно-упрощенную трактовку исторического процесса, замену очень простой формулой весьма сложной и разнохарактерной конкретной исторической действительности. Не только различные племена, но даже различные социальные слои в них в разные периоды были далеко не в одинаковых отношениях с населением античных государств Северного Понта.

Это явление неразрывно связано с неодинаковым темпом развития местных племен Причерноморья, правильному пониманию которого принесли очень много вреда пресловутые марровские фантазии о «стадиальности».

---

[1] По материалам доклада, прочитанного 16 октября 1952 г. на Ученом совете Института истории материальной культуры Академии Наук СССР Настоящая работа не претендует на решение проблемы рабства в Северном Причерноморье во всей ее полноте и многообразии. Она является только предварительным очерком, в котором сделана попытка наметить и отчасти разрешить некоторые вопросы, связанные с данной проблемой.

Нужно исходить из того достаточно надежного положения, что уровень социально-экономического развития синдов, сколотов, тавров и других племен был весьма различным. Наиболее передовые из племен и народностей Северного Причерноморья, например синды, были гораздо ближе по социально-экономическому строю античному обществу, чем другим более отсталым племенам Восточной Европы.

Неодинаковый уровень развития различных племен Северного Причерноморья в первой половине V в. до н. э. с полной определенностью засвидетельствован Геродотом[1]. По словам отца истории, племена тех берегов Понта, куда ходил походом Дарий, за исключением скифов, значительно грубее, чем в других странах (ἐξ τοῦ Σκυθικοῦ ἔθνεα ἀμαθέστατα).

Именно в силу неодинакового темпа развития племен Северного Причерноморья между наиболее передовыми из них и античным миром никогда не было непреодолимого барьера, представление о котором является не более, чем фикцией.

Напомним о том обстоятельстве, что процесс возникновения классового общества и государства имел место в Греции отчасти в IX—VIII вв., но, главным образом, в VII и даже в VI вв. до н. э. Появление эллинских полисов на северном побережье Понта приходится преимущественно на VI в. до н. э. Сравнительно через небольшой промежуток времени после этого,— примерно 100—150 лет,— во второй половине V в. до н. э. складываются классовое общество и государство у синдов. У скифов эти процессы, нужно думать, завершились немного позднее — в IV в. до н. э.

* * *

Хотя древние авторы весьма скупо освещают социально-экономические отношения северо-понтийских племен, тем не менее все же нам представляется возможной попытка проследить сложение рабовладельческого общества у скифов. Важнейшим источником рабства у местных племен Северного Причерноморья были военные столкновения между ними.

Происходившая в древнейшие времена смена киммерийцев скифами вряд ли могла осуществиться без военных столкновений. Военные обычаи скифов, столь старательно обрисованные Геродотом[2], характеризуют их как племена отнюдь не миролюбивые. Особенно показателен обычай[3], согласно которому скифские номархи ежегодно угощали вином всех скифов своего нома, которые умертвили врагов, а не совершившие такого деяния, как обесчещенные (ἠτιμωμένοι), не получая вина, должны были сидеть в стороне. Этот обычай побуждает заключить, что по скифским представлениям война была постоянным явлением в их жизни.

Постоянно происходившие военные столкновения между племенами Северного Причерноморья иногда принимали очень резкий характер. С полной очевидностью об этом свидетельствует Диодор Сицилийский[4], который рассказывает, как усилившиеся савроматы опустошили значительную часть Скифии; поголовно истребляя побежденных, они превратили большую часть страны в пустыню. О стремлении кочевников подчи-

[1] Herod., IV, 46.
[2] Herod., IV, 64—66.
[3] Herod., IV, 66.
[4] Diod., II, 43, 7.

нить себе силой оседлых земледельцев повествует Страбон[1]. Древний географ сообщает, что номады Херсонеса (т. е. Таврического полуострова) требуют дань с земледельцев, и не платят ее только те, кто в состоянии отразить их нападение.

Таким образом, нужно думать, что военные столкновения как отдельных кочевых племен между собою, так и номадов с оседлыми земледельцами, были далеко не редким явлением в истории Северного Причерноморья. В результате их часто возникала известная зависимость побежденных от победителей. Именно в этом смысле следует понимать свидетельство Геродота[2] о том, что царские скифы οἱ ἀριστοί τε καὶ πλεῖστοι — считают прочих скифов своими рабами (δοῦλοι). Конечно, в данном случае еще не может быть речи о вполне развитых формах античного рабства.

Вопрос о рабовладельческом строе у скифов впервые был выдвинут А. П. Смирновым[3] еще в 1933 г. В недавнее время на нем останавливался Б. Н. Граков в работе о скифском Геракле[4]. Наша точка зрения на данный вопрос во многом близка положениям, выдвинутым Б. Н. Граковым, однако нам представляется, что рабство у скифов имело некоторые специфические особенности, недостаточно отмеченные нашими предшественниками.

Дело в том, что рабство у скифов в V в. до н. э., как его рисует нам Геродот, значительно примитивнее греческого, даже спартанского или фессалийского, не говоря уже о более развитых полисах. Предположение о покоренном племени или племенах, подобных лакедэмонским илотам[5], в это время вряд ли возможно. Ведь подчиненные племена в основной своей массе продолжали жить прежним укладом, и зависимость их от победителей выражалась в известных повинностях, прежде всего, в уплате дани.

Вполне возможно, что в число повинностей, возложенных на племена, зависевшие от царских скифов, входило доставлять рабов через определенные промежутки времени. Подобные повинности засвидетельствованы Геродотом[6] для колхов и их соседей, обитавших к югу от Кавказского хребта; раз в четыре года они были обязаны доставлять персам τὰ δῶρα, состоявшие из сотни мальчиков и сотни девушек (ἑκατὸν παῖδες καὶ ἑκατὸν παρθένους).

Таким образом, скорее всего, комплектовались у царских скифов слуги (θεράποντες) басилевса. Об этих слугах Геродот[7] говорит, что они природные скифы и служат (θεραπεύουσι) по приказу басилевса, подчеркивая при этом, что покупных (ἀργυρώνητοι) рабов у скифов нет вовсе. Эти θεράποντες скифских басилевсов, нужно думать, представляли собою не только личных слуг и отчасти телохранителей, но также были пастухами многочисленных стад, составлявших основу хозяйства кочевых скифов и главное богатство их знати.

---

[1] Strab., VII, 4, 6.
[2] Herod., IV, 20.
[3] А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1935, стр. 3 и сл.
[4] Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 10 и сл.
[5] Кстати сказать, подобное предположение обязывало бы нас признать наличие у скифов классового общества и государства уже в описании Геродота. Между тем, это трудно согласовать с рассказом Геродота о войне Дария со скифами, где последние выступают, скорее, как союз племен, чем государство.
[6] Herod., III, 97.
[7] Herod., IV, 72.

Отмечая несомненно большое [1] количество слуг скифских басилевсов — ферапонтов, поставлявшихся, вероятно, в качестве «даров» — δῶρα подчиненными скифскими племенами, мы не имеем каких-либо признаков поголовного подчинения в повседневной жизни этих покоренных племен царским скифам.

Помимо служивших басилевсам многочисленных ферапонтов, можно считать надежно засвидетельствованным наличие домашних рабов у рядовых скифов. Эти рабы (δοῦλοι), судя по словам Геродота [2], обычно были военнопленными. Отец истории сообщает нам также, что скифы ослепляли всех захваченных в плен и заставляли их взбалтывать молоко в деревянных сосудах. Не говоря уже об искалечении рабов, подобное использование рабского труда свидетельствует о весьма скромной роли его в хозяйстве основного массива скифского населения. Как это отметил еще Геродот, такое обращение с рабами у скифов во многом определялось кочевым образом жизни последних, весьма затруднявшим широкое использование труда рабов, особенно недавно утративших свободу.

Так же термином δοῦλοι называет Геродот [3] рабов в известном рассказе о том, как с ними вступили в связь скифянки во время длительного отсутствия их мужей. Последующее повествование о восстании сыновей рабов и скифянок, подавленном скифами не оружием, а нагайками, если даже и отражает реальные события, то в настолько искаженной, уже совершенно сказочной форме, что по этому поводу возможно высказывать лишь одни догадки. В силу этого, как ни заманчиво было бы исследовать это свидетельство о первом рабском выступлении в Северном Причерноморье, нам представляется более надежным не производить попыток вскрыть то рациональное зерно, которое, возможно, имеет место в рассказе Геродота.

К более позднему времени — первой четверти IV в. до н. э.— относится свидетельство Гиппократа [4] о том, что домашние рабыни (αἱ οἰκέτιδες) скифов, в отличие от скифянок, ведут трудовую жизнь. Значительно меньший интерес представляет повторение Полиеном [5] упомянутого рассказа Геродота о связи скифянок с рабами. Последних Полиен называет домашними рабами (τοῖς οἰκέταις). В дальнейшем, повествуя о том, как эти рабы стройными рядами с оружием в руках выступили против своих господ, Полиен применяет термин: δοῦλοι.

Подводя итоги нашему небольшому очерку, мы приходим к выводу, что в V в. до н. э. рабство у скифов было еще сравнительно мало развито и имело довольно примитивные формы. Только хозяйство племенных вождей—басилевсов велось руками рабов-ферапонтов, доставлявшихся в качестве δῶρα зависимыми, вероятно, главным образом, кочевыми племенами. У рядовых же скифов рабов, видимо, было мало; эти рабы были военнопленными из числа как номадов, так и оседлых земледельцев. Труд таких рабов в производстве основной массы скифского населения применялся, видимо, весьма незначительно. Вероятно, в основном это были лишь домашние рабы. Данных о наличии рабства, основанного на поголовном порабощении одного племени другим подобно спартанским илотам, у нас не имеется.

В дальнейшем, в IV в. до н. э., помимо прежних источников рабства в Скифии, могли появиться еще и другие. В это время у скифов наблюдается значительное имущественное неравенство, о чем говорит

[1] Herod., IV, 71—72.
[2] Herod., IV, 2.
[3] Herod., IV, 1 и 3.
[4] Hippocr., De aere, 28.
[5] Polyaen., Strat., VII, 44, 2.

Гиппократ [1], упоминающий о скифских богачах и бедняках [2]; последние, по словам этого автора, не имели даже верховых лошадей. Не менее красноречиво свидетельствуют о сильнейшей экономической дифференциации и грандиозные царские курганы с их богатейшим погребальным инвентарем.

Обеднение значительной части рядового скифского населения, вероятно, приводило к неполноправию последнего и могло создать предпосылки и для внутреннего закабаления.

Показательно свидетельство Фронтина [3] об imbellis turba, т. е. невооруженной массе пастухов и земледельцев, которые сопровождали войско Атея во время войны с трибаллами. Вряд ли в этой массе людей следует видеть только служителей самого Атея. Это, несомненно, порабощенные отчасти земледельцы, отчасти кочевники, принуждаемые к участию в походе в качестве своего рода обозной прислуги.

Афиней [4] сохранил нам в высшей степени интересное свидетельство ученика Аристотеля — Клеарха из Сол о жестокости, с которой скифы обращались со своими рабами. Он говорит, что рабское служение у них ни для кого не было бесслезным (οὐδένων ἀδακρυς ἡ τῆς δουλείας ὑπουργία). Такое тяжелое положение рабов обычно свойственно не патриархальному строю, а развитым рабовладельческим отношениям.

Иную картину можно наблюдать у некоторых других, нескифских племен Северного Причерноморья. Так, по свидетельству Геродота [5] тавры убивали пленных. Судя по словам Аппиана [6], близкие обычаи первоначально были у ахайев, обитателей северо-восточного побережья Черного моря. Это позволяет заключить, что рабство и работорговля у тавров и ахайев появились значительно позднее, чем у скифов. Свидетельствуя о различном социально-экономическом уровне развития названных горных и степных племен, это обстоятельство полностью подтверждает слова Геродота [7], рисующего нам скифов значительно более передовыми, чем другие обитатели побережья Понта.

Если различие в уровне развития отдельных племен Северного Причерноморья имело место еще во времена Геродота, то в дальнейшем оно еще более усилилось в результате неравномерности темпа развития отдельных областей северного побережья Понта. В силу этого происходят большие сдвиги, местами особенно значительные. Во второй половине V в. до н. э. возникает государство у синдов, о чем свидетельствует чеканка серебряной монеты, как это предполагал еще С. А. Жебелев [8]. Археологические работы последних лет в северо-западной части Синдики [9], показавшие

---

[1] Hippocr., De aere, 30.

[2] Их иногда именуют «восьминогими», следуя Лукиану (Lucian, Scytha, 1), который упоминает о толпе простых скифов, каковы так называемые восьминогие (οἱ ὀκτάποδες καλούμενοι), владеющие только парой волов и повозкой. Нам представляется более осторожным не применять этот термин, коль скоро, несомненно, значительно лучше осведомленный Гиппократ дает совершенно иную характеристику скифских упряжек (Hippocr., De aere, 25).

[3] Front., II, 4, 20.

[4] Athen., Dipnos., XII, 27 (Латышев, SC, I, 628).

[5] Herod., IV, 103.

[6] App., Mithr., 102.

[7] Herod., IV, 46.

[8] С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. Изв. АН СССР, Отд. общ. наук, 1934, № 8, стр. 595.

[9] Б. Д. Блаватский. Синдская археологическая экспедиция 1951 г. Вестник АН СССР, 1951, № 10, стр. 67 и сл.; его же. Первый год работ Синдской экспедиции. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 71 и сл.; его же. Второй год работ Синдской экспедиции. КСИИМК, 51, 1953, стр. 149 и сл.

самые тесные экономические связи этой области с античным миром в данный период, полностью подтвердили это предположение. По своему характеру находки в синдских поселениях V—IV вв. до н. э. ничем существенным не отличаются от таковых в античных населенных пунктах, свидетельствуя о хозяйственной близости тех и других [1]. Это, в свою очередь, заставляет думать об известной близости в социальной структуре, тем самым также наводит на мысль о наличии классового общества у синдов. Естественно считать это общество рабовладельческим. Однако о том, какие формы имело рабовладение у синдов, мы не можем сказать ничего достоверного. Сомнительно, чтобы в Синдике могло иметь место порабощение основной массы земледельческого населения завоевателями, подобно тому, как это было с илотами в Спарте или с пенестами в Фесалии. Скорее мы можем предполагать, что в этой, по преимуществу сельскохозяйственной, стране классовые отношения формировались путем отделения сильно разбогатевшей племенной знати от основной массы рядовых общинников. При этом некоторую, но отнюдь не главную, роль, видимо, играл приток чужеземных рабов, захваченных в результате войн. Вероятно, имело место и внутреннее закабаление обедневших общинников. В общем возможно, что социальный строй Синдики V в. до н. э. был в известной мере близок таковому в досолоновской Аттике.

Выше мы уже упоминали о том, что в IV в. до н. э. рабство у скифов, видимо, получило как более широкое распространение, так, вероятно, и более развитые формы, что и привело к возникновению государства у скифов. В дальнейшем развитие рабовладения и увеличение числа рабов у скифов, видимо, способствовало уменьшению количества свободных. Об этом мы можем заключить, исходя из вероятной немногочисленности войска Палака во время генерального сражения его с армией Диофанта. Сопоставляя свидетельство Страбона [2] с данными херсонесского декрета [3] в честь Диофанта, как нам кажется, можно примерно определить число скифов в войсках Палака. Оно было сравнительно небольшим, вряд ли много более 10 000, самое большее — 15 000 человек [4]. Такое сокращение числа свободных скифов вряд ли можно объяснять только внешними факторами: захватом сарматами значительной части Скифии и истреблением ее населения. Нужно думать, что не меньшую роль играли и процессы внутреннего развития скифского общества, приводившие к росту рабовладения и уменьшению числа свободных.

Постепенное развитие социально-экономических отношений мы можем наблюдать не только у самых передовых племен Северного Причерноморья, но также и у более отсталых. Так, по свидетельству Аппиана[5], ахайи постепенно перешли от поголовного убийства пленных к принесению в жертву лишь немногих, остальные же, очевидно, продавались в рабство. Согласно свидетельству Диодора[6], ахайи, во всяком случае, в конце IV в. до н. э. занимались морским разбоем. В дальнейшем нам еще придется остано-

---

[1] Помимо отмеченных нами тесных экономических связей синдов с эллинским миром, весьма примечателен также облик Семибратнего городища, в первой половине V в. н. э. обнесенного оборонительной стеной античного типа.— Н. В. Анфимов. Раскопки Семибратнего городища. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 242.

[2] Strab., VII, 3, 17.

[3] IOSPE, I², N 352.

[4] Расчеты, на основе которых мы приходим к указанным выводам, см. в нашей статье; «О стратегии и тактике скифов», КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 26 и сл.

[5] App., Mithr., 102. По словам Аппиана, ахайи, по скифскому обычаю, стали приносить в жертву эллинов, попадавших в их руки, сначала всех без разбора, потом только красивейших и, наконец, избранных по жребию.

[6] Diod., XX, 25.

виться на рассказе Страбона [1] о пиратских набегах ахайев с целью захвата различной добычи, в том числе рабов.

Аналогичное явление вероятно, имело место и у тавров, во время Геродота [2], убивавших пленных и не позднее конца IV в. до н. э. обратившихся к пиратству, как это можно заключить по словам Диодора [3]. К II в. до н. э. относится найденная под Симферополем надпись [4], в которой упоминается о занимавшихся морским разбоем сатархеях; последние, судя по данным Птолемея[5], скорее всего, были одним из таврских племен [6].

Менее ясна для нас социальная структура сарматов и других племен, обитавших в Северном Причерноморье в первых веках нашей эры. Летопись Тацита[7] свидетельствует о наличии у сираков большого количества сервициев. Повествуя о событиях 49 г. н. э., Тацит рассказывает, что осажденные в Успе сираки предлагали выдать римлянам десять тысяч сервициев (servitii decem milia). Однако это краткое свидетельство, к сожалению, оставляет открытым вопрос, какого рода люди скрываются под латинским термином servitii. Были ли они по своему положению ближе к рабам, или, что представляется более вероятным, к колонам?

Социально-экономический строй сарматов крайне скудно освещен письменными источниками и в силу этого во многом для нас неясен. Обычно особое внимание исследователей привлекают свойственные сарматам пережитки матриархата. Однако сами по себе такие пережитки мало что значат и могут наблюдаться при весьма развитой социальной структуре. К тому же исследование Б. Н. Гракова [8] показало, что у сарматов в I—II вв. н. э. имели место захоронения покойников вместе с убитыми женами, а следовательно, и матриархат был уже в далеком прошлом. При всяких обстоятельствах, только используя труд многочисленных сервициев, сарматы могли создать и содержать свою тяжелую конницу катафрактариев. Сильные рослые кони, их объездка, сложное оборонительное и наступательное оружие, прекрасная боевая выучка всадников — все это, сделавшее сарматскую конницу несокрушимой военной силой, было совершенно невозможно в условиях мало развитых социально-экономических отношений.

О захвате военнопленных и уводе их в качестве добычи сарматами и аланами говорят Овидий [9] и Иосиф Флавий [10]. Часть этих пленных, вероятно, продавалась, другая, нужно думать, оставалась у сарматов. Дальнейшая судьба последних нам неизвестна. Мы можем только предполагать, что по своему положению они оказывались, скорее, более близкими к колонам, чем к рабам. Кстати сказать, и римляне в рассматриваемую эпоху иногда превращали целые племена в зависимых землепашцев[11].

Господство сарматов в Северном Причерноморье в первых веках нашей эры, нужно думать, привело к тому, что уровень социально-экономического развития всего населения основной части этой территории был примерно одинаков. Этим сарматская эпоха отличается от более раннего времени (V—IV вв. до н. э.), когда резко выступали, с одной стороны, более

[1] Strab., XI, 2, 13.
[2] Herod., IV, 103.
[3] Diod., XX, 25.
[4] IOSPE, I[2], N 672.
[5] Cl. Ptol., III, 6,5.
[6] См. также Strab., VII, 4,2.
[7] Tacit., Annal., XII, 17.
[8] Б. Н. Граков. Γυναικοκρατούμενοι. ВДИ, 1947, № 3, стр. 119 и сл.
[9] Ovid., Trist., III, 10, 55 и сл.; IV, 1, 82.
[10] Fl. Joseph., Bell., VII, 4, 3 и 7, 4.
[11] CIL, XIV, 3608.

передовые, с другой стороны, более отсталые племена. Так, к передовым принадлежали синды и скифы, ко вторым — тавры и ахайи.

О весьма развитых классовых отношениях у сарматов, во всяком случае, к началу IV в. н. э. свидетельствует, к сожалению, очень краткое известие о восстании у них рабов. Об этом событии упоминается в труде Анонима Валезия [1], где мы читаем: servi Sarmatorum adversum omnes dominos rebellarunt. Это событие, вероятно, нужно поставить в связь со скоплением огромного количества пленных, приводившихся сарматами после успешных войн с римской империей и другими соседями.

* * *

Обратимся теперь к античным государствам на северном побережье Понта. Рабовладельческий характер этих государств не подлежит сомнению и вряд ли нуждается в доказательствах. Обычная социальная структура античного полиса с ее тремя основными группами населения: 1) полноправными гражданами, 2) политически бесправными свободными (ξένοι = = чужеземцы) и 3) рабами,— была свойственна и припонтийским полисам. Она четко выступает в свидетельстве Макробия [2] об Ольвии, во время осады ее полководцем Александра Македонского Зопирионом. Макробий упоминает: 1) о гражданах, именуя их борисфенитами (Borysthenitae), 2) о не имевших политических прав «иностранцах» (peregrini) и 3) о рабах (servi).

Дошедших до нас свидетельств о рабах в северо-понтийских государствах сравнительно немного: это указания древних авторов и эпиграфических документов.

Кратко остановимся на основных свидетельствах.

Демосфен [3] упоминает в своей речи против Лакрита о полевых рабочих одного землевладельца (τοῖς ἐργάταις τοῖς περὶ τὴν γεωργίαν) в Феодосии, для продовольствия которым перевозилось из Пантикапея 80 амфор прокисшего косского вина и соленая рыба.

По мнению С. А. Жебелева [4], в этих эргатах следует видеть наемных рабочих; В. В. Струве [5] выдвинул предположение, что они были рабами. Исходя из характера продовольствия, закупленного для эргатов (80 амфор вина и 11—12 амфор соленой рыбы), отвечающего (вместе с хлебом) обычному рабскому пайку, мы склонны присоединиться [6] к предположению В. В. Струве и считать феодосийских эргатов рабами.

Повествуя о событиях последних десятилетий IV в. до н. э., Диодор [7] сообщает, что Сатир никому из своих подданных, ни рабу, ни свободному (οὔτε δοῦλον οὔτ' ἐλεύθερον), не позволял носить имя Μῦς.

В этот период — ранних Спартокидов (IV в. до н. э.) — социально-экономическая структура Боспорского государства, видимо, была довольно сложной. Приведенное выше свидетельство Демосфена [8] позволяет высказать предположение, что в районе Феодосии существовали тогда типично античные рабовладельческие хозяйства средних размеров, в которых

[1] Origo Constant. imp., 6, 32 (Латышев, SC, II, 310).
[2] Macrob., Saturn., I, 11, 33.
[3] Demosth., adv. Lacr., 31.
[4] С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 597.
[5] В. В. Струве. Восстание Савмака. ВДИ, 1950, № 3, стр. 38.
[6] Подробнее мы останавливаемся на этом вопросе в нашей работе «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья», М., 1953, стр. 169 сл.
[7] Diod., XX, 25.
[8] Demosth., adv. Lacr., 31.

было примерно два десятка рабов-землепашцев[1]. Сообщение Диодора о произведенном Евмелом наделении землей тысячи каллатийских переселенцев показывает наличие на Боспоре в конце IV в. до н. э. свободных производителей-земледельцев, нужно думать, вместе с тем являвшихся, хотя бы отчасти, мелкими рабовладельцами, подобными аттическим крестьянам, красочно описанным в комедиях Аристофана. Далее нужно упомянуть о племенах, обитавших на Таманском полуострове и низовьях Кубани (синдах, торетах, дандариях, псессах). Судя по данным эпиграфики[3], они вошли в состав Боспорского государства при Левконе I, по всей видимости, долго сохраняя свой внутренний уклад и свои этнические различия. Выше мы уже высказывали предположения о том, какие формы могло принять классовое общество у синдов. Нужно думать, что аналогичное деление на родовую знать и основную массу полупорабощенного земледельческого населения должно было иметь место и у других племен азиатского Боспора.

В городах Боспора, имевших обычный социально-экономический строй эллинских полисов, в это время ремесло, во всяком случае в ряде отраслей, достигло весьма значительного развития (керамика, торевтика, костерезное дело, каменотесное и др.) и приобрело ярко выраженный характер товарного производства. По всей видимости, эргастерии, где производились такие товары, например, мастерские, изготовлявшие кровельную черепицу[4], обслуживались, во всяком случае в основном, трудом рабов.

Все это заставляет полагать, что в IV в. до н. э. Боспорское государство в социально-экономическом отношении отличалось разнохарактерностью входивших в него элементов, подобно тому, как это имело место в более поздних эллинистических монархиях. Там мы наблюдаем и вполне развитые формы рабства (аналогичные тем, которые имели место в классическом полисе) в хозяйствах различных размеров, и значительно более примитивные формы порабощения, возможно, типа аттических «шестидольников». Намечаемая нами картина некоторой пестроты социально-экономического строя Боспора является своеобразной параллелью тому положению, которое в это время существовало у местных племен всего Северного Причерноморья, на различии уровня развития которых мы уже подробно останавливались выше.

К рассматриваемому времени относится свидетельство Макробия[5] об осаде Ольвии Зопирионом. В числе чрезвычайных мероприятий, которые провели ольвиополиты, чтобы отстоять свой город, было освобождение рабов (servis libertatis dutaque, говорит Макробий). Это мероприятие позволяет заключить о большом числе и, может быть, ненадежности ольвийских рабов.

К III в. до н. э. относится первое из известных нам крупное рабское движение на северном Понте. Обычно ему уделяется мало внимания, ибо его заслоняют более грандиозные события конца II в. до н. э. Мы имеем в виду свидетельство ольвийского декрета[6] в честь Протогена, что враги (галаты и скиры) «совратили» всех рабов (τὴν οἰκετείαν ὅπασαν). Как показывает термин οἰκετεία, здесь идет речь, по преимуществу, о

[1] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, стр. 170.

[2] Diod., XX, 25.

[3] IOSPE, II, № 6, 344; Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 57 и сл. Ср. IOSPE, II, № 343.

[4] Б. Н. Граков. Эпиграфические документы парского черепичного завода в Пантикапее. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 210.

[5] Macrob., Saturn., I, 11, 13.

[6] IOSPE. I². № 32. B. 15—16.

домашних рабах ольвиополитов. Характер этого первого рабского выступления был сравнительно пассивным. Оно приняло форму массового бегства от господ к их врагам, подобно известному движению рабов в Аттике во время Пелопоннесской войны, выразившемуся в бегстве их к спартанцам, в Декелею.

Значительно меньше говорят доступные нам источники о рабстве в Херсонесе. Рабовладельческий характер сельского хозяйства на Гераклейском полуострове достаточно отчетливо выступает в типах укрепленных усадеб с возможными эргастулами; о том же говорят и размеры клеров, которые никак не могли обрабатываться трудом их владельцев [1]. Иных данных о рабстве в Херсонесском государстве в первые века его существования нам не удалось выявить. Дальнейшие материалы относятся к более позднему времени. Нужно думать, что с наличием известного числа рабынь-гетер[2] связано существование πορνεῖα Херсонеса. Подати с них давали довольно значительные доходы, о чем мы знаем по известной переписке о τέλος πορνικόν, имевшей место в 185—186 гг. н. э. по свидетельству одной из дошедших до нас херсонесских надписей [3].

Во II в. до н. э. в северо-понтийских государствах рабовладение приняло широкий размах. Это создало возможность, в условиях кризиса конца II в. до н. э. для успешного восстания рабов на Боспоре, осуществленного под руководством Савмака.

Боспорское восстание Савмака вплетается в серию рабских восстаний во второй половине II в. до н. э., а именно Андриска во Фракии и Македонии (149—148 гг. до н. э.), Евна в Сицилии (138—132 гг. до н. э.), Аристоника в Пергаме (132—129 гг. до н. э.). Наконец, эти выступления рабов завершает грандиозное восстание Спартака. Все эти события наглядно показывают, что устои рабовладельческого общества в рассматриваемый период заколебались, как в Средиземноморье, так и в Северном Причерноморье.

Названные движения, несомненно, были одной из причин последующего изменения рабовладельческих государств, усиления единоличной власти боспорских царей и возникновения империи в Риме.

После подавления восстания Савмака войсками Диофанта последовало восстановление рабовладельческого строя на Боспоре. Нужно думать, что в 60-х годах I в. до н. э. количество рабов было уже значительным. По свидетельству Аппиана [4], Митридат, готовясь к последней схватке с Римом, набирал там войска как из свободных, так и из рабов (ἐλευθέρων τε καὶ δούλων).

Рабство продолжало существовать на Боспоре и в первых веках нашей эры. Однако так же, как и в Средиземноморье, оно постепенно утрачивает свое значение, о чем наглядно свидетельствуют дошедшие до нас относительно многочисленные боспорские манумиссии. Ниже мы еще вернемся и более подробно остановимся на большей части этих памятников, здесь же ограничимся только указанием, что их нам известно 14 [5]. Они

---

[1] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, стр. 162 и сл.

[2] O. Navarre. Meretrices. Daremberg, Saglio et Pottier. Dictionnaire des antiquités. Paris, 1904, III, 2, стр. 1825.

[3] IOSPE, I², N 404.

[4] App., Mithr., 107.

[5] Нам известно тринадцать опубликованных до сего времени манумиссий: IOSPE, II, № 52, 53, 54, 364, 400, 401; IV, № 204; В. В. Латышев. Эпиграфические новости из южной России. ИАК, вып. 27, 1908, стр. 38 и сл., № 34; его же. Эпиграфические новости из южной России (Находки 1909 и 1910 гг.). ИАК, вып. 37, 1910, стр. 74 и сл., № 8; В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1911 году. ИАК,

происходят из Пантикапея, Фанагории и Горгиппии, относясь к периоду времени от 16 г. н. э. до 229/230—232/233 гг. н. э. К названным манумиссиям следует добавить еще три пантикапейские надгробные надписи вольноотпущенника и вольноотпущенниц, датируемые сарматским временем, о которых мы будем говорить ниже [1].

Можно предполагать, что отпуск рабов на волю в Боспорском государстве, так же как и в Средиземноморье, был теснейшим образом связан с постепенным вытеснением рабского труда трудом лично свободных, но прикрепленных к земле земледельцев (каковыми были колоны в Римской империи).

Фанагорийская надпись [2], датированная 151 г. н. э., свидетельствует о том, что царь Тиберий, Юлий Рымиталк подарил храму богини (Афродиты Апатуры) землю и пелатов (πελάται), вероятно, представлявших собою прикрепленных к земле хлебопашцев.

Нужно думать, что такие пелаты постепенно вытеснили рабов в сельском хозяйстве Боспора; последнее, по свидетельству Аммиана Марцелина[3], в позднеантичную эпоху приобрело исключительное значение в экономике Северного Понта. Это, кстати сказать, подтверждается и археологическими данными, показывающими рустификацию городов в рассматриваемый период.

Такова в общих чертах картина рабства в античных государствах Северного Понта. Учитывая ее, мы можем яснее представить источники рабства для этих государств.

* * *

Не приходится говорить о том, что такие примитивные формы воспроизводства рабской массы, как «дары» — τα δῶρα [4], доставлявшиеся колхами персам, не были возможны в условиях гораздо более развитых социально-экономических отношений античного общества.

В числе основных источников рабства следует назвать войны, которые в условиях рабовладельческого общества иногда трудно резко отграничить от пиратства. Таков, например, поход Ариарамна, имевший место в конце VI в. до н. э., о котором сообщает Ктесий [5]. Согласно свидетельству последнего, Дарий приказал каппадокийскому сатрапу Ариарамну отправиться против скифов для захвата в плен мужчин и женщин (ἄνδρας καὶ γυναῖκας αἰχμαλωτίσαι). Ариарамн отбыл с тридцатью пентеконтерами и захватил полон в Скифии.

Захват значительного количества рабов имел место в результате войны македонского царя Филиппа II со скифским царем Атеем. По словам Павла Оросия [6], разбив Атея, Филипп захватил в плен 20 000 скифских мальчиков и женщин (XX milia puerorum ac feminarum Scythicae gentis capta).

вып. 45, 1912, стр. 10 и сл., № 2; его же. Боспорские надписи, найденные в 1912 году. ИАК, вып. 49, 1913, стр. 64 и сл.; Н. И. Новосадский. Неизданная надпись Темрюкского музея. Доклады АН СССР, 1930, № 12, стр. 224 и сл.; Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 66 и сл., V.

Четырнадцатая манумиссия, находившаяся до войны в Анапском музее и затем пропавшая, в ближайшем будущем будет издана Т. В. Блаватской.

[1] IOSPE, II, № 129; В. В. Латышев. Эпиграфические находки из южной России (Находки 1901—1903 годов). ИАК, вып. 10, 1904, стр. 75 и сл., № 84.

[2] IOSPE, II, № 353.

[3] Ammian., Marc., XXII, 8, 32.

[4] Herod., III, 97.

[5] Ctes., § 18.

[6] Oros., III, 13.

Разумеется, захваты полонов Ариарамном и Филиппом II [1] пополняли кадры рабов в Малой Азии и на Балканском полуострове. Однако аналогичные войны, сопровождавшиеся захватом пленных, обращаемых в рабство, имели место и в северо-понтийских государствах. С наибольшей определенностью говорит об этом Диодор [2], описывая войну между сыновьями боспорского царя Перисада — Сатиром и Евмелом, имевшую место в 309 г. до н. э. По словам названного историка, во время этой войны Сатир, вторгшись в страну союзников Евмела — фатеев, опустошил ее и сжег селения, в которых захватил много добычи, в том числе пленных, обращенных им в рабов (αἰχμάλωτα σώματα).

Далее нам уже доводилось упоминать о свидетельствах древних авторов, сообщающих о захвате военнопленных в рабство сарматами и аланами.

Овидий [3] в своих Тристиях красочно описывает набеги сарматов, конных лучников, которые захватывают скот, различное имущество поселян, а их самих убивают или уводят со связанными за спиной руками. В другой песне тот же поэт [4] говорит о захваченном в плен, которого ведут с колодкой на шее.

Иосиф Флавий [5] сообщает, что аланы (τὸ τῶν Ἀλανῶν ἔθνος), которых он называет частью скифов, обитающих около Танаиса и Меотского озера, победив мидян и армян, опустошили эти страны и вернулись домой с захваченной там различной добычей, в том числе большим количеством пленных (πλῆθος ἀνθρωπων).

Такой же увод полона производился и готами, вторгнувшимися в Северное Причерноморье в позднеантичную эпоху. По свидетельству Дексиппа [6], скифы, называемые готфами (Γόθοι) [7], в правление Декия (249—251 гг. н. э.) в большом количестве переправились через Истр и после целого ряда событий возвратились домой с различной добычей, в том числе с множеством пленных (πλείστων αἰχμαλώτων).

Далее, у того же Дексиппа мы находим сообщение о том, что при осаде Филиппополя «скифы» придумали перебить ненужный вьючный скот и тех пленных, которые были отягощены или болезнью или старостью (τῶν αἰχμαλώτων ὅσοι ἢ νόσῳ ἢ χρόνῳ διὰ γῆρας ἐκακοπάθουν) [8].

Вторым и не менее важным, чем война, источником рабства для античного общества было пиратство, очень сильно развитое в древности. Какой размах могло приобретать пиратство в те времена, достаточно красноречиво говорит знаменитая война Рима с пиратами, потребовавшая огромного напряжения сил могущественного государства.

О том, что корабли обитателей побережий Эгейского моря еще в древнейшие времена проникали в Понт с целью пиратства, прежде всего свидетельствуют эллинские мифы о походе Аргонавтов в Колхиду. По словам Страбона [9], Эратосфен, отметивший, что древнейшие народы плавали вдоль берегов с целью грабежа или торговли, отнес к числу таких экспедиций поход Ясона.

---

[1] Как известно, Филиппу II не удалось доставить свою добычу в Македонию, ибо по пути он потерпел поражение от трибаллов (Iust., IX, 3).

[2] Diod., XX, 23.

[3] Ovid., Tristia, III, 10, 55 и сл.

[4] Ovid., Tristia, IV, 1, 82.

[5] Fl. Joseph., Bell. VII, 4, 7.

[6] Dexippus, fr. 16a.

[7] Это указание Дексиппа интересно сравнить со свидетельством Плиния о том, что имя скифов повсюду переходит в имена сарматов и германцев (Plin., IV, 80).

[8] Dexippus, fr. 19.

[9] Strab., I, 3, 2.

Однако пиратство на Черном море имело место не только в древнейшие времена. Описывая правление боспорского царя Евмела, Диодор [1] рассказывает, что для защиты плавающих по Понту он вступил в войну с «варварами», обыкновенно занимавшимися пиратством (πρὸς τοὺς λῃστεύειν εἰωθότας βαρβάρους), — гениохами, таврами и ахайями и в результате этой борьбы очистил море от пиратов.

Несколько позднее, во II в. до н. э., с пиратами приходилось бороться скифскому государству. Об этом свидетельствует найденная под Симферополем (в древнем Неаполе) надпись Посидея, сына Посидеева [2]. Названный грек, видимо, родосский моряк, очевидно, состоял на службе у скифов. Надпись представляет посвящение Ахиллу, владыке острова (т.е. Левки) по случаю победы Посидея над пиратствовавшими (πειρατεύσαντ [ας]) сатархеями.

Исключительные ценные сведения о пиратстве на Черном море мы находим у Страбона [3]. Описывая северо-восточное побережье Понта, древний географ нам сообщает, что за Синдикой и Горгиппией находится побережье ахайев, зигов и гениохов (Ἀχαιῶν καὶ Ζυγῶν καὶ Ἡνιόχων), по большей части лишенное гаваней и гористое. Обитатели этих тесных и скудных местностей [4] ведут разбойничью и кочевую жизнь. Находятся они под властью скептухов (Σκηπτούχων), которые, в свою очередь, подчинены тиранам или парям [5].

Рассказывая об этих племенах, живущих пиратством (τῶν κατὰ θάλατταν λῃστρίων), Страбон [6] сообщает, что они имеют ладьи (καμάραι), поднимающие 25, редко 30 человек. На этих ладьях они господствуют на море. Кроме того, высадившись на чужом берегу и спрятав камары, они бродят по стране в ночное и дневное время для захвата людей в рабство (ἀνδραποδισμοῦ χάριν). Захваченное они охотно возвращают за выкуп.

В местностях, где имеются династы, потерпевшие находят помощь у своих вождей (τῶν ἡγεμόνων). Последние часто, в свою очередь, нападают на пиратов и захватывают камары с людьми. Области, находящиеся в подчинении у римлян, более беспомощны вследствие нерадения присылаемых Римом правителей.

Особенно интересно следующее указание Страбона. Случается, что этим пиратам содействуют властители Боспора (οἱ τὸν Βόσπορον ἔχοντες). Они предоставляют пиратам стоянку (ὅρμος) и рынок (ἀγορά) для продажи награбленного. Таким образом, видно, что боспорская работорговля, во всяком случае иногда, имела своим источником пиратскую добычу прибрежных обитателей северо-восточного Причерноморья. Эта страница истории Боспора весьма показательна для характеристики социально-экономических условий, в которых могло существовать рабовладельческое общество. Интересы античных государств побуждали их, с одной стороны, бороться с пиратскими грабежами, с другой стороны, прибегать к тем же пиратам, как к поставщикам необходимых рабочих рук—рабов.

Пиратство с целью захвата различного имущества и людей в рабство, видимо, было весьма распространенным и постоянным явлением в античном обществе. Так, например, по словам Фукидида [7] можно заключить,

---

[1] Diod., XX, 25.
[2] IOSPE, 1², № 672.
[3] Strab., XI, 2, 12.
[4] Strab., XVII, 3, 24.
[5] Strab., XI, 2, 13.
[6] Strab., XI, 2, 12.
[7] Thuc., II, 69, 1; III, 51, 2; IV, 9, 1.

что во время Пелопоннесской войны обе стороны пользовались пиратскими кораблями. Понтийский царь Митридат Евпатор, как об этом рассказывает Аппиан[1], отнюдь не чуждался сотрудничества с пиратами.

Одной из привилегий, дававшихся в метрополии проксенам, была ἀσυλία — гарантия неприкосновенности во время войны и мира[2].

Весьма показательно, что на Северном Понте в числе привилегий проксенам мы постоянно наблюдаем предоставление права «входа и выхода из гавани, во время войны и мира, не подвергаясь разграблению, без особого перемирия» (εἴσπλουν καὶ ἔκπλουν ἐμ πολέμωι καὶ ἐν εἰρήνηι ἀσυλεὶ καὶ ἀσπονδεί). Таких проксений нам известно около двух десятков. Перечислим их.

Ко второй половине IV в. до н. э. относится боспорская проксения[3], данная Перисадом Первым с его сыновьями Дионисию пирейцу.

К IV в. до н.э. относятся четыре ольвийских проксении. Одна[4] — в честь Хайригена, сына Метродора, месембрийца и его потоков, две другие[5] дошли в обломках, на которых не сохранились имена награждаемых, четвертая надпись[6], найденная в Херсонесе, была декретом ольвиополитов, очевидно, в честь херсонесца, имя которого полностью сбито.

Два ольвийских декрета датируются III веком до н. э.: один о даровании проксении Навтилу, сыну Пасиада, каллатийцу[7]. От другой надписи до нас дошел только обломок, на котором не сохранилось имя проксена[8].

Особенно же многочисленны херсонесские декреты в честь проксенов, главным образом, относящиеся к первым векам нашей эры. III веком до н. э. датируется надпись о даровании проксении Тимагору, сыну Никагора, родосцу[9]. Плохо сохранился декрет[10] в честь проксена, относящийся к концу II в. до н. э. Также неудовлетворительна по сохранности надпись о предоставлении проксении Корнелию Пуденту[11], датируемая примерно временем императора Августа.

Приблизительно к I в. н. э. относятся декреты в честь Фрасимеда, сына Фрасимеда, гераклейца[12] и Фарнака, сына Фарнака, амастрийца[13]. Примерно II веком н. э. датируются надписи о даровании проксении Гаю Евтихиану синопцу[14] и, вероятно, Деметрию гераклейцу[15]. Наконец, римским временем датируются еще четыре херсонесских декрета[16] о проксении.

Перечисленные эпиграфические памятники позволяют считать, что боспорские, ольвийские и херсонесские корабли нередко занимались пиратством. Это наблюдение перекликается с рассматривавшимся выше свидетельством Страбона о причастности боспорских правителей к пиратской торговле.

Однако нужно думать, что в большинстве случаев захват людей в рабство посредством пиратства или войн осуществлялся не теми именно по-

---

[1] App., Mithr., 78, 92.
[2] P. Monceaux. Proxenia. Daremberg et Saglio. Dictionnaire des Antiquités, IV, 1, стр. 738.
[3] IOSPE, II, № 1.
[4] IOSPE, I², № 20.
[5] IOSPE, I², № 22 и 23.
[6] IOSPE, I², № 21.
[7] IOSPE, I², № 27.
[8] IOSPE, I², № 28.
[9] IOSPE, I², № 340; IV, № 64.
[10] IOSPE, I², № 349; IV, № 70.
[11] IOSPE, I², № 356 (второй декрет в честь того же лица — I², № 697).
[12] IOSPE, I², № 357.
[13] IOSPE, I², № 358; IV, № 66.
[14] IOSPE, I², № 364.
[15] IOSPE, I², № 359.
[16] IOSPE, I², № 365, 376, 377, 378.

лисами, которым были нужны рабы, а специализировавшимися в этом деле общинами, нередко со слабо развитым рабовладением. Так, в III—II вв. до н. э. в деле добычи рабов в восточном Средиземноморье [1] большую роль играли этоляне [2], иллирийцы [3], критяне [4].

Аналогичное место в Причерноморье, как мы уже отмечали, принадлежало ахайям, зигам и гениохам [5]. Добытые пиратами рабы поступали на рабские рынки, снабжавшие рабочей силой страны с сильно развитым рабовладением.

Таким образом, мы подходим к весьма распространенному в большинстве античных полисов источнику рабства — покупке со стороны. Продажа рабов из припонтийских стран и, в частности, из Скифии в Грецию, несомненно, имела место еще в VI в. до н. э. Об этом свидетельствуют, очевидно, рабские имена Колха и Скифа, засвидетельствованные надписями на аттических вазах [6]. Однако у нас нет никаких оснований полагать, что торговля скифскими рабами в это время имела сколько-нибудь широкие масштабы. В несколько большем числе скифские рабы стали ввозиться в Аттаку в V в. до н. э., начиная с событий после второй греко-персидской войны, когда афиняне сразу приобрели триста скифов [7]. Однако и в это время число северо-понтийских рабов было довольно ограничено; к тому же мы не всегда можем быть уверены [8] в том, что все прибывавшие с Понта скифские стрелки были рабами, а не свободными наемниками.

Итак, приведенные факты не дают оснований для заключения о большой роли Северного Причерноморья в доставке рабов на средиземноморские рынки. К середине II в. до н. э. относится в высшей степени важное свидетельство Полибия [9] об экономических связях Причерноморья со Средиземноморьем. Полибий сообщает, что окружающие Понт страны доставляют из предметов первой необходимости скот и огромное количество бесспорно отличнейших рабов (καὶ τὸ τῶν εἰς τὰς δουλείας ἀγομένων σωμάτων πλῆθος), а из предметов роскоши — мед, воск и соленую рыбу. Относительно приведенного свидетельства древнего историка следует заметить, что упоминаемые им окружающие Понт страны вовсе не обязательно связывать только с северным побережьем Черного моря, ибо отнюдь не с меньшим, а, наоборот, даже с бóльшим основанием можно думать о западном и южном побережьях. Малая Азия и Фракия всегда играли значительную роль в доставке рабов в метрополию [10].

К более позднему времени относится в высшей степени важное свидетельство Страбона [11] о Танаисе, который, по словам географа,

---

[1] По вопросу о пиратстве в Средиземноморье в эллинистическую эпоху см. статью Я. А. Ленцман. К вопросу об источниках эллинистического пиратства. ВДИ, 1946, № 4, стр. 219 и сл.

[2] Полибий, сообщающий о деятельности этолийских пиратов, говорит, что этоляне ведут хищнический образ жизни и во всех видят врагов (Polyb., IV, 3—5).

[3] Liv., X, 2, 4.

[4] W. Kroll. Seeraub. Pauly — Wissowa Real-Encyclopädie, стр. 1036 и сл.

[5] Strab., XI, 2, 12.

[6] E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen. Leipzig, 1923, I, стр. 271, 419 и сл.

[7] Надписи об афинских стрелках см. Б. Н. Граков. Материалы по истории, Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939. № 3, стр. 291 и сл., № 71—78.

[8] Так, например, неясно социальное положение лучников, ожидавшихся лесбосцами с Понта, о которых упоминает Фукидид (Thuc., III, 2,2).

[9] Polyb., IV, 38, 4.

[10] А. Валлон. История рабства в античном мире. 1941, стр. 67 и сл.; Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии..., стр. 233 и сл.

[11] Strab., XI, 2, 3.

представляет ἐμπόριον, общий для азиатских и европейских кочевников. Номады приводят в Танаис рабов (ἀνδράποδα), шкуры и другие товары кочевников.

Эпиграфические памятники [1] Дельф, Афин, Эпидавра, Родоса, Фессалоники и других центров греческой метрополии позволяют наблюдать проникновение туда известного числа рабов из северо-понтийских стран. Эти надписи чаще всего представляют собою либо манумиссии, либо эпитафии рабов или вольноотпущенных. Ими засвидетельствован привоз в метрополию рабов и рабынь: скифов [2] (в частности, в III в. до н. э.), меотов [3] (упоминаемых в документах II в. до н. э.), сарматов [4] (отмеченных в памятниках II—I вв. до н. э.). С меньшей ясностью эти надписи говорят о таврах [5].

Все перечисленные упоминания о северо-понтийских рабах и отпущенниках в греческой метрополии эллинистического и раннеримского времени совершенно ничтожны по сравнению со свидетельствами об огромном количестве рабов из других стран, наличие которых надежно устанавливается аналогичными эпиграфическими документами метрополии.

Свидетельства Азиния Квадрата и Синесия позволяют заключить, что проникновение рабов, приобретенных, вероятно, посредством покупки, из Скифии в Средиземноморье имело место и в III—IV вв. н. э.

Так, Дион Кассий [6] сообщает, что император Каракалла вооружил и держал при себе скифов и кельтов не только свободных, но и рабов (οὐ μόνον ἐλευθέρους ἀλλὰ καὶ δούλους).

По свидетельству Синесия [7], в конце IV в. н. э. каждый мало-мальски зажиточный дом имел скифского раба (Σκυθικὸν ἔχει τὸν δοῦλον): и столь-

---

[1] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии..., стр. 231—315. В дальнейших четырех примечаниях мы приводим материалы данной статьи, помещая в скобках номера корпуса Б. Н. Гракова.

[2] Эпиграфические памятники, заключающие упоминания о скифах, представлены относящейся к концу III в. до н. э. эпидаврской посвятительной надписью (№ 81б) Асклепию Скифа (Σκύθας), вольноотпущенника Сосия и тремя родосскими надгробиями: Афродисия (Ἀφροδείσιος) — скифа (№ 116), также Афродисия (Ἀφροδίσιος) — скифа (№ 117) и Каллиопы (Καλλιόπη) — скифянки (№ 118).

[3] О меотских рабах упоминается в дельфийских манумиссиях II в. до н. э. В надписи (№ 91) 181 г. до н. э. говорится об отпуске на волю Агафона (Ἀγάθων) — меота, ценою в $4^1/_2$ мины серебра. Манумиссия (№ 92) 150—140 гг. до н. э. сообщает нам об освобождении Евтаксии (Εὐταξία) — меотки и ее сына Парнасия (Παρνάσιος); цена первой — три, второго — две мины серебра. Менее ясен вопрос о том, кем были рабами или, что более вероятно, отпущенниками, меоты, имена которых сохранились на надгробных надписях: Леттина (Λεττίνης) из Афин (№ 108), Дионосодора (Διονυσόδωρος) с Родоса (№ 113) и Тимона (Τίμων), также с Родоса (№ 114).

[4] Сарматы упоминаются в шести дельфийских манумиссиях II—I вв. до н. э. К 170—157/6 гг. до н. э. относится надпись (№ 97), заключающая сведения об освобождении сарматки Филы (Φίλα), оцененной в 4 мины серебра. В 150—140 гг. до н. э. были отпущены сармат Афродисий (Ἀφροδίσιος) ценою 6 мин серебра (№ 93), сарматка Афродисия (Ἀφροδισία), ценою три мины (№ 94), и, наконец, еще одна сарматка, оцененная в 3,5 мины, имя которой не сохранилось (№ 98). К 140—100 гг относится манумиссия Филократии (Φιλοκράτεια), родом сарматки (№ 95). Временем после 100 г. до н. э. датируется надпись (№ 96) об освобождении сармата Сополия (Σώπολις), ценою в 5,5 мины. Исключительный интерес представляет фессалоникское надгробие (№ 111), поставленное неким Кратером его рабу Андрону (Ἀνδρων) — сармату, двадцати лет. Трудно сказать, рабами или отпущенниками были сармат Гигилионт (Ὑγυλίνων), намогильный памятник которого найден в Афинах (№ 109), и сарматка Афано (Ἀθανώ), погребенная на Родосе (№ 115).

[5] Имя Тавр (Ταῦρος) упоминается среди лучников, павших в сражениях 460—457 гг. до н. э., на одной аттической надписи (№ 73). Возможно, сыном тавра вольноотпущенника был некий Сосикрат, сын Сосикрата, упоминаемый в надписи (№ 82) второй половины I или начала II в. н. э., из Лабадеи в Беотии.

[6] Dio Cass., LXXVIII, 54 (Латышев, SC, I, 623).

[7] Sinesius, De regno, 15 (Латышев, SC, I, 736 и сл.)

ник, и пекарь, и водонос — у каждого скиф; и составляющие свиту, и носящие на плечах низкие складные стульчики —все скифы, говорит этот автор. Необходимо, однако, отметить, что в термине скиф у Синесия отнюдь не следует видеть потомка геродотовских сколотов. В позднеантичное время скифами именовали любые племена Северного Причерноморья.

Не должно думать, что работорговля на Понте носила только односторонний характер доставки рабов из Причерноморья в Средиземноморье. Ряд источников позволяет заключить, что картина была значительно более сложной.

Прежде всего нужно отметить, что торговля рабами имела место внутри Азово-Черноморского бассейна. Клавдий Элиан [1] рассказывает, что купец Дионисий, пробравшийся далее Меотиды, купил там колхидскую девушку (κόρην Κολχον), которую похитили махлии, одно из тамошних племен.

Путем покупки рабы попадали в припонтийские страны, в том числе и на северное побережье, и из Средиземноморья. Рабами в северо-понтийских полисах были не только скифы, тавры, меоты и иные местные обитатели, но также и греки. Так, Афинеем [2] засвидетельствовано пребывание в Ольвии в III в. до н. э. лаконской гетеры Олимпии, очевидно, рабыни, сыном которой был Бион Борисфенит.

Весьма примечательно другое свидетельство того же Афинея [3] о том, что хиосцы, порабощенные (ἐξανδραποδισθέντας) Митридатом, были им переданы в оковах их прежним рабам для отправки в страну колхов. Хотя эту расправу с хиосцами Митридату не удалось [4] осуществить, однако самое намерение весьма показательно.

Наконец, нам следует упомянуть еще об одном, значительно менее важном, чем предыдущие, источнике воспроизводства рабских кадров, а именно о рабах, рожденных в доме господина (verna). К числу таких рабов, нужно думать, принадлежал Савмак, вождь восставших рабов на Боспоре[5] Текст декрета в честь Диофанта [6] гласит, что скифы с Савмаком во главе подняли восстание и убили воспитавшего его (ἐκθρέψαντα αὐτον) [7] боспорского царя Перисада.

Изложенное наглядно показывает, что источники рабства в античных государствах Северного Понта были весьма различными, что должно было приводить к значительной пестроте состава рабов. Нужно думать, что такая неоднородность рабской массы была в интересах рабовладельцев и сознательно ими поддерживалась.

Изложенные нами наблюдения основывались на письменных свидетельствах — древних авторах и эпиграфических памятниках. Значительно труднее для исследования поставленной нами задачи привлечь археологические материалы, а также соответствующие изображения на произведениях искусства.

Работа над археологическим материалом затруднена прежде всего тем обстоятельством, что наши попытки связывать какие бы то ни было вещественные памятники с рабством всегда остаются в значительной мере

---

[1] A e l., fragm. 135 (Л а т ы ш е в, SC, I, 608).
[2] A t h e n., Dipnos., XIII, c. 61.
[3] A t h e n., Dipnos., VI, c. 91.
[4] M e m n., XXXIII, 2.
[5] С. А. Ж е б е л е в. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 65 и сл.
[6] IOSPE, I², № 352, II, Col. 34.
[7] Согласно предположению В. В. Струве, данное место следует восстановить не ἐκθρέψαντα αὐτον, а ἐκθρέψαντα αὐτους (В. В. С т р у в е. Восстание Савмака. ВДИ, 1950, № 3, стр. 29). В таком случае можно думать, что в декрете в честь Диофанта упоминается целая группа скифов-рабов, «вскормленников» царя Перисада.

гадательными. Тем не менее, учитывая это обстоятельство, назовем некоторые археологические памятники, вероятно, связанные с рабами.

Среди таковых прежде всего заслуживает упоминания очень интересный некрополь [1] конца V—III вв. до н. э., раскапывавшийся в Херсонесе Г. Д. Беловым в 1936—1937 гг. Этот некрополь поражает своей бедностью: в большинстве могил вещей совсем не было, в остальных погребальный инвентарь был весьма жалкий; покойников хоронили очень скученно, выкапывая неглубокие могилы. Создается впечатление, что при похоронах стремились избежать не только каких-либо затрат, но даже не находили нужным приложить сколько-нибудь значительный труд. Столь небрежное отношение к праху покойников побудило нас высказать предположение [2] о социально приниженном, скорее всего, рабском положении большей части погребенных на данном некрополе. В полном соответствии с этим предположением находится наблюдаемое в данных могилах различие погребального обряда (скорченное или вытянутое положение костяков, присыпка золой, кости рыб и пр.), что могло быть вызвано неодинаковым этническим составом погребенных, вполне вероятным при рабском состоянии последних.

Выше нам уже приходилось говорить о том, что рабовладельческий характер сельского хозяйства херсонесцев на Гераклейском полуострове с достаточной очевидностью выступает из размеров клеров, требовавших значительного числа рабочих рук. Также вполне вероятно, что херсонесцы пользовались рабским трудом и при постройке укрепленных усадеб на этих клерах. Характер усадебных сооружений позволяет думать, что там могли иметь место и эргастулы. В числе предметов, возможно, связанных с рабством, весьма заманчиво было бы назвать фрагментированное железное кольцо [3], может быть, часть ножных кандалов, найденное при раскопках Фанагории 1939 г. в слое сарматского времени.

Что же касается изображения рабов на памятниках античного искусства Северного Причерноморья, то здесь самое видное место принадлежит рельефным изваяниям боспорских надгробных памятников [4], преимущественно сарматского периода, а также росписям [5] пантикапейских склепов того же времени. Изображенные там рабы и рабыни представляют домашнюю прислугу. Они прислуживают своим пирующим господам или же госпоже, торжественно восседающей на кресле. Более низкий социальный ранг рабов подчеркивается значительно меньшим размером фигур, чем у их господ. Все эти изображения, рисующие быт боспорцев, в сущности, ничего не дают нового для истории рабства на Северном Понте. Все, что мы можем сказать, это только то, что количество представленных служителей обычно невелико — один, два, редко три-четыре. Однако и это наблюдение не дает достаточных оснований для заключения об обычном числе домашних рабов на Боспоре, которое, впрочем, вряд ли могло быть очень значительным.

---

[1] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, стр. 163—195; его же. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 31 и сл.

[2] См. нашу рецензию на работу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический» (Л., 1948) — ВДИ, 1949, № 3, стр. 147.

[3] Это железное кольцо около 0,105 м диаметром сделано из массивной пластины до 0,03 м шириной. Оно было найдено на Северном раскопе в 1939 г. на III площади, по описи № 121 (инв. № ГМИИ, ф. 262). Принадлежность кольца к кандалам является не более, чем предположением.

[4] См., например, G. v. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, табл. XII—XVI, XIX, L—LIV.

[5] См., например, М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913, табл. LI, 6; LV; LXV, 4; LXXV, 4; XCIV, 2.

Особого внимания заслуживает расписной склеп, открытый А. Б. Ашиком в 1841 г. на северо-западной покатости горы Митридата, датируемый второй половиной I — началом II в. н. э. Среди многочисленных разнообразных сцен, украшавших этот замечательный памятник, имелись изображения боев гладиаторов между собою и бестиариев с дикими зверями [1]. В связи с этими изображениями встает вопрос о том, происходили ли на Боспоре бои гладиаторов, которые обычно были рабами. Существует мнение, что в рассматриваемый период на Боспоре могли быть гладиаторы, а бои их устраивались боспорскими царями, что ставится в связь с вассальным положением правившей тогда династии, которая рассматривается как фракийская[2]. Нам уже приходилось писать о том, что многое в подобной трактовке сарматского периода в истории Боспора представляется нам спорным. В силу этого и вопрос о гладиаторских боях, а также о наличии гладиаторов и бестиариев на Боспоре нам представляется открытым. Ведь те или иные изображения, популярные в искусстве Средиземноморья, нередко проникали на северное побережье Понта. Так, изображения гладиаторов не редки на щитках закрытых светильников [3] из античных городов Северного Причерноморья или рельефах деревянных саркофагов [4] из Пантикапея; напомним еще о сценах более далеких от боспорской действительной жизни, вероятно, исполненных пантикапейскими мастерами, как, например, широко известном изображении охоты на львов, представленной на чаше [5], найденной в кургане Солоха, или охоту на реальных и фантастических зверей в парадизе, представленную на арибаллическом лекифе работы Ксенофанта.

* * *

Таковы основные материалы, рисующие нам общую картину истории рабства в античных государствах Северного Причерноморья. Несколько дополнить ее могут, к сожалению, очень скудные сведения о немногочисленных северо-понтийских рабах, которые можно почерпнуть из различных источников. Перечислим всех рабов и рабынь (а также отпущенных) в античных государствах Северного Причерноморья, которых нам удалось выявить при работе над различными источниками.

1) Геликопида, о которой упоминается в надписи на чернолаковом килике V в. до н. э., из Нимфея (в надписи форма Ἑλεκῶπις вместо правильной: Ἑλικῶπις). Согласно мнению опубликовавшего эту надпись И. И. Толстого [6], в термине Ἑλεκῶπις следует видеть прозвище гетеры; нам представляется вполне возможным, что таковым могло быть ее имя [7].

[1] М. И. Ростовцев. Ук. соч., табл. XC, *1—2*; XCI, *1*.

[2] Там же, стр. 355 и сл.

[3] О. Вальдгауер. Эрмитаж. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, стр. 32, № 142, табл. XII; стр. 37, № 194—196, табл. XVIII и XIX; стр. 50, № 334—335, табл. XXXV.

[4] C. Watzinger. Griechische Holzsarkophage aus der Zeit Alexanders des Grossen. Leipzig, 1905, стр. 50 и сл., рис. 109; стр. 52, рис. 110.

[5] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 14 и сл., рис. 187, *а — г*.

[6] И. И. Толстой. Народное произношение в керамической эпиграфике Северного Причерноморья. Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка, 1951, т. X, вып. 4, стр. 375 и сл., № 3; его же. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.— Л., 1953, стр. 72 и сл., № 107.

[7] Мы выдвигаем это предположение, исходя из имен, которые носят гетеры, изображенные на известном псиктере Евфрония в Государственном Эрмитаже. Там имена двух гетер, несомненно, отвечают их внешнему облику. Отличающаяся могучими формами коренастая гетера именуется Палайсто, т. е. «палестритка», а обладающая более миниатюрным и стройным телом носит имя Смикра, т. е. «малютка» (ОАК за 1869 г., табл. V; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1952, стр. 176).

2) Анагора (Ἀναγόρη), имя которой написано на обломке, очевидно, подаренного ей кратера V в. до н. э., найденного в 1908 г. в Ольвии[1]. Содержание надписи: Ἀναγόρης/Ἀναγόρηι ποτέ(ον) — «(кратер) Анагоры. Анагоре пить» — заставляет думать, что получившая подарок, скорее всего, была гетерой.

3) Индия (Ἰνδίη), имя которой было вырезано на надгробной плите V в. до н. э.[2], найденной в 1913 г. на Таманском полуострове, возле мыса Тузлы (недалеко от юго-восточного угла южного кордона). Имя по своему характеру вполне может быть рабским, отсутствие отчества покойной заставляет видеть в покойной рабыню или вольноотпущенницу.

4) Нанад (Νάνας — карлик), может быть, имя раба, написанное на обломке чернолакового килика конца V или начала IV в. до н. э., найденного в Пантикапее [3].

5) То же имя, но с другим консонантизмом — Нанат, возможно, рабское, вырезано на обломке чернолакового сосуда IV в. до н. э., также происходящего из Пантикапея[4].

6) Силенида (Σιληνίς), возможно, вольноотпущенная или рабыня, имя которой высечено на надгробном камне IV в. до н. э., найденном в станице Таманской в 1914 г.[5]

7) Мышь (Μῦς)[6], согласно свидетельству Диодора[7], возможное для раба имя на Боспоре. По словам историка, сын Перисада I Сатир запрещал своим рабам носить это имя.

8) Олимпия (Ὀλυμπία)—лаконская гетера, жившая в III в. до н. э. в Ольвии, по словам Афинея[8], мать Биона Борисфенита.

9) Неизвестный нам по имени отец Биона Борисфенита, живший в Ольвии в III в. до н. э. По указанию Диогена Лаэртского[9], он был вольноотпущенником, торговавшим рыбой, затем за какой-то проступок снова был продан в рабство.

10) Бион Борисфенит (Βίων Βορυσθενίτης), философ кинической школы, уроженец Ольвии, живший в III в. до н. э. Согласно рассказу Диогена Лаэртского[10], Бион еще юношей (νεώτερος) был продан в рабство.

11) Савмак (Σαύμακος), вскормленный боспорским царем Перисадом Последним (ἐκθρέψαντα αὐτὸν), вождь скифских рабов, восставших в конце

---

[1] И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, стр. 15 и сл., № 13.

[2] В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 году. ИАК, вып. 54, 1914, стр. 78 и сл., № 9.

[3] И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, стр. 121, № 210.

[4] Там же, стр. 128, № 234.

[5] В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1914 году. ИАК, вып. 58, 1915, стр. 26 и сл., № 13, рис. 8.

[6] Тихона (Τύχων), родом тавра, надгробие которого, датируемое V в. до н. э., было найдено в 1902 г. в Керчи в гробнице на южном склоне Митридатовой горы, как нам представляется, рискованно было бы считать рабом или даже отпущенником, несмотря на его греческое имя и таврское происхождение. Дело в том, что среди боспорских надгробных надписей V в. до н. э. его эпитафия, к тому же стихотворная, занимает едва ли не первое место. Вряд ли таких почестей мог удостоиться раб. В силу этого мы не решаемся включить Тихона в наш каталог. (Об этой надписи см. В. В. Латышев. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК, т. II, 1922, стр 70 и сл., № 5).

[7] Diod., XX, 26.

[8] Athen., Dipnos., XIII, 61.

[9] Diog. Laert., IV, 7, 46.

[10] Там же.

II в. до н. э., о котором нам сообщает херсонесский декрет[1] в честь понтийского полководца Диофанта.

12) Дионисий (Διονύσιος) — вскормленник (θρεπτός) Фодака, сына Пофона, согласно фанагорийской надписи[2] 16 г. н. э., был посвящен Аполлону, т. е. отпущен на свободу.

13) Хриса (Χρύσα) — вскормленница (θρεπτή) Порфа, сына Стратона, была посвящена в молельне, т. е. отпущена на свободу, под попечением Зевса, Геи и Гелия, как об этом гласит манумиссия[3] из Горгиппии 41 г. н. э.

14) Геракл (Ἡρακλᾶς) — вскормленник (θρεπτός) Христы, по свидетельству пантикапейской надписи[4] отпущенный на свободу в 81 г. н. э., с участием в опеке иудейской синагоги.

15) Сосий (Σωσίας) — вольноотпущенник (ἀπελεύθερος) Стратоника, сына Зенона, пантикапейского ученого I в. н. э., которому он поставил надгробный памятник[5]. Сосий, вероятно, выполнявший обязанности секретаря у Стратоника, был широко образованным и литературно одаренным человеком, о чем свидетельствует составленная им эпитафия.

16) Герм (Ἑρμᾶς), в числе других рабов (σώματα) отпущенный на свободу, с участием в опеке иудейской синагоги, согласно пантикапейской манумиссии[6].

17) Дорея (Δωρέα) — вскормленница (θρεπτή) Тимофея, сына Нимфагора, и его сестры Илиды, отпущенная на свободу в царствование Тиберия Юлия Савромата (92—123 гг. н. э.), по свидетельству горгиппийской надписи[7].

18) Филодеспот (Φιλοδέσποτος) — вскормленник Гликарии, жены Аполлония, посвященный Зевсу и Гере (?), т. е. освобожденный, в 105 г. н. э., о чем говорится в надписи[8], найденной на хуторе Батарейка, около станции Запорожской (в Краснодарском крае).

19) Филофем, он же Лайонак (Φιλόφημος ὁ καὶ Λαιόναχος) — отпущенник (ἀπελεύθερος) Менофила, умерший в 143 г. н. э., как гласит об этом надпись на надгробном памятнике[9], поставленном братом покойного — Понтикионом. Этот памятник был найден в 1947 г. под Керчью, около Карантинного шоссе.

20) Фаллуса (Θάλλουσα) — вскормленница (θρεπτή) Хреста, сына Косса, и жены его Химаты, отпущенная под попечением Зевса, Геи и Гелия, согласно пантикапейской манумиссии[10] времени боспорского царя Савромата III (229/230 — 232/233 гг. н. э.)

21) Аристоника — отпущенница Дамая, — надгробная плита которой с надписью Αριστ[ό]νικε ἀπελεύθ[ερ]ε Δαμᾶ, [χ]αῖρε, была найдена в Пантикапее или его окрестностях. По определению издавшего эту надпись В. В. Латышева[11] относится к римскому времени.

---

[1] IOSPE, I², № 352.
[2] IOSPE, II, № 364.
[3] IOSPE, II, № 400.
[4] IOSPE, II, № 52.
[5] В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 году. ИАК, вып. 54, 1914, стр. 75 и сл., № 5.
[6] IOSPE, II, № 53.
[7] IOSPE, II, № 401.
[8] Н. И. Новосадский. Неизданная надпись Темрюкского музея. Доклады АН СССР, 1930, В, № 12, стр. 224 и сл.
[9] А. П. Иванова. Надгробная стела вольноотпущенника Филофема. ВДИ, 1948, № 4, стр. 154 и сл.
[10] IOSPE, II, № 54.
[11] IOSPE, II, № 129.

22) Монима — отпущенница Александра, надгробный памятник[1] которой с надписью Μονίμη ἀπελευθέρα Ἀλεξάνδρου χαῖρε, был обнаружен в 1902 г. в Керчи, над земляной гробницей, открытой на Шлагбаумской улице, около Городской больницы. Надпись отнесена В. В. Латышевым к римскому времени. Примечательно, что рельефные изображения на этом надгробии представляют мужчину и мальчика. Это свидетельствует о том, что памятник для покойницы не был специально заказан, а куплен готовый, какой можно было бы достать без особых хлопот.

Таким образом, нам удалось собрать имена двадцати двух рабов[2] и отпущенных[3]. Девять из них принадлежат женщинам, тринадцать — мужчинам. В подавляющем большинстве они носят греческие имена — двадцать из двадцати двух; у одного из них — имя местное, у другого — два имени, одно греческое, другое местное. Разумеется, что это обилие греческих имен отнюдь не означает эллинского происхождения рабов, коль скоро эти имена давались рабовладельцами.

К нашему списку следует добавить еще трех римских отпущенников, имена которых нам сообщает надпись на одном из херсонесских надгробий[4], относящихся примерно к I в. н. э. Перечислим их:

1) Тит Цинций Басилис (T. Cincius Basilis) — отпущенник (libertus) Тита, проживший 22 года.

2) (Публий) Ведий Фрепт (P. Vedius Threptus) — отпущенник (libertus) Публия, врач, убитый таврами.

3) Цинций Эпиктет (Cincius Epictetus) — соотпущенник (collibertus), соорудивший на свои средства надгробный памятник.

Таковы немногие из дошедших до нас имен северо-понтийских рабов и отпущенников. Не приходится говорить о том, что они составляли самую незначительную часть рабских масс, которые, по словам Макробия[5], принимали участие в защите Ольвии, согласно свидетельству декрета[6] в честь Диофанта, боролись за свободу с Савмаком, по рассказу Апиана[7], служили в войсках Митридата, и еще большего числа рабов, трудившихся в эргастериях и на полях северо-понтийских рабовладельцев.

Роль рабского труда в производстве античных государств Северного Причерноморья, несомненно, была очень большой, как и во всяком обществе

---

[1] В. В. Латышев. Эпиграфические находки из южной России (находки 1901—1903 годов). ИАК, вып. 10, 1904, стр. 75 и сл., № 84.

[2] Менее ясным представляется нам вопрос о принадлежности рабыням двух надписей на глиняных грузилах, которые недавно были опубликованы академиком И. И. Толстым. Одна из них, найденная на Тамани в 1870 г. и относящаяся к II—III вв. н. э., гласит: γυναικὸς Μάγγας — женщины Манги (И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, стр. 144 и сл., № 250).

С еще меньшей уверенностью можно говорить о другой надписи на грузиле, найденном при раскопках Херсонеса в 1947 г. и датируемом римским временем. Эту надпись Εὐ[αὶ]νας — можно прочитать и как именительный падеж мужского имени Еьэн и как родительный падеж женского имени Евэна (И. И. Толстой. Ук. соч., стр. 59, № 83). То же можно сказать о граффито ΛΥΔ на чернолаковом черепке IV в. до н. э. из Пантикапея; помимо чтения Λυδ(οῦ) (рабское имя: Лид= =Лидиец), оно допускает и другие восстановления (И. И. Толстой Ук. соч., стр. 132, № 234).

[3] Вероятно отпущенником был Σῖσας кораблестроитель (ναυπηγὸς), надгробие которого было куплено в 1916 г., в Керчи; В. В. Шкорпил датирует эту надпись римским временем (В. В. Шкорпил. Новонайденные боспорские надписи. ИАК, вып. 63, 1917, стр. 115 и сл. № 7).

[4] IOSPE, I², № 562.

[5] Macrob., Saturn., I, 11, 33.

[6] IOSPE, I², № 352.

[7] App., Mithr., 107.

с развитым рабовладением. Место, занимаемое рабским трудом в сельском хозяйстве на Северном Понте, и ту эволюцию, которую он испытывал, мы пытались посильно разрешить в нашей работе [1], посвященной земледелию античных государств Причерноморья. Применение рабского труда в керамических эргастериях Пантикапея уже давно отмечалось Б. Н. Граковым [2]. Не подлежит сомнению, что и в других эргастериях широко употреблялся труд рабов. Однако исследователи различных ремесленных производств и промыслов на Северном Понте обычно совершенно не уделяют внимания этому вопросу, ограничивая свои наблюдения датировкой, технологическим и типологическим анализом публикуемых памятников. Между тем очень сложная задача изучения роли рабского труда в античном производстве нашего юга только тогда сможет получить надлежащее решение, если она будет разрабатываться в каждом исследовании, посвященном той или иной отрасли ремесла.

Об условиях жизни рабов в античных государствах Северного Причерноморья мы знаем крайне мало. Нужно думать, что они вряд ли существенно отличались от обычных тяжелых условий, в которых находились рабы Средиземноморья. Показателен в этом отношении переданный нам Диогеном Лаэртским [3] рассказ Биона Борисфенита о том, что его отец имел на лице клеймо (συγγραφὴν ἐπὶ τοῦ προσώπου) — знак жестокости его господина. Еще труднее говорить о культуре той пестрой, разноплеменной, жестоко угнетаемой массы, которую представляли собой северо-понтийские рабы. Доступные источники не освещают этого вопроса.

Изящная эпитафия [4] Стратоника, сына Зенона, составленная его вольноотпущенником Сосием, свидетельствует о поэтическом таланте последнего, а равно и хорошем знакомстве с эпосом и лириками. Однако в этом произведении Сосия нельзя видеть поэтическое творчество рабов; к тому же положение Сосия, нужно думать, сильно отличалось от обычной участи раба.

Завершая наш очерк, посвященный рабству в античных государствах Северного Причерноморья, коснемся вопроса об отпуске рабов на волю. Не приходится говорить о том, что в Причерноморье, так же как и в Средиземноморье, в громадном большинстве случаев,— если захваченному в рабство не удавалось быть выкупленным [5] вскоре после утраты свободы,— только смерть освобождала его от тягостной неволи.

Однако в иных случаях могла возникать необходимость массового отпуска рабов на волю, что обычно имело место, когда самим рабовладельцам угрожала большая опасность. Таково упоминавшееся нами освобождение рабов ольвиополитами, осажденными Зопирионом [6].

По словам Аппиана [7], Митридат на Боспоре набирал армию не только из свободных, но также из рабов (δοῦλοι), что, очевидно, означало предоставление свободы последним.

Вместе с тем должно отметить наличие известных нам рабских движений, вызванных стремлением к освобождению у угнетаемых масс. Таково

---

[1] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 161 и сл.

[2] Б. Н. Граков. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 210.

[3] Diog. Laert., IV, 7,46.

[4] В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 году, стр. 73, № 5.

[5] Напомним уже приводившееся нами свидетельство Страбона о том, что ахайи, зиги и гениохи охотно отпускают за выкуп захваченных при их пиратских экспедициях (Strab., XI, 2, 12).

[6] Macrob., Saturn., I, 11, 33.

[7] App., Mithr., 107.

упоминавшееся нами бегство ольвийских рабов [1] к галатам и скифам, имевшее местов в III в. до н. э. Успешное восстание боспорских рабов под предводительством Савмака в конце II в. до н. э. сопровождалось захватом Пантикапея и Феодосии. Возникла новая государственная власть и чеканилась монета от имени царя Савмака [2]. Однако это рабское движение было обречено на неудачу, совершенно неизбежную в условиях рабовладельческого общества.

Значительно чаще, чем массовое освобождение рабов, имел место индивидуальный отпуск их на волю. Самый ранний из известных нам случаев освобождения может быть отнесен к V в. до н. э., если признать вольноотпущенницей Индию, надгробие которой было найдено в 1913 г. возле мыса Тузлы на Таманском полуострове [3]. Более надежны те данные, которые нам сообщает Диоген Лаэртский [4] об отце Биона Борисфенита, жившего в III в. до н. э. в Ольвии. Отец философа был вольноотпущенником (ἀπελεύθερος), торговавшим рыбой. Вероятно, отпущенницей была и мать Биона, коль скоро Афиней [5] называет его сыном лаконской гетеры Олимпии.

В Херсонесе в I в. н. э. нам известны имена трех римских отпущенников: Т. Цинция Басилиса, П. Ведия Френта и Цинция Эпиктета [6].

Наконец, следует упомянуть об относящейся к I—III вв. н. э. серии боспорских манумиссий и надгробиях отпущенниц, о которых мы уже говорили. Выше было отмечено, что увеличение числа рабов, отпускаемых в это время на волю, вызывалось изменением социально-экономических условий, постепенным вытеснением рабского труда трудом зависимых землепашцев-пелатов, известных нам по фанагорийской надписи [7] Тиберия Юлия Риметалка, датированной 151 годом н. э. Это явление свидетельствует о формировании новых отношений в недрах дряхлеющего рабовладельческого общества.

* * *

Заканчивая на этом наш очерк, кратко подведем итоги нашим наблюдениям. Нужно думать, что в VII в. до н. э., когда только устанавливались постоянные экономические связи средиземноморских центров с Северным Причерноморьем и возникали торговые фактории, мы еще не можем говорить о появлении рабовладельческого строя в устьях Борисфена или на Боспоре. Лишь в VI в. до н. э., с возникновением эллинских полисов на Северном Понте, устанавливается и рабовладельческий строй. При этом в VI—V вв. до н. э., по всей видимости, в античных государствах Северного Причерноморья большую роль играли мелкие хозяйства. Число рабов, нужно думать, было сравнительно невелико, в силу чего роль свободного труда была относительно большой. В это время местные племена Северного Причерноморья находились на различных уровнях социально-экономического развития. У более отсталых тавров, видимо, еще не было рабства. У скифов были рабы, отчасти получаемые в качестве «даров»

---

[1] IOSPE, I², № 32.
[2] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 185, табл. XLII, 27—29.
[3] В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 году, стр. 78 и сл., № 9.
[4] Diog. Laert., IV, 7, 46.
[5] Athen., Dipnos., XIII, 61.
[6] IOSPE, I², № 562.
[7] IOSPE, II, № 353.

(δῶρα), — θεράποντες отчасти военнопленные. У наиболее передовых синдов во второй половине V в. до н. э. уже складывается классовое общество и появляется государство. Аналогичное явление у скифов, по всей видимости, имело место в IV в. до н. э. во время правления Атея.

В IV в. до н. э. в северо-понтийских полисах число рабов, видимо, стало более значительным, чем в предшествующее время. О значительном числе рабов в Ольвии, а может быть, и их ненадежности, свидетельствует то обстоятельство, что ольвиополиты были вынуждены предоставить им свободу, когда город был осажден войсками Зопириона. В Херсонесе этого времени, сколько мы можем судить по преобладающим размерам клеров на Гераклейском полуострове, большую роль играли рабовладельческие хозяйства средних размеров.

Социально-экономический строй Боспорского государства IV в. до н. э. видимо, представлял собою сложную картину. Рост эргастериев в городах, что с особенной отчетливостью выступает в Пантикапее, нужно думать, был связан с дальнейшим развитием рабства. Организация сельского хозяйства Боспорского государства, включившего со времени Левкона I местные племена Тамани и низовьев Кубани, не была единообразной. Так, в районе Феодосии, вероятно, существовали рабовладельческие хозяйства средних размеров. Включенные в государство Спартокидов племена азиатского Боспора, вероятно, были зависимыми землепашцами, подобными крестьянам в эллинистических монархиях восточного Средиземноморья. Не исчезают в это время на Боспоре и мелкие землевладельцы, подобные тысяче каллатийских переселенцев, которых Евмел наделил клерами, согласно свидетельству Диодора [1] Нужно думать, что такие землевладельцы могли располагать лишь небольшим числом рабов.

В IV в. до н. э. античные государства Северного Причерноморья должны были испытывать все возраставшую потребность в рабах; последние пополнялись посредством покупки, пиратства, а временами также и войн. Примером такой войны, сопровождавшейся захватом военнопленных в рабство, можно назвать вторжение Сатира в страну фатеев в 309 г. до н. э.

Доступные нам сведения о социальной истории Северного Понта в III—II вв. до н. э. довольно скудны. Однако, несмотря на всю неполноту известных нам материалов, выступают обострившиеся в это время классовые противоречия, которые приводили к движениям рабов. В III в. до н. э. происходит бегство ольвийских рабов к врагам — галатам и скирам; в конце II в. до н. э. на Боспоре вспыхивает восстание рабов под руководством Савмака.

После подавления восстания рабов войсками Митридата на Боспоре вновь восстанавливается рабовладельческий строй. Видимо, число рабов на Боспоре в дальнейшем становится весьма значительным. Готовясь к последней схватке с Римом, Митридат привлекал в свою армию северопонтийских рабов.

В I—III вв. н. э. мы наблюдаем на Боспоре постепенный распад рабовладельческих отношений, который, между прочим, выражается в усилении отпуска рабов на волю, засвидетельствованном боспорскими манумиссиями. В это время в сельском хозяйстве труд рабов постепенно вытесняется трудом лично свободных, но прикрепленных к земле хлебопашцев (пелатов). Экономическая роль городов теперь изменяется, а самые города начинают рустифицироваться. Торговля падает, хозяйство принимает натуральный характер.

---

[1] Diod., XX, 25.

Социально-экономический строй местных племен в рассматриваемую эпоху нам мало известен. Мы можем только предполагать, что упоминаемые Тацитом servitii сираков были близки пелатам и колонам. В силу этого можно думать, что социально-экономический строй Северного Причерноморья в сарматскую эпоху был более единообразным, чем во времена Спартокидов.

Такова была картина социально-экономического строя в тот период, когда античное рабовладельческое общество клонилось к упадку и в недрах его формировались новые отношения.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СЛОЖЕНИЯ ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОСТИ В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Большие успехи в области изучения исторического прошлого Средней Азии, достигнутые за последние 15 лет, позволили подойти к разрешению столь трудной и ранее неосуществимой задачи, как создание истории таджиков.

Первые шаги в этой области сделаны Б. Г. Гафуровым, давшим краткий очерк исторического прошлого таджиков с использованием всех новейших результатов археологических работ на территории Средней Азии [1].

Вполне естественно, что в этом первом обобщающем труде, освещающем историю таджиков в кратком виде, ряд вопросов не мог быть рассмотрен с достаточной полнотой.

Одной из весьма важных проблем истории таджиков является проблема сложения таджикской народности, до сих пор еще не подвергавшаяся специальному рассмотрению. Все излагаемое ниже является попыткой подойти к разрешению этой проблемы на основе имеющихся в настоящее время фактических данных.

Определяющими признаками народности феодальной социально-экономической формации можно считать известную общность языка, территории и культуры при наличии хозяйственной раздробленности, сочетающейся с малоустойчивыми экономическими связями.

Исходя из этих положений можно сформулировать следующие основные вопросы сложения таджикской народности:

1) время и место сложения таджикской народности;

2) основные компоненты, участвовавшие в сложении таджикской народности, и относительная роль каждого из них в этом процессе;

3) путь сложения общности языка таджикской народности;

4) процесс образования общности территории таджикской народности;

5) путь сложения общности культуры таджикской народности.

При этом, конечно, общность по отдельным признакам подразумевается относительная, соответствующая положению о признаках народности как зачаточном состоянии признаков нации.

---

[1] Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении. М., 1952.

1. ВРЕМЯ И МЕСТО СЛОЖЕНИЯ ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОСТИ

Из числа поставленных выше основных вопросов первый разрешается с относительной легкостью. В X в. известная общность языка, территории и культуры имеет место для оседлого земледельческого населения основного ядра саманидского государства, которое составляли Среднеазиатское Междуречье, Хорасан и Северный Афганистан. Если сопоставить эту территорию с территорией расселения таджиков в настоящее время, то становится очевидным фактически полное их совпадение.

Поскольку таджики и их непосредственные предки неизменно являлись оседлыми земледельцами и никаких переселений таджиков в период средневековья и в новое время не было, мы вправе считать, что ядро саманидского государства в основном очерчивает ту территорию, на которой шел процесс сложения таджикской народности.

Сам термин «таджики», как наименование ираноязычного оседлого земледельческого населения указанной территории, появляется в источниках в первой половине XI в.[1] Следует отметить, что это было самоназвание, а не название, прилагавшееся только извне; об этом вполне определенно свидетельствуют данные, содержащиеся в труде Бейхаки[2].

В источниках X в. этот термин в указанном смысле еще не встречается; в частности, автор Худӯд ал-'Ālем подразумевает под «тази» арабов[3]. В силу этого можно предполагать, что термин «таджики» стал господствующим самоназванием оседлого земледельческого населения Среднеазиатского междуречья, Хорасана и Северного Афганистана к середине XI в.

Весьма возможно, что широкое распространение и упрочение этого термина именно в данный период обязано тому, что таджикоязычное оседлое земледельческое население противопоставляло себя захватившим политическую власть тюркам.

В X в., по всем имеющимся в нашем распоряжении данным, в Среднеазиатском междуречье, Иране и Афганистане вполне четко вырисовывается победа феодальных отношений[4].

Учитывая этот момент, мы можем считать таджикскую народность народностью феодальной формации, складывающейся к X в. на территории Средней Азии.

---

[1] В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 99; его же. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 24; W. Barthold; XII Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Die Welt des Islams, XIV, 1932, стр. 42; его же. Tadjik, EI., IV, стр. 628. Вопрос о происхождении термина «таджики» рассмотрен в этих же работах.

[2] Бейхаки. История (изд. BI), т. 32, Бомбей, 1861 — 1862, стр. 746: بو الحسن عبدالجليل خلوتی کرد با امیر رضی الله عنه وگفت ما تازیکان اسب واشتر زیادتی داریم بسیار («Абуль-Хасан Абд ал-Джалил уединился с эмиром — да будет доволен им Аллех — и сказал: Мы, таджики имеем большой излишек лошадей и верблюдов...»). Могло бы возникнуть сомнение в правомерности перевода تازیکان как «таджики»; однако в целом ряде случаев у Бейхаки название عرب —«арабы», и этот термин употребляется одновременно в одном и том же предложении, что свидетельствует о разном их значении.

[3] Худӯд ал-'Ālем (изд. В. В. Бартольда). Л., 1930, стр. 9б.

[4] Развернутая характеристика социально-экономического строя Среднеазиатского междуречья IX—X вв. дана А. Ю. Якубовским (см. Историю народов Узбекистана, т. I. Ташкент, 1950, стр. 223 и сл.).

2. РОЛЬ ОТДЕЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ В СЛОЖЕНИИ ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОСТИ

Для того, чтобы разрешить данный вопрос, мы должны установить:

1) исходные этнические компоненты, составившие основу будущей таджикской народности;

2) дополнительные этнические компоненты, включившиеся в процесс сложения таджикской народности в период IV—X вв.;

3) относительную роль каждого из этих компонентов — основных и дополнительных — в данном процессе.

Соответственно мы сталкиваемся с тремя частными вопросами. Для решения двух первых мы имеем вполне определенные данные письменных источников. На их основе мы можем более или менее четко установить этнический состав интересующей нас части Среднеазиатского междуречья в период, непосредственно предшествовавший кризису рабовладельческой формации. Здесь обитали, в основном, четыре крупные народности: согдийцы, бактрийцы, тохары и паркании. Согдийцы составляли основную массу населения центральной части Среднеазиатского междуречья — долины Зарафшана, Кашка-дарьинского оазиса и, по всей видимости, также Осрушаны. В равнинной части современного Южного Таджикистана обитали бактрийцы и тохары. Паркании (под ними подразумевается основное ядро населения государства Да-вань) обитали на территории равнинной Ферганы.

Тохары,— или, точнее, вся та группа племен, которая положила конец существованию Греко-Бактрийского царства,— были пришлыми для Среднеазиатского междуречья. В основной своей массе они первоначально обосновались в Тохаристане, а затем частично передвинулись далее на юг. В Южном Таджикистане и Северном Афганистане они составляли значительную часть населения еще в IV—V вв. н. э., так как неоднократно фигурируют в источниках этого периода (под названиями кушан и кидаритов). Очевидно, здесь процесс ассимиляции их местным населением шел весьма медленно.

В центральной части Среднеазиатского междуречья и Фергане, несомненно, также осела какая-то часть тохар: об этом, в частности, свидетельствует наличие двух Кушаний (одна в долине Зарафшана, другая в Кашкадарьинском оазисе). Однако, поскольку в письменных источниках нет никаких упоминаний о наличии тохар на этой территории в IV—V вв. и позднее, следует предполагать, что уже к концу кушанского периода они были более или менее полностью ассимилированы местным населением.

В труднодоступных горных районах Припамирья, Памира и окаймляющих Фергану хребтов обитал целый ряд небольших сакских племен, сведения о которых чрезвычайно скудны. По всем данным, они были в интересующий нас период столь же обособленными, как и в период позднего средневековья и в новое время: в силу этого мы можем считать их только второстепенными в числе исходных этнических компонентов, легших в основу таджикской народности.

Все племена и народности, явившиеся исходными этническими компонентами будущей таджикской народности, были, насколько это известно по имеющимся в настоящее время данным, ираноязычными.

Дополнительными этническими компонентами, включившимися в процесс сложения таджикской народности в разные периоды, были:

1) проникавшие в IV—VIII вв. н. э. на интересующую нас территорию кочевники — сначала хиониты-эфталиты, а затем тюрки;

2) арабы и следовавшие за ними в составе их войск персы и жители Хорасана.

Роль каждого из перечисленных выше исходных и дополнительных компонентов в сложении таджикской народности была различна как количественно, так и качественно. Установить ее можно только на основе привлечения данных ряда различных источников. Особенные трудности мы встречаем при определении роли кочевников, так как тот период, в который они проникали на интересующую нас территорию, наименее полно освещен письменными источниками. Кроме того, в данном случае необходимо иметь в виду некоторые общие моменты. Поскольку интересующая нас часть Среднеазиатского междуречья почти со всех сторон окружена областями, неизменно населенными кочевниками, отдельные представители последних постоянно включались в состав населения окраин этой территории и, отчасти, ее глубинных областей. Происходило это путем браков, захвата военнопленных, работорговли и т. д. Но данное явление имело весьма ограниченный размер и не могло оказать реального влияния на процесс сложения таджикской народности. Для того, чтобы правильно установить роль кочевников в этом процессе, мы должны учитывать естественно-географическое членение Среднеазиатского междуречья и определяемую им разницу в хозяйственной базе населения отдельных областей. В Среднеазиатском междуречье,— исключив пустыни,— следует различать три группы областей:

1) равнинные области — оазисы, обширные долины рек, полупустыни и небольшие степные районы;

2) предгорья и горные долины, пригодные для земледелия и яйлажного скотоводства, но непригодные для кочевого скотоводства;

3) горные долины и области альпийских лугов, чрезвычайно благоприятные для кочевого скотоводства, но мало пригодные или вообще непригодные для земледелия.

Если мы обратимся к той части Среднеазиатского междуречья, на которой шел процесс сложения таджикской народности, то увидим, что в нее входят, в основном, только области первой и второй группы. При этом в равнинных ее областях степные районы невелики и составляют, в сущности, лишь небольшие окраины оазисов. В оазисах, а также в долинах крупных рек, насколько это позволяют проследить имеющиеся данные, во всяком случае с середины I тысячелетия до н. э., господствует земледелие, основанное на искусственном орошении. Максимум освоения пригодных для земледелия земель в оазисах и долинах рек был достигнут уже в кушанский период. Здесь, естественно, сосуществование кочевого скотоводства и земледелия было невозможно; для этого было бы необходимо частично ликвидировать земледелие, что, во всяком случае до монгольского завоевания, не имело места нигде. Небольшие по размерам степные районы были пригодны для кочевого скотоводства, но, в силу именно незначительного размера их, число кочевников здесь могло быть лишь очень ограничено. Области второй группы были издревле населены оседлыми земледельческими племенами.

В областях третьей группы мы с середины I тысячелетия до н. э. неизменно встречаем кочевое население. Однако эти области были крайней восточной периферией всей территории сложения таджикской народности, и удельный вес их был невелик.

Из всего сказанного очевидно, что объективные возможности для проникновения кочевников на интересующую нас территорию были ограничены, тем более, что в каждый данный период пришельцы сталкивались в пригодных для кочевого скотоводства районах с ранее обосновавшимися

здесь кочевыми группами. Эти «островки» кочевников в массиве земледельческого населения не могли играть значительную роль в процессе сложения таджикской народности; кочевники могли составить существенный компонент в процессе сложения таджикской народности лишь в случае более или менее значительного по размерам оседания.

Как уже указывалось выше, первым по времени дополнительным этническим компонентом, включившимся в процесс сложения таджикской народности, были хиониты-эфталиты[1]. Это была группа кочевых племен, появившихся в Среднеазиатском междуречье приблизительно в середине IV в. н. э. и подчинивших себе к началу VI в. огромную территорию от Северной Индии до Семиречья и от Хотана до границ Ирана. Те сведения о хионитах-эфталитах, которыми мы располагаем, весьма скудны и сильно запутаны, вследствие чего вопрос об этнической принадлежности хионитов-эфталитов еще не разрешен с полной определенностью. Однако, как это показали исследования последнего времени, большинство фактических данных говорит об их ираноязычности и этнической близости к тохарам[2].

В письменных источниках имеется ряд прямых и косвенных указаний об оседании хионитов-эфталитов в интересующей нас части Среднеазиатского междуречья. Прокопий Кесарийский, именующий эфталитов также белыми гуннами, указывает, что они, в отличие от собственно гуннов, не являются кочевниками, а обосновались в плодородной стране и перешли к оседлости[3]. О наличии оседлых эфталитов в Среднеазиатском междуречье в VI в. свидетельствует также одно сообщение Менандра Протектора: когда согдийские и тюркские послы явились в 567 г. в Константинополь, византийский император Юстин II спросил их об образе жизни эфталитов и получил ответ, что они являются жителями городов[4]. Из этого сообщения можно сделать вывод, что хиониты-эфталиты не только переходили на земледелие, но частично вошли и в состав населения городов.

Косвенным свидетельством об оседании хионитов-эфталитов в Среднеазиатском междуречье является отмеченный китайским паломником Хой Чао (728г.) факт известной распространенности на этой территории полиандрии[5]. Последняя специфична именно для хионитов-эфталитов . В ряде арабоязычных источников мы сталкиваемся с представлениями о Мавераннахре, как о стране, в прошлом населенной эфталитами (хайталами); при этом конкретно подразумевается всегда, в основном, Среднеазиатское междуречье, но не степные области, лежащие севернее Сыр-Дарьи. Так, Мукаддаси именует Мавераннахр «Хайтальской стороной»[6]. У Якута мы находим следующее указание: «Хайтал...— название области Мавераннахра, а это Бухара, Самарканд, Ходженд и [то], что между ними»[7].

---

[1] Отождествление хионитов и эфталитов предложено Гиршманом и обосновано чтением легенд большого числа эфталитских монет (см. R. Ghirshman. Les Chionites-Hephtalites. MDAFA, XIII, Caire, 1947).

[2] H. Bailey. Ttaugara. BSOS, IX, 1939, стр. 893; R. Ghirshman. Ук.соч., стр. 66—67, 117—118; W. Henning. Neue Materialen zur Geschichte des Manichäismus. ZDMG, 90, № 1, 1936, стр. 17; St. Konow. The White Huns and the tokharien. Festkrift til Olaf Broch. Oslo, 1947; его же. Primer of Khotanese Saka. NTS, XV, 1949, стр. 6; A. Wesendonk. Kušan, Chioniten und Hephtaliten. Klio, 26, 1933, стр. 345.

[3] Прокопий Кесарийский. De bello persica, XIII. Bonn, 1833, стр. 16.

[4] Müller. FHG т. IV, стр. 226.

[5] W. Fuchs. Huei-Chao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726. SPAW, 1938, стр. 467.

[6] Мукаддаси. BGA, III, стр. 260—261.

[7] Jacut's geografisches Wörterbuch (изд. Вюстенфельда), т. IV, стр. 999.

Мас' уди помещает эфталитов, с которыми вели войны сасаниды, в Согде, определяемом им как территория между Бухарой и Самаркандом[1]. То же самое имеется и у ас-Салиби, но без указания географических пределов Согда[2]. Но в то же время арабоязычные источники не знают эфталитов как реальную часть населения Среднеазиатского междуречья. Единственным исключением являются кенджине — небольшая группа отюреченных эфталитов, обитавшая в X в. в Хуттале [3]. Из этого мы можем сделать вывод, что к VIII в. осевшие в Среднеазиатском междуречье эфталиты в основной своей массе уже были ассимилированы коренным населением. Иное положение имело место в южном Тохаристане: здесь эфталиты во всяком случае до VIII в., в основном, оставались кочевниками и составляли особую часть населения. На протяжении VII—VIII вв. они, несомненно, подвергались процессу отюречивания, что засвидетельствовано той неустойчивостью терминологии, с которой мы сталкиваемся в арабоязычных источниках, описывающих завоевание этой территории (кочевники одних и тех же районов, а также отдельные лица именуются то эфталитами, то тюрками). Следует отметить также указание Тан-шу[4], что обычаи эфталитов Южного Тохаристана сходны с обычаями тюрок (сведения относятся к VIII в.).

На основании приведенных выше данных мы можем сделать вывод, что хиониты-эфталиты в сравнительно большом количестве оседали в той части Среднеазиатского междуречья, на которой шел процесс сложения таджикской народности, и постепенно подверглись ассимиляции местным населением. Процесс их ассимиляции, очевидно, в основном, уже закончился к VIII в.

В силу вышесказанного мы вправе считать, что хиониты-эфталиты количественно были существенным компонентом в сложении таджикской народности. Однако, поскольку язык и культура хионитов-эфталитов пока еще нам неизвестны, мы ничего не можем сказать о качественной их роли в интересующем нас процессе.

Следует отметить, что хиониты-эфталиты сыграли определенную роль в процессе сложения таджикской народности также и косвенным путем. Они положили конец попыткам сасанидов распространить свою власть на Среднеазиатское междуречье и обеспечили этим населению данной территории сохранение самостоятельного пути экономического, политического и культурного развития.

Далее, хиониты-эфталиты политически объединили в рамках одного государственного образования[5] Среднеазиатское междуречье с Северным Афганистаном, что создало благоприятные условия для развития экономических и культурных связей между населением этих территорий.

Созданное эфталитами на рубеже V — VI вв. громадное государственное образование прекратило свое существование в 60-х годах VI в. вследствие военного поражения, которое они потерпели в столкновении с западными тюрками. Начиная с этого момента, все Среднеазиатское междуречье на определенный период вошло в сферу политического влияния по-

---

[1] M a ç o u d i. Les prairies d'or. (изд. Барбье де Мейнара), т. II, стр. 195.

[2] A l - T h a'l i b i. Histoire des rois de Perse (изд. Зотенберга). Paris, 1900, стр. 499.

[3] О них см. Худӯд ал-'Ālем (изд. В. В. Бартольда), стр. 25а; M у к а д д а с и. BGA, т. III, стр. 283; Liber mafatih al-olum auctore Abu Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jusuf al-Katib al-Khwarezmi (изд. Ван Влотен). Leyden, 1895, стр. 119.

[4] Тан-шу, гл. 221Б, л. 5а.

[5] Имеется в виду государственное образование, созданное эфталитами на рубеже V и VI вв. и существовавшее до 60-х годов VI в.

следних. Это создало благоприятную почву для проникновения тюрок на интересующую нас территорию.

В соответствии с указанным выше общим положением, чтобы определить роль тюрок (как и вообще кочевников) в процессе сложения таджикской народности, необходимо в первую очередь установить, в сколь значительном размере происходило оседание их на той территории, на которой шел этот процесс. Для решения этого вопроса мы располагаем в настоящее время, в основном, только данными письменных источников — китайских и арабоязычных. Соответствующие археологические данные, ввиду слабой изученности значительной части интересующей нас территории, весьма скудны и мало показательны.

Если мы обратимся к тем разделам китайских источников (Суй-шу и Тан-шу), в которых сравнительно подробно излагается история тюрок, то не найдем в них никаких прямых или косвенных данных о переселении их из степей в интересующую нас часть Среднеазиатского междуречья. Нет в них и указаний об оседании здесь каких-либо групп тюрок. Следует отметить, что мы не имеем оснований говорить о наличии в конце VI в. — первой половине VII в. единого тюркского государства: в действительности, во всяком случае, начиная с 582 г., существовало два мало связанных друг с другом и враждующих между собой каганата — западный и восточный, из которых более сильным, повидимому, был первый. Кризис, имевший место в 80-х годах VI в. в восточном каганате, носил локальный характер и не распространился на западный. В последнем кризис наступил позднее — в 30-х годах VII в. и по своему характеру был отличен от кризисов в восточном каганате. Основным содержанием его была борьба за власть двух усилившихся в предшествующий период конфедераций племен: Ду-лу и Ну-ши-би. Предшествовали ему, в отличие от восточного каганата, не военное поражение и голод, а подъем политического и военного могущества. Такой кризис не мог создать условий, необходимых для массового оседания кочевников. Следствием его был, насколько об этом позволяют судить имеющиеся данные, только ряд походов тюрок в оседлые оазисы Среднеазиатского междуречья, предпринимаемых с чисто грабительскими целями. В описаниях Средней Азии, содержащихся в династийных историях, а также в записках Сюань-Цзана и Хой Чао нет никаких указаний о наличии тюрок (кочевых или оседлых) в пределах долины Зеравшана, Осрушаны, Южной Ферганы и Кашка-дарьинского оазиса. Что касается Тохаристана, то здесь, по данным Сюань-Цзана, в 630 г. имелись тюркские династии в Шумане и Ахаруне. По данным Тан-шу и записок Хой Чао, в VIII в. тюркские династии правили в Кумеде, Хуттале и, судя по характеру имен, также в Вахане. Однако наличие самих тюрок отмечено только для Хутталя.

Таким образом, данные китайских источников говорят о том, что в VII в. — начале VIII в. в пределах долины Зеравшана, Осрушаны, Южной Ферганы и Кашка-дарьинского оазиса значительных групп тюрок не имелось. В Тохаристане какое-то количество тюрок обитало в Хуттале и, кроме того, тюркские династии правили в Кумеде, Шумане и Ахаруне. В арабоязычных источниках, описывающих завоевание Средней Азии арабами, мы также не имеем никаких данных о наличии сколько-нибудь значительных групп тюрок на интересующей нас территории. Участвовавшие в борьбе с арабами большие тюркские отряды, повидимому, в большинстве случаев приходили извне,— в частности, из степей, расположенных за Сыр-Дарьей. На основании некоторых косвенных данных можно предполагать, что лишь на окраинах Кашка-дарьинского, а, возможно, и Бухарского оазиса в VIII в. обитали группы тюрок. При

этом неизвестно, были они кочевниками или оседлыми. В географической литературе X в. мы также не встречаем данных о наличии тюрок в центральной, равнинной части Среднеазиатского междуречья. Мавераннахр, являющийся определенной территорией с относительно точно описываемыми границами, выступает в них как область пограничная с тюрками. В пределах Тохаристана,— в Хуттале, по данным Худӯд ал-' Алем, в X в. обитало небольшое племя кенджине, которое составитель этого источника относит к тюркам; однако по другим данным (ал-Хуваризми) это были не тюрки, а отюреченные эфталиты. Можно было бы предполагать, что арабоязычные авторы не обращали внимания на наличие или отсутствие тюрок в описываемых ими областях. Однако такое предположение не может считаться правильным вследствие того, что в описаниях ряда областей, лежащих южнее Аму-Дарьи, эти же авторы совершенно определенно говорят о наличии в них тюрок. Такое же положение имеет место и в китайских источниках.

Из всего вышесказанного очевидно, что по данным письменных источников (китайских и арабоязычных) в VII—X вв. на территории долины Зеравшана, Осрушаны, Южной Ферганы и Кашка-дарьинского оазиса значительного по своей численности тюркского населения еще не было. На территории Тохаристана тюрок, вероятно, было больше, чем в вышеуказанных областях, но также ограниченное количество.

Археологические материалы, которыми мы располагаем в настоящее время, вполне согласуются с этим заключением: данных об оседании больших групп тюрок на интересующей нас территории они не дают; следует, однако, отметить, что вопрос о наличии кочевых тюрок в составляющих ее областях, — особенно на окраинах и в предгорьях, пока еще не может быть разрешен. Вполне возможно, что именно здесь будут обнаружены памятники, связанные с переходившими на оседлость тюрками. Таким образом, имеющиеся в настоящее время данные свидетельствуют о том, что в VII—X вв. значительного по своим размерам оседания тюрок на интересующей нас территории не было[1]. Вследствие этого мы вправе считать, что роль их в сложении таджикской народности была незначительна. При оценке относительной роли тюрок в этом процессе следует учитывать также одно важное обстоятельство. Этнографические наблюдения показывают, что в Средней Азии оседание кочевников, как правило, происходит компактными группами, устойчиво сохраняющими свою изолированность от окружающего иноязычного населения. Это явление, без сомнения, имело место и в прошлом.

* * *

Первые походы арабов за Аму-Дарью начались еще в последней четверти VII в., но носили чисто грабительский характер. Власть хорасанских наместников в этот период не распространялась за реку, и арабских гарнизонов там не было. Лишь после удачных походов, осуществленных в 705—715 гг. Кутейбой ибн Муслимом, ставившим перед собой задачей не только грабеж, но и завоевание Средней Азии, известное количество арабов обосновалось на этой территории. Это было связано в первую очередь с водворением гарнизонов в крупных городах. Уже в 705 г. Кутейба ибн Муслим, взяв Пайкенд, назначил правителем города араба и оставил

[1] Следует строго различать вопрос о количестве оседавших тюрок и вопрос о количестве обитавших в пределах Среднеазиатского междуречья тюрок-кочевников.

при нем небольшой гарнизон[1]. В 712 г. Кутейба взял Бухару и приказал жителям отдать арабам половину домов в городе. В очищенных кварталах были размещены арабы, составлявшие гарнизон, причем размещение их производилось в соответствии с племенным делением. По отдельным арабским племенам (Бену Са'д, Бену Асад и др.) в дальнейшем именовались некоторые ворота города.

В 713 г., после взятия Самарканда, Кутейба, по одной из приведенных у Табари версий, приказал местным жителям полностью очистить город и разместил в нем свои войска[2]. Уходя из Самарканда в Мерв, Кутейба оставил в нем большой гарнизон во главе со своим братом Абдаллахом и приказал ему впускать местных жителей только на день[3]. Однако, судя по дальнейшим событиям и более поздним данным, жители вскоре снова возвратились в город. Гарнизон, который арабы держали в Самарканде, был, повидимому, самым большим во всей Средней Азии. Во время восстания 728—729 гг. Самарканд был единственным крупным городом, остававшимся в руках арабов; гарнизон, находившийся в нем, насчитывал более 12 000 человек[4].Однако общее число арабов, составлявших гарнизоны, размещенные в городах Средней Азии, было сравнительно невелико и вряд ли превышало 30 000—40 000 человек. Определенные группы арабов, повидимому, обосновались в VIII в. или несколько позднее также в сельских местностях. Об этом свидетельствуют встречающиеся в источниках арабские наименования населенных пунктов в различных областях Среднеазиатского междуречья[5]. Однако число таких населенных пунктов ограничено, что указывает на незначительность арабского населения в сельских местностях. Источники X в. не содержат подробных данных о расселении арабов в Среднеазиатском междуречье, но отмечают, что во всех городах имеются группы неменитов. В частности, о Бухаре указывается, что население в ней смешанное — частично из арабов, частично из неарабов[6]. Я'куби особо отмечает, что в Осрушане арабы длительный период не селились, так как местное население не пускало их туда; однако в X в. они проникли и в эту область.

Исходя из всей совокупности имеющихся данных, можно с уверенностью говорить о том, что количество обосновавшихся в Среднеазиатском междуречье арабов было сравнительно невелико. Арабы в основном обитали в городах, где составляли первоначально гарнизоны. Вероятно, такое же назначение имели на первых порах и арабские поселения в сельских местностях.

* * *

Арабы принесли с собой в Среднюю Азию свой язык и свою религию. Арабский язык всячески насаждался правителями и наместниками, но в конечном итоге не получил массового распространения. Однако он

---

[1] Табари, II, стр. 1187 (после ухода Кутейбы жители восстали и убили правителя и его отряд, за что город был затем разграблен, а население его перебито).

[2] Там же, стр. 1245, 1246.

[3] Там же, стр. 1252.

[4] Там же, стр. 1540 (с этим количеством воинов выступил правитель Самарканда Саура ибн ал-Хурр на выручку окруженного в горах ал-Джунейда ибн Абдаррахмана).

[5] Крепость Умм Джафар около Фараба (Ибн Хордадбех. BGA, VI, стр. 25); замок Алкамы в 2 фарсахах от Самарканда на пути в Бухару (там же, стр. 26); Наукад Курейш — в Кашка-дарьинском оазисе (Ибн Хаукаль. BGA, II, стр. 376); несколько деревень, населенных арабами, имелось в рустаке Ведар (Ибн Хаукаль. BGA, II, стр. 373).

[6] Я'куби. BGA, VII, стр. 292.

оказал определенное влияние на лексику таджикского языка, что засвидетельствовано наличием в ранних литературных произведениях на этом языке известного количества арабизмов.

Насаждение ислама велось арабами с первых же их походов в Среднюю Азию; при этом использовались все возможные средства, начиная от уплаты небольшой суммы за посещение мечети и кончая прямым насилием. Исламизация населения Среднеазиатского междуречья произошла в основном уже после завоевания его арабами и подавления восстания Муканны.

В X веке весь Мавераннахр рассматривался как территория, населенная правоверными мусульманами в противоположность северным степным областям, где обитали неверные тюрки. Победа ислама внесла определенные изменения в культуру населения интересующей нас территории, причем изменения в основном отрицательного порядка. В частности, именно с этим связан постепенный упадок ряда отраслей изобразительного искусства, находившихся до этого на весьма высоком уровне. В культурном отношении арабы, несомненно, стояли на более низком уровне развития, чем население Среднеазиатского междуречья. Вследствие этого никакого вклада в культуру складывавшейся таджикской народности они не могли внести. Наоборот, они сами воспринимали культуру местного населения и сравнительно быстро ассимилировались с ним. Об этом весьма определенно свидетельствуют слова Джахиза, говорящего, что сыновья поселившихся в Фергане арабов уже ничем не отличаются от коренных жителей этой области — ни по облику, ни по одежде[1].

Все изложенное дает право считать, что арабы не составляли существенного дополнительного компонента в процессе сложения таджикской народности.

* * *

Вместе с арабами, в качестве их клиентов, на территорию Среднеазиатского междуречья явились также персы, жители Хорасана, сирийцы и представители населения других западных стран. Персов в составе арабских войск было, без сомнения, немало, но в то же время ни в одном из имеющихся в нашем распоряжении источников не содержится упоминаний о группах выходцев из Персии, явившихся в этот период в Среднюю Азию. В связи с этим следует отметить, что говорить о каком-либо значительном по своим размерам переселении персов в Среднюю Азию в период завоевания ее арабами, как это делают некоторые исследователи (в частности, В. В. Бартольд), нет реальных оснований[2]. Такого переселения, насколько об этом позволяют судить источники, не

---

[1] Tria opuscula auctore al-Djahiz Basrensi (изд. Ван Влотена). Leyden, 1903, стр. 40.

[2] Мнение о том, что в период завоевания Средней Азии имело место переселение персов, возникло в связи с необходимостью как-то объяснить появление таджикского языка в Среднеазиатском междуречье. Поскольку считалось бесспорной истиной, что он появился здесь из Персии, естественно было предполагать, что занесли его сюда именно ее жители. Некоторое количество выходцев из Персии проникло в Среднюю Азию в III и V вв. н. э., когда сюда бежали отдельные сторонники Мани, а затем маздакиты. Однако в данном случае также не имело места массовое переселение персов в Среднеазиатское междуречье. Отдельные представители населения Персии, очевидно, обосновались здесь также для поддержки торговых связей, в частности, транзитной торговли китайским и восточнотуркестанским шелком,

было и в последующий период. В силу этого мы вправе исключить персов из рассмотрения: никакой роли в сложении таджикской народности на территории Среднеазиатского междуречья они не играли.

* * *

Завоевание Средней Азии было начато арабами уже после того, как они подчинили себе Хорасан и прочно обосновались в нем. Судя по всей совокупности данных, которые имеются в разных источниках, описывающих события последней четверти VII — начала VIII в., число обосновавшихся здесь арабов было сравнительно велико. Однако войска, действовавшие в Мавераннахре в период систематического завоевания его, состояли далеко не только из одних арабов: значительную,— а, весьма вероятно, даже и большую,— часть составляли клиенты отдельных арабских племен, в частности выходцы из коренного населения Хорасана. Клиенты постоянно фигурируют в источниках наряду с арабами, как важные действующие лица в событиях VIII в. Многие из них занимали весьма видное положение и играли большую роль во вспыхивавших время от времени раздорах между представителями разных арабских племен[1].

Пополнение арабских войск, несших в сражениях с населением Средней Азии большие потери, шло, с одной стороны, за счет Хорасана, а с другой стороны, путем включения отрядов из покоренных областей. Система использования вспомогательных войск была введена Кутейбой ибн Муслимом и, судя по всему, сохранилась до середины VIII в. В 715 г., во время восстания войска против Кутейбы, в нем насчитывалось более 10 000 неарабов, в числе которых были также согдийцы и тюрки[2]. Однако выходцев из Хорасана, обосновавшихся в рассматриваемый период на интересующей нас территории, было сравнительно мало. Никаких переселений — добровольных или насильственных — жителей Хорасана в Среднеазиатское междуречье не было. Некоторый приток их, несомненно, имел место в IX—X вв., в период возвышения тахиридов и саманидов; но это были небольшие группы бюрократии и придворных, не вносившие сколько-нибудь заметного изменения в состав населения городов. Следует также учесть следующее обстоятельство: переселение сколько-нибудь значительной группы жителей Хорасана в сельские местности Мавераннахра было бы возможно лишь при наличии в последнем свободных орошаемых земель. А таковых, несомненно, не было. Учитывая все сказанное, можно считать, что жители Хорасана также не составили существенного дополнительного компонента в процессе сложения таджикской народности на территории Среднеазиатского междуречья.

основным потребителем которого была Византия. Относительно большое проникновение персов на территорию Тохаристана могло происходить лишь в ранние периоды, когда Тохаристан был подчинен Ирану, но конкретных данных по этому вопросу в нашем распоряжении не имеется.

[1] Например, братья Сабит ибн Кутба и Хурейс ибн Кутба, перешедшие в начале VIII в. н. э. от ал-Мухаллаба ибн Суфры к Мусе ибн Абдаллаху; с ними ушло 300 чакиров и арабов, являвшихся их приверженцами (Т а б а р и, II, стр. 1080 и сл.).

[2] Chronique de Tabari, traduite sur le version persane d'Abou Ali Muhammad Bel'ami par M. N. Zotenberg, IV. Paris, 1874, стр. 209. Рукопись Института востоковедения Академии Наук СССР, Д182, стр. 436б. Следует отметить, что одной из причин восстания были попытки Кутейбы создать себе прочную военную опору именно из отрядов, сформированных из населения Хорасана, Тохаристана и других областей Средней Азии.

3. СЛОЖЕНИЕ ОБЩНОСТИ ЯЗЫКА ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОСТИ

Разрешение вопроса о пути сложения общности языка таджикской народности сильно осложнено тем обстоятельством, что вопрос о месте и времени возникновения таджикского языка является в настоящее время еще дискуссионным. Среди специалистов — лингвистов и филологов до недавнего времени господствовала точка зрения, что таджикский язык не что иное, как новоперсидский язык, принесенный в Среднюю Азию, Хорасан и Северный Афганистан выходцами из Персии в период арабского завоевания[1]. В последнее десятилетие была выдвинута другая точка зрения на происхождение таджикского языка; сторонники ее утверждают, что таджикский язык сложился на территории Средней Азии, Хорасана и Северного Афганистана в период до арабского завоевания, а затем, став литературным языком, постепенно распространился на запад, в Персию[2].

Вполне естественно, что оценить правильность отдельных положений этих двух точек зрения и дать окончательное решение вопроса о месте и времени возникновения таджикского языка должны лингвисты. Для нас существенно то обстоятельство, что неясность в отношении места и времени возникновения таджикского языка не делает неразрешимым вопрос о пути сложения общности языка таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. Мы можем использовать ряд данных о языках, на которых говорило население Среднеазиатского междуречья, Тохаристана и Хорасана в различные периоды, позволяющих предложить его решение хотя бы в самом общем виде.

Наиболее ранние данные о языках населения Средней Азии, которыми мы располагаем в настоящее время, относятся ко II—I вв. до н. э. Это сообщение двух совершенно независимых друг от друга авторов — Страбона и Чжан Цяня, из которых последний лично побывал в Средней Азии в 129—128 гг. до н. э. [3] Страбон указывает, что название Арианы распространяется на области, населенные персами, мидийцами, бактрийцами и согдийцами, вследствие того, что в них говорят на почти одинаковых языках [4].

Чжан Цянь сообщает, что жители территории от Да-вани (Ферганы) на запад до Ань-си (Парфии) говорят на отдельных, но весьма сходных между собою языках и при разговоре понимают друг друга [5]. На основании

---

[1] Эта точка зрения была выдвинута В. Гейгером и впоследствии поддержана А. Мейе, В. В. Бартольдом, А. А. Фрейманом и др. А. А. Фрейман в своей последней по выходу в свет работе (Сталинское учение о языке и иранское языкознание. ИАНОЯЛ, т. X, вып. 1, 1951) считает, что персидские говоры начали проникать в Среднюю Азию еще до арабского завоевания — в период активной деятельности манихейцев на Востоке.

[2] М. Т. Бехар. Сабкшинаси иа тарихи татаввури насри фарси. Тт. I, II. Тегеран, 1942; Е. Э. Бертельс. Персидский — дари — таджикский. СЭ, 1950, № 4; А. Мирзоев. Забони адабиоти классики ва муносибати он бо забони имрузаи точики. Шарки Сурх, 1949, № 4. Следует отметить, что ряд доводов и предположений, высказанных Бехаром, неприемлем и неправилен, в частности, попытка искать истоки таджикского языка в согдийском.

[3] Чжан Цянь был отправлен в 139 г. до н. э. императором У-ди к большим юэчжам с целью склонить их к совместному выступлению против хунну; однако в самом начале своего путешествия на запад он был захвачен последними и около десяти лет прожил среди них в качестве пленника. Затем, воспользовавшись благоприятным случаем, Чжан Цянь бежал в Да-вань (Фергану), откуда прибыл к большим юэ-чжам, обосновавшимся к тому времени в Среднеазиатском междуречье.

[4] Страбон. География, XI, 2,8 (изд. Meinecke, т. III, стр. 723).

[5] Шицзи, гл. 123, л. 7а; Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.— Л., 1950, т. II, стр. 161, 188; Цянь Ханьшу, гл. 95, л. 12а.

этих двух сообщений можно придти к заключению, что население отдельных областей Среднеазиатского междуречья во II—I вв. до н. э. говорило на весьма близких друг к другу иранских языках. Следует отметить, что указанные сообщения относятся к периоду, когда в Среднеазиатском междуречье уже появились юэ-чжи (тохары); это обстоятельство является косвенным указанием на ираноязычность последних[1]. Вопрос о языке тохар, как известно, был предметом многолетней дискуссии между лингвистами, породившей громадную литературу. В настоящее время большинство исследователей пришло к заключению, что язык их относится к сакской группе иранских языков[2]. Насколько широко был распространен этот язык в пределах Средней Азии, мы не знаем. Судя по имеющимся обрывочным данным, относительно большая группа тохар обосновалась в пределах Бактрии, которая уже с IV в. н. э. (а, вероятно, и ранее) стала именоваться Тохаристаном. В более северных областях тохары, повидимому, обосновались в значительно меньшем количестве (возможно, относительно большая группа их имелась в Фергане). Учитывая эти моменты, можно предполагать, что тохарский язык имел ограниченное распространение в долине Зеравшана, Осрушане и Кашка-дарьинском оазисе, но, вероятно, значительно шире был распространен в Тохаристане; здесь он, очевидно, также сохранялся более длительный период, чем в указанных северных областях[3]. Письменных памятников кушанского периода с территории Средней Азии в нашем распоряжении в настоящее время еще не имеется (за исключением монет, место чеканки которых не установлено).

Последующий период — I — VI вв.— вообще очень слабо освещен в источниках, вследствие чего и данные о том, на каких языках говорило население отдельных областей Средней Азии в это время, крайне скудны. К IV в. относятся древнейшие памятники на согдийском языке (так называемые согдийские «старые письма»), найденные, однако, не на территории Средней Азии, а в Восточном Туркестане. К V—VI вв. относится древнейший памятник согдийской письменности, найденный на территории самой Средней Азии,—короткая надпись на фрагменте хума, обнаруженном в слое Тали Барзу IV Основываясь на этих фактах и ряде косвенных данных, можно со значительной долей уверенности предполагать, что в указанный период в долине Зеравшана и, вероятно, также в Осрушане и Кашка-дарьинском оазисе господствовал согдийский язык. В горных районах Тохаристана, очевидно, были распространены иные языки — сакской группы. На каких языках говорили жители Ферганы и равнинной части Тохаристана, нам неизвестно. В Тохаристане, как уже отмечалось выше, можно ожидать переживание тохарского языка вплоть до этого периода, а, возможно, и позднее. В Хорасане, как предполагают некоторые лингвисты,

---

[1] Если бы язык юэ-чжей был полностью отличен от языков коренного населения Среднеазиатского междуречья, это так или иначе отразилось бы в приведенных сообщениях обоих авторов (в особенности Чжан Цяня).

[2] Предположение о принадлежности языка тохар к восточноиранской группе языков было высказано еще Стель-Гольстейном (см. Stael-Holstein. Tocharisch und die Sprache II. ИАН, 1908, № 18). В дальнейшем это предположение подтвердилось при анализе текстов из Восточного Туркестана. Основные данные см.: St. Konow. War «tocharisch» die Sprache der Tocharer? Asia Major, IX, 1933; его же. Notes concerning Khotanese. NTS, XIII, 1945; H. Bailey. Ttaugara. BSOS, VIII, 1938; P. Pelliot. Tokharien et koutchéen. JA, t. 224, 1934; его же. A propos du «tokharien», TP, t. 32, 1936; Van Windekens. La problème tokharien et l'hypothese de M. Sten Konow. NTS, XIV, 1946.

[3] В связи с этим лингвистам следовало бы обратить внимание на тот факт, что у ряда арабоязычных авторов (в частности, у ал-Бируни) встречаются «тохарские» (тохаристанские) термины, исследование которых могло бы дать ряд интересных фактов о языке населения Тохаристана в VII—X вв.

в IV — VI вв. шел процесс вытеснения парфянского языка говорами, легшими в основу таджикского языка. При этом не исключается возможность, что эти говоры имели также некоторое распространение в пределах Среднеазиатского междуречья и Тохаристана.

В IV в. в Среднеазиатское междуречье и Тохаристан начали проникать хиониты-эфталиты, постепенно оседавшие здесь в сравнительно большом количестве. Язык, на котором говорили хиониты-эфталиты, по всей вероятности, был иранский. Сколь широко он распространился на интересующей нас территории, в настоящее время неизвестно; однако сравнительно быстрая ассимиляция хионитов-эфталитов с коренным населением и полное отсутствие в источниках IX—X вв. каких-либо указаний о переживании их языка до этого периода свидетельствует о том, что он в конечном результате полностью исчез, будучи вытеснен местными языками. Вследствие этого мы имеем достаточные основания предполагать, что оседание хионитов-эфталитов в пределах Средней Азии не вызвало каких-либо существенных изменений в лингвистической карте этой территории. Поскольку хиониты-эфталиты сохраняли в Тохаристане свое этническое лицо дольше, чем в более северных областях, естественно считать, что и язык их сохранялся в Тохаристане дольше, чем в вышеуказанных областях.

* * *

Для периода VII—VIII вв. мы имеем уже значительно больше данных о языках, на которых говорило население Среднеазиатского междуречья, Тохаристана и Хорасана. Это, во-первых, данные китайских и арабоязычных источников и, во-вторых, ряд памятников на согдийском языке, происходящих с территории Среднеазиатского междуречья. На основе этих данных мы можем приблизительно наметить области распространения разных языков на указанной территории в VII—VIII вв.

Согласно запискам Сюань Цзана[1], проехавшего через Среднюю Азию и Северный Афганистан в 630 г., обширная территория от Суяба до Кеша именовалась Су-ли (Согдом), и это же название носили язык и письменность ее населения. В географическое понятие Су-ли — Согда, по данным, содержащимся в этих записках, входили долина Зеравшана, Осрушана, Кашка-дарьинский оазис и Чач. Не включались в него Хорезм и Фергана, где, как указывает Сюань Цзан, говорили на своих особых языках. Южнее Кеша, точнее — «железных ворот», начиналась территория Тохаристана, в который входили Термез, Чаганиан, Ахарун, Шуман, Кобадиан, Вахш, Хуттал, Кумед, Шугнан и ряд областей, лежащих южнее Аму-Дарьи в пределах Северного Афганистана. Здесь, в Тохаристане (исключая Шугнан), говорили на своем, тохаристанском языке, несколько отличавшемся от языков других областей. Поскольку Сюань Цзан ехал с севера на юг, естественно, что сравнение языка Тохаристана производилось им с языками более северных областей и, в первую очередь, с согдийским. Далее в его записках отмечается, что в Шугнане и Бамиане говорят на языках, несколько отличных от тохаристанского, а язык Каписы сильно отличается от последнего. На ином (чем тохаристанский) языке говорили также в области Шан-ми, локализуемой в пределах Читрала. Из приведенных выше данных Сюань Цзана очевидно, что в первой половине VII в. согдийский язык господствовал в долине Зеравшана, Осрушане, Кашка-дарьинском оазисе и Чаче, а также был широко распространен в степных областях севернее Сыр-Дарьи вплоть до Иссык-Куля. Последнее является прямым результатом интенсивной колонизации согдийцами этих обла-

[1] S. Beal. Si-yu-ki. т. I, Лондон, 1884, стр. 26 и след.

стей, имевшей место на протяжении V —VII вв. В Тохаристане в первой половине VII в. говорили на особом языке, несколько отличном от согдийского; характер сопоставления этих языков у Сюань Цзана позволяет предполагать, что язык Тохаристана также был иранский.

Особые локальные языки, но опять-таки, повидимому, иранские, имелись в Хорезме, Фергане, Шугнане, Бамиане и Читрале. В Каписе, расположенной южнее Тохаристана, говорили на языке, сильно отличавшемся от тохаристанского; поскольку этот язык, по данным Сюань Цзана, сильно отличался и от индийских языков, можно предполагать, что он также был иранским. В точности данных Сюань Цзана нет оснований сомневаться, так как записки составлены им на основе личных наблюдений и сведений, собранных на месте. Но указания его о степени отличия одного языка от другого, конечно, должны рассматриваться лишь как относительные. Вследствие этого реальная разница между согдийским и тохаристанским языками остается для нас неизвестной. Относительно упоминаемых Сюань Цзаном особых языков в Шугнане и Читрале можно предполагать, что они соответствуют тем языкам, которые сохранились до настоящего времени в этих областях. Что касается языка Хорезма, то это, несомненно, тот хорезмийский язык, который нам известен по данным, извлеченным из арабоязычных источников и на котором написаны пока еще не расшифрованные документы из Топрак-калы.

В 728 г. н. э., т. е. почти через сто лет после Сюань Цзана, через Среднюю Азию и Афганистан проехал другой китайский паломник — Хой Чао, также составивший весьма интересные для нас записки[1]. Хой Чао объединяет в одну группу шесть основных владений Среднеазиатского междуречья — Ань (Бухарский оазис), Цао (вероятно, Осрушана), Ши (Кеш), Ши-ло (Чач и Илак?), Ми (Маймург) и Кан (самаркандский Согд) и дает краткое описание всех их вместе. Относительно языка населения этой территории в его записках указано, что он отличен от языков других владений[2]. Поскольку Хой Чао, в отличие от Сюань Цзана, ехал не с севера на юг, а с юга на север, сравнение языка указанных владений производилось им с языками областей, лежащих южнее Кеша. Из приведенных выше данных можно сделать вывод, что в начале VIII в. в долине Зарафшана, Осрушане (?), Кашка-дарьинском оазисе и Чаче господствовал один и тот же язык, которым, бесспорно, является согдийский. Далее, можно предполагать, что южнее Кашка-дарьинского оазиса этот язык сколько-нибудь значительного распространения не имел. Относительно языка, на котором говорило в этот период население Ферганы, Хой Чао указывает, что он отличен от языков остальных владений[3]. С языками каких конкретных территорий производится в данном случае сравнение, не указано; однако, поскольку описание Ферганы помещается после описания упомянутых выше шести владений, можно предполагать, что сравнивается язык ее с языком, распространенным в последних. Во всяком случае очевидно, что язык, на котором говорили в Фергане в первой четверти VIII в., был отличен от согдийского.

О языке Тохаристана Хой Чао сообщает, что он отличен от языков других владений, но несколько сходен с языком Каписы[4]. В Хуттале, который

---

[1] W. F u c h s. Huei-Ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726. SPAW, 1938.

[2] Там же, стр. 467: «Язык неодинаков [с языками] всех [других] владений».

[3] Там же, стр. 467: «Язык особый, неодинаков [с языками] остальных владений»

[4] Там же, стр. 465: «Язык иной, чем [языки] всех [других] владений, притом немного сходен с [языком] владения Цзи-бинь, но во многом различен [и] неодинаков [с ним]».

этот автор выделяет из Тохаристана, население состояло, по его данным, частично из «ху», а частично из тюрок; в соответствии с этим здесь имелось несколько языков — тохаристанский, тюркский и «местный»[1].

Последнее указание представляет особый интерес, так как свидетельствует о том, что в пределах Хутталя, наряду с господствовавшим во всем Тохаристане языком, имел распространение также какой-то иной, отличный от него язык. Учитывая то обстоятельство, что Сюань Цзан никаких данных о наличии этого второго языка в Хуттале не сообщает, можно предполагать, что этот язык имел лишь локальное значение, а господствующим был тохаристанский. Весьма возможно, что это был один из языков сакской группы, распространенный в прошлом в Дарвазе и Каратегине, но не сохранившийся до наших дней. Далее Хой Чао указывает, что в Шугнане, Вахане и Бамиане говорили на особых языках, отличных от языков других областей.

Язык, на котором говорили в Каписе, характеризуется им, как имеющий много сходного с языком Тохаристана; в данном случае мы сталкиваемся с противоречием, ибо, как уже отмечалось выше, тохаристанский язык характеризуется им, как сильно отличающийся от языка Каписы. Установить, какая из этих двух характеристик правильнее, невозможно, но в обоих случаях мы имеем основания говорить о более или менее значительной близости обоих языков друг к другу. Следует также отметить, что Хой Чао характеризует язык Персии (Бо-сы), как особый, отличный, от языков остальных областей и владений[2]. Речь в данном случае идет, несомненно, о глубинной Персии, так как указывается, что Бо-сы лежит в месяце пути от Ту-хо-ло на запад.

Если сопоставить данные о территории распространения отдельных языков, содержащиеся в записках Сюань Цзана, с соответствующими данными, сообщаемыми Хой Чао, то легко убедиться, что они в основном совпадают друг с другом. Это обстоятельство позволяет наметить следующую приблизительную схему распространения отдельных языков на интересующей нас территории в VII в. — первой четверти VIII в. по данным китайских источников: долина Зеравшана, Кашка-дарьинский оазис и Чач — области господства согдийского языка; Фергана — область со своим, по всей вероятности, принадлежащим к иранской семье языком[3]. Тохаристан — область господства особого языка, отличного от согдийского (в Хуттале этот язык сосуществовал с каким-то «местным», возможно, сакским языком); Шугнан, Вахан и Бамиан — области, в которых говорили на особых языках (повидимому, языки Шугнана и Вахана следует считать сакскими, поскольку к этой группе относятся сохранившиеся до нашего времени локальные шугнанский и ваханский языки); Каписа — область господства особого языка, сходного с тохаристанским. К сожалению, никаких данных о языке, на котором говорили в этот период на территории Хорасана, в китайских источниках не имеется. Для нас в данном случае наибольшее значение имеет вопрос о том, что́ скрывается

---

[1] Там же, стр. 453: «Язык частично тухолосский, частично тюркский [,а] частично местный». Термин «ху» обычно прилагается в китайских источниках этого времени к праноязычному населению Средней Азии и Восточного Туркестана.

[2] Там же, стр. 466.

[3] В одном из дошедших до нас отрывков из сочинения Пэй Цзюя (VII в. н. э.) имеется следующее указание относительно Ферганы: «Родовое имя царя Су-сэ-ни, собственное имя Ди-ши-пань-то; на протяжении [многих] поколений преемственность не прерывалась» (ТШЦЧ, VIII, 59, л. 7б). Личное имя царя Ферганы, упоминаемого здесь Пэй Цзюем, Ди-Ши-пань-то (Tiei-śi-b'uân-d'â), очевидно, являющееся транскрипцией Тишьябанда, — несомненно, иранское.

под названием «тохаристанский язык». Некоторые данные для решения этого вопроса могут быть извлечены из арабоязычных источников. В 737 г. наместник Хорасана Асад ибн Абдаллах вторгся в Хутталь, где потерпел крупное поражение в столкновении с призванными местным владетелем на помощь тюргешами. По этому поводу жители Тохаристана сочинили стихи, которые дошли до нас в сочинении Табари[1]. По единогласному мнению специалистов-лингвистов, эти стихи написаны на таджикском языке. Этот факт свидетельствует о том, что в начале VIII в. на территории Тохаристана таджикский язык имел более или менее значительное распространение. Следует отметить, что указанное стихотворение, сочиненное, по всей вероятности, не профессионалом-поэтом, пользовалось большой популярностью среди населения (об этом свидетельствует то, что оно приводится у Табари трижды с некоторыми вариантами). При описании событий 737 г. в Хуттале Табари упоминает несколько географических названий, из которых особый интерес представляют три: Сурхдара (سرخ دره), Хушвараг (خشو داغ) и Гуриян (غوريان)[2]. Из них два первых, несомненно, таджикские по форме, а третье не вполне ясно. Эти названия также свидетельствуют о том, что таджикский язык имел в Хуттале в этот период более или менее значительное распространение. В связи с этим заслуживает большого внимания объяснение термина «дари»[3], которое впервые дается автором VIII в. н. э. Ибн Мукаффой. Здесь указывается, что «преобладает в нем из говоров жителей Хорасана и Востока говор жителей Балха»[4]. Это же указание почти дословно повторяется и у более поздних авторов: у ал-Хуваризми[5] и Якута. Из этого можно сделать заключение, что в представлениях арабоязычных авторов VIII—X вв. таджикский язык по происхождению связывался с территорией Тохаристана и, конкретно, с Балхом. В относительно более позднем по времени составления словаре Бурхан Кати это представление также нашло свое отражение: здесь указывается, что, согласно одному из существующих объяснений значения термина «дари», это диалект жителей Балха, Бухары, Бадахшана и Мерва[6] В данном случае Балх стоит на первом месте.

Приведенные выше данные, несмотря на несомненную их ограниченность, позволяют предполагать, что в VIII в. какая-то определенная часть населения Тохаристана (если не все оно целиком) говорила на таджикском языке. В соответствии с этим можно предполагать, что язык Тохаристана, характеризуемый Сюань Цзаном и Хой Чао, как отличный от согдийского, является именно таджикским.

* * *

Как уже указывалось выше, по данным китайских источников, в VII—VIII вв. н. э. на территории долины Зеравшана, Осрушаны и Кашкадарьинского оазиса господствовал согдийский язык. Это подтверждается также письменными памятниками, имеющимися с этой территории, которые все [за исключением двух документов из архива Дивастича — одного на

---

[1] Табари, II, стр. 1492, 1494 и 1603.
[2] Там же, стр. 1493, 1593.
[3] Терминами «дари» и «фарси», как это показали исследования филологов, в среднеазиатских произведениях X—XI вв. именуется таджикский язык.
[4] Kitab al-Fihrist (изд. Флюгеля), т. I, Leipzig, 1871, стр. 13:
[5] Ал-Хуваризми. Мафатих ал-улум, стр. 117.
[6] М. Т. Бехар. Ук. соч., т. I, стр. 19.

арабском языке, а второго — на тюркском (?)] написаны на согдийском языке. Однако согдийский язык в VIII в. уже не был единственным, на котором говорило население данной территории. Нершахи в своей «Истории Бухары» сообщает, что в Бухаре в первые годы после постройки мечети жителям читали Коран на «фарси», так как они не понимали по-арабски. Далее, он указывает, что в моменты, когда надо было опускаться на колени и совершать поклоны, специальный человек громко объявлял соответствующие приказания, приведенные в тексте в арабской транскрипции [1].

Эти приказания в свое время были определены Розенбергом, как согдийские по языку [2]; но в настоящее время Бехаром высказано мнение, что их следует относить к «дари» [3], т. е. считать таджикскими. Вне зависимости от того, на каком языке давались приказания, очевидно, что раз Коран читали на «фарси», какая-то часть населения Бухары понимала этот язык.

В 728 г. наместник Хорасана Ашрас решил обратить в ислам жителей Мавераннахра, для чего отправил туда некоего Абу-с-Сайда. Он успешно действовал в Самарканде и его окрестностях, но когда Ашрас приказал продолжать взимание джизьи с обратившихся в мусульманство, примкнул к поднявшим восстание местным жителям. В описании этих событий у Табари имеется одна чрезвычайно важная для нас деталь: Абу-с-Сайда первоначально отказывался от возложенной на него миссии, ссылаясь на то, что он «неискусен в фарси» [4]. Этот момент указывает на то, что пропаганда ислама велась в Самарканде, так же как в Бухаре, на этом языке.

Таким образом, мы имеем определенные указания на то, что в начале VIII в. в Бухаре и Самарканде какая-то часть населения понимала таджикский язык, так как под «фарси» в более поздний период подразумевался именно он.

* * *

О том, на каких языках говорило население Среднеазиатского междуречья, Тохаристана и Хорасана в X в., мы имеем сравнительно подробные сведения у Мукаддаси [5]. Этот автор выделяет в Хорасане и Тохаристане пять «основных» языков: нишапурский, бустский, мервский, балхский и гератский, причем отмечает некоторые особенности каждого из них. Далее, он перечисляет ряд «дополнительных» языков, распространенных на этой территории, давая определенные указания о характере взаимоотношений каждого из них с тем или иным из «основных» языков: Туса и Нисы — близкий к нишапурскому, Серахса и Абиверда — близкий к мервскому, Гарчистана — занимающий среднее положение между гератским и мервским, Джузджана — занимающий среднее положение между мервским и балхским, Бамиана и Тохаристана — близкий к балхскому, Мерверруда и Джузджанана — близкий к балхскому и мервскому, термезский — близкий к балхскому. В Мавераннахре Мукаддаси

---

[1] Description Topographique et Historique de Boukhara par Mohammad Nerchakhy (изд. Шефера). Paris, 1892, стр. 47.

[2] F. Rosenberg. Sogdica. Prace lingwistycne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay. Kraków, 1921, стр. 96.

[3] М. Т. Бехар. Ук. соч., т. I, стр. 229.

[4] Табари, II, стр. 1507.

[5] Мукаддаси. BGA, III, стр. 334—335.

выделяет следующие языки: хорезмийский, о котором говорит, что он непонятен, бухарский, который именует «дари», самаркандский, шашский, ферганский и согдийский, занимающий особое место. При этом он отмечает также определенные особенности этих языков, но не указывает характера взаимоотношений их друг с другом. Далее, Мукаддаси указывает, что в рустаках Бухары говорят на языках, сходных с согдийским. Как показал Бехар, все языки, упоминаемые Мукаддаси,— за исключением хорезмийского и согдийского,— являются локальными говорами таджикского языка[1].

Основываясь на данных Мукаддаси, мы можем придти к заключению, что в X в. большинство населения Хорасана, Тохаристана и Среднеазиатского междуречья говорило уже на таджикском языке, но в то же время в самаркандском Согде и рустаках Бухарского оазиса еще сохранялись согдийские говоры. Это подтверждается также данными другого автора X в. — Истахри. Он указывает, что язык Бухары такой же, как язык Согда, но с определенными особенностями в произношении, а затем добавляет, что среди жителей ее употребляется также «дари»[2].

На основании всего сказанного можно сделать вывод, что таджикский язык был для долины Зеравшана, Осрушаны и Кашка-дарьинского оазиса пришлым, постепенно вытеснявшим согдийский. Когда началось распространение его на эту территорию, установить пока невозможно. Но очевидно, что этот процесс начался, во всяком случае, не позднее VII в. н. э.: в VIII в. таджикский язык понимали в Бухаре и Самарканде. Таджикский язык распространялся в первую очередь в городах, а затем уже, — гораздо медленнее,— в сельских местностях. В последних согдийские говоры сохранялись в X в. и, повидимому, также позднее. Вследствие этого завершение процесса вытеснения согдийского языка таджикским падает уже на период после X в.

В Тохаристане таджикский язык, повидимому, был распространен раньше, чем в вышеуказанных более северных областях Среднеазиатского междуречья. Здесь он также вытеснил в конечном результате другие языки и говоры, которые, вероятно, относились к сакской группе. В числе последних, очевидно, был эфталитский язык и, возможно, также тохарский.

Вопрос о том, с какой территории распространялся таджикский язык в центральные и северные области Среднеазиатского междуречья, остается в настоящее время открытым. Ряд данных, приведенных выше, как будто говорит за то, что ею мог быть и Тохаристан. Что касается возможности распространения его на север из Хорасана, то здесь необходимо учитывать враждебный характер взаимоотношений между среднеазиатскими владениями и сасанидами почти на всем протяжении периода господства последних в Иране. Это положение не могло создать благоприятной обстановки для распространения языка из Хорасана на территории, лежащие севернее Аму-Дарьи.

Несмотря на неразрешенность этого весьма важного вопроса, мы вправе считать, что процесс сложения общности языка таджикской народности в Среднеазиатском междуречье носил характер постепенного вытеснения языков восточноиранской группы таджикским языком, относящимся к западноиранской группе (по классификации лингвистов).

---

[1] М. Т. Бехар. Ук. соч., т. I, стр. 244 и сл.

[2] Истахри. BGA, I, стр. 314 (это же дословно повторено у Ибн Хаукаля. BGA, II, стр. 363.

4. ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩНОСТИ ТЕРРИТОРИИ ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОСТИ

Процесс образования общности территории таджикской народности, протекавший в период зарождения и становления феодальных отношений, был сложным и противоречивым процессом дробления и объединения государственных образований, существовавших до X в. в пределах всей территории сложения таджиков и в Среднеазиатском междуречье, в частности, завершившимся созданием относительно централизованного саманидского государства. Для того чтобы установить конкретный ход этого процесса, необходимо проследить изменения территориально-государственного членения Среднеазиатского междуречья на протяжении всего периода от кризиса рабовладельческой формации до X в. н. э. Археологические исследования последних 15 лет показали, что кризис рабовладельческой формации в Средней Азии падает на IV—VI вв. н. э. Этот кризис самым непосредственным образом отразился и в политическом членении Средней Азии, что весьма определенно засвидетельствовано китайскими источниками.

В Цзинь-шу[1], отражающей положение, существовавшее во второй половине III в. н. э., еще фигурируют все три основных государства античного периода: Кушанская империя (государство больших юэ-чжей), Кан-гюй и Да-вань. Но в Бэй-ши, в первой части 97 главы[2], отражающей положение, сложившееся к 435 г. н. э., уже нет ни Кан-гюя, ни Да-вани, а государство больших юэ-чжей выступает как весьма небольшое по своим территориальным пределам; наряду с этим в данном источнике перечисляются 15 небольших владений, расположенных в пределах Среднеазиатского междуречья. Таким образом, очевидно, за период IV в. — первой трети V в. [3] произошел полный распад больших государств античного периода и образовался целый ряд небольших владений. Этими владениями являются:

1. Чже-чжи-ба с одноименной столицей, расположенное западнее Сулэ (Кашгара) в 11 620 ли от Дай[4].
2. Ми-ми с одноименной столицей, расположенное западнее Чже-чжи-ба в 12 100 ли от Дай.
3. Си-вань-цзинь с одноименной столицей, расположенное западнее Ми-ми в 12 720 ли от Дай.
4. Ню-ми с одноименной столицей, расположенное западнее Си-вань-цзинь в 12 820 ли от Дай.
5. По-ло-на[5] со столицей Гуй-шань, расположенное северо-западнее Су-лэ в 14 450 ли от Дай.
6. Су-дэ, расположенное северо-западнее Кан-гюя, в 16 000 ли от Дай; столица не названа.
7. Ше-чжи-сянь с одноименной столицей, расположенное северо-западнее Си-вань-цзинн в 12 940 ли от Дай.

---

[1] Цзинь-шу, гл. 97, л. 9б—10а.

[2] О составе главы 97 Бэй-ши и датировке первоисточников ее см. A. Herrmann. Die ältesten chinesischen Karten vom Zentral- und Westasien OZ 1920, стр. 189.

[3] Бэй-ши, гл. 97, л. 11*б* — 14*б*.

[4] Да-тун-фу — столица северных Вэй.

[5] Полная форма по Вэй-шу.

8. Цзя-ше-ни с одноименной столицей, расположенное южнее Си-вань-цзини в 12 900 ли от Дай.

9. Моу-чжи с одноименной столицей, расположенное юго-западнее Ню-ми в 22 920 (!) ли от Дай.

10. А-фу-тай-хань с одноименной столицей, расположенное западнее Ню-ми в 23 720 (!) ли от Дай.

11. Ху-сы-ми с одноименной столицей, расположенное западнее А-фу-тай-хани в 24 700 (!) ли от Дай.

12. Но-ше-бо-ло со столицей Бо-ло, расположенное южнее Ню-ми в 23 428 (!) ли от Дай.

13. Цзао-цзя-чжи с одноименной столицей, расположенное западнее Ню-ми в 23 728 (!) ли от Дай.

14. Цзя-бу-дань с одноименной столицей, расположенное северо-западнее Си-вань-цзини в 12 780 ли от Дай.

15. Чжэ-шэ, расположенное северо-западнее [По]-ло-на в 15 450 ли от Дай; столица не указана.

Перечисленные владения увязаны друг с другом в тексте в совершенно определенном порядке: часть из них следует непосредственно одно за другим по одной «линии» с востока на запад, часть размещается южнее, юго-западнее и северо-западнее этой «линии». Последняя идет от Су-лэ через Чже-чжи-ба, Ми-ми, Си-вань-цзинь, Ню-ми, А-фу-тай-хань, Ху-сы-ми и, судя по указанию, что Бо-сы расположено западнее Ню-ми, заканчивается где-то на далеком западе. Она совершенно определенно перекликается с центральным путем на запад по Бэй-ши, проходившим через Су-лэ, зависевшие от него мелкие владения и Да-вань в Ань-си [1] и центральным путем на запад, описанным в начале VII в. н. э. Пэй-Цзюем. Последний шел через Су-лэ, Бо-хань (Фергана), Су-дуй-шану (Осрушана), Кан (самаркандский Согд), Цао (Иштихан), Хэ (Кушания), Большой Ань (Бухара), Малый Ань (Харкана?), Му (Амуль?) и далее в Бо-сы [2]. Вследствие этого мы можем считать, что перечисленные в Бэй-ши владения в общем размещены в соответствии с реальными путями, функционировавшими в V в. н. э.

В большинстве названий этих владений мы можем опознать те, которые известны для более позднего периода (VII—VIII вв. н. э.).

Из числа владений, лежащих на указанной «линии», с легкостью устанавливается соответствие Си-вань-цзини Самарканду: за это говорит, во-первых, само древнее звучание этого названия: Siat(ð)-mjį^{w}ɑn-kjian и, во-вторых, указание Тан-шу, что при Юань-Вэй Кан именовался Си-вань-цзинь [3].

Расстояние между Си-вань-цзинью и Су-лэ (Кашгаром) составляет по Бэй-ши 12 720—11 250 = 1470 ли. В VII в. (суммируя указания Сюань-Цзана и Тан-шу) расстояние между Самаркандом и Кашгаром исчислялось приблизительно в 1900 ли, вследствие чего данные Бэй-ши представляются сомнительными.

Два владения, лежащие между Су-лэ и Си-вань-цзинью — Чже-чжи-ба и Ми-ми — не поддаются отождествлению с какими-либо более поздними. Положение первого из них неясно, так как расстояния указаны явно очень неточно; весьма вероятно, что искать его следует где-то в Южной

---

[1] E. Chavannes. Les pays d'occident d'aprés le Wei-lio. TP, VI, 1905, стр. 339.

[2] Jäger. Leben und Werk des P'ei-kü. OZ, IX, 1921, № 3/4, стр. 225.

[3] Тан-шу, гл. 221Б, л. 1а.

Фергане. Ми-ми можно предположительно, локализовать где-то в Осрушане [1].

Ню-ми, лежащее западнее Си-вань-цзини, с полной достоверностью локализуется в пределах Бухарского оазиса, так как Тан-шу указывает, что Бу-хо при Юань-Вэй именовалось Ню-ми[2]. Как уже отмечал Маркварт, отождествлять город Ню-ми с Бухарой нет оснований и наиболее вероятно, что в данном случае мы имеем транскрипцию названия Нумичкет[3].

Из трех владений, лежащих западнее Ню-ми,— А-фу-тай-хань, Цзао-цзя-чжи и Ху-сы-ми — последнее, может быть, на основании фонетического сходства, отождествлено с Хорезмом[4]. При этом, конечно, становится очевидной неправильность ориентации Ху-сы-ми относительно Ню-ми: Хорезм лежит не западнее, а северо-западнее Бухарского оазиса[5]. А-фу-тай-хань и Цзао-цзя-чжи не могут быть отождествлены с какими-либо известными нам названиями более позднего периода, и положение их неясно, тем более что расстояния их от Дай фантастически большие, уводящие по меньшей мере на Кавказ[6]. Но, по всей вероятности, их следует помещать где-то в Хорезмийском оазисе.

Владение Цзя-бу-дань, помещаемое Бэй-ши северо-западнее Си-вань-цзини (Самарканда), мы можем, учитывая древнее звучание его, отождествить с Кабуданчкетом, лежавшим в 2 фарсахах от Самарканда; расстояние в тексте (60 ли), очевидно, следует считать, как и в предшествующих случаях, неправильным[7].

Ше-чжи-сянь, лежащее северо-западнее Си-вань-цзини, отождествляется с достаточной определенностью с Иштиханом на основании фонетического сходства названий[8].

Цзя-ше-ни, расположенное южнее Си-вань-цзини, опять на основании фонетического сходства названий, следует отождествлять с Кушанией-Кешем[9].

---

[1] Совершенно неприемлема попытка Маркварта (J. Marquart und M. De Groot. Das Reich Zabul und der Gott Žun vom 6—9 Jahrhundert. Festschrift Ed. Sachau. Berlin, 1915, стр. 252) связать Чже-чжи-ба с Чачем, как не имеющая никаких реальных оснований. Так же неверно отождествление Бронниковым Ми-ми с кишлаком Дамбурачи в Каратегине (!) не обоснованное фактическими данными (Н. А. Бронников. К исторической географии тохаров. ЗМАИ, т. 35, 1914, стр. 14).

[2] Тан-шу, гл. 221Б, л 1б.

[3] J. Marquart. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898, стр. 96.

[4] Xuo-zi-mjiət.

[5] Расстояние между Ню-ми и Ху-сы-ми в Бэй-ши 24 700 —12 820 = 11 880 ли (!) явно фантастично.

[6] Маркварт (Das Reich Zabul..., стр. 254) предложил разделить название А-фу-тай-хань на две половины и переводить, как «государство великого хана А-фу». Это представляется абсолютно нереальным, так как никакого «великого хана» не может быть, поскольку столица этого владения также именуется А-фу-тай-хань. В Цзао-цзя-чжи и А-фу-тай-хани, вероятнее всего, следует видеть какие-то мелкие владения, тем более что расстояния их от Ню-ми почти совпадают.

[7] g^{c}jia = puət (δ)-tân. О Кабуданчкете см. Истахри. BGA, I, стр. 342; Абу-ль-Фида. Китаб таквим ал-булдан (изд. Reinaud), ср. 483 (цитата из не дошедшего до нас труда Ибн ал-Аспра), где дается огласованная форма: كبوذنجكث Отождествление предложено было уже Ширатори (A study on Su-te..., стр. 111).

[8] Предложено было уже Ширатори (ук. соч., стр. 111) и находит достаточное подтверждение в восстанавливаемом древнем звучании (siak-t'ie-xien). Расстояние в 220 ли следует считать неверным.

[9] Предложено также Ширатори (ук. соч., стр. 124); древнее звучание g'jia-siak nji (niäi) вполне подтверждает его.

Но-ше-бо-ло, лежащее южнее Ню-ми в 10 608 (?) ли от него, следует отождествлять с Нехшебом[1], но с известной оговоркой, обусловленной наличием конечного «ло». Установить причину наличия его пока невозможно, но первые три знака полностью совпадают с транскрипцией Нехшеба в более поздних источниках.

Моу-чжи, лежащее юго-западнее Ню-ми в 10 100 (!) ли от него, отождествить с более поздними названиями довольно трудно вследствие двусоставного характера его. По положению (отбрасывая фантастическое расстояние) его следует искать где-то на окраине Бухарского оазиса или уже на Аму-Дарье. Весьма вероятно, что его можно, вслед за Ширатори, отождествлять с Амулем [2].

Владение [По]-ло-на, лежащее северо-западнее Су-лэ (Кашгара), в Бэй-ши прямо отождествляется с Даванью, т. е. с Ферганой; кроме того, [По]-ло-на является первой по времени попыткой транскрипции этого названия[3]. В какой мере это владение соответствовало территории античной Давани, нам неизвестно, но, судя по тому, что оно не фигурирует на вышеуказанной «линии» — пути из Су-лэ в Бо-сы, можно предполагать, что пределы его были меньше, чем последней [4].

Чжэ-шэ именуется в Бэй-ши «древним государством Кан-гюй». То, что мы имеем здесь уже название Чач,— не подлежит сомнению: об этом свидетельствует древнее звучание знаков[5], положение западнее Ферганы и данные Тан-шу (см. ниже). Границы этого владения нам неизвестны, но никаких данных за вхождение в его состав какой-либо части Среднеазиатского междуречья не имеется. Наконец, Су-дэ, по всей вероятности, следует локализовать в долине Зеравшана между Бухарой и Самаркандом[6].

О территории Южного Таджикистана в первой части 97-й главы Бэй-ши не имеется никаких прямых данных. В ней фигурирует государство больших юэ-чжей (без указания границ), в котором есть все основания видеть позднекушанское государство кидаритов: в описании его указывается, что царь Ци-до-ло из-за нападений жуань-жуаней перенес столицу из города Юн-лань-ши в город Бо-ло, а затем ушел в Северную Индию[7]. Об этом событии имеются данные и в другой части 97-й главы Бэй-ши, восходящей к более позднему по времени первоисточнику: в описании государства малых юэ-чжей говорится, что Ци-до-ло ушел на запад под давлением Хун-ну[8].

Поскольку Ци-до-ло ушел на запад из Юнь-лань-ши — старой столицы кушан, находившейся где-то в Северном Афганистане, а жуань-жуани и гунны никогда не проникали на эту территорию, под хун-ну в данном случае могут подразумеваться только хиониты. Мы имеем основания считать, что кидаритское государство в том или ином виде существовало до 467 г. н. э.: за это говорит, во-первых, наличие описания государства

---

[1] Расстояние в 10 608 ли явно фантастическое. Ориентация относительно Ню-ми свидетельствует о том, что Но-ше-бо-ло лежало где-то вблизи от Бухарского оазиса и, во всяком случае, севернее Аму-Дарьи (иначе оно было бы ориентировано по Балху).

[2] Ширатори. Ук. соч., стр. 120—122.

[3] P'uâ-lâk-nâ.

[4] Как указывалось выше, Ми-ми (судя по расстоянию от Си-вань-цзини) следует локализовать в Южной Фергане. Кроме того, столица По-ло-ны находилась в городе Гуй-шань — Касане, расположенном за Сыр-Дарьей.

[5] t'śia-d'ź^{c}iät.

[6] Предположительно Су-дэ можно локализовать в Кушании.

[7] Бэй-ши, гл. 97, стр. 16а.

[8] Там же.

больших юэ-чжей в первой, ранней части 97-й главы Бэй-ши и, во-вторых, упоминание кушан и кидаритов в качестве противников Пероза до его столкновения с эфталитами[1]. История кидаритского государства очень мало известна; однако на основании ряда данных, в том числе и нумизматических, считается, что время правления самого Кидары падает на третью четверть IV в. н. э.[2] Соответственно и перенос столицы в Бо-ло[3], а также поход его в Северную Индию должны были иметь место в этот же период.

В первой части 97-й главы Бэй-ши фигурирует также владение Бочжи, расположенное южнее Цзя-ше-ни (Кушании) в 420 ли от нее (13 320—12 900 ли от Дай). Древнее звучание знаков Бо-чжи B'âk-t'ie и указанные данные о географическом положении позволяют считать, что это владение располагалось на территории Бактрии и граничило на севере с Кашкадарьинским оазисом.

Очевидно, в конце IV в., в связи с уходом Кидары на юг, произошло политическое отделение Бактрии (целиком или частично) от более южных частей кушанских владений. Об этом свидетельствует прежде всего само появление наименования Бо-чжи для территории, ранее входившей в географическое понятие государства больших юэ-чжей, а также появление государства малых юэ-чжей[4] на юге (с центром в Пурушапуре). Во второй части 97-й главы Бэй-ши, восходящей к первоисточнику, составленному, повидимому, около 450 г. н. э., мы встречаемся с новым владением, располагавшимся на территории Южного Таджикистана и Северного Афганистана,— Ту-хо-ло. Это владение граничило на севере с Си-вань-цзинью (самаркандским Согдом), на западе — с Бо-сы (Ираном), на юге — с Фань-ян (Бамианом), а на востоке было ограничено горной цепью[5]. Оно полностью совпадает с Тохаристаном арабоязычных источников, а само название его — Ту-хо-ло является транскрипцией «тохара». Однако название Ту-хо-ло — Тохаристан появляется в переводах буддийских текстов уже и раньше — в последней четверти IV в. н. э.[6] Данное обстоятельство позволяет считать, что Ту-хо-ло — Тохаристан было названием северной, основной части территории кидаритского государства, включающей в себя всю Бактрию. Указание Бэй-ши, что Ту-хо-ло граничило на севере с Си-вань-цзинью, свидетельствует о вхождении в его состав Южного Таджикистана и, в определенный период, также Кашка-дарьинского оазиса. Таким образом, мы имеем основания предполагать, что в конце IV в. кидаритское государство распалось на две части: северную,

---

[1] Данные собраны у Маркварта (Erānšāhr, стр. 55—58). В источниках кидариты часто именуются гуннами; это указывает на то, что определенная часть хионитов уже в первой половине V в. н. э. проникла на территорию Северного Афганистана.

[2] M. Martin. Coins of Kidara and the Little Kushans. JASB, III, № 2, 1937; R. Ghirshman. Les Chionites-Hephtalites, стр. 75.

[3] Маркварт (ук. соч., стр. 55), основываясь на указании Бэй-ши, что Бо-ло расположен в 2100 ли на запад от Фу-ди-ша, локализует его в Балхане. Однако это представляется весьма маловероятным, так как, с одной стороны, расстояния, приводимые в Бэй-ши, не могут считаться точными, и опираться на них при локализации тех или иных областей и городов невозможно, и, с другой стороны, древнее звучание знаков Бо-ло: B'âk-lâ заставляет считать, что речь идет о Балхе (ср. P. Pelliot. Tokharien et koutchéen. JA, t. 224, стр. 42).

[4] Правящая династия государства малых юэ-чжей происходила от сына Ци-до-ло (Кидары).

[5] Бэй-ши, гл. 97, л. 16б. В тексте дана неправильная ориентировка границ, что было отмечено и исправлено уже Марквартом (ук. соч., стр. 214, 215). Столица его Бо-ти (B'âk-tiäi) — Бактра (?).

[6] Впервые оно имеется в переводе Вибхашашастры, выполненном в 383 г. Сангхабхути, в форме Доу-цзя-лэ (Tau-k'jia-lək). См. S. Levi. Notes sur les Indo-Scythes. JA, 1897, стр. 10; Haloun. Zur Üe-tṣi Frage. ZDMG, 91, 1937, стр. 277.

включавшую в себя Южный Таджикистан и Северный Афганистан, и южную, ограниченную определенной частью Северной Индии. Территориальные пределы первой — Тохаристана — окончательно оформляются в V в. н. э., но, возможно, и раньше[1].

Политическая карта, сложившаяся в Среднеазиатском междуречье к 435 г., очевидно, сохранялась без существенных изменений до момента возникновения эфталитского государственного образования, относящегося приблизительно к 510 г. н. э. Это государственное образование представляло собой очень сложный конгломерат оседлых и кочевых племен и народностей, в котором политическое первенство принадлежало эфталитской кочевой знати. Центром его был в начале VI в. н. э. город Ба-дянь, находившийся в 200 ли южнее Аму-Дарьи (вероятно, около современного Кундуза). Внутреннее устройство эфталитского государственного образования нам неизвестно, но из различных сообщений китайских источников явствует, что отдельные владения представляли дань эфталитам и лишились права самостоятельных сношений с Китаем. Но в то же время в большинстве владений Среднеазиатского междуречья, повидимому, власть сохранялась в руках местных династий. Эфталиты не создали прочного политического единства в Среднеазиатском междуречье, так как после падения эфталитского государственного образования снова выступили на сцену те же владения, которые имелись к началу V в. н. э. Однако вхождение Среднеазиатского междуречья в эфталитское государственное образование не могло не способствовать усилению связей между отдельными владениями и, несомненно, сыграло определенную роль в подготовке политического объединения, существовавшего в VII в. В 60-х годах VI в. эфталитское государственное образование пало под ударами западных тюрок, действовавших в союзе с сасанидским Ираном. Результатом этого события явился переход среднеазиатских владений на положение данников западных тюрок.

По данным Суй-шу, восходящим к записке Пэй Цзюя, составленной в 605—606 гг., Средняя Азия распадалась в начале VII в. н. э. на следующие владения[2]:

1. Кан со столицей А-лу-ди на реке Са-бао.
2. Ань: столица не названа, но указано, что она лежит на южном берегу реки На-ми (Зеравшан).
3. Би, расположенное в 100 ли западнее Ань и подчиненное ему.
4. Ши, расположенное в 600 ли севернее Бо-хань и в 600 ли северо-западнее Дунь-хуана; столица (не названа) лежала на реке Ио-ша.
5. Бо-хань, расположенное в 1000 ли западнее Су-лэ (Кашгара), в 500 ли восточнее Су-дуй-ша-ны, в 500 ли юго-восточнее Ши и в 5500 ли западнее Дунь-хуана; столица (не названа) находилась в 500 ли западнее Цзун-лина.
6. Ми, расположенное в 100 ли юго-восточнее Кана, в 500 ли западнее Су-дуй-ша-ны, в 200 ли северо-восточнее Ши и в 6400 ли западнее Дунь-хуана; столица (не названа) находилась западнее (южнее) реки На-ми.
7. Ши, расположенное в 240 ли южнее Кана, в 500 ли севернее Ту-хо-ло, в 200 ли восточнее На-ше-бо, в 200 ли юго-западнее Ми и в 6500 ли западнее Дунь-хуана; столица (не названа) лежала в 10 ли южнее реки Ду-мо.

[1] Первое посольство из Ту-хо-ло в Китай прибыло в 465 г.; однако название Ту-хо-ло, как указано выше, появилось раньше. Но в то же время в первой части 97-й главы Бэй-ши Ту-хо-ло еще не фигурирует.

[2] Суй-шу, гл. 83, л. 6а — 12а.

8. Цао, расположенное в 100 ли северо-западнее Кана, в 150 ли восточнее Хэ и в 6600 ли западнее Дунь-хуана; столица (не названа) находилась в нескольких ли южнее реки На-ми.

9. Хэ, расположенное в 150 ли западнее Цао, в 300 ли восточнее малого Ань и в 6750 ли западнее Дуань-хуана; столица (не названа) лежала южнее реки На-ми.

10. У-на-гэ, расположенное в 400 ли юго-западнее Ань, в 200 ли юго-восточнее Му и в 7500 ли западнее Дуань-хуана; столица (не названа) лежала западнее реки У-ху.

11. Му, расположенное в 500 ли юго-западнее Ань, в 200 ли западнее У-на-гэ, в 4000 ли восточнее Бо-сы и в 7700 ли западнее Дунь-хуана; столица (не названа) лежала западнее реки У-ху.

12. Малый Ань; отдельного описания нет.

13. Су-дуй-ша-на; отдельного описания нет.

14. На-ше-бо; отдельного описания нет.

15. Ту-хо-ло, расположенное в 500 ли западнее Цзун-лина и в 5800 ли западнее Дунь-хуана; столица не названа.

Локализация большинства этих владений была установлена еще исследователями XIX в. (Клапротом, Ремюза, Сен-Мартеном, Томашеком, Юлем), а затем уточнена и подтверждена Марквартом, Шаванном и Ширатори.

Кан с полной определенностью отождествляется с самаркандским Согдом, поскольку Тан-шу дает как второе название его Са-мо-цзянь и указывает, что при Вэй оно именовалось Си-вань-цзинь[1].

Владение Ань располагалось в пределах Бухарского оазиса; это очевидно из указания Тан-шу, что вторым его названием было Бу-хо. Однако оно не занимало целиком весь Бухарский оазис, поскольку в 100 ли от него лежало маленькое владение Би, которое принято отождествлять с Пайкендом.

Ши, опять-таки на основании данных Тан-шу, локализуется в Чаче. Кроме того, в пользу этого говорит указание, что столица его лежит на реке Ио-ша (Яксарте) и в 500 ли северо-западнее Су-дуй-ша-ны (Осрушаны).

Бо-хань соответствует Фергане, причем в первую очередь ее южной части, так как, по данным того же Пэй Цзюя, через это владение проходил центральный путь на запад, в Персию (см. выше).

Ми принято отождествлять с Маймургом арабоязычных источников.

Ши, опять-таки на основании второго названия, указанного в Тан-шу, и расстояний от Ту-хо-ло и Кана, отождествляется с Кешем.

Цао и Хэ, на основании указанных в Суй-шу расстояний от соседних владений и данных Тан-шу, отождествляются с Иштиханом и Кушанией.

У-на-гэ и Му уже выходят за пределы Среднеазиатского междуречья и поэтому местоположение их в данном случае не представляет интереса (оно в настоящее время еще не установлено с достаточной определенностью).

Положение Малого Ань не вполне ясно; его предположительно отождествляют с восточным Ань Тан-шу и Харканом арабоязычных источников.

Су-дуй-шана с полной несомненностью соответствует Осрушане арабоязычных источников: это очевидно из фонетической близости обоих названий[2] и данных о географическом положении этого владения, имеющихся в описаниях Бо-хани и Ми.

---

[1] Соответствующие данные Тан-шу (о Кане и других владениях) см. ниже.

[2] Suo-tuâi-ṣa-nâ.

На-ше-бо, без сомнения соответствует Нешхебу. Что касается Ту-хо-ло, то о территориальных пределах его говорилось уже выше. В данном случае лишь следует отметить, что никаких владений, лежащих между ним и Кашка-дарьинским оазисом, не имеется. Это свидетельствует о том, что в Тохаристан в начале VII в. н. э. еще входил Южный Таджикистан.

Если сопоставить политическую карту Среднеазиатского междуречья в начале VII в., даваемую Пэй Цзюем, с политической картой начала V в., то можно придти к заключению, что они, в основном, совпадают[1]. Это свидетельство о том, что вхождение Среднеазиатского междуречья в эфталитское государственное образование не повлекло за собой существенных изменений в его внутреннем территориально-государственном членении. Очевидно, каждое владение обладало известной внутренней прочностью, обусловленной определенными экономическими и географическими причинами (положением на крупной ветви ирригационной системы, ограниченностью пространств отдельных оазисов и др.).

Но в то же время политическое положение в Среднеазиатском междуречье в начале VII в. н. э. было совершенно иное, чем в начале V в. н. э. Суй-шу сообщает, что Кан (самаркандский Согд) является самым сильным владением, и ему подчинены Ми, Ши, Цао, Хэ, Малый Ань, На-ше-бо, У-на-гэ и Му[2]. Повидимому, самаркандскому Согду было подчинено и Ань, поскольку все окружающие его владения (в том числе и лежащие на левом берегу Аму-Дарьи) фигурируют как подчиненные Кану[3]. Таким образом, в начале VII в. н. э. в долине Зеравшана и в Кашка-дарьинском оазисе имелось определенное политическое объединение, центром которого являлся самаркандский Согд. Однако отдельные владения, входившие в него, не потеряли своей самостоятельности, о чем свидетельствуют наличие в Суй-шу отдельных описаний каждого из них и посылка ими самостоятельных посольств в Китай. Когда и как сложилось это объединение, мы не знаем. Однако, поскольку все входившие в него владения платили дань западнотюркскому каганату и последний, естественно, не был заинтересован в появлении в Средней Азии какого-либо сильного политического объединения,— оно могло сложиться только помимо тюрок и против них. Политическая и военная консолидация против западных тюрок была в начале VII в. необходима, так как последние именно в этот период начали активное наступление на северные земледельческие оазисы Средней Азии: в 605—606 гг. тюрки захватили Чач, а в середине VII в. н. э. тюркская династия временно обосновалась и в Северной Фергане.

* * *

Данные Суй-шу о политической карте Среднеазиатского междуречья могут быть проверены путем привлечения записок Сюань Цзана, проехавшего через Среднюю Азию в 630 г. В них описаны и упомянуты следующие владения[4]:

[1] В обоих случаях мы имеем следующие основные владения: Самарканд, Иштихан, Чач, Фергану, Кушанию (Су-дэ), Кеш, Нехшеб, несколько владений в пределах Бухарского оазиса и Тохаристан. Основная разница заключается в отсутствии в Бэйши Осрушаны. Однако последний факт еще не является прямым свидетельством об отсутствии ее, как особого владения, в V в. н. э.

[2] Суй-шу, гл. 83, л. 6а.

[3] Весьма возможно, что Ань просто было случайно пропущено в перечне при составлении текста главы. Следует отметить также сообщение Суй-шу, что аньский владетель был женат на дочери Канского владетеля. Это указывает во всяком случае на тесную связь обоих владений.

[4] S. Beal. Si-yü-ki, t. I. London, 1884, стр. 30 и сл.

1. Чжэ-ши.
2. Фей-хань (расположено в 1000 ли юго-восточнее Чжэ-ши).
3. Су-ду-ли-ше-на (расположено в 1000 ли западнее Фей-Хани).
4. Са-мо-цзянь.
5. Ми-мо-хэ (расположено юго-восточнее Са-мо-цзяни).
6. Цзе-бу-да-на (расположено севернее Ми-мо-хэ).
7. Цюй-шуан-ни-цзя (расположено в 300 ли западнее Са-мо-цзяни).
8. Хэ-хань (расположено в 200 ли западнее Цюй-шуан-ни-цзя).
9. Бу-хэ (расположено в 400 ли западнее Хэ-хани).
10. Фа-ди (расположено в 400 ли западнее Бу-хэ).
11. Цзе-шуан-на (расположено в 300 ли юго-западнее Са-мо-цзяни).
12. Ту-хо-ло.
13. Да-ми (лежит на северном берегу Аму-Дарьи).
14. Чи-о-янь-на (расположено восточнее Да-ми).
15. Ху-лу-мо (расположено восточнее Чи-о-янь-на).
16. Шу-мань[1] (расположено восточнее Ху-лу-мо).
17. Цзюй-хэ-янь-на (расположено юго-восточнее Шу-мани).
18. Хо-ша (расположено восточнее Цзюй-хэ-янь-на).
19. Кэ-до-ло (расположено восточнее Хо-ша).
20. Цзюй-ми-то (расположено посреди Цзун-лина, восточнее Кэ-до-ло и севернее Ши-цзи-ни).
21. Ши-цзи-ни (расположено южнее Цзюй-ми-то).

Все указанные в этом списке названия, за исключением Фа-ди, были отождествлены с более поздними наименованиями, фигурирующими в арабоязычных источниках, еще исследователями XIX в. (Клапротом, Ремюза, Томашеком, Юлем, Кэнингхемом и Сэн-Мартеном). Чжэ-ши является транскрипцией названия Чач, Фей-хань — Фергана, Су-ду-ли-ше-на — Осрушана, Са-мо-цзянь — Самарканд, Ми-мо-хэ — Маймург, Цзе-бу-да-на — Кабудан, Цюй-шуан-ни-цзя — Кушания, Хэ-хань — Харкан (?), Бу-хэ — Бухара, Цзе-шуан-на — Кушания (Кеш), Ту-хо-ло — Тохаристан, Да-ми — Термез, Чи-о-янь-на — Чаганиан, Ху-лу-мо — Ахарун, Шу-мань — Шуман, Цзюй-хэ-янь-на — Кобадиан (?), Хо-ша — Вахш, Кэ-до-ло — Хутталь, Цзюй-ми-то — Кумед, Ши-цзи-ни — Шугнан.

Фа-ди не поддается отождествлению с каким-либо названием, фигурирующим в арабоязычных источниках, и точное местонахождение его остается до настоящего времени неясным[2]. Хэ-хань, судя по расстоянию от Кушании, следует отождествлять с Малым Анем Суй-шу.

Если мы сравним между собой списки владений, упоминаемых в Суй-шу и в записках Сюань Цзана, то увидим между ними, в основном, следующую разницу:

1) Сюань Цзан не упоминает владения Би и На-ше-бо, фигурирующие в Суй-шу;

2) в записках Сюань Цзана упоминается владение Фа-ди, отсутствующее в Суй-шу;

3) Ту-хо-ло фигурирует у Сюань Цзана лишь как наименование определенной территории, фактически разделенной на 27 отдельных владений

[1] С учетом исправления второго знака, предложенного Пельо (см. P. Pelliot. Les publications du Toyo Bunko, TP, t. 26, стр. 365).

[2] Ширатори (ук. соч., стр. 120—122) предполагает, что Фа-ди является искаженным написанием Моу-ди — названия одного из владений, фигурирующих в Тан-шу, которое можно отождествить с Моу-чжи Бэй-ши и локализовать в Амуле. Это представляется весьма правдоподобным, но не доказанным.

(выше перечислены лишь те из них, которые находились в пределах Средней Азии).

Причину этих расхождений следует искать в каких-то политических изменениях, происшедших в период между 605 и 630 гг.

Политическое объединение в долине Зеравшана и Кашка-дарьинском оазисе, отмеченное в Суй-шу, продолжало существовать и в 630 г., так как Сюань Цзан указывает, что владетелю Са-мо-цзяни (самаркандского Согда) подчинены все соседние владения[1]. По данным Сюань Цзана, вся территория от города Су-е (Суяб) до владения Цзе-шуан-на (Кеш) включительно именовалась Су-ли, т. е. Согдом, и это же наименование носили также жители ее и язык, на котором они говорили[2]. Согд в данном случае фигурирует не как политическое, а как географическое понятие, поскольку в пределы его включены Чач и территории, расположенные за Сыр-Дарьей, не входившие в возглавляемое самаркандским Согдом политическое объединение.

* * *

Тан-шу, отражающая положение, существовавшее во второй половине VII в. и, частично, в VIII в. н. э., содержит перечень владений Средней Азии, весьма близкий к тому, который имеется в записках Сюань Цзана. В ней фигурируют следующие владения:

1. Кан (второе название Са-мо-цзянь), расположенное в 50 ли южнее Среднего Цао, в 100 ли северо-западнее Ми, в 150 ли севернее Ши и приблизительно в 100 ли юго-восточнее западного Цао; столица (не названа) находилась на южном берегу реки На-ми.

2. Ань (другие названия Бу-хо и Бу-хэ), расположенное в 100 ли юго-западнее Восточного Ань и в 100 ли северо-восточнее Би; столица А-лань-ми.

3. Восточное Ань (второе название Хэ-хань), расположенное в 400 (?) ли северо-восточнее Ань; столица Хэ-хань находилась южнее реки На-ми.

4. Восточное Цао (другие названия: Шуай-ду-ша-на, Су-дуй-шана, Цзе-бу-цзюй-на и Су-ду-ши-ни), расположенное в 400 ли южнее Ши, в 400 ли юго-западнее Нин-юани, в 500 ли севернее Ту-хо-ло и в 400 ли восточнее Кана.

5. Западное Цао, граничившее на юге с Ши; столица Шэ-ди-хэнь.

6. Центральное Цао, расположенное восточнее Западного Цао и севернее Кана.

7. Ши (другие названия Чжэ-чжи и Чжэ-чжэ), расположенное в 500 ли северо-восточнее Кана и в 200 ли севернее города Цзюй-чжан-ти; столица Чжэ-чжэ.

8. Ми (другие названия Ми-мо и Ми-мо-хэ), расположенное в 100 ли южнее Кана; столица Бо-си-дэ.

9. Хэ (другие названия Цюй-шуан-ни-цзя и Гуй-шуан-ни).

10. Ши (другие названия Цзя-ша и Цзе-шуан-на), расположенное в 150 ли восточнее На-ше-бо, в 200 ли южнее Ми и в 400 ли севернее Ту-хо-ло.

11. На-ше-бо (второе название Малое Ши, так как подчинено Ши), расположенное западнее Ши.

12. Хо-ша, расположенное восточнее Цзюй-ми и граничащее на востоке с Гу-ту.

13. Гу-ту (второе название Хэ-до-ло); столица Сы-чжу-цзянь.

---

[1] S. Beal. Si-yü-ki, I, стр. 33.

[2] Там же, стр. 26.

14. Нин-юань (другие названия Бо-хань-на и Бо-хань); столица Сицзянь расположена на северном берегу реки Чжэнь-чжу.

15. Ши-ни (другие названия Ши-ци-ни и Шэ-ни), расположенное в 300 ли севернее Ху-ми (Вахан) и в 300 ли юго-восточнее Цзюй-ми.

16. Цзюй-ми, расположенное северо-восточнее Ту-хо-ло.

17. Сы-му, граничащее на севере с Ши.

18. И-пань, граничащее с Каном.

19. Би, расположенное в 100 ли юго-западнее Ань.

20. Шу-ди, расположенное в 600 (?) ли юго-западнее Хо-сюнь (Хорезм).

Значительная часть названий владений, имеющихся в Тан-шу, совпадает с названиями, фигурирующими в Суй-шу и, вероятно, заимствована из нее; большинство вторых названий заимствовано из записок Сюань Цзана. Под новыми названиями здесь фигурируют Осрушана (Восточное Цао), Кабудан (Центральное Цао) и Фергана (Нин-юань). Расхождения между перечнями владений в Тан-шу и в записках Сюань Цзана сводятся к следующему:

1. В Тан-шу не упоминаются 5 мелких владений Северного Тохаристана — Термез, Чаганиан, Ахарун, Шуман и Кобадиан (?), а также владение Фа-ди, фигурирующее в записках Сюань Цзана.

2. В Тан-шу фигурируют владения: Западное Цао, На-шо-бо, Сы-му, И-пань, Би и Шу-ди, не упоминаемые Сюань Цзаном.

3. В Тан-шу Ту-хо-ло описывается, как владение, не включающее в себе какой-либо части Среднеазиатского междуречья,— его северной границей является Аму-Дарья.

Отсутствие в Тан-шу вышеуказанных владений северного Тохаристана следует объяснить тем, что эти владения не поддерживали связей с Китаем и поэтому выпали из поля зрения составителей данной династийной истории; это же следует сказать и о причинах отсутствия в ней Фа-ди.

Из числа владений, упоминаемых в Тан-шу, но отсутствующих в записках Сюань Цзана, отождествлению с известными по арабоязычным источникам поддаются лишь три: Западное Цао (на основании названия его столицы Шэ-ди-хэнь) с Иштиханом, На-ше-бо с Нехшебом и Би, предположительно, с Пайкендом; остальные,— очевидно, весьма небольшие по своим размерам,— соответствующему отождествлению не поддаются.

Иштихан, Нехшеб и Пайкенд фигурируют в Суй-шу (а первые два уже и в Бей-шу), вследствие чего не являются новыми владениями. Отсутствие их у Сюань Цзана и «появление» в Тан-шу, очевидно, отражает частичный распад и ослабление упомянутого выше политического объединения, возглавляемого самаркандским Согдом.

О политическом членении Среднеазиатского междуречья в начале VIII в. имеются данные также в записках Хой Чао, проехавшего через Среднюю Азию в 728 г.[1] В них фигурируют следующие владения: 1) Ань, 2) Цао, 3) Ши, 4) Ши-ло, 5) Ми, 6) Кан, 7) Ба-хэ-на, 8) Гу-ту и 9) Ши-ни.

Почти все названия, которые употребляются Хой Чао, совпадают с названиями, фигурирующими в Тан-шу; не совпадают лишь Ши-ло, безусловно, соответствующее Ши-Чачу и Ба-хэ-на, являющееся иной транскрипцией названия Ферганы. Не вполне ясно, какой территории соответствует Цао, ибо в Тан-шу фигурируют три Цао; однако наиболее вероятно, что это Осрушана, так как Хой Чао перечисляет только крупные владения.

---

[1] W. Fuchs. Huei-Ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726. SPAW, 1938.

Ань, Цао, Ши, Ши-ло, Ми и Кан у Хой Чао объединены в одну группу и описываются все вместе; однако никаких указаний на политические взаимоотношения этих владений друг с другом не дается. О Фергане Хой Чао сообщает, что она разделена на две части и в одной из них, лежащей севернее Сыр-Дарьи, господствует тюркская династия.

Тохаристан (Ту-хо-ло) фигурирует в записках Хой Чао, но географические пределы его не указаны. Поскольку наряду с ним имеется Хуттал (Гу-ту), можно предполагать, что под Ту-хо-ло он, так же как и составители Тан-шу, подразумевает только территорию Южного Тохаристана.

Перечень владений Среднеазиатского междуречья, даваемый Хой-Чао, содержит в себе те же основные крупные владения, которые фигурируют в Тан-шу и в записках Сюань Цзана, однако мелкие владения, перечисляемые в последних, в нем отсутствуют. Причину этого следует искать в том, что автор ставил перед собой задачу дать лишь общее, суммарное описание тех территорий, через которые он проехал.

В тех арабо- и таджикоязычных источниках, которыми мы располагаем в настоящее время, не имеется описаний Средней Азии VII—VIII вв. Географические сочинения содержат весьма подробные описания Средней Азии X в., но не дают полных данных о государственно-политическом членении ее в VII—VIII вв. Последнее отражено в них лишь косвенно, поскольку оно в значительной мере повторяется в административно-территориальном делении саманидского периода. Это деление и используется для установления подлинных названий и локализации владений, фигурирующих в китайских источниках. Некоторые прямые данные о политическом членении Среднеазиатского междуречья конца VII—VIII вв. можно извлечь из исторических сочинений, в которых описывается завоевание Средней Азии арабами [1]. В них фигурируют следующие владения: 1) Согд, 2) Бухара, 3) Вардана, 4) Осрушана, 5) Кеш, 6) Несеф, 7) Фергана, 8) Термез, 9) Саганиан, 10) Ахарун, 11) Шуман, 12) Хуттал и несколько мелких (Куфтан, Абгар, Хузар). Территориальные пределы перечисленных владений в исторических сочинениях не указаны, но могут быть установлены с достаточной определенностью путем привлечения географических описаний X в. Соответствующие данные с исчерпывающей полнотой собраны В. В. Бартольдом[2], и повторять их здесь нет необходимости. Следует лишь остановиться на вопросе о географических границах Согда.

Эти границы определяются географами X в. по-разному. Истахри именует Согдом область, расположенную по Зеравшану от Дабусии до Самарканда включительно, но указывает, что некоторые включают в Согд также Бухару, Кеш и Несеф[3]. Мас'уди называет Согдом область, расположенную между Бухарой и Самаркандом[4]. Я'куби включает в территорию Согда, кроме области от Дабусии до Самарканда, Кеш и Несеф[5]. Автор Худӯд ал-'Ālам указывает, что Тававис лежит на границе Бухары и Согда; в качестве основных городов последнего он перечисляет Кермине, Дабусию, Арбинджан, Кушанию, Самарканд, Варагсар и Пенджикент[6]. Якут приводит образное описание Согда, принадлежащее Джейхани, в котором его территория уподобляется человеческому телу; кроме того, он приводит

[1] Труды Табари. Белазури и Я'куби.

[2] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II. СПб., 1900; его же. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914.

[3] Истахри. BGA, I, стр. 316; ср. также стр. 295.

[4] Maçoudi. Les prairies d'or, т. I, стр. 287.

[5] Я'куби. BGA, т. VII, стр. 293.

[6] Худӯд ал-'Ālам (изд. В. В. Бартольда), стр. 22б и сл.

список лучших кафедр Согда, заимствованный также у этого автора[1]. Эти выдержки свидетельствуют о том, что Джейхани включал в состав Согда Маймург, Кеш и Несеф. Сам Якут отмечает, что существует разделение Согда на бухарский и самаркандский. Из всех приведенных выше данных очевидно, что следует разделять Согд как небольшое владение, простирающееся от Дабусии до Самарканда, и Согд как общее название территорий, включающей в себя ряд владений. В первом случае мы имеем дело с самаркандским Согдом, соответствующим Кану китайских источников, а во втором случае,— повидимому, с отражением в более поздних представлениях определенного политического объединения конца VII — начала VIII в. О наличии такого объединения в этот период имеются некоторые данные. Прежде всего следует обратить внимание на титулатуру Гурека, приведенную у Я'куби[2], и совпадающую с ней титулатуру Дивастича в некоторых документах из замка на горе Муг: ихшид Согда, афшин Самарканда. Она свидетельствует о том, что самаркандский владетель в начале VIII в. был одновременно и главой какого-то политического объединения, именуемого Согдом. Я'куби, описывая поход ал-Мухаллаба ибн Абу-Суфры на Кеш, говорит следующее: «И двигался ал-Мухаллаб, пока не достиг страны Согд и остановился у Кеша»[3]. Из этого очевидно, что Кеш в начале VIII в. н. э. входил в состав Согда. У того же Я'куби, а также в таджикском переводе Табари Бал'ами[4], приводится содержание мирного договора, заключенного между Кутейбой ибн Муслимом и Гуреком, который был действителен для Самарканда, Кеша и Несефа. Это свидетельствует о том, что Гуреку, кроме Самарканда, были подвластны в какой-то степени также Кеш и Несеф.

Как сообщает Тан-шу[5], Гурек обратился к китайскому императору с просьбой утвердить двух его сыновей владетелями в Ми (Маймург) и Цао (Кабудан или Иштихан), которая была удовлетворена. Из этого можно сделать заключение, что указанные владения были подчинены Гуреку.

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что в начале VIII в. существовало определенное политическое объединение, в состав которого входили: самаркандский Согд, Маймург, Кабудан (или Иштихан), Кеш и Несеф (вероятно, также и Кушания). Оно, несомненно, являлось остатком того более обширного политического объединения, которое имелось в начале VII в. н. э.[6]

Однако, как об этом свидетельствуют все события конца VII — начала VIII в., вышеуказанное политическое объединение не обладало сколько-нибудь значительной прочностью и действенностью. Для этого периода характерна в первую очередь политическая раздробленность Среднеазиатского междуречья, причем отдельные владения часто находились во враждебных отношениях друг с другом. Как сообщает Табари (первоисточником в данном случае является ал-Мадаини), среднеазиатские владетели после летних набегов арабов зимой собирались в одном из городов вблизи Хорезма и заключали договор о том, что в дальнейшем не будут

[1] Jacut's geografisches Wörterbuch (изд. Вюстенфельда), III, стр. 394.

[2] Ibn Wadhih, qui dictur al-Ja'qubi. Historia, II (изд. Оутсма). Лейден, 1883, стр. 344.

[3] Там же, стр. 630.

[4] Там же, стр. 344; Бал'ами — Табари, т. IV. Перевод Зотенберга, стр. 481.

[5] Тан-шу, гл. 221Б, л. 1б.; Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. II, стр. 311 (дата дается по первому источнику).

[6] О нем в арабских источниках также имеется одно косвенное указание: Мас'уди (BGA, VIII, стр. 65) сообщает, что окружавшая Бухарский оазис стена была выстроена в древности одним из царей Согда для защиты от набегов тюрок.

вести войн между собой и будут советоваться друг с другом о своих делах[1]. Однако эти взаимные обязательства не соблюдались на деле и даже перед реальной угрозой завоевания со стороны арабов единства между среднеазиатскими владениями не появилось. Такая политическая обстановка дала возможность Кутейбе ибн Муслиму использовать вспомогательные войска из одних владений для завоевания других.

Одним из последствий арабского завоевания была искусственная ликвидация политической раздробленности Среднеазиатского междуречья. Судя по данным китайских источников (имеются в виду сведения о посольствах), остатки политической самостоятельности отдельных владений были ликвидированы в конце VIII в. Укрепление власти наместников халифата сопровождалось созданием бюрократического аппарата, основной функцией которого был сбор податей, и общей централизацией управления в пределах наместничества.

В то же время арабское завоевание и подчинение власти халифата вызвало к жизни новые, внутренние объединяющие силы, ярко проявившиеся в широких народных восстаниях против омейядов, а затем аббасидов[2]. В ходе этих восстаний, направленных в первую очередь против завоевателей, значение рамок былых владений, устойчиво сохранявшихся на протяжении четырех столетий, исчезало окончательно.

Результатом народных восстаний второй половины VIII — начала IX в. было выдвижение местных династий, — сначала тахиридов, а затем саманидов,— добившихся фактической независимости от халифата. История возвышения саманидов есть до некоторой степени история собирания и объединения областей, населенных формирующейся таджикской народностью. То, что в данном случае центром относительно прочного объединения было Среднеазиатское междуречье,— не случайно, ибо именно здесь созрели соответствующие силы, подготовленные всем ходом предшествующей истории. Эфталитское государственное образование и политическая консолидация первой половины VII в. н. э. сыграли здесь не последнюю роль.

5. СЛОЖЕНИЕ ОБЩНОСТИ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОСТИ

Для того, чтобы установить, как происходило сложение общности культуры таджикской народности, необходимо ответить в основном на два частных вопроса:

1) как развивалась культура в отдельных областях той части Среднеазиатского междуречья, на которой шел процесс сложения таджикской народности в период IV—X вв. н. э.;

2) в какой период известная общность культуры намечается на всей этой территории или хотя бы на значительной ее части.

Суть первого вопроса заключается в необходимости выяснить, какой характер носил процесс развития культуры в отдельных областях интересующей нас территории, а также, какие элементы культуры были привнесены в известные периоды отдельными дополнительными этническими компонентами. Второй вопрос в сущности является вопросом о времени становления общности культуры таджикской народности. Про-

[1] Табари, II, стр. 394. Ср. также В. В. Бартольд. Туркестан, т. II. стр. 184.

[2] Политическая история VIII—X вв. с достаточной подробностью освещена А. Ю. Якубовским в соответствующих главах «Истории Узбекистана» (т. I), и останавливаться на ней здесь нет необходимости.

цесс становления общности культуры, несомненно, был чрезвычайно сложен, и мы не имеем никаких оснований предполагать, что он носил равномерный характер. Мы не можем ожидать, что общность культуры появилась на всей интересующей нас территории одновременно; теоретически гораздо более вероятно, что эта общность появилась сначала только на определенной ее части.

Чтобы дать ответы на вышеуказанные два вопроса, естественно, необходимо иметь достаточно полные данные о культуре всех областей, составляющих интересующую нас территорию, и при этом в разные периоды. Использованы могут быть в данном случае, в первую очередь, археологические материалы и, в меньшей степени, свидетельства письменных источников. При этом археологические материалы составляют основной источник для суждений в области материальной культуры, но лишь второстепенный — в области духовной культуры.

К сожалению, на современном этапе наших знаний дать полные ответы на оба поставленные выше вопроса невозможно. Это обусловлено ограниченностью соответствующих данных в письменных источниках и, главное, недостатком археологических материалов. Археологическая изученность интересующей нас части Среднеазиатского междуречья в настоящее время весьма невелика, и число памятников, подвергшихся систематическим раскопкам, крайне ограничено. Относительно хорошо изучена территория самаркандского Согда, где производились раскопки на городищах Афрасиаб, Тали Барзу и Кафыр-кала; в настоящее время систематические раскопки ведутся на городище древнего Пенджикента. В Осрушане крупные раскопочные работы были произведены только на городище Мунчак-тепе, однако из добытых здесь материалов опубликована только небольшая часть. Археологическая разведка на территории Осрушаны проведена лишь в последние годы. В Кашка-дарьинском оазисе раскопки начаты недавно и больших результатов пока еще не дали. На территории Бухарского оазиса, в Вархше ряд лет ведутся раскопки дворца бухар-худатов; однако добытые здесь материалы в основной своей массе не опубликованы и недоступны для изучения. На территории Ферганы до настоящего времени производилось изучение, в основном, лишь памятников кочевников, распространенных только в горных и предгорных ее районах; памятники оседлого населения, имеющиеся в равнинной части, изучены очень слабо. В Южном Таджикистане систематические археологические работы начаты лишь недавно, причем в настоящее время основное внимание уделяется памятникам античного периода.

Недостаток археологических материалов обусловливает, в первую очередь, невозможность дать полный и определенный ответ на первый вопрос — о том, как развивалась культура в отдельных областях территории, на которой шел процесс сложения таджикской народности. В настоящее время путь развития культуры, и то лишь материальной, можно установить только для территории самаркандского Согда. Что касается второго вопроса, то здесь недостаток археологических материалов в известной мере компенсируется наличием некоторых ценных данных в письменных источниках. Однако и на него мы еще не можем дать полного и окончательного ответа.

* * *

Основным источником для установления пути развития материальной культуры в самаркандском Согде являются археологические материалы, добытые при раскопках городища Тали Барзу, производившихся в 1936—

1939 гг.[1] Датировка отдельных слоев этого городища, предложенная его исследователем Г. В. Григорьевым, в настоящее время должна считаться неправильной. В опубликованных работах Г. В. Григорьев дает следующую хронологию[2]:

Тали Барзу (ниже — ТБ) I: вторая четверть I тысячелетия до н. э.
ТБ II: V—IV вв. до н. э.— ахеменидский период
ТБ III: III—II вв. до н. э.— эллинистический период
ТБ IV: I в. до н. э.— II в. н. э.— кушанский период
Запустение: III — V в. н. э.
ТБ V: VI—VII вв.— позднесасанидский период
ТБ VI: конец VII в.— первая половина VIII в.— мусульманский период.

Эти же датировки повторены им и в неопубликованной диссертации. Перерыв между слоями ТБ IV и ТБ V обоснован стратиграфическими данными, но время, к которому он относится, установлено лишь на основе датировки этих слоев. Приведенные датировки Г. В. Григорьева подверглись критике уже в 1940 г., когда А. И. Тереножкин показал, что так называемый «сакский» слой городищ Ташкентской области, послуживший опорой для датировки слоя ТБ I, относится вовсе не к I тысячелетию до н. э., а, в основном, к началу I тысячелетия н. э., что не позволяет и ТБ I относить к столь раннему времени[3]. Таким образом основная опора датировки ТБ I была сильно поколеблена. В 1946 г., на основании изучения хорезмийских материалов, С. П. Толстов окончательно доказал неверность датировки «сакских» городищ и тем самым ошибочность опирающихся на них датировок Тали Барзу[4]. С другой стороны, А. И. Тереножкин в 1947 г. выявил на Афрасиабе три последовательных культурных слоя, из которых самый верхний дал материал типа ТБ I, а предшествующий ему слой содержал материал, совпадающий с находками из погребений группы IIIб на Туп-Хона, которые точно датируются рубежом II—I вв. до н. э.[5]

Таким образом, неправильность датировки Г. В. Григорьева была доказана полностью. ТБ I мы должны относить отнюдь не к «доахеменидскому» периоду, а к рубежу нашей эры; в соответствии с этим изменяется и датировка трех последующих слоев, падающих на I—VI вв. н. э. На необходимость этого изменения указывал уже С. П. Толстов, исходя из сопоставления материалов данных слоев с материалами из Хорезма[6].

На основании всех последних данных датировка слоев Тали Барзу может быть дана в следующем виде:

ТБ I: I в. до н. э.— I в. н. э.
ТБ II: I в. н. э.— II в.
ТБ III: III—IV вв.
ТБ IV: V—VI вв.
ТБ V: VI—VII вв.
ТБ VI: первая половина VIII в.

[1] Эти материалы в основном до сих пор не опубликованы.
[2] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 87—104; его же. Поселения древнего Согда. КСИИМК, VI, 1940, стр. 24—34.
[3] А. И. Тереножкин. Рецензия на работу Г. В. Григорьева «Краткий отчет о работах Янги-юльской археологической экспедиции». Изв. УзФАН, 1940, № 8, стр. 84—86; его же. Рецензия на работу Г. В. Григорьева «Каунчи-тепе». Изв. УзФАН, 1940, № 8, стр. 86.
[4] С. П. Толстов. Рецензия на работу Г. В. Григорьева «Каунчи-тепе». ВДИ, 1946, № 1, стр. 173—175.
[5] М. М. Дьяконов. Работа Кафирниганского отряда. МИА, № 15, 1950.
[6] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 86, прим. 3.

Вопрос о длительности и характере «стратиграфического перерыва» между ТБ IV и ТБ V остается открытым. Соответствующая ему прослойка, по определению самого же Г. В. Григорьева, является не стерильной, а образовавшейся вследствие оплыва зданий; материал из нее тот же, что и из слоя IV. Повидимому, в данном случае мы имеем дело не с многовековым запустением городища, а просто с кратковременным периодом упадка, который, весьма вероятно, был следствием военных действий, происходивших во второй половине VI в. между эфталитами и западными тюрками. Существенное значение для нас имеет то, что данный перерыв,— сколь бы длителен он ни был, — падает на сравнительно поздний период и уже во всяком случае не может быть связан с кризисом IV—V вв. н. э. Это делает Тали Барзу особенно важным памятником, так как все прочие городища, исключая Афрасиаб, при современном состоянии их изученности, дают материал не по всем периодам. Как ни ограничен изданный материал, уже по одному ему можно убедиться в том, что никаких смен культуры на протяжении всего периода существования Тали Барзу не имело места. Г. В. Григорьев правильно выделил «руководящие» черты для каждого слоя, т. е. то, что специфично для него, хотя не всегда оговаривал существование наряду с ними и черт, связывающих отдельные слои между собою. Так, он отмечает почти полное повторение в основной массе керамики слоев ТБ I и ТБ II одних и тех же форм, но пытается выделить ТБ III, как особый период, когда керамика резко меняет свой характер. «Новые» формы ТБ III, судя по материалам, хранящимся в Самаркандском музее, имеются и в более ранних слоях, но в меньшем количестве. Если они являются определяющими для ТБ III, то только в порядке выделения «руководящих» форм, но не более. Также, повидимому, не было полного и единовременного исчезновения в слое ТБ III и форм более ранних.

Кроме того, следует отметить, что «новые» формы отнюдь не являются массовым материалом для этого слоя. С другой стороны, сам Г. В. Григорьев вынужден был признать, что изменений в строительной технике, планировке и т. д. в слое ТБ III не наблюдается. Таким образом, слой ТБ III никак не может считаться выпадающим из общей линии развития культуры, характеризующейся в предшествующие периоды достаточно четко выраженной преемственностью.

Что касается слоя ТБ IV, то тут Г В. Григорьев констатирует определенную близость материалов из него к материалам из ТБ III. Различия носят преимущественно частный характер при общей тенденции к ухудшению качества керамики. При этом мы наблюдаем существенные изменения в строительной технике. В этот период более древние постройки были срезаны и забиты, а на созданной таким образом платформе возведено новое здание из иного по размерам кирпича (45 × 30 × 9 см)[1]. Стены его были облицованы обожженными плитками размером 44×29 × 5 см. Если в ранних постройках своды полуциркульные и кирпич в них поставлен вертикально, то в новых сооружениях своды близки к стрельчатым, а кирпич поставлен под углом 30—35° Таким образом, мы имеем дело уже со строительной техникой не античного, а раннесредневекового периода. Слой ТБ V дает нам дальнейшие изменения в характере керамики и строительной техники; в последней начинают преобладать блоки и глинобитные стены и падает роль кирпича. Однако мы имеем все основания видеть в «новом», характерном для данного периода, дальнейшее разви-

[1] Ранний кирпич имеет размеры: 39×39×9; 35×35×9 и 52×24×9 см.

тие «старого»; в частности, для керамики, повидимому, даже можно было бы проследить путь создания новых форм.

Таким образом, Тали Барзу дает нам, конечно в далеко не полном виде, единую непрерывную линию развития культуры, начиная с раннекушанского периода вплоть до первой половины VIII в. н. э. При этом мы не можем обнаружить в наличном материале каких-либо следов воздействия культуры кочевников, что также чрезвычайно важно.

Второй крупнейший памятник самаркандского Согда — Афрасиаб также дает нам существенный материал для выяснения поставленного вопроса. Благодаря работам А. И. Тереножкина (1946—1948 гг.) мы имеем достаточно детальную и твердую периодизацию отдельных культурных пластов этого городища и сравнительно полное представление об общем характере развития культуры на протяжении примерно тысячелетия[1]. Большой заслугой А. И. Тереножкина является не только упомянутое выше существенное уточнение датировок Г В. Григорьева, но и выявление на Афрасиабе более ранних культурных слоев. В частности, им обнаружен, повидимому, наиболее древний культурный слой, относящийся к периоду зарождения здесь города (Афрасиаб I).

Еще недавно имелась известная неуверенность в правильности датировки слоя Афрасиаб I, которая меньше всего была подкреплена стратиграфическими и иными данными. Однако в настоящее время, после раскопок, произведенных в 1950—1951 гг. М. М. Дьяконовым в Кобадиане [2], она может считаться бесспорно правильной. Тереножкин, основываясь на результатах своих раскопок, утверждает, что в кушанский период (I—IV вв. н. э.) Самарканд находился в упадке[3]. Как справедливо отметил М. Е. Массон, материал кушанского периода имеется в изобилии как на самом Афрасиабе, так и в Самаркандском музее, вследствие чего это утверждение не может считаться правильным[4]. Определенное запустение города, если оно и имело место, то падает лишь на III—IV вв. н. э.; этот период представлен на Афрасиабе ограниченными материалами.

Археологические материалы с Афрасиаба полностью подтверждают правильность заключения о преемственном характере развития культуры в самаркандском Согде, которое может быть сделано на основе материалов из Тали Барзу. В частности, А. И. Тереножкиным, тщательно учитывавшим все находки, весьма убедительно показана генетическая связь основных форм керамики в разные периоды, начиная с VI в. до н. э. Как и в материалах из Тали Барзу, мы не обнаруживаем в материалах с Афрасиаба каких-либо следов воздействия кочевнических культур. Таким образом, на основании имеющихся археологических материалов из Тали Барзу и Афрасиаба мы вправе сделать вывод, что процесс развития материальной культуры в самаркандском Согде носил преемственный характер. Вследствие этого, а также отсутствия следов воздействия на местную материальную культуру кочевнических культур, роль хионитов-эфталитов и тюрок в сложении культуры таджикской народности здесь должна быть признана крайне незначительной.

---

[1] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 152—169; его же. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, № 4, стр. 127—135.

[2] См. Отчет М. М. Дьяконова в Трудах Таджикской археологической экспедиции. т. II (МИА, № 37, 1953).

[3] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 159, 160.

[4] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4, стр. 159.

Из-за отсутствия необходимых материалов в настоящее время еще невозможно установить, в какой мере аналогичный характер носил процесс развития материальной культуры в других областях интересующей нас части Среднеазиатского междуречья; однако никаких данных, говорящих о том, что он был там иным, не имеется. Конечно, необходимо учитывать, что самаркандский Согд является центральной, глубинной областью той части Среднеазиатского междуречья, на которой шел процесс сложения таджикской народности, и окружен он со всех сторон земледельческими областями. В окраинных областях, в частности в Фергане, граничивших с территориями, населенными кочевниками, воздействие культуры последних на культуру земледельческого населения, несомненно, имело место; однако размер этого воздействия и конкретные формы его проявления в настоящее время нам неизвестны. Но культурное воздействие кочевников на оседлое население не могло быть значительным, ибо хозяйственная база первых в корне отлична от хозяйственной базы вторых.

* * *

Для решения второго из поставленных выше вопросов — о том, в какой период намечается известная общность культуры на той территории, на которой шел процесс сложения таджикской народности,— мы располагаем не только археологическими материалами, но и определенными данными письменных источников. Несмотря на слабую и весьма неравномерную археологическую изученность интересующей нас территории, ряд данных говорит о том, что в VII в. н. э. в пределах долины Зеравшана, Кашка-дарьинского оазиса и, повидимому, Осрушаны намечается определенная общность материальной культуры. Прежде всего в этот период наблюдается значительное единообразие археологического материала на территории всего самаркандского Согда (Афрасиаб, Тали Барзу, Кафыр-кала, Чилек и множество тепе в Самаркандской области). Далее, весьма близкий материал имеется в пределах Кашка-дарьинского оазиса (судя по результатам разведки А. И. Тереножкина и раскопок С. К. Кабанова).

По данным археологической разведки 1950 г., близкий материал широко распространен также на территории Осрушаны; однако вопрос о датировке его пока остается еще не вполне ясным[1]. Что касается Бухарского оазиса, то археологические материалы VII в. отсюда нам мало известны; однако некоторые данные все же позволяют предполагать, что материальная культура этой территории в указанный период была весьма близка к материальной культуре самаркандского Согда.

Известная общность материальной культуры в VII в. на указанной территории проявляется, в первую очередь, в сходстве форм и техники изготовления керамики, в покрытии ее сходными по составу и окраске ангобами, в значительной близости строительных приемов, строительных материалов (сырцового кирпича и пахсы) и архитектурных форм, в повсеместном распространении и даже господстве оссуарных погребений, в сходстве техники выполнения, формы и орнаментации оссуариев, в сходстве элементов вооружения и снаряжения и т. д.[2]

[1] Учитывая некоторую географическую изолированность Осрушаны, можно допустить наличие известной разницы в периодах бытования тех или иных форм материальной культуры здесь и в долине Зеравшана.

[2] Детальное и подробное сопоставление отдельных форм материальной культуры этого периода из разных областей крайне затруднено тем, что соответствующие материалы в подавляющем своем большинстве не опубликованы.

Появление в VII в. н. э. известной общности культуры на территории долины Зеравшана, Кашка-дарьинского оазиса и Осрушаны подтверждается также данными письменных источников, отмечающих как раз те стороны культуры, которые не отражены в археологических материалах. Эти данные содержатся в китайских источниках, описывающих Среднюю Азию указанного периода,— в Суй-шу и в записках Сюань Цзана. В Суй-шу отмечено, что нравы и обычаи жителей владения Ань (Бухарский оазис) одинаковы с нравами и обычаями населения Кана (самаркандского Согда), за исключением практики женитьбы на сестрах и старших женах отца [1] Последняя деталь сама по себе представляет значительный интерес, так как свидетельствует об относительном архаизме семейных отношений в Бухарском оазисе по сравнению с самаркандским Согдом, что, по всей видимости, следует объяснить более быстрым темпом развития феодальных отношений в последнем.

Далее Суй-шу указывает, что нравы и обычаи населения владения Ши (Кеш) также одинаковы с нравами и обычаями жителей Кана [2]. В описаниях Тохаристана и Ферганы, имеющихся в Суй-шу, к сожалению, не содержится никаких указаний о том, были ли нравы и обычаи населения этих областей сходны с нравами и обычаями жителей других областей[3]

Как ни отрывочны данные Суй-шу, они указывают на то, что в VII в. на территории долины Зеравшана и Кашка-дарьинского оазиса имелось известное единство культуры — во всяком случае в той ее части, которая отражается понятиями нравов и обычаев. А последние включают в себя прежде всего те стороны культуры, которые в наименее полной форме отражаются вещественными памятниками. Вследствие этого письменные источники существенно дополняют данные археологических материалов.

Сравнительно более подробные и весьма важные данные по интересующему нас вопросу содержатся в записках Сюань Цзана. Последний указывает, что вся территория от Суяба до Кеша (включительно) именовалась Согдом (Су-ли) и население ее, а также язык, на котором оно говорило, носили соответствующее название[4]. Далее он приводит краткую общую характеристику всей этой территории, в частности некоторые данные о нравах, обычаях, одежде и характере жителей. При этом подразумевается население всего этого Согда в указанных территориальных пределах, а не какой-то отдельной его части. Кроме того, описывая отдельные владения, составлявшие этот Согд, Сюань Цзан почти в каждом случае отмечает, что нравы и обычаи населения одинаковы с нравами и обычаями жителей самаркандского Согда (Са-мо-цзянь). Соответствующие указания отсутствуют лишь в описаниях Чача и Осрушаны: в первом вообще ничего не говорится о нравах и обычаях населения, а в описании Осрушаны отмечается, что нравы и обычаи жителей ее сходны с нравами и обычаями населения Чача [5] Причиной этого, очевидно, является то, что описания Чача и Осрушаны предшествуют описанию самаркандского Согда, так как Сюань Цзан ехал с севера на юг.

В описании Тохаристана Сюань Цзан ничего не говорит о нравах и обычаях жителей, ограничиваясь малосодержательной фразой о характере их. Никаких указаний о нравах и обычаях населения не имеется также и в последующих описаниях отдельных владений, составлявших Тохаристан. Однако при описании ряда областей, лежащих далее на юг, он

[1] Суй-шу, гл. 83, л. 7а.
[2] Там же, л. 10а.
[3] Там же, л. 9б.
[4] S. B e a l. Si-yü-ki, I, стр. 26.
[5] Там же, стр. 32.

сопоставляет нравы и обычаи их жителей с нравами и обычаями населения Тохаристана. Из этого очевидно, что в пределах всего Тохаристана имелась определенная общность нравов и обычаев населения. Были ли они сходны с нравами и обычаями жителей более северных областей, или нет,— Сюань Цзан, к сожалению, не указывает. Приведенные выше данные Суй-шу и записок Сюань Цзана являются весьма определенным свидетельством о том, что в первой половине VII в.[1] на территории долины Зеравшана, Кашка-дарьинского оазиса и Осрушаны уже складывалась известная общность культуры. О наличии таковой в начале VIII в. мы имеем данные в записках Хой Чао. Здесь все владения, лежащие в долине Зеравшана и Кашка-дарьинском оазисе, а также Осрушана и Чач объединены в одну группу и описываются, как нечто единое[2]. Соответственно характеристика нравов и обычаев населения дается для всей этой территории целиком. Хой-Чао отмечает, в частности, что в указанных владениях берут в жены сестер и матерей и в то же время распространена полиандрия. Очевидно, мы должны в данном случае разграничивать эти явления и относить к разным территориям. Полиандрия, как уже указывалось выше, специфична для эфталитов и, очевидно, была распространена в тех местностях, где они осели[3]. Что касается обычая брать в жены близких родственниц, то он отмечен в Суй-шу, как характерный для Бухарского оазиса.

О нравах и обычаях жителей Тохаристана Хой Чао, как и другие источники, ничего не сообщает, если исключить указание о том, что и здесь была распространена полиандрия (отмечена она им также в Бамиане, Каписе и Забулистане, т. е. во всех областях, где ранее обосновались отдельные группы эфталитов).

Как показывают имеющиеся в настоящее время археологические материалы, в VII в. в долине Зеравшана, Кашка-дарьинском оазисе, равнинной части Ферганы и в Чаче имели массовое распространение оссуарные погребения[4]. При этом формы самих оссуариев в отдельных областях весьма сходны друг с другом. Это свидетельствует о том, что в VII в. в религиозных взглядах населения указанной территории имелась известная общность[5].

Если мы обратимся к письменным источникам, то и в них найдем определенные свидетельства о появлении этой общности. Прежде всего весьма показательно быстрое исчезновение в самаркандском Согде буддизма. В Суй-шу, отражающей положение, имевшее место на рубеже VI и VII вв., имеется совершенно определенное указание, что жители самаркандского Согда (Кана) поклоняются Будде[6]. Однако уже Сюань Цзан отмечает, что

---

[1] Описание Средней Азии, содержащееся в Суй-шу, основано на большом труде, посвященном описанию «Западного края», составленному в 605/606 гг. Пэй Цзюем; Сюань Цзан проехал через Среднюю Азию в 630 г.

[2] W. Fuchs. Ук. соч., стр. 467.

[3] Повидимому, основными районами оседания эфталитов были окраины Бухарского оазиса, средняя часть долины Зеравшана между Бухарой и Самаркандом и Северный Тохаристан (Хутталь и Чаганиан).

[4] Подавляющее большинство оссуариев, происходящих с этой территории, не издано. Также не имеется сводной работы, содержащей данные о местах и условиях находки оссуариев, хотя потребность в ней очень велика; на 1908 г. соответствующая сводка была дана В. В. Бартольдом в статье «К вопросу об оссуариях Туркестанского края» (ИРКИСВА, № 8, 1908), однако с тех пор накоплен новый богатейший материал, ожидающий своего исследователя.

[5] Оссуарные погребения характерны для маздеизма. Однако они могли быть распространены и среди манихейцев; манихейство, судя по всем имеющимся в настоящее время данным, чрезвычайно быстро приспосабливалось к местным религиозным системам и многое из них заимствовало.

[6] Суй-шу, гл. 83, л. 6а; Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. II, стр. 281.

жители Самарканда не следуют вероучению Будды, а имеющиеся в городе храмы заброшены, причем местное население никого к ним не подпускает. Спутников Сюань Цзана, пытавшихся подойти к ним, собравшиеся местные жители прогнали горящими головнями[1]. Эти детали показывают, что буддизм не только просто исчез здесь, но и отношение к нему населения было уже резко враждебно.

Сопоставляя данные Суй-шу и составителя жизнеописания Сюань Цзана, мы можем придти к заключению, что буддизм исчез в самаркандском Согде на протяжении четверти столетия[2]. Несмотря на то, что Сюань Цзан якобы сумел склонить канского владетеля и некоторых придворных принять буддизм, судьба последнего в самаркандском Согде была уже решена. Судя по данным записок Сюань Цзана, в 630 г. буддизма не было не только в самаркандском Согде, но и на всей территории долины Зеравшана, Кашка-дарьинского оазиса и Осрушаны. В 728 г. Хой Чао также отметил отсутствие буддизма на этой территории: единственным следом былого распространения его здесь являлся заброшенный монастырь в Самарканде, в котором имелся один монах[3].

Быстрое исчезновение буддизма в самаркандском Согде, несомненно, связано с укреплением позиций какой-то иной религиозной системы. Если Тан-шу отмечает сосуществование здесь буддизма с поклонением небесному богу, то Хой Чао говорит, что все население владений в долине Зеравшана и Кашка-дарьинском оазисе, а также Осрушаны и Чача поклоняется небесному богу огня. Последнее является прямым указанием на то, что в начале VIII в. на указанной территории имелась тенденция к установлению господства какой-то одной, определенной религиозной системы. Поскольку Хой Чао говорит о поклонении небесному богу огня, мы вправе предполагать, что этой религиозной системой была местная, среднеазиатская форма зороастризма, которую условно можно назвать маздеизмом. Это подтверждается, в частности, и отмеченным выше массовым распространением оссуарных погребений.

Из-за недостатка соответствующих данных в настоящее время еще невозможно дать хотя бы относительно полную характеристику среднеазиатского маздеизма. Однако с уверенностью можно говорить о том, что он во многом отличался от канонизированного зороастризма, господствовавшего в Иране. Одним из отличий его, повидимому, являлось сочетание поклонения огню с поклонением идолам[4].

На основании всего сказанного мы вправе сделать вывод, что в VII в. на территории долины Зеравшана, Кашка-дарьинского оазиса и, повидимому, также Осрушаны намечается известное единство культуры.

О культуре равнинной части Ферганы мы не имеем в настоящее время данных, достаточных для того, чтобы установить, была ли она сходна с

---

[1] S. B e a l. The life of Hinen-Tsiang. Лондон, 1914, стр. 46.

[2] Указание Суй-шу о том, что жители Кана поклоняются Будде, конечно, нельзя истолковывать как свидетельство о том, что все население самаркандского Согда было буддийским. Буддизм здесь сосуществовал с другими религиями, но, очевидно, играл не последнюю роль. Истинное положение вещей правильно отражено в Тан-шу, где говорится, что в среде жителей Кана распространены буддизм и поклонение «небесному богу» (Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. II, стр. 310; E. C h a v a n n e s. Documents..., стр. 135). О причине расхождения переводов Бичурина и Шаванна см.: E. C h a v a n n e s. Le nestorianisme et l'inscription de Kara-balgassoun. JA, IX, 1897, стр. 59—60).

[3] W F u c h s. Ук. соч., стр. 467

[4] Сочетание поклонения идолам с поклонением огню наблюдается, в частности, в древнем Пенджикенте. Здесь в храмах, наряду с изображениями жертвенников со священным огнем, имеются остатки скульптур в нишах (а также остатки крупной глиняной статуи перед оградой храма II) и многочисленные изображения божеств.

культурой вышеуказанных областей или отлична от нее. Культура Северного Тохаристана VII в. нам очень мало известна, так как археологическое изучение этой области только еще начинается. Однако ряд имеющихся в настоящее время данных говорит о более или менее значительном отличии ее от культуры центральной части Среднеазиатского междуречья (долина Зеравшана и Кашка-дарьинский оазис).

Прежде всего следует отметить, что в VII в. в Тохаристане,— как северном, так и южном,— употреблялся совершенно иной шрифт, чем в более северных областях. Об этом мы имеем совершенно определенные данные в записках Сюань Цзана. Последний указывает, что в Тохаристане употребляется алфавит, состоящий из 25 букв, и пишут горизонтальными строками слева направо [1].

Далее, по данным Сюань Цзана, монеты, чеканившиеся в VII в. в Тохаристане, были отличны по типу от монет других областей [2]. Очевидно, что, в частности, они были отличны и от монет, чеканившихся в центральной части Среднеазиатского междуречья. Отличие имелось не только в типе, но и в металле: в Тохаристане, как указывает Сюань Цзан, чеканились золотые и серебряные монеты, а все известные нам согдийские монеты — медные.

Необходимо отметить также почти полное отсутствие в северном Тохаристане оссуарных погребений, господствующих в VII в. на территории центральной части Среднеазиатского междуречья [3]. Это является свидетельством того, что здесь была распространена иная система религиозных взглядов и господствовали иные погребальные обряды.

Весьма существенным моментом является также значительная прочность позиций буддизма в Северном Тохаристане. По данным Сюань Цзана, в 630 г. в Термезе имелось 10 буддийских монастырей, в Чаганиане — 5, в Ахаруне — 2, в Шумане — 2, в Кобадиане — 3[4]. Судя по сведениям, содержащимся в записках Хой Чао, буддизм был еще в начале VIII в. господствующей религией в Хуттале[5].

Относительная общность культуры на всей той территории, на которой шел процесс сложения таджикской народности, появляется лишь позднее—в X в. н. э. Проявления этой общности чрезвычайно разнообразны, и полная характеристика их может быть дана только в специальной работе. В данном случае следует отметить только некоторые из них.

В области материальной культуры общность наблюдается прежде всего в формах и технике изготовления керамики: так называемая саманидская поливная керамика, характеризующаяся совершенно определенным типом поливы и декоративной росписи, распространяется в X в. на всей интересующей нас территории. В формах сосудов, изготовлявшихся в различных областях, наблюдается вполне определенное единообразие: преобладают блюда, миски (большие и малые), чаши типа пиалы, кувшины яйцевидной формы с высоким горлом и светильники.

---

[1] S. Beal. Si-yü-ki, I, стр. 38. Как установлено в настоящее время, Сюань Цзан описывает известный нам по кушанским и эфталитским монетам греческий курсив. В алфавит к первоначальным 24 буквам еще в кушанский период была добавлена буква р = ш. См. H. Bailey. Ttaugara. BSOS, VIII, стр. 890—92; P. Pelliot. A propos du «tokharien», TP, 32, стр. 260.

[2] S. Beal. Ук. соч. I, стр. 38.

[3] В настоящее время известен только один оссуарий, происходящий из Дангаринского района.

[4] S. Beal. Ук. соч. I, стр. 38—40.

[5] W. Fuchs. Ук. соч., стр. 458.

Ряд данных свидетельствует о том, что в X в. весьма широкое распространение получает также тонкостенная, дутая без форм стеклянная посуда.

В архитектуре X в. (насколько она нам известна, в основном, по монументальным постройкам) повсеместно наблюдается возрастание роли обожженного кирпича как строительного материала. При этом обожженный кирпич уже имеет вполне выработанные, в известной мере стандартные размеры. Известные нам в настоящее время памятники свидетельствуют о том, что в X в. одним из основных видов монументальных построек становятся здания центрически-купольного типа. Одной из наиболее характерных черт архитектуры X в. является органическая связь конструкции с убранством: последнее выполнялось преимущественно тем же материалом, что и сама конструкция (кирпич и гянч).

В X в. имелся единый литературный язык — таджикский, на котором создавались первоклассные поэтические произведения. Арабский язык, ранее насаждавшийся наместниками халифата в качестве официального и литературного, сохранял свои позиции в области религиозной и научной (философия, астрономия, медицина и др.) литературы. В X в. господствующей религией в Среднеазиатском междуречье был уже ислам. Окончательная победа его здесь, очевидно, относится лишь в IX в. н. э. (учитывая длительное сохранение независимости и изолированности Осрушаной и некоторыми частями Северного Тохаристана).

Ведущей областью в культурном отношении в этот период являлась долина Зеравшана, где находились крупнейшие культурные и политические центры — Бухара и Самарканд. Учитывая этот факт и то, что известная общность культуры намечается в долине Зеравшана, Кашка-дарьинском оазисе и Осрушане уже в VII в. н. э., можно предполагать, что именно долина Зеравшана сыграла наиболее активную роль в процессе сложения общности культуры таджикской народности в пределах Среднеазиатского междуречья.

И. К. СВЕШНИКОВ

КУЛЬТУРА ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ И ЗАПАДНОЙ ВОЛЫНИ

Одним из основных вопросов в изучении неолита западной части СССР является вопрос о культуре линейно-ленточной керамики, не получивший, однако, до сих пор должного освещения в нашей археологической литературе из-за отсутствия публикаций вещественного материала, карты распространения памятников и новых полевых исследований. К тому же и сам имеющийся в нашем распоряжении материал происходит, в основном, из случайных находок и по своей фрагментарности не может дать достаточно основания для обобщающих выводов. Между тем один из самых важных, сложных, малоизученных и спорных вопросов трипольской культуры — вопрос ее происхождения — тесно связывается с культурой линейно-ленточной керамики. Без изучения этой культуры трудно решить проблемы происхождения триполья. Поэтому надо считать давно назревшей необходимость ознакомления широких масс советских археологов с известными в настоящее время памятниками культуры линейно-ленточной керамики, распространенными на территории западных областей УССР

Первое упоминание в польской археологической литературе о находке ленточной керамики в бассейне верхнего Днестра относится к 1921 г., когда археологом В. Антоневичем была проведена разведка на поселении у с. Торске в районе Залещик. В последующие годы количество подобных находок и сообщений о них в литературе значительно возросло, что позволило некоторым авторам сделать попытки синтетической обработки известного в то время материала. К находкам с верхнего Днестра присоединился ряд новых памятников, открытых в конце 30-х годов на Волыни исследованиями И. Фицке и З. Леского.

Польские буржуазные археологи Л. Козловский, П. Журовский, В. Антоневич и К. Яждевский считали[1], что культура линейно-ленточной керамики зарождается на среднем Дунае, откуда под влиянием клима-

[1] L. Kozłowski. Stan i potrzeby badań nad epoką kamienną w Polsce. «Wiadomości archeologiczne», 1921, VI, стр. 38; его же. Młodsza epoka kamienna w Polsce (neolit), 1924; его же. Zarys pradziejów Polski Południowo-wschodniej. Lwów, 1939; W. Antoniewicz. Z badań archeologicznych w górnem dorzeczu Dniestru. «Wiadomosci archeologiczne», 1921, VI, стр. 79; его же. Eneolityczne groby szkieletowe we wsi Złota w pow. Sandomierskim. «Wiadomosci archeologiczne», 1925, IX, N 3—4, стр. 191; его же. Archeologja Polski. Warszawa, 1928.

тических изменений, превративших во II периоде неолита (первая половина IV тысячелетия до н. э.) плодородные наддунайские степи в сухие и непригодные для земледелия земли, носители этой культуры продвигаются на запад и доходят до Южной Германии, Эльзас-Лотарингии, Южной Бельгии и Франции. В северном направлении племена культуры ленточной керамики движутся вдоль р. Моравы, занимают Чехию, Саксонию и Тюрингию. В северо-восточном направлении они проникают в Силезию и через Моравию — в Польшу, обосновываются на плодородных почвах в районе Кракова, Келец и Сандомира и оттуда продвигаются вдоль Вислы и Куявы, а в восточном направлении — вдоль р. Сан и верховьев Днестра.

В. Антоневич считает трипольскую культуру родственной культуре ленточной керамики, особенно так называемой бутмирско-яблаиицкой группе этой культуры, что, однако, по мнению В. Антоневича, не может быть доказательством происхождения триполья от названной группы культуры ленточной керамики. Связь обеих культур, по мнению В. Антоневича, гораздо более отдаленная и относится к прототипам керамических форм этих культур, выступающим по среднему течению Дуная.

Типологический анализ керамики и стратиграфические наблюдения позволили разным авторам определить приблизительно хронологическое соотношение отдельных групп культуры ленточной керамики на территории Венгрии, Чехии, Моравии и Польши (см. таблицу на стр. 102).

Слабым местом этой схемы является ее абсолютная хронология, нуждающаяся в пересмотре и основательной критике. Не имея возможности в данной статье дать широкую критику этого раздела, оставляем вопрос абсолютной хронологии отдельных групп культуры ленточной керамики польской, чехословацкой и венгерской территорий открытым, считая, однако, порядок чередования и соотношения отдельных культур приведенной схемы в основном правильными.

Исследования польских археологов дали возможность установить основные характерные черты отдельных хронологических групп культуры ленточной керамики, выступающих в верховьях Вислы[1], следовательно на наиболее близкой к интересующей нас территории.

Итак, керамике со спиральным и «угловым» орнаментом сопутствует такой набор кремневых орудий: пластинные вкладыши для серпов, несколько типов скребков, пилки, сверла, резцы, овальные в сечении топоры с зашлифованным лезвием, песты. Из каменных орудий известны колодкообразные и сверленые топоры. Сосуды круглодонные обыкновенно небольших размеров; глина без примесей. Углубленный орнамент состоит из спиралей или из заходящих друг на друга углов в виде елочки. Население живет в пещерах или на открытых поселениях в землянках с перекрытиями из облепленного глиной хвороста. Основными видами занятий населения были земледелие, охота и скотоводство, что подтверждается отпечатками зерен 4 сортов пшеницы на керамических изделиях и найденными на поселениях костями диких животных, а также костями овцы, козы, быка и свиньи.

Для следующей хронологической группы характерны сосуды с наколчатым орнаментом, отличающиеся шаровидной нижней частью и высокой суживающейся кверху шейкой. Шейка покрыта богатым орнаментом, состоящим из прерывающихся коротких линий, образующих ленты или углы. Основным занятием населения было земледелие, а отпечатки зерен

---

[1] L. Kozłowski. Stan i potrzeby badań...; его же. Młodsza epoka kamienna...; W. Antoniewicz. Archeologja Polski; J. Żurowski. Problem kultury ceramiki promienistej.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП КУЛЬТУРЫ ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ

ПЕРИОДЫ	ВЕНГРИЯ [1]	ЧЕХИЯ [2]	МОРАВИЯ [3]	ПОЛЬША [4]	ВЕРХНИЙ ДНЕСТР
2000-2500 гг. до н. э.		Шнуровая керамика — Нордийская культура; Йорданмюльская культура	Шнуровая керамика — Нордийская культура	Культура воронковидных чаш (малопольская)	
2500—3000 гг. до н. э.	7. Тисская культура II 6. Ленгиельская культура 5. Тисская культура I		Расписная II/B	Брестско-Куявская группа; Радиальная керамика	
3000—3500 гг. до н.	Бюккская культура III	Керамика с накольчатым орнаментом II	Керамика с накольчатым орнаментом II	Керамика с прямолинейным накольчатым орнаментом	—
3500—4000 гг. до н. э.	3. Бюккская культура II 2. Бюккская культура I 1. Древняя ленточная керамика	Древняя керамика с накольчатым орнаментом Поздняя ленточная Древняя ленточная	Древняя керамика с накольчатым орнаментом (спиральная) керамика (спиральная) керамика	Расписная I и II/A 2. Керамика с «угловым» орнаментом 1. Керамика со спиральным орнаментом	Керамика с «угловым» орнаментом

[1] F. Tompa. Die Bandkeramik in Ungarn, Archaeologia Hungarica? 1929, V—VI; W. Buttler. Der donaulandische und der westische Kulturkreis der jüngeren Steinzeit. «Handbuch der Urgeschichte Deutschlands, II, Leipzig, 1938; F Tompa. 25 Jahre Urgeschichtsforschung in Ungarn 1912—1936. Bericht der Römisch-germanischen Komission, 1934/35.

[2] A, Stocký Pravěk země české, I, 1926; F. Tompa. Die Bandkeramik...

[3] Там же.

[4] W. Antoniewicz.«Zbadań archeologicznych...»; его же. «Archeologja Polski»; L. Kozłowski. Stan i potrzeby badań...; его же. Młodsza epoka kamienna...; J. Żurowski. Problem kultury ceramiki promienistej. Wiadomosci archeologiczne. 1933, XII, стр. 139; K. Jażdżewski. Cmentarzyska kultury ceramiki wstęgowej i związane z nim ślady osadnictwa w Brześciu Kujawskim. Wiadomosci archeologiczne, 1938, XV.

[5] Там же.

ржи и ячменя на стенках глиняных сосудов свидетельствуют об освоении в этот период первобытными земледельцами новых зерновых культур.

Так называемая радиальная керамика, характерная для следующего этапа развития культуры ленточной керамики, встречается в пещерах и на поселениях с овальными землянками, которые часто имеют один или два боковых выступа. Ассортимент каменных орудий состоит из обсидиановых пластин, кремневых ножей, скребков, пилок, вкладышей для серпов, небольших гранитных зернотерок, пестов, колодкообразных топоров, кремневых и каменных зашлифованных топоров. Характерно отсутствие резцов; появляются медные орудия (плоские топоры), глиняные прясла и гончарная печь. Основные формы сосудов — чаши на высокой пустой ножке, миски, разных форм чарки с высокими ручками, сосуды с шаровидной нижней частью, сосуды с плоским дном, высокой цилиндрической шейкой и горизонтальным ушком ниже венчика, шаровидные сосуды с узкой шейкой и двумя горизонтальными ушками на наибольшей выпуклости бочка. Орнамент состоит из углубленных линий, расходящихся лучами от дна сосуда. Группы линий чередуются с круглыми ямками. Свободное от орнамента пространство дна иногда имеет форму пятиконечной звезды. Редко встречающийся пластичный орнамент состоит из налепных цилиндрических выступов и валиков с пальцевыми отпечатками. Население занималось земледелием, скотоводством, охотой (известны наконечники стрел), прядением.

Эти выводы польских археологов нельзя принять без некоторых оговорок. Сомнительными, например, кажутся сообщения относительно видов злаков, известных племенам культуры ленточной керамики, а также и состава стада у этих племен. Кроме того, без всякого основания считается, что в этот период конь уже был домашним животным и что обработка земли происходила при помощи сохи с каменным лемехом. В то же время для охоты еще не употреблялись лук и стрелы[1]. Высказывались мнения о пашенном земледелии (соха с каменным лемехом) с использованием домашних животных и об удобрении полей навозом в период развития ленточной керамики с накольчатым орнаментом[2]

Нельзя согласиться также и с соображениями о причине появления в верхнем Повисленье отдельных групп культуры ленточной керамики. Формалистический метод исследования, вера в существование каких-то очагов высшей культуры, которые почему-то должны были находиться непременно на западе, приводит польских археологов к совершенно нелогическим выводам. Так, признается, что смена керамики со спиральным орнаментом керамикой с накольчатым орнаментом на территории Чехии и Моравии является доказательством начала нового этапа развития материальной культуры одних и тех же земледельческих племен. Подобное же явление в верхнем Повисленье почему-то считается доказательством появления здесь новой «миграционной волны», занесшей сюда культурные достижения юго-запада. Решающим критерием для подобных концепций были формы и орнамент керамики. Это привело к совершенному игнорированию общего характера культуры и ее генетических связей, которые отчетливо видны при сравнении отдельных групп культуры ленточной керамики. Даже в тех случаях, когда можно установить, что развитие древних земледельческих племен по обеим сторонам Карпат пошло по-разному, самостоятельному пути, даже и тогда это явление объясняется в польской

[1] L. Kozłowski. Młodsza epoka kamienna...
[2] W. Antoniewicz. Archeologja Polski.

буржуазной археологической литературе миграцией, и для подтверждения этого положения создаются сложные и непонятные концепции.

Так, например, на чешской и моравской территории керамика с накольчатым орнаментом сменяется керамикой типа Ленгиель и Иордансмюль. А в южной Польше примерно в то же время происходит смена керамики с накольчатым орнаментом радиальной керамикой, очень близкой по своему характеру к ленгиельской и йордансмюльской, но все же отличающейся от них рядом особенностей. Для объяснения этого явления польские археологи говорят о миграции племен ленгиельской [1] или йордансмюльской [2] культур на север и об изменении здесь всего облика материальной культуры продвинувшихся племен.

К вопросу о происхождении поселений культуры линейно-ленточной керамики на территории западных областей УССР по-иному подошел Е. Ю. Кричевский, который считал, что все эти памятники оставлены автохтонным населением[3] Доказательством этого является, по его мнению, присутствие на всех поселениях культуры ленточной керамики микролитических орудий (трапециевидные микролиты и другие тарденуазские формы), распространение среди памятников этого типа ранненеолитических макролитических форм орудий[4] и генетическая связь землянок культуры линейно-ленточной керамики с жилищами тарденуазских поселений. Е. Ю. Кричевский показывает, как в зависимости от развития материнского родового строя развивается это жилище, постепенно приобретающее форму известных жилищ-землянок культуры ленточной керамики.

По мнению Е. Ю. Кричевского, культура линейно-ленточной керамики оформилась в тех же местах, где находим ее памятники. Этот процесс начался с переходом от раннего к развитому неолиту, когда некоторые племена покидают песчаные дюны речных долин (места поселений тарденуазских охотников и рыболовов, а также человека раннего неолита) и переселяются на лессово-черноземное плато, где начинают осваивать земледелие. Е. Ю. Кричевский считает, что материалы поселения у Бабьей Горы (верхнее Повисленье) показывают, как ранненеолитические племена постепенно переходят к производящему хозяйству, осваивая лессовые почвы, пригодные для самого примитивного земледелия, и вместе с тем переходят к изготовлению глиняной посуды. Ранненеолитические племена, оставшиеся на речных дюнах в лесной полосе, продолжают заниматься оседлым рыболовством; они оставили памятники типа ямочно-гребенчатой керамики. К этим племенам, очевидно, наиболее близки были земледельческие племена культуры ленточной керамики на Волыни.

Каменные орудия макролитического типа (топоры-мотыги для обработки земли), известные из поселений культуры ленточной керамики, и почти абсолютное отсутствие стрел на этих поселениях подтверждают, по мнению Е. Ю Кричевского, факт перехода в этот период от охоты к примитивному мотыжному земледелию. Дальнейшее развитие земледельческих племен приводит, как считает Е. Ю. Кричевский, к появлению в бассейне Днепра и Днестра трипольской культуры, являющейся наиболее развитым

---

[1] J. Żurowski. Problem kultury ceramiki promienistej.

[2] W Antoniewicz. Archeologja Polski.

[3] Е. Ю. Кричевский. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. КСИИМК, III, 1940; его же. Мезолит и неолит Европы. КСИИМК, IV; его же. Ранній неоліт і походження трипільської культури. Сб. «Палеоліт і неоліт України», т. I, Київ, 1941.

[4] Это положение Е. Ю. Кричевского не подтвердилось последующими исследованиями.

вариантом культуры линейно-ленточной керамики. Она возникла, по его мнению, в результате прогрессивного развития автохтонного земледельческого населения, характеризуемого линейно-ленточной керамикой, испытавшего усилившееся во второй половине III тысячелетия до н. э. влияние Восточного Средиземноморья[1]. Упомянутый исследователь высказывает предположение, что в западной части западных областей УССР в это время тоже на базе культуры ленточной керамики возникает так называемая культура воронковидных чаш (малопольская).

Несмотря на большое однообразие линейно-ленточной керамики, ее всю можно разделить, по мнению Е. Ю. Кричевского [2], по территории распространения на несколько групп: 1) керамика, известная с территории Польши, Чехословакии, Австрии и Западной Венгрии, 2) ленточная керамика Югославии, Восточной Венгрии и Западной Румынии, 3) древняя ленточная керамика Румынии и Правобережной Украины.

Следует отметить, что автор этой концепции подошел к решению данного вопроса формально, так как, объединяя, например, ленточную керамику Польши и Чехословакии в одну группу, он не учел разного облика этой культуры на обеих территориях. Подобное замечание можно сделать и в отношении объединения Е. Ю. Кричевским в одну группу линейно-ленточной керамики Румынии и Правобережной Украины, так как все известные пока материалы культуры ленточной керамики с территории верхнего Днестра и Западной Волыни свидетельствуют о большой связи древнеземледельческого населения этих земель с племенами, населявшими Повисленье.

Т. С. Пассек считает, что культура линейно-ленточной керамики на территории западных областей УССР возникла во время перехода автохтонного ранненеолитического населения от охоты и рыбной ловли к земледелию и скотоводству. Она высказывает гипотезу, что эта культура является результатом дальнейшего развития неолитических племен культуры линейно-ленточной керамики, связанных с племенами Восточного Средиземноморья интенсивными культурными взаимоотношениями[3]

С. Н. Бибиков, отмечая идентичность домов периода культуры линейно-ленточной керамики с домами раннетрипольского поселения в Луке-Врублевецкой, считает, что этот факт является доказательством прочных связей раннего триполья с культурой ленточной керамики, современной трипольской культуре или предшествующей ей[4]. Фрагменты ленточной керамики, обнаруженные раскопками 1950 г. в раннетрипольской землянке на поселении Лука-Врублевецкая, С. Н. Бибиков считает импортом из Подунавья и доказательством культурных связей, существовавших между ранним трипольем и синхронной ему культурой линейно-ленточной керамики[5].

---

[1] Е. Ю. Кричевский. Из истории дунайского понизовья в неолитическую эпоху. КСИИМК, VIII, 1940.

[2] Его же. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный. ИГАИМК, вып. 110, 1933.

[3] Т. С. Пассек. Изыскания по трипольской культуре за 25 лет. Тезисы доклада. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 174—176; ее же. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10.

[4] С. Н. Бибиков. Жилища раннеземледельческого поселения в Луке-Врублевецкой на Днестре. КСИИМК, XXXV, 1950.

[5] Его же. Некоторые итоги изучения раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая на Днестре (доклад на секции первобытной археологии пленума ИИМК 23.IV 1951). В раскрытой раскопками 1950 г. раннетрипольской землянке было обнаружено несколько десятков фрагментов сосудов культуры ленточной керамики. С частью этих материалов я познакомился на выставке в Москве; их принадлежность данной культуре не вызывает сомнения.

Выше мы привели мнения польских и советских археологов, высказавшихся по вопросу развития культуры линейно-ленточной керамики на территории западных областей УССР и соотношения этой культуры и триполья. Подробный анализ имеющегося в нашем распоряжении вещественного материала дает нам, однако, основание оспаривать не только многие концепции польских буржуазных археологов, но и некоторые положения

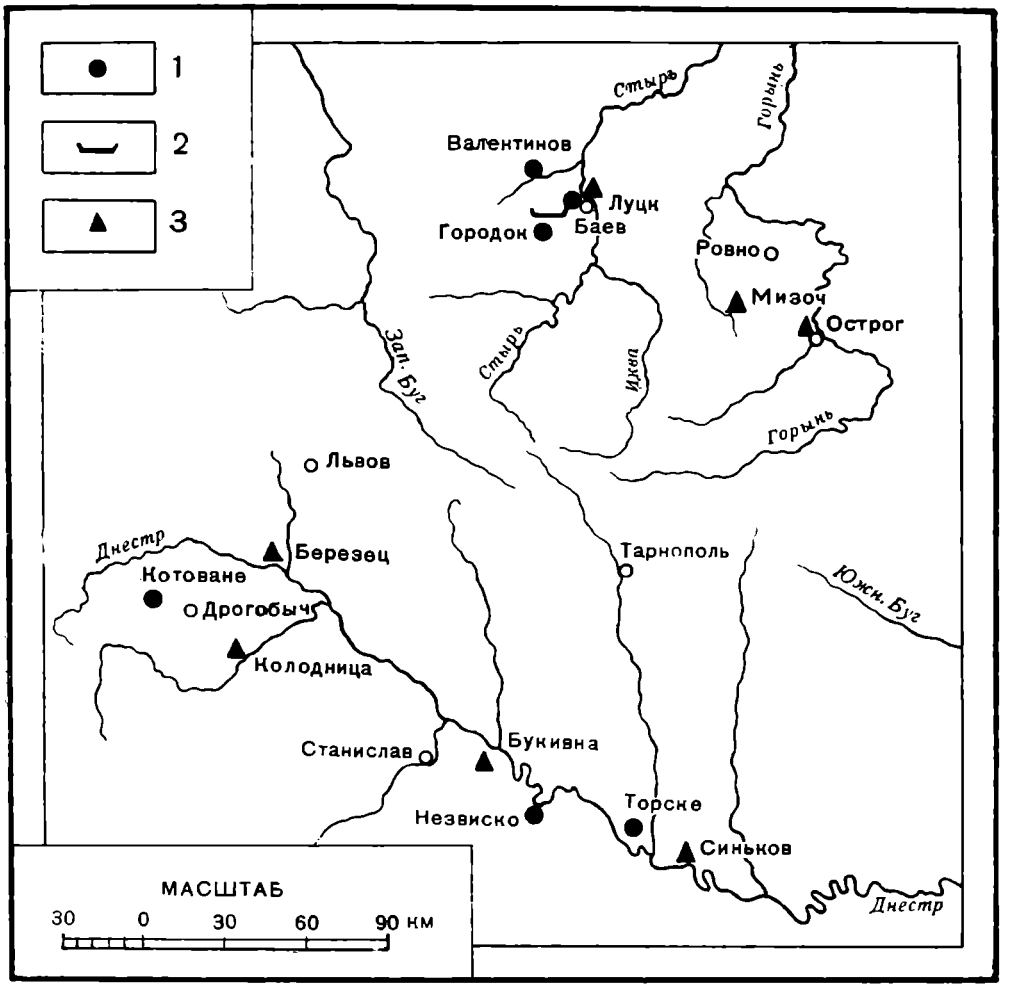

Рис. 1. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории верхнего Днестра и западной Волыни

1 — поселения; *2* — могильники; *3* — случайные находки

Е. Ю. Кричевского и Т. С. Пассек, хотя мнения последних исследователей, в основном, считаем наиболее правильными. Для пересмотра этих положений необходимо, по возможности, полностью рассмотреть материалы культуры ленточной керамики на территории Волыни и верхнего Поднестровья, хранящиеся в Луцком и Львовском исторических музеях; некоторая часть материала (из поселения у с. Торске возле Залещик) хранится в Варшавском археологическом музее и известна нам только по публикации В. Антоневича.

Нанесение на карту всех известных пока находок ленточной керамики в западных областях УССР (рис. 1) дает нам картину расселения примитивно-земледельческих племен в двух основных районах: Западная

Волынь (бассейн Стыри и Горыни) и верхнее течение Днестра (территория Дрогобычской, Станиславской и Тернопольской областей).

Волынская группа поселений культуры линейно-ленточной керамики известна по следующим материалам:

1. Хутор Валентинов, район Торчин, Волынской области. В 1937 г. И. Фицке раскопал здесь небольшое поселение. Было вскрыто несколько землянок с большим количеством керамики. Среди других обломков сосудов, характерных для ленточной керамики, найдена нижняя часть чаши на пустой ножке [1]. Чаши на пустых ножках с росписью характерны для ленгиельской и йордансмюльской культур [2]. На поселениях культуры ленточной керамики верхнего Повисленья подобные сосуды (но без росписи) всегда встречаются вместе с так называемой радиальной керамикой [3]

2. Луцк, центр Волынской области. В 1937 г. в предместье Гнидава на территории кирпичного завода И. Фицке раскопал несколько землянок, в которых обнаружил керамику с «угловым» орнаментом [4].

В Луцком музее хранятся два лепных сосуда [5], найденных там же в 1931 г.:

а) Лепная миска желтого цвета, внутри серая. Сильно обожженная, со сглаженной поверхностью и тонкими стенками. Край венчика украшен четырьмя двойными, плоскими, закругленными сверху, крестообразно расположенными выступами (табл. V, *12*).

Подобное украшение венчика встречается на некоторых сосудах типа накольчатой ленточной керамики в Чехии[6]. Тенденцию к полукруглым вырезам и выступам на венчике можно наблюдать на йордансмюльской, младшей линейно-ленточной и розиенской керамике [7] Полукруглые выступы на венчике встречаются также на ленточной керамике из поселения у Бреста Куявского (Польша) [8]

б) Лепная миска черного цвета с желто-красным оттенком под венчиком. Сильно обожженная со сглаженной поверхностью. Край венчика с боков украшен четырьмя крестообразно расположенными треугольными утолщениями (табл. V, *5*).

3. Баев, район Луцка, Волынской области. В 1939 г было открыто погребение. Возле скелета обнаружены каменный колодкообразный топор и лепной сосуд шаровидной формы, серого, местами черного цвета, слабого обжига [9] По максимальному диаметру бочка — три плоских

---

[1] J. Fitzke. Tegoroczne badania na Wołyniu. «Z otchłani wieków, 1938, N 9—10 стр. 128; его же. Stanowiska kultury ceramiki wstęgowej na Wołyniu. «Sprawozdania Polskiej Akad. Umiejętności», 1938, XLIII, № 1, стр. 26 (Материал раскопок утерян.)

[2] J. Červinka. Morawské starožinosti. 1908, рис. 5 и 58.

[3] J. Żurowski. Ук. соч.

[4] Материал раскопок и документация не сохранились. Сообщая о раскопках в Гнидаве, И. Фицке упоминает о второй находке ленточной керамики в Луцке в предместье «Вокзал». Однако в фондах Луцкого музея этого материала отыскать не удалось. См. J. Fitzke. Odkrycie ziemianek starszej ceramiki wstęgowej w Lucku. «Sprawozd. Polskiej Akad. Umiejętności», XLII, 1937; его же. Stanowiska kultury ceramiki wstęgowej...; его же. Nowe wykopaliska wotyń. «Z otchłani wieków», 1937, N 11—12, стр. 165—166.

[5] Инв. № А-50 и А-51.

[6] A. Stocký. Ук. соч., табл. XLII, 4.

Там же, табл. LVI, 20, 21; W Buttler. Der donauländische und der westische Kulturkreis der jüngeren Steinzeit. «Handbuch der Urgeschichte Deutschlands», Leipzig, 1938, рис. 16, 9; 21,23; табл. 12, *1*.

[8] K. Jażdżewski. Ук. соч., табл. XX, 6.

[9] Nowe wykopaliska-woj. Wotyńskie. «Z otchłani wieków», 1939, № 7—8, стр. 104. Сосуд хранится в Луцком музее, инв. № А-55; топор утерян.

выступа (ушки) с вертикально проколотыми отверстиями и дугообразным вырезом переднего края. Поверхность сосуда покрыта углубленным орнаментом: слегка изогнутые линии, переходящие в нескольких местах в зигзаг (табл. V, *10*).

Подобные сосуды известны в группе радиальной ленточной керамики на территории Польши [1]. Выступают они также в Моравии, Чехии, Германии[2], однако там поверхность этих сосудов бывает обыкновенно покрыта спиральным, реже «угловым» орнаментом. Мотив расходящихся от дна линий приближает сосуд из Баева к группе радиальной керамики.

4. Городок, район Сенкевичевка, Волынской области. В 1931 г. здесь были найдены почти целый лепной сосуд и два фрагмента сосудов того же типа [3]:

а) Сосуд яйцевидной формы, серо-желтого цвета, в изломе черный. Обжиг средний. Глина с примесью песка. По максимальному диаметру бочка — четыре двойных выступа. Верхняя часть сосуда обломана (табл. V, *7*).

б) Два больших фрагмента двух подобных сосудов с вертикальными выступами на бочку. Обжиг средний. Глина с примесью толченого кремня. Внутренняя поверхность серая, местами черная. Наружная поверхность у одного красно-коричневая, у другого — красная (№ 74).

В 1936 г на поле между селами Городок и Одерады выпахана лепная чаша светлосерого цвета с кирпичным оттенком. Глина — с большой примесью крупных зерен песка. Дно плоское, широкое; венчик слегка суженный. На верхнем крае венчика четыре дугообразных выреза [4].

Описанная чаша формой венчика напоминает сосуд из Валежиц в Чехии (группа йордансмюльской керамики) [5]

Исследованиями Савицкого и Древко в Городке было открыто поселение культуры линейно-ленточной керамики [6]

5. Мизоч, районный центр Ровенской области. В 1934 г. здесь был найден лепной сосуд яйцевидной формы красного цвета с серыми пятнами. Средний обжиг Глина — с небольшой примесью дресвы, поверхность сосуда неровная. Дно закругленное. На бочку — четыре двойных, круглых в сечении, заостренных на концах выступа [7] (табл. V, *9*).

Данный сосуд принадлежит к типу сосудов, известных из Городка, Волынской области. Единственной пока известной в литературе, хотя и несколько отдаленной аналогией этим сосудам является сосуд из поселения у Селюток в Моравии[8], отличающийся от них несколько иной формой шейки и венчика, а также плоским дном.

6. Острог, районный центр Ровенской области. В 1931 г. здесь были найдены два лепных сосуда [9]:

а) Сосуд с цилиндрической шейкой и выпуклым бочком, украшенным четырьмя прямоугольными в сечении выступами (табл. V, *11*). Серо-желтого цвета, сильного обжига со сглаженной поверхностью.

---

[1] L. Kozłowski. Stan i potrzeby badań...; его же. Młodsza epoka kamienna...

[2] J. Červinka. Ук. соч., стр. 9, рис. 4; A. Stocký. Ук. соч., табл. XI, 2; табл. XX, 15; W. Buttler. Ук. соч., табл. 3, *6*.

[3] Хранятся в Луцком музее. Инв. № А-68; А-73; А-74.

[4] J. Fitzke. Badania archeologiczne w Grodku, pow. luck. «Swiatowit», 1936/1937, XVII. Высота сосуда — 6—7 см, диаметр венчика — 7 см, дна — 4 см. Сосуд утерян.

[5] A. Stocký. Ук. соч., табл. LVI, *20*.

[6] J. Fitzke. Stanowiska kultury ceramiki wstęgowej...

[7] Хранится в Луцком музее, инв. № А-67.

[8] J. Červinka. Ук. соч., стр. 81, рис. 62.

[9] Хранятся в Луцком музее, инв. № А-52 и А-53.

Несколько напоминающие данный экземпляр сосуды встречаются в комплексах культуры ленточной керамики на территории Венгрии [1]. Отдаленной аналогией может быть сосуд, изданный А. Стоцким [2]. На польской территории сосуды, близкие к описываемому, известны в группе радиальной ленточной керамики [3].

б) Баночный сосуд желтого, а внутри серого цвета с черными пятнами под венчиком, сильного обжига, со сглаженной поверхностью (табл. V, *2*).

Форма описанного сосуда нехарактерная, распространенная в разных культурных комплексах. Близкие по форме сосуды известны, между прочим, в группе «накольчатой» ленточной керамики в Чехии [4] и из поселения в Бресте-Куявском (среднее Повисленье) [5].

Рассмотренный материал, к сожалению, не дает нам представления о характере самих поселений. Из коротких заметок в литературе и записей в инвентарной книге Луцкого музея известно, что некоторые из описанных находок были обнаружены на поселениях; один сосуд (из Баева) найден в погребении с трупоположением. Известно также, что исследованиями И. Фицке вскрыто несколько землянок на поселениях в Валентинове и Луцке. Этими данными исчерпываются наши сведения о поселениях и погребениях Волынской группы культуры ленточной керамики. Таким образом, без проведения новых полевых исследований невозможно установить ни топографии, ни характера поселений и их культурного слоя, ни формы и глубины землянок, ни типа погребений.

Подводя итоги анализу материала Волынской группы поселений культуры ленточной керамики, следует отметить, что все указанные нами аналогии свидетельствуют об относительно позднем характере этих поселений, хронологически отвечающих времени развития ленгиельской и йордансмюльской культур на территории Чехии и группе радиальной ленточной керамики в верхнем Повисленье. Территориальное распространение этих аналогий ограничивается почти исключительно Чехословакией и Южной Польшей, что может быть доказательством культурной общности этих территорий в период развития примитивно-земледельческих племен.

Поселения культуры линейно-ленточной керамики вдоль верхнего течения Днестра известны по таким материалам:

1. Синьков, район Золотой Поток, Тернопольской области. В Львовском историческом музее хранится фрагмент лепного сосуда серого цвета [6], среднего обжига, с желтой внутренней поверхностью. Орнамент углубленный: вертикальные тройные зигзаги, прерванные в нескольких местах ямками (табл. III, *1*).

Описанный фрагмент является обломком сосуда, характерного для древнеленточной керамики с «угловым» орнаментом. Керамика этого типа известна на территории Польши, Моравии, Чехии, Венгрии [7]

---

[1] F. Tompa. 25 Jahre..., табл. 9, *12*, *13*; J. Hillebrand. Das frühkupferzeitliche Gräberfeld von Pusztaistvánháza, «Archaeologia Hungarica», IV, Budapest, 1929, рис. 5, *4*; 14, *5*; табл. I, *3*.

[2] A. Stocký. Ук. соч., табл. XIII, *13*.

[3] У Żurowski. Ук. соч., рис. 3.

[4] A. Stocký. Ук. соч., табл. XII, *27—29*.

[5] K. Jażdżewski. Ук. соч., табл. XIII, *2*.

[6] Поступил в 1940 г. из музея Товарищества им. Шевченко.

[7] K. Jażdżewski. Ук. соч., табл. XXIX; *2*; XXXII, *6*; L. Kozłowski. Jama mieszkalna na górze Klin w Iwanowicach. «Swiatowit», XI, рис. 136; A. Stocký. Ук. соч., табл. IX, *6*; XXVI, *6*; J. Cerwinka. Ук. соч., рис. 50; F. Tompa. 25 Jahre..., табл. 8, *1*; 9, *7*; его же. Die Bandkeramik..., табл. XXX, *6*.

2. Торске, район Залещики, Тарнопольской области. В 1921 г. В. Антоневич исследовал поселение культуры ленточной керамики и обнаружил следы трех землянок, поврежденных при рытье окопов в 1916 г.[1]

Землянка I находилась между поселком Глушки и селом Торске. Сохранилось лишь небольшое углубление (1,70 м длиной и 0,20 м шириной), заполненное черной землей с культурными остатками (керамические фрагменты, кусочки угля, обожженной глины с отпечатками деревянных конструкций, кремневые отщепы и несколько обломков костей животных). Встречена керамика двух видов:

1. Фрагменты крупных сосудов желто-красного цвета, с желто-пепельной внутренней поверхностью, из глины с примесью крупного песка, с неровной поверхностью и отпечатками зерен и половы. Сосуды имели выпуклые бочки, плоское дно, венчики прямые или слегка наклонные внутрь. Одни сосуды орнаментированы рядами углублений, нанесенных концами пальцев и расположенных горизонтально или под венчиком на бочку, другие украшены налепными цилиндрическими выступами с круглой ямкой — отпечатком конца пальца. Встречаются горизонтальные валики с пальцевым орнаментом [2].

2. Фрагменты шаровидных сосудов из хорошо отмученной глины, с плоским дном, пепельного и желтого цвета. Поверхность стенок сглажена и покрыта тонким слоем глины более светлого оттенка. Орнамент состоит главным образом из параллельных углубленных линий, прерываемых круглыми ямками (так называемый нотный орнамент). Углубленные линии иногда составляют углы [3].

Кремневых изделий очень мало, каменных нет совсем. Заслуживают внимания два фрагмента ножей на пластинах и два скребка.

Землянка II находилась на расстоянии 4 м на восток от первой. В стене окопа сохранилась только часть углубления (0,40×0,10 м). Собрано немного керамических фрагментов и кремневых отщепов.

Землянка III обнаружена на расстоянии 60 м на восток от второй. В стене окопа на глубине 1,40 м выступал слой сбитой, местами пережженной серой глины (0,20 м толщиной), на котором обнаружены культурные остатки (керамические фрагменты, печина), локализующиеся на небольшой прямоугольной площадке из пережженной глины размером 2 × 0,70 м. Среди других находок обращает на себя внимание кружок из песчаника 6 см в диаметре и 1 см толщиной; кремневые изделия отсутствовали [4].

3. Незвиско, район Обертын, Станиславской области. В Львовском историческом музее хранится лепная миска [5], орнаментированная

---

[1] W. Antoniewicz. Z badań archeologicznych...

[2] Там же, табл. III.

[3] Там же, табл. IV

[4] Материал хранится в Варшавском археологическом музее. В. Антоневич ссылается на многочисленные аналогии описанному материалу с чешской и моравской территории. Кроме аналогий, собранных В. Антоневичем, можем указать еще на следующие материалы, изданные после появления в печати статьи В. Антоневича: A. Stocký. Ук. соч., табл. XXVIII, *12*, *14*, *20*; XXIX, *13*; XV, *26*, *28*; II, *7*, *14*, *15*, *17*; F Tompa. Die Bandkeramik..., табл. XXII, XXIV; K. Jażdżewski. Ук. соч., табл. XXIX, *7*, *13*, *16*; XXX, 11; XXXII, *1*, *19*, *21*; XXXIV, *15*, *16*; XXXV, *3*, *4*, *12*; XXXVI, *9*. Указанные аналогии относятся главным образом к пластичному орнаменту керамики из Торске. Эти мотивы известны также из более поздних комплексов культуры ленточной керамики. Они выступают, например, в группе радиальной керамики (J. Żurowski. Ук. соч., рис. 5, *f*, *g*, *j* — *n*).

[5] Инв. № А-415. Из раскопок Л. Козловского 1926 г. в Незвиске. Более точно место находки неизвестно. В старых каталогах музея значилось 7 керамических фрагментов из Незвиска, но сохранились из них лишь три.

двойной углубленной линией под венчиком и тройным зигзагом на теле (табл. V, *8*). Цвет миски серый, обжиг средний, глина — без примесей. Кроме того, имеются еще три фрагмента подобных сосудов, покрытые таким же орнаментом.

Разведкой Львовского института общественных наук Академии Наук УССР в 1951 г. на трипольском поселении в Незвиске найдены еще два орнаментированных фрагмента сосудов культуры линейно-ленточной керамики, идентичные хранящимся в Львовском историческом музее [1]

Аналогии сосудам из Незвиско встречаются во многих комплексах культуры линейно-ленточной керамики на территории Польши, Чехии и Венгрии [2]. Это одна из самых основных керамических форм древнеленточной керамики, известная в польской литературе под названием керамики с «угловым» орнаментом.

4. Букивна, район Тлумач, Станиславской области. В Львовском историческом музее хранится фрагмент лепного сосуда серого цвета, покрытый углубленным орнаментом (изогнутые линии, укладывающиеся в две спирали; табл. III, *2*). Обжиг средний, глина без примесей [3]. Несмотря на то, что на фрагменте сохранилась только часть орнаментационного мотива, можно с уверенностью сказать, что он принадлежал к типу спирального орнамента, характерного для древней ленточной керамики на территории Польши, Чехии, Моравии, Венгрии, Австрии, Германии [4].

5. Колодница, район Стрый, Дрогобычской области. В начале 20-х годов здесь была найдена глубокая лепная миска серого цвета, среднего обжига, орнаментированная под венчиком горизонтальными линиями, точками и 4 группами тройных свисающих треугольников [5] (табл. V, *6*).

Ближайшие аналогии этому сосуду находим на польской и моравской территории [6]. В польской археологической литературе этот тип сосудов причисляется к группе сосудов линейно-ленточной керамики с «угловым» орнаментом. Близкие к описываемому сосуды известны также в культуре ленточной керамики на чешской и немецкой территории [7]

6. Березец, район Комарно, Дрогобычской области. В Львовском историческом музее хранится найденный здесь сосуд светлокоричневого цвета с отчетливым заломом на бочку, орнаментированном 5 парами симметрично расположенных овальных выпуклостей. Верхняя часть сосуда обломана (табл. V, *4*). Поверхность слегка сглажена. В глине — небольшая примесь мелкозернистого песка.

Аналогии этому сосуду встречаются на территории Чехии и Польши в йордансмюльской культуре и среди памятников тисской культуры [8]

---

[1] Е. К. Черныш. Отчет о работе трипольского отряда Днестровской экспедиции Института общественных наук Львовского филиала Академии Наук УССР за 1951 г. (рукопись — в Институте археологии Академии Наук УССР).

[2] L. Kozłowski. Jama mieszkalna..., рис. 136; A. Stocký Ук. соч., стр. 52, рис. 20, *9*; F Tompa. Die Bandkeramik..., табл. 9, *7*

[3] Фрагмент поступил в 1940 г. из музея им. Шевченко. Никаких сведений о точном месте этой находки в музее не имеется. Фрагмент обозначен инв. № А-4383/2.

[4] Напр., A. Stocký. Ук. соч., табл. IX, *13*; XXI, *7*, *15*, *16*; J. Červinka. Ук. соч.; K. Jażdżewski. Ук. соч., табл. XXIX, *1*, *3*, *8*.

[5] Хранится в Львовском историческом музее, инв. № А-414; никаких указаний о способе ее приобретения в музее не имеется.

[6] L. Kozłowski. Jama mieszkalna..., рис. 136; K. Jażdżewski. Ук. соч., табл. XXIX, *2*; XXX, *2*; J. Červinka. Ук. соч., рис. 4, *48*, *50*.

[7] A. Stocký. Ук. соч., табл. IX, *5*; W. Buttler. Ук. соч., табл. 4, *6*.

[8] A. Stocký. Ук. соч., табл. LIII, *13*, *21*; LVI, 23; W. Buttler. Ук. соч., табл. 8, *14*; 9, *8*.

7. Котоване, район Дубляны, Дрогобычской области. В Львовском историческом музее хранятся материалы археологической экспедиции музея в с. Котоване (осенью 1942 г.). Документация экспедиции, за исключением нескольких чертежей и полевых метрик с вещевым материалом, не сохранилась.

Из надписей на пакетах и чертежей следует, что объектом исследования было поселение культуры линейно-ленточной керамики в урочище Запуст, находящемся на расстоянии около 650 м на юг от с. Котоване на правом берегу р. Быстрица (правый приток Днестра), примерно в 2 км от реки.

Шурфы прокладывались на южном склоне невысокого холма, понижающегося на юг и восток в направлении небольшого лужка. Раскопками вскрыты две землянки с керамическим, кремневым и каменным инвентарем.

Подъемный материал, собранный с поверхности, на которой производились исследования, и на соседних полях, состоит из кремневых и каменных изделий, а также небольшого количества фрагментов лепной керамики серого цвета из хорошо отмученной глины, орнаментированных в нескольких случаях мотивом «нотной линии». Отсутствие точной фиксации местонахождения большинства этих предметов не дает возможности выделить среди них группу находок, относящуюся к месту раскопок. Из наиболее интересных находок следует указать:

1. Нуклеусы, близкие к конической форме, микролитического облика (табл. I, *2—4*). Кремень коричневатый, просвечивающий. Размеры сколотых с этих нуклеусов пластинок были очень невелики.

2. Два кремневых отбойника: а) отбойник, возможно, сделанный из нуклеуса. Кремень коричневатого цвета (табл. I, *1*); б) отбойник из серого кремня шаровидной формы с несколькими плоскими гранями. Диаметр — 4 см.

3. Отщепы из серого и коричневато-серого кремня, некоторые — со следами ретуши по краю (табл. I, *16*).

4. Целые и фрагментированные пластины без ретуши, от 4—6 до 8—9 см длиной (например, ребристая пластина; табл. I, *18*). Некоторые из них, возможно, употреблялись как ножи, о чем свидетельствуют небольшие щербины по краям этих пластин (табл. I, *19*).

5. Скребки на отщепах (табл. I, *9*, *12*, *15*).

6. Концевой скребок на пластине со следами употребления на краях (табл. I, *7*).

7. Пластина из коричневатого просвечивающего кремня, край скошенный; основание обработано ретушью; по краю — двусторонняя заполированность (табл. I, *11*).

8. Фрагмент пластины из серо-желтого кремня со следами полировки от сработанности и с выемкой по краю (табл. I, *5*).

Характер заполированности двух последних орудий позволяет предполагать, что они употреблялись как вкладыши для серпов.

9. Ножи на пластинах и на массивных отщепах с крупной краевой широкофасеточной ретушью (табл. I, *10*, *13*, *14*).

10. Срединный резец на пластине из хорошего коричневато-серого кремня (табл. I, *8*)[1].

11. Гранито-гнейсовый сверленый топор с короткой закругленной обушной частью и коротким, слегка зашлифованным лезвием. Сверлина помещена несколько ближе к одному боку топора. Она имеет в горизонтальном сечении форму правильного круга; на ее стенках — мелкие горизонтальные бороздки — следы сверления. Диаметр сверлины с одной стороны — 2,6 см, с другой — 2,9 см. Поверхность топора шероховатая, необработанная, сильно обветренная. Проушная часть равномерно утолщена (табл. I, *17*). Из сохранившейся при топоре записки следует, что он был найден непосредственно возле места раскопок.

12. Фрагмент подобного же топора из серо-зеленого диабаза, отличающийся от первого суженной, ровно срезанной короткой обушной частью, слегка дугообразным лезвием, утолщением под углом проушной части и хорошо отполированной поверхностью. Длина топора — 9,5 см, диаметр сверлины с одной стороны — 2,6 см, с другой — 2,3 см.

---

[1] Приношу благодарность Е. К. и А. П. Черныш за помощь при определении кремневого материала, Л. И. Крушельницкой — за выполнение эскизов рисунков к статье.

Кремневые сверленые топоры (нередко с зашлифованной поверхностью) известны из ряда поселений культуры ленточной керамики на территории верхнего Повисленья и Подунавья [1].

13. Фрагмент шлифовального камня — двусторонне зашлифованной плитки из песчаника с углублением с одной стороны. Фрагмент — треугольной формы, размером 7×3 см.

14. Кремневый ножевидный серп с ретушью на всей поверхности, сильно заполированный на рабочей части.

Подобные серпы характерны для бронзовой эпохи, что дает нам право исключить эту находку из комплекса вещей, относящихся к поселению культуры ленточной керамики в Котоване.

Экспедицией было заложено не менее 17 шурфов. Первые 4 шурфа заложены в урочище Дубина (на расстоянии 1 км к северу от урочища Запуст). По небольшому количеству керамических фрагментов, собранных

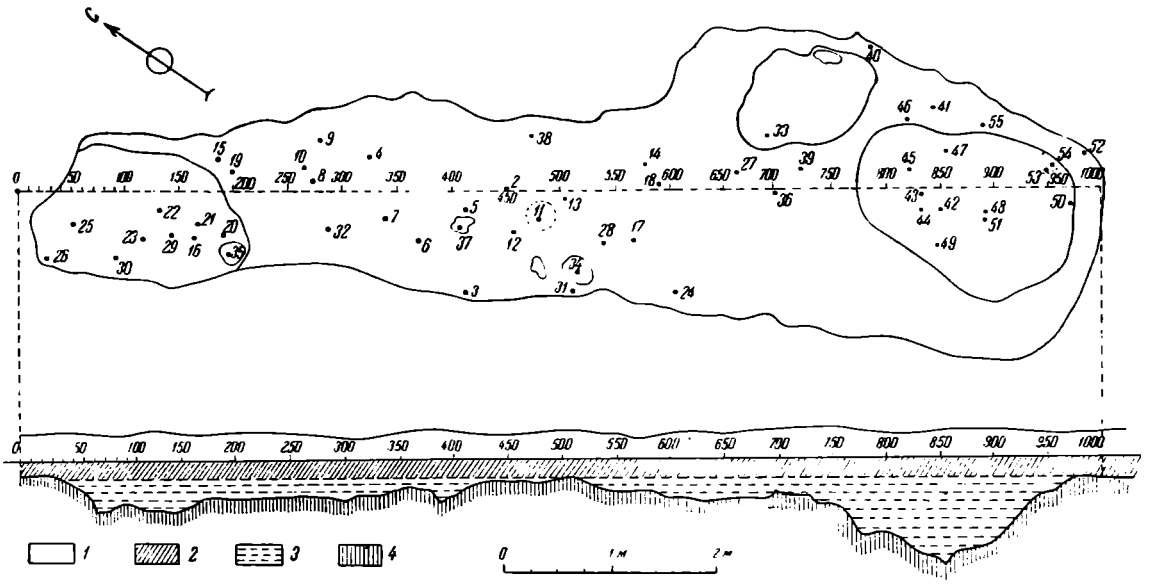

Рис. 2. Село Котоване, урочище Запуст. План и разрез землянки I

1 — пахотный слой; *2* — переходной слой серой земли; *3* — заполнение землянки; *4* — материк

этими раскопками, можно судить о том, что здесь обнаружен культурный слой слабой насыщенности. Собранный материал состоит только из обломков глиняной посуды, не отличающейся по своему характеру от керамики, найденной в урочище Запуст [2].

В урочище Запуст обнаружены следы двух землянок.

Землянка I имела неправильно-удлиненную форму и была ориентирована своей длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. Ее размеры: длина — 9,8 м, ширина — от 0,7 до 2,8 м, глубина — от 0,42 до 1,20 м, считая от современной поверхности (рис. 2). Землянка прослеживалась с глубины 0,4 м от современного горизонта. Ее неровное дно было углублено в двух местах в юго-восточной и в одном месте — в северо-

[1] L. Kozłowski. Młodsza epoka kamienna...; W. Antoniewicz. Archeologja Polski; W. Buttler. Ук. соч., рис. 35, *8*, *9*. Три подобных топора, происходящие из раскопок в Ивановицах возле Мехова, хранятся в Львовском историческом музее (инв. № А-3619, А-3620, А-3633).

[2] Из шурфов IX—XI и XV—XVIII. В Львовском историческом музее отсутствует материал из шурфов V—VIII и XII—XIV. Материал из урочища Запуст однотипный. Шурфы IX—XI дали небольшое количество керамики (фрагменты сосудов и два небольших куска обожженной докрасна глины). На поверхности, исследованной шурфом XVI, обнаружено несколько обломков глиняных сосудов. Основная масса хранящегося в Львовском историческом музее материала происходит из шурфов XV и XIV.

западной части землянки. Эти углубления имели неправильно-овальную форму. Самое большое из них находилось у юго-восточного края землянки; его диаметры — 2,12 м и 1,45 м; максимальная глубина —0,62 м (от линии дна землянки). В западной части, кроме того, обнаружены 3 или 4 небольших овальных углубления, не превышающих 30 см в диаметре и 8 см в глубину, считая от дна землянки (возможно,— следы от столбов). Такие же углубления были обнаружены и в упомянутых углубленных частях землянки. В Львовском историческом музее нам не удалось отыскать материал, относящийся к землянке I, за исключением одного фрагмента шлифовальной плитки [1].

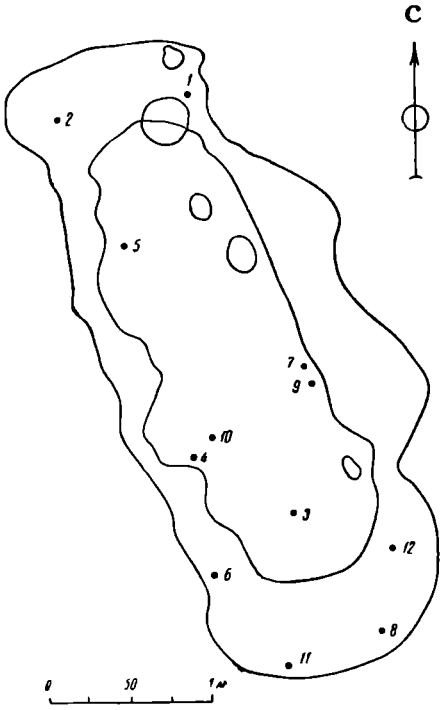

Рис. 3. Село Котоване, урочище Запуст. План землянки II

По своей форме землянка очень близка к известной землянке культуры ленточной керамики, открытой в Кельн-Линдентале [2], а также к землянке, открытой на раннетрипольском поселении Лука-Врублевецкая [3].

Землянка II неправильно-овальной формы, ориентированная своей длинной осью по линии северо-запад — юго-восток, была обнаружена XV и XVIII шурфами на расстоянии около 7,5 м в юго-западном направлении от землянки I. Она имела 4 м в длину и 1—1,68 м в ширину и, насколько можно судить по одному только горизонтальному плану, была углублена почти на всей поверхности дна. Вдоль стен землянки, видимо, оставалась нешироκая полоска дна, находящаяся на более высоком уровне, чем вся его средняя часть. Ширина этой полоски в разных частях землянки колебалась от 8 до 58 см (рис. 3).

Если наша расшифровка сохранившегося плана правильна, то вдоль восточной стены землянки, очевидно, были обнаружены 5 круглых и овальных углублений, не превышающих 25 см в диаметре и расположенных приблизительно по прямой линии, параллельно длинной оси землянки. Вероятно, это следы находившихся здесь столбов, поддерживавших перекрытие землянки. Расположение столбов на расстоянии 12—52 см от восточной стены землянки может свидетельствовать о том, что крыша землянки была двускатной, хотя одна ее сторона была значительно длиннее другой и линия конька находилась ближе к восточной, чем к западной стене землянки. Крышу из тростника или соломы, вероятно, облепливали глиной, которая местами обгорела от костра внутри землянки. Этим можно объяснить наличие небольших кусков обожженной докрасна глины с примесью тростника, обнаруженных в заполнении землянки [4].

[1] Это — двусторонне заполированный кусок белой опоки (кремнистая порода, не закипающая под действием соляной кислоты) приблизительно прямоугольной формы, размером 16×6,5 см (инв. № А-436).

[2] W. Buttler. Ук. соч., рис. 4.

[3] С. Н. Бибиков. Жилища раннеземледельческого поселения...

[4] Хранятся в Львовском историческом музее.

На дне землянки вскрыто кострище, состоящее из золы и небольших кусков пережженных костей. Форма и расположение этого кострища по отношению к стенам землянки неизвестны [1].

В заполнении землянки и на ее дне найдено большое количество вещественного материала (кремневые, каменные и глиняные изделия). Материал из заполнения идентичен материалу, собранному на дне землянки.

Из кремневых изделий особого внимания заслуживают:

1. Крупный призматический, не использованный до конца, нуклеус из хорошего кремня серого цвета. Нуклеус с одной стороны покрыт известковой коркой и имеет две ударные площадки (снизу и сверху). Длина — 12,5 см, диаметр — 9,3 см.
2. Концевой скол с небольшого нуклеуса из коричневато-серого камня хорошего качества. Длина — 3,2 см.
3. Два отбойника:

а) Шарообразный отбойник из темносерого кремня хорошего качества, сделанный из небольшого нуклеуса, на котором сохранилась еще корка. Следы сколотых с нуклеуса отщепов видны по всему орудию. Диаметр — 4 см.

б) Отбойник в форме слегка уплощенного шара из серого кремня. Вся поверхность оббита. Диаметры — 5,3 см и 4,9 см.

4. Восемь пластин из серого и коричневато-серого кремня, от 3,5 до 6,8 см длиной. На концах двух обломанных пластин — косая двусторонняя заполированность от работы. Эти пластины, возможно, употреблялись в качестве вкладышей к серпам. Одна пластина использовалась как режущее орудие.
5. Пластины со следами ретуши. Один фрагмент — из рыжевато-желтого просвечивающего кремня, частично покрыт корой; край скошен ретушью (табл. II, *20*). Использовался как режущее орудие.
6. Концевой скребок на массивном отщепе; кремень — хорошего качества, дымчато-коричневатого цвета (табл. II, *17*).
7. Концевые скребки на пластинах (табл. II, *1*); кремень матово-серого цвета, рабочий край сильно сработан, возможно, орудие начали употреблять в качестве ретушера (табл. II, *4*); кремень прозрачный, янтарно-желтого цвета, у основания пластина косо двусторонне заполирована, возможно, это рабочая часть вкладыша для серпа; пластина использовалась также как скребок благодаря ретуши, покрывающей ее конец (табл. II, *5—8*); скребки на коротких пластинах из дымчатого просвечивающего кремня.
8. Скребки-ножи (табл. II, *2*, *3*, *10*); кремень дымчатый, просвечивающий, конец орудия использовался как скребок, грань — в качестве ножа.
9. Нож-скобель на пластине из дымчатого просвечивающего кремня; употреблялся первоначально, как вкладыш для серпа (обе грани заполированы от работы). От долгого употребления лезвие стерлось и грани были отретушированы; на одной из них сделана выемка (табл. II, *18*).
10. Боковые резцы на пластинах из дымчатого просвечивающего кремня (табл. II, *11*, *14*).
11. Угловые резцы на фрагментах пластин, использовавшихся вторично, как вкладыши для серпов, о чем свидетельствует заполированность левых граней пластин (табл. II, *12*, *13*).
12. Проколки на пластинах из коричневатого просвечивающего кремня (табл. II, *19*).
13. Фрагмент сверла на пластине из дымчатого просвечивающего кремня отличного качества. Орудие сработано со всех сторон. Ретушь на обеих гранях противулежащая (табл. II, *21*).

Обсидиановые изделия представлены следующими предметами:

1. Пластинным отщепом, покрытым с одной стороны коркой; длина — 2,8 см.
2. Фрагментами пластин, 2,5—3,2 см длиной; некоторые — с мелкими щербинами (следами употребления) на гранях.
3. Трапецией на поперечном сечении пластинки из обсидиана (табл. II, *9*).

Отщепы и пластины из обсидиана — серого дымчатого цвета, хорошо просвечивающие. Кроме того, в землянке II найден необработанный кусок обсидиана неправильно-овальной формы, покрытый коркой, образовавшейся вследствие выветривания поверхности. Поверхность неровная, черного цвета; в нескольких местах — мелкие царапины, через которые просвечивает серый цвет. По неодинаковому цвету поверхности можно определить флюидальную структуру минерала. Длина — 10,5 см, максимальная толщина — 7 см.

[1] Пепел и пережженные кости хранятся в Львовском историческом музее.

Из каменных изделий [1], обнаруженных в землянке II, внимания заслуживают:

1. Фрагменты шлифовальных камней:

а) Шлифовальный камень из мелкозернистого сланцеватого песчаника серо-желтого цвета, неправильно-прямоугольной формы. Поверхность двусторонне зашлифована.

Размер — 14×6,5 см. Найден в шурфе XV на дне землянки.

б) Шлифовальный камень из слабо сцементированного песчаника с примесью зерен кварца средней величины, листочков белой слюды и небольшого количества зеленых зерен глауконита. Цвет серый. Форма неправильно-прямоугольная. Поверхность с одной стороны слабо зашлифованная, с другой — неровная, с неглубоким поперечным нарезом. Размер — 12×6 см.

в) Фрагмент шлифовального камня из такого же песчаника, приблизительно квадратной формы. Одна сторона несколько углублена, зашлифована, другая — ровная, сглаженная. Большая мягкость материала не позволяет определить этот предмет как зернотерку, хотя по своим размерам и характеру заполированности этот камень напоминает известные каменные зернотерки. Размеры — 15,5×16 см, толщина — от 2,5 до 5 см. Фрагмент разбит на две части; был найден на дне землянки.

г) Фрагмент шлифовального камня или зернотерки из мелкозернистого желтовато-серого песчаника с довольно большим количеством слюды. Форма неправильно-прямоугольная. Поверхность с одной стороны углубленная, гладкая, с другой — неровная, выпуклая. Размеры — 7,5×7 см, толщина — 3 см.

2. Пест в форме параллелепипеда со стертыми закругленными основаниями и зашлифованными от работы гранями, пережженный. Материал — слабо сцементированный, почти крупнозернистый, слегка железистый песчаник с некоторым количеством известняка. Цвет желтоватый. Размеры: высота — 7,5 см, ширина — 4 см, толщина — 3 см.

3. Лезвия клиновидных топоров:

а) Лезвие топора из кристаллического сланца (вероятно,— амфиболитовый сланец) серо-зеленого цвета. Лезвие с одной стороны плоское, с другой — выпуклое (асимметрическое). Режущая часть слегка закругленная. Поверхность зашлифованная, сильно оббитая (табл. II, *22*).

б) Слегка асимметрическое лезвие клиновидного топора из белой опоки. Режущая часть широкая, ровная. Поверхность зашлифованная (табл. II, *23*).

в) Слегка асимметрическое лезвие клиновидного топора. Поверхность слегка выветрившаяся, покрытая как бы белой коркой (обветрившийся слой), под которой выступает серо-черная магмовая, эффузионная, основная порода мелкозернистой структуры. В общей массе видны включения более крупных кристаллов полевого шпата и зеленых кристаллов оливина. Материал, по всем признакам,— базальт. Лезвие широкое, прямое. Длина фрагмента — 6 см, ширина лезвия — 6,5 см.

Как видно из приведенного анализа, весь каменный материал из поселения у с. Котоване — местного происхождения. Исключение составляют изделия из обсидиана, ближайшие месторождения которого выступают за Карпатами (Токайские горы на территории современной Венгрии).

Керамический материал из заполнения и со дна землянки II, а также собранный из культурного слоя возле землянки, по своей массе может быть разделен на 4 основные группы:

1. Керамика из хорошо отмученной глины без примесей или с небольшим количеством мелкозернистого песка. В сосудах больших размеров наблюдается незначительное количество небольших кусочков шамота и иногда — мелкозернистая минеральная примесь. Обжиг средний. Сосуды с более тонкими стенками обожжены сильнее, так что отдельные черепки звенят при постукивании по их поверхности. Внешняя поверхность черная или серая с черными пятнами, хорошо лощеная. Лощение сильнее на черных пятнах. В некоторых случаях верхний тонкий лощеный слой не сохранился.

На отдельных фрагментах лощение выступает в виде узких горизонтальных полос; иногда оно покрывает только венчик сосуда с обеих сторон. Внутренняя поверхность большинства сосудов этой керамической группы тоже лощеная, черного или серо-желтого цвета. Излом серый и серо-желтый.

Основной формой сосудов этой группы является глубокая миска с плоским (табл. III, *7*), реже — незначительно уплощенным дном, шаровидным телом и слегка суженной верхней частью (табл. V, *1*). В редких случаях встречаются фрагменты, позволяющие предполагать существование в этой группе сосудов почти цилиндрической формы (табл. III, *4*).

---

[1] За определение каменного материала из поселения у с. Котоване приношу благодарность доктору геологических наук С. И. Пастернаку.

В зависимости от размеров сосуда толщина дна миски колеблется от 4 до 18 мм, диаметр — 6—14 см; толщина стенок — 3—14 мм. Венчик ровно срезан или с дугообразными вырезами; диаметр венчика — 8—20 см. Край венчика закруглен, иногда очень тонкий, почти острый. Орнамент почти исключительно углубленный. Он состоит из горизонтальных, вертикальных или косых прямых и дугообразных линий, часто в комбинациях с ямками, нанесенными концами пальцев, вследствие чего иногда образуется так называемая нотная линия (табл. III, *3*, *5*, *6*). В редких случаях встречается пластичный орнамент — круглые шишечки с ямкой в центре или раздвоенные выпуклости (табл. III, *4*; IV, *11*).

Описанные сосуды по своему назначению были, видимо, связаны с земледельческим хозяйством. Из них было удобнее, чем из высоких горшков, подсыпать зерно на зернотерку. Они также могли быть использованы при осыпании с зернотерки готовой муки и вообще для хранения сыпучих тел, о чем свидетельствует не только их форма, но и довольно неустойчивое дно, явно недостаточное для сосудов, предназначенных для хранения жидкостей. Кроме того, на фрагменте стенки одного сосуда этого типа сохранилось сквозное сверленое отверстие диаметром 5 мм. Видимо, две части разбитого сосуда были связаны веревкой или лыком, продетым через сверлины в стенках фрагментов. Совершенно очевидно, что исправленный таким образом сосуд не мог служить для переноски или хранения жидкостей. Слишком «парадный» вид описанной керамики (хорошо лощеная поверхность, орнамент на большинстве сосудов) позволяет предполагать, что она не использовалась для приготовления пищи на огне; ни в одном случае не отмечено также следов действия огня на ее поверхность.

Фрагменты сосудов этого типа составляют приблизительно 25% всего количества керамики из раскопок в Котоване.

Аналогии этому типу керамики встречаются на поселениях культуры линейно-ленточной керамики вдоль верхнего течения Днестра (Синьков, Незвиско, Торске). Описывая выше материалы этих поселений, мы сослались на ряд аналогий на территории Польши, Чехии, Моравии, Венгрии и Германии, свидетельствующих о широком распространении этого керамического типа с так называемым угловым и нотным орнаментом.

2. Пористая керамика со значительной растительной примесью (солома, полова, трава, зерна злаков — ячмень или пшеница) и небольшим количеством крупнозернистых минеральных примесей (чаще всего окатанный мелкий речной галечник).

Обжиг довольно слабый, но многие сосуды, очевидно, подверглись вторичному обжигу, особенно с внешней стороны. Поверхность — коричневого цвета. Верхний слой внутренней поверхности на многих фрагментах не сохранился. В некоторых случаях с внешней стороны — следы сглаживания поверхности. Излом черный, пористый от сгоревших частиц растительной примеси.

Фрагментарное состояние материала не дает возможности восстановить основные формы сосудов керамики этого типа. Формы некоторых обломков позволяют предположить существование в этой группе горшков и мисок больших размеров с отчетливым плоским дном (диаметр дна — 9—16 см, толщина — 8—20 мм), более или менее выпуклым бочком (толщина стенок — 8—20 мм), ровным, несколько суженным венчиком. Край венчика закругленный, часто украшенный дугообразными вырезами. Диаметр венчика — 12—15 см. Фрагменты с переломом на бочку свидетельствуют о существовании в этой группе сосудов, близких к биконической форме. Большинство фрагментов — без орнамента. На некоторых экземплярах выступают ряд пальцевых углублений или налепные круглые шишечки. Керамика этого типа составляет приблизительно 12% всей керамики из Котоване.

Формы и размеры сосудов описанной группы, а также следы огня на внешней поверхности этих сосудов, позволяют предположить, что они употреблялись для приготовления пищи.

3. Керамика из отмученной глины с небольшим количеством мелкозернистого песка. В некоторых случаях можно отметить присутствие в глине шамота и дресвы. В массе сосудов с более тонкими стенками наблюдается некоторое количество перегоревшей растительной примеси (небольшие кусочки стебельков и колосков травы, тростника, соломы, отпечатки зерен), увеличивающееся в зависимости от толщины стенок сосуда.

Обжиг слабый, поверхность шероховатая, мучнистая. Цвет кирпичный, серый, желтый и коричневый с разными оттенками. На некоторых фрагментах — следы тонкого верхнего сглаженного коричневого слоя; под ним — мучнистый слой красного цвета. Излом черный или серый. Внутренняя поверхность небольшого количества сосудов черная, лощеная. Из общей массы слабообожженных сосудов выделяются средней величины миски среднего обжига, желто-розового или серо-желтого цвета, с лощеной поверхностью, и небольшие тонкостенные мисочки с шероховатой или сглаженной поверхностью. Внутри мисок лощение сильнее у венчика, слабее — в глубине сосуда, где верхний лощеный слой часто отпадает.

Большинство керамического материала этой группы представлено мелкими фрагментами, по которым трудно восстановить формы сосудов. Можно думать, что основными формами этой группы были:

а) Горшки разной величины с плоским или вогнутым дном (табл. III, *15*), дугообразно выгнутыми стенками, ровным или слегка суженным венчиком с закругленным краем, иногда с дугообразными вырезами. Диаметр дна — 7—15 см, толщина дна — 10—18 мм; толщина стенок — 10—23 мм; диаметр венчика — 12—20 см. Орнамент этих сосудов состоял из оттянутых валиков с ямками, нанесенными концами пальцев (табл. III, *12*), одиночных или парных шишечек (табл. IV, *1*, *6—8*, *14*), уплощенных выступов, круглых шишечек с ямками в центре. На стенках некоторых горшков были налеплены небольшие дугообразные ушки (табл. III, *13*), которые прямо налеплялись на стенку сосуда или прикреплялись при помощи четырех тонких, круглых в сечении налепов на основании ручки, вставлявшихся в соответствующее отверстие в стенке сосуда (табл. III, *11*).

б) Миски слабого обжига с мучнистой поверхностью. Они были, очевидно, представлены в этой керамической группе значительным количеством экземпляров нескольких типов. Встречаются фрагменты мисок воронковидной формы (табл. IV, *4*) и мисок разной величины с шаровидным телом, плоским дном и ровным или слегка суженным венчиком. Диаметр дна — 4—7 см; толщина дна — 5—10 мм; толщина стенок 3—10 мм; диаметр венчика — 8—12 см. Край венчика закругленный, иногда очень тонкий. На венчике нередки дугообразные вырезы. Орнамент состоит из парных или раздвоенных шишечек, иногда с боковыми вдавлениями (табл. IV, *3*, *9*, *10*, *12*, *13*).

в) Миски среднего обжига с лощеной поверхностью. Они представлены значительным количеством экземпляров разных размеров. Основной формой является шаровидная миска с ровным плоским дном и ровным или слегка наклоненным внутрь венчиком. По закругленному краю венчика в большинстве случаев — дугообразные вырезы. Диаметр дна — 5—13,5 см; толщина дна — 6—12 мм; диаметр венчика — 10—20 см. Наиболее распространенным орнаментом этих сосудов являются ряд пальцевых углублений под краем венчика и раздвоенные шишечки на верхней части тела миски (табл. IV, *15*, *16*; III, *16*). Встречаются и круглые или плоские выступы, иногда с углублением в центре (табл. IV, *2*, *5*).

г) Тонкостенные мисочки среднего обжига с неровной или сглаженной поверхностью. Небольшое количество фрагментов этих сосудов не дает возможности полностью восстановить их форму. В частности, ничего нельзя сказать о характере и размерах их дна. Можно предполагать, что они имели форму широкой воронки со слегка выпуклыми стенками и венчиком с дугообразными вырезами по закругленному краю (табл. III, *14*). Толщина стенок — 3—6 мм; диаметр венчика — 11—12 см. На имеющихся, в нашем распоряжении фрагментах орнамент отсутствует за исключением углубленной горизонтальной линии под венчиком на одном из фрагментов.

д) Биконическое пряслице слабого обжига со следами сглаживания поверхности. Верхний сглаженный слой почти не сохранился (табл. III, *8*).

Керамика описанного типа составляет приблизительно 61% общего количества керамики из Котоване. Надо полагать, что она служила для разных хозяйственных надобностей, в том числе для хранения запасов и при употреблении пищи. Несколько неясно назначение малых тонкостенных мисочек. Их размеры и тонкие стенки исключали, казалось бы, их употребление в обыденном хозяйстве.

Аналогии описанной керамике встречаем среди материала из раскопок в Торске[1]. Вслед за автором указанной статьи можно привести ряд аналогий с территории Чехии, Моравии и Польши[2]. Подобное описанному прясло известно среди материалов культуры ленточной керамики Дунайского бассейна[3].

4. Керамика с большим количеством дресвы. В глине — крупнозернистая минеральная примесь, следы растительной примеси (трава) и шамота. Обжиг средний; цвет серо-коричневый или серо-розовый. Поверхность неровная от проступающих наружу крупных зерен дресвы, но сглаженная, блестящая. Формами сосудов этой керамической группы были горшки и небольшие миски.

а) Горшки с плоским, ровным, отчетливым дном, выпуклой верхней частью бочки, суженным венчиком. Край венчика закругленный, отогнутый наружу (табл. III, *17*; V, *3*). Размеры: высота — 38,7 см, диаметр дна — 10—12 см, толщина дна — 10—12 мм, толщина стенки — 7—10 мм, диаметр венчика — 17—25 см.

б) Мисочки воронковидной формы, украшенные по краю венчика короткими вертикальными нарезами (табл. III, *10*). Размеры: высота — 3,8 см, диаметр дна — 7 см, диаметр венчика — 11 см.

---

[1] W. Antoniewicz. Z badań archeologicznych..., табл. III.

[2] Там же, сноска на стр. 83; K. Jażdżewski. Ук. соч., табл. XXII, *19*, *21*; XXXIV, *13*, *15*, *16*.

[3] W. Buttler. Ук. соч., рис. 18, *12*.

Керамика этого типа составляет приблизительно 2% всего количества керамики из Котоване. Форма описанных горшков позволяет предположить, что они использовались для надобностей молочного хозяйства. Один такой горшок был найден в землянке II возле кострища. С этой отраслью хозяйства, возможно, следует связывать и описанные мисочки. Близких аналогий этим сосудам нам не удалось отыскать.

Проведенный анализ раскопочных материалов из поселения у с. Котоване дает возможность подвести следующие итоги раскопкам 1942 г.

Раскопками вскрыт культурный слой поселения культуры линейно-ленточной керамики (группы с керамикой с так называемым угловым и нотным орнаментом, т. е. относящейся ко второму этапу развития этой культуры).

Жилища, вскрытые на поселении, имели характер полуземлянок неправильно-овальной формы с асимметрической двускатной крышей из соломы или тростника, возможно, облепленной глиной. Вход в жилище находился, вероятно, на одной из его узких сторон, возможно,— с северо-запада. Очаг помещался внутри жилища.

Основным занятием населения было примитивное земледелие, доказательством чего являются кремневые и обсидиановые вкладыши для серпов, зернотерки, песты и следы соломы, половы и зерен злаков (ячменя или пшеницы) в керамике. Только косвенные указания на существование скотоводства (небольшое количество сосудов, которые можно рассматривать как относящиеся к молочному хозяйству; прясло, употреблявшееся, видимо, для прядения шерсти домашних животных) свидетельствуют о его второстепенной роли в хозяйстве жителей поселения у с. Котоване. На скотоводство, как на одно из занятий племен культуры линейно-ленточной керамики, указывал и Е. Ю. Кричевский [1]. На поселении у с. Котоване совершенно отсутствует материал, относящийся к охоте и рыбной ловле, хотя эти отрасли хозяйства на данном этапе должны были иметь немаловажное значение. Ничего также не знаем о собирательстве (отсутствуют, например, остатки желудей, раковинки речных моллюсков и другие подобные материалы). Ряд материалов поселения свидетельствует о развитом кремневом и каменном производстве, в котором, наряду с орудиями развитого неолита (например, сверленые зашлифованные топоры), еще существуют ранненеолитические формы (нуклеусы микролитического облика, резцы, трапециевидные вкладыши). Относительно много орудий для обработки дерева (сверленые топоры, клиновидные тесла с прямым и асимметрическим лезвием, скребки разных типов, сверло) и кости (резцы), а также кожи (концевые скребки). На существование прядения указывает находка одного прясельца. Среди керамических изделий можно выделить группы сосудов, связанных с земледельческим и молочным хозяйством, и сосудов для приготовления кожи. Керамика по своему характеру, формам и орнаменту довольно разнообразна, что является доказательством существования на рассматриваемом поселении относительно развитого керамического производства.

Характер и формы кремневых, каменных и глиняных изделий, а также жилищ, свидетельствуют о большой связи жителей поселения с соседними родственными племенами, развивавшимися в этот период на территории верхнего Поднестровья, верхнего Повисленья и Подунавья. Кроме связей, основанных на общности происхождения, имеются доказательства о существовании межплеменного обмена,— например, завезенный с территории современной Венгрии обсидиан.

Анализ материала культуры линейно-ленточной керамики с территории верхнего Поднестровья и Западной Волыни позволяет говорить о

[1] Е. Ю. Кричевский. Мезолит и неолит Европы. КСИИМК, IV, 1940.

наличии почти всех этапов развития этой культуры на названной территории. Только древнейший этап, характеризующийся керамикой со спиральным орнаментом, представлен единственным фрагментом сосуда из Букивны. Этот факт не дает еще права говорить о существовании раннего этапа на верхнем Поднестровье. Второй этап развития культуры ленточной керамики представлен поселениями у Торске, Незвиско, Синькова, Колодницы и Котоване. Поздние поселения этой культуры, соответствующие времени развития ленгиельско-йордансмюльской культуры на территории Чехословакии, представлены на верхнем Днестре сосудом из Бережца, а на территории Западной Волыни — поселениями у Валентинова, Городка, Острога, Луцка и Мизоча. Так называемая радиальная керамика, относящаяся к этому же этапу, представлена сосудом из погребения у Баева.

Большинству материалов находим аналогии в Чехословакии и Польше, что дает нам основание оспаривать концепцию Е. Ю. Кричевского, механически объединившего в одну культурную группу культуру ленточной керамики Румынии и западных областей УССР [1]. Почти абсолютное отсутствие керамики со спиральным орнаментом не дает нам возможности установить характер связей культуры ленточной керамики Поднестровья на раннем этапе ее развития с подобной культурой соседних территорий. Керамика с «угловым» орнаментом характерна тоже для одного из ранних этапов развития культуры линейно-ленточной керамики в Венгрии, Чехии и Польше. Этот тип достаточно хорошо известен из поселений Поднестровья.

Сравнивая имеющиеся в нашем распоряжении материалы с подобными памятниками Подунавья, можно отметить несколько более поздний характер наших памятников: все днестровские сосуды плоскодонны, их орнамент имеет более развитой характер, почти отсутствует керамика со спиральным орнаментом, наблюдается большая дифференциация форм. Наличие пряслиц среди материалов поселения у Котоване тоже может свидетельствовать о сравнительно более позднем характере этого и аналогичных ему поселений, чем древнейшие земледельческие поселения Подунавья. Отсутствие материала, указывающего на одновременное возникновение культуры линейно-ленточной керамики на всей огромной территории Подунавья, Поднестровья, Повисленья и Центральной Европы, пока очевидно. Несмотря на то, что эти предварительные наблюдения основаны на относительно небольшом вещественном материале и требуют проверки путем проведения широких полевых исследований и анализа большего количества материала, они позволяют нам несколько иначе ставить вопрос о происхождении культуры линейно-ленточной керамики, чем он был поставлен Е. Ю. Кричевским.

Имеющиеся в настоящее время материалы дают пока основание говорить о наибольшей древности Дунайских поселений, следовательно, о распространении культуры ленточной керамики из Подунавья на соседние земли, в том числе и в район верхнего Днестра. В то же время нельзя не заметить, что все известные группы этой культуры имеют свой специфический облик и сильно отличаются одна от другой. Распространение нового явления не могло, следовательно, происходить путем простой миграции племен, как старались объяснить это явление буржуазные археологи, формалистически упрощавшие все исторические и общественные явления. Не могла также возникнуть линейно-ленточная керамика сама по себе, вследствие одного только переселения охотничье-рыболовецких

[1] Е. Ю. Кричевский. Индогерманский вопрос...

племен на лессовое плато, где эти племена позднее якобы превратились в земледельческие и сразу стали употреблять всюду одинаковые, но далеко не самые простые формы глиняной посуды, как думал, под влиянием лженаучных «теорий» Марра, Е. Ю. Кричевский. Скорее всего, распространение культуры ленточной керамики происходило путем постепенного распространения более южных племен на соседнюю территорию, занятую родственными племенами. Распространение новых форм материальной культуры не происходило механически: все новое, очевидно, творчески перерабатывалось отдельными племенами в соответствии с их естественными условиями жизни, требованиями и вкусами. Это и было причиной появления отдельных групп культуры ленточной керамики, отличающихся своим своеобразным обликом. Так, например, почти все проанализированные нами материалы из поселения этой культуры на территории верхнего Днестра и Западной Волыни при наличии ряда общих черт с материалами Польши, Чехословакии и Венгрии отличаются от них рядом существенных признаков. Эти различия на каждом следующем этапе развития культуры ленточной керамики значительно усиливаются.

При сравнении верхнеднестровской и западноволынской групп культуры ленточной керамики с соседними группами этой культуры обращает на себя внимание тот факт, что самые близкие аналогии нашему материалу встречаем среди материала ленточной керамики Повисленья. Это дает основание предполагать, что уже в неолите между этими территориями существует некоторая культурная общность, прослеживающаяся довольно отчетливо и в последующих периодах. Очевидно, бассейны Вислы, Днестра и Стыри уже в IV—III тысячелетии до н. э. были заселены племенами, связанными общим происхождением и поддерживавшими между собой культурные связи. Наряду с общими чертами следут отметить различие облика материальной культуры этих племен. Так, например, на территории западных областей УССР отсутствует ленточная керамика с накольчатым орнаментом, характерная для одного из этапов развития культуры ленточной керамики польской и чехословацкой территорий. Единственный, пока небольшой фрагмент, напоминающий этот тип керамики, был найден в районе среднего течения Днестра [1]. Эта единичная находка пока еще не может быть доказательством существования на Днестре этапа развития культуры ленточной керамики, характеризующегося керамикой с накольчатым орнаментом.

Не подлежит сомнению, что связи племен культуры ленточной керамики Поднестровья и Волыни не ограничивались южной или западной территорией. Не менее важные связи должны были соединять эти племена с неолитическим населением Поднепровья. Однако состояние изученности культуры ленточной керамики и неолита Днепра не дает еще возможности должным образом осветить этот вопрос.

Таким образом, мы приходим к выводу, что возникновение культуры линейно-ленточной керамики на верхнем Днестре следует объяснить развитием местных ранненеолитических племен и некоторым распространением в северном направлении племен, развивавшихся в Дунайском бассейне. Последнее обстоятельство и развитие производительных сил были причиной изменения материальной культуры племен Поднестровья и появления на этой территории культуры ленточной керамики. На связь этой культуры с предшествующими культурами, развивавшимися здесь в период мезолита и раннего неолита, обратил внимание еще

[1] А. П. Черныш. О неолите среднего Поднестровья. (Архив отдела археологии Института общественных наук Львовского филиала Академии Наук УССР).

Е. Ю. Кричевский [1]. Он же указал на ряд экономических причин возникновения культуры линейно-ленточной керамики [2]. Однако Е. Ю. Кричевский не учел тех тесных культурных и генетических связей, которые объединяли верхнее Поднестровье, а с ним и Повисленье с Подунавьем, и не обратил внимания на хронологические особенности материала этих территорий.

Древняя линейно-ленточная керамика на Волыни пока не обнаружена. Ее отсутствие можно объяснить тем, что в процессе развития культуры ленточной керамики на территории современных западных областей УССР наблюдается ее распространение в северном и северо-восточном направлениях, благодаря чему образуется Волынская группа поселений, отличающаяся несколько более поздним характером. Там же, в основном, развиваются и самые поздние поселения упомянутой культуры (Амбуков, Сёмаки, Яловичи, Новомыльск и др.). Не исключена, однако, возможность, что при более тщательном исследовании Волыни там будут обнаружены и более древние памятники ленточной керамики.

Территория распространения культуры ленточной керамики, безусловно, не ограничивается западными областями УССР. Например, находки последних лет на среднем Днестре указывают на то, что по Днестру эта культура доходила по крайней мере до района Каменец-Подольска [3]. Е. Ю. Кричевский также сообщает о находке в 1940 г. у с. Красноставка в Побужье сосуда с линейно-ленточным орнаментом, принадлежащего к «дунайской» культуре [4]. Этого сообщения, однако, нам не удалось проверить. Будущие находки и исследования, вероятно, значительным образом увеличат не только количество известных нам памятников, но и показанную нами (рис. 1) территорию их распространения.

Менее всего выяснены абсолютная датировка этой культуры и ее взаимосвязь с другими культурами, в частности с трипольской. Для окончательного решения этих вопросов необходимы дополнительные исследования и накопление большего количества материалов.

Связь трипольской культуры с культурой ленточной керамики очевидна. К признакам триполья, находящим полную аналогию в культуре ленточной керамики, следует отнести состав глины и ленточный орнамент раннетрипольских сосудов, глиняную пластику, набор орудий труда, формы и тип жилища раннего триполья, земледельческий характер обеих культур и, наконец, почти одну и ту же территорию распространения ранних памятников культуры ленточной керамики и раннего триполья. Все это является веским указанием на существование тесной связи между обеими культурами. Эти соображения стали основанием приведенных выше мнений советских исследователей (Е. Ю. Кричевского и Т. С. Пассек) о том, что триполье является продолжением развития культуры ленточной керамики и ее самым развитым вариантом. Никто, однако, не высказывался по вопросу о том, из какой группы и на каком этапе развития культуры ленточной керамики развивается трипольская культура.

Вопрос об абсолютной хронологии культуры ленточной керамики усложняется тем, что до сих пор нет единой хронологической системы памятников неолита. В настоящее время существуют две основные хронологические системы, разработанные западно- и североевропейскими

---

[1] Е. Ю. Кричевський. Ранній неоліті і походження трипільської культури.
[2] Его же. Древнее население Западной Украины...
[3] Упомянутые находки А. П. Черныша и С. Н. Бибикова (А. П. Черныш. О неолите среднего Поднестровья; С. Н. Бибиков. Некоторые итоги изучения...)
[4] Е. Ю. Кричевский. Основные проблемы украинского неолита. КСИИМК, XII, 1946, стр. 16.

археологами — Обергом, Эвансом и Чайлдом [1], с одной стороны, и Монтелиусом и Томпой [2], — с другой. Разница между датировкой Монтелиуса и Оберга составляет почти целое тысячелетие; ее причина — поздняя датировка Обергом египетских и троянских памятников.

Для относительной хронологии культуры ленточной керамики некоторый материал дают нам находки меди, известные из отдельных комплексов этой культуры. Сравнительно много медных изделий было обнаружено раскопками К. Яжджевского на поселении и в могильниках у Бреста-Куявского (Брестско-Куявская группа культуры ленточной керамики) [3]. Найденные на поселении полуфабрикаты меди (плоские прутья со следами ковки), браслеты, ожерелья, подвески из погребений и общее количество погребений с медью (из 35 раскрытых погребений медные изделия обнаружены в 50% погребений) свидетельствуют о значительном развитии производства медных орудий в Брестско-Куявской группе культуры ленточной керамики. На основании ряда аналогий К. Яжджевский устанавливает, что эта группа была синхронна йордансмюльской культуре, в которой также выступают подобные медные изделия[4]. К. Яжджевский обратил внимание на отсутствие в Брестско-Куявской группе медных литых изделий; все медные предметы этой группы изготовлены путем холодной ковки.

Выше мы установили синхронность рассмотренной нами западноволынской группы культуры ленточной керамики йордансмюльской культуре и Брестско-Куявской группе. Из этого следует, что период развития Волынской группы отвечает времени употребления медных кованых изделий земледельческими племенами Повисленья и, видимо, Подунавья и Поднестровья. Медные изделия известны на всех этапах развития трипольской культуры, распространение же кованых изделий ограничивается, видимо, ранним и средним этапами (A и B) развития триполья. Таким образом, можно предположить, что Волынская группа поселений развивается не позже среднего этапа (B) трипольской культуры. Уточнить эту хронологию помогает факт находки на трипольском поселении в Городнице-Городище (Станиславской области) самой поздней ленточной керамики (с расписным орнаментом) в одном культурном слое с трипольской керамикой (этапов B/II и C) [5]. Следовательно, хронологические группы культуры ленточной керамики, для которых характерна спиральная и «угловая» системы орнаментации посуды, а также Волынская группа должны были развиваться раньше среднего этапа (B/II) трипольской культуры, а этапам B/II и C триполья соответствуют самые поздние поселения культуры ленточной керамики, характеризующиеся расписным орнаментом на некоторых сосудах (Амбуков, Сёмаки, Яловичи и др.). Последнее положение, кроме указанной находки на поселении в Городнице-Городище, подтверждается также анализом керамического материала позднетрипольских памятников и поздних памятников культуры ленточной керамики.

---

[1] N. A b e r g. Bronzezeitliche und früheisenzeitliche Chronologie, III. Stockholm, 1932; A. E v a n s. The palas of Minos I at Knossos. London, 1921—1928, стр. 194; G. C h i l d e. The dawn of the European civilisation. London, 1925, стр. 34.

[2] O. M o n t e l i u s. Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien. «Archiv für Anthropologie», XXV—XXVI; F. T o m p a. Die Bandkeramik...; e r o ж e. 25 Jahre...

[3] K. J a ż d ż e w s k i. Ук. соч.

[4] H. S e g e r. Johrdansmühler Typus — M. E b e r t. Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. VI, § 3.

[5] Материал хранится в Львовском историческом музее.

С другой стороны, на основании находки ленточной керамики в раннетрипольской землянке на поселении Лука-Врублевецкая можно установить синхронность раннего этапа (А) трипольской культуры культуре ленточной керамики с «угловым» и «нотным» орнаментом. Последнее положение до некоторой степени подтверждается находкой ленточной керамики с «угловым» орнаментом на трипольском поселении в Незвиско (этап В/I): или в поселении у Незвиско имеется культурный слой, залегающий ниже трипольского, или ленточная керамика выступает здесь в трипольском слое и является результатом культурных связей трипольской культуры на этапе В/I с синхронной этому этапу группой ленточной керамики с «угловым» орнаментом[1]. Последнее предположение не подтверждается другими подобными находками, так как нигде больше на трипольских поселениях указанного этапа не встречено доказательств существования таких связей. Зато анализ материала последующих периодов развития культуры ленточной керамики дает уже кое-какой материал для определения существования подобных связей (например, сосуду из Бережца находим некоторые аналогии в керамике из поселения в Кукутени) [2].

Таким образом, установив синхронность раннего этапа (А) триполья группе культуры ленточной керамики, характеризующейся «угловым» орнаментом, с одной стороны, и синхронность этапов В/II и С триполья самым поздним поселениям культуры ленточной керамики, с другой стороны, можно получить следующую предположительную схему синхронности отдельных этапов триполья и культуры ленточной керамики:

1. Линейно-ленточная керамика со спиральным орнаментом выступает раньше трипольской культуры (в комплексах с этой керамикой отсутствует медь, известная этапу А трипольской культуры).

2. Ленточная керамика с «угловым» орнаментом синхронна этапу А и раньше этапа В/I трипольской культуры (это подтверждается находками на поселениях в Луке-Врублевецкой и Незвиско).

3. Волынская группа культуры ленточной керамики синхронна этапу В/I трипольской культуры, поскольку более поздняя, чем Волынская, группа культуры ленточной керамики с расписными сосудами синхронна этапам В/II и С триполья (это подтверждается анализом керамического материала обеих культур и находками на поселении Городница-Городище).

Полученные нами данные, конечно, очень условны и неточны. Это общий гипотетический план, который можно только приблизительно наметить при сегодняшнем состоянии изученности культуры ленточной керамики и триполья. Также только приблизительно можно наметить схему абсолютной хронологии культуры ленточной керамики, принимая за основу хронологию, установленную для трипольской культуры Т. С. Пассек:

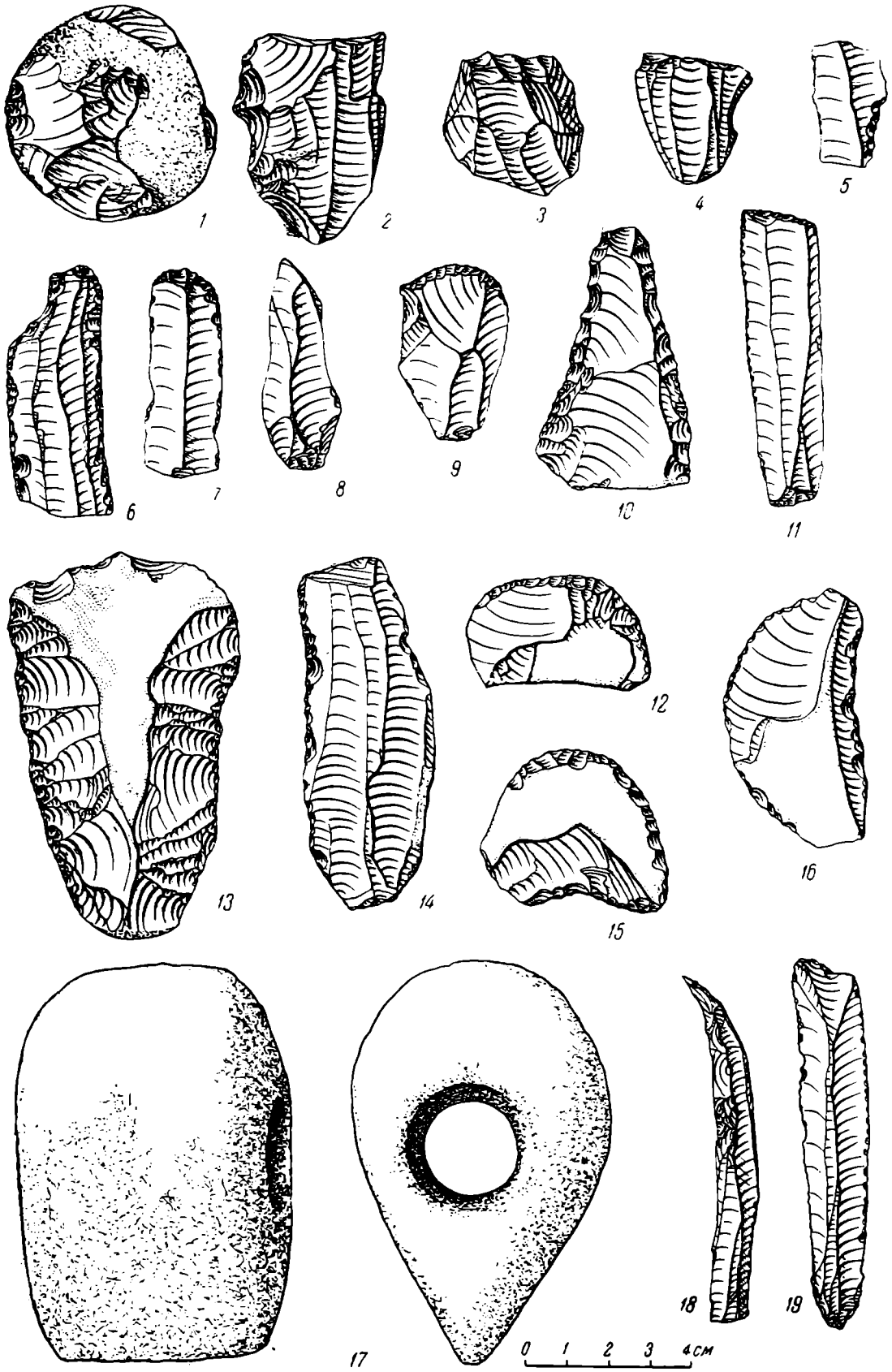
1. Поселения культуры линейно-ленточной керамики со спиральным орнаментом развиваются в IV тысячелетии до н. э. (возможно, во второй его половине).

2. Поселения культуры линейно-ленточной керамики с «угловым» и «нотным» орнаментом развиваются приблизительно между 3000 и 2700 гг. до н. э.

---

[1] Настоящая статья написана в начале 1952 г. Поэтому в ней не учтены результаты раскопок Е. К. Черныш 1953 г. в Незвиско, в значительной степени подтвердившие наши предположения. Кроме того, в 1952 г. открыто еще поселение у с. Сухостав, р-н Копычинцы Тернопольской обл.,— культурный слой плохой сохранности (разрушен позднейшими поселениями трипольской культуры и скифского времени).

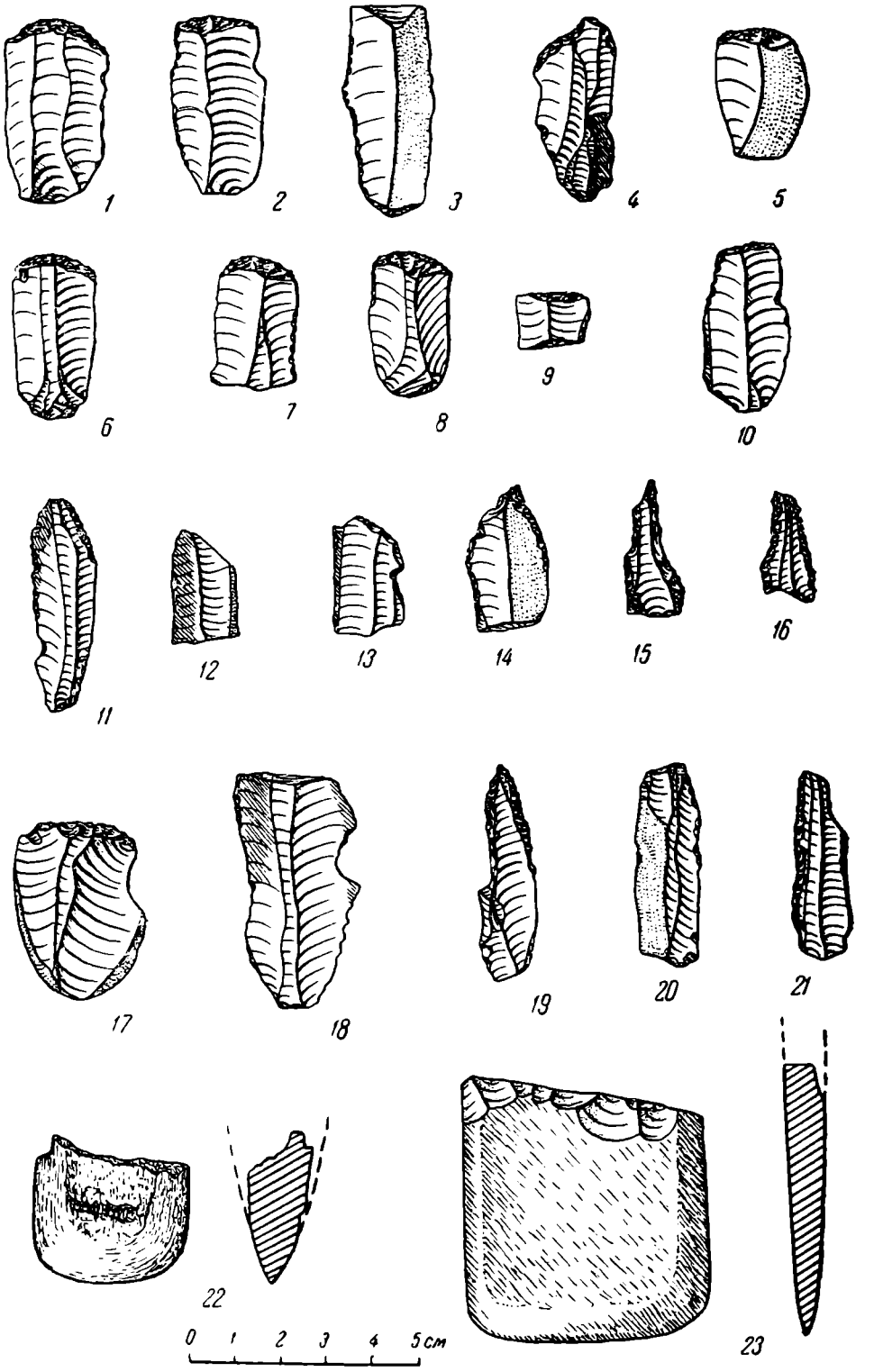
[2] H. Schmidt. Cucuteni. Berlin — Leipzig, 1932, табл. 8, рис. 2.

Село Котоване. Подъемный материал, собранный на поверхности поля Запуст

1 — 16, 18, 19 — кремневые орудия; *17* — каменный топор

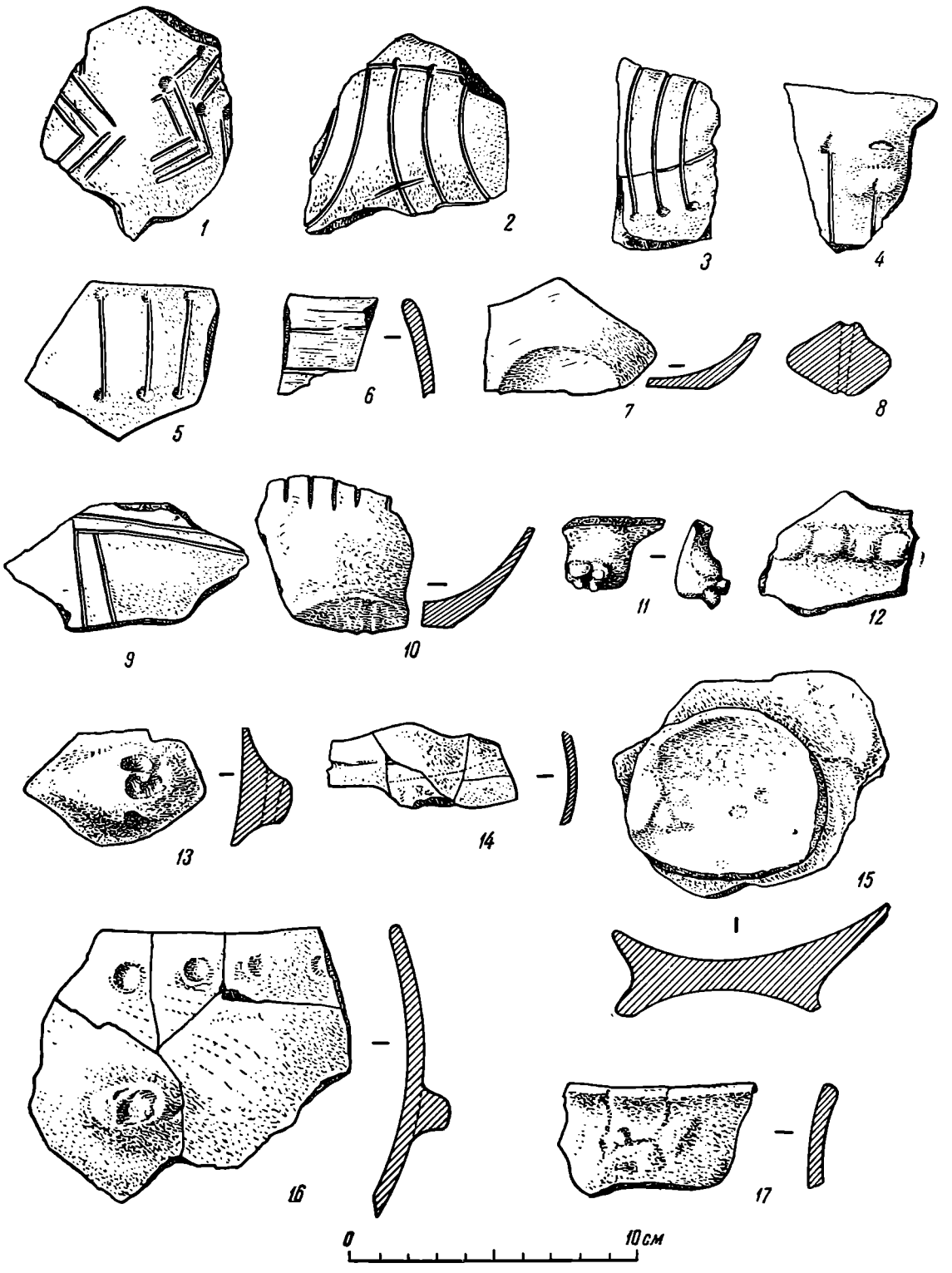
Таблица II

Село Котоване, урочище Запуст. Материал из землянки II.

1—21 — изделия из кремня; *22, 23* — изделия из других пород камня (сланец, опока).

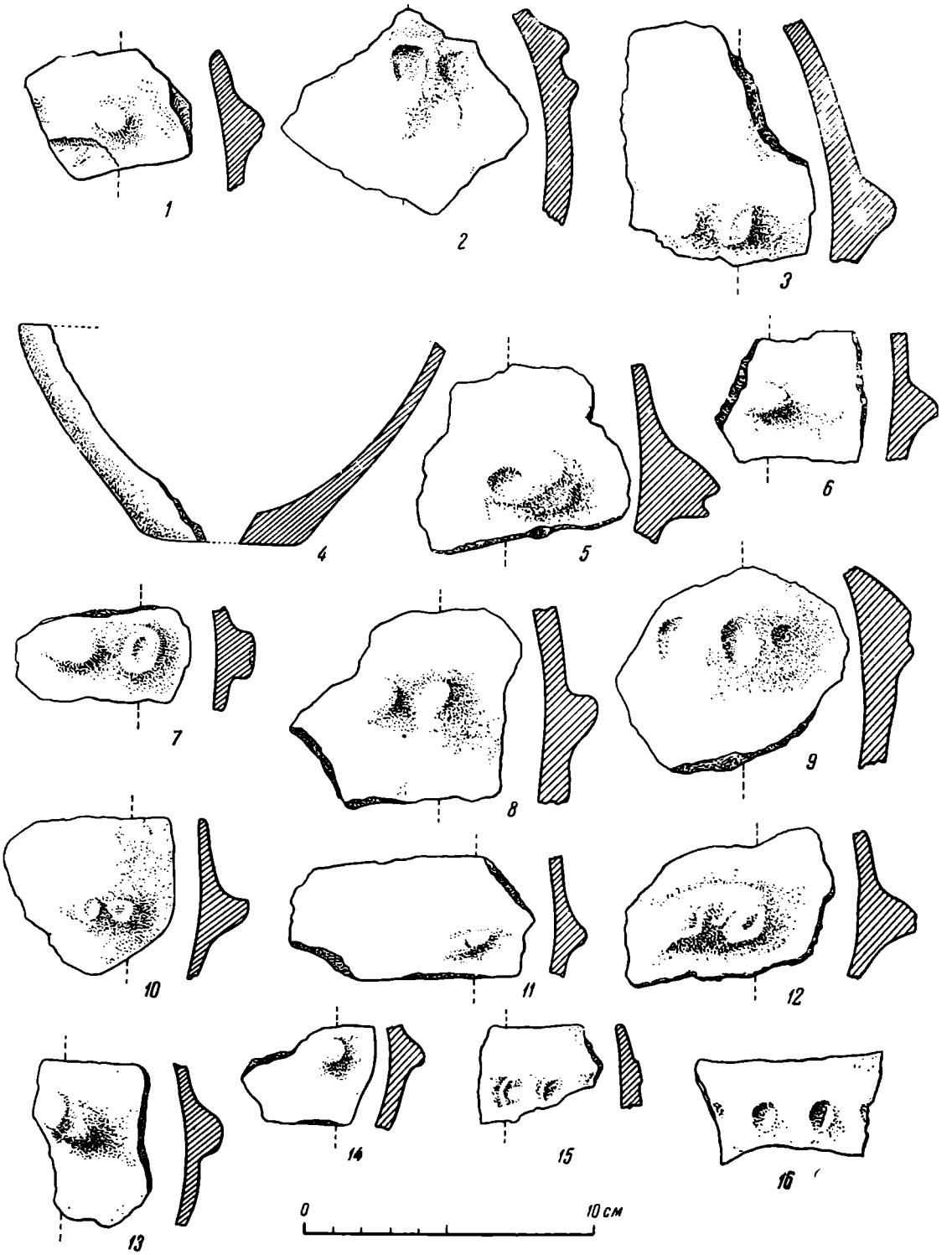
Таблица III

Находки из поселений Синьков, Букивна и Котоване, урочища Запуст

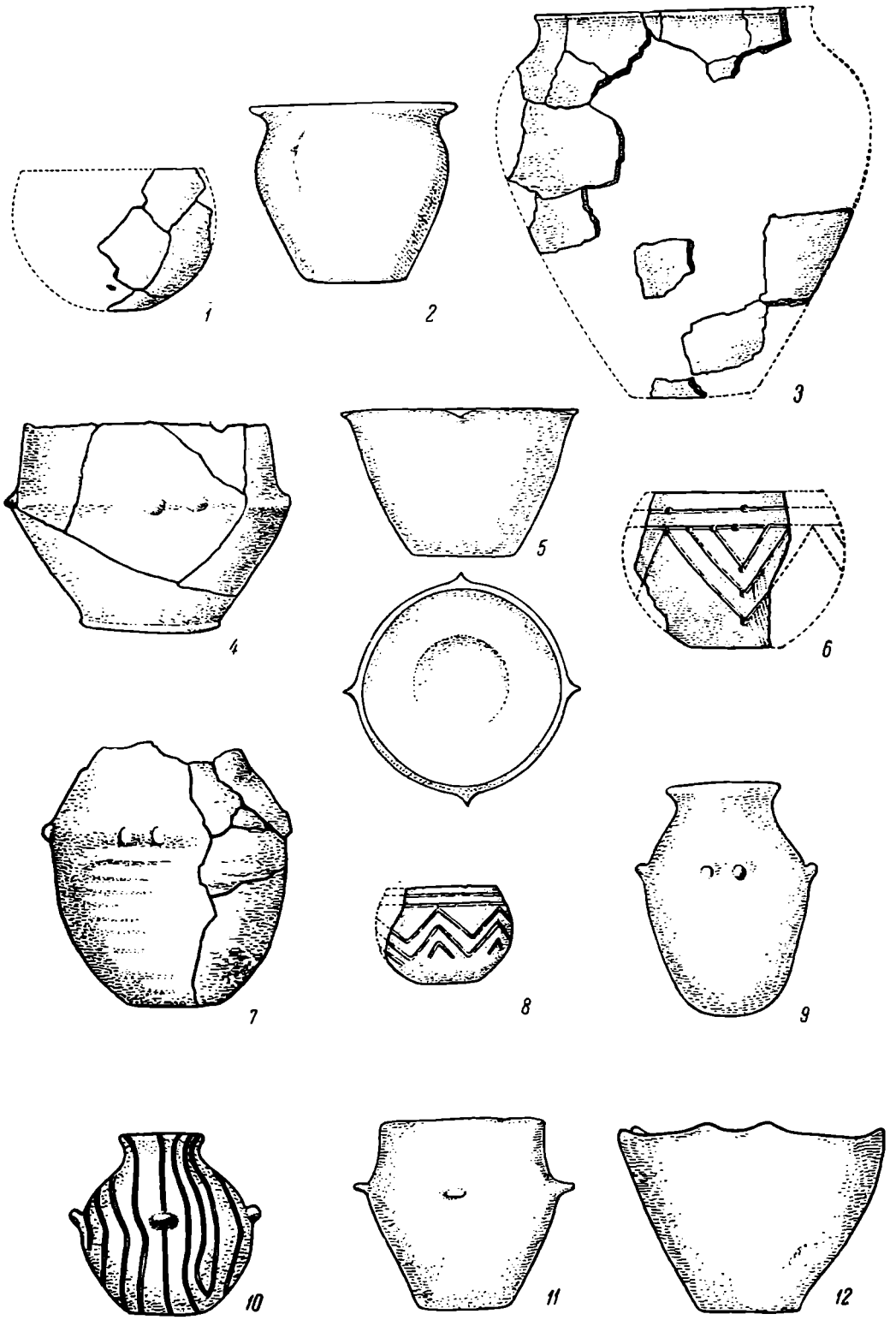
1—7, 9—17 — фрагменты глиняных сосудов; *8* — глиняное прясло

Таблица IV

Село Котоване, урочище Запуст. Керамика из землянки II и из культурного слоя поселения

Таблица V

Глиняные сосуды культуры ленточной керамики

1, *3* — Котоване, 1/4 нат. вел.; *2,11* — Острог, *2*—2/5 нат. вел., *11* — выс. 14,6 см; *4* — Березец, выс. 19,5 см; *5*, *12* — Луцк, *5* — 2/5 нат. вел.; *12* — выс. 10,3 см; *6* — Колодница, 2/5 нат. вел.; *7* — Городок, 1/4 нат. вел.; *8* — Незвиско, 2/5 нат. вел.; *9* — Мизоч, 1/4 нат. вел.; *10* — Баев, выс. 15,5 см

3. Волынская группа поселений культуры ленточной керамики развивается между 2700 и 2000 гг. до н. э.

Таким образом, говорить о том, что трипольская культура является продолжением культуры линейно-ленточной керамики, можно только с оговоркой, что это предположение относится лишь к древнейшему этапу развития культуры ленточной керамики, к периоду существования спирального орнамента на сосудах. Возникновение трипольской культуры произошло, возможно, в основном, на части территории, занятой племенами культуры линейно-ленточной керамики, на раннем этапе развития последней, вследствие сложного процесса развития ряда племен при воздействии сильных юго-восточных влияний, как думает Т. С. Пассек. На вопрос, что́ произошло с остальными племенами культуры линейно-ленточной керамики, проживавшими вне территории возникновения трипольской культуры, сейчас еще очень трудно ответить. Учитывая большую близость триполья и культуры ленточной керамики, можно предположить, что племена последней растворились в более многочисленной массе племен трипольской культуры по мере расширения территории распространения триполья. Возможно также некоторое продвижение на север и северо-восток более отсталых, по сравнению с трипольскими, племен культуры ленточной керамики, вследствие чего и возникла Волынская группа поселений названной культуры.

Описывая памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории верхнего Поднестровья и Западной Волыни, мы старались не только дать их полное, по возможности, описание, но и указать их место во времени, территорию распространения, межплеменные связи, а также значение, которое имеют эти памятники в истории раннеземледельческих племен Днепровско-Днестровского междуречья. Будущие исследования, безусловно, дадут много новых материалов, которые, вероятно, уточнят или опровергнут многие наши предположения, недостаточно обоснованные из-за отсутствия данных.

С. С. СОРОКИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КЕРАМИКИ КАТАКОМБНЫХ МОГИЛ ФЕРГАНЫ*

В 1950 г. археологическим отрядом Памиро-Ферганской комплексной экспедиции, руководимой А. Н. Бернштамом, в долине реки Сох в урочище Бор-Корбаз были раскопаны 10 курганов [1]. Погребальный обряд вскрытых погребений однообразен. В восьми случаях погребения устроены в подбоях, вырубленных в грунте на глубине 2—3 м в восточной стенке прямоугольной могильной ямы, во всю ее длину. Подбои отделены от входа каменными плитами, поставленными на ребро. Ямы завалены крупными камнями. В двух случаях погребения помещены в овальных камерах, длинная ось которых перпендикулярна входной яме (айвану), также заваленной камнями. Все погребения одиночные. Костяки расположены в подбоях или камерах в деревянных гробовищах, на деревянных ложах или на камышевых цыновках; они лежат в вытянутом положении на спине. В семи подбоях они ориентированы головой на север, в одном — на юг и в двух камерах — на восток. В двух могилах погребены мужчины, в шести — женщины, в одной — юноша и в одном случае пол не определен.

Примером мужского погребения может служить погребение в кургане № 1 (рис. 1). Здесь в подбое на деревянном ложе или в деревянном гробовище лежал костяк мужчины средних лет. Вне гробовища у головы лежали несколько отдельных костей барана и остатки небольшого железного предмета. Рядом стояли два глиняных горшка — кружка и кувшин (рис. 2, *1*, *3*). В ногах, также вне гробовища, стоял еще один кувшин, закрытый каменной плиткой (рис. 2, *2*). У шейных позвонков собраны бусы; у пояса находились две железные пряжки. Поперек тазовых костей лежал железный черешковый кинжал в ярко-красных деревянных ножнах с двумя железными обоймицами, с помощью которых он подвешивался к поясу в почти горизонтальном положении. Вдоль левой ноги лежал колчан со стрелами, от которого сохранились только тлен, железный крючок

* Когда настоящая статья была уже в верстке, вышла в свет работа М. Э. Воронца «Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии Наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах» (Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. 2, Ташкент, 1954). Материалы, в ней опубликованные, не могли быть учтены, но они не противоречат нашим выводам.

[1] Выражаю благодарность А. Н. Бернштаму, предоставившему мне возможность пользоваться всем открытым им материалом.

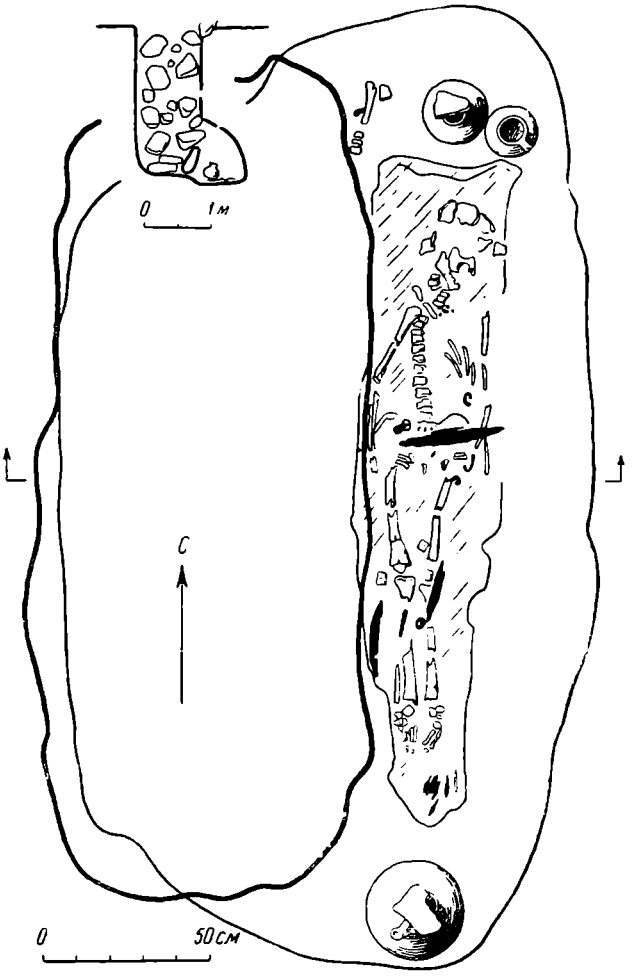

Рис. 1. Бор-Корбаз, курган № 1, план и разрез погребения

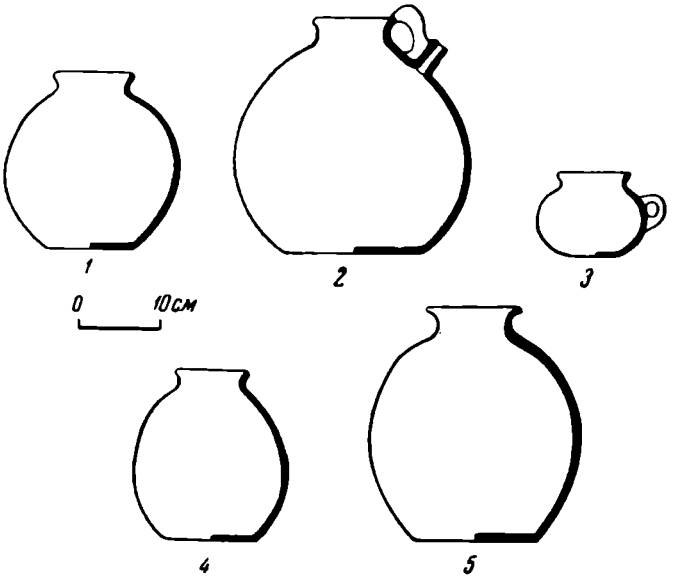

Рис. 2. Бор-Корбаз, керамика

1—3— курган № 1, *4, 5* — курган № 2

и 9 железных трехперых наконечников стрел. Под кинжалом — железный нож. Два подобных же ножа находились у правого колена, и рядом с ними — каменная подвеска. Тут же лежали 4 бараньих астрагала и вдоль правой ноги — лук, от которого сохранилась лишь срединная костяная накладка.

Второе мужское погребение аналогично первому.

Примером женского погребения может служить погребение в кургане № 2. Здесь, также в подбое, в деревянном гробовище, сделанном из арчевых тесаных досок, лежал скелет женщины. Вне гробовища у северного края подбоя находились несколько костей барана. В южном — стояли два глиняных кувшина (рис. 2, *4*, *5*). В области шеи было собрано

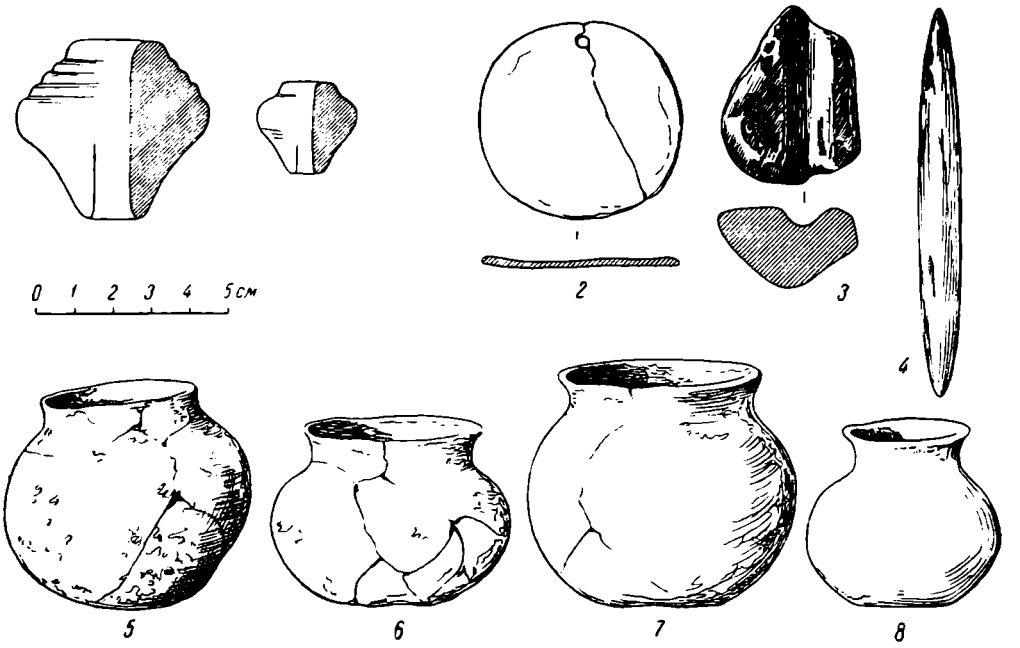

Рис. 3. Бор-Корбаз, курган № 2

1 — глиняные пряслица; *2—8* — женский косметический набор: бронзовое зеркало, графит, каменный заостренный стерженек, миниатюрные горшочки

несколько бусин. В ногах находились четыре миниатюрных глиняных горшочка, бронзовое зеркало, кусок графита с протертым желобком и каменный стерженек с заостренными концами (рис. 3, *2—8*). У черепа найдены две серебряные серьги.

Остальные женские погребения аналогичны этому. Их инвентарь представлен крупными глиняными горшками (по два и по три в каждой могиле), различными, но немногочисленными мелкими украшениями, глиняными биконическими пряслицами, покрытыми красным или черным ангобом, и характерными косметическими наборами, состоящими из двух, трех или четырех миниатюрных глиняных горшочков, бронзового зеркала, каменного заостренного стерженька для подкраски бровей и красок (черной — в виде графита, красной и белой). В кургане № 9 женский костяк лежал в деревянном гробу, сделанном из хорошо обработанных досок, врезанных в пазы вертикальных угловых стоек. Доски оканчивались шипами и были закреплены в стойках деревянными четырехгранными шпонками. В этом же погребении около головы, вне гроба, стояло большое деревянное блюдо-столик на ножках, на котором лежало несколько

бараньих костей. Следы деревянных блюд и бараньи кости найдены и во всех других могилах.

Женские косметические наборы, аналогичные бор-корбазским, известны из раскопок Н. И. Веселовского в 1885 г. в районе кишлаков Чадак и Ашт в Северной Фергане [1]. Из кургана № 2 Чадака происходит китайская монета «у-чжу». Эти монеты бытовали с II в. до н. э. до VII в. н. э. Такая же монета известна из могильника у Ширин-сая, датируемого по основной массе погребений II—III веками н. э., а в целом охватывающего I—IV вв. н. э.[2] В погребении 28 этого могильника была найдена кружка с ручкой в форме зверька. Такие кружки, характерные для сармато-аланских комплексов Кубани и Дона первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры, бытовали в районе Ташкента в I—II вв. н. э., а, может быть, уже и в I в. до н. э. В могиле 5 Ширин-сая такая кружка найдена вместе с кусочками графита и каменным заостренным стержнем, т. е. характерным для Бор-Корбаза косметическим набором. В районе нижнего течения Кафирнигана кружка с ручкой в виде зверька найдена в слоях раннекушанского времени [3]. Керамика Бор-Корбазского могильника аналогична ширин-сайской. В особенности это относится к кувшинам со сравнительно узким горлом и отогнутым наружу венчиком. По форме костяных накладок на лук, пряжкам, а, может быть, и кинжалам, бор-корбазские катакомбные погребения могут быть также сопоставлены с катакомбными погребениями, раскопанными на арыке Джун вблизи Ташкента. В одном из них найден железный меч, который может быть датирован III—IV веками н. э.[4] Могильник Бор-Корбаз, бесспорно, относится к первой половине I тысячелетия н. э., и тесная его связь, как это будет показано ниже, с памятниками равнинной Ферганы времени расцвета ее культуры не позволяет слишком повышать его датировку. На Бор-Корбазском могильнике пришлось подробно остановиться потому, что материалы его еще не опубликованы, а в дальнейшем изложении к нему придется часто возвращаться [5].

Кроме Бор-Корбаза, в Фергане известны и другие могильники с погребениями в камерах или подбоях. К ним относятся: Джангаил в 15 км к юго-западу от г. Ферганы и Гур-мирон к юго-западу от Намангана, раскопанные А. Н. Бернштамом в 1951 г., а также Исфаринский могильник, обследованный Б. А. Латыниным в 1933 и 1934 гг.[6]

---

[1] Материал хранится в отделе Востока Государственного Эрмитажа, дневники раскопок — в архиве ЛОИИМК.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, XIV, 1947, стр. 94 и 97.

[3] Раскопки Кафирниганского отряда Таджикско-Согдийской экспедиции 1950 г. Материал не опубликован.

[4] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 154 и вклейка.

[5] Краткая характеристика дана в книге А. Н. Бернштама «Очерк истории гуннов» (Л., 1951), стр. 115 и 116. Автор считает катакомбы Бор-Корбаза гуннскими. Однако такое утверждение представляется необоснованным.

[6] Некоторые другие могильники, конструкция могил которых отлична от Бор-Корбазского или не во всех случаях может быть точно установлена,— такие, например, как могильник у селения Найман Ферганской области, исследованный В. Д. Жуковым (В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Изв. Узб. филиала Академии Наук СССР, 1940, № 10, стр. 21—27), могильник в Ширин-сае, исследованный В. Ф. Гайдукевичем в 1943—1944 гг. (В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 92—97), и, возможно, могильники у Чадака и Ашта, раскопанные А. И. Веселовским в 1885 г. (материал хранится в отделе Востока Государственного Эрмитажа),— не могут быть прямо причислены к группе катакомбных могильников Ферганы, но сходство ритуала и инвентаря, территориальная близость и близкие датировки вполне позволяют их сопоставлять и рассматривать в тесной связи.

Все эти могильники относятся к первой половине I тысячелетия н. э. Они находятся в ограниченном географическом районе и представляют собой единую группу, для которой характерны следующие признаки:

1. Захоронения под курганами в подбоях или камерах,— одиночные, реже парные или коллективные,— в деревянных гробах, на досках или на цыновках; входы в камеры завалены камнями.

2. Костяки лежат на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Ориентировка чаще всего северная или восточная, реже южная.

3. Обязательны отдельные кости барана, часто положенные вместе с железным ножом на деревянное блюдо-столик.

4. Обязательно, за редкими исключениями, наличие особой формы глиняных горшков (кувшины с ручками и без ручек, иногда с носиками, кубки с петлеобразными ручками или ручками в виде фигурок зверей, иногда фляги с плоским боком или сосуды индивидуальной формы).

5. Четкое различие инвентаря мужских и женских погребений: в мужских могилах — оружие (железный кинжал, сложный лук с костяными обкладками и стрелы с трехперыми железными наконечниками), в женских — наборы предметов косметики (зеркала, миниатюрные сосудики, каменный стерженек, краски).

6. Типичная форма биконических пряслиц (только в женских погребениях) и сходство мелких предметов.

Керамика, происходящая из этих могильников, представлена следующими группами:

1. Кувшины ручной лепки с округлым, иногда неправильным корпусом, широким плоским дном, относительно узким, низким горлом и мягко отогнутым наружу венчиком. Поверхность их неровная, со вмятинами мягких очертаний, покрытая жидкой светложелтой или красноватой затиркой. Некоторые экземпляры украшены по плечикам волнистой линией или кружковыми вдавлениями. Высота их — около 20 см, диаметр такой же (рис. 4, *1*, *2*; Ширин-сай, Гур-мирон).

2. Кувшины ручной лепки или станковой работы, с округлым, иногда несимметричным корпусом, с пропорциональным плоским дном и сравнительно узким, низким горлом, с мягко отогнутым наружу венчиком. Некоторые из них имеют довольно стройные пропорции, другие приземисты и округлы. Поверхность чаще неровная, со вмятинами мягких очертаний, отделанная жидкой глиной. Некоторые экземпляры украшены широкими полосками красного или бурого ангоба, волнистыми прорезными линиями или кружковыми вдавлениями. Встречаются кувшины с петлеобразными ручками и иногда с почти вертикальными носиками. Высота этих кувшинов — 20—40 см, диаметр — 20—30 см (рис. 4, *3*—*7*; Бор-Корбаз, Джангаил, Гур-мирон, Ширин-сай, Исфара, Найман).

3. Такие же кувшины, но с корпусом, приближающимся к биконической форме. Их высота — 20—30 см, диаметр — 15—20 см (рис. 4, 8—*10*; Исфара, Джангаил, Найман).

4. Кружки или кубки с петлеобразной ручкой, с ручкой в виде животного или без ручек, вылепленные от руки или станковой работы. Тесто или грубое, или тонкое, красное. Дно плоское, средних размеров. Корпус округлый, горло сравнительно широкое, венчик отогнут наружу, иногда — сильно, реже — слабо. Высота — 10—15 см, диаметр — около 10 см (рис. 4, *11*—*15*; Бор-Корбаз, Исфара, Гур-мирон, Джангаил, Ашт, Ширин-сай).

5. Миски или чаши, тонкостенные, красного лощения, изготовленные на гончарном круге или от руки, с плоским или выпуклым дном. Высота —

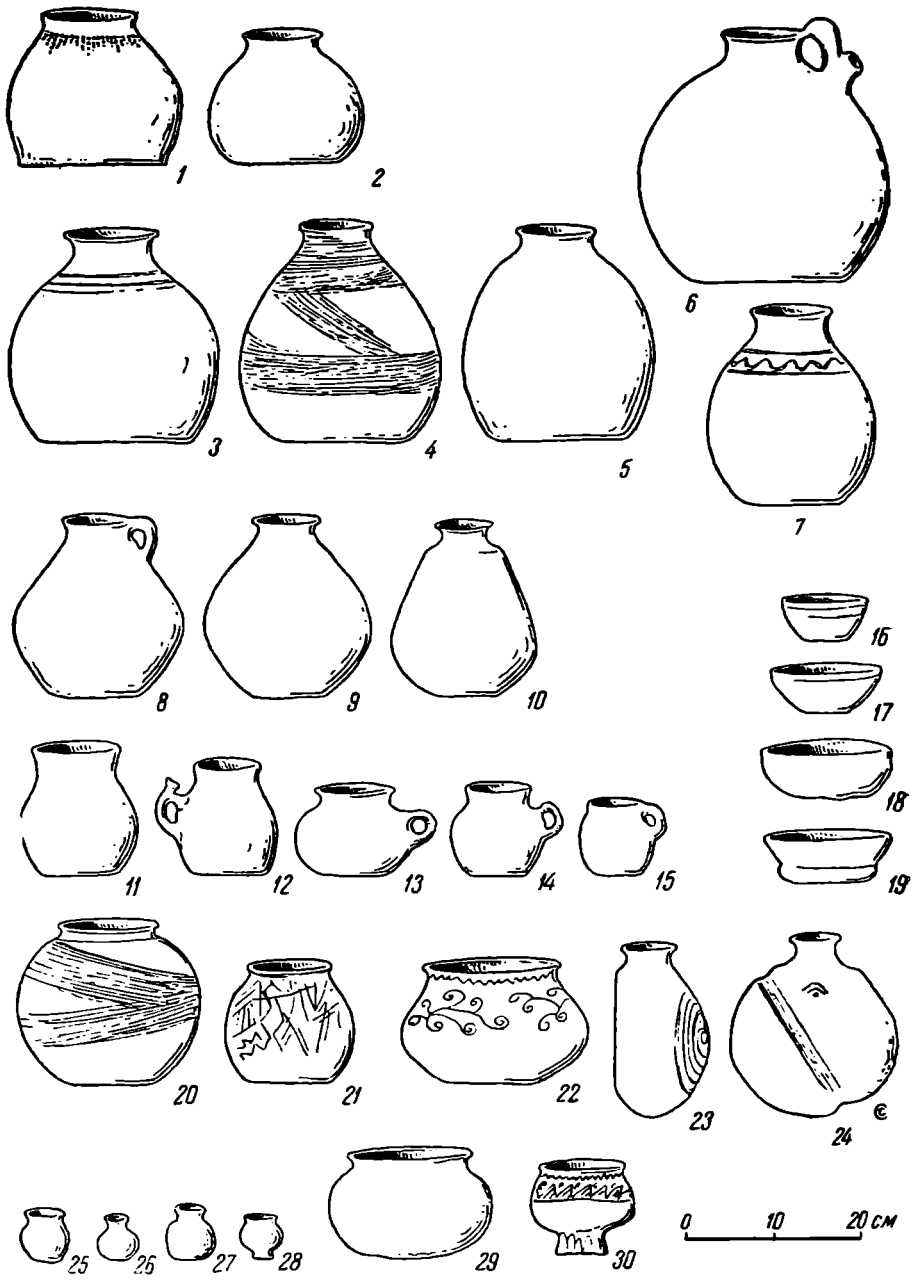

Рис. 4. Основные группы керамики катакомбных могил Ферганы

1 — Гур-мирон, курган № 11; *2* — Ширин-сай, погребение 24; *3* — Джангаил, курган № 3; *4* — Гур-мирон, курган № 24; *5* — Бор-Корбаз, курган № 15; *6* — Бор-Корбаз, курган № 1; *7* — Ширин-сай, погребение 11; *8* — Кувинский могильник; *9* — Джангаил, курган № 14; *10* — Исфара; *11* — Джангаил, курган № 11; *12* — Ширин-сай, погребение 28; *13* — Бор-Корбаз, курган № 1; *14* — Бор-Корбаз, курган № 19; *15* — Гур-мирон, курган № 9; *16* — Джангаил, курган № 3; *17* — Джангаил, курган № 14; *18* — Ширин-сай, погребение 25; *19* — Кувинский могильник; *20* — Гур-мирон, курган № 3; *21* — Гур-мирон, курган № 11; *22* — Кувинский могильник; *23* — Ширин-сай, погребение 14; *24* — Джангаил, курган № 26; *25* — Бор-Корбаз, курган № 9; *26* — Бор-Корбаз, курган № 2; *27* — Бор-Корбаз, курган № 4; *28* — Бор-Корбаз, курган № 12; *29* — Бор-Корбаз, курган № 7; *30* — Исфара

6—10 см, диаметр — до 20—25 см (рис. 4, *16-19*; Джангаил, Ширин-сай, Найман).

6. Горшки боченкообразной формы с округлым корпусом и сравнительно большим дном и горлом. Венчик нередко четко выделен, поверхность сплошь или полосами покрыта красно-бурым ангобом и иногда украшена процарапанным орнаментом. Высота — около 20 см, диаметр дна — 10—15 см (рис. 4, *20*, *21*; Гур-мирон).

7. Горшки приземистые, изготовленные на круге или от руки, с биконическим или округлым корпусом; покрыты красным ангобом и украшены процарапанным орнаментом. Высота — 10—15 см, диаметр — 15—20 см (рис. 4, *22*; Найман).

8. Фляги с плоским боком (рис. 4, *23*, *24*; Джангаил, Ширин-сай).

9. Миниатюрные лепные сосудики (рис. 4, *25—28*; Бор-Корбаз, Джангаил, Ширин-сай).

10. Некоторые не типичные формы сосудов (рис. 4, *29*, *30*).

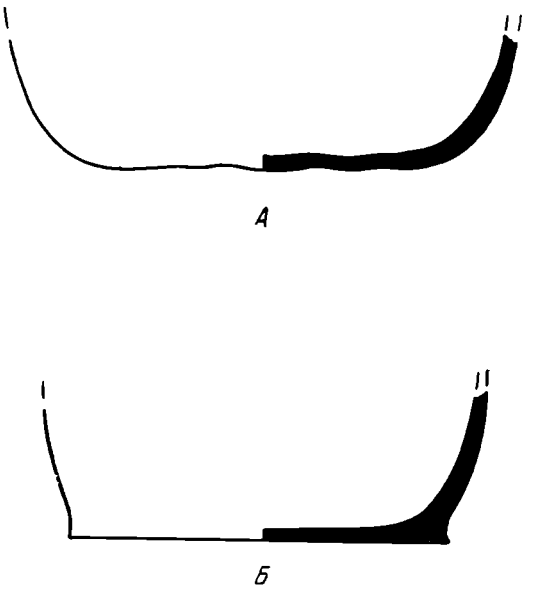

Рис. 5. Формы дна сосудов из катакомбных могил Ферганы

Большинство сосудов изготовлено без применения гончарного круга или на круге с малой инерцией вращения. Станковой посуды сравнительно мало. Сосуды внутри каждой группы очень сходны между собой, но никаких элементов стандартизации нет. Нельзя найти двух совершенно одинаковых сосудов, происходящих из одного могильника или даже из одного погребения. Характер поверхности дна и перехода от дна к корпусу у лепных кувшинов заставляет предполагать по крайней мере два способа лепки: а) лепка на подставке,— если дно ровное, плоское, с отпечатками подсыпки и переход к корпусу резкий и б) лепка округлого дна на руках, с последующим его уплощением,— если дно со вмятинами мягких очертаний и переход от дна к корпусу плавный (рис. 5).

В свое время В. Ф. Гайдукевич указывал на общность многих керамических форм могильника в Ширин-сае с керамикой древней Ферганы первых веков нашей эры [1]. О связях материалов равнинной и предгорной Ферганы многократно писал А. Н. Бернштам. Теперь же возможно не только иллюстрировать эту общность, но, использовав новый материал, в какой-то мере раскрыть ее содержание.

Ранние параллели для керамики ферганских катакомбных погребений прослеживаются пока еще на малом количестве примеров. В нижних слоях городища Эйлатан в районе Хакулабада [2], относящихся, видимо, к началу I тысячелетия до н. э. (а, может быть, и к более раннему времени), наряду с керамикой архаического типа, представленной открытыми

[1] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 97.

[2] Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане. Сб. «Археологические работы на новостройках».— ИГАИМК, вып. 110, М.— Л., 1935.

чашами без закраин, вылепленными из глины с растительными примесями и отделанными жидким лиловато-красным ангобом и лощением или росписью,— встречаются также более развитые формы сосудов с биконическим или округлым корпусом, сравнительно узким горлом и плавно

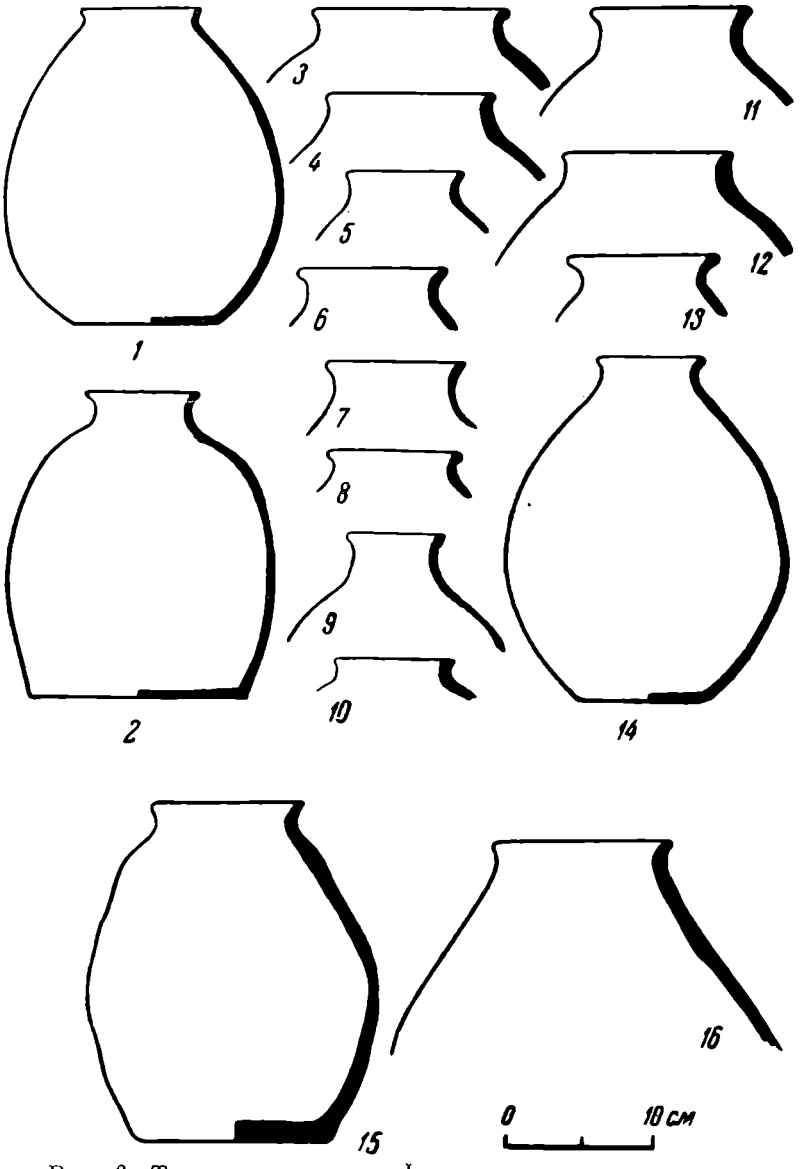

Рис. 6. Типы кувшинов из ферганских городищ и тепе

1 — Нарын-тепе у железнодорожного полотна; *2* — Большой Ферганский канал, Кугай; *3* — Ак-ман; *4*, *6*, *12*, *13* — Масы; *5* — Касан; *7*—*9* — Мархамат; *10* — Гульча; *11* — Лякан; *14* — Кува-сай; *15* — Большой Ферганский канал, Майли-сай; *16* — Эйлатан

отогнутым наружу венчиком (рис. 6, *16*). Аналогичной формы грубые кувшины с грушевидным корпусом и сравнительно узким горлом и отогнутым наружу венчиком найдены в нижних слоях поселения у Майли-сая [1]

[1] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Труды Института истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР, Ташкент, 1951, т. IV, табл. IX, *7*.

вместе с полусферическими ангобированными чашками усуньского типа, датируемыми, по аналогии с чашами из Киргизии, III—I веками до н. э. (рис. 6, *15*). К форме этих сосудов восходят формы кувшинов из катакомбных могил Ферганы. К отделке поверхности лиловато-красным слоем, возможно, восходят красный ангоб и лощение, встречаемые почти на всех формах глиняных изделий Ферганы первых веков нашей эры. В это время продолжает также жить древний местный прием смешения глины с мелко изрубленными растительными примесями. В могильнике, вскрытом на 8-м участке Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина, найдены кувшины с округлым корпусом и сравнительно узким горлом, с отогнутым наружу венчиком [1], т. е. по форме аналогичные типичным кувшинам катакомбных могил первых веков нашей эры, но изготовленные из глины с растительными примесями.

Еще больше сходства обнаруживает описываемая керамика с керамикой из тепе у железнодорожного полотна (раскопки Б. А. Латынина на землях Нарынского совхоза) [2]. Здесь, в слоях первых веков до нашей эры, найдено много кувшинов с яйцевидным корпусом, широким плоским дном и низким, сравнительно узким горлом, с отогнутым наружу венчиком. Эти кувшины ничем не отличаются от кувшинов того же типа в Джангаиле, Гур-мироне, Наймане, Бор-Корбазе и других катакомбных могильниках Ферганы (рис. 7). На некоторых кувшинах из тепе у железнодорожного полотна — роспись широкими полосами бурого или красного ангоба, знакомая нам по керамике Наймана и Гур-мирона. Кувшины из тепе также лепные или изготовлены на круге с малой инерцией вращения. Некоторые из них сделаны из плотного, хорошего теста и отделаны красным ангобом и процарапанным орнаментом. Процарапанным орнаментом украшены также два боченковидных сосуда из Гур-мирона (рис. 4, *21*), чаша на поддоне из Исфары, черепок из засыпи могильной ямы кургана № 32 Бор-Корбаза и многие сосуды Наймана. Керамика с красным ангобом и прочерченным орнаментом датируется первыми веками до нашей эры и первыми веками нашей эры, т. е. она одновременна, а в некоторых случаях древнее керамики катакомбных могил Ферганы. Эта керамика типична для Ферганы эпохи подъема ее культуры в кушанское время [3].

При раскопках на Мархаматском городище в слоях первых веков нашей эры собрано много фрагментов от кувшинов, аналогичных кувшинам ферганских катакомбных могил. Это типичные кувшины с округлым корпусом, сравнительно узким горлом и отогнутым наружу венчиком. Они в большинстве случаев изготовлены из тонкого теста, становящегося после обжига красным и звонким, но попадаются также экземпляры грубой выделки, более типичной для керамики катакомбных могил (рис. 6, *7—9*). Из этого же слоя происходят фрагменты с красным ангобом и прочерченным орнаментом, а также миниатюрный сосудик, совершенно аналогичный сосудику из кургана № 2 Бор-Корбаза.

Кувшины с округлым корпусом, сравнительно узким горлом и отогнутым наружу венчиком, столь типичные для катакомбных ферганских могил, найдены на большинстве ферганских городищ и тепе кушанского времени. Они имеются в материале раскопок А. Н. Бернштама в Касане (рис. 6, *5*), в подъемном материале комплексов Ак-Ман, Чука-тепе и

[1] Т. Г. Оболдуева. Ук. соч., табл. X, *7*.

[2] Б. А. Латынин. Ук. соч.

[3] Вслед за Б. А. Латыниным авторы отчетов о работах на Большом Ферганском канале им. И. В. Сталина относят ее к периоду ФII и называют даваньской. См. Труды Института истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР, Ташкент, 1951, т. IV.

Масы в Северо-восточной Фергане (рис. 6, *3*, *4*, *6*, *12*, *13*), в материале из шурфа, заложенного на тепе у пос. Гульча в горной долине южнее г. Ош (рис. 6, *10*), в керамике тепе Лякан и др. в районе Соха и Исфары (рис. 6, *11*). В 1951 г. у Кува-сая в Муянских горах в пещере, открытой Ташкентской геологической партией и обследованной научным

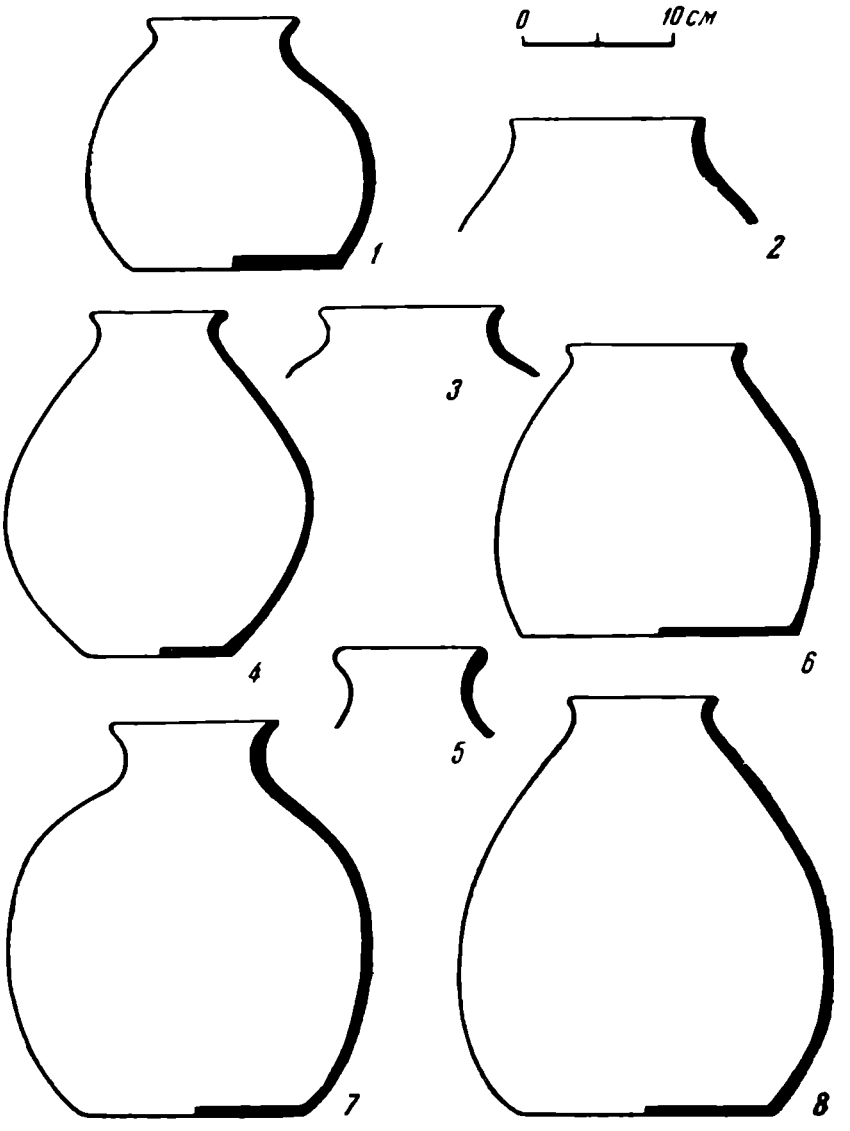

Рис. 7. Типы кувшинов из ферганских могил

1 — Ширин-сай; *3*, *5* — Исфара; *4* — Джангаил; *6*—*8* — Гур-мирон; *7* — Бор-Корбаз

сотрудником Ферганского областного музея археологом Н. Г. Горбуновой, вместе с остатками дерева и фрагментами человеческих костей найдены кувшины, аналогичные кувшинам из катакомбных могил (рис. 6, *14*). Прямые параллели рассматриваемой керамике есть также в материале, полученном археологическим надзором на строительстве Большого Ферганского канала. Земляными работами строительства было вскрыто большое количество поселений и могильников первых веков нашей эры с крас-

ноангобированной, с прочерченным орнаментом, керамикой и с типичными, знакомыми нам формами кувшинов (рис. 6, *2*, *15*). Ритуал погребения также сходен с катакомбными могилами (положение костяков, ориентировка и т. д.), но погребения, видимо, были в грунтовых ямах. В этих могилах найдены обычные ферганские биконические пряслица и характерные каменные острия. На поселении 13-го участка Большого Ферганского канала слои с красноангобированной керамикой с прочерченным орнаментом, залегают выше слоев с расписными чашами анаусского типа и ниже слоев времени, предшествующего арабскому завоеванию [1]. Большая часть могильников, вскрытых при работах на Большом Ферганском канале, непосредственно связывается с относящимися к ним поселениями. То же самое можно сказать о Найманском могильнике и находящемся поблизости от него поселении Таш-мазар. В 1,5 км от Бор-Корбазского могильника на двух открытых селищах собран материал, который дал образцы керамики, совершенно аналогичные керамике могильника, что также позволяет непосредственно связывать эти комплексы.

Таким образом, керамика катакомбных могил Ферганы находит массовые и полные аналогии в керамике всех известных в Фергане могильников и в керамике ферганских поселений первых веков нашей эры. Сходство наблюдается в формах сосудов (кувшины, чаши и др.), в характере отделки поверхности (красный ангоб, прочерченный орнамент, раскраска широкими полосами) и в технике изготовления.

Следует еще добавить, что типичные для катакомбных могил Ферганы биконические пряслица, отделанные красным или черным ангобом (рис. 3, *1*), найдены в кушанских слоях Мархамата, в материале поселений и могильников по трассе Южного Ферганского канала, в тепе района Уч-кургана и Нарынского совхоза, в тепе, городищах и могильниках по трассе Большого Ферганского канала и в ряде других поселений первых веков нашей эры. Фляги с плоским боком, найденные в Ширин-сае и Джангаиле, распространены в кушанское время от Южного Казахстана до Афганистана и от Среднего Зеравшана до востока Ферганы.

Таким образом, устанавливается, безусловно, местный,— выросший на местной основе и связанный с керамикой поселений земледельческой Ферганы,— характер основных типов керамики ферганских катакомбных могил.

Теперь выйдем за пределы долины и рассмотрим интересующую нас керамику с более широких позиций: сравним ее с керамикой земель, окружающих Фергану.

На западе, в Ташкентском оазисе аналогичны ферганским формы кувшинов из катакомб у Вревской [2]. Кувшин с носиком и ручкой из кургана № 5 (рис. 8, *10*) сходен с бор-корбазским (рис. 8, *17*), а орнаментирован он волнистой линией подобно ширин-сайским. Фляга с плоским боком из кургана № 2 аналогична всем сосудам этого типа. Она имеет горловину и венчик такие же, как у кувшинов ферганских катакомбных могил; миниатюрные сосудики курганов № 2 и 5 подобны сосудикам из косметических наборов Бор-Корбаза. Из кургана № 5 у Вревской происходит кружка с ручкой в форме зверя. Такая же кружка известна в Ширин-сае, а в других ферганских катакомбных могилах встречаются такого типа

[1] Т. Г. Оболдуева. Ук. соч., стр. 33,

[2] М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии Наук Узбекской ССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле станции Вревская в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1. Ташкент. 1951.

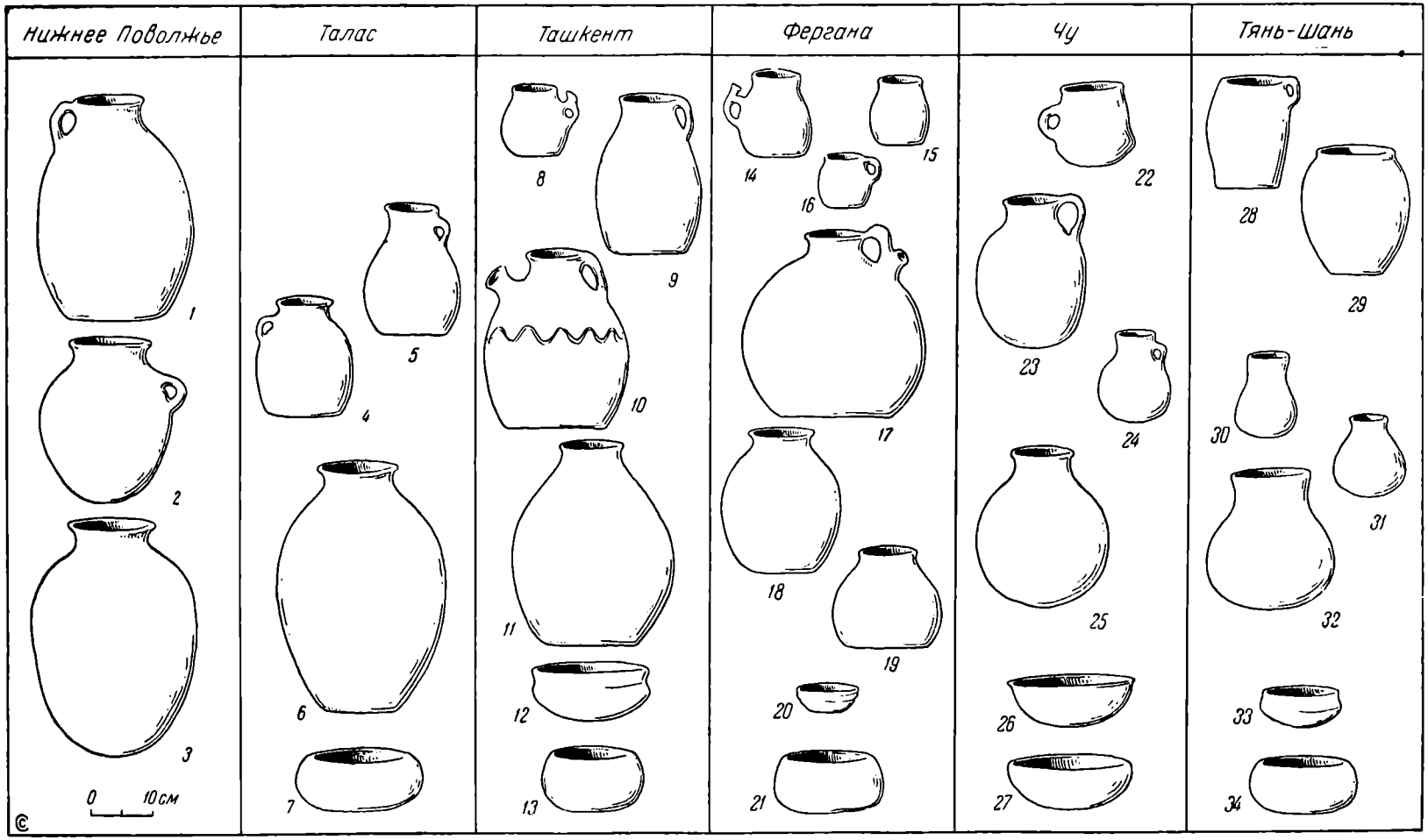

Рис. 8. Основные формы керамики катакомбных могил Ферганы и аналогичные формы керамики Нижнего Поволжья, Таласа, Ташкента, Чу и Тянь-Шаня

1 — с. Усатово, р. Еруслан, курган № 16; *2* — с. Бородаевка, курган № 6, погребение 2; *3* —с. Бородаевка, курган № 10, погребение 11; *4* — Кенкол, курган № 10; *5* — Чунг-тепе, курган № 18; *6* — Алта-бай, курган № 30; *7* — Айри-таи, курган № 3; *8* — Каунчи-тепе; *9* — Вревская, курган № 1; *10* — Вревская, курган № 5; *11* — Вревская, курган № 2; *12* — Каунчи-тепе; *13* — Бургулюк; *14* — Ширин-сай, погребение 28; *15* — Гур-мирон, курган № 9; *16* — Гур-мирон, курган № 9; *17* — Бор-Корбаз, курган № 1; *18* — Гур-мирон, курган № 9; *19*— Ширин-сай, погребение 24; *20* — Джангаил, курган № 3; *21* — Тюлейкен; *22* — Бурана, курган № 4, могила 3; *23* — Бурана, курган № 2; *24*— Бурана; *25* — Бурана, курган № 3; *26* — Бурана, курган № 1; *27* — Берк-кара; *28—29* — Кызарт, курган № 10; *30* — Аламышик, курган № 46; *31* — Соколовка, курган № 5; *32* — Джергес, курган № 2; *33* — Соколовка, курган № 5; *34* — Джергес, курган № 55

кружки, но с петлеобразными ручками. В Фергане такие кружки до сих пор находили как будто только в мужских погребениях. Кружки с ручками в виде фигурки зверя широко распространены в Ташкетском районе и в сармато-аланских комплексах первых веков до нашей эры — первых веков нашей эры [1]. Высокие кувшины с ручками из кургана № 1 у Вревской (рис. 8, *9*) сходны с аналогичными кувшинами Ферганы и Таласской долины.

В катакомбах Каунчи, датируемых первыми веками нашей эры, встречены известные и в Фергане формы кувшинов и кружек с ручками в виде зверьков (рис. 8, *8*), а в материалах Ташкентского канала — сосуды с процарапанным по красному ангобу орнаментом [2].

Катакомбы, раскопанные Т. Г. Оболдуевой на арыке Джун в районе Ташкента и датируемые III—IV веками н. э., также имеют ряд черт, роднящих их с катакомбами Ферганы и по конструкции могил, и по предметам вооружения и одежды, и по керамике. В джунских катакомбах найдены фляги с плоским боком.

На левом берегу Чирчика к востоку от с. Ореховского при работах на Ташкентском канале также были найдены погребения в катакомбах, аналогичные ферганским и по обряду и по инвентарю (ножи, пряжки, каменные стерженьки и графит, бронзовые зеркала, однолезвийные кинжалы и типичная, знакомая нам керамика — кувшины с нешироким горлом и отогнутым наружу венчиком, маленькие горшочки, миски и кружки с ручками в виде животных). Сосуды — лепные, с поверхностью, отделанной красным ангобом и лощением. А. И. Тереножкин датирует эти могилы временем с первых веков по V—VI вв. н. э.[3] Этот могильник увязывается с соседним одновременным ему поселением, в слоях которого найдена керамика, аналогичная керамике могильника, в частности кружки с ручками в виде животных.

Таким образом, ферганские катакомбные могилы связаны, как мы пытались показать, с одновременными им ферганскими поселениями, с катакомбами, а также и с поселениями Ташкентского района, относящимися к первой половине I тысячелетия н. э. Тесная взаимосвязь и почти полное сходство рассматриваемых памятников Ферганы с одновременными им памятниками Ташкента совершенно очевидны по целому ряду признаков, в том числе и по керамике. Однако полного тождества керамических форм Ташкента и Ферганы ждать не следует — каждый из этих районов имеет свои особенности. Ташкентская керамика первых веков нашей эры отличается от ферганской хотя бы, например, более широким распространением кубков с ручками в виде зверьков и несколько более стройными пропорциями кувшинов, причем преобладают кувшины с ручками.

Сходство керамики ферганских катакомбных погребений, как и всей вообще керамики Ферганы кушанского времени, с одновременной керамикой Ташкентского района это — первое, что необходимо отметить при сопоставлении памятников Ферганы и окружающих ее областей. Вторым, не менее важным, фактом является генетическая связь или, лучше сказать, родство керамики ташкентских катакомб и одновременных им поселений с керамикой бургулюкской культуры, связанной с усуньской культурой Семиречья II—I вв. до н. э. По этому поводу еще в 1940 г.

---

[1] Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 73.

[2] Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе. Ташкент, 1940. С датировкой Г. В. Григорьева согласиться нельзя. Нами принята датировка А. И. Тереножкина.

[3] А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. Узбекского филиала Академии Наук СССР, 1940, № 9, стр. 30—36.

А. И. Тереножкин в отчете о работах на Ташкентском канале писал: «Глиняная посуда усуней отличается от бургулюкской лишь большим разнообразием форм и приближается в этом отношении к керамическим изделиям Ташкентской области первых веков нашей эры» [1]. Это совершенно верно, и теперь можно констатировать, что керамика ферганских катакомб связана, с одной стороны, с керамикой одновременных им и более ранних ферганских поселений и, с другой стороны,— с одновременной ей керамикой Ташкентского района, которая в свою очередь генетически связана с более ранней местной керамикой и с керамикой усуньского круга. Следовательно, в вопросе происхождения керамики ферганских катакомбных могил следует учитывать ее связь с усуньской керамикой. К этому же заключению приводит и прямое сопоставление ранней ферганской керамики с усуньской. Но об этом несколько ниже.

Теперь обратим внимание на район Нижнего Поволжья, на широко распространенные там подбойные захоронения, сходные с ташкентскими и ферганскими не только по конструкции могил, но и по положению костяков и их ориентировке, наличию деревянных досчатых гробовищ, деревянных настилов или цыновок, наличию в подавляющем большинстве погребений,— если не во всех,— отдельных костей барана, положенных вместе с железным ножом на деревянное блюдо на ножках у головы покойника, по составу предметов вооружения (трехперые наконечники стрел, костяные накладки на лук, кинжалы, иногда мечи), по женским косметическим наборам и ювелирным изделиям, по наличию изделий из янтаря и, наконец, по керамике.

Для нижневолжских подбойных могил III—I вв. до н. э. характерны, наряду с другими, две формы керамических изделий: среднего размера круглодонные кувшины с яйцевидным корпусом и сравнительно узким горлом, с отогнутым наружу венчиком (рис. 8, *3*), и кувшины несколько меньших размеров аналогичной формы, но более приземистые и с петлеобразной ручкой (рис. 8, *2*). Приблизительно на рубеже нашей эры или в первые века нашей эры эти кувшины сменяются кувшинами той же формы, но с плоским дном (рис. 8, *1*), которые бытуют в нижнем Поволжье в I—III вв. н. э.[2] Эти кувшины очень похожи на аналогичные кувшины катакомбных погребений Ташкентского района и Таласской долины (материалы Гейкеля, рис. 8, *5*, *6*) [3], например Кенкольского могильника (рис. 8, *4*) [4]. Так как нижневолжские подбойные могилы III в. до н. э.— III в. н. э. вообще во многом сходны со среднеазиатскими катакомбными могилами, то сходство их следует считать не случайным. Особенно сходны ферганские кувшины с нешироким горлом и отогнутым наружу венчиком с нижневолжскими круглодонными кувшинами. Уместно вспомнить и бор-корбазские кувшины, вылепленные в технике круглодонных сосудов с последующим уплощением дна (рис. 2, *4*), датируемые II—IV вв. н. э. Нижневолжские кувшины с округлым дном относятся к III—I вв. до н. э., и поэтому кажущееся их отличие от плоскодонных ферганских кувшинов только роднит, а не отдаляет данные формы. В плоскодонных бор-корбазских кувшинах, вылепленных в технике круглодонной посуды, и во всех аналогичных формах посуды ферганских катакомб (а также и поселений)

[1] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 33.

[2] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Ученые записки Саратовского гос. университета, т. XVII, выпуск исторический, Саратов, 1947, стр. 14 и 20.

[3] H. Heikel. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Travaux Ethnografiques, VII, Helsinki, 1918.

[4] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940.

живет традиция круглодонной посуды, бытовавшей в III—I в. до н. э. в степях Нижнего Поволжья, Приуралья и Семиречья (рис. 8, *2*, *3*). В усуньских курганах, раскопанных М. В. Воеводским и М. П. Грязновым в Чуйской долине и датируемых временем с III в. до н. э. и не позднее I в. н. э. [1], найдены кувшины с яйцевидным корпусом, сравнительно узким горлом, с отогнутым наружу венчиком (рис. 8, *23—25*). К формам этих кувшинов восходят формы более поздних таласских, ташкентских и ферганских плоскодонных кувшинов с округлым корпусом и отогнутым наружу венчиком на сравнительно узком горле. Возможно, что в этом же аспекте следует рассматривать круглодонную кружку-кубок с небольшой петлеобразной ручкой из третьего погребения кургана № 4 буранинской группы (рис. 8, *22*) [2] и видеть в ней аналогию ферганским кубкам с петлеобразными ручками и кружкам с ручками в виде фигурок животных.

Переходим к восточным районам. Сравнение керамики катакомбных могил Ферганы с керамикой Тянь-Шаня и Алая, к сожалению, может быть проведено лишь на очень ограниченном материале, так как в настоящее время здесь известно лишь очень небольшое количество сосудов. Керамика катакомбных могил Тянь-Шаня и Алая представлена несколькими горшками банкообразной формы с плоским дном (рис. 8, *28*, *29*) или небольшими круглодонными лепными горшочками с высоким прямым горлом (рис. 8, *30*). С банкообразными горшками Тянь-Шаня (Бурмачап, № 11, Кызарт, № 10; рис. 8, *29*, *30*) могут быть сопоставлены два сходной формы небольших горшка из кургана № 9 Гур-мирон (рис. 8, *15*, *16*). Один из них — с петлеобразной ручкой, аналогичной ручке сосуда из кургана № 10 Кызарт, другой — без ручки. Оба эти горшка сделаны, как и тянь-шаньские, из грубого теста, только у тянь-шаньских черепок в изломе черный, у ферганских — серый. Аналогичной формы банкообразный сосуд известен из насыпи одного из курганов Кенкола [3].

Со вторым типом керамики тянь-шаньских катакомбных могил,— горшочками с высоким, прямым горлом,— ферганская керамика прямых аналогий не имеет. Сопоставление можно провести, если воспользоваться в качестве промежуточной ступени усуньской керамикой Чуйской долины, где эти горшки с прямым горлом бытуют вместе с керамикой, аналогичной керамике катакомбных могил Ферганы. Кувшины с округлым корпусом, близкие ферганским, встречаются в тянь-шаньских грунтовых, перекрытых деревянными накатами, могилах II в. до н. э.— II в. н. э. Таковы, например, два сосуда из кургана № 5 Соколовки и один сосуд из кургана № 2 Джергеса (рис. 8, *31*, *32*). По форме корпуса и слегка отогнутому венчику они могут быть сопоставлены с ферганскими кувшинами с округлым туловом. Из кургана № 5 Соколовки происходит шесть или семь открытых круглодонных мисок с небольшим переломом корпуса приблизительно на половине высоты (рис. 8, *33*). В более ранних погребениях Тянь-Шаня профиль аналогичных мисок несколько иной: нет перелома на корпусе и края иногда загнуты внутрь (рис. 8, *34*) [4]. Эти формы, несомненно, родственны, с одной стороны, аналогичным сако-усуньским формам Чуйской долины и Южного Казахстана (рис. 8, *7*, *26*, *27*), с другой,— бургулюкской керамике Ташкентского района (рис. 8, *12*, *13*) и, наконец, аналогичным формам керамики Ферганы, где также для раннего времени,

[1] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3 (4).

[2] Там же.

[3] А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 16, табл. XIII, *2*.

[4] Его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, № 26, 1952, стр. 53, 61 и 63.

т. е. до рубежа нашей эры, характерны круглодонные миски с загнутыми внутрь краями (рис. 8, *21*) или прямыми стенками; для более же позднего времени, т. е. приблизительно с рубежа нашей эры или с I в. до н. э., характерны более развитые формы этих мисок с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком с одним, а иногда и двумя, переломами корпуса (рис. 8, *20*).

Эти миски, как простого, так и усложненного профиля, распространены на широкой территории, охватывающей Южный Казахстан, Тянь-Шань и Фергану [1].

Алай еще более беден керамикой, чем Тянь-Шань. Мелкие фрагменты горшков, найденных при раскопках Кургакского могильника в Чон-Алае, слишком невыразительны. Правда, в одном из курганов Кургака был найден черепок красного лощения. В грунтовой могиле последних веков до нашей эры под Дараут-Курганом (крайний запад Алайской долины) найден небольшой горшок с округлым корпусом и слегка отогнутым венчиком на не особенно широком горле, несколько напоминающий ферганские кувшины с округлым корпусом.

Констатируя сходство катакомбных могил Ферганы с катакомбными могилами Тянь-Шаня и Алая, следует отметить, что керамика последних не имеет того разнообразия форм, какое наблюдается в Фергане, и прямые аналогии можно найти только для одной формы — для банкообразных грубых горшков. Теснее керамика катакомбных могил Ферганы связывается с керамикой более ранних могил Тянь-Шаня. Однако даже этот расплывчатый вывод требует еще подтверждений вследствие крайней ограниченности керамического материала из катакомбных могил Тянь-Шаня и Алая первой половины I тысячелетия н. э.

Весь анализ материала показывает, что кувшины с округлым корпусом и сравнительно узким горлом с отогнутым наружу венчиком, типичные для катакомбных могил Ферганы, аналогичны, а иногда и идентичны соответствующим кувшинам ферганских поселений и могильников эпохи расцвета Ферганы на рубеже и в первых веках нашей эры. По форме эти кувшины восходят к более древним кувшинам грубой ручной лепки с неправильно-грушевидным корпусом и сравнительно нешироким горлом, с отогнутым наружу венчиком, которые находятся в слоях вместе с крашеной керамикой анаусского типа. В рассматриваемой керамике также продолжают жить приемы приготовления теста с растительными примесями, характерные для ранней ферганской керамики. Формы открытых чаш катакомбных могил также аналогичны формам открытых чаш ферганских поселений. Все без исключения керамические формы, происходящие из катакомбных могил Ферганы, находят аналогии в синхронных им ферганских поселениях.

[1] Отдельные экземпляры мисок такого типа были найдены в погребениях 4, 5 и 9 могильника Туп-хона (МИА, № 15, табл. 83, *4*; 87, *1*; 88, *1*), датируемых началом нашей эры. Следует еще отметить, что на городище Кей-кобад-шах, в слоях, близких к рубежу нашей эры, среди большого количества керамики, формы которой увязываются с древними местными формами, найдены фрагменты кружек с ручками в виде зверьков и фрагменты кувшинов, аналогичных ферганским и тянь-шаньским. Эти формы,— и кувшины, и круглодонные миски, и кружки с ручками в форме зверьков (№ 75—77, 105, 106, 108, 109, 114, 130, 131, 147, 157, 158 сводной стратиграфической таблицы археологического материала Кобадиана, составленной М. М. Дьяконовым),— не связаны ни с одновременной им, ни с более ранней керамикой Кобадиана. Представляется возможным предположить, что появление этих форм на Аму-дарье связано с передвижением юэчжийских племен. Это важное наблюдение я смог сделать благодаря любезности М. М. Дьяконова, давшего мне возможность ознакомиться как с самим материалом его раскопок в Кобадиане, так и со сводной стратиграфической таблицей, им составленной.

Сопоставление ферганского материала с материалом Ташкентского района говорит о тесных связях этих районов в течение длительного периода, охватывающего по меньшей мере I тысячелетие до н. э. и первую половину I тысячелетия н. э. Это явствует из сходства всего керамического материала. Отличие Ташкентского района от Ферганы — в том, что в ташкентской керамике четко выражены сарматские элементы (например, широкое распространение кубков с зооморфными ручками и кувшинов с петлеобразными ручками), тогда как в Фергане эти элементы только ощутимы. В плане западных и северо-западных параллелей круглодонные сарматские горшки и сходные с ними аналогичные усуньские также являются исходными формами ферганских плоскодонных кувшинов, среди которых встречаются экземпляры, изготовленные в технике лепки круглодонных сосудов с последующим уплощением дна.

Керамика Тянь-Шаня, одновременная керамике ферганских катакомбных могил, представлена еще недостаточным количеством сосудов, что не позволяет пока делать четкие заключения. Однако, наряду со сходством конструкции могильных ям и погребального ритуала, можно также констатировать сходство для этих районов некоторых типов сосудов, например банкообразных горшков и открытых мисок. Также следует отметить, что керамика ферганских катакомбных могил находит некоторые аналогии в усуне-юэчжийской (по определению А. Н. Бернштама) керамике Тянь-Шаня.

* * *

Таким образом, анализ керамических изделий позволяет сделать следующие выводы.

Керамика ферганских катакомбных могил, в основе своей идентичная керамике поселений времени расцвета Ферганы на рубеже и в первых веках нашей эры, связывается со всей кушанской керамикой вообще. Она сложилась на основе древней местной керамики и в своем происхождении тесно связана с керамикой усуньских и сармато-аланских племен. В этом отразились крупные события, связанные с передвижением юэчжийских племен и образованием кушанского государства. Данные письменных источников в этом отношении вполне согласуются с результатами наблюдений над керамическим материалом. Однако анализ только керамического материала, хотя и приобретает весьма важное значение, но одновременно выдвигает задачу привлечения более широкого круга археологических источников и делает необходимым комплексное их изучение.

Д. И. БЛИФЕЛЬД

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ДРУЖИННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ В СРУБНЫХ ГРОБНИЦАХ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ IX—X вв.

В могильных древностях восточнославянских племен IX—X вв. четко выделяется своеобразный тип погребения, вошедший в науку, благодаря особенностям обряда и инвентаря,— в частности, вооружения,— под названием «погребений дружинников» или «дружинных погребений». Употребляя этот термин, мы разумеем под ним захоронения представителей господствующего класса раннефеодального Киевского государства.

Славянская принадлежность дружинных погребений для советской археологии — вопрос, окончательно решенный. Однако он усложняется наличием в одних и тех же могильниках среднего Приднепровья, в одних и тех же хронологических рамках, двух типов погребений. Наряду с широко известными дружинными погребениями с трупосожжением, имеются дружинные погребения с трупоположением обычно в деревянных гробницах, чаще всего в виде сруба, известные в могильниках Чернигова, Киева и других. Чем объяснить эту двойственность дружинных погребений? Если дружинные погребения с сожжением принадлежат, несомненно, славянам, то кому принадлежат дружинные погребения в срубах, тем более что яркое своеобразие обряда этих захоронений резко отличает их от обычных захоронений языческой поры? Если эти погребения принадлежат также славянам, в чем у большинства исследователей сомнений нет, то какому именно племени?

Этот вопрос не был предметом специального исследования с охватом всего материала, но при рассмотрении отдельных памятников его касался ряд исследователей.

Д. Я. Самоквасов считал погребения в деревянных гробницах одним из типов северянских погребений [1]. К этой мысли склонялись также П. И. Смоличев [2] и Я. В. Станкевич [3] относительно исследованных ими погребений Шестовицкого могильника (вблизи Чернигова). Названные

[1] Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908, стр. 16—17.

[2] П. Смоличев. Подвійні поховання X ст. коло с. Шестовиці на Чернігівщині. Записки Чернігівського наукового товариства, Праці історико-краєзнавчої секції, Чернігів, 1931, стор. 56.

[3] Я. В. Станкевич. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, 1949, стр. 56.

авторы исходили, однако, не столько из анализа материала, сколько из традиционного определения территории северянского племени; при этом наличие большого количества подобных погребений в Киеве — на территории, явно не северянской,— не учитывалось и не объяснялось. Игнорировался также и факт сосуществования погребений указанного типа с погребениями с трупосожжением. Правда, Я. В. Станкевич, обратив на это внимание, указывает, что «хронологическое сосуществование двух различных обрядов погребения в Шестовицком могильнике, видимо, объясняется различиями в основных занятиях и способе жизни погребенных»[1]. Но такой вывод крайне неопределенен и, по существу, ничего не объясняет.

Погребениям в деревянных гробницах Шестовицкого могильника посвятил специальную статью шведский археолог Арне. Видный представитель пресловутой норманистской теории, он утверждал, что и в шестовицких могилах «похоронены скандинавы», а не северяне. Арне ссылается при этом на многочисленность вещей «северного происхождения» и на аналогичность обряда погребения некоторым погребениям из Скандинавии (Бирке, Гедебу)[2]. Что касается «многочисленных вещей скандинавского происхождения», то это чистейшая натяжка. В действительности есть только несколько единичных вещей, о «скандинавском происхождении» которых можно в какой-то мере говорить, но они вкраплены в комплексы, состоящие из огромной массы вещей, чисто местных. Эти предметы представляют собой, конечно, не что иное, как обычные импортные вещи; они также не могут служить основанием для этнических определений, как и найденные наряду с ними вещи восточного импорта.

Обряд погребения, при всей его близости к погребениям отмеченных выше могильников Скандинавии, имеет также немало отличий. Ни в шестовицких, ни в других погребениях этого типа среднего Поднепровья, ни разу не встречены такие характерные для погребений Скандинавии черты, как, например, наваленные на перекрытие камни, сооружение деревянной камеры в насыпи кургана, и т. п.К тому же шестовицкие погребения вовсе не единичны, как это полагает Арне, а относятся к типу погребений, хорошо известному в области среднего Поднепровья, и могут быть правильно осмыслены только при учете всего материала в целом.

«Важный исторический вопрос о племенной принадлежности срубных гробниц IX—X вв.» был «затронут попутно» на материале Чернигова Б. А. Рыбаковым, высказавшимся по этому вопросу несколько подробнее других. Мысли Б. А. Рыбакова сводятся к следующему: 1. «Ни о каком варяжском происхождении владельцев срубных гробниц не может быть и речи». 2. «Далеким прототипом срубных гробниц на этой территории являются скифские курганы». 3. При объяснении сосуществования двух обрядов в дружинных курганах — трупосожжения и срубных гробниц следует «учесть возможность племенных скрещиваний, особенно легких на границе двух природных зон, где расположен Чернигов».

Ссылаясь на многообразие названий черниговского воинства в «Слове о полку Игореве», Б. А. Рыбаков предполагает, «что курганы с сожжением, близкие к северным смоленским (Гнездово), это погребения славянских, русских былей и могутов, а курганы со срубными гробницами, известные только в южной части Руси, это погребения славянизированных шельбиров и ольбиров, жителей черниговских степей,

[1] Я. В. Станкевич Ук. соч., стр. 56. (подчеркнуто мною.— *Д. Б.*).

[2] T. I. Arne. Skandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraïne. «Acta Archaeologica», Bd. II, 3. Kopenhagen, 1931, стр. 285—302.

потомков древних кочевых племен, ассимилированных земледельцами славянской лесостепи и в IX—X вв. по своей культуре не отличавшихся от остального населения Чернигова, но сохранивших особый обряд погребения и некоторые социальные термины». Этих «славянизированных шельбиров и ольбиров» автор, видимо, все же славянами не считает: «немногочисленная примесь «племени срубных гробниц» (в основном селившегося вне Чернигова) не нарушала с л а в я н с к о г о (подчеркнуто мною.— *Д. Б.*) характера черниговского некрополя» [1].

Генетическая увязка погребений в деревянных гробницах IX—X вв. с погребениями скифского времени, на которую указывают Б. А. Рыбаков и ряд других исследователей, не имеет под собой серьезных оснований. Исследователей здесь прельщало даже не столько внешнее (очень, впрочем, отдаленное) сходство обоих типов погребений, сколько, видимо, общая схема славянского этногенеза. Однако нельзя забывать, что между скифскими погребениями и дружинными IX—X вв. лежит более тысячи лет. За это время и сам курганный обряд захоронения сменился обрядом захоронения бескурганным, господствовавшим с конца I тысячелетия до н. э. и почти до конца I тысячелетия н. э., когда появляются уже древнерусские курганы. К этому следует добавить, что в погребальных памятниках I тыс. н. э. мы не имеем таких, которые могли бы служить связующими звеньями между погребениями скифской поры и дружинными погребениями Киевской Руси.

Трудно поэтому допустить, чтобы обряд, не практиковавшийся в течение многих веков, был в какой-то мере связан с обрядом, появившимся только в IX—X вв. Эти явления не стоят ни в какой связи друг с другом. Поэтому никак нельзя согласиться и с мнением М. И. Артамонова, что сопоставление курганов типа больших гнездовских или черниговских, как Черная Могила, Гульбище, с богатыми скифскими погребениями второй половины I тысячелетия до н. э. «вполне правомерно», вывод же из этого сопоставления о том, «что в этих памятниках отражаются представления одного порядка, соответствующие однородным социально-экономическим отношениям» [2], совершенно неверен.

То же самое следует сказать и о попытках увязать дружинные погребения в деревянных гробницах с погребениями других этнических групп, в частности с кочевыми племенами степи. Здесь мы имеем тоже только внешнее сходство отдельных явлений, но не их сущности. Конь в погребениях степных кочевников отражает хозяйственную основу их жизни — скотоводство и связанный с ним кочевой быт, а тот же конь в дружинных погребениях отражает только воинскую принадлежность погребенного, т. е. выступает как показатель не этнического, а социального порядка.

Изложенные попытки решения вопроса об исторической сущности погребений в деревянных гробницах IX—X вв. не могли привести к положительному результату, так как решение этого вопроса покоилось, по существу, на чисто формальном сопоставлении внешних черт сходства без попытки вникнуть в сущность данных памятников. Исследователи, конечно, не могли пройти мимо вопроса о социальной принадлежности этих погребений, но ограничивались в этом направлении только признанием их погребениями дружинной знати, отнюдь не связывая этого заключения с решением вопроса об этнической принадлежности этих погребений.

Мне представляется, что решение поставленного вопроса возможно только при условии точного определения прежде всего именно их со-

[1] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, МИА, № 11, 1949, стр. 52—53.
[2] М. И. Артамонов. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. КСИИМК, VI, 1940, стр. 9.

циального, классового характера и различий этих погребений в данном отношении. При этом само собой разумеется, что рассматривать эти погребения необходимо не изолированно, не в отрыве от данного могильника, а, наоборот, с учетом всех видов погребений, входящих в состав данного могильника к к конкретного исторического комплекса.

* * *

Впервые погребения в деревянных гробницах-срубах были обнаружены Д. Я. Самоквасовым в 1870—1878 и 1908 гг. в могильниках Чернигова и его окрестностей [1]. Впоследствии такие же погребения были обнаружены близ Чернигова другими исследователями, в частности П. И. Смоличевым (1925—1927 гг.) [2] и Я. В. Станкевич (1946 г.) [3] у с. Шестовицы. Большое количество этих погребений обнаружено и в Киеве [4]. Относительно последних следует заметить, что в значительной части они дошли до нас в поврежденном состоянии, а некоторые из них были обнаружены случайно и археологически не исследованы. Поэтому во многих случаях мы имеем далеко не полные комплексы инвентаря и довольно скудные данные о погребальном обряде. Однако теперь дружинные погребения с трупоположением в деревянных срубах известны уже в значительном количестве, и их характер может быть вполне восстановлен.

Прежде всего следует отметить само могильное сооружение, состоящее из большой могильной ямы, размером примерно от 2 × 1,5 м до 3 × 4 м, и деревянной камеры или гробницы, конструкция которой не всегда одинакова. В некоторых случаях деревянная камера сооружена в виде сруба, сложенного из бревен. В других, как, например, в Шестовицком могильнике, деревянная камера состоит из угловых столбов и обшивки из плах. Камеры имели, видимо, деревянное перекрытие, конструкция которого не вполне ясна. Можно только отметить деревянный накат, упоминаемый в ряде случаев. Существенными элементами обряда следует считать сопровождение покойника насильственно умерщвленной женщиной и конем. Оба эти элемента выступают в различных комбинациях, но далеко не всегда.

В общем дружинные погребения в деревянных камерах могут быть разделены на 4 группы:

1. Одиночные погребения воина. Встречены четыре раза: в Левенке, возле Стародуба — 2, в Седневе, близ Чернигова — 1 и в Киеве — могильник I — 1 [5]

Наиболее богатым в этой группе оказалось погребение Киевского могильника I. Обнаружено оно при земляных работах в 1892 г. (б. усадьба Трубецкого, Владимирская, 1). Могильная яма — прямоугольной формы, довольно значительных размеров — 2,80 × 2,10 м. Могильное сооружение представляет собой сруб, сложенный из дубовых бревен и перекрытый

[1] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908; его же. Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда. М., 1916; его же. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917.

[2] П. Смоличев. Ук. соч.

[3] Я. В. Станкевич. Ук. соч.

[4] См. сводку в работе Л. А. Голубевой «Киевский некрополь» — МИА № 11.

[5] Рассматриваемые в данной статье киевские погребения относятся к двум могильникам, обозначенным нами для краткости и удобства изложения римскими цифрами I и II. Могильник I — могильник на Старо-Киевской горе (близ Десятинной церкви и район, к ней прилегающий) связан с древнейшим городищем к северо-западу от Десятинной церкви. Могильник II — могильник на Кирилловских высотах и у их подножья, связан с городищем на горе Щекавица.

такими же бревнами в виде наката. Дно выстлано досками. При костяке, лежавшем головой на север, найдены: меч, наконечник копья, истлевший лук и колчан из луба, обтянутый кожей и украшенный прямоугольными костяными пластинками, с 50 наконечниками стрел разной формы [1].

В трех других погребениях этой группы срубы были меньших размеров — 2,10 × 1,40; 2,10 × 1,70 м. Оружие представлено в Седневе боевым топором и копьем, а в Левенке — только боевыми топорами. В двух случаях найдены железные оковки деревянного ведра, овальные фибулы и некоторые другие мелкие вещи [2]. Это наиболее простые погребения дружинного типа. Они выделяются из рядовых погребений только могильным сооружением и предметами вооружения.

2. Погребения воина с конем. Встречены всего 6 раз: в киевском могильнике I — 4, в могильнике II — 1; в Гущине, близ Чернигова — 1.

Из этой группы лучше всего сохранилось погребение в Гущине. Это был самый большой курган в могильнике — 18 м в диаметре и 4,25 м высотой. Могильная яма — глубиной 1 м, квадратная в плане (2,84 × 2,84 м). Костяк — на спине, головой на запад; рядом с ним, по левую сторону, взнузданный и оседланный конь. При погребении найден довольно значительный инвентарь: наконечник копья, топор, железный серп, ножик, оселок, кресало с кремнем, остатки пояса с бронзовыми бляшками, бронзовые пуговицы, оковки деревянных ведер, стремена, удила, пряжка от подпруги и глиняный горшок [3].

Погребения из Киева в большинстве своем сохранились плохо. В могильнике I конструкция могильного сооружения прослежена только в одном случае в погребении, исследованном в 1939 г. при раскопках Десятинной церкви. Склеп представлял собой сруб из деревянных колод, сложенных «в обло», и был перекрыт накатом из таких же колод, лежавших в два ряда перпендикулярно друг к другу. Сруб — шириной 2,6 м, длиной не менее 2,80 м и высотой 1,40 м. Погребение сильно разрушено: от костяка сохранилась только нижняя часть. Конь не сохранился вовсе. О его присутствии свидетельствуют удила, стремена и остатки сбруи. Инвентарь сохранился, видимо, также не полностью. Кроме перечисленных выше предметов конского снаряжения, здесь обнаружены: наконечник копья, боевой топор, колчан не менее чем с 20 наконечниками стрел, несколько поясных бляшек, оковка железного ведра и обломки глиняного сосуда [4].

Остальные погребения этой группы указанного могильника обнаружены случайно, при разных земляных работах, и сведения о них весьма неполны, особенно в отношении обрядовой обстановки. О характере могильного сооружения сведений нет. Наиболее интересным из них является погребение, обнаруженное в 1900 г. вблизи Золотых ворот. По собранным позднее В. Гезе сведениям, погребение было с конем. Сохранившийся частично инвентарь поражает богатством: меч с рукояткой, обложенной серебром с чеканным узором из пальметок и плетения, боевой топор с широким лезвием и клиновидным обушком, кинжал с костяной рукояткой, украшенной резным орнаментом, остатки кожи — от панцыря или

[1] И. В. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1892, стр. 40—41.

[2] Д. Я. Самоквасов. Могилы..., стр. 205, 208; его же. Могильные древности..., стр. 81—83, 85—86.

[3] Д. Я. Самоквасов. Могилы..., стр. 193—195.

[4] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 85—93.

седла с многочисленными бляшками (около 40 штук), 40 арабских монет и многие другие вещи [1].

О погребении, обнаруженном в 1878 г. во дворе Софийского собора, известно только, что костяк с конем лежали на угольной прослойке, в лессе, на глубине 2,80 м. Из находок отмечены только железные стремена и кинжал или наконечник копья [2].

Не совсем понятным представляется погребение с конем, обнаруженное в 1892 г. [3], где, кроме миски с покрытым поливой дном, амфоры и клыка кабана, на шее погребенного найдена серебряная, витая из трех проволок гривна, что может связываться с погребением женщины. К тому же предметы вооружения представлены только одним наконечником стрелы. Здесь, впрочем, следует учесть, что сведения эти, основанные только на наблюдениях И. В. Хойновского за земляными работами, не могут считаться достаточно полными и точными. О погребении этой же группы из Киевского могильника II мы имеем также весьма скудные сведения, так как обнаружено оно случайно при земляных работах (1876 г., б. усадьба Марра, ул. Фрунзе). Из находок отмечены: меч, наконечник копья, топор, 8 наконечников стрел, «верхняя часть железного шишака» (возможно, умбон), два стремени и бронзовая пряжка с серебряной насечкой [4].

Эта группа погребений, по существу, сближается с погребениями предыдущей группы, отличаясь от нее несколько бо́льшим богатством инвентаря и более сложным обрядом погребения, характеризующим, однако, воинскую принадлежность погребенного.

3. Погребения воина с женщиной. Встречены всего три раза — в Киеве, в могильнике I и, к сожалению, сохранились плохо.

Лучше всего сохранилось погребение, исследованное в 1946 г. вблизи места Батыевых ворот древнего Киева (Б. Житомирская, 4). В могильной яме размером 3 × 1,70 м сохранились остатки деревянного склепа, в виде сруба с вбитыми по углам столбами и деревянным перекрытием из бревен, положенных в перекрест. Костяки, лежавшие головой на север, сохранились очень плохо; от женского костяка, лежавшего слева от мужчины, остался только череп. При мужском костяке обнаружены: меч, остатки колчана с наконечниками стрел, какой-то железный предмет,— возможно, наконечник копья,— и несколько бронзовых пуговиц [5].

Два других погребения обнаружены здесь же, поблизости (б. усадьба Трубецкого): одно в 1892 г. и второе в 1927 г. В последнем случае характер и размер могильного сооружения неизвестны. Мужчина лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, женщина — на левом. При захоронении мужчины, кроме обычных при мужских захоронениях железного ножа и точильного бруска, найдены наконечник копья, два наконечника стрел и обрывки кольчуги. При женском костяке были золотая трехбусинная серьга, серебряная ажурная привеска, бронзовый перстень и пять обломков стеклянных браслетов [6]

---

[1] В. Гезе. Заметки о некоторых киевских древностях. ЗОРСА, т. VII, вып. 1. СПб., 1905, стр. 143; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, стр. 22—23, табл. XX.

[2] П. Г. Лебединцев. О раскопках на Софийском дворе в 1878 г. Чтения в Историческом об-ве Нестора Летописца, кн. 2. Киев, 1888, стр. 64; Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 36.

[3] И. В. Хойновский. Ук. соч., стр. 28—29; Л. А. Голубева в своей сводке (Киевский некрополь, стр. 113) не отмечает погребение коня, хотя источником служит та же публикация И. В. Хойновского.

[4] Чтения в Историческом об-ве Нестора Летописца, кн. 1. Киев, 1879, стр. 252—253.

[5] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 182—184.

[6] Л. А. Голубева. Ук. соч., стр. 115.

В погребении 1892 г. характер могильного сооружения не ясен. В публикации отмечено только, что костяки лежали на подстилке из досок. Инвентарь не имеет типично-дружинного характера, что, возможно, объясняется плохой сохранностью погребения и особыми условиями исследования. В инвентаре отмечены: бронзовый перстень с изображением цветка на щитке, костяной наконечник стрелы, большая амфора и остатки стеклянного сосуда [1].

Кроме перечисленных, следует отметить еще два парных погребения из могильника древнего города Плиснеска (с. Подгорцы) близ г. Буска Львовской области, находящегося, собственно, за пределами Приднепровья, на западной окраине Русской земли [2]. О могильных сооружениях сведений нет. Оба погребения довольно богаты. При мужских и женских костяках найдены предметы украшения, в том числе золотые, оковки деревянных ведер и некоторые другие вещи. При мужских костяках, кроме того, найдены предметы вооружения, в одном случае — меч, кольчуга из железных колец, нашитых на ткань, в другом — меч, железный топор. Судя по бронзовому наконечнику ножен меча [3] и серебряному равноконечному кресту с тройными колечками на концах, погребения эти, может быть, несколько более поздние, возможно,— начала XI в.

Этот тип погребения зафиксирован у славян-русов и письменными источниками, в частности в известиях восточных авторов. Особенно хорошо он описан у Ибн-Русте — автора середины X в. «Когда умирает кто-нибудь знатный из них,— пишет он,— роют ему могилу подобно обширному дому и кладут его туда. Кладут вместе с ним одеяние его тела, золотые браслеты, большое количество пищи, кувшины с питьем, чеканенные монеты. Кладут вместе с ним и жену, которую он любил, а она еще живая. Закрывается за ней дверь могилы и она умирает там» [4].

4. Погребения воина с женщиной и конем. Встречены 6 раз: в Киеве, могильник I — 1, в Черниговском могильнике на Болдиных горах — 1 [5], в Шестовице — 4.

Лучше всего погребения этой группы представлены в Шестовицком могильнике (рис. 1) [6]. По своим размерам могильные ямы превосходят предыдущие погребения (в среднем 3 × 4 м), и деревянные сооружения их имеют более сложную конструкцию [7]. Обычно по углам ставились 4 столба, в пазах которых укреплялась обшивка стен, из деревянных плах. Пол имел также деревянную обшивку. Характер перекрытия неизвестен. Женщина обычно лежит с левой стороны от мужчины. В положении костяков отмечаются следующие вариации: в двух случаях оба костяка вытянуты на спине, в одном случае мужчина — в вытянутом, женщина — в сидячем положении и в одном случае оба костяка — в сидячем положении. Конь, чаще всего оседланный и взнузданный, располагается в ногах погребенных.

Инвентарь в этих погребениях обычно весьма богат и разнообразен. При мужских костяках во всех случаях обнаружены: мечи, так называе-

[1] И. В. Хойновский. Ук. соч., стр. 24.

[2] B. Janusz. Zabytki przedhistoryczne Galicyi Wschodniey. Lwów, 1918. стр. 283—286.

[3] Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в. СА, XIII, 1950, стр. 68, табл. I, рис. 39.

[4] Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 270.

[5] В другом большом кургане этого могильника было, видимо, такое же погребение, но оно осталось недоследованным.

[6] П. И. Смоличев. Ук. соч.

[7] В публикации погребения, раскопанного Я. В. Станкевич в 1946 г., могильное сооружение не отмечено.

мого франкского типа, железные наконечники копий, остатки луков и железные наконечники стрел. Весьма типичными для мужских погребений являются также богатые наборы поясных блях. При женских погребениях обычными находками являются украшения, иногда очень дорогие: множество бус, лунницы, перстни и пр. При конских костяках встречается обычная конская сбруя: удила и уздечки, остатки седел, стремена и пр. Иногда здесь же встречается большое количество разных бляшек, украшавших сбрую. Наконец, почти во всех погребениях этого типа встречаются остатки деревянных ведерок.

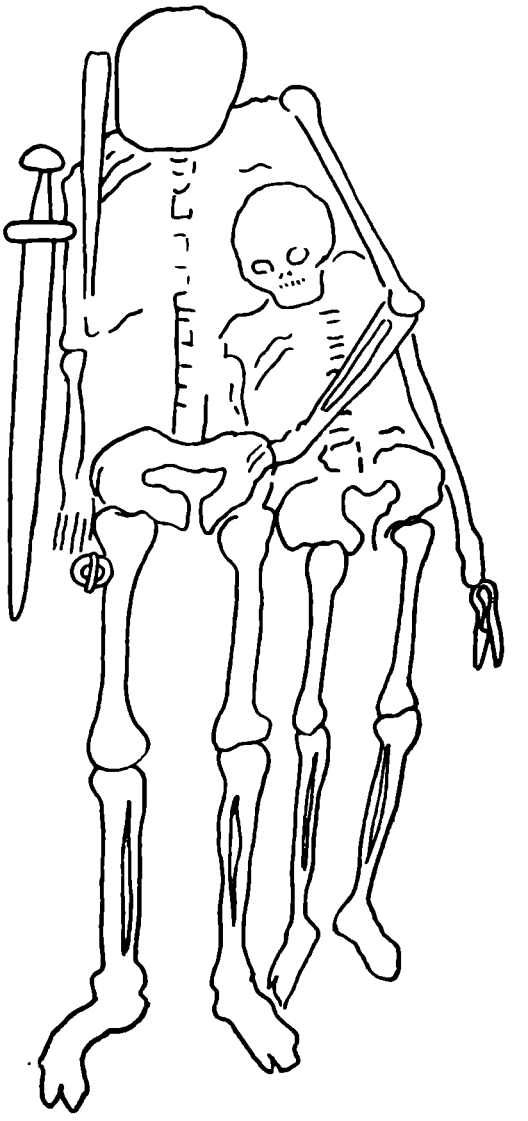

Рис. 1. Парное погребение из погребения воина с женщиной и конем. (Шестовицкий могильник, раскопки 1925 г. Зарисовка П. И. Смоличева. Архив Института археологии Академии Наук УССР)

Погребение из Киева (могильник I близ Десятинной церкви, раскопки 1936 г.) имело сруб почти квадратной формы с сужающимися книзу стенками и накат из колод. Дно обмазано розоватой глиной. Погребение было ограблено и, видимо, разрушено. Положение костяков неизвестно; конь лежал к югу от них. Значительная часть инвентаря, очевидно, пропала. Из предметов вооружения сохранились только остатки щита. Кроме того, найдено много предметов женского убора: фибула, три серебряных гроздевидных серьги, серебряный перстень, ожерелье из сердоликовых бус, 7 диргемов-привесок и некоторые другие вещи [1].

Погребение в могильнике на Болдиной горе, раскопанное Д. Я. Самоквасовым в 1908 г оказалось также сильно разрушенным. В могильной яме, со следами срубов, размером 2,5 × 3 м, обнаружены остатки двух скелетов и обломки сильно испорченных вещей. В отличие от других погребений этой группы, конь лежал не в могильной яме, а отдельно, на подошве кургана, на ровно срезанном бугре светложелтой глины, выброшенной из могильной ямы. Конь был оседлан и взнуздан — при нем найдены удила, стремена и пряжка от подпруги [2].

Погребения этой группы наиболее богаты и наиболее выразительны. По существу, они объединяют и усиливают все характерные черты дружинных погребений предыдущих групп. Отмеченными группами не исчерпываются все погребения в деревянных срубах.

[1] Л. А. Голубева. Ук. соч., стр. 142.
Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов..., стр. 31.

Совсем недавно, уже после того, как настоящая статья была написана, мною были произведены раскопки нескольких курганов черниговского могильника «в Березках», среди которых обнаружено погребение в срубе неизвестного у нас до сих пор типа. В общих чертах оно представляется в следующем виде. В обширной могильной яме был установлен деревянный сруб несколько меньших размеров. Последний оказался, к сожалению, полностью ограбленным, унесен даже костяк (или костяки) — только несколько обломков костей нашлись в грабительском ходу. Из инвентаря в срубе найдены боевой топор и несколько мелких вещей. За восточной стеной сруба в могильной яме погребены были две лошади, одна — взнузданная и оседланная. Под второй лошадью обнаружены разрушенный человеческий костяк и при нем бронзовая пряжка. Это исключительно интересное погребение не укладывается в указанные выше группы. Вернее всего, здесь может идти речь еще об одной самостоятельной группе дружинных погребений в срубах, о чем, ввиду единичности находки, пока говорить не решаюсь. Так или иначе, эта новая находка не нарушает вышеизложенную систематизацию материала.

Кроме перечисленных, имеются еще несколько погребений в деревянных гробницах — срубах (одно в Седневе [1] и два в Киевском могильнике I — женское [2] и детское [3]), также не укладывающихся в указанные группы. Они не имеют ясных признаков дружинных захоронений, но очень близко примыкают к ним (особенно погребение детское, в инвентаре которого был даже боевой топорик). Этим, несомненно, подчеркивается, что погребения в срубах — не погребения воинов-профессионалов, а своеобразный тип погребений представителей господствующей верхушки древнерусского общества.

* * *

Дружинные погребения в деревянных гробницах, как уже отмечено, сосуществуют в среднем Поднепровье с дружинными погребениями с сожжением. Так, в черниговском могильнике на Болдиных горах из трех раскопанных больших курганов в одном было парное захоронение с конем, а в двух других — захоронение с трупосожжением,— известные богатые курганы Гульбище и Безымянный. Примерно такую же картину дает и Шестовицкий могильник, где также были дружинные погребения с трупосожжением и трупоположением в деревянных гробницах. В киевских могильниках соотношение этих двух типов дружинных захоронений не ясно, что объясняется, видимо, плохой сохранностью могильника, уничтожением курганных насыпей, вследствие чего захоронения с трупосожжением, не защищенные глубокими могильными ямами, дошли до нас в незначительном количестве.

Анализ дружинных погребений с трупосожжением показывает исключительную их близость к погребениям в срубных гробницах. Речь идет не только об инвентаре, однотипность которого в обоих видах погребений не вызывает сомнений, но и о самом обряде погребения, близость которого в той мере, в какой это возможно проследить в условиях трупосожжения, выступает также с полной определенностью. Обряд захоронения в дружинных курганах с трупосожжением состоит из тех же основных элементов и дает те же группы, что и в погребениях в срубных гробницах. Что касается наиболее простого типа дружинного погребения

[1] Д. Я. Самоквасов. Могилы..., стр. 205.
[2] Ф. Б. Копилов. Зрубне поховання біля Десятинної церкви. «Археологія», V, Київ, 1951, стр. 233—235.
[3] ИАК, Прибавления к вып. 32, стр. 128—129.

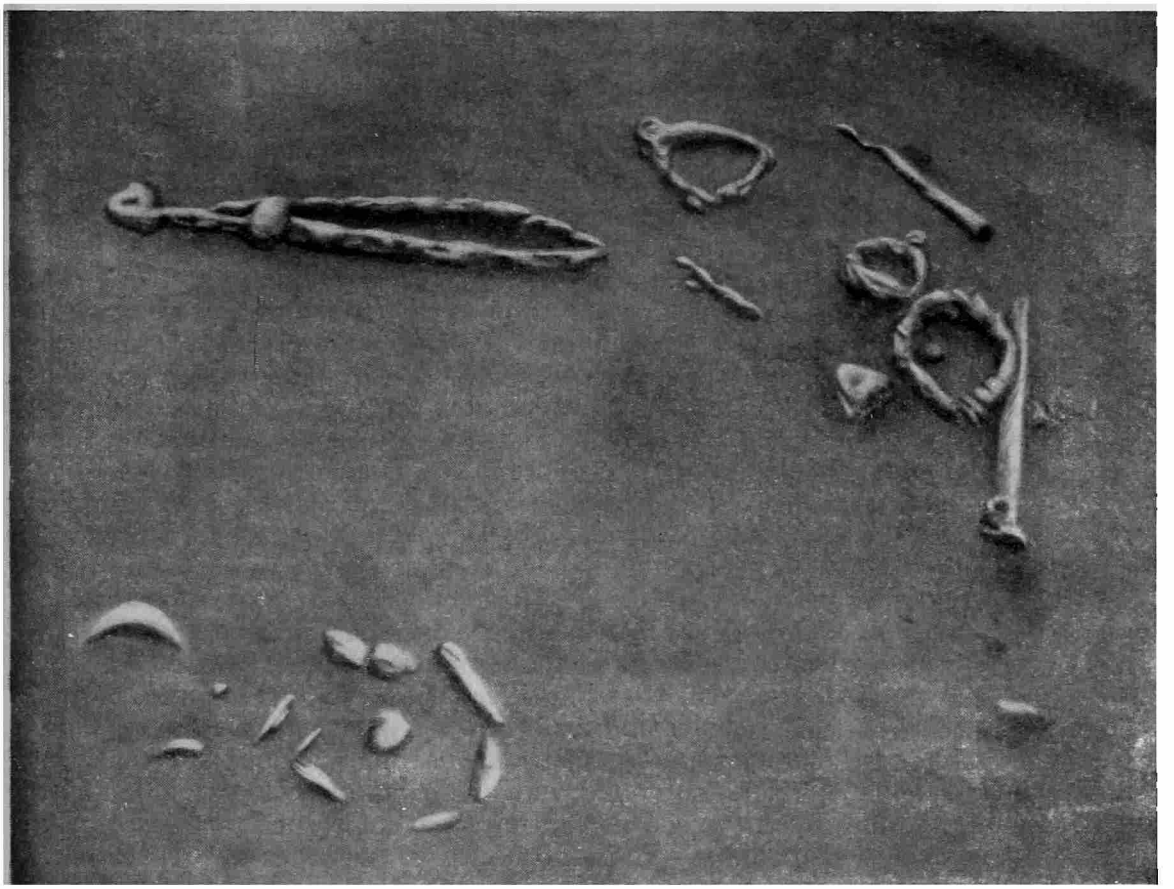

Рис. 2. Дружинное погребение — трупосожжение (Шестовицкий могильник. Раскопки 1948 г.)

в курганах с трупосожжением — погребений одного только воина (1-я группа), то они хорошо известны в довольно большом количестве. Они обычны в Шестовицком, Гнездовском, Михайловском, Приладожских и других могильниках этого времени.

Захоронения воина с конем (2-я группа) в дружинных курганах с трупосожжением также широко известны. Такое погребение, например, обнаружено в 1938 г. в Шестовицком могильнике (рис. 2) [1]. Коня, правда, не было, были только стремена, символизирующие погребение коня, но это не меняет сущности дела. Такие же погребения были, несомненно, и в Гнездовском могильнике. На одно такое погребение указывает Сизов [2]. Конь здесь, правда, не был сожжен и был даже захоронен в отдельном кургане, стоящем рядом с большим дружинным курганом, что может быть, в известной мере, сопоставлено с данными владимирских курганов, где трупосожжение под курганной насыпью сопровождалось захоронением коня, «со всеми принадлежностями сбруи» над ним. При этом, как указывает А. С. Уваров, «в гробницах, где лошадиные кости близ сосудов с жженными костями, постоянно находились предметы, как топоры, копья и другое оружие, указывающее на могилу воина и во всяком случае не

[1] Д. Бліфельд. Дослідження в с. Шестовицях. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, стр. 128—129.

[2] С. Сизов. Курганы Смоленской губ. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 10—12.

простого» [1]. Такие же погребения известны, наконец, и в погребениях Приладожья [2].

Лучше всего представлены в дружинных погребениях с трупосожжением погребения воина с женщиной (3-я группа). Наиболее показательны в этом отношении данные Гнездовского могильника. Такие погребения встречены неоднократно в курганах с урнами: при раскопках Сергеева—3 [3], Абрамова — 2 [4]. В последних основные трупосожжения лежали в медных котлах, а сопровождающие их погребения — в обычных горшках. Очень показательно погребение из раскопок М. Ф. Кусцинского, где были обнаружены три горшка, наполненных жженными костями, из которых один горшок находился при особенной обрядовой обстановке. С одной стороны этого горшка был вонзен в землю меч, рукоятка которого была отделана серебром, а с другой стороны того же горшка было воткнуто копье. В другом горшке, кроме жженых костей, найдены были железная скоба, железные щипчики, железная шпилька и шило с бронзовой ручкой, маленький ножик и кусочек косточки с резьбой от женского гребня; на третьем горшке лежала железная шейная гривна. По вполне справедливому выводу В. И. Сизова, здесь был похоронен воин с двумя женщинами [5].

Парные захоронения встречены здесь неоднократно и в курганах с кострищами при раскопках В. И. Сизова [6]. Встречались они обычно в самых больших курганах и были наиболее богаты находками.

Такие же погребения известны и в Шестовицком могильнике. Наиболее интересным в этом отношении оказался один курган из раскопок П. И. Смоличева с большим кострищем, на котором обнаружены вещи, принадлежавшие мужчине,— оружие, набор стеклянных фигур для игры и большая толстостенная урна с пережженными костями, среди которых найдены железные ножницы — обычно атрибут женского погребения.

В Киеве, в самом большом кургане могильника на Батыевой горе, судя по инвентарю, было, видимо, также парное сожжение [7]. Парные трупосожжения известны и в курганах Приладожья [8].

В дружинных погребениях с трупосожжением имеются также погребения мужчины и женщины в сопровождении коня (4-я группа). В одном из самых больших курганов черниговского могильника на Болдиных горах — Гульбище были, несомненно, сожжены воин с женщиной в сопровождении коня [9]. Еще более четко этот факт прослеживается в кургане № 2 другого черниговского могильника «Старое кладбище в Березках», из раскопок Д. Я. Самоквасова во время XIV Археологического съезда [10]. Погребальная обстановка представляется здесь в следующем виде. На кострище сожжены были мужчина и женщина, лежавшие, видимо, головой на запад. Мужчина — с воинскими доспехами (копье, стрелы) и поясом с богатым набором поясных бляшек; женщина — с украшениями, от которых осталось только несколько вещей и множество серебряных и стек-

---

[1] А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872, стр. 57—58.
[2] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895, стр. 9.
[3] А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, курганы № 74, 86 и 90.
[4] Его же. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии, ЗОРСА, т. VIII, вып. I, II, 1906, курганы № 23, 24.
[5] В. И. Сизов. Ук. соч., стр. 16.
[6] Там же, стр. 25.
[7] Л. А. Голубева. Ук. соч., стр. 105—106.
[8] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 12—13, 15—16.
[9] Д. Я. Самоквасов. Могилы...
[10] Д. Я. Самоквасов. Раскопки Северянских курганов..., стр. 8 и сл.

лянных слитков. Налево от мужчины лежал оседланный и взнузданный конь, а в головах — кости барана. Направо от женщины лежали кости крупного животного,— возможно, коровы или быка,— и деревянное ведро с железными обручами и дужкой, а в головах — горшочек и птичьи кости. В центре кострища находился горшок с пережженными костями животного [1]. Расположение погребенных и вся погребальная обстановка, таким образом, довольно близко напоминают погребения в деревянных гробницах, например Шестовицы.

Погребение такого же типа выявлено П. И. Смоличевым в одном из курганов с трупосожжением Шестовицкого могильника, отличающимся некоторыми любопытными особенностями. Под курганной насыпью обнаружено большое кострище, на котором найдено много вещей, а к югу от него — большая могильная яма размером 2,65×4,10 м. В яме лежали костяк взнузданного и оседланного коня и большое количество вещей. Судя по инвентарю, найденному в этом кургане в довольно большом количестве, здесь были похоронены мужчина и женщина. К мужскому захоронению принадлежат прежде всего предметы вооружения: кинжал в деревянных ножнах с бронзовой оковкой, наконечник копья, наконечники стрел и богатый набор поясных бляшек. К инвентарю женского погребения относятся богатое ожерелье, состоящее из бус (около 200 экземпляров), железные ножницы и некоторые другие вещи. По характеру вещей и особенностям обряда данный курган стоит исключительно близко к курганам с деревянными гробницами того же Шестовицкого могильника, сочетая в себе в известной мере элементы обоих обрядов — трупосожжение и трупоположение.

Таким образом, в дружинных погребениях с трупосожжением отмечаются те же четыре группы, что и в дружинных погребениях с трупоположением, отражающие, повидимому, реальную иерархическую градацию господствующего класса Киевской Руси. На это в известной мере указывает тот факт, что по количеству и характеру мужского инвентаря, в том числе и оружия, наиболее бедными оказываются погребения первой группы, а погребения четвертой группы, наоборот,— наиболее богатыми.

Труднее всего выявить в условиях трупосожжения характер погребального сооружения. Тем не менее мы имеем основание полагать, что в дружинных курганах с трупосожжением оно по существу не отличалось от дружинных курганов с трупоположением. Так, в упомянутом выше кургане № 2 черниговского могильника на «Старом кладбище в Березках» кострище имело прямоугольные очертания размером 3,5×3,5 м, по углам лежали бревна крестообразно друг на друге, из чего можно заключить, что кострище представляло сооружение в виде сруба или чего-то подобного, приближающегося по форме и размерам к деревянным гробницам в ямах. Правда, при последних раскопках этого могильника, о которых уже упоминалось выше, такого рода сооружения в курганах с трупосожжением не прослежено. Тем не менее в ряде случаев удалось выяснить, что погребальный костер не имел штабельной конструкции, а представлял собой какое-то более сложное сооружение, характер которого выяснить с достаточной полнотой не удалось. От него сохранились остатки деревянного помоста, сложенного из бревен, ориентированных по линии запад — восток. По краям помоста, поверх остатков трупосожжения, лежали два бревна, ориентированных в направлении с юга на север, являющихся, видимо, остатками каких-то конструктивных частей погребального сооружения. Вполне определенно такая конструкция кострища

[1] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 23.

в виде домовины прослежена Е. Н. Мельник в западной части Волыни, где курганы с трупосожжением вообще крайне редки [1].

В описании Ибн-Фадланом похорон знатного руса, с которыми вполне основательно сопоставляют богатые погребения с трупосожжением, тоже упоминается какое-то сооружение — палатка или кабинка [2]. Хотя в тексте в этом месте имеется какая-то путаница [3], сообщение это для интересующего нас вопроса все же весьма важно. Реконструкция Б. А. Рыбаковым погребального сооружения Черной Могилы в виде какой-то постройки-домовины [4] хотя, по признанию автора, и «в очень малой степени основана на точных данных», все же аргументирована им с достаточной убедительностью. Интересно, наконец, отметить, что само слово «костер» означает в русском языке «сложенные в клетку дрова, высокий сруб, или выступ площадкой городской стены, раскат, даже башню» [5].

Итак, дружинные погребения с трупоположением выявляют исключительное сходство, можно сказать,— почти тождество с дружинными погребениями с трупосожжением. Разница только в том, что в одном случае покойников сжигали, а в другом их погребали в могильной яме. Отличительные черты дружинных погребений, рассмотренных выше, являются признаками не этнического, а социального характера. Это же следует сказать и относительно самого погребального сооружения — деревянной гробницы. В деревянной гробнице, несомненно, заложена идея дома, отсюда и наименование погребального сооружения «бдын» (ср. будынок — постройка, дом) или домовина. Не случайно Ибн-Русте сравнивает могилу знатного руса с обширным домом. Та же самая идея жилища, но землянки, заложена и в обычной грунтовой могиле, на что указывает наименование гроба домовиной. Разница, следовательно, только в характере «дома».

Дружинные погребения в срубных гробницах в такой же мере отличаются от рядовых погребений с трупоположением, в какой дружинные погребения с трупосожжением отличаются от обычных погребений с тем же обрядом трупосожжения.

В обоих случаях отличительные черты дружинного захоронения — насильно умерщвленная женщина, боевой конь, обширная домовина и богатый инвентарь — представляют собой элементы социального усложнения обычного погребения в обоих его видах — трупоположения и трупосожжения, отражающие реальные отличия отдельных слоев господствующего класса древнерусского общества IX—X вв. Оба эти вида характерны для славянского Приднепровья, так как и трупосожжение, и трупоположение являются исконными погребальными обрядами местного славянского населения.

Обряд трупосожжения, варьирующий, правда, в деталях, характерен для Левобережья, особенно для района Десны, Сейма и прослеживается здесь еще с середины I тысячелетия н. э. в бескурганных славянских могильниках, связанных с раннероменскими поселениями типа Волынцева, и в курганных могильниках последующего времени. Это, по свидетельству летописи, обряд северян, сменившийся затем трупоположением. В Волынцевском могильнике выделяются несколько погребений, отличаю-

---

[1] Е. Н. Мельник. Раскопки в земле лучан, произведенные в 1897 и 1898 гг. Труды XI Археологического съезда, т. I, М., 1901, стр. 503, 520.

[2] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.— Л., 1939, стр. 81.

[3] Там же, стр. 148, 149, прим. 1007.

[4] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 30—33, 43.

[5] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. СПб., 1905, стр. 448.

щихся не только большим богатством инвентаря, среди которого имеются и фрагменты оружия, но и более сложным обрядом, позволяющим предполагать парные захоронения [1]. Все это дает основание усматривать в этих погребениях памятники, отражающие начальный этап выделения дружин и знати. Таким образом, дружинные курганы с трупосожжением в Чернигове и его окрестностях, при всей их близости с Гнездовскими и другими подобными могильниками, представляют собой северянские погребения, отличные от рядовых своей принадлежностью местным северянским дружинникам.

Второй тип дружинного погребения — с трупоположением в деревянной гробнице — также связан с предшествующей историей славянского погребального обряда среднего Приднепровья, особенно правобережной его части. Известные здесь могильники культуры полей погребений характеризуются сочетанием трупоположения и трупосожжения. При этом в ранних памятниках, в могильниках зарубинецко-корчеватского типа конца I тысячелетия до н. э. и первых веков I тысячелетия н. э. подавляющее большинство погребений принадлежит трупосожжению, а трупоположение занимает незначительное место. В дальнейшем это соотношение меняется. В могильниках черняховского типа, III—V вв. н. э., уже преобладают трупоположения в грунтовых могилах с незначительным инвентарем, а трупосожжения составляют не больше одной четверти всех погребений, да и то не во всех могильниках. В курганных же могильниках древней Руси IX—X вв. уже безраздельно господствующим типом погребения является погребение с трупоположением, а трупосожжение встречается крайне редко и выступает главным образом в виде пережиточных элементов: угольной подстилки, угольной присыпки и пр.

Следовательно, если рассматривать дружинные погребения в связи с характером погребального обряда населения того или иного района в целом, то дружинные погребения с трупоположением в деревянных гробницах оказываются для правобережной части среднего Поднепровья явлением вполне закономерным, отнюдь не связанным с какими-либо внешними «влияниями» или иноязычными этническими элементами, а вытекающим из погребального обряда местного славянского населения, лишь усложненного в соответствии с социальным положением погребенного.

Зачатки этого типа можно, видимо, относить еще к периоду полей погребений. В этом отношении особый интерес представляют два погребения (146 и 147) Черняховского могильника. В обоих случаях погребения были в деревянных склепах глубиной 4 м и «отличались богатством, судя по найденным в них остаткам стеклянных сосудов и других керамических изделий, очень тщательной работы» [2]. К сожалению, эти исключительно интересные погребения оказались ограбленными, и судить о них подробно мы лишены возможности.

Значительно труднее решить вопрос, какому из племен днепровского Правобережья принадлежат дружинные погребения с трупоположением, так как курганные могильники на всей этой территории настолько однотипны, что еще А. А. Спицын вынужден был признать «полную аналогию

[1] В публикации Д. Т. Березовца (Дослідження на території Путівльського району, Сумської области. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 248) отсутствуют, к сожалению, очень важные данные о распределении инвентаря по отдельным урнам и некоторые другие детали. Из неопубликованного полного отчета видно, что в указанных погребениях в одних урнах найдены мужские вещи, в том числе и фрагменты оружия, а в других — женские украшения.

[2] В. В. Хвойко. Поля погребения в среднем Приднепровье. ЗРАО, новая серия, т. XII, вып. I—II, СПб., 1901, стр. 181.

полянских курганов с одновременными им волынскими и древлянскими» [1]. Среди известных нам в довольно большом числе древлянских и волынских курганов изредка встречаются сложные деревянные могильные сооружения, иногда и в виде сруба, но собственно дружинных захоронений, за исключением двух приводимых выше погребений из Плиснеска, мы здесь не знаем. Полянские курганы нам известны очень плохо. Основными комплексами здесь являются могильники Киева, в которых интересующий нас тип дружинных погребений как раз лучше всего и представлен. На этом основании мне кажется возможным предположить что дружинные погребения с трупоположением в деревянной гробнице принадлежат дружинникам, выходцам из среды местного славянского населения Киева и его района, связываемого с именем полян, а позднее — Руси («поляне, еже ныне зовомая Русь»). Повидимому, именно отсюда этот тип дружинного захоронения распространился и в днепровском Левобережье. Имело, несомненно, место также и обратное явление — проникновение в Киев и его округу обряда трупосожжения. В результате и сложилась двойственность обряда дружинных и недружинных захоронений, выступающая, как показано выше, в ряде могильников среднего Поднепровья.

Сосуществование двух обрядов погребений в одних и тех же могильниках представляет собой характерную черту главным образом городских древнерусских могильников IX—X вв. среднего Поднепровья в целом. Так, в могильнике на Старо-Киевской горе основной тип погребения— трупоположение, трупосожжение же представлено только несколькими погребениями (впрочем, реальное соотношение этих обрядов в указанном могильнике, вследствие отмеченных уже причин, не может быть прослежено). В другом киевском могильнике, связанном с городищем на горе Щекавице, из 12 отдельно описанных погребений пять было с трупоположением и семь — с трупосожжением. Сосуществование этих обрядов имело место и в могильниках Чернигова. Так, из 7 курганов, раскопанных в могильнике на «Старом кладбище в Березках», два были с трупоположением и пять — с трупосожжением.

Двойственность обряда дружинных захоронений явилась следствием ломки племенной замкнутости. Она отражает движение и перемещение, в процессе объединения племен вокруг Киева, разноплеменных элементов и прежде всего дружинников. Первое место принадлежало, видимо, наиболее многочисленной и активной, киевской, полянско-русской дружинной знати; именно поэтому дружинные погребения с трупоположением в деревянных гробницах далеко проникли и в глубь Левобережья.

Выше указывалось на зачатки дружинных погребений в могильниках раннеславянского времени (Черняховский, Волынцевский могильники). В этих памятниках, в отличие от памятников IX—X вв., социальная сущность дружинных погребений еще слабо выражена. Четкость и выразительность социальной сущности и дифференцированности дружинных погребений IX—X вв. являются наглядным свидетельством того, что к этому времени господствующий класс раннефеодального Киевского государства уже вполне оформился. И поскольку эти памятники, датирующиеся концом IX в., главным образом X в., относятся к явлениям надстроечного порядка, то надо полагать, что породивший их базис—феодальные отношения сложились еще раньше.

---

[1] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, VIII, стр. 323.

МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ

К. Х. КУШНАРЕВА

ПАМЯТНИКИ МЕДНОГО ВЕКА В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ

Многочисленными археологическими исследованиями, производившимися в Закавказье в течение последних двух десятилетий, открыто большое количество памятников эпохи первого появления металла — древних поселений и могильников. Новые открытия получили сначала освещение в серии отдельных публикаций (Пчелиной, Байбуртяна, Гуммеля, Макалатия, Соловьева и др.)[1], а затем и в специальных работах, подводящих итоги нашим знаниям в области закавказского энеолита (Куфтина и Пиотровского). Материал по медному веку Закавказья, известный до 1943 г., был собран и опубликован в сводной работе Б. А. Куфтина, посвященной энеолиту Куро-аракского района и основанной на детальном изучении археологических коллекций закавказских музеев и отдельных публикаций [2]. Б. Б. Пиотровский в своей работе, посвященной поселениям медного века Армении, дает подробную характеристику этих поселений и других памятников Закавказья [3], стоящих на той же ступени развития.

В связи с исследованием большого числа поселений и могильников медного века в Закавказье в настоящее время представляется возможным

[1] Е. Г. Пчелина. Археологическая разведка в районе Триалетского хребта. ВМГ, т. V, Тифлис, 1930; Е. А. Байбуртян. Культовый очаг из раскопок Шингавитского поселения. ВДИ, 1938, № 4, стр. 255; его же. Орудия труда в древней Армении. Вестник Ин-та истории и литературы Армянской ССР, вып. I. Ереван, 1938 (на арм. яз.); его же. По поводу древней керамики из Шреш-блура. СА, III, 1937, Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 26; его же. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 64; его же. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 258; т. II. Тбилиси, 1950, стр. 113, 161; его же. К проблеме энеолита внутренней Картли. ВМГ, XIV-B, Тбилиси, 1947; Я. И. Гуммель. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г., Изв. Аз. ФАН СССР, 1939, № 4, стр. 86; его же. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, XX, 1948; его же. Раскопки поселения I на западе от Ханлара. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 76—77; С. И. Макалатия. Археологические раскопки курганных погребений в сел. Тквиави. Труды Горийского историко-этнограф. музея, I, Тбилиси, 1943 (на груз. яз.); Л. И. Соловьев. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии. Материалы по истории Абхазии, № 1, Сухуми, 1939; его же. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. СА, XIV, 1950, стр. 265. О. А. Абибуллаев, Раскопки на холме Кюль-тапа, КСИИМК, 51, стр. 36.

[2] Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подножья Арарата и Куро-аракский энеолит. ВМГ, XIII-B, Тбилиси, 1943.

[3] Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 174.

выявить, с одной стороны, общие, ведущие черты этой культуры, с другой — проследить местные, локальные особенности ее. В результате глубокого и тщательного изучения энеолитических памятников появляется возможность дать характеристику основных черт хозяйства и быта древнейших обитателей Закавказья.

Исходя из современного уровня знаний относительно этой древней культуры (вторая половина III тысячелетия и начало II тысячелетия до н. э.), мы можем легче осмыслить и те интереснейшие памятники, которые, будучи открытыми в конце прошлого века, до сих пор не подвергались детальному исследованию. Я имею в виду раскопанные преподавателем Шушинского реального училища Э. Рёслером курганы на р. Хаченагет (Нагорный Карабах), которые являются самыми ранними памятниками, из открытых им в этом районе.

В 1897 г. Э. Рёслер продолжал свои многолетние раскопки в Джеванширском уезде. Работая на средства и по поручению Археологической комиссии на территории Азербайджана и Армении, Э. Рёслер представлял ежегодно подробнейшие отчеты о своих раскопках, краткие извлечения из которых печатались в «Отчетах Археологической комиссии» [1]. Одновременно статьи о работах Э. Рёслера на Кавказе печатались в приложении к журналу «Zeitschrift für Ethnologie» — органе Берлинского антропологического общества, членом которого он был [2].

Мардакертский район (прежде являвшийся частью Джеванширского уезда), будучи районом нагорным, представляет собой сплошной массив, разделенный ущельем, по дну которого течет р. Хаченагет — типичная горная кавказская река. Все пять курганов, открытых Э. Рёслером в 1897 г., были расположены на правом берегу р. Хаченагет, примерно в 9 км к юго-востоку от азербайджанской деревни Давшанлы-Арчадзор, недалеко от впадения в нее р. Гарани (Сирень). В отличие от левого берега р. Хаченагет, представляющего довольно обширное плато, южный, правый берег сплошь покрыт лесистыми горами, подходящими вплотную к реке. Лишь в одном месте узкая береговая линия несколько расширяется, образуя незначительное пространство, на котором и были расположены пять небольших курганов [3]. Несмотря на внешнее сходство, курганы эти отличались друг от друга по обряду захоронения: в одних наблюдался обряд трупоположения (курганы № 1, 2 и 3), а в других — трупосожжения (курганы № 4 и 5)[4].

КУРГАНЫ С ТРУПОПОЛОЖЕНИЕМ

К у р г а н № 1[5]. Расположен у опушки леса. Курган круглый в плане, невысокий, с плоской вершиной; размеры его следующие [6]: диаметр насыпи у подножья — около 10 м, диаметр верхней площадки — около 7,5 м, высота насыпи — около 2 м. Курганная насыпь состояла из песка, смешанного с валунами. В кургане, среди валунов насыпи, обна-

[1] ОАК за 1894—1905 гг.

[2] Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Berlin, 1892—1895 (в дальнейшем сокращенно—VBGAEU).

[3] Архив ИИМК, фонд № 1 (дела Археологической комиссии), дело АК 48/1897, стр. 211—216. Все упоминающиеся в статье архивные дела хранятся в архиве ИИМК, фонд № 1.

[4] Курганы эти впервые отнесены к медному веку Б. Б. Пиотровским. См. «Археология Закавказья» Л. 1949. стр. 39

[5] Дело АК 48/1897, стр. 211; ОАК за 1897 г., стр. 157; VBGAEU, 1899, стр. 249.

[6] Основные измерения Рёслер производил шагомерной съемкой. Курганы раскапывались при помощи траншей и колодцев.

ружены четыре скелета в сидячем положении, с лицами, обращенными на восток. Никаких предметов при этих скелетах не оказалось.

К у р г а н № 2 [1]. Расположен в 75 м к юго-западу от кургана № 1, круглый в плане, невысокий, с плоской вершиной. Размеры его следующие: диаметр насыпи у подножья — около 20—25 м, диаметр верхней площадки — около 7,5 м, высота насыпи — около 1,25 м. Курганная насыпь

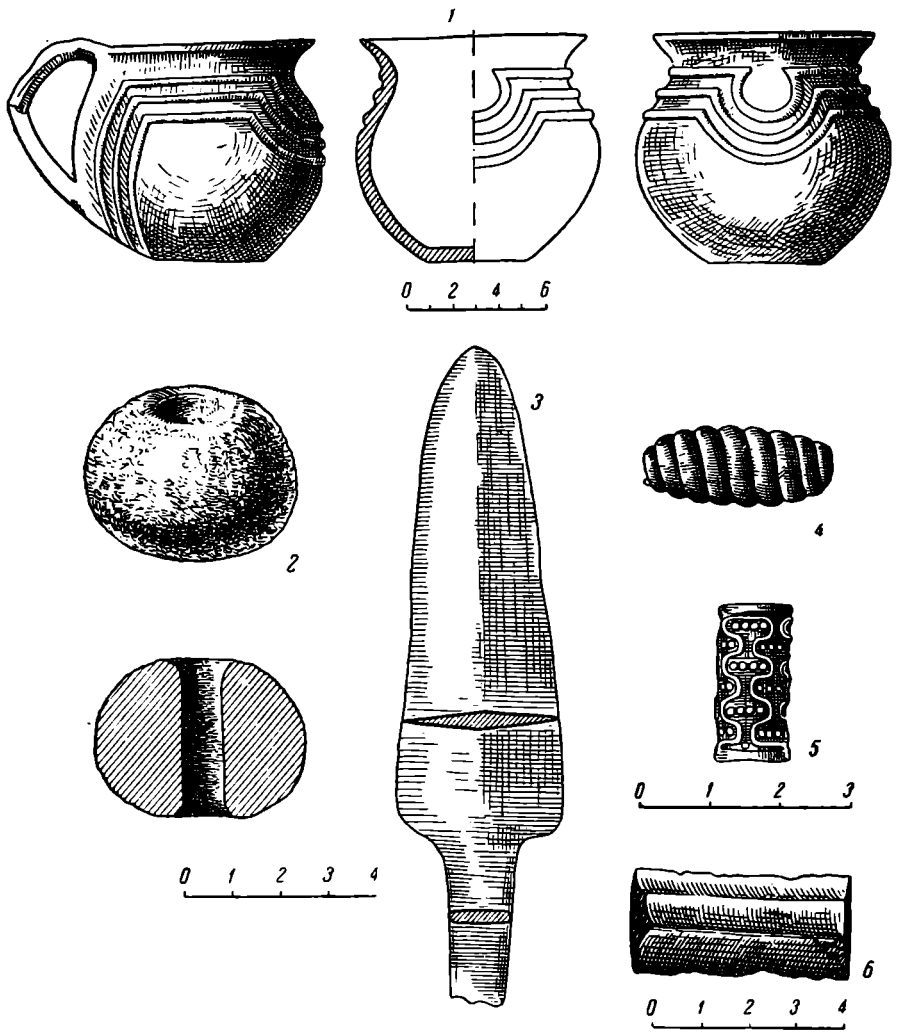

Рис. 1. Предметы из энеолитических погребений на р. Хаченагет.

состояла из песка и валунов. Могила квадратной формы помещалась в восточной части, в твердом песчаном грунте. После погребения покойника могила была заполнена мелким песком, камнями и гравием, а затем был насыпан курган. Скелет лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на юго-запад.

В могиле найдены следующие предметы [2]:

1. Плоский бронзовый клинок кинжала с черешком для насадки рукоятки. Длина клинка — 16 см, средняя часть его несколько утолщена, края переходят в тонкое острое лезвие (рис. 1, *3*).

[1] Дело АК 48/1897, стр. 212; ОАК за 1897 г., стр. 156; VBGAEU, 1899, стр. 249.

[2] Основная часть предметов из хаченагетских курганов хранится в ГИМ, коллекция № 39940.

2. Каменная шаровидная, несколько сплющенная сверху и снизу, булава с цилиндрическим отверстием для насадки рукоятки; ее диаметр — 4,5 см. Булава, изготовленная, повидимому, из мергеля, покрыта толстым слоем известковой корки (рис. 1, *2*).

3. Украшение из листового золота красноватого цвета, свернутое в виде цилиндрика. Длина — 2,7 см. На золотом листке имеется штампованный геометрический орнамент, представляющий собой выпуклые сходящиеся и расходящиеся линии, внутри которых помещено по четыре — пять выдавленных точек. Предмет этот служил, вероятно, для обкладки какого-нибудь твердого стержня (рис. 1, *5*).

4. Две обсидиановые пластинки. Одна из них представляет собой двулезвийный ножичек, обработанный с одной стороны тремя продольными сколами; его края заострены мелкой ретушью. Длина — 4,3 см, ширина — 2 см, наибольшая толщина — 4 мм (рис. 1, *6*).

5. Маленький изящный глиняный сосуд с одной ручкой. Несмотря на то, что сосуд сделан от руки, он имеет очень правильную, симметричную форму. Бока округлые, венчик слегка отогнут. Стенки тонкие, черепок приготовлен из плотной, прекрасно отмученной глины, почти без примесей. Внутренняя поверхность светлая, желтовато-розовая; внешняя поверхность и внутренняя часть отогнутого венчика имеют густой черный цвет и покрыты прекрасным ровным лощением. Дно также залощено. Сосуд украшен пояском из трех выпуклых валиков, на лицевой стороне окаймляющих круглый медальон. Не доходя до ручки, эти валики спускаются вниз под прямым углом, по обеим ее сторонам. Размеры сосуда: диаметр тулова — 10,5 см, высота — 9,5 см (рис. 1, *1*).

6. Обломки маленьких сосудов из серой глины [1].

К у р г а н № 3 [2]. Расположен в 130 м западнее кургана № 2 и в 43 м западнее кургана № 4, круглый в плане, невысокий, с плоской вершиной. Размеры его следующие: диаметр насыпи у подножья — около 18,5 м, диаметр верхней площадки — около 8 м, высота насыпи — около 2,5 м. По внешней форме и по обряду захоронения близок к кургану № 2, с той лишь разницей, что в нем находилось не одно, а два погребения. Курганная насыпь состояла из песка и камней. Могильная яма вырезана в плотном песчаном грунте, на дне ее лежали два скелета в вытянутом положении. Могила была засыпана песком и камнями, поверх которых насыпан курган.

В могиле найдены следующие предметы:

1. Плоский, бронзовый кинжальный клинок, аналогичный найденному в кургане № 2 [3]. Его длина — 14 см, наибольшая ширина — 2,6 см, толщина — 3 мм.

2. Украшение из круглой в сечении бронзовой проволоки, скрученной спиралью в девять оборотов и обложенной листовым золотом светло-желтого цвета. Своей формой этот предмет напоминает крупную боченкообразную бусину. Длина его — 2,7 см (рис. 1, *4*).

3. Обломки маленьких сосудов из серой глины [4].

КУРГАНЫ С ТРУПОСОЖЖЕНИЕМ

К у р г а н № 4 [5]. Расположен в 87 м к западу от кургана № 2 и в 43,5 м к западу от кургана № 3, круглый в плане, сверху уплощенный.

[1] Черепки эти Э. Рёслером не взяты, описания их он также не приводит.
[2] Дело АК 48/1897, стр. 214; ОАК за 1897 г., стр. 157; VBGAEU, 1899. стр. 252.
[3] В коллекции ГИМ предмет этот отсутствует.
[4] Э. Рёслером взяты не были.
[5] Дело АК 48/1897, стр. 215; ОАК за 1897 г., стр. 157; VBGAEU, 1899, стр. 253.

По внешнему виду очень сходен с курганом № 3. Размеры следующие: диаметр насыпи у подножья — около 20,2 м, диаметр верхней площадки — около 6,5 м, высота насыпи — около 1,5 м. Курганная насыпь состояла из песка и камней. Под насыпью оказалась вырытая в грунте могила, заполненная золой и остатками обуглившихся костей. Под золой найдены несколько зубов быка (по Э. Рёслеру — бизона) и клык выдры. В этом же слое обнаружены обломки неорнаментированных сосудов.

В могиле найдено лишь одно грушевидное навершие булавы (принятое Э. Рёслером за грузило для сетей). Оно изготовлено из зернистого камня лиловатого цвета; камень этот, скорее всего,— туффит, залежи которого имеются в большом количестве в Азербайджане (Заглик и пр.).

К у р г а н № 5 [1]. Расположен в 482 шагах к западу от кургана № 3, круглый в плане, сверху плоский, сходен с курганом № 4. Его размеры: диаметр насыпи у подножья — около 20 м, диаметр верхней площадки — около 7,5 м, высота насыпи — около 1,35 м. На глубине 90 см находилась яма, дно которой было покрыто мощным слоем золы, перемешанной с полуобуглившимися костями. Под этим слоем был твердый желтый песчаный грунт. Никаких находок в этом кургане не было.

* * *

Суммируя общие черты вышеописанных курганов, приходим к следующим выводам:

1. Курганы на правом берегу р. Хаченагет по внешнему виду не отличаются друг от друга. Несмотря на разницу в высоте (1,25—2,5 м) и в диаметре (10—20, 25 м) они все имеют невысокую уплощенную насыпь, состоящую из песка, перемешанного с камнями.

2. Под сходными курганными насыпями встречаются различные обряды захоронения: трупоположение (№ 1—3) и трупосожжение (№ 4 и 5).

3. В первой группе курганов имеются погребения коллективные (№ 1), парные (№ 3) и одиночные (№ 2).

Обряд коллективных захоронений, наблюдающийся в хаченагетских курганах, существовал и в более раннее время. Так, в самом нижнем слое степанакертских курганов № 119 и 125, раскопанных Я. И. Гуммелем, под могилами медного века были обнаружены коллективные скорченные захоронения. Судя по целому ряду данных, погребения эти относятся к неолитическому времени [2]. Позднее, к началу медного века, традиция эта продолжает существовать в энеолитических коллективных могилах, открытых Я. И. Гуммелем в тех же местах [3], а также в курганах у сел. Тквиави и на р. Хаченагет [4].

В Восточном Закавказье в то же время существовал другой способ погребения умерших, который встречается также и в хаченагетских курганах. Это обряд одиночного погребения под курганной насыпью, известный нам с неолита, к которому можно отнести древнейшее погребение у с. Голицино, открытое Э. Рёслером[5]. К медному веку относятся, помимо

[1] Дело АК 48/1897, стр. 215; ОАК за 1897 г, стр. 157; VBGAEU. 1899, стр. 253.

[2] Я. И. Гуммель. Некоторые памятники..., стр. 19, 21.

[3] Я. И. Гуммель. Некоторые памятники..., стр. 15; его же. Из памятников материальной культуры древнего Азербайджана. ВДИ, 1940, № 1, стр. 212—213; Л. П. Ташчян. Курган с массовым погребением в окрестностях Степанакерта. Изв. Аз. ФАН СССР, 1944, № 11, стр. 91.

[4] Я. И. Гуммель. Некоторые памятники..., стр. 19, 21; С. Н. Макалатия. Ук. соч., стр. 51.

[5] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 30.

хаченагетского кургана № 2, и одиночные грунтовые погребения из района Ханлара и ряда других мест, вплоть до Северной Осетии [1].

Наряду с обрядом трупоположения в хаченагетских курганах № 4 и 5 наблюдается обряд трупосожжения. Древнейшие корни его восходят, повидимому, также к эпохе неолита; наличие золы в погребении у с. Голицино и древесных угольков в самой нижней могиле кургана № 125 у Степанакерта свидетельствует о том, что уже в ту отдаленную эпоху огонь играл известную роль в погребальном ритуале. В эпоху энеолита обряд сожжения умерших получил, повидимому, уже определенное распространение. Помимо хаченагетских курганов, остатки трупосожжений мы встречаем в могильниках Ханларского района, в курганах у селений Тквиави и Кикети, а также в одном из древних курганов близ Степанакерта [2].

Таким образом, в рассматриваемых нами курганах, исследованных Э. Рёслером, мы встречаем сочетание тех погребальных традиций, которые возникли в предшествующее их сооружению время, а позднее получили распространение в ряде синхронных памятников.

Погребальный инвентарь в трех курганах был немногочислен и однороден, а в двух отсутствовал вовсе. Тут, повидимому, мы сталкиваемся с еще сравнительно мало развитым погребальным культом, при котором в могилу покойника клалось всего лишь несколько необходимых предметов.

Как уже было сказано выше, в двух курганах (№ 2 и 4) были найдены каменные шаровидные булавы с отверстием для насадки на стержень (рис. 1, *2*). Булава, как один из основных видов оружия, прошла длинный путь развития и встречается на очень широкой территории, у многих народов Европы и Азии, вплоть до средневековья. Многочисленные раскопки на Кавказе и в странах Передней Азии дали материал, позволяющий проследить появление древнейших форм булав уже в III тысячелетии до н. э. Наиболее ранние экземпляры булав встречены в хорошо датированных комплексах медного века. Они изготовлены из различных пород камня — известняка, гранита, гематита, мергеля, мрамора, диабаза и др.

В настоящее время нам хорошо известны многочисленные экземпляры шаровидных каменных булав, найденные как на поселениях, так и в могильниках Кавказа. В Шенгавитском поселении в Армении найдено несколько шаровидных булав, причем одна из них оказалась незаконченной — обстоятельство, указывающее на их изготовление здесь же, на месте поселения [3].

Гематитовые булавы шаровидной и грушевидной формы найдены в южной части Триалети, у Параванского озера, в двух курганах (курган X и Беюк-Тумб), относимых Б. А. Куфтиным к древнебронзовой эпохе. В одном из них вместе с булавой находились медные предметы, обсидиановые наконечники стрел архаической формы и украшения из листового золота — набор вещей, характерный для погребений медно-бронзового века [4].

---

[1] Я. И. Гуммель. Некоторые памятники..., стр. 28; его же. Раскопки поселения I ..., стр. 76—77; И. А. Гзелишвили. Хадикский курган, Сообщ. АН Груз. ССР, 1950, т. XI, № 10, стр. 691, Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 116—117. Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, стр. 26.

[2] Я. И. Гуммель. Некоторые памятники..., стр. 21; Е. Г. Пчелина. Ук. соч., стр. 159; С. И. Макалатия. Ук. соч., стр. 52; см. Изв. Аз. ФАН СССР, 1944, № 11, стр. 91.

[3] Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении, стр. 174.

[4] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. CXV, CXV bis.

Диабазовая шаровидная булава также найдена в одной из могил энеолитического времени на р. Лиахве, в с. Тквиави. И здесь древняя дата погребения подтверждается наличием черной лощеной керамики и обсидиановых наконечников стрел архаической формы [1].

Шаровидные булавы архаической формы известны также по памятникам Северного Кавказа, где они были встречены в могильниках «Фаскау» и «Рутха» в Дигории и в Грозненской области [2]. В восточной части Кавказа найден ряд каменных булав архаической формы. Так, булавы шаровидной формы встречены в Дагестане, в древнем поселении около ст. Каякент, где была обнаружена энеолитическая керамика [3].

Каменные булавы были широко распространены к югу от Кавказа, в областях Передней Азии, где они часто встречаются в энеолитических слоях многочисленных холмов — тепе (Алишарский холм, тепе Сиалк и др.) [4]. В Азербайджане, в Астраханбазарском могильнике, вместе с медным кинжальным клинком была также найдена архаичная каменная булава, относящаяся к ранней поре появления металла [5].

Особенно интересный материал, дополняющий наши сведения об энеолите Восточного Закавказья, дали курганы близ Степанакерта. В этих курганах (№ 103, 119 и 125) под впускными погребениями бронзового века были обнаружены энеолитические могилы. Здесь, наряду с большим количеством различных предметов, найдены две шаровидные булавы, одна — из плотного мраморизированного известняка, другая — из магнетита (рис. 2, *9*, *10*) [6].

Мы могли бы значительно увеличить перечень находок каменных булав, однако уже сказанного достаточно для того, чтобы убедиться в их древнем происхождении. Позднее на территории Закавказья архаичная шаровидная каменная булава заменяется бронзовой, приобретая самые различные формы, достигаемые искусной отливкой. Так, массивные бронзовые булавы с острыми коническими шипами-выступами обнаружены в богатом погребении близ сел. Карягино в Нагорном Карабахе [7]. Аналогичные булавы найдены и в Центральном Закавказье, в могилах Нор-Баязетского района [8]. Бронзовые булавы, имеющие пять округлых выступов и удлиненную втулку, обычны для могильников развитого бронзового века Закавказья. Булавы такой формы найдены в Триалетском районе, в могильнике у Бешташенской крепости, в Нор-Баязетском районе и, наконец, в могильнике близ Кировакана [9].

В эпоху развитого бронзового века, наряду с металлическими, в некоторых местах продолжали еще бытовать каменные булавы. Укажем, например, на находку Е. Пчелиной и А. Смирнова в южной части Осетии,

---

[1] С. И. Макалатия. Ук. соч , рис. 28.

[2] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 44, рис. 9, *8*.

[3] А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. (рукопись). Архив ИИМК, фонд № 45, дело № 69, л. 29.

[4] Er. Schmidt. Anatolia through the ages. Discoveries of the Alishar mound 1927—1929. Chicago, 1931, стр. 93, рис. 138; R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan, v. I. Paris, 1939, табл. LIII, *4—5*; XXIII, *1*; Hans Bonnet. Die Waffen der Völker des Alten Orients. Leipzig, 1926, стр. 10.

[5] И. М. Джафарзаде. Элементы археологической культуры древней Мугани. Изв. Академии Наук Азербайджанской ССР, 1946, № 9, стр. 39, рис. 4.

[6] Я. И. Гуммель. Некоторые памятники..., стр. 18, рис. 8, *9*, *10*.

[7] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, т. VI, табл. 15, *1*, *2*.

[8] Е. А. Лалаян. Раскопки курганов Советской Армении. Ереван, 1931 (на арм. яз.), стр. 130.

[9] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 74, рис. 81; Е. А. Лалаян. Ук. соч., рис. 117; К. Г. Кафадарян. Археологические раскопки в Кировакане. Изв. Арм. ФАН СССР, 1941, № 3—4 (на арм. яз.), стр. 62, рис. 5.

где в одном из древних погребений (близ с. Нули) было найдено несколько булав, выточенных из белого известняка [1]. Наряду с обыкновенными шаровидными булавами, хорошо известными по памятникам энеолита Закавказья и Передней Азии, в погребениях в Нули встречены каменные

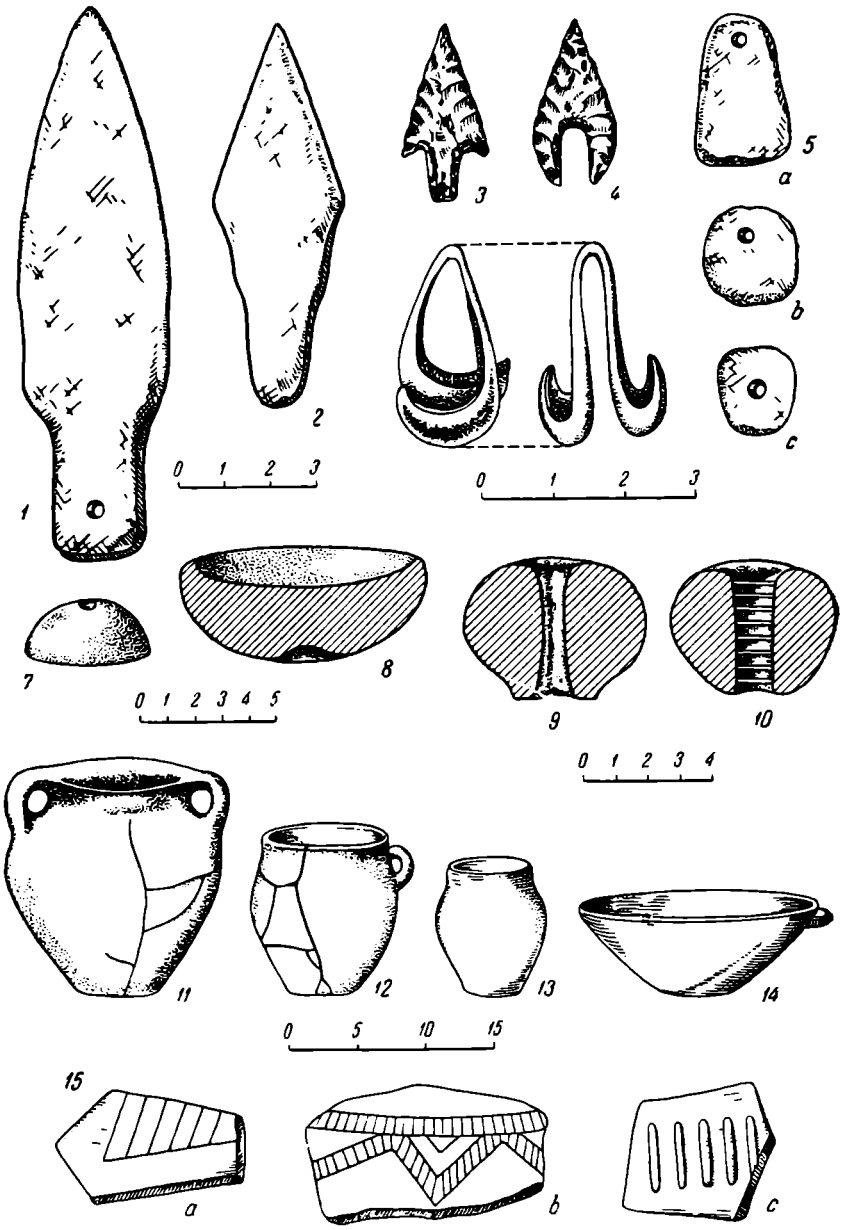

Рис. 2. Предметы из курганов № 119 и 125 близ Степанакерта (по Я. И. Гуммелю, см. КСИИМК, XX, стр. 18, рис. 8)

булавы с четырьмя округлыми выступами [2]. Форма этих булав, повидимому, является дальнейшим развитием архаических шаровидных каменных булав и, быть может, должна быть рассмотрена как промежуточное

[1] Е. П. Пчелина и А. П. Смирнов. Дневник археологических исследований, произведенных близ сел. Нули. Изв. Югоосетинского ин-та краеведения, вып. 1. Сталинири, 1933, стр. 295.

[2] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция..., стр. 31, табл. XIX, *1*.

звено между каменными шаровидными булавами и бронзовыми булавами с выступами, эпохи поздней бронзы. Это предположение не противоречит датировке нулинского комплекса эпохой средней бронзы, предлагаемой Б. А. Куфтиным.

В двух хаченагетских курганах (№ 2 и 3) были найдены короткие бронзовые кинжальные клинки. Кинжалы эти — небольшого размера (длина— 16 и 13 см), с плоскими клинками подтреугольной формы, с несколько закругленным концом и черешком для насадки рукоятки. Сама рукоятка не сохранилась, так как она, вероятнее всего, была деревянной. Анализ металла, из которого сделаны хаченагетские клинки, не производился; однако не исключена возможность, что клинки эти не бронзовые, а медные, как большинство предметов, относящихся к начальной стадии металла на Кавказе. Анализы предметов раннеметаллической эпохи показывают крайне незначительное содержание в них олова. По мнению А. А. Иессена, присутствие здесь следов олова, быть может, можно отнести не за счет искусственной присадки его к меди, а за счет оловоносности исходных медных руд. Однако вопрос о разработке источников олова на первой стадии развития металла, а также вопрос о содержании олова в кавказских медных месторождениях до сих пор не представляются окончательно ясными и разрешенными [1].

Плоские медные клинки, подобные хаченагетским, встречаются довольно часто и на сравнительно широкой территории. По внешнему виду они делятся на две группы: 1) кинжалы с листовидным лезвием и удлиненным черешком (Б. А. Куфтин называет их бритвами) и 2) кинжалы с треугольным лезвием без среднего ребра. Все они небольшие по размеру (13—19 см) и обработаны, как правило, ковкой, холодным способом. «Отбивка краев лезвия для заострения, вместо отточки на камне, удерживается в Грузии еще в эпоху средней бронзы на явно отлитых клинках, как это можно видеть на прекрасном серебряном клинке из Триалети; но позднее, как это видно по материалу из Мцхета, уже не сохраняется» [2].

В недавно раскопанном могильнике Царцис-Гора в Сачхерском районе, в древнем погребении, вместе с медными боевыми топорами, наконечниками копий и черной лощеной керамикой «на розовой подкладке» были найдены оба типа кинжальных клинков — листовидные и треугольные [3]. Датировка этого комплекса эпохой древней бронзы подкрепляется находкой там архаичного наконечника копья листовидной формы, со стержнем для насадки на древко [4]. Как известно, подобные наконечники копий бытовали на Кавказе, в переднеазиатских и средиземноморских странах, примерно до второй четверти II тысячелетия до н. э., сменившись затем втульчатыми наконечниками, наиболее древний вариант которых в Закавказье обнаружен в цалкинских и кироваканском погребениях середины II тысячелетия до н. э. [5]

Кинжальные клинки рассмотренных нами типов встречены в памятниках Абхазии — в нижнем слое Эшерских дольменов, а также в карабудахкентских и в одном из таркинских погребениях в Дагестане [6].

---

[1] А. А. Иессен. Олово Кавказа. Изв. ГАИМК, вып. 110, т. II, стр. 198; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I, стр. 200.

[2] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция..., стр. 72.

[3] Там же, стр. 70—72.

[4] Там же, табл. IX.

[5] Там же, стр. 72—74; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 10—12, 96, табл. VI.

[6] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I, табл. XXX, XXXII; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг.

Более ранними, по сравнению с приведенными имеретинскими и абхазскими, являются плоские медные кинжалы с широким языком для насадки рукояти, найденные в кургане № 119 близ Степанакерта (рис. 2, *1*, *2*). Находка этих архаичных кинжалов вместе с шаровидной булавой и «мешочной» керамикой в коллективных погребениях, перекрывающих неолитические могилы, заставляет отнести их ко времени до хаченагетских курганов [1].

К несколько более позднему времени относятся медные клинки листовидной формы, найденные в кургане X у Параванского озера в Триалети; в этом кургане находилась также упоминавшаяся выше гематитовая булава [2].

В настоящее время известно большое количество медных кинжальных клинков, происходящих из случайных раскопок или из плохо датированных комплексов. Так, в составе «Цхинвальского клада», представляющего, в основном, коллекцию предметов, характерных для эпохи развитой бронзы, имеется медный кинжальный клинок, явно выпадающий из общего характера клада и относящийся к более древнему периоду [3]. Клинок, найденный близ сел. Рустави (Юго-Осетия), по форме очень близок к цхинвальскому и отличается от него лишь более крупным размером [4]. Наконец, подобные же клинки происходят из Астраханбазарского могильника в Муганской степи, а также из древнего погребения близ сел. Кули в Южном Дагестане [5].

Ряд упомянутых находок приводит нас к выводу, что кинжальные клинки, появившиеся в эпоху медного века и просуществовавшие до второй половины II тысячелетия до н. э., могут в настоящее время являться датирующим элементом. Все они относятся к довольно ранней эпохе появления металла.

Если же мы обратимся к керамике, найденной в курганах на р. Хаченагет, то, рассмотрев ее, убедимся, что она не только не противоречит датировке хаченагетских курганов эпохой энеолита, а, наоборот, подкрепляет ее. К сожалению, в нашем распоряжении имеется всего лишь единственный сосуд, найденный в кургане №2 (рис. 1, *1*). Остальные, обнаруженные в обломках, Э. Рёслером взяты не были; не приведено также и их описания. Прекрасная сохранность единственного сосуда говорит о его высоком техническом качестве. Как мы уже упоминали, это маленький округлый горшочек с плоским дном, сильно отогнутым венчиком и тонкой, круглой в сечении ручкой. Тесто сосуда почти лишено каких бы то ни было примесей, розоватый цвет его хорошо различим по внутренней поверхности. Таким образом, горшочек из кургана № 2 можно причислить к типу черной лощеной керамики «на розовой подкладке», характерной для медного века Куро-аракского двуречья.

Украшение на хаченагетском сосуде отличается от свободно расположенных рисунков на большинстве энеолитических сосудов Закавказья. На описываемом нами сосуде украшение является строгой композицией, симметрично построенной умелой рукой мастера, основная фигура которой — круглый медальон — расположена на лицевой его части, против ручки.

КСИИМК, XLV, 1952, стр. 85, рис. 35; Е. И. Крупнов. Археологические исследования в районе сел. Тарки. МИА № 23, стр. 255, рис. 14, *4*.

[1] Я. И. Гуммель. Некоторые памятники..., стр. 18, рис. 8, *1*.

[2] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. CXV.

[3] Его же. Археологическая маршрутная экспедиция..., стр. 19—20.

[4] Там же, стр. 33—35, табл. IX и XIX.

[5] И. М. Джафарзаде. Ук. соч., стр. 31, рис. V, *3*; Л. И. Лавров. Раннесредневековый могильник в Нагорном Дагестане. Сб. МАЭ, т. XIII, 1951, стр. 304, рис. 1.

Прием украшения поверхности сосуда спиральной орнаментацией обычен для керамики медного века Закавказья, где он встречается в сочетании с другими геометрическими фигурами, то располагаясь свободно по поверхности, то украшая лишь ее определенную часть. Мотив этот существует длительное время и впоследствии переходит в памятники средней бронзы, где уже в красках получает свое воплощение в расписных сосудах знаменитых цалкинских и кироваканского могильников. Из орнаментальных мотивов, наиболее близких к украшению хаченагетского сосуда, можем назвать мотив двойной спирали, соединенной внизу прямой линией, встречающийся а многих образцах закавказской энеолитической керамики. Сосуд, у рашенный такой двойной спиралью, соединенной длинной прямой линией, был найден в 1893 г. при раскопке древнего могильника на западном склоне Арагаца[1]. Фрагмент крупного сосуда несколько иной формы, но сходный по орнаментации, обнаружен в энеолитическом погребении с трупосожжением близ сел. Кикети [2].

Такая же композиция встречается неоднократно и на энеолитической керамике Цалкинского района. Несколько обломков сосудов, украшенных двойной выпукло-вогнутой спиралью, найдены в нижнем слое Бешташенской крепости [3]. Крупный лощеный пифос без ручек, украшенный с лицевой стороны рельефной двойной спиралью, был обнаружен также на глинобитном полу позднеэнеолитического жилища близ сел. Озни [4].

Наконец, фрагменты лощеной керамики с рельефным орнаментом были найдены на древнем поселении близ ст. Каякент в Дагестане, которое по целому ряду признаков входит в круг энеолитических памятников Закавказья [5].

Мотив двойной спирали, украшавший древнейшую керамику, имел крайне широкое распространение и встречается также в более южных от нашего Закавказья областях. Так, производившиеся в 1948 г. раскопки в Приурмийском районе на холме Геой-тепе выявили энеолитический слой, в котором находились черные лощеные сосуды с двуспиральным орнаментом и характерными для энеолита ручками [6]

Возвращаясь к сосуду из кургана № 2 на р. Хаченагет, мы должны отметить, что, при большом сходстве со всеми приведенными сосудами, его орнаментальная отделка носит своеобразный характер и не имеет точных повторений ни в одном из приведенных памятников.

В двух курганах на р. Хаченагет (№ 2 и 3) найдены золотые предметы. В кургане № 2, как уже говорилось, находилось украшение из тонкого листового золота, свернутого в виде трубочки-цилиндрика (рис. 1, *5*). В кургане № 3 также находилось украшение, напоминающее по форме боченкообразную бусину (рис. 1, *4*). Предметы эти изготовлены из разных сортов золота; трубочка имеет красноватый оттенок, а спираль отливает светложелтым цветом. Назначение золотой трубочки для нас не совсем ясно; судя по отверстию внутри, можно предположить, что она охватывала какой-либо твердый стержень. В цалкинских курганах с расписной керамикой известны подобные полые золотые трубочки от тростей или

---

[1] Н. Я. Марр. Ани. М.— Л., 1934, табл. VII, рис. 18.
[2] Е. И. Пчелина. Указ. соч., стр. 159, рис. 7.
[3] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 110, табл. CXX.
[4] Его же. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, стр. 30, табл. XXXV, рис. 14.
[5] А. П. Круглов. Ук. соч. (рукопись), л. 26.
[6] T. Burton Brown. Excavation in Azarbaijan 1948. London, 1951, pl. III, 45.

шнуров, являвшихся частью погребальных штандартов[1]. В настоящее время хаченагетский цилиндрик является наиболее древним из известных золотых предметов, украшенных штампованным орнаментом. Прием его орнаментации хорошо увязывается с техническими приемами украшений золотых предметов, найденных в Цалке, Кировакане и Узунларе [2]. Однако эти памятники, несомненно, относятся к более позднему времени, нежели курганы на р. Хаченагет; наличие же в последних золотых украшений со штампованным орнаментом является свидетельством преемственности и расцвета, в эпоху средней бронзы, технических традиций, существовавших в Закавказье уже в начале II тысячелетия до н. э.

Интересен также и второй золотой предмет, найденный в кургане № 3. Техника обкладки твердой основы тонким листовым металлом встречается с древнейшей поры. В памятниках древнего Востока, относящихся к IV—III тысячелетию до н. э. (Ур, Урук и др.), этот прием известен в различных украшениях и в круглой скульптуре. В Закавказье он получает особое развитие в середине II тысячелетия до н. э. (Триалети, Кировакан, Узунлар) и доживает до конца II тысячелетия (Шах-тахты) [3].

Таким образом, технические приемы изготовления второго золотого украшения связываются с более поздними памятниками центрального, а затем и юго-восточного Закавказья.

Наличие золотых изделий в курганах на р. Хаченагет является не случайным. Они в энеолитических погребениях Закавказья встречаются довольно часто. Любопытно, что золотые предметы, как правило, попадаются лишь в погребениях; в поселениях они вовсе отсутствуют. Последнее обстоятельство свидетельствует, повидимому, о начавшемся уже возвышении родоплеменной знати, выразившемся в обряде погребения и получившем особенно пышное развитие в эпоху средней бронзы. Золотые украшения в памятниках медного века были встречены в ряде мест Кавказа. В одной из ранних грунтовых могил древнего некрополя Царцис-гора (Сачхерский район), относящейся к периоду ранней бронзы, был обнаружен спиральный завиток из червонного золота архаичной формы. Вместе с завитком в могиле находились медный вислообушный топор и медный кованый кинжальный клинок [4]. Завиток из некрополя Царцис-гора рассматривается Б. А. Куфтиным, как наиболее древний местный прототип золотых, полых внутри завитков из Триалетского кургана XXIV [5]. В центральном Закавказье, в Цалкинском районе, в упомянутом уже кургане древней бронзы у Параванского озера, вместе с грушевидной булавой и медными клинками, были найдены три тонких золотых цилиндрика, которые, по мнению Куфтина, могли являться обкладкой деревянного лука[6],

Наконец, на территории собственно Нагорного Карабаха, в раннеэнеолитических погребениях степанакертских курганов № 119 и 125, также присутствуют золотые предметы; это три золотые обкладки от пастовых бус и височные подвески из листового золота в виде колечек с расширяю-

---

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. C; его же. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, табл. XIV, XVII.

[2] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 98—99, рис. 105, 106, табл. XCVI, CIII, CIV.

[3] Woolley C. Leonard. The royal cemetery (Ur exavation, vol. II). New York, 1934, стр. 264—266, табл. 87—90; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 94, 98, рис. 100, табл. XCVII, XCVIII; А. Алекперов. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. СА, IV, стр. 255.

[4] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция..., стр. 79, табл. LXV.

[5] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 95, рис. 99, *3*.

[6] Там же, стр. 101, табл. CXV.

щимися и заходящими друг за друга концами (рис. 2, *6*) [1]. Форма последних весьма архаична; наиболее ранним вариантом таких украшений можно считать медные подвески из женского погребения № 31 в Нальчикском кургане [2] Такие же медные украшения встречены в галиатском могильнике «Фаскау», а также в упоминавшихся выше коллективных погребениях из сел. Ткviави [3].

Позднее, в начале I тысячелетия до н. э. подвески такой формы, но значительно бóльших размеров, встречаются в могильниках северо-восточного Кавказа, близ селений Каякент и Хорочой [4].

Таким образом, на ряде памятников, относящихся к ранней поре появления металла, мы можем проследить обряд положения в могилу золотых украшений. Технические приемы обработки золота показывают уже весьма высокое мастерство. С помощью проковки золото в руках мастера превращается в тонкий лист, который украшается несложным штампованным орнаментом. Известен также прием накладки золотого листа на твердую бронзовую основу. Несомненная связь технических приемов обработки золотых предметов из хаченагетских курганов с более поздними памятниками (Цалкинские курганы, Кироваканское погребение) свидетельствует о преемственности определенной традиции, существовавшей на территории самого Закавказья. Установление этой связи указывает на тесные культурные взаимоотношения центрального и восточного Закавказья в первой половине II тысячелетия до н. э.

Факт нахождения в могилах дорогих предметов, как упомянутые золотые изделия, свидетельствует о начавшемся уже имущественном расслоении. Об этом же говорит появление крупных курганных насыпей, сооружавшихся над одиночными погребениями, характеризуемых Б. А. Куфтиным следующим образом: «В этой последней черте мы скорее должны угадывать особенности, присущие социальной структуре общества в эпоху, предшествующую курганам типа Топ-кар (с большим количеством золота и расписной керамикой), а именно, не только не успевшую еще экономически обособиться родовую аристократию, но и вообще ее недостаточно выраженный институт племенных вождей в недрах родового общества, с получившей уже, однако, преобладание мужской организацией. Крупные курганные погребения этого времени на Цалке, хотя и утеряли уже более древний коллективный характер типа ткviавских курганов в Юго-Осетии и сооружаются сплоченными усилиями рода для одного лица, но полагаемый с покойником инвентарь не выделяет заметно это лицо среди остальных сочленов рода» [5].

Курганы на р. Хаченагет, относящиеся, повидимому, к позднему энеолитическому времени, не являются все же самыми ранними памятниками на территории Нагорного Карабаха. Им, несомненно, предшествуют уже неоднократно упоминавшиеся курганы близ Степанакерта, открытые Я. И. Гуммелем в 1938 и 1939 гг. [6] Характерным признаком здесь является

---

[1] Я. И. Гуммель. Некоторые памятники..., стр. 18, рис. 8, *6*.

[2] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. И. Подгаецкий. Могильник в Нальчике. МИА, № 3, стр. 127, рис. 25.

[3] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 39, рис. 7, *1*; С. И. Макалатия. Ук. соч., табл. XII, *4*.

[4] Е. И. Крупнов. Каякентский могильник-памятник древней Албании. Труды ГИМ, XI, стр. 12, табл. I; А. П. Круглов. Предскифские памятники северо-восточного Кавказа. Ученые записки ЛГУ, вып. XIII, Л., 1949, стр. 118, рис. 5, *3*.

[5] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, стр. 24.

[6] Я. И. Гуммель. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г., стр. 77; его же. Некоторые памятники..., стр. 15.

коллективность погребального обряда. В кургане № 103 было похоронено 48 человек, а в кургане № 119 — свыше 36 человек [1]. Тут, скорее всего, были похоронены люди, принадлежавшие к одному роду.

Керамический материал из степанакертских курганов также свидетельствует о более древней дате. При общем сходстве погребального инвентаря с хаченагетскими курганами,— булава, кинжальные клинки, обсидиановые орудия,— керамика этих двух групп памятников совершенно отлична. Если в курганах на р. Хаченагет мы находим прекрасно орнаментированную черную лощеную посуду с ярко выраженными чертами энеолитической керамики, то степанакертские курганы дают грубые лепные неорнаментированные кувшины, банки и миски из светложелтой и коричневой глины. Крайне интересен их способ изготовления с помощью основы из грубой ткани, обмазанной с обеих сторон глиной. Это так называемая «мешочная» (по Я. И. Гуммелю) или «текстильная» керамика. Для восстановления процесса ее производства крайне важное значение имеют этнографические наблюдения В. А. Петрова, сделанные им на территории Карабаха, в сел. Шихляр (Джебраильского района). Как оказалось, технология изготовления «мешочной» керамики используется уже очень редко и главным образом при изготовлении кувшинов для приноса воды с родников. «Изготовление ведется следующим способом: первоначально из какой-либо ткани (в настоящее время применяется хлопчатобумажная бязь) делается выкройка по форме будущего сосуда, которая сшивается в виде мешка (таким образом, термин Я. И. Гуммеля надо признать исключительно удачным и передающим особенности технологического процесса.— *К. К.*). Затем мешок туго набивается песком и с поверхности обмазывается глиной. После того как глина подсохнет, песок из середины мешка вытряхивают прочь и, при помощи деревянного помазка, обмазывают глиной внутреннюю поверхность сосуда. Наконец, высохший сырцовый горшок поступает на обжиг, при котором органическое вещество в большинстве случаев нацело выгорает. Преимущество такой посуды, судя по рассказам, состоит в том, что она очень прочна. Даже резкий удар, нанесенный по поверхности, вызывает, самое большее, растрескивание наружного слоя черепка, причем трещины не распространяются глубже слоя, который первоначально занимала ткань мешка» [2].

«Текстильная» керамика хорошо известна по памятникам конца II тысячелетия до н. э. из лесной зоны Восточной Европы [3]. На юге подобная керамика также имела распространение и неоднократно встречена как в Закавказье, так и на Северном Кавказе.

Фрагменты черепков «текстильной» посуды обнаружены в Долинском поселении в Кабарде, а также в Джемикентском поселении в Дагестане [4]. В Закавказье она известна из четырех степанакертских курганов, из могильника близ Ханлара и в окрестностях Килик-Дага [5]. «Текстильную»

[1] Тридцать шесть скелетов находилось в неразрушенной части кургана, общее же количество скелетов, из-за поврежденности кургана, установить не удалось.

[2] В. А. Петров. Некоторые приемы исследования растительных остатков с мест археологических раскопок. КСИИМК, VII, 1941, стр. 42.

[3] М. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР. СЭ, 1930, № 4, стр. 55; А. Я. Брюсов. «Сетчатая керамика». СА, XIV, стр. 287.

[4] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3,стр. 131, табл. X, рис. 1, 2; А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, V, 1940, стр. 66; его же. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 132.

[5] Я. И. Гуммель. Некоторые памятники..., стр. 19, 20, 26; его же. Археологические раскопки в районах Аз. ССР. Изв. Аз. ФАН СССР, 1933, вып. 3, стр. 62 и 67; его же. Из памятников материальной культуры древнего Азербайджана. ВДИ, 1940, № 1, стр. 213.

керамику дали также разновременные селища Абхазии, наиболее раннее из которых, Кистрик, относится к позднеэнеолитическому времени, в то время как Очемчирское, Моквинское, Сухумское и другие селища датируются эпохой бронзы [1].

Наличие примитивной керамики свидетельствует об определенном архаизме степанакертских курганов, относящихся, несомненно, к эпохе раннего энеолита (середина — конец III тысячелетия до н. э.), когда не были еще выработаны характерные для закавказской энеолитической керамики общие черты. Следует думать, что ранние памятники второй половины III тысячелетия до н. э., относящиеся к началу медного века (степанакертские курганы и абхазские селища), имеют свои узко локальные особенности, выражавшиеся главным образом в своеобразном для каждой области керамическом производстве. На этом раннем этапе еще не выработались основные черты (налепные полусферические ручки, черное лощение с внешней стороны при сохранении розоватого цвета теста изнутри, выпукло-вогнутый или резной геометрический орнамент и пр.), характерные для керамики развитого медного века. Не исключена возможность, что формирование ведущих признаков энеолитической керамики Кавказа происходило в какой-либо одной, наиболее передовой области. В качестве предположения такой областью можно считать, скорее всего, центральное Закавказье, распространившее свое влияние на целый ряд смежных областей.

Рассмотрение археологического материала из хаченагетских курганов приводит нас к следующему заключению. Курганы эти относятся к эпохе энеолита — об этом говорит весь комплекс найденных в них предметов (шаровидные каменные булавы, кинжальные клинки, обсидиановые орудия, черная лощеная керамика «на розовой подкладке», золотые украшения). Однако наличие в одном кургане довольно крупной насыпи над одиночным погребением, а также хорошо прослеживающаяся связь с керамикой из курганов Цалкинского района, непосредственно предшествующих памятникам средней бронзы, при отсутствии связей с более ранней «мешочной» керамикой, представленной степанакертскими курганами, говорит за отнесение хаченагетских курганов к эпохе позднего энеолита. Другим аргументом, подкрепляющим этот вывод, является хорошо прослеживающаяся общность технических приемов обработки золотых изделий из курганов на р. Хаченагет с украшениями из могил центрального Закавказья середины II тысячелетия до н. э. (цалкинские и кировабаканские курганы, находки в Узунларе), характеризующихся расписной керамикой. Наличие значительной курганной насыпи над одиночным погребением, положение в могилы целого ряда предметов, не находимых обычно в поселениях (кинжальные клинки, украшения из золота), и ряд других фактов наглядно указывают на начавшийся уже в эпоху сооружения хаченагетских курганов процесс имущественного расслоения, которое, прогрессируя, приводит позднее, в середине II тысячелетия до н. э., к сооружению богатейших курганов над погребениями вождей племен на Цалке и в Кировакане.

Исходя из всего изложенного, мы можем определить и хронологическое место пяти курганов на р. Хаченагет, время сооружения которых падает, скорее всего, на начало II тысячелетия до н. э.

---

[1] А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. СА, XI, 1949 стр. 280; Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии, стр. 46; его же. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии, стр. 265; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II, стр. 264—297.

О. Н. БАДЕР

СТОЯНКА БОР II И ПРЕДАНАНЬИНСКОЕ ВРЕМЯ В ПРИКАМЬЕ

В середине 30-х годов широко проведенными раскопками Н. А. Прокошеву удалось исследовать несколько очень важных в историческом отношении древних поселений, позволивших ему выявить особенности энеолита на его более позднем этапе, следующем в пермском Прикамье за левшинским этапом. Основные памятники в исследованиях Н. А. Прокошева располагаются в таком хронологическом порядке: Левшино—Северная стоянка на оз. Грязном — Астраханцевская. При этом дата Левшинской стоянки Н. А. Прокошевым вслед за А. В. Шмидтом определялась, как грань между III и II тысячелетиями, дата же Астраханцевской стоянки — не позже середины II тысячелетия до н. э.[1] К сожалению, основная часть материалов Н. А. Прокошева до сих пор остается неизданной, что делает почти невозможным их научное использование.

В 1947 г. в низовьях Чусовой, на отрезке между Камой и Сылвой, открыты 15 новых стоянок; среди них — неолитические памятники, предшествующие Левшину (стоянка Боровое озеро I и др.), большинство которых принадлежит к астраханцевскому или гаринскому типу и относится ко II тысячелетию до н. э. Этот новый и обширный материал, увеличенный последующими раскопками Камской археологической экспедиции Молотовского университета, позволил нам уточнить культурную стратиграфию чусовского Прикамья в эпоху бронзы[2], подразделив последнюю на два разновременных, преемственно сменяющих друг друга этапа: гаринский и борский. При этом в описываемом районе к гаринскому этапу принадлежит до десяти поселений, представленных в работах Н. А. Прокошева Астраханцевской стоянкой. Они относятся к середине и второй половине II тысячелетия до н. э. Памятники же последнего этапа бронзы были нашей экспедицией выявлены здесь впервые[3].

[1] Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья. МИА, № 1; его же. Некоторые итоги изучения позднеолитических стоянок района устья р. Чусовой (1934—1937 гг.). БКИЧП, 1940, № 6—7; его же. Отчет об археологических работах 1934—1936 гг. в бассейне р. Камы. Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», изд. Академии Наук СССР, 1941.

[2] См. работы О. Н. Бадера: Работа Чусовского отряда Камской археологической экспедиции. КСИИМК, XXVI, 1949; Из новейших археологических исследований Чусовского отряда. БКИЧП, 1949, № 14; Археологические памятники Прикамья. Молотов, 1950; Итоги двухлетних исследований Камской археологической экспедиции. Доклады научных конференций Молотовского ун-та, вып. 5—6, 1951.

[3] Его же. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. КСИИМК, XXXIX, 1951.

Публикуемая стоянка Бор II является первым из исследованных и пока наиболее богатым памятником последнего этапа бронзы, именем которого этап этот и назван.

Стоянка находится в 1 км к югу от д. Верхние Гари, Добрянского района Молотовской области, на правом берегу р. Чусовой, между ее устьем и впадением р. Сылвы. Расположена над поймой (рис. 1), на краю прекрасно выраженной здесь 1-й надпойменной боровой террасы (рис. 2), протянувшейся

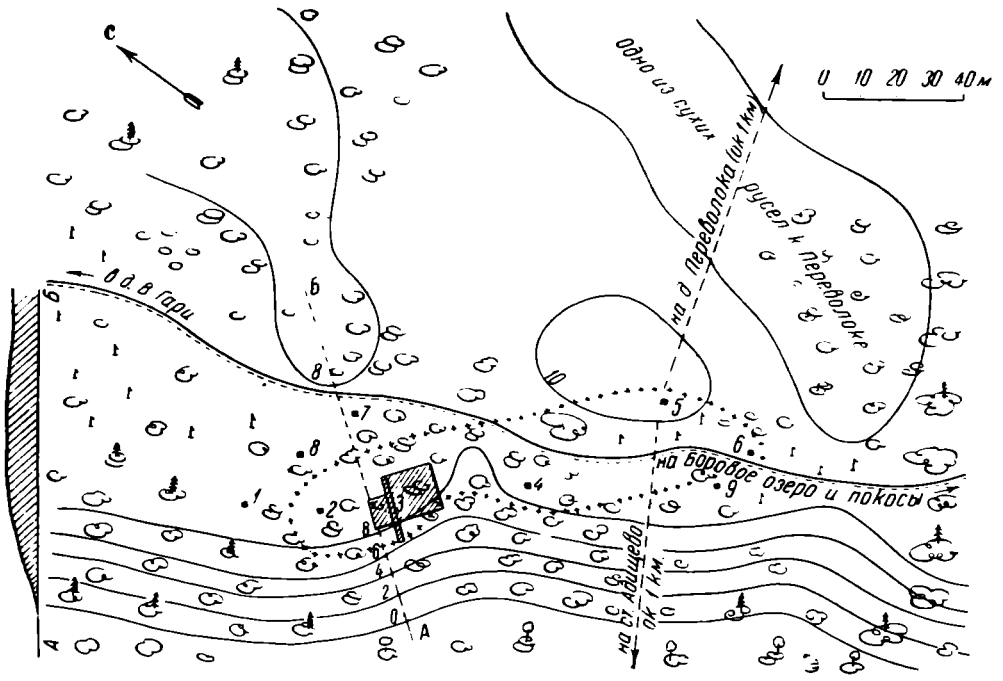

Рис. 1. Общий план стоянки Бор II

от д. Верхние Гари к Боровому озеру; поверхность террасы поросла частью смешанным хвойным, частью сосновым лесом, отчего вся эта местность и получила у населения наименование «Бор». Описываемая стоянка, являясь второй по счету от д. Верхние Гари среди полутора десятков открытых здесь нами в 1947 г. новых стоянок и местонахождений, обозначена как стоянка Бор II.

Уступ боровой террасы, на краю которого находится стоянка, возвышается на 8—9 м над заболоченной поймой, на которой до середины лета вода не пересыхает; можно предполагать, что во время существования стоянки у ее подножья находилось пойменное озеро. Поверхность стоянки поросла редким леском с полянами. При нашем первом осмотре в 1947 г. здесь были обнаружены на открытых местах в песке единичные осколки кремня (рис. 1).

И з у ч е н и е. Стоянка была нами обследована с помощью студентов Молотовского университета, силами которых были вскрыты 6 пробных участков площадью 1 кв. м каждый. Сделанные находки позволили отнести ее ко II тысячелетию до н. э.

В 1949 г. были раскопаны еще два участка (7 и 8-й), а в 1950 г.— один участок (9-й).

Этим пробным вскрытием была определена площадь распространения культурного слоя. Участки 1, 7, 8 и 9-й не дали никаких признаков

культурного слоя; в двух восточных участках найдено по одному кремневому осколку и прослежена слабая окрашенность культурного слоя толщиной 17 см (участок 5) и 28 см (участок 6); участки 2 и 4 дали единичные обломки керамики в слое толщиной около 25 см, и на участке 3 была определена наибольшая мощность культурного слоя в 52 см. Здесь были найдены немногочисленные обломки керамики и кремневые осколки. Максимальная площадь, занятая культурным слоем, определяется в 3500 кв. м (рис. 1).

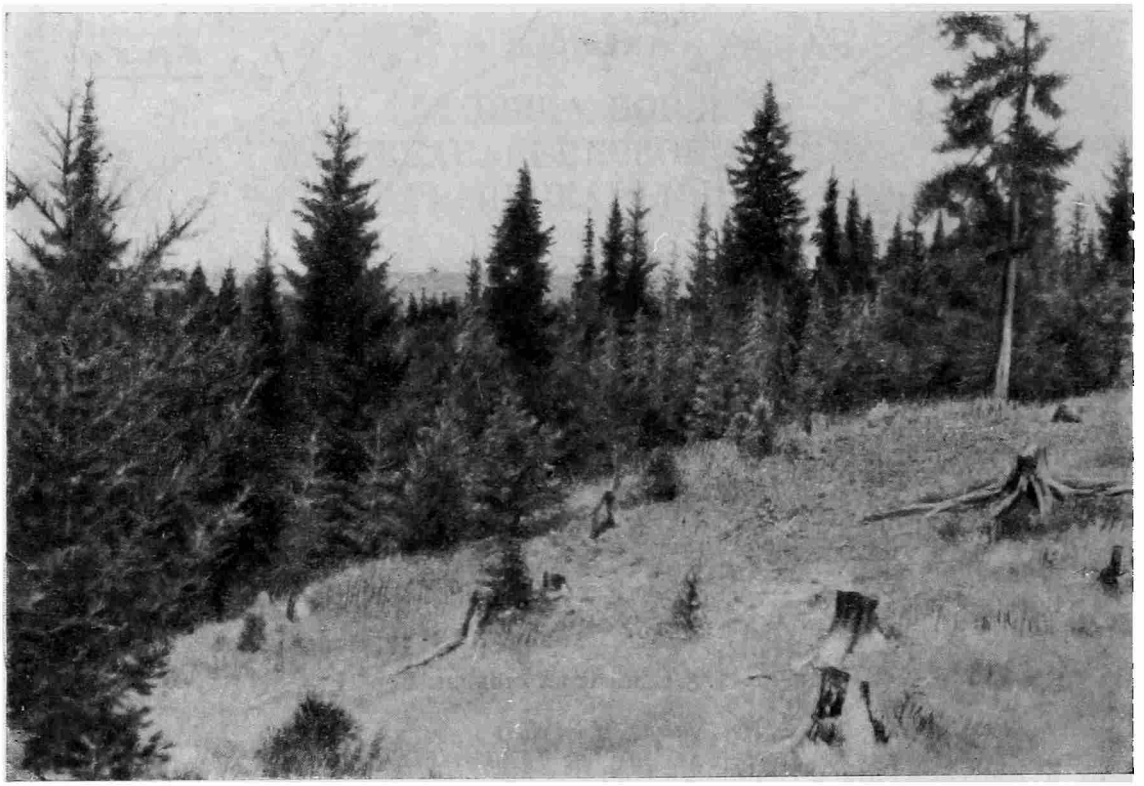

Рис. 2. Вид стоянки Бор II у ее края, над поймой Чусовой

о Основная жилая площадка стоянки находилась в западной половине черченной площади, где затем были развернуты раскопки.

Раскопки стоянки в 1949 г. были произведены Камской археологической экспедицией Молотовского университета силами студентов университета, под руководством М. А. Бадер и О. Н. Бадера. Исследовавшиеся ранее стоянки, часто с разнородной керамикой[1], не давали четкой стратиграфии, поэтому нами для раскопок была выбрана относительно поздняя стоянка Бор II, где культурный слой содержит единый керамический комплекс[2].

Раскопки были начаты поперечной по отношению к склону траншеей (рис. 3; ряд 4), пересекшей разведочный участок 3 1947 г. и за ним — слабую впадину. Затем влево и вправо от траншеи были вскрыты четырехугольные площади.

[1] Астраханцевская и Северная (раскопки Н. А. Прокошева), Бор I (раскопки А. А. Иессена и М. П. Грязнова) и многие другие стоянки из наших раскопок.

[2] См. КСИИМК, XXXIX, 1951.

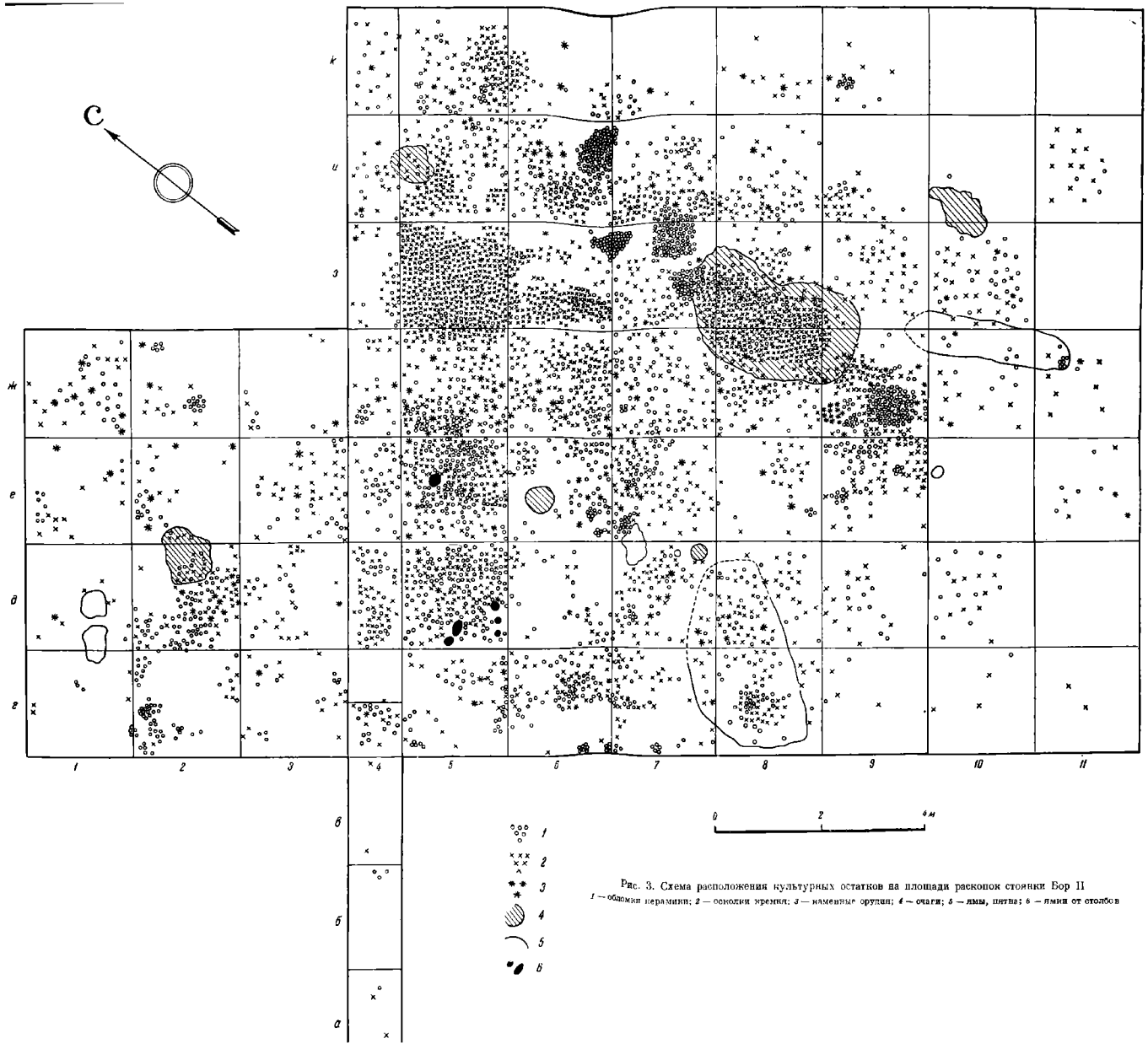

Рис. 3. Схема расположения культурных остатков на площади раскопок стоянки Бор II

1 — обломки керамики; *2* — осколки кремня; *3* — каменные орудия; *4* — очаги; *5* — ямы, пятна; *6* — ямки от столбов

Всего раскопками была вскрыта на стоянке площадь в 272 кв. м. Добытый материал поступил в кабинет археологии Молотовского университета.

Стратиграфия. Дерновый слой темносерого цвета, покрывающий культурные отложения, слаб и непрочен и не превышает в толщину 9—10 см. Культурный слой, залегающий непосредственно под дерном,

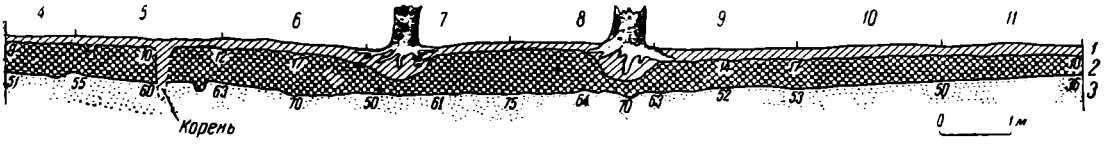

Рис. 4. Разрез слоев по северо-восточной стенке ряда К

1 — дерн; *2* — культурный слой; *3* — подстилающий песок

имеет толщину в среднем 30—35 см, но иногда достигает мощности до 50 и даже 65 см (в средней части раскопа, на юго-восток от первой траншеи 4 (рис. 3) и частью у с.-в стенки раскопа (рис. 4); в другие стороны от указанного центра слой теряет мощность, достигая толщины всего около 20 см[1].

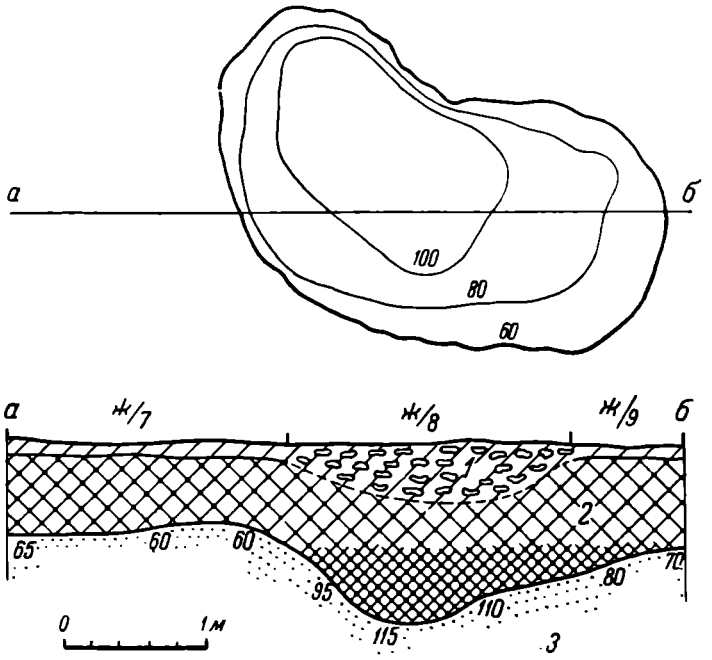

Рис. 5. План с горизонталями и поперечный разрез большой очажной ямы на участке жз/7—9

1 — углистый песок; *2* — культурный слой с примесью угля в яме; *3* — подстилающий песок

Культурный слой имеет песчаную, рыхлую структуру, нередко пронизан корнями; от дернового и подстилающего слоев отличается сероватожелтым оттенком. Линия соприкосновения с дерновым и подстилающим слоями далеко не всегда ясная, что крайне затрудняло изучение деталей;

[1] Залегание культурного слоя везде равномерное, поэтому мы не публикуем продольных профилей раскопов.

лишь местами, в пунктах расположения очагов, культурный слой хорошо отделим благодаря красновато-желтому цвету и заметной примеси угля.

Подстилающий слой по всей площади стоянки состоит из мелкого и рыхлого белесовато-желтого речного песка, слагающего боровую террасу.

Жилые остатки. Основное внимание при раскопках было обращено на изучение остатков жилищ. Однако сколько-нибудь ясные очертания их обнаружить не удалось. Это может объясняться, во-первых, возможным отсутствием постоянных жилищ в том случае, если стоянка имела сезонный характер; во-вторых, жилища могли быть нами не прослежены из-за очень слабой расцветки слоя и, в-третьих, они могли быть не обнаружены потому, что жилища этой стоянки были целиком наземными.

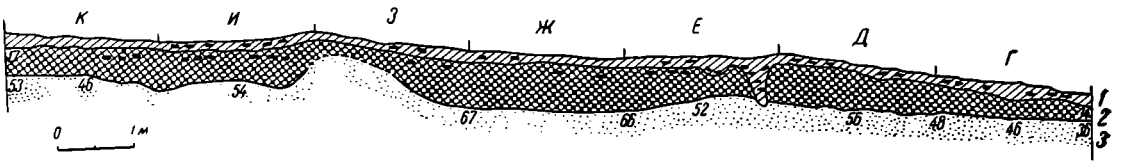

Рис. 6. Разрез слоев по юго-восточной стенке участков ряда 9
1 — дерн; *2* — культурный слой; *3* — подстилающий песок

На участках жз/7—9 (рис. 3) вскрыта большая яма вытянутой, бобовидной формы, размером 1,76 × 3,33 м, глубиной до 1,15 м от современной поверхности, углубленная в подстилающий грунт на 70 см; стенки ямы довольно крутые, исключая южной — пологой (рис. 5). В яме находилось 805 мелких осколков кремня, залегавших главным образом на глубине от 0,60 до 1,10 м; здесь же найдено несколько кремневых орудий и обломков керамики.

На север и юг от ямы отмечено несколько скоплений обломков керамики и кремневых орудий (рис. 3), но никаких особенностей ни в наслоении культурного слоя, ни в его расцветке не наблюдалось. В юго-восточном направлении имелось небольшое углубление (длиной около 3 м и шириной около 70 см), заходившее ниже уровня культурного слоя на 20 см (рис. 3); оно было заполнено относительно темным культурным слоем с углистыми пятнами, а в юго-восточном конце — красным, пережженным песком. Связь описанного углубления с соседней большой очажной ямой вероятна, но назначение его остается неясным. Здесь же, между продолговатым углублением и очажной ямой на участке Ж и смежных с ним (рис. 6) наблюдалось слабое углубление культурного слоя, протяжением 2,5—3 м. Однако никаких данных к тому, чтобы видеть в этом углублении остатки ямы от жилища, мы не имеем.

Кроме описанной выше большой очажной ямы, на площади раскопок нам встретились еще 5 очагов меньших размеров.

Очажная яма на участках де/2, заполненная обожженным песком с углем (рис. 3), имела диаметры от 80 до 95 см и глубину до 1 м от современной поверхности.

На поверхности почвы участка е/6 были прослежены остатки кострища, от которого осталось пятно обожженного песка с углем, диаметром 50 см и толщиной 23 см.

На участке д/7 в небольшом углублении, заполненном красным, пережженным песком с углистыми пятнами, был обнаружен маленький круглый очажок диаметром всего около 25 см (рис. 3); очажный слой имел толщину 10 см и, помимо угля, содержал мелкие, пережженные косточки и остатки кремня.

На участках и/4,5 находился очажок диаметром около 75 см, сделанный в небольшой округлой ямке с пологими, заметно обожженными и уплотненными краями и скоплением угля на дне (рис. 7).

Наконец, на участках из/10 был обнаружен шестой очаг, представлявший собой также яму неправильной, продолговатой формы (рис. 5), глубиной до 1,15 м от поверхности, заполненную пережженным песком и углем. Вокруг него найдены единичные осколки кремня и обломки керамики.

Кроме очажных углублений в культурном слое была обнаружена большая яма без следов действия огня. Она находилась на участке гд/7—8 (рис. 3) и имела овальную форму при длине 3,60 м, ширине 2 м и глубине 1,20 м от поверхности (рис. 8). Во всех горизонтах ямы встречались находки вещей, обычных для культурного слоя. Здесь же найдены два небольших, необожженных камня и в южной половине ямы — скопление очень хрупких песчаниковых плиток. Повидимому, это яма какого-то хозяйственного назначения.

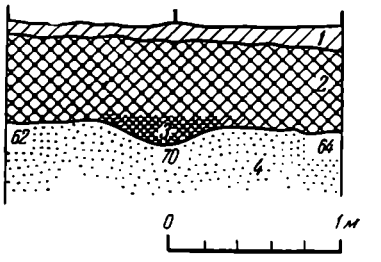

Рис. 7. Разрез очажного углубления по юго-восточной стенке участка и/4

1 — дерн; *2* — культурный слой; *3* — скопления угля; *4* — подстилающий песок

Наконец особое значение имеют 4 круглых столбовых ямки на участке д/5 (рис. 3), отмеченные на глубине 60 см, заполненные светлым песком на серовато-желтом фоне культурного слоя и прослеженные в глубину на 10 см; диаметр их — от 8 до 14 см. Пятая аналогичная ямка на том же участке имела форму овала размером 15 × 30 см и была заполнена светлым песком, смешанным с культурным слоем; на дне ее найдены черепок и кремень. На участке е/5 также находилась круглая ямка от столба диаметром 16 см. Определить назначение столбов, прослеженных по этим ямкам, не удалось.

Подводя итоги, мы можем характеризовать стоянку Бор II, как небольшое поселение. Центром ее жилой площадки была большая очажная яма с несколькими небольшими очагами в ямах вокруг нее и одним кострищем на поверхности. С большим очагом и двумя-тремя малыми связано значительное скопление культурных остатков, среди которых отмечено несколько густых скоплений керамики, а в большом очаге кремневых осколков.

Относительное богатство стоянки культурными остатками заставляет предполагать на ней наличие тех или иных жилищ. Наиболее вероятно, что с жилищем была связана большая очажная яма. Сравнивая эту деталь стоянки Бор II с данными раскопок Н. А. Прокошева[1] на озере Грязном и у Гремячего ручья, а также наших раскопок на соседней стоянке Бор I, мы видим, что в изученных на этих поселениях четырехугольных жилищах располагалось по 1—3 (чаще по 2) очага-кострища, вытянутых вдоль средней линии жилища; рассматривая с этой стороны расположение очагов и культурных остатков на стоянке Бор II (рис. 3), связать их с жилищами этого типа не представляется возможным.

Кроме того, на упомянутых стоянках преобладают кострища без очажных ям; последние встречаются, но меньших размеров, чем большая очажная яма стоянки Бор II. Особенности этой очажной ямы позволяют

[1] Н. А. Прокошев. Некоторые итоги изучения позднеолитических стоянок района устья р. Чусовой (1934—1937 гг.). БКИЧП, 1940, № 6—7.

сопоставить ее с аналогичными ямами на Балахнинской стоянке, где они, по мнению Б. С. Жукова[1], находились в центре жилищ, и вокруг них устраивались места для лежания.

Отмечаем интересную деталь в расположении культурных остатков на поверхности стоянки: почти все найденные здесь рыболовные (?) каменные грузила располагались вокруг центральной очажной ямы; на участке ж/9 пять грузил лежали вместе, кучей (рис. 3), создавая впе-

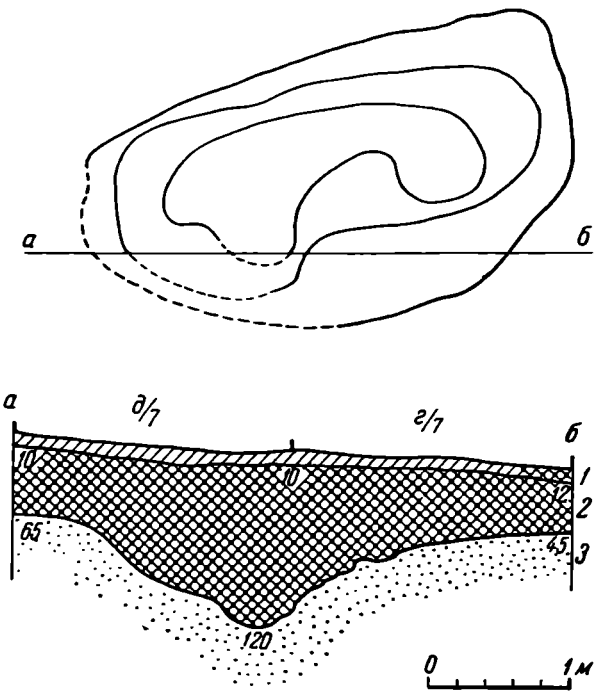

Рис. 8. План с горизонталями и поперечный разрез большой хозяйственной ямы на участке гд/7—8

1 — дерн; *2* — культурный слой; *3* — песок

чатление брошенной и сгнившей здесь рыболовной сети. На участке е/2 четыре аналогичных грузила лежали у очага.

Кроме того, значительное скопление кремневых осколков, подобное наблюдавшемуся в большой очажной яме, обнаружено на участках з/4—5, где компактной массой лежали 1172 кремневых осколка, указывая место изготовления каменных орудий.

Материальная культура. Коллекция вещей, собранных на стоянке Бор II, состоит из весьма разнообразных каменных предметов, осколков и обломков глиняной посуды; костяные поделки, как и остатки фауны, отсутствуют совершенно вследствие залегания культурных остатков в рыхлом песчаном слое на незначительной глубине от поверхности.

На стоянке Бор II нами найдено 2787 обломков керамики плохой сохранности[2]. Из них 745 обломков принадлежало не менее чем 65 отдельным сосудам. При этом необходимо отметить, что керамика стоянки

[1] Б. С. Жуков. Неолитическая дюнная стоянка близ г. Балахны. Русск. антрополог. журнал, т. 12, кн. 1—2, 1922.

[2] Фрагменты, склеенные из нескольких обломков, учтены каждый раз за одним номером.

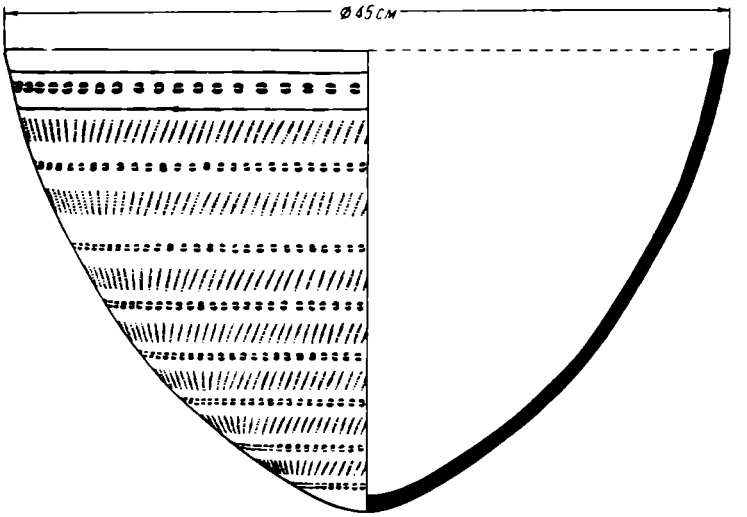

Рис. 9. Сосуд 1 (чертежная реконструкция)

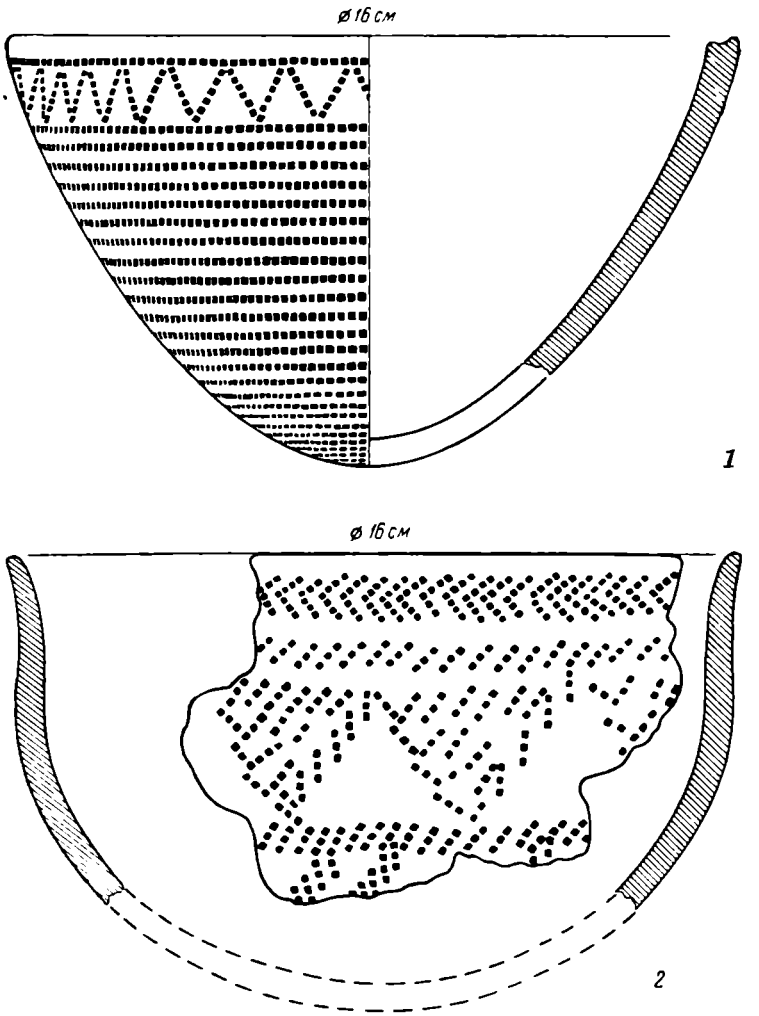

Рис. 10. Сосуды 35 (*1*) и 65 (*2*)

по основным признакам отличается большой однородностью и может рассматриваться как типологически целостный комплекс. Исключение составляют примерно пять сосудов, представленных единичными фрагментами; эти сосуды будут описаны особо.

Из-за пористости и непрочности черепков нам не удалось собрать и склеить ни одного целого сосуда, но достоверно реконструировано четыре.

За круглодонную форму сосудов говорят полное отсутствие обломков плоских днищ, наличие обломков закругленных днищ у нескольких сосудов, а также ориентировка шеек и стенок (рис. 9—11; 13, *2*, *9* и др.), дающая представление об округлости днища сосудов.

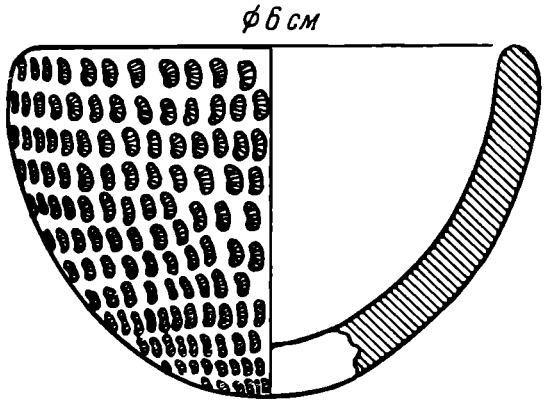

Рис. 11. Сосуд 12

Полуяйцевидная форма большинства сосудов стоянки Бор II отличается от неолитической более прямыми шейками и, следовательно, более открытым горлом, как у яйца, перерезанного поперек не на $^3/_4$ высоты, что характерно для неолитической керамики, а посредине. Эта же форма представлена единственным большим реставрированным сосудом из комплекса Б 4-й Большекозинской стоянки[1]. Наряду с полуяйцевидной, в стоянке Бор II имеется и другая форма — невысокая круглодонная чашка небольшого диаметра (рис. 10, *2*). Форма эта представлена в нашей коллекции двумя сосудами; такая же форма сосудов встречается в позднем комплексе (Б) стоянок Балахнинской низины и типологически является переходной от полуяйцевидной неолитоидной к ананьинской керамике эпохи железа.

Размеры сосудов определяются диаметрами их шеек, а высота — преобладающей формой, хотя для наиболее типичных, крупных сосудов она и не была ни разу восстановлена. Диаметр (внутренний) был измерен всего у 20 сосудов; он колеблется между 6 и 58 см. Однако диаметр в 6 см был всего у одного сосуда, следующий диаметр — 16 см; преобладают диаметры от 44 до 58 см и в особенности 45, 46 и 48 см (табл. 1)

Таблица 1

Диаметр, см	6	16	18	24	34	36	44	45	46	48	50	54	56	58	Всего
Количество сосудов	1	1	1	1	1	1	1	2	3	3	1	1	1	2	20
%	5	5	5	5	5	5	5	10	15	15	5	5	5	10	100

Толщина стенок сосудов колеблется от 5 до 10 мм; преобладает толщина 7 мм, а также 6 и 8 мм (табл. 2).

[1] О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. ИГАИМК, вып. 106, 1934, рис. 61.

Таблица 2

Толщина, мм	5	6	7	8	9	10	Всего
Количество сосудов	6	10	18	6	1	3	44
%	13,6	22,8	40,9	13,6	2,3	6,8	100

У большинства сосудов шейки на несколько миллиметров толще стенок; у значительной части сосудов шейки имеют толщину, равную стенкам; шейки более тонкие, нежели стенки, встречаются редко (табл. 3)

Таблица 3

Шейки толще стенок на			Равная толщина	Шейки тоньше стенок на			Всего
3 мм	2 мм	1 мм		1 мм	2 мм	3 мм	
2	2	13	10	2	1	1	31
54,8%			32,3%	12,9%			100%

Форма венчиков шеек разнообразна. У части крупных сосудов венчик слегка срезан вовнутрь и при этом слабо утолщен с внутренней же стороны (рис. 9; 12; 13, *2*, *8*). Иногда такое утолщение значительно и распро-

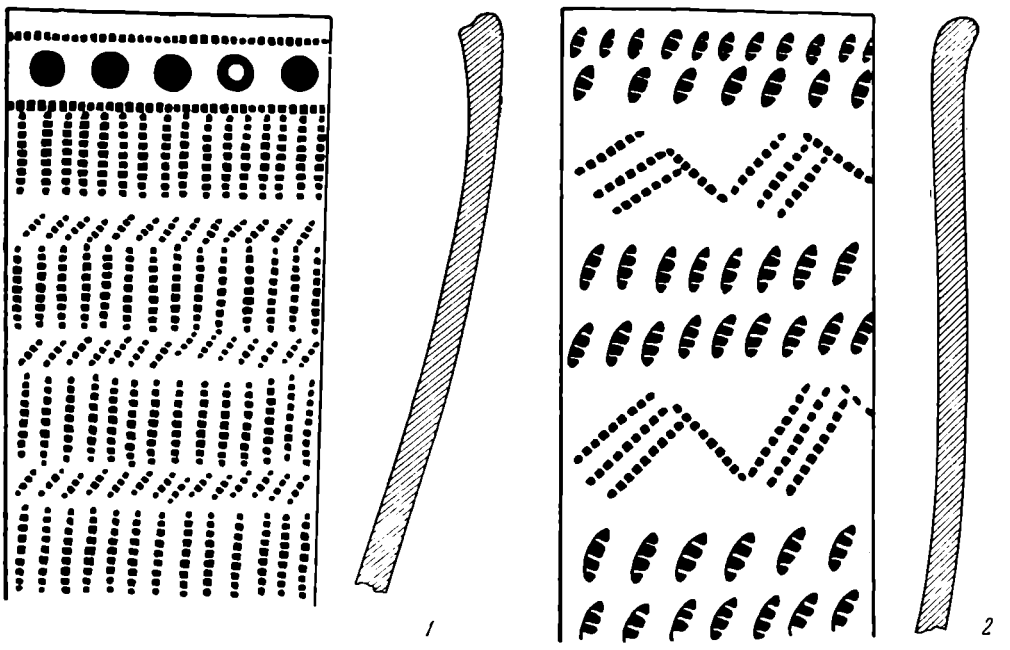

Рис. 12. Шейки сосудов 10 (*1*) и 4 (*2*); $^1/_2$ нат. вел.

страняется в виде вздутия на внешнюю часть шейки, образуя сверху широкий плоский рант, покрытый обыкновенно орнаментом (рис. 13, *4*,*7*); это напоминает венчики волосовской керамики со стоянки Холомониха

на Клязьме. У части венчиков такой рант имеет горизонтальную поверхность (рис. 13, *3*). Есть несколько венчиков, слегка отвернутых наружу (рис. 12, *2*; 13, *9*). У нескольких сосудов снаружи, прямо под венчиком,

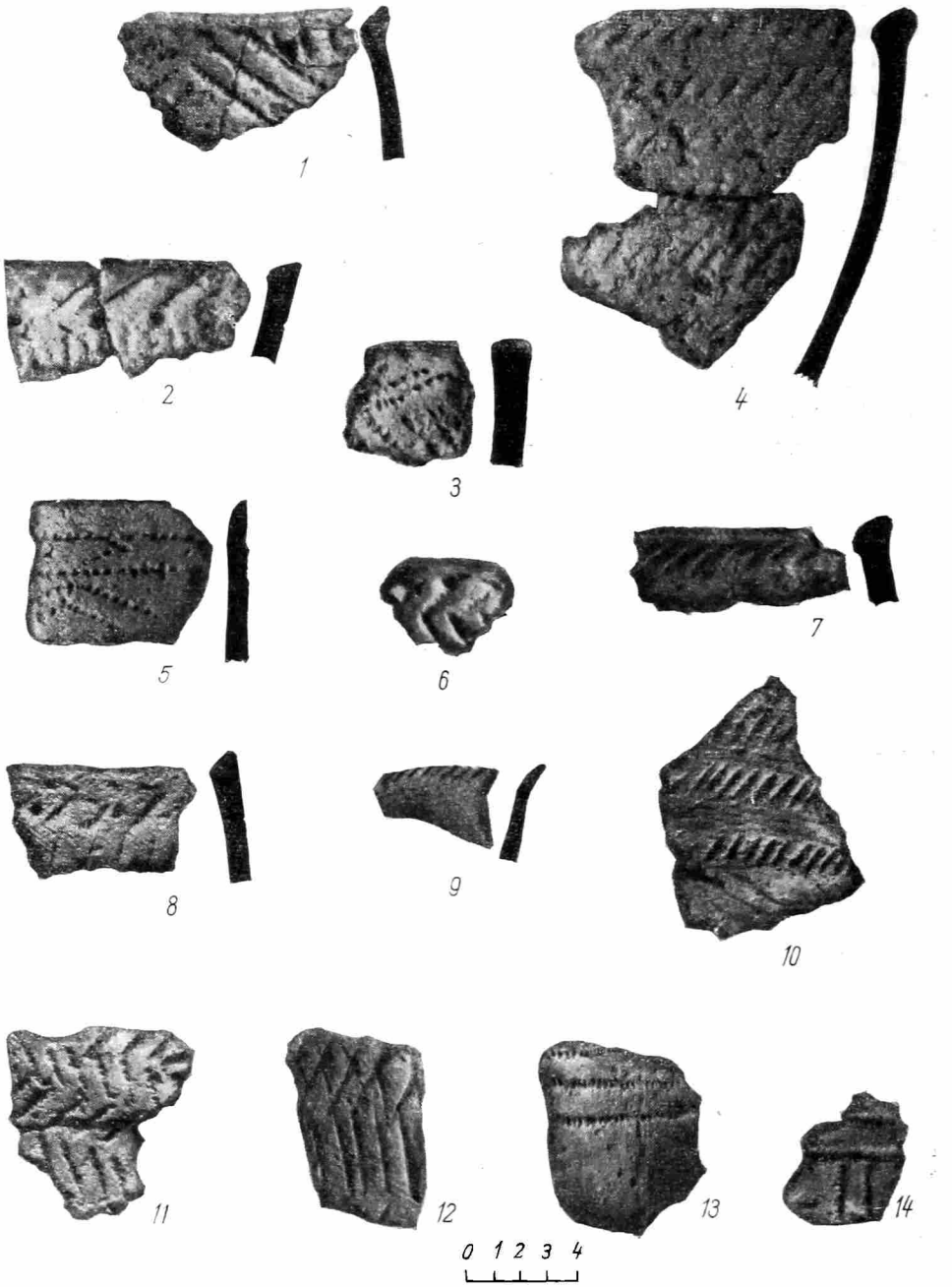

Рис. 13. Керамика

имеются глубокие, идущие вокруг орнаментальные вдавления, создающие своеобразный отворот венчика (рис. 13, *5*).

Орнамент лишь на некоторых сосудах покрывает наружную поверхность сплошь, как это делалось на неолитической посуде. На большей части сосудов горизонтальные зоны орнамента располагаются более сво-

бодно, с промежутками, а иногда разделены широкими неорнаментированными зонами (рис. 10, *2*; 13, *10*, *13*, *14*). Благодаря этому 19% от общего количества нумерованных обломков (включая и обломки, не вошедшие в разбивку по сосудам) вовсе не имеют орнамента, чем посуда стоянки Бор II опять-таки особенно напоминает посуду позднего комплекса стоянок Балахнинской низины. Ширина неорнаментированных зон на одном сосуде равна 6 см. Сосудов совсем без орнамента в нашей коллекции нет ни одного.

Второй особенностью расположения орнамента на сосуде является орнамент, наносившийся по венчику сверху или несколько наискось. Орнамент по венчику имеют 29 сосудов из 45 (т. е. 64%). Орнамент по венчику чаще всего сделан косо поставленными, широкими и очень неглубокими вдавлениями или косой зубчатой «насечкой»; в единичных случаях это косая линейная насечка и зубчатый зигзаг.

Третьей особенностью, отмеченной на трех сосудах из стоянки Бор II, является полоска орнамента из косо поставленных отпечатков зубчатого штампа на внутренней стороне сосудов вдоль венчика (рис. 10, *2*; 21, *2* и *3*).

На посуде стоянки Бор II наблюдаются три типа орнамента: зубчатый («гребенчатый»), неправильно-ямочный и линейный.

Зубчатый орнамент состоит из отпечатков зубчатых штампов, обычно довольно широких, всегда прямых, состоящих из 3—16 отдельных зубчиков. На стоянке найден штамп, сделанный из плоской сланцевой плитки[1]. Два противоположных его конца имеют зубчатые края различной ширины, с зубчиками различных размеров (рис. 21, *1*). Необходимо учитывать, что отпечатки могли делаться и делались таким штампом далеко не всегда во всю его длину, но нередко половиной его длины или только уголком.

Ямочный орнамент только на четырех сосудах может быть назван круглоямочным, но и здесь он нанесен не коническим, похожим на белемнит штампом, а или острой палочкой (рис. 13, *2*), или штампом с закругленным в виде полушария концом (рис. 12, *1*,). Во всех остальных случаях ямочные отпечатки обычно продолговатые (рис. 13), иногда продолговатые двойные (рис. 9), но чаще плоские, нанесенные углом большой цилиндрической палочки (рис. 13, *7* и пр.). В отдельных случаях такой узкоямочный орнамент трудно отделить от линейного.

Линейный орнамент и прочие элементы орнамента в коллекции отсутствуют. Лишь один сосуд (рис. 13, *4*) орнаментирован узкими и длинными ямочными вдавлениями, которые в равной степени могут быть названы и линейными; на другом, миниатюрном, имеется легкая линейная насечка (этот сосуд может относиться и к более раннему времени). Нет на сосудах и прочерченных линий.

Зубчатый орнамент резко преобладает над остальными, создавая основной орнаментальный фон (с зубчатым орнаментом 91,9% сосудов).

Сочетание различных элементов орнамента на одном и том же сосуде наблюдается редко: зубчатый с ямочным сочетается всего на 7 сосудах, с линейным же — ни разу. Количественные соотношения элементов орнамента приведены в табл. 4 (в подсчет включены 62 из выделенных сосудов).

Узор на большинстве сосудов состоит из круговых горизонтальных зон, из которых каждая слагается из одинаковых отпечатков одного штампа (рис. 9, 11, 12 и др.). В тех случаях, когда орнамент состоит из отпечатков

---

[1] М. А. Бадер. Каменный штамп со стоянки Бор II на Чусовой. БКИЧП, 1950, № 15.

Таблица 4

Элементы орнамента	Зубчатый	Ямочный (неправ.)	Линейный	Только зубчатый	Только ямочный	Только линейный	Зубчатый с ямочным	Зубчатый с линейным	Ямочный с линейным	Зубчатый с ямочным и линейным
На скольких сосудах	57	10	1	50	3	1	7	—	—	—
%	91,9	16,1	1,6	80,6	4,8	1,6	11,2	0	0	0

одного зубчатого штампа, расположенного близко соприкасающимися горизонтальными зонами, и наклон наискось поставленных отпечатков в смешанных зонах различен, эти отпечатки ставились в каждой зоне так, что прикасались к отпечаткам смежных зон, образуя длинные вертикальные зигзаги (рис. 13, *11*). В большинстве же случаев орнаментальные зоны на сосуде, состоящие из однообразных отпечатков двух типов, чередуются так, что зона зубчатых отпечатков одного рода сменяется зубчатыми отпечатками другого рода (рис. 12, *1*). Подобным же образом чередуются зоны отпечатков различных штампов — зубчатого и ямочного (рис. 9 и др.). Наконец, тулово одного сосуда под полосой зигзага на венчике покрыто отпечатками зубчатого штампа, образующего горизонтальные линии, сплошь опоясывающие сосуд (рис. 10, *1*). Как указывалось, для многих сосудов характерны довольно широкие промежутки между полосками орнамента (рис. 13, *10*).

Далее, имеется узор, близкий к сетке, образованный неглубокими пересекающимися зубчатыми вдавлениями (рис. 13, *12*), и узор из пересекающихся под прямым углом парных и тройных параллельных, широко расставленных зубчатых линий (рис. 13, *14*).

Наиболее сложный узор располагается в верхней части наших сосудов под венчиком. Здесь на нескольких сосудах мы видим комбинацию трех мотивов: двух опоясывающих зубчатых линий, между которыми расположен ямочный или зигзаговый орнамент и под которыми начинаются чередующиеся зоны косых или вертикальных зубчатых вдавлений (рис. 9; 10, *1*; 12, *1*). Чаще встречается зигзаг из отпечатков зубчатого штампа — остроугольный простой (рис. 10,*1*) и тупоугольный двойной (рис. 13, *5*) и тройной (рис. 13,*1*). В одном случае (рис. 12,*1*) зубчатый зигзаг, образующий треугольники, нанесен на венчике сверху по обрезу.

Следует подчеркнуть, что остроугольный зубчатый зигзаг в виде так называемой шагающей гребенки в коллекции отсутствует. Исключение представляет один черепок из глины с растительными примесями, на котором имеются следы этого орнамента; его внутренняя поверхность обработана зубчатым орудием.

На одном сосуде под венчиком имеется характерный «флажковый» орнамент (рис. 12, *2*), причем каждый «флажок» образован тремя зубчатыми отпечатками на зубчатом же «древке».

Наиболее сложный узор нанесен на реконструированном нами сосуде 65 (рис. 10,*2*). Он состоит из свисающих треугольников, заполненных короткими зубчатыми отпечатками.

Глиняное тесто почти у всех сосудов имело растительные (?) примеси, выгоравшие при обжиге, отчего стенки сосудов становились легкими, пористыми, менее прочными, а на поверхности их,— как внутрен-

ней, так и внешней,— образовалось множество мелких и крупных пустот. Несколько сосудов имело меньше растительных примесей, отчего и черепки их более плотны и гладки. Весьма вероятно, что к глине примешивалась сухая толченая древесная кора.

Один сосуд (№ 65) имеет примесь толченого сланца (рис. 10, *2*).

Наконец, у одного сосуда (№ 42), представленного двумя мелкими обломками, наблюдается большая примесь толченого талька, отчего поверхность сосуда на ощупь кажется жирной. Возможно, что этот сосуд, столь резко отличающийся от остальных, сделан не здесь, а привезен с Урала или из Зауралья.

То же самое надо сказать и об обломке шейки другого сосуда, в глине которого хотя и нет примеси талька, но под венчиком с внутренней стороны имеются косые отпечатки зубчатого штампа, а на венчике — пологий выступ, столь характерные для стоянок Зауралья (рис. 21, *3*).

Формовка сосудов производилась кольцевым налепом. У одного сосуда (№ 35, рис. 10, *1*) распад по спаю лент позволил определить ширину верхней ленты (у шейки) в 3,5 см и следующей ленты — в 4 см. Налепных полос и валиков, даже у сосудов с широким венчиком, не наблюдается.

О б р а б о т к а в н у т р е н н е й п о в е р х н о с т и более чем у трех четвертей общего количества сосудов производилась с помощью зубчатого орудия (того же орнаментального штампа?), следы которого особенно хорошо заметны в виде параллельных бороздок с горизонтальным направлением; лишь в единичных случаях эти бороздки наклонны. Следы обработки зубчатым штампом на наружной поверхности сосудов очень редки.

Поверхность нижней части сосудов обычно сглажена мокрой рукой или пучком травы, но не штампом. Поверхность части фрагментов плохо сохранилась, и следы обработки на ней не устанавливаются. Некоторые сосуды после обработки зубчатым орудием сглаживались, а затем наносился орнамент.

О б ж и г сосудов, несомненно, производился на костре, о чем свидетельствуют неравномерность их окраски, бурые пятна на преобладающем желтом или красновато-желтом фоне. Свежие изломы черепков серые и темносерые по всей толщине, исключая 1—1,5 мм у наружной и внутренней поверхностей.

Следы нагара от варки пищи (?) встречаются, но очень редко. Зато в одном случае на шейке сосуда сохранились остатки плотной смолистой (?) массы, в свое время, вероятно, скреплявшей трещину.

Необходимо отметить, что, в отличие от неолитической керамики стоянки Боровое озеро I, ни у одного из сосудов стоянки Бор II нет просверленных стенок. Сквозная коническая сверлина в описываемой коллекции отмечена только один раз: она просверлена снаружи в ямке орнаментального вдавления у самого края шейки сосуда (рис. 12, *1*).

Заканчивая описание коллекции керамики стоянки Бор II, укажем на присутствие в ней пяти мелких обломков, принадлежавших трем — четырем сосудам и резко отличающихся от описанного керамического комплекса по основным признакам: они сделаны из плотной глины без растительных примесей, поверхность хорошо сглажена; орнамент зубчатый и штриховой (которого в основном комплексе нет); наконец, два из них орнаментированы остроугольным зигзагом, которого также нет в основном комплексе. Эти пять черепков наиболее близки к раннему комплексу керамики стоянки Бор I, т. е. являются более ранними и не имеющими отношения к описываемой стоянке. Следует считать, что в культурный слой стоянки Бор II они попали случайно, так как место, где они найдены, находится на

расстоянии менее полукилометра от стоянки Бор I и, конечно, нередко посещалось обитателями последней.

Каменный инвентарь стоянки Бор II очень разнообразен по своему петрографическому составу, что характерно для стоянок среднего Урала вообще. По любезному предварительному определению проф. П. Н. Чирвинского, для изготовления наконечников стрел, скребков, ножей и тому подобных орудий употреблялся главным образом кремень светлосерых, желтых, коричневых, красноватых, ярко-красных и других оттенков. При этом кремень преимущественно галечниковый, не из коренных месторождений, нередко — невысокого качества. Отличного качества зеленый хлорито-кремнистый сланец использовался для выделки шлифованных долот и ножей с лезвиями, которым хорошо поддается дерево. Из зеленовато-серого вязкого габбро-диабаза или диорита приготовлялись крупные полированные топоры, клинья, мотыги. Известковистый песчаник, очень плотный и прочный, служил материалом для тяжелых, отлично сделанных молотов. Из сланцеватого непрочного известковистого песчаника изготовлены многочисленные рыболовные грузила. Для грузил и мотыгообразных орудий служил также плотный доломит или известняк. Маленькая подвеска со сверлиной сделана из зеленого сланца, очень красивого со стороны полированной поверхности. Использовались также кварц, кварцит и т. д.

Обитателям стоянки не были известны изобильные коренные месторождения кремня и аналогичного ему материала, о чем красноречиво свидетельствует пестрота материала орудий нашей коллекции; зато широко использовался галечник. Каменный инвентарь из раскопок, включая куски и осколки, состоит из 3958 отдельных предметов; из них 3713 — кремневых и 245 — из других каменных пород.

Среди кремневых предметов многочисленную группу —722 экземпляра — составляют бесформенные куски различной величины, часто с коркой, кремневые плитки, разбитые гальки и тому подобное кремневое сырье. Из них 86 предметов несут слабые следы обработки или употребления, но все же не могут быть отнесены к числу орудий.

К той же группе относятся 17 нуклевидных обломков и нуклеусов. Нуклевидные обломки бесформенны, т. е. имеют случайные формы, и служили исключительно для откалывания отщепов. Зато среди нуклеусов, частью неудачных, брошенных (рис. 14, *4*) и сломанных, есть один — два довольно правильных, хорошо ограненных, с ретушированной площадкой, служивших для скалывания ножевидных пластинок (рис. 14, *5*).

Наиболее многочисленны мельчайшие отщепы, чешуйки и куски кремня — их в коллекции 1909 экземпляров. Это отбросы производства. Они были разбросаны по площади раскопа неравномерно, образуя скопления, из которых наиболее густое находилось в большой очажной яме и вокруг нее (рис. 3). Эти скопления определяют пункты, где производилась обработка кремневых орудий.

Для общей характеристики кремневой техники существенное значение имеет количественное соотношение отщепов и ножевидных пластинок, исключая отсюда упомянутые мельчайшие отщепы. Отщепов в коллекции— 859, ножевидных пластинок — 19. Кроме того, орудий, сделанных из отщепов,— 81 и орудий, сделанных из ножевидных пластинок,— 16[1]. Суммируя, получаем 940 отщепов и 35 ножевидных пластинок. Ножевидные пластины составляют всего 3,7% к общему количеству отщепов.

[1] Из подсчета исключены все орудия, для которых вопрос о выделке их из отщепа или ножевидной пластины не ясен, например, наконечники стрел.

Приведенное соотношение говорит о полном изживании микролитической техники на стоянке Бор II, так ярко представленной в Прикамье в мезолитическое время на Нижнеадищевской стоянке и даже в конце неолита на стоянке Боровое озеро 1, где ножевидные пластинки составляли 15% к общему количеству отщепов.

Этот вывод подтверждается почти полным отсутствием в нашей коллекции со стоянки Бор II миниатюрных, тонких ножевидных пластинок,

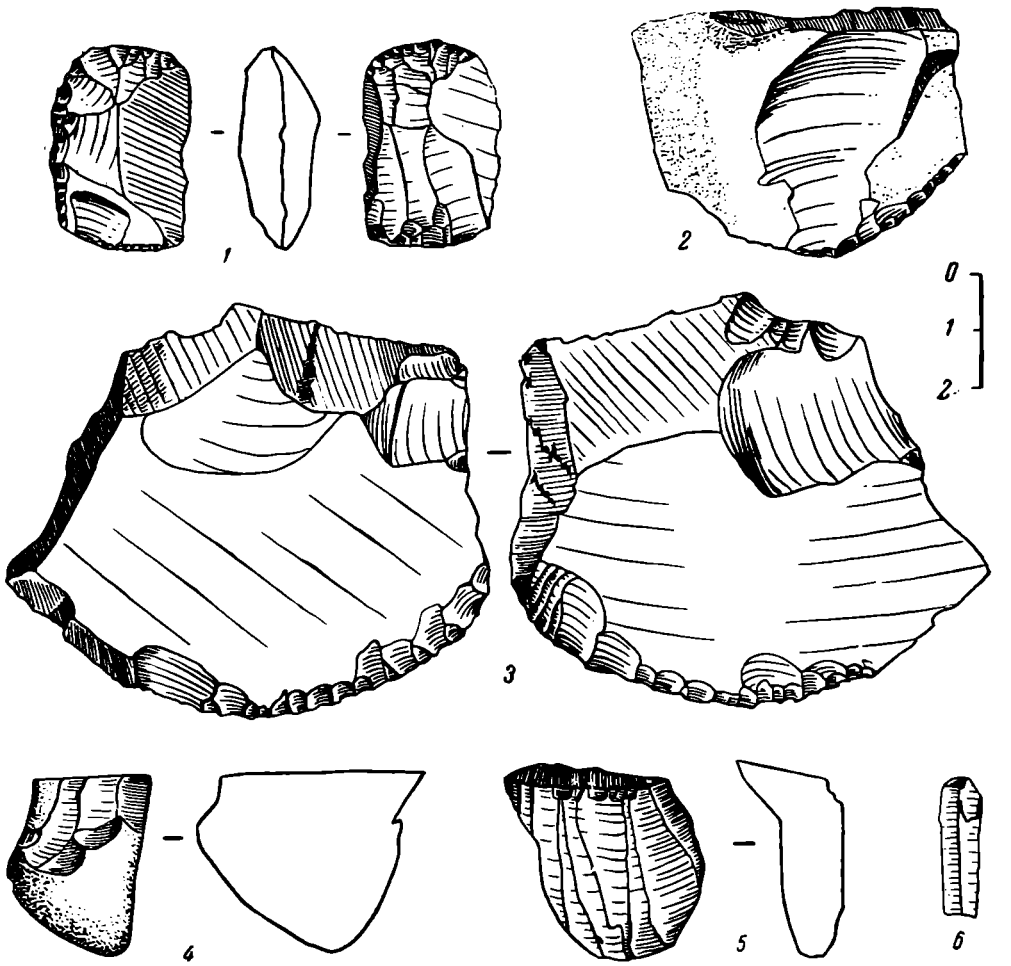

Рис. 14. Кремневые орудия

1, 2 — кремневые резаки; *3* — резак или рубящее орудие; *4, 5* — нуклеусы; *6* — ножевидная пластина

правильно ограненных на спинках; их нами найдено всего 6 штук (рис. 14, *6*). Ни одна пластинка не имеет явных признаков использования в качестве вкладыша. Относительно многочисленны пластинки более крупные и массивные, притом обычно менее правильных форм. Больше всего (около половины) крупных пластин, из которых делались орудия, — ножи, скребки, проколки; размеры самой крупной (к тому же сломанной) пластины-ножа — 83 × 30 × 13 мм, другой (также ножа) — 88 × 22 × 7 мм.

Отщепы очень различны по величине и форме.

Законченных кремневых орудий в коллекции — около 200 экземпляров.

Наконечников стрел и их обломков 43. Они подразделяются на два типа: первый из них — архаичный, ланцетовидный, узкий, симметричный (рис 15, *5*) — представлен всего одним целым экземпляром

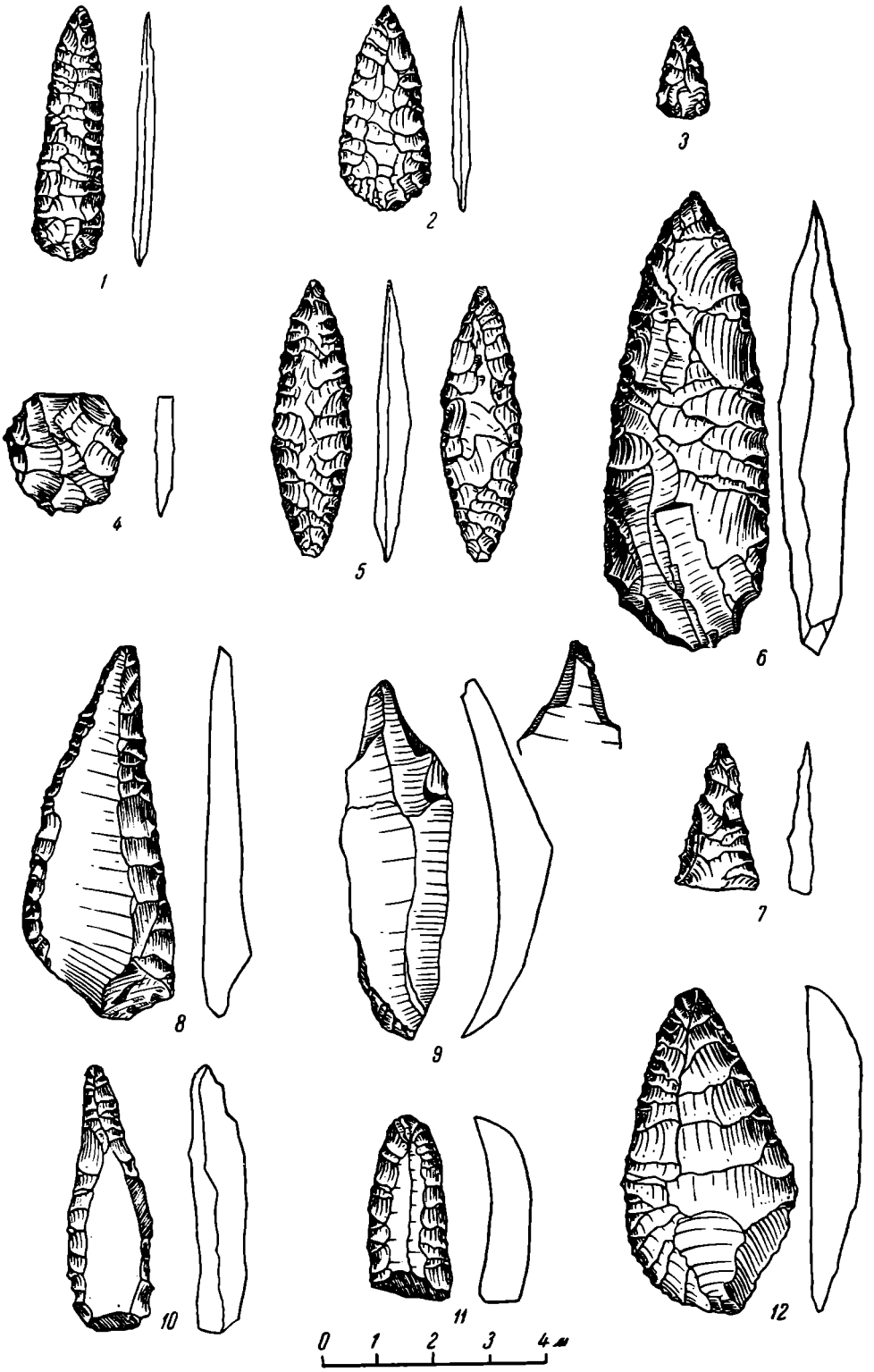

Рис. 15. Кремневые орудия

1 — 5 — кремневые наконечники стрел; *6* — кремневый наконечник дротика; *7*, *8* — проколки; *9*, *10* — сверла; *11*, *12* — орудия с узким долотовидным рабочим концом.

и несколькими обломками. Второй тип резко преобладает: он представлен шестью целыми экземплярами и по крайней мере пятнадцатью сломанными и недоделанными; это тонкие, плоские наконечники с округлым основанием (рис. 15, *1*, *2*, *3*, *4*) — нечто среднее между обоюдоострой ланцетовидной и сейминской формой с усеченным основанием. Два экземпляра со сломанными кончиками — почти дисковидной формы (рис. 15, 4). Все без исключения стрелы невелики, но среди наконечников второго типа есть несколько совершенно миниатюрных (рис. 15, *3*). Длина их — от 37 до 13 мм. Все законченные наконечники — высокой техники выделки и очень остры.

Кроме целых законченных наконечников имеется 6 незаконченных, брошенных на различных стадиях обработки, частью еще массивных, широких и не вполне симметричных; все они могут быть отнесены ко второму, преобладающему типу. Около полутора десятков обломанных острий стрел, благодаря отсутствию тыльного конца, не могут быть отнесены ни к одному из выделенных типов.

Пять-шесть наконечников выделяются величиной и массивностью; все они, кроме одного, сломанные или недоделанные. Единственный целый имеет ту же форму с округлым основанием, что и второй тип стрел (рис. 15, *6*). По размерам (67 × 23 × 11 мм) он мог быть и наконечником стрелы, но массивность орудия делает более вероятным использование его в качестве наконечника дротика.

Кремневых орудий, которые по их рабочей функции могут быть названы ножами, имеется 43; они гораздо разнообразнее стрел. Прежде всего среди них нужно указать до десяти преимущественно сломанных орудий с двусторонней обработкой, очень близких к наконечникам стрел; однако асимметрия формы и недостаточная заостренность концов заставляют считать их режущими орудиями, ножами. Ножи эти (например, рис. 16, *1*) близки по форме к кремневым же ножам из Турбинского могильника [1].

Основная группа ножей (до полутора десятков) изготовлена из ножевидных пластин. Часть пластин, крупных и массивных,— с тупыми концами и мелкой заостряющей ретушью (рис. 16, *3*, *4*), но большая часть — плоские и широкие, с узкими концами и подретушированными или тщательно отретушированными со стороны спинки краями (рис. 16, *5* и *6*). Кроме того, имеется несколько ножевидных пластин меньших размеров, боковые края которых обработаны довольно крутой ретушью (рис. 16, *7*, *8*), приспособленной скорее для скобления, чем для резания.

Третью группу ножей составляют пять обломков тонких кремневых плиток с очень совершенной, плоской двусторонней ретушью, образующей прочные, слегка пильчатые режущие края (рис. 16, *2*). Подобные плитчатые ножи, обычно с округлым рабочим краем, нередко встречаются в этом районе на стоянках различного времени. В нашей коллекции есть аналогичный нож, приготовленный из узкого отщепа.

Наконец, четвертая группа ножей — это различной величины и формы кремневые отщепы с более или менее тщательно отретушированными (обычно с одной стороны, редко — с двух) режущими краями.

Близки к ножам по функции кремневые же резаки. К этой категории мы отнесли свыше десяти орудий обычно с изогнутым в плане, коротким и очень прочным режущим краем, выделенным на кремневой плитке или массивном отщепе (рис. 14, *1* и *2*). Наиболее крупный из инструментов

[1] Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», табл. XVIII, рис. 5—7.

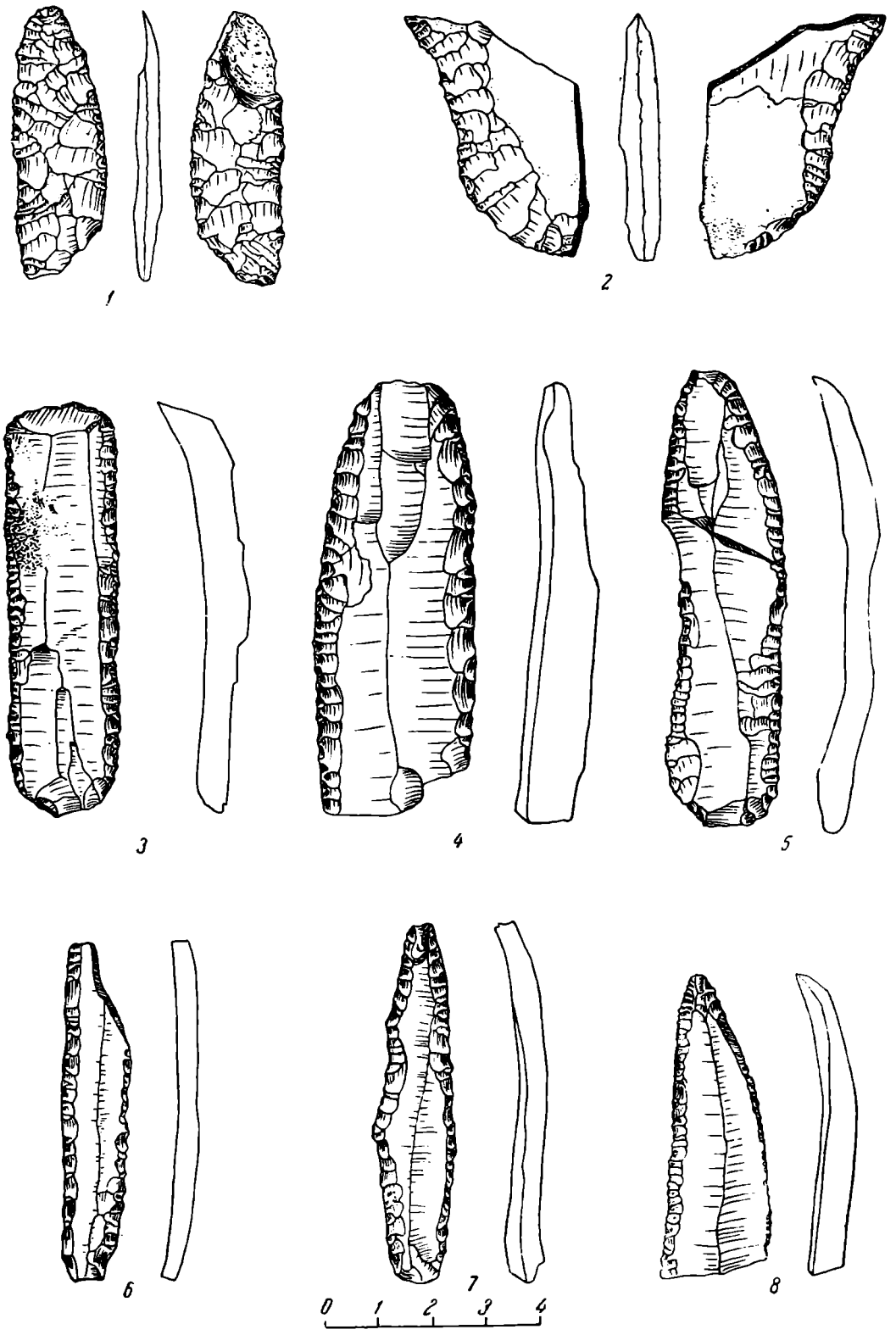

Рис. 16. Кремневые ножи

этого рода имеет длинный изогнутый край и мог использоваться как рубящее орудие (рис. 14, *3*).

Наиболее многочисленна серия кремневых скребков, насчитывающая, включая обломки от них, 76 экземпляров. Их можно подразделить по крайней мере на пять крупных групп.

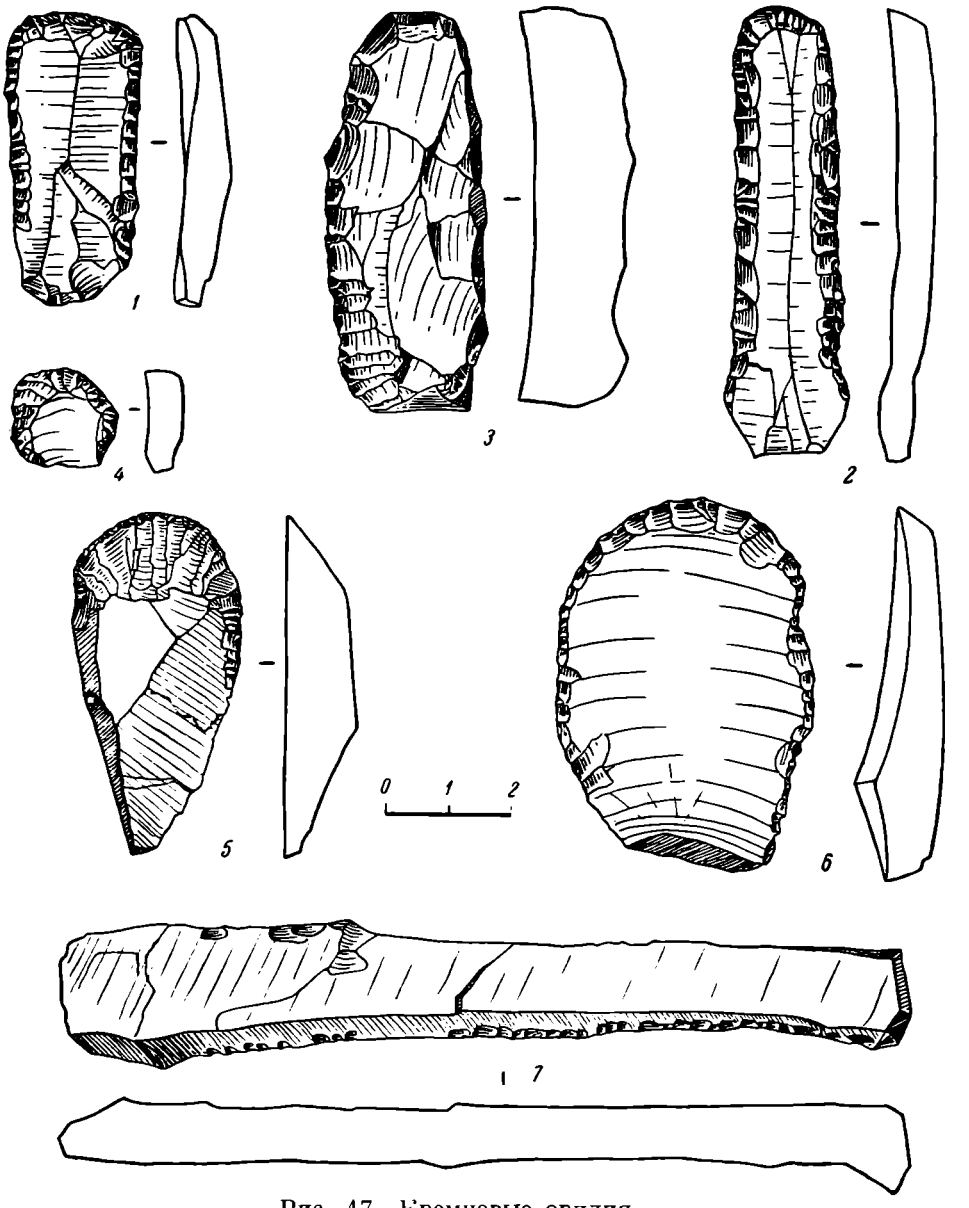

Рис. 17. Кремневые орудия

1—6 — кремневые скребки; *7* — струг

Первая группа — самая небольшая: она состоит всего из 4 скребков, сделанных на ножевидных пластинках различной длины (от 26 до 71 мм) из серовато-желтого, известковистого кремня, с хорошо ограненной спинкой и гладким брюшком; боковые стороны тщательно и довольно круто отретушированы; ретушь переходит на конец, где образует слабо выгнутый рабочий край (рис. 17, *1*, *2*).

Вторая группа состоит из десяти массивных, часто крупных скребков с высокими рабочими краями, оформленными крутой и очень крутой

ретушью (рис. 17, *3*); рабочие края этих скребков относительно длинные и часто заметно сработаны, видимо, в результате работы по твердому материалу.

Третью группу составляют 16 скребков на довольно правильных отщепах различной величины и массивности, но всегда с округлым рабочим краем и гладким брюшком. Назначение их было разнообразным, как и величина, которая колеблется от 16 × 17 мм (рис. 17, *4*) до 40 × 60 мм (рис. 17, *6*); у последнего, самого крупного скребка ретушь нанесена со стороны брюшка. В этой группе выделяется один скребок из обломка кремневой плитки с округлым же, но очень острым режущим краем (рис. 17, *5*).

Четвертая группа скребков своеобразна, приготовлена из очень неправильных, случайного характера отщепов, обломков галек, плиток и т. п., иногда с округлым, часто неправильным по форме рабочим краем; но характер скребковой ретуши на них обычный. Скребков из неправильных отщепов найдено 25, т. е. третья часть общего количества скребков, что создает впечатление известной деградации этой категории орудий на описываемом поселении.

Пятая группа скребков, почти столь же многочисленна (21 экземпляр), объединяется одной чертой, представляющей основную особенность скребков стоянки Бор II; будучи сделаны из отщепов, плиток, галек и даже пластин, скребки этой группы имеют не гладкое, а в разной степени с т е с а н н о е б р ю ш к о (рис. 18, *1—5*). Когда такие скребки изготовлялись из кремневых плиток, являлась необходимость удалять с брюшка корку (рис. 18, *2*, *3*, *5*); но большая часть скребков пятой группы сделана на отщепах без корки, а брюшко тем не менее стесано (рис. 18, *1*, *4*). Стесывание брюшка иногда производилось до ретуширования рабочего края, иногда частично позже. Рабочий край полукруглый, подпрямоугольный и других форм, чем скребки этой группы не отличаются от прочих.

Наконец, имеется один скребок, с двумя смежными рабочими краями на разных сторонах орудия (рис. 18, *6*).

Вогнутых с к о б е л е й всего два; оба случайной формы, оба приспособлены, очевидно, для обработки деревянных стержней небольшого диаметра; рабочий край одного из них имеет двустороннюю ретушь (рис. 18, *7*).

В коллекции имеется также длинная (13,2 см) и узкая (1,2 см) четырехгранная кремневая плитка естественного происхождения, несущая, однако, следы оббивки или, скорее, сработанности по одному, слабо вогнутому краю (рис. 17, *7*). Весьма возможно, что это орудие имело то же назначение, что и костяные с т р у г и.

Три кремневых орудия определяются как с к р е б к и - д о л о т ц а. Все они обладают крутым и узким, тщательно ретушированным рабочим концом. Одно из орудий сломано (рис. 15, *11*), другое на тыльной части имеет двустороннее режущее лезвие (рис. 15, *12*). На Оке, на поселениях волосовской культуры у подобных орудий на самом конце со стороны брюшка нередко имеется узкий шлифованный желобок, определяющий использование этих орудий в качестве миниатюрных долот; но и на Оке не у всех таких долот имеются желобки, здесь же их нет совсем.

Шесть кремневых орудий можно считать п р о к о л к а м и. Они сделаны на отщепах, кусках и пластинах и имеют тщательно отретушированные, тонкие и узкие концы (рис. 15, *7*, *8*).

С в е р л а представлены восемью экземплярами. Они изготовлялись на концах кремневых плиток, кусков, пластин и отщепов и по характеру рабочего конца могут быть подразделены на три типа: у первого (4 экземпляра) концы оформлены только боковой ретушью и всегда трехгранны

(рис. 15, *10*); у второго (3 экземпляра) концы оформлены резцовыми сколами и многогранны (рис. 15, *9*); у третьего (1 экземпляр) конец оформлен и ретушью, и резцовыми сколами. У некоторых сверл кончики сработаны до блеска (рис. 15, *10*).

Несколько кремневых кусков или отщепов имеют резцовые сколы сбоку и похожи на резцы (рис. 18, *8*), но не типичны, и за р е з ц ы могут быть сочтены лишь условно.

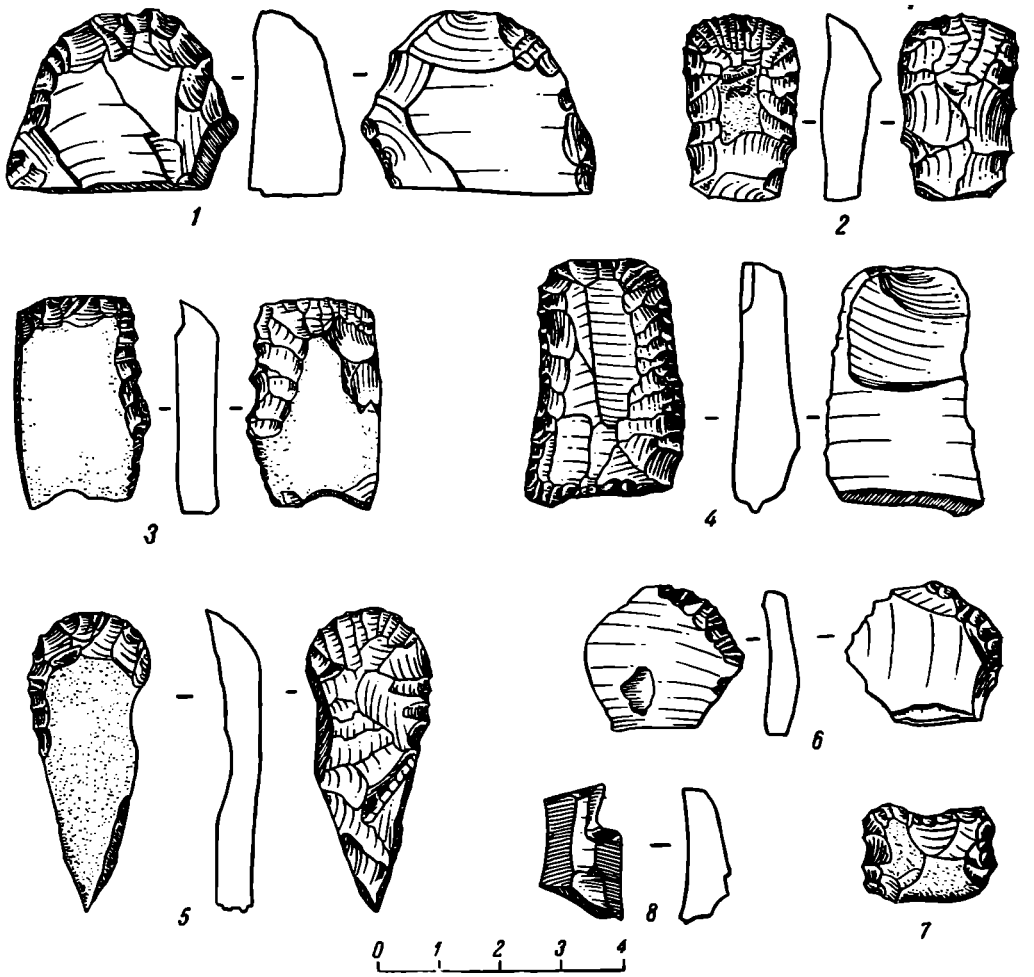

Рис. 18. Кремневые орудия

1—5 — кремневые скребки борского типа со стесанным брюшком; *6* — то же, с разносторонней ретушью; *7* — вогнутый скребок; *8* — резцевидное орудие

Переходим к описанию орудий труда из других каменных пород. В коллекции имеется 131 обломок различного рода песчаника, сланца и пр. без следов обработки. Из некремневых пород сделаны все рубящие, ударные и вообще более крупные орудия. Из обилие и многообразие составляют одну из отличительных черт стоянки Бор II.

Остановимся прежде всего на полированных орудиях. Первое из них— крупный (132 × 80 × 40 мм) к л и н из серого габбро-диабаза или диорита. Орудие имеет с каждой стороны по одной широкой плоскости шлифовки, которые сходятся клином к лезвию, сильно сбитому, затупленному; обух обработан, как бы стерт на две грани; боковые грани обработаны таким же образом и имеют слабые перехваты в верхней половине, видимо

предназначенные для скрепления с рукоятью (рис. 19, *1*). Судя по характеру лезвия, орудие не могло употребляться для рубки или отесывания дерева, а лишь в качестве клина для его раскалывания (можно предположить использование орудия и в качестве мотыги).

Второе орудие из того же материала — крупный (147 × 66 × 27 мм), клиновидный, полированный топор с асимметричным в плане лезвием (рис. 19, *2*). Шлифовка орудия хорошая и почти полная (исключение составляют обушок и отчасти боковые грани, имеющие тщательно выбитую поверхность). Лезвие топора несколько притуплено работой, но и первоначально, благодаря массивности, могло служить лишь для грубых работ по дереву.

Первичная, предшествовавшая шлифовке обработка обоих описанных орудий представляется в виде тщательного выбивания поверхности каким-то очень твердым орудием, может быть, подобно чеканке; эта пунктирная техника была уже описана нами в отношении топоров-молотов фатьяновского типа.

Имеется также 13 обломков от нескольких крупных шлифованных орудий из того же или близкого к нему каменного материала, а также 9 обломков крупных шлифованных орудий, восстановить форму которых невозможно. Они сделаны из песчаника и опоки серовато-желтого цвета.

Из очень твердого, красивого зеленого и серо-зеленого хлорито-кремнистого сланца и сходного с ним материала сделаны шесть небольших полированных орудий. Повидимому, это тесла и долота для работы по дереву.

Почти прямым профилем отличается единственный топорик (или тесло) с очень сильно сбитым, относительно широким лезвием и боковыми сторонами, зашлифованными на несколько граней (рис. 19, *4*).

Другое орудие, с тонким, великолепно зашлифованным лезвием, слегка заточенным наискось, несомненно служило теслом (рис. 19, *5*). Второе тесло, с рабочим концом, более широким, чем общая длина орудия (рис. 19, *7*), имеет настолько скошенное на одну сторону лезвие, что оно выходит на противоположную грань орудия почти под прямым углом; это говорит об употреблении данного тесла подобно лезвию рубанка.

Маленькое, массивное тесло (рис. 19, *8*) имеет одну выпуклую сторону, и хотя противоположная сторона орудия не вогнута, оно все же может быть долотом. Второе, более крупное долото (рис. 19, *6*) имело слегка вогнутое лезвие, в настоящее время сильно сбитое. Ширина лезвий описанных орудий варьирует между 3,3 и 2,0 см.

Шестое шлифованное тесловидное орудие, обычное по форме, имело тем не менее совершенно иное назначение, ибо его лезвие, несколько выпуклое в плане (рис. 19, *3*), имеет затупляющую, перпендикулярную длине шлифовку, шириной 2 мм. Найдены также три небольших осколка шлифованных орудий из хлорито-кремнистого сланца.

Кроме тесел и долот, из того же материала сделан к р и в о й н о ж с острым концом, отлично заполированный (рис. 21, *8*). Основным рабочим краем ножа служило очень острое вогнутое лезвие, заточенное несколько наискось с одной стороны.

Помимо топоров имеются 2—3 каменных р у б я щ и х о р у д и я, с грубо оббитыми лезвиями и сбитым обухом (рис. 20, *1*); возможно, что они использовались в качестве клиньев.

Интересны два каменных м о л о т а; их использование в качестве молотов несомненно, но форма весьма различна. Первый из них представляет удачную попытку приспособления камня удобной продолговатой формы; в средней части орудия выступающие грани сбиты, благодаря

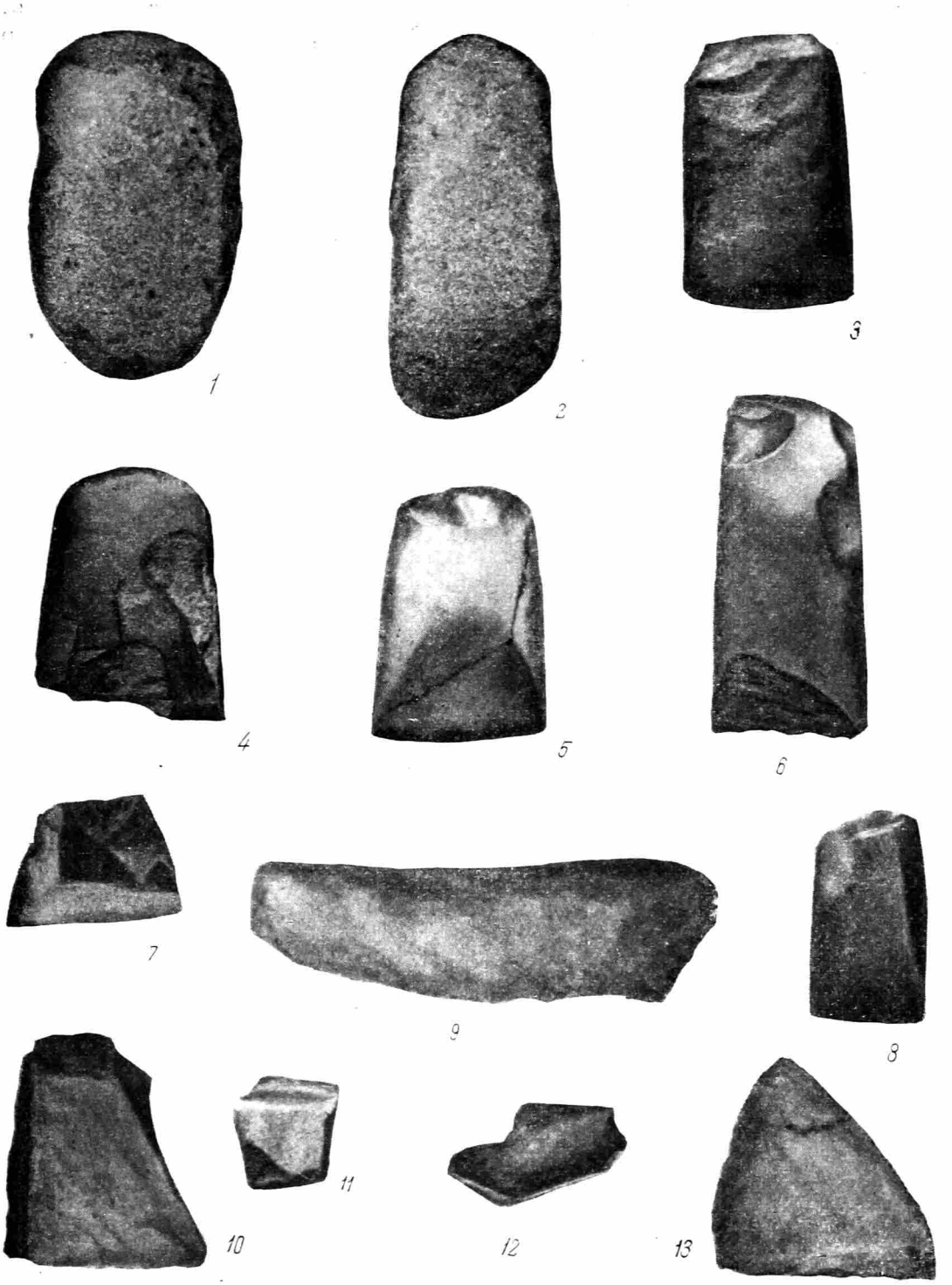

Рис. 19. Каменные полированные орудия

1 — клин; *2*, *4* — топоры; *5—8* — тесла и долота; *9—13* — полировальные и точильные плиты; *3* — долотовидное лощило (?);

чему образован перехват, удобный для скрепления молота с рукоятью. Поверхность одного конца раздроблена ударами, второй конец частично сколот, видимо, ударом молота по твердому материалу (рис. 20, *4*).

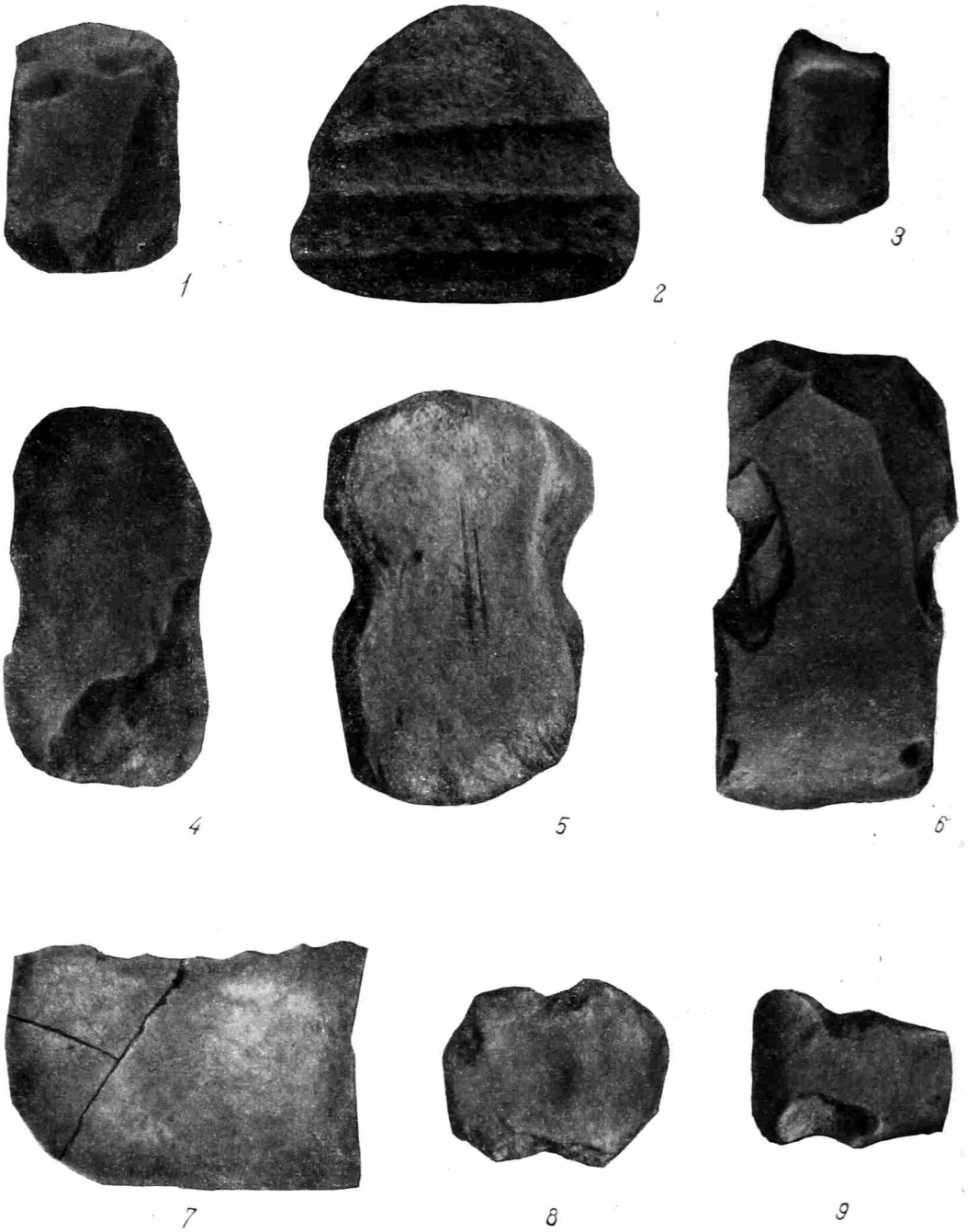

Рис. 20.

1 — каменный клин; *2*, *4* — молоты; *3* — терка; *5*, *6* — наконечники мотыг, $^2/_5$ нат. вел.; *7* — плитка с волнистым рабочим краем; *8*, *9* — грузила.

Второй молот очень своеобразен; он имеет форму как бы очень высокого утюга с гладкой ударной плоскостью миндалевидной формы; длина ударной плоскости — 14 см, ширина — 8 см, высота округлого обуха над

плоскостью — 10,5 см. Над ударной плоскостью молота имеется опоясывающий орудие, аккуратно сделанный желоб в 2,5 см шириной, служивший для привязывания молота к рукояти. Окончательная, весьма симметричная форма молота достигнута путем своеобразной пунктирной техники выбивания другим, более прочным, острым орудием, частые следы которого видны на поверхности (рис. 20, *2*).

Описанный молот очень тяжел и был годен для различных работ, но его своеобразная форма с очень гладкой ударной плоскостью, а также большая прочность материала, из которого он сделан (мелкозернистый известковистый песчаник алевритового характера) определяют возможность его использования в металлургии — для дробления руды (обухом) и ковки меди (плоскостью).

Совершенно аналогичный, несколько более крупный молот неизвестного происхождения хранится в Молотовском областном музее. Обломки двух, видимо, близких по назначению молотов имеются в нашей коллекции со стоянки Бор I (раскопки 1948 г.); третий такой же молот найден на той же стоянке; он только недоделан. Наконец, такой же молот с первичной оббивкой был найден нами в 1948 г. невдалеке от стоянки Боровое озеро III[1]. Особо надо отметить три каменные двухконечные терки, сделанные из галек различной величины (рис. 20, *3*).

Весьма вероятно использование двух крупных, продолговатых галек в качестве о т б о й н и к о в для первоначального раскалывания кремня. Одна из них сбита с двух концов, а сбоку частично обработана описанной выше техникой выбивания, что позволяет определить ее и как заготовку для топора. Второй отбойник (?) имеет испорченный конец, сколотый первыми же двумя ударами.

Имеется также половина плоской, симметричной гальки со сработанным узким концом, похожей на описанную нами со стоянки Боровое озеро I.

Особый интерес представляют два каменных орудия,— повидимому, м о т ы г и. Одна из них сделана из довольно толстой (до 2,5 см) плитки габбро-диабаза длиной 14,7 см и шириной до 9,8 см, с глубокими полукруглыми выемками с двух противоположных сторон для скрепления с рукоятью, сделанными тем же способом выбивания. Единственным прочным способом скрепления такого орудия с рукоятью могло быть поперечное положение орудия по отношению к рукояти, имевшей плоский расширенный конец, прилегавший к плоскости орудия. Удлиненный конец орудия сбит в процессе работы; последним ударом, попавшим, видимо, на крупный камень, конец мотыги был расколот (рис. 20, *5*).

Вторая мотыга, также со сбитым концом, немного длиннее и уже, чем первая (16,7 × 8,3 × 3,0 см), слегка изогнутая (рис. 20, *6*), приготовлена из прочного доломита или известняка и имеет довольно глубокий перехват для скрепления, сделанный той же техникой, что у предыдущей.

Описанными орудиями, прикрепленными к коленчатой рукояти, можно было мотыжить землю при рытье ям или при земледельческих работах.

Из песчаниковых и других плиток и галек сделаны 18 грузил. Все они плоские, размерами в среднем 8 × 6 см, приготовлены исключительно из камней подходящей формы и не имеют иной обработки, кроме двух противоположных выемок, выбитых для удобства прочного прикрепления грузила (рис. 20, *8*, *9*). Грубость грузил и их форма позволяют считать их принадлежностью рыболовных сетей.

---

[1] Уч. зап. Молотовского ун-та, т. IX, вып. 3. 1953. Рис. 11, ф. 9.

Неясно назначение одного тщательно сделанного орудия. Оно представляет собою тонкую (5—6 мм), зашлифованную с двух сторон песчаниковую плитку размером 9 × 13 см, подчетырехугольной формы, с одним закругленным углом. На одной, несколько вогнутой стороне — пять шлифованных вогнутых полукружий длиною от 13 до 20 мм, разделенных полого сглаженными углами (рис. 20, 7). Наиболее вероятно предположить использование этого орудия для обработки и оформления венчиков глиняных сосудов.

Шлифовальные и точильные плиты представлены всего 44 обломками, из которых не удалось составить ни одной целой плиты. Все они довольно тонкие, из слабого желтоватого песчаника, наиболее массивный обломок имеет толщину всего 2,7 см, и лишь один брусок сланцевый. 32 обломка имеют одностороннюю полировку и 10 — двустороннюю: зашлифованные поверхности плоские и слабо вогнутые (рис. 19, *12*, *13*). Найдены три точильные плитки, из которых одна целая (рис. 19, *9*) с боковыми точильными гранями. Одно точило (рис. 19, *9*) имеет слегка волнистую поверхность, получающуюся иногда при точке металлических лезвий.

Наконец, два обломка песчаниковых плит, довольно толстых (2,2 × × 3,0 см), имеют сбоку длинные, тщательно отшлифованные полуцилиндрические, совершенно прямые и правильные желобки (рис. 19, *10*, *11*). Считать их частями разбитых литейных форм нельзя, так как желобки сделаны сбоку, а смежные им плоскости не зашлифованы; видимо, это шлифовальники.

Кроме каменного зубчатого штампа для орнаментации глиняных сосудов, описанного в разделе керамики, остановимся на пяти предметах, не имевших производственного назначения.

Прежде всего это маленькая глиняная ручка (?) или, может быть, отломанная часть глиняной скульптуры (рис. 21, *6*); два фигурных кремня, изображающих головы животных, определить которые более точно затруднительно (рис. 21, *9*, *10*); маленькая овальная полированная подвеска из красивого зеленого сланца с очень маленькой (2 мм) круглой сверлинкой на более узком конце (рис. 21, *5*) и последний предмет — типа миниатюрной (11 × 17 мм) бляшки или планочки (?) из тонкой зеленовато-серой сланцевой пластинки, в виде двух просверленных кружков, соединенных перемычкой (рис. 21, 7). Определить назначение этого предмета трудно: видимо, он служил украшением, быть может, был нашит на одежду.

Мелкие кусочки, главным образом пережженных, костей животных, найденных в культурном слое, остаются пока не определенными.

Этим исчерпывается описание остатков, обнаруженных на стоянке

* * *

Материальная культура стоянки Бор II, с одной стороны, имеет несомненные черты сходства с другими стоянками того же района и, с другой,— достаточно многочисленные различия, которые не позволяют относить ее ни к одному из типов стоянок ранее здесь известных.

Наиболее близка данная стоянка к поселениям астраханцевского или гаринского типа, т. е. к турбинской культуре по нашей схеме. Мы можем судить об этом по материалу из исследованной нами в 1950 г. шестой полуземлянки на Астраханцевской стоянке и главным образом по богатейшим коллекциям, добытым из раскопок поселений Бор I (с 23 жилищами), а также Боровое озеро II (с 12 жилищами), между которыми наш памятник находится. Сходство посуды определяется наличием растительных при-

месей в глине, в следах обработки поверхности сосудов зубчатым орудием (штампом?), в округло-конической форме днищ сосудов, в преобладании зубчатого и наличии неправильно-ямочного орнамента и в редком заполнении орнаментального поля. Сходство в кремневых орудиях наблюдается

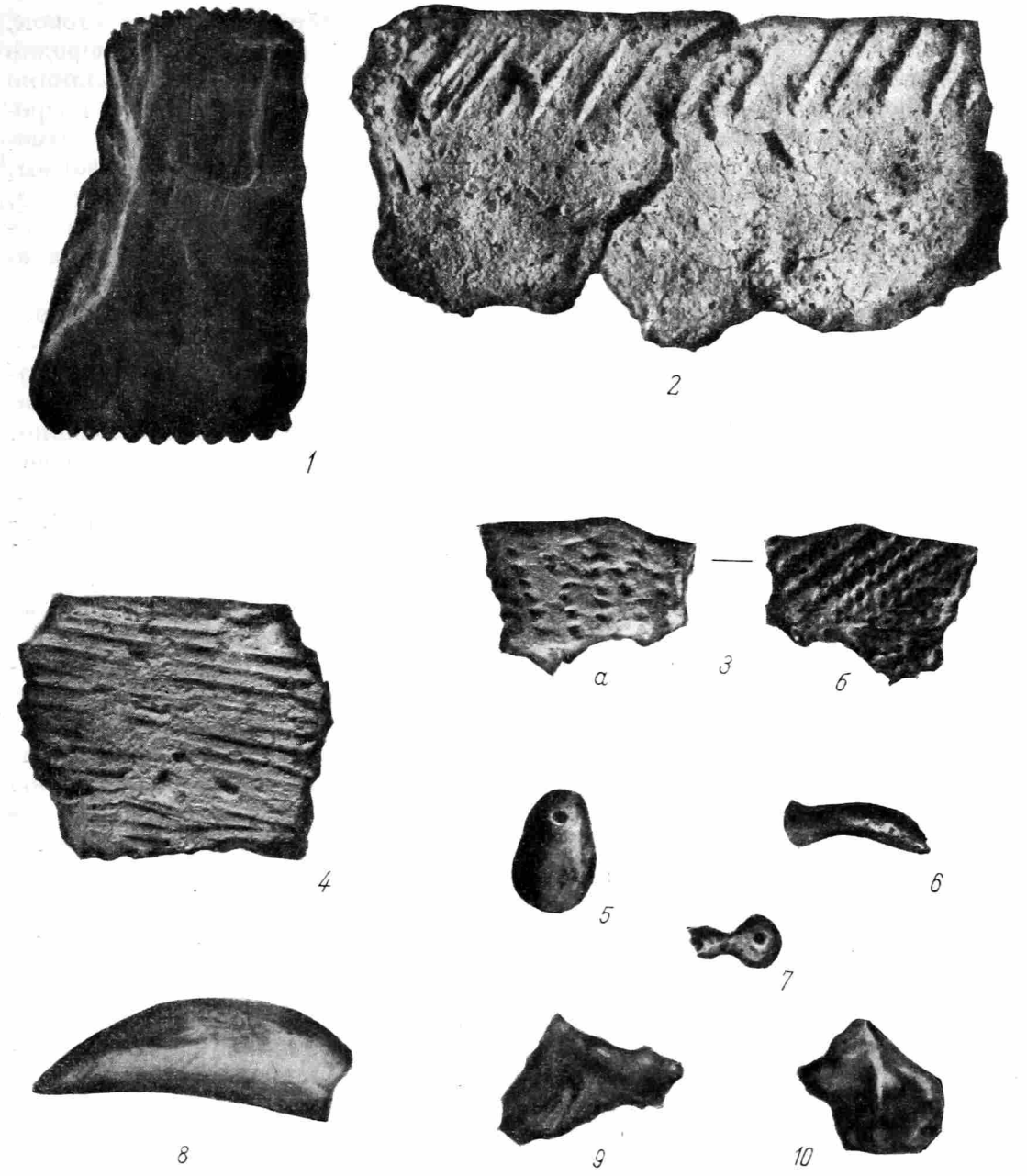

Рис. 21.

1 — каменный зубчатый штамп; *2*, *3б*, *4* — обломки шеек сосудов с внутренней стороны; *3а* — то же, с наружной стороны; *5* — каменная подвеска; *6* — отломанная глиняная деталь; *7* — каменная бляшка; *8* — каменный нож; *9*, *10* — фигурные кремни. Около $^{2}/_{3}$ нат. вел.

и по очень близким формам плитчатых кремневых ножей с двусторонней ретушью, близких к сейменско-турбинским (из ритуальных комплексов), в некоторых общих типах скребков, а также в наличии сходных форм полированных орудий для обработки дерева, каменных наконечников мотыг и

простых грузил с перехватом. Сходство между культурой стоянки Бор II и Левшинской выражено в гораздо меньшей степени.

В то же время между поселениями гаринского типа и стоянкой Бор II устанавливаются вполне определенные культурные различия, не имеющие случайного характера. Посуда стоянки Бор II отличается полным отсутствием яйцевидных форм со слабо вогнутой верхней частью стенок, которые характерны для неолитической посуды Волго-Камья и нередко встречаются в гаринское время; в стоянке Бор II преобладает подлинно полуяйцевидная форма сосудов, т. е. в форме яйца, разрезанного посредине, когда отверстием сосуда является самая широкая его часть. Отмечается также относительное изобилие мелких сосудов той же формы, а также наличие небольших круглодонных, широких чаш (как на рис. 10, *2*). В орнаменте различия наблюдаются в отсутствии остроугольного зубчатого зигзага, «шагающей гребенки», которая в гаринских (астраханцевских) стоянках является излюбленным узором.

Каменный инвентарь на стоянке Бор II дает очень незначительный процент ножевидных пластин по отношению к отщепам. Стрелы и дротики — миндалевидной формы, с округленной пяткой, в отличие от преобладающей на гаринских памятниках подтреугольной формы с усеченным основанием. Свыше четверти скребков стоянки Бор II имеет стесанное брюшко. Примерно треть скребков сделана из неправильных отщепов, что создает впечатление деградации, упадка техники изготовления этой категории орудий. Характерны крупные каменные молоты с перехватом для скрепления с рукоятью (молоты борского типа; рис. 20, *2*), плоские наконечники мотыг с перехватом и обилие каменных грузил также с перехватом.

Перечисленные особенности свойственны еще нескольким стоянкам того же типа в том же районе, и везде они настолько устойчивы, что создают невозможность объединения стоянок этой новой, борской группы, со стоянками гаринской группы и заставляют рассматривать их как памятники особого, борского культурного этапа. В данном случае указанные культурные различия не могут расцениваться как различия между двумя соседними родственными племенами, ибо поселения обоих типов расположены смешанно на одной и той же очень ограниченной территории. Следовательно, эти различия говорят о хронологическом несовпадении гаринской и борской групп поселений, а объединяющие черты — об их генетических связях. Датировка стоянки Бор II и всех памятников борской группы затруднена отсутствием металлических и других предметов, точно определенных во времени. Сохранившиеся на стоянке орудия — исключительно каменные, и вопрос об их соотношении с Турбинским могильником не может быть разрешен легко. Внимательное ознакомление с каменным инвентарем стоянки создает впечатление известного упадка техники, его более позднего, чем в гаринских поселениях, облика, как бы предполагающего присутствие достаточно многочисленных металлических орудий. Отсутствие же их в исследованной стоянке, даже при относительном обилии их в быту, еще ничего не доказывает, в наши руки могли попасть лишь потерянные металлические предметы; их не оказалось на вскрытой раскопками площади.

Признаком относительно позднего времени являются здесь и технические приемы обработки кремня, нашедшие свое выражение в особенно низком проценте ножевидных пластинок. В после-палеолитических памятниках Прикамья, начиная с Нижнеадищевской мезолитической стоянки, где ножевидные пластинки составляют 82% по отношению к отщепам[1],

[1] О. Н. Бадер. Из новейших археологических исследований Чусовского отряда, БКИЧП, 1949, № 14.

техника обработки кремня дает картину неуклонного изживания архаичных приемов обработки кремня, ведущих свое начало от верхнего палеолита; так, в неолитической стоянке Боровое озеро I ножевидных пластинок всего 15%, в стоянке турбинского времени Бор I их, по предварительному подсчету, еще меньше и, наконец, в стоянке Бор II — всего 3,7%. Наша стоянка, таким образом, завершает последовательный ряд этапов истории кремневой техники, являясь в этом ряду последней, т. е. позднейшей.

Прямое отношение к вопросу о времени имеет и факт отсутствия в стоянке Бор II наконечников стрел с усеченным основанием (турбинского типа). Не совпадая, следовательно, с Турбинским могильником, стоянка Бор II по этому признаку может быть скорее более поздней, чем более ранней, ибо дотурбинские поселения нам известны, и в них,— как в левшинское время, так и в более раннем неолите,— стрелы борского типа, т. е. вытянуто-миндалевидной формы, отсутствуют. Такие стрелы есть в стоянке Бор I[1], но они не типичны для этого памятника. Отнесение же описываемой стоянки к раннему неолиту невозможно.

Посуда также говорит о послетурбинском времени стоянки Бор II. Аргументами служит полное отсутствие в ней сосудов яйцевидной формы, столь свойственной неолитической эпохе и еще встречающейся на левшинском и даже гаринском этапе. Далее об этом же свидетельствует появление круглодонных чашек, по форме дна близких сосудам ананьинской эпохи и, наконец, исчезновение орнамента в виде «шагающей гребенки». Последний появляется в Прикамье в позднем неолите (на стоянке Боровое озеро I он отмечен на 5 сосудах), получает широкое распространение в самом конце неолита (Бор I, нижний слой), наиболее распространен в Левшине и в особенности на гаринском этапе (Бор I, Боровое озеро II, Боровое озеро III, Астраханцевская и другие поселения того же типа). Таким образом, и по этому признаку стоянке Бор II нет места в дотурбинском времени.

Еще более существенным для выяснения даты стоянки Бор II является зубчатый штамповый орнамент в виде флажков (рис. 12), который встречается на поселениях поздней бронзовой эпохи в Прикамье: так, например, на Ананьинской стоянке[2], где керамика с «флажковым» орнаментом хорошо датируется двумя бронзовыми кельтами, наиболее близкими киммерийским, и на стоянке Нижний Курмантау[3] (на реке Белой), отнесенной П. П. Ефименко к предананьинскому времени[4]. «Флажковый» орнамент встречен и в Поволжье[5], и на восточных склонах Урала, — и там также на позднейших стоянках, например на левобережной стоянке на р. Полуденке (раскопки Н. П. Кипарисовой, Тагильский музей) и на известной по раскопкам П. А. Дмитриева стоянке Калмацкий Брод под Свердловском (кабинет археологии Молотовского университета, сборы М. О. Клера); поздний предел даты стоянки Калмацкий Брод П. А. Дмитриев определяет VIII веком до н. э.[6]

Еще хорошо развитая и сравнительно архаичная кремневая техника стоянки Бор II должна рассматриваться в известной мере как пережиток,

[1] О. Н. Бадер. Из новейших археологических исследований Чусовского отряда, 1949, № 14.

[2] А. В. Збруева. Ананьинский могильник. СА, II, 1937.

[3] П. Ефименко. До питання про джерела культури пізньої бронзи на території Волго-Кам'я. «Археологія», II, Київ, 1948.

[4] Там же.

[5] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30.

[6] П. А. Дмитриев. Раскопки стоянки Калмацкий Брод на р. Исети. Свердловск, 1934.

сохранявшийся здесь, в северных лесных районах, до конца бронзовой эпохи и даже в Ананьине еще достаточно сильный.

Приведенные сопоставления и аналогии позволяют поместить стоянки борского типа в промежуток между Турбинским могильником и поселениями гаринского типа, с одной стороны, и ананьинской культурой,— с другой, следовательно считать их предананьинскими и датировать самым концом II тысячелетия до н. э.

Близость памятников борского типа с ананьинским временем подтверждается и вскрытым нами в 1950 г. на стоянке Боровое озеро VI (того же типа, что и Бор II) большим, слегка углубленным в землю длинным жилищем с несколькими очагами[1]; оно является ближайшей аналогией единственному известному жилищу ананьинского времени, изученному А. В. Збруевой на Конецгорском селище[2], и могло служить прототипом для него.

Мы лишены возможности дать развернутое описание многих черт быта населения стоянки Бор II из-за отсутствия каких-либо других находок, кроме предметов из обожженной глины и камня. Все же достаточно разнообразный набор стрел, ножей и скребков говорит о развитой охоте, преобладавшей здесь еще в неолите и удержавшейся в качестве одного из важных промыслов даже в последующее, ананьинское время. Каменные грузила, особенно многочисленные в стоянке Бор II и других поселениях этого типа, говорят о развитом рыболовстве при помощи сетей.

О развитии мотыжного земледелия можно судить по каменным наконечникам мотыг с перехватом, которые были найдены еще на Астраханцевской стоянке в раскопках Н. А. Прокошева. Следов скотоводства нет, но на более раннем, гаринском этапе здесь уже разводили свиней, коров, лошадей (Бор I, наши раскопки 1947 и 1948 гг.), может быть и овец (Турбинский могильник), а для ананьинского времени скотоводство общеизвестно.

Отсутствие землянок и полуземлянок на большей части поселений борской группы при обилии хозяйственных и очажных ям заставляет предполагать существование наземных построек. Сооружались и длинные полуземлянки.

Памятники борского типа известны нам пока только в Чусовском Прикамье, и говорить об их более широком распространении мы пока не имеем данных; занимаемая ими территория, предположительно, включает верхнее и среднее Прикамье. Совершенно прав оказался П. П. Ефименко, утверждая, что архаичные, связанные в своем происхождении с неолитом яйцевидно-конические сосуды конца бронзовой эпохи в Прикамье непосредственно предшествовали древним городищам и могильникам, т. е. ананьинской культуре, и что здесь «котлообразная воротничковая посуда подвесного типа первоначально не была связана с шнуровой орнаментацией»[3].

Нам кажется, что открытием стоянки Бор II и серии близких ей поселений найдено местное промежуточное звено между турбинской и ананьинской эпохами, которое вносит значительно большую ясность в вопрос о происхождении ананьинской культуры на основной части ее территории, ибо утверждение ее местных корней уже не будет ограничиваться только ссылками на относительную близость сейменско-турбинских и ананьинских копий и кельтов. При этом выясняется, что памятники борского типа имеют тесные связи с более древней местной культурой и отчасти с синхронными культурами Зауралья. Никаких следов южных влияний, а тем более черт южных степных культур, столь характерных для предананьинских

[1] О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1950 г. КСИИМК, XLIX, 1953.

[2] А. В. Збруева. Коллективное жилище в Прикамье. ВДИ, 1940, № 2.

[3] П. П. Ефименко. Ук. соч.

памятников нижнего Прикамья, выявленных А. В. Збруевой в Луговской стоянке и в других, борские поселения не имеют. Можно считать, что в среднем и верхнем Прикамье ананьинская культура возникает всецело на местной основе.

Поселения борской группы в чусовском Прикамье могут быть объединены с гаринскими, как два этапа развития турбинской племенной культуры[1].

В заключение нельзя не остановиться на одном крайне интересном и важном вопросе, возникающем при изучении памятников борского этапа: это вопрос об их связях и ближайших аналогиях на западе, в Поволжье.

Несколько лет назад мы уже ставили вопрос о сходстве левшинской керамики на Каме с волосовской керамикой на Оке [2], а затем и о сходстве более поздней (Бор I) керамики Прикамья с керамикой комплекса Б стоянок Балахнинской низины [3].

В свете новейших данных по археологии Волгокамья нам пришлось пересмотреть свое старое, совместное с М. В. Воеводским, наблюдение об одновременности керамических комплексов А и Б, четко выделившихся при обработке наших материалов со стоянок Балахнинской низины[4]. Классическая ямочно-гребенчатая керамика комплекса А, без сомнения, относится к культуре волго-окского неолита и должна датироваться не II тысячелетием, а по крайней мере второй половиной III тысячелетия до н. э. Керамика же комплекса Б, резко отличная от первой почти по всем основным признакам, является более поздней и к тому же не имеет ясных генетических связей с ямочно-гребенчатой керамикой тех же районов.

Некоторые балахнинские стоянки, содержащие оба типа керамики, заселялись дважды, в результате чего, при последнем заселении стоянок, культурные остатки предыдущего периода втаптывались в слабый, песчаный, более ранний культурный слой и смешивались с ним. Поздним возрастом и следует объяснять хорошее состояние сравнительно непрочной керамики комплекса Б по сравнению с лучшей по прочности, но измельченной и раздавленной более ранней керамикой комплекса А.

В момент публикации стоянок Балахнинской низины мы не имели аналогий важнейшим особенностям керамики комплекса Б (каковыми являются растительные примеси к глине, обработка поверхности сосудов зубчатым орудием и пр.). Но теперь эти аналогии известны во множестве, и они ведут нас на восток, преимущественно в область Прикамья, говоря нам о тесных культурных связях населения нижней Оки того времени с восточными областями.

Культурный комплекс Б стоянок Балахнинской низины наиболее близок к культуре борского этапа на Каме. Убедительнее всего эта близость прослеживается в посуде. Она выражается в тождестве формы крупных сосудов (в виде яйца, деленного пополам, с широко открытой вверх «шейкой»), в отсутствии архаической формы с наклонной внутрь верхней частью, в относительном изобилии малых сосудов, приобретающих к тому же форму широких чаш с котлообразным дном. На стоянке Большое Козино IV

---

[1] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. — Ученые записки Молотовского университета, т. IX, вып. 3, 1953.

[2] Его же. Каменный век на Урале. Доклады научной конференции Молотовского гос. университета, вып. 1—4, 1948.

[3] Его же. Работа Чусовского отряда Камской археологической экспедиции. КСИИМК, XXVI, 1949.

[4] О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. ИГАИМК, вып. 106, 1935.

имеется даже переход от этой формы к ананьинской, с выраженной шейкой [1]. Сосуд № 35 со стоянки Бор II имеет ту же форму, что большой сосуд стоянки Большое Козино IV [2], но его размеры гораздо меньше, а орнамент на верхней его части близко напоминает козинский бомбовидный сосуд [3]. И там, и здесь преобладает зубчатый орнамент при полном отсутствии конического круглоямочного и линейного штампов; ямочные вдавления неглубокие, обычно неправильные, продолговатые, иногда сдвоенные [4]. И там, и здесь имеются растительные примеси в глиняном тесте, выгоревшие при обжиге, и внутренняя поверхность сосудов обработана зубчатым орудием.

Наблюдаются общие черты и в каменном инвентаре: так, на стоянке Выселки у Большого Козина, в материалах В. Каменского (МАЭ), по сообщению В. В. Федорова, хорошо представлены наконечники стрел миндалевидной формы (1078-А-33, 1078-А-152, 1078-А-154 и др.), столь типичные для борской культуры в Прикамье, а также каменные мотыги с поперечным перехватом (например, 1078-А-196), подобные найденным на стоянке Бор II.

Вопрос о культурном сходстве и степени близости камских и балахнинских стоянок требует еще специального изучения, но уже сейчас многие черты этого сходства вне сомнения. Мы не можем пока говорить о принадлежности тех и других к одной культуре, но о принадлежности горизонта Б балахнинских стоянок к приуральской культурной области говорить уже следует [5]. При этом район Балахны того времени не кажется оторванным от своего основного массива, ибо в Заволжье и более южном Прикамье уже сейчас можно указать несколько памятников с керамикой того же типа; из них лучше других изучена Пановская стоянка на Ветлуге [6].

Культурное родство памятников горизонта Б балахнинских стоянок с Прикамьем в сочетании с Сейминским могильником, очевидно связанным с этими поселениями, говорит за происшедшее во II тысячелетии до н. э. смещение заволжского населения на запад, в зону которого вошла и Балахнинская низина.

Таким образом, новый камский материал ставит перед нами новые задачи также в области изучения памятников ранней истории Оки и Волги, связанные с необходимостью пересмотра некоторых устаревших датировок.

---

[1] О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. ИГАИМК, вып. 106, 1935, рис. 61.

[2] Там же, рис. 21, *4*.

[3] Там же, рис. 21, *1*.

[4] В стоянке Бор II — см. рис. 9, в Большом Козине IV — см. М. В. Воеводский. К изучению гончарной техники, СА, I, 1936, табл. V, рис. 4.

[5] См. нашу статью в КСИИМК, XXVI, 1949.

[6] О. Н. Бадер. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья. СЭ, 1951, № 2.

К. В. САЛЬНИКОВ

АНДРОНОВСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ

Общеизвестно значение изучения поселений для суждения о характере экономики, быта и общественного строя той или иной древней эпохи. Между тем для такой широко распространенной культуры, как андроновская, мы почти не имеем публикаций поселений. Выводы, сделанные на основании раскопок андроновских погребений в верховьях Енисея, не подкрепляются данными синхроничных поселений. Андроновские поселения на Енисее и в Восточном Казахстане, за редкими исключениями, располагались на дюнах, поэтому культурный слой на них развеян и смешан со слоями других эпох [1]. Иначе обстоит вопрос о поселениях в западных районах распространения этой культуры. В Зауралье андроновские селища расположены в других топографических условиях, что способствовало лучшей, а нередко и просто хорошей их сохранности. Сейчас здесь известно около тридцати научно обследованных поселений и, кроме того, о ряде селищ имеются сведения, хотя и краткие, отрывочные (рис. 1). На трех памятниках (Кипель, Замараево, Ново-Бурино) были произведены раскопки [2]. Теперь уже нельзя лесостепное Зауралье именовать «страной курганов», как это делал Д. Н. Мамин-Сибиряк [3], считая, что в этом районе древние поселения отсутствуют, а в лесном среднем Зауралье, наоборот, их много.

В археологической литературе освещены только четыре андроновских поселения, на которых произведены были раскопки. Фундаментальное исследование О. А. Кривцовой-Граковой «Алексеевское поселение и могильник» [4] и ее статья «Садчиковское поселение» знакомят с результатами многолетних раскопок на андроновских поселениях, соседней с Зауральем территории. Автором настоящей статьи опубликовано предварительное сообщение о раскопках на Замараевском селище близ г. Шадринска [5]

---

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, стр. 51—52; С. С. Черников. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1947 г.— Изв. Академии Наук Казахской ССР, № 67, серия археологическая, вып. 2, Алма-Ата, 1950.

[2] На соседней территории Северного Казахстана О. А. Кривцовой-Граковой произведены раскопки Алексеевского и Садчиковского андроновских поселений близ г. Кустаная.

[3] Д. Н. Мамин. Археологическая поездка по Уралу. Древности, т. XV, вып. 1, протоколы, стр. 100—101.

[4] Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948; МИА, вып. 21.

[5] К. В. Сальников. Замараевское селище. Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948.

С. С. Черниковым — результаты небольших раскопок в Восточном Казахстане близ г. Семипалатинска у с. Малой Красноярки на р. Иртыше[1].

Краткость двух последних публикаций приводит к тому, что исследователь андроновской культуры, желая ознакомиться с поселением, жилищем, их планировкой и конструкцией, принужден ограничиваться данными

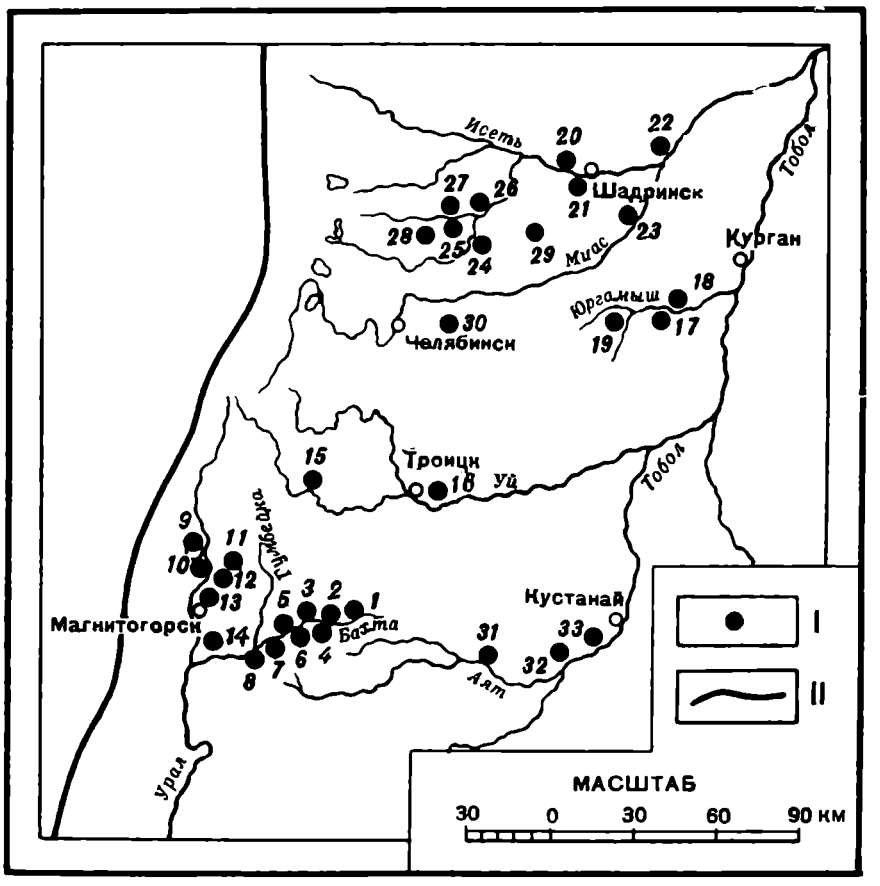

Рис. 1. Схематическая карта расположения андроновских поселений Зауралья

I — селище; *II* — направление основного Уральского хребта. Селища: *1* — Черниговское; *2* — «у Белого камня» *3* — Бахтинское; *4* — Левобережное Бахтинское; *5* — «Обрыв»; *6* — Трибиякское; *7* — Нижне-Бахтинское; *8* — Усть-Бахтинское; *9* — Нижнее Спасское; *10* — у Спасского моста; *11* — Верхнее Алексеевское; *12* — Нижнее Алексеевское; *13* — у горы Мохнатой; *14* — Агаповское; *15* — Бирюковское; *16* — Бобровское; *17* — Кипельское; *18* — Третье Кипельское; *19*— Таловское; *20*— Замараевское; *21*— Барминское; *22*— Ближне-Кубасовское; *23* — Баклановское; *24* — Ново-Буринское; *25* — «Ключ»; *26* — пашня «Мыс»; *27* — «Низкая пашня»; *28* — Чесноковская пашня; *29* — Буринское; *30* — Стариковское; *31* — Асенкритовское; *32* — Алексеевское; *33* — Садчиковское

только Алексеевского селища[2]. При всей обширности и ценности материалов, полученных в результате многолетних тщательных исследований этого поселения О. А. Кривцовой-Граковой, не может быть уверенности в том, что эти сведения можно распространить и на другие аналогичные памятники, что Алексеевское селище является типичным. Нам думается, что привлечение наблюдений, сделанных на других памятниках, хотя бы

[1] С. С. Черников. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1947 г.—Изв. Академии Наук Казахской ССР, № 67, серия археологическая, вып. 2, Алма-Ата, 1950.

[2] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. 2-е изд., М., 1951.

и обследованных лишь рекогносцировочно, должно иметь большой интерес и позволит установить некоторые закономерности в развитии андроновских племен.

Автор ставит себе задачей ознакомить с андроновскими поселениями, открытыми главным образом за последние 15 лет в результате планомерных обследований археологических памятников Зауралья.

Размеры настоящей статьи не позволяют остановиться на детальном рассмотрении всех находок, обнаруженных на поселениях, подвергавшихся раскопкам. Каждое из исследованных селищ требует особой подробной публикации. В данной работе основное внимание уделим планировке поселения и конструкции жилищ.

В 1938—1939 гг. экспедицией Челябинского областного музея, под руководством автора, обследовано несколько селищ на реках Юргамыше и Таловке в Юргамышском районе Курганской области. В 1940 г. автором, проводившим по поручению Челябинского музея обследование среднего течения р. Исети, открыты андроновские селища у сел Замараева и Бармина. В 1950 г. Южно-Уральская археологическая экспедиция[1], помимо раскопок в районе Магнитогорска, произвела обследования по трем маршрутам, во время которых было открыто около 15 андроновских селищ на р. Бахте, по верхнему течению р. Урала, по верхнему течению р. Уя. Отдельные поселения открыты в разное время различными лицами в других пунктах Южного Зауралья.

Известную ценность представляют и те древние поселения эпохи бронзы, которые были открыты еще в дооктябрьское время, но сведения о которых остались неопубликованными. Речь идет о поселениях, зарегистрированных В. Я. Толмачевым в начале девятисотых годов, главным образом в бассейне р. Синары. Его работы ограничивались разведочными сборами подъемного материала и лишь на селище «Чесноковская пашня» им закладывался небольшой раскоп. Судя по чрезвычайно скромным по размерам коллекциям В. Я. Толмачева[2], где часть поселений представлена всего лишь несколькими обломками керамики, некоторые из открытых им селищ, бесспорно, являются андроновскими.

1. СЕЛИЩА НА р. БАХТЕ

Большая, густо расположенная группа поселений открыта Бахтинским отрядом Южно-Уральской археологической экспедиции[3], который в 1950 г. обследовал в Нагайбакском районе Челябинской области берега реки Бахты от поселка № 108 до впадения ее в р. Гумбейку. На протяжении 30 км маршрута, помимо других памятников, открыто 8 андроновских селищ. Бахта — типичная степная маленькая речка — протекает в отлогих берегах, часто без выраженной надпойменной террасы. Пойма настолько плавно переходит в коренной берег, что граница между ними улавливается лишь по различию в характере растительности. Пойма в верховьях реки покрыта березовым лесом и кустарником, в нижнем течении лесная растительность отсутствует. Коренной берег на всем протяжении представляет собой степь, местами распаханную.

---

[1] Экспедиция организована Челябинским и Магнитогорским музеями и Уральским университетом. Руководитель экспедиции — К. В. Сальников.

[2] Хранятся в Свердловске, в Областном краеведческом музее и в Государственном Эрмитаже.

[3] Руководитель экспедиции и Бахтинского отряда — К. В. Сальников.

Все без исключения селища хорошо заметны на поверхности благодаря впадинам, оставшимся от жилищ.

Черниговское селище. Находится против поселка Черниговского (колхоз «Красный партизан»), на правом берегу р. Бахты, в 2 км от поселка 108-го по нижней дороге, идущей вдоль реки вниз по течению (рис. 2). По обе стороны дороги видно 17 впадин. Некоторые впадины едва

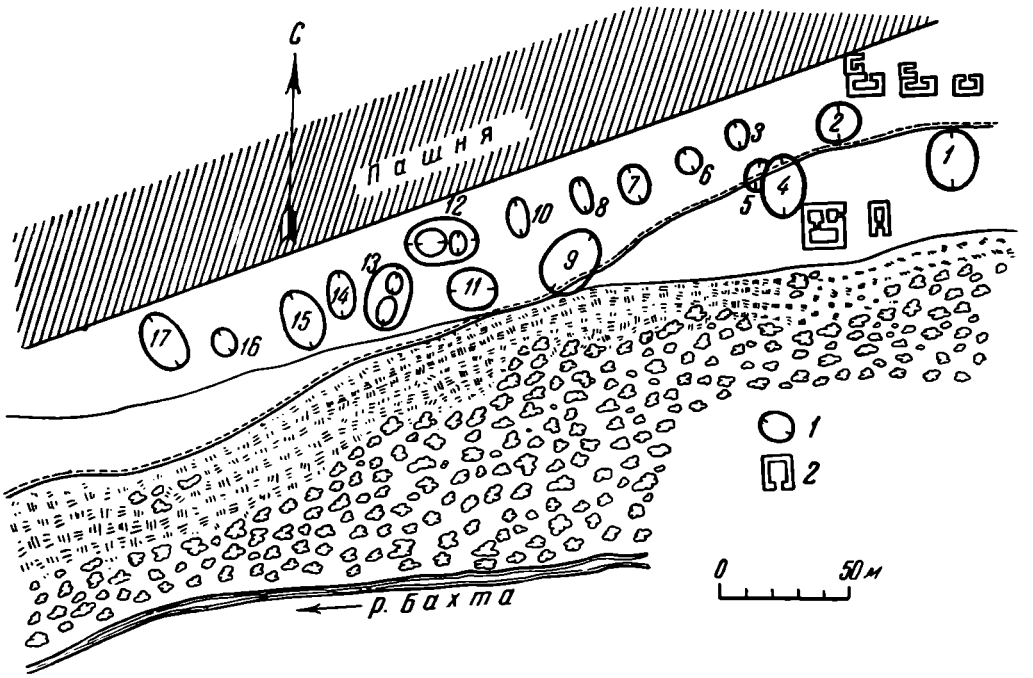

Рис. 2. План Черниговского селища

1 — жилищные впадины; *2* — старые зимовки

заметны из-за малой глубины (0,10 м), но выделяются более яркой окраской травы. По форме различаются впадины круглые диаметром 11—18 м при глубине 0,10 — 0,50 м и овальные от 11 × 8 м до 26 × 17 м, при глубине 0,15—0,85 м. Две крупные овальные впадины имеют поперечную перемычку, которая делит жилище на две камеры.

Селище тянется по берегу на 360 м полосой в 45—50 м. Оно расположено на незаливаемом низком берегу в 100 м от русла на самом краю поймы, граница которой устанавливается лишь по характеру растительности. Площадь поселения покрыта степной растительностью, пойма и наиболее глубокие впадины — травой более влаголюбивой.

Приблизительная площадь селища — 18 000 кв. м. Шурф, заложенный на территории селища, дал следующую стратиграфию: чернозем — 0,25 м, зола — 0,25 м, древний чернозем — 0,17 м; грунтовый желтый песок.

В шурфе найдено 9 черепков андроновского типа, 14 осколков дробленых костей, каменный отщеп.

Селище «у Белого камня». Находится на правом берегу р. Бахты, менее чем в 1 км от Черниговского селища вниз по течению, у выходов кварцевой жилы, благодаря чему это урочище известно у местных жителей под наименованием «у Белого камня» (рис. 3).

По обе стороны дороги на протяжении 200 м расположены полосой в 50—80 м 19 впадин круглой и овальной формы. Диаметр круглых впадин — 7—18 м при глубине 0,10—0,50 м, размеры овальных — от 11 × 5 м

до 30 × 20 м при глубине 0,10—0,50 м. Одна овальная впадина поделена поперечной перемычкой на две камеры.

Топографические условия и состояние поверхности селища «у Белого камня» и Черниговского одинаковы.

Приблизительная площадь селища — 15 000 кв. м. Разведочный шурф, заложенный в центре селища, дал следующую стратиграфию: чернозем —

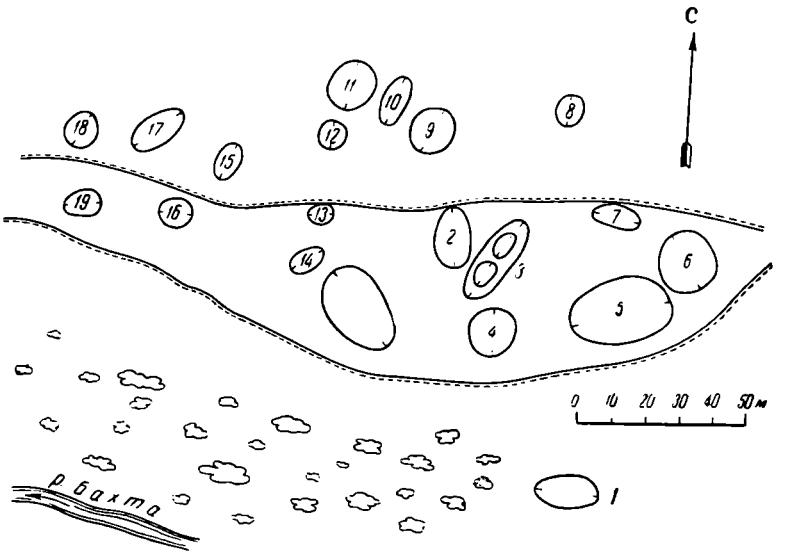

Рис. 3. План селища «у Белого камня»
1 — жилищные впадины

0,25 м, зола — 0,17 м, древний чернозем — 0,17 м; грунтовый желтый песок.

В шурфе найдено 17 андроновских черепков и 20 осколков костей животных.

Бахтинское селище[1]. Находится на правом берегу р. Бахты, в 200 м от русла реки, в 400 м выше устья ручья Кочкарки. Берег почти незаметно переходит в кочковатую пойму, которая покрыта более зеленой травой (рис. 4). Сливающиеся поймы реки Бахты и ручья Кочкарки образуют большую полузаболоченную, кочковатую низину. В древности, в ксеротермический период, эта низина должна была представлять большое удобство для полей и пастбищ.

Селище покрыто степной растительностью. На поверхности ясно видно 7 впадин: круглые — диаметром 14—30 м при глубине 0,30—0,35 м, и овальные — размером от 19 × 11 м до 27 × 16 м при глубине 0,45—1,10 м. Зелень во впадинах более яркая.

Во время обследования 1950 г. на селище была произведена шурфовка, которая нигде вне площадки, занятой впадинами, не обнаружила культурного слоя. Общая площадь селища равна приблизительно 15 000 кв. м.

На восточной окраине селища небольшая водомоина смыла дерновый слой и обнажила культурный слой со значительным количеством мелких кусочков шлака.

Разведочный шурф (№ 1) 16 кв. м, заложенный в этом пункте, обнаружил следы плавки руды (рис. 5). Вся площадь шурфа (6 кв. м) оказа-

[1] Открыто в 1949 г. геологом С. В. Лопатиным. Обследовано в 1950 г. К. В. Сальниковым.

лась занятой зольником мощностью 0,10—0,35 м, который залегал непосредственно под дерном на древней поверхности (рис. 6). В зольном слое найдено 47 черепков андроновской посуды (рис. 7), 39 костей животных, 22 кусочка шлака, капля меди и костяное орудие, сделанное из ребра.

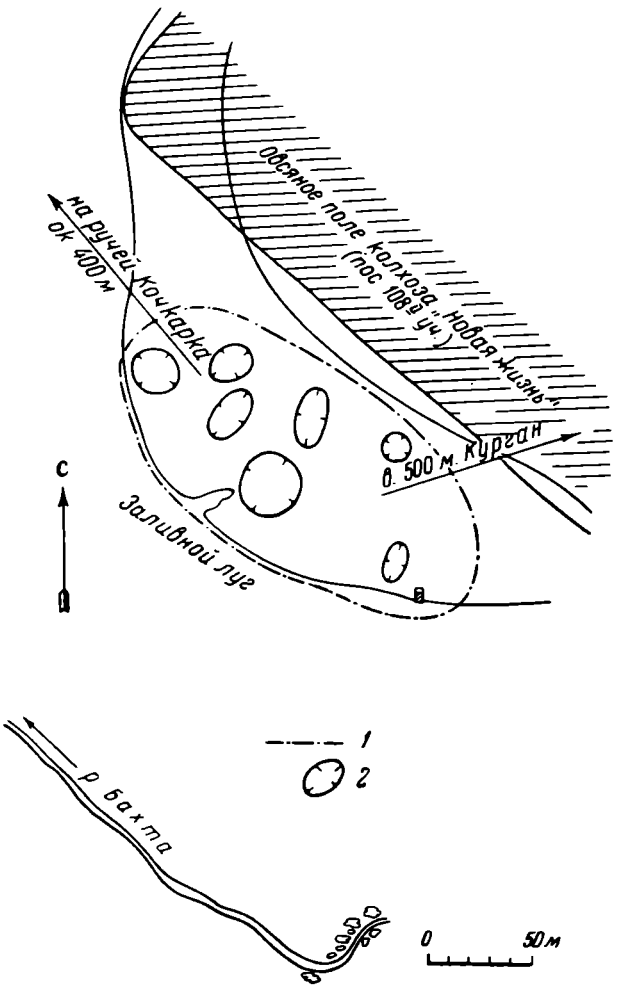

Рис. 4. План Бахтинского селища

1—граница поселения; *2*—жилищные впадины

У закругленного конца орудия имеются поперечные штрихи, как бы протертые нитями (рис. 8).

В толще зольника, в северной прирезке к шурфу, оказалась удлиненная вымостка из каменных небольших плит площадью около 2 кв. м. На площадке и вокруг нее, главным образом к востоку, найдено более 700 мелких кусочков шлака, 75 костей животных, 48 черепков, круглая каменная плитка и каменный терочник. Особенно густо шлаки залегали в ямке, диаметром около 0,5 м, глубиной 0,10 м, которая оказалась частично среди камней, частично вне их. Шлаки в ямке залегали сплошной массой с небольшой примесью угля. Аналогичная ямка диаметром 0,20 м оказалась под каменной вымосткой к северо-западу от первой. Поскольку плиты каменной вымостки и основная масса шлаков лежит в зольном слое, надо думать, что первоначально плавка производилась на поверхности, в районе второй ямки. Позднее, для плавки, на накопившейся золе была сооружена каменная площадка со склоном к востоку.

Левобережное Бахтинское селище. Расположено на левом берегу р. Бахты, в 2 км к северо-востоку от села Чернигово, на низком незаливаемом берегу в 150 м от русла реки, между пойменным лугом и пашней (рис. 9).

На поверхности селища хорошо заметно 9 впадин круглой и овальной формы. Диаметр первых — 14—19 м, при глубине 0,10—0,65 м, размеры вторых — от 12 × 8 м до 23 × 13 м, при глубине 0,25—0,55 м. Приблизительная площадь селища — 16000 кв. м.

На поверхности собраны обломки костей животных и черепки андроновского типа.

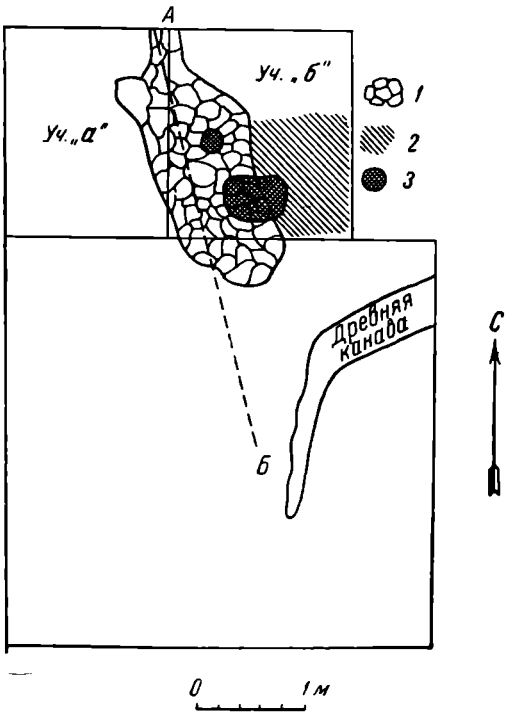

Рис. 5. Бахтинское селище. План шурфа № 1

1 — каменная вымостка; *2*— густое скопление шлаков: *3* — яма со шлаком и углем

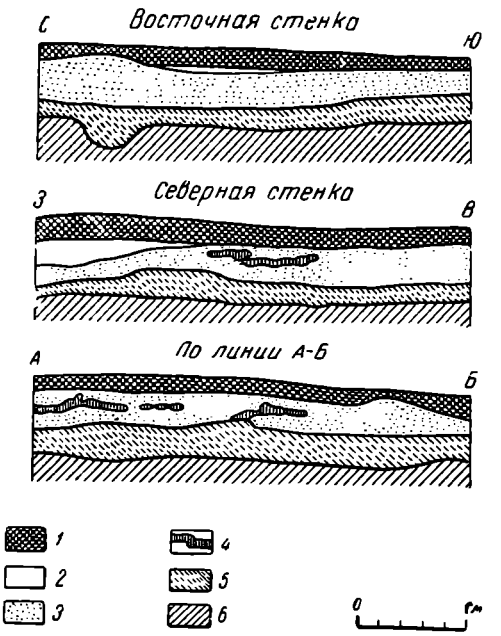

Рис. 6. Бахтинское селище. Разрезы слоев в шурфе № 1

1 — дерн; *2*— чернозем; *3*— зола; *4*— камни; *5* — древний чернозем; *6* — песок

Селище «Обрыв». Находится в 0,5 км к востоку от поселка Черниговского, на правом берегу р. Бахты, где в обрыве обнаружен зольный слой с андроновскими черепками, а на поверхности берега — 9 впадин (рис. 10). Правый берег на этом участке подмывается рекой, которая образует несколько стариц. Одна из стариц пересекает селище, и одна из жилищных впадин оказалась на острове. Впадины отчетливо разбиваются на две группы: восточную и западную, отстоящие друг от друга на 90 м. Впадины каждой группы имеют свои особенности. В восточную группу входят 5 круглых глубоких ям (№ 1—5) с крутыми стенками (диаметр — 13—18 м, глубина — 0,95 м). Три из них (№ 2, 3, 4) сливаются краями, образуя единый комплекс. У двух впадин заметны хорошо сохранившиеся входы.

В западную группу входит 4 неглубокие (0,15—0,35 м) впадины, две из них круглые, диаметром 11 и 25 м, и две удлиненной формы — 25 × 6 м и 9 × 6 м. Впадины № 6 и 7 наполовину снесены рекой.

Рис. 7. Бахтинское селище. Образцы керамики

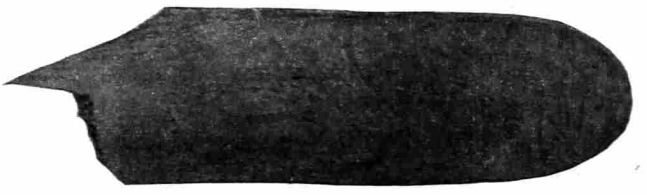

Рис. 8. Бахтинское селище. Орудие из кости

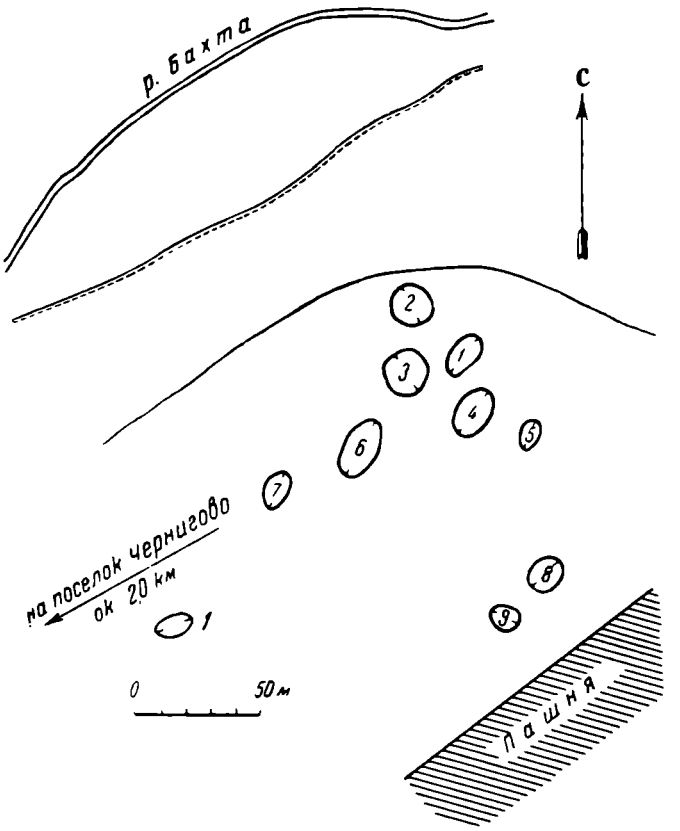

Рис. 9. План Левобережного Бахтинского селища

1 — жилищные впадины

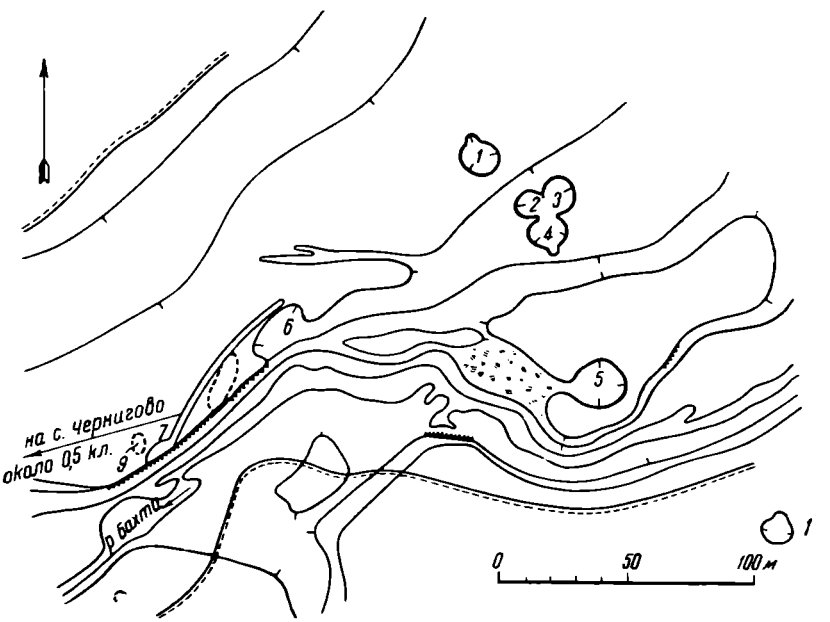

Рис. 10. План селища «Обрыв»

1 — жилищные впадины

Культурные остатки обнаружены у западной группы впадин, где имеется обнажение в обрыве. Зачистка обрыва на 12 м в длину, возле впадины № 8, обнаружила край полуземлянки, пол которой врезан в грунтовую глину на 0,40 м. В землянке, у стенки оказалась конусообразная яма глубиной от пола 1,20 м, шириной вверху 1,30 м, у дна 0,40 м. Землянка заполнена гумусом различной интенсивности окраски, которая сгущается ко дну ямы (рис. 11).

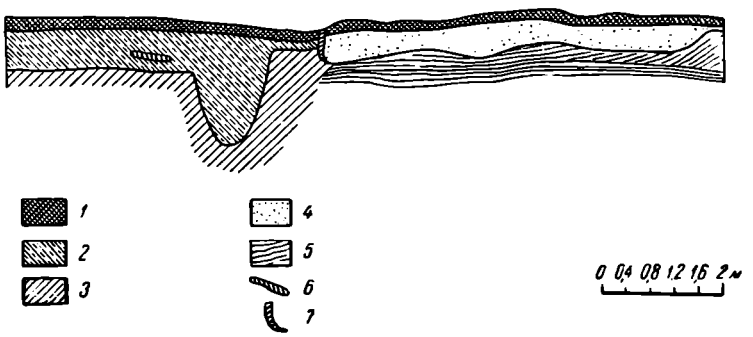

Рис. 11. Зачистка берега на селище «Обрыв»

1—дерн, *2*—гумус, *3*—желтая глина, *4*—зольный слой, *5*—расслоившийся камень, *6*—каменная плита, *7*—песок

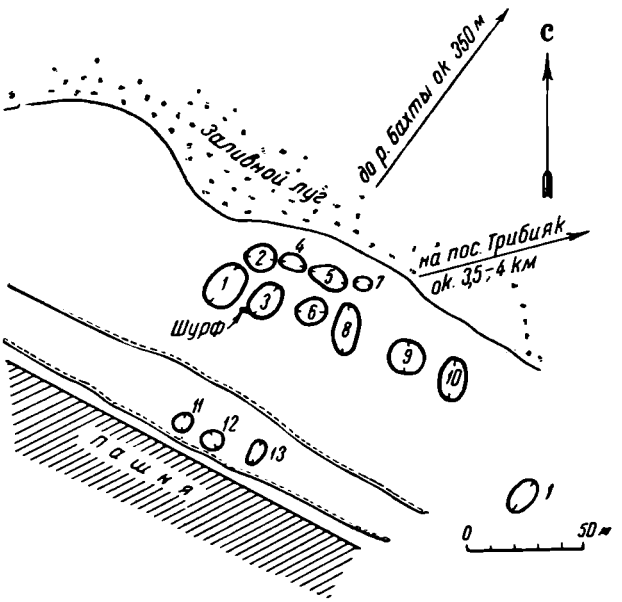

Рис. 12. План Трибиякского селища

1—жилищные впадины

С востока к землянке примыкает зольник длиной по берегу 6,40 м, мощностью 0,40—0,60 м, который залегает на грунте, непосредственно под дерном. Зольник заполняет какие-то впадины с неровным дном, углубляющиеся в грунт на 0,20—0,30 м. Общая площадь селища — 8 000 кв. м.

Не исключена возможность, что восточная группа впадин относится к другой, более поздней эпохе — слишком велика разница в форме и глубине с впадинами западной группы.

Трибиякское селище. Расположено в 3,5—4 км на запад — юго-запад от поселка Трибияк, на низком левом берегу р. Бахты, в 350 м от русла на границе с пойменным кочковатым лугом (рис. 12). Пойма

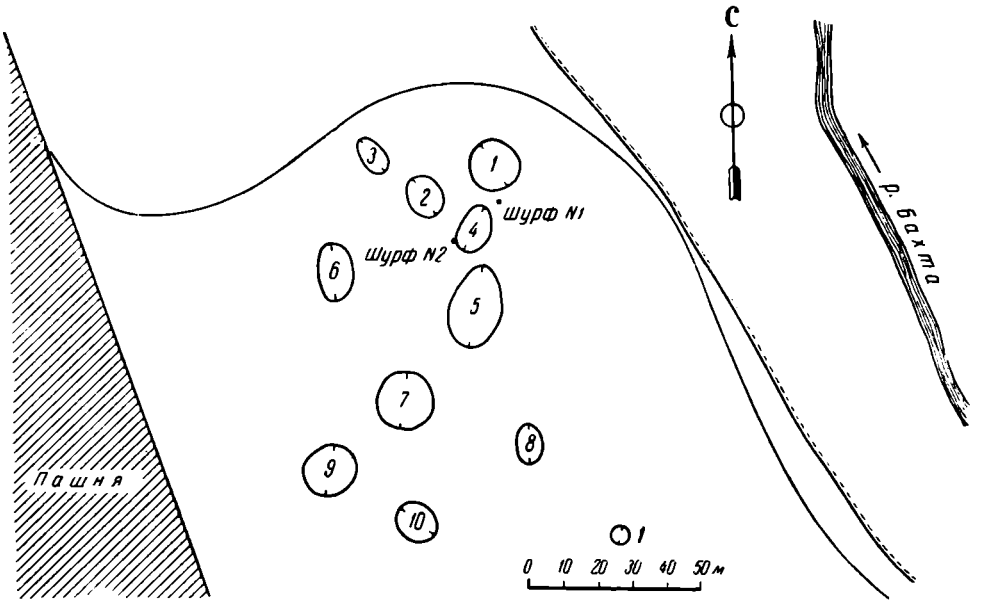

Рис. 13. План Нижне-Бахтинского селища

1 — жилищные впадины

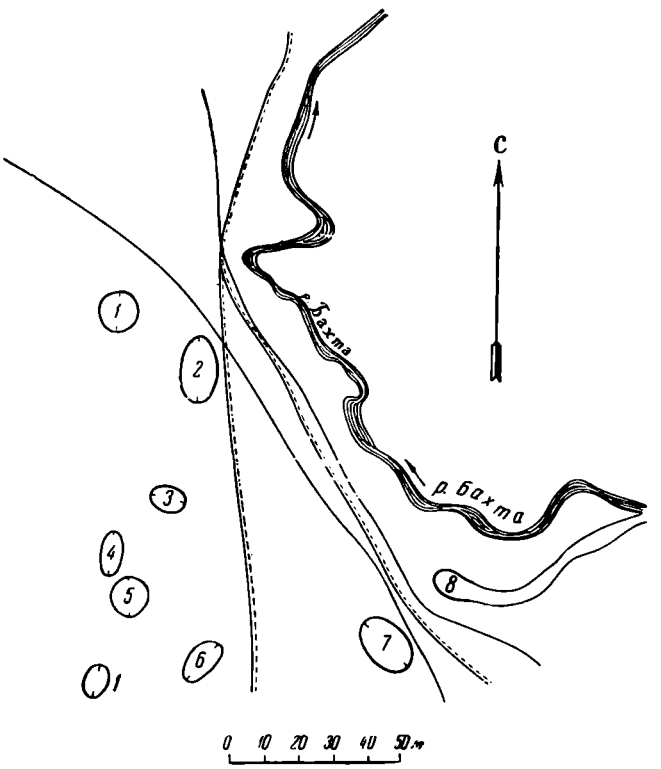

Рис. 14. План Усть-Бахтинского селища

1 — жилищные впадины

на этом участке имеет ширину до 1 км. На протяжении 120 м на полосе шириной 100 м зарегистрировано 13 круглых впадин, диаметром 7—15 м, при глубине 0,15—0,50 м, и овальных — от 22×10 м до 8×6 м, при глубине 0,15—0,65 м. Впадины — очень четких очертаний. В разведочном шурфе и на краю пашни собрано несколько черепков андроновского типа, обломок костяного тупика и скребок. Общая площадь селища—12 000 кв. м.

Нижне-Бахтинское селище. Находится в 5—6 км ниже Трибиякского селища, по левому низкому берегу р. Бахты, в 100 м от ее русла, на ровной степи возле пашни, слева от дороги к устью реки (рис. 13). На покрытой степной растительностью поверхности заметно 10 впадин круглой и овальной формы. Диаметр первых — 10—16 м, при глубине 0,10—0,55 м; размер вторых —от 12×7 м до 23×15 м при глубине 0,10—0,55 м.

В двух разведочных шурфах и в выкидах из нор найдено несколько черепков и костей животных.

Приблизительная площадь селища — около 11 000 кв. м.

Усть-Бахтинское селище. Находится на левом берегу р. Бахты, в 375 м от ее впадения в р. Гумбейку, на низком берегу, покрытом степной растительностью, в 15—30 м от русла реки (рис. 14). Долина р.Бахты здесь расширяется до 3 км и сливается с долиной р. Гумбейки. На поверхности селища заметно 8 жилищных впадин. Диаметр круглых впадин — 8—11 м при глубине 0,30—0,45 м, размер овальных — от 11×6 м до 20×13 м при глубине 0,40—0,70 м. Приблизительная площадь селища — 12 000 кв. м.

2. СЕЛИЩА ПО р. УРАЛУ

Верхнеуральский отряд[1] Южно-Уральской археологической экспедиции обследовал в 1950 г. памятники в Колхозном и Верхнеуральском районах Челябинской области по маршруту: с. Уйское—р. Суязка—р. Урляда—р. Урал от г. Верхнеуральска до поселка Верхнекизыльского (в 10 км к северу от г. Магнитогорска). Андроновские поселения открыты лишь по берегам р. Урала на участке Верхнеуральск—Верхнекизыльский. Берега рек Суязки, Урляды

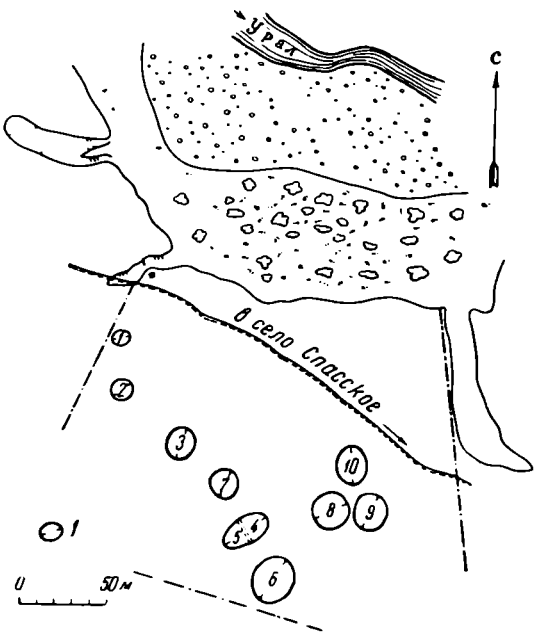

Рис. 15. План Нижнего Спасского селища

1 — жилищные впадины

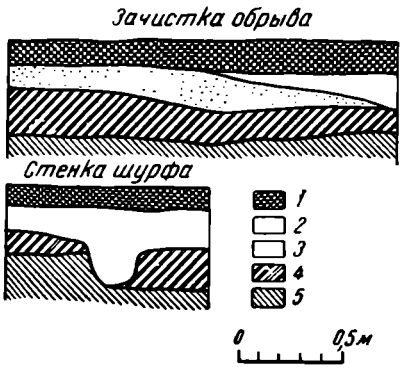

Рис. 16. Разрезы слоев на Нижнем Спасском селище

1 — дерн; *2* — зольник; *3*—чернозем; *4*—серовато-черный слой; *5*—грунтовая глина

[1] Руководитель В. И. Кикиморина-Фомина.

и частично Урала низки и заболочены, неудобны для поселений. Пять селищ расположены компактной массой на протяжении 20 км, на том участке р. Урала, где один из берегов представляет собой невысокий (2—3 м) обрыв. Эти незаливаемые и вместе с тем близкие к воде берега и использовались андроновцами для своих поселений. Ниже по р. Уралу известны еще два селища: у горы Мохнатой и в Агаповском рабочем поселке.

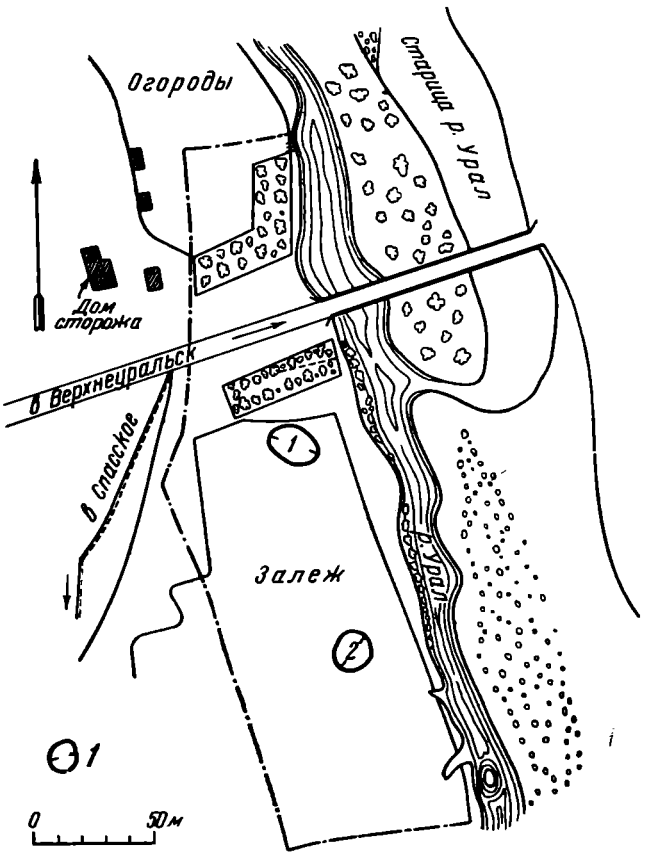

Рис. 17. План селища «у Спасского моста»
1 — жилищные впадины

Селище, открытое Б. Н. Граковым на крайнем юге Зауралья при впадении р. Таналыка в р. Урал, не включено в наш обзор, как невыразительное[1].

Нижнее Спасское селище. Находится на правом коренном берегу р. Урала; непосредственно у селища проходит сейчас старица, а современное русло отошло далее к востоку (рис. 15). На задернованной степной растительностью ровной поверхности берега заметно 10 впадин обычной для андроновских поселений формы и размеров. Восемь впадин имеют круглую форму при диаметре 10—26 м и глубине 0,25—0,40 м. Две впадины сливаются в одну овальную 30×15 м, глубиной 0,40 м, и должны рассматриваться как одно двухкамерное жилище.

Зачистка обрыва дала следующую стратиграфию: дерн — 0,12—0,15 м, зольный слой — 0,10—0,25 м, серовато-черный слой — 0,15—0,17 м; грунтовая желтая глина.

[1] Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых Южно-Уральских гидроэлектростанций.—Сб. «Археологические работы на новостройках», вып. II, Л., 1935.

В разведочном шурфе последовательность слоев та же. Лишь место зольного слоя занимает чернозем. Культурные остатки встречаются сразу под дерном в черноземе, зольнике и верхнем горизонте серовато-черного слоя (рис. 16). В обнажениях культурного слоя, в осыпи и на поверхности селища собраны 16 черепков андроновского типа и кости животных. Приблизительная площадь селища — 36 000 кв. м.

Селище «у Спасского моста». Находится в 0,5 км к северо-востоку от северной окраины села Спасского, на правом обрывистом берегу р. Урала, высотой до 8 м, у моста по обе стороны дороги в г. Верхнеуральск (рис. 17). Площадь селища занята залежью, частично — колхозным садом и огородом. Поэтому сохранились следы только двух

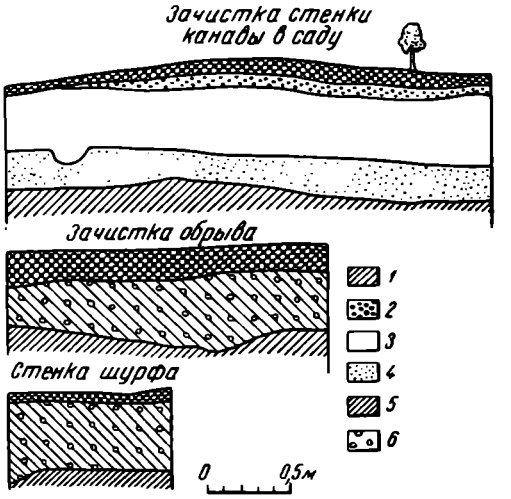

Рис. 18. Разрезы слоев на селище «у Спасского моста»

1 — дерн; *2* — выкид из канавы; *3* — чернозем; *4* — зольник; *5* — грунтовой песок; *6* — чернозем с культурными остатками

жилищных впадин диаметром 18—20 м при глубине 0,20—0,30 м. В береговом обрыве и на огороде собраны кости животных. Стратиграфия селища по зачистке берега: дерновой слой — 0,20—0,22 м, чернозем с культурными остатками — 0,35 м, грунтовый песок.

В культурном слое найдено: 5 черепков, обломки костей, мелкие кальцинированные косточки и вкрапления обожженной глины.

Современная канава в саду прорезает мощный зольник на протяжении 11 м. Профиль канавы: дерновой слой — 0,05—0,12 м; выкид из канавы — 0,03—0,12 м; чернозем — 0,40—0,50 м; зола — 0,20—0,25 м; грунтовый песок (рис. 18).

Культурные остатки найдены лишь в золе: черепки (рис. 19, *4—8*), кости, частью обгорелые. Протяженность культурного слоя по берегу — 190 м, перпендикулярно — 110 м. Площадь селища — 21 000 кв. м. Поселение разрушается водой, огородами и застройкой.

Верхнее Алексеевское селище. Расположено в 2 км к северу от хутора Алексеевского Верхнеуральского района, на левом обрывистом коренном берегу р. Урала (рис. 20). Площадь селища представляет собой мыс, ограниченный с запада р. Уралом, с юга — старицей р. Урала, с севера — высоким холмом, на котором расположена группа

курганов на территории заброшенного казахского кладбища. На ровной степной поверхности берега р. Урала на этом мысу заметны 4 впадины. Три из них круглые, диаметром 7—11 м, при глубине 0,15—0,35 м; четвертая — овальной формы 12×7 м, глубиной 0,40 м. Возле впадин в береговом обрыве высотой свыше 3 м над уровнем воды виден культурный

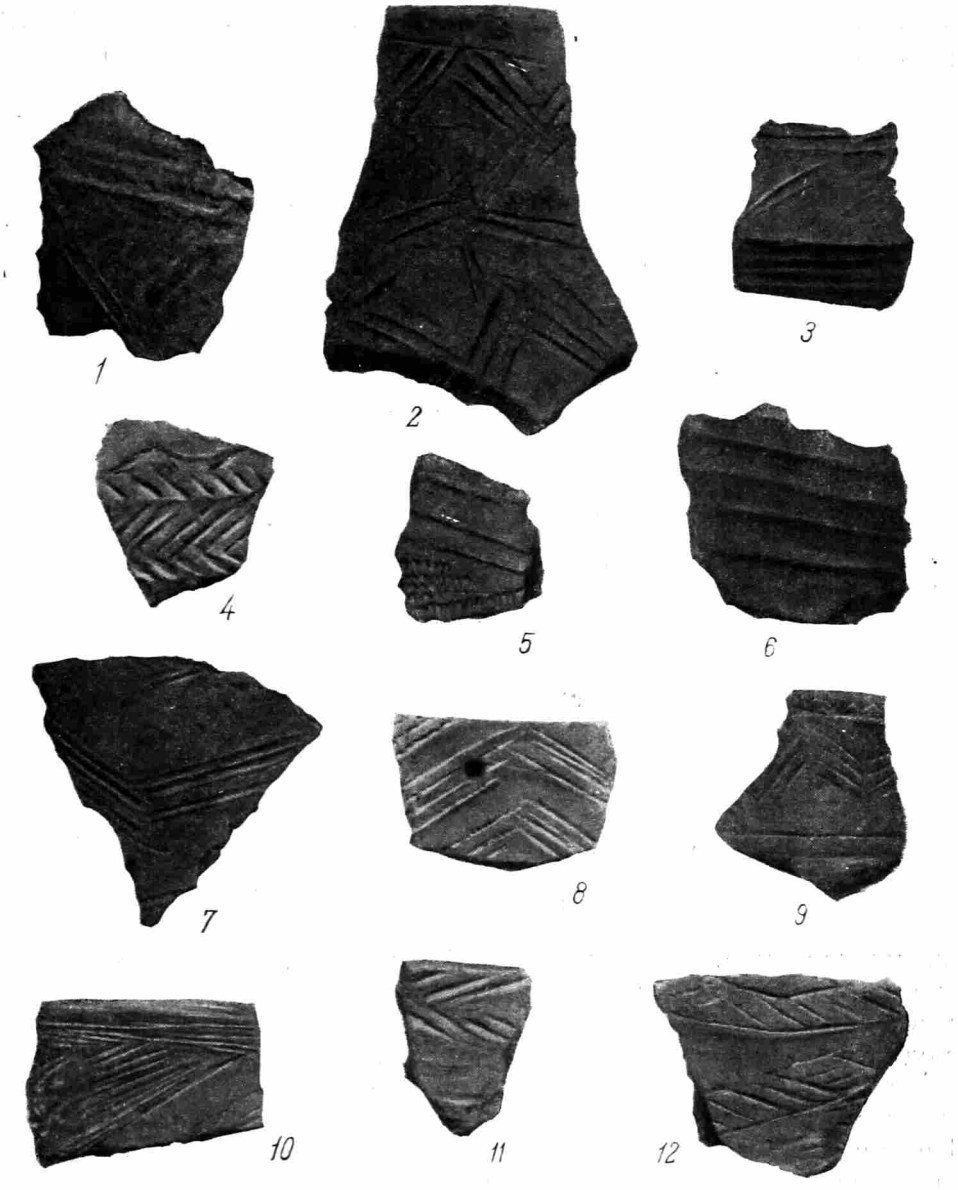

Рис. 19. Керамика селищ на р. Урале

1, 2, 3 — Нижнее Алексеевское селище; *4, 5, 6, 7, 8* — селище «у Спасского моста»; *9, 10, 11, 12* — Верхнее Алексеевское селище

слой, ясно заметный благодаря мощному зольному слою, который отмечается на протяжении 42 м. Стратиграфия селища по зачистке обрыва: дерн —0,12 м, черно-коричневая супесь —0,26 м, зольный слой — 0,30 — 0,40 м, чернозем —0,20—0,40 м; желтая грунтовая глина.

Культурные находки, обнаруженные в супеси и зольном слое, состоят из костей животных, частью обожженных, и черепков андроновского типа

(рис 19, *9—12*). Найден также обломок «пряслица». В толще зольника, на глубине 0,50—0,60 м от современной поверхности, на протяжении 2 м заметна вымостка из камней размером 0,10—0,25 м, видимо,— очаг или сооружение, подобное плавильной площадке на Бахтинском селище.

Культурный слой прослеживается по берегу на 100 м, перпендикулярно к нему на 50 м. Следовательно, общая площадь селища достигает 5000 кв. м.

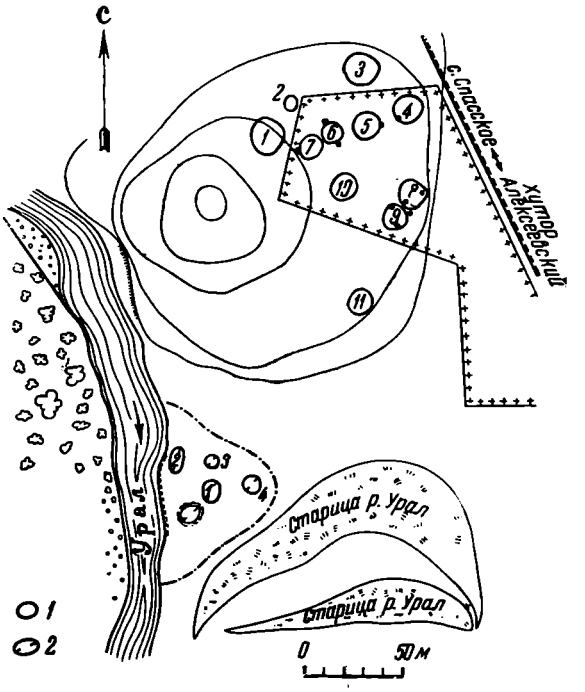

Рис. 20. План Верхнего Алексеевского селища
1 — курганы; *2* — жилищные впадины

Весьма вероятно, что группа из 11 курганов, находящаяся на соседнем холме, представляет собой кладбище данного поселения. Насыпи курганов земляные, на некоторых выступают отдельные камни, а на вершине одного вокруг впадины диаметром 1 м, глубиной 0,10 м расположены два концентрических круга из камней. Часть курганов потревожена казахскими могилами.

Нижнее Алексеевское селище. Находится на окраине хутора Алексеевского на левом берегу р. Урала (рис. 21). В обрывистом берегу высотой 3 м над уровнем воды, под дерном, в толще чернозема находятся кости животных и черепки андроновских сосудов (рис. 19, *1—3*).

Культурный слой прослежен по берегу на протяжении 190 м. Территория селища занята огородами, поэтому обнаружить следы жилищ не удалось, так же как и установить, насколько далеко культурный слой распространяется вглубь территории.

По аналогии с другими соседними селищами можно думать, что распространение культурного слоя перпендикулярно берегу должно равняться 50—100 м. Таким образом, площадь селища, видимо, была близка к 15 000 кв. м.

Селище у горы Мохнатой[1]. Расположено в 5 км к северо-западу от Магнитогорска, у подножья отрогов горы Мохнатой (в 1,5 км к югу от триангуляционного знака на горе Мохнатой), на древней пойменной террасе левого берега р. Урала. Площадь селища распахана. Культурный слой обнаруживается на пашне, главным образом в обнажениях. Находки обнаружены на протяжении 330 м с северо-запада на юго-восток вдоль стариц р. Урала на полосе шириной 50—100 м под пахотным слоем.

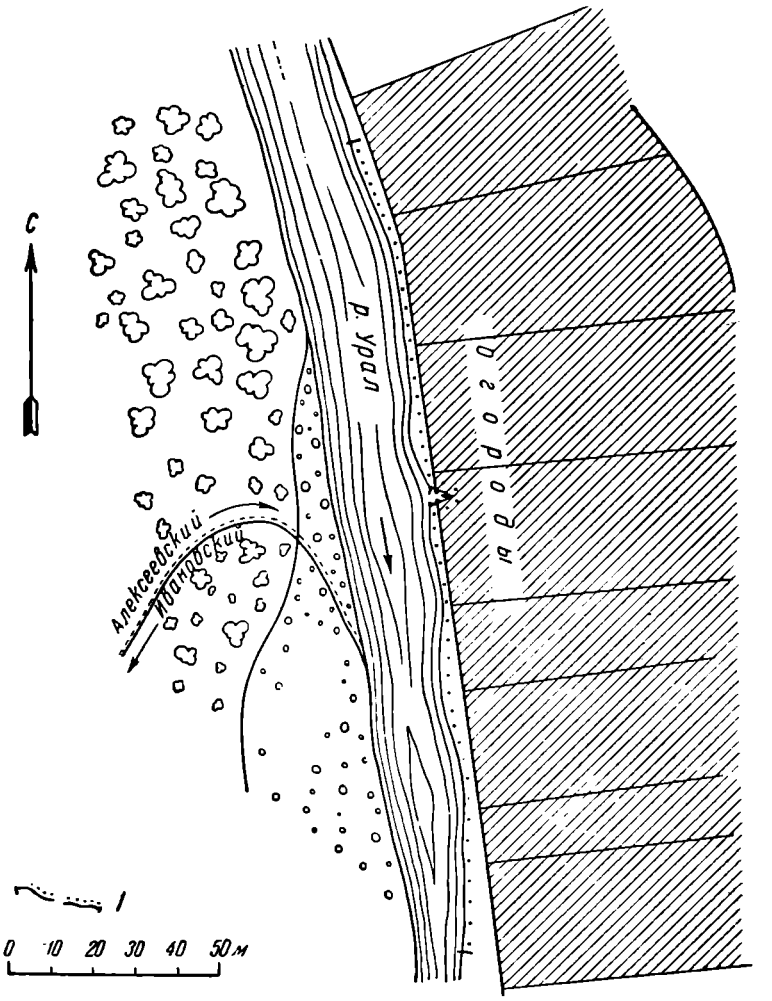

Рис. 21. План Нижнего Алексеевского селища
1 — выпадение культурных остатков

В юго-западной части селище смыто рукавом р. Урала. В северо-восточной части селище пересекается другим рукавом. Оба рукава в настоящее время высохли, и по дну их в массе встречаются культурные остатки. Через середину селища между рукавами, почти параллельно им, тянется современная оросительная (ныне заброшенная) канава, в стенках которой также хорошо заметен культурный слой, залегающий

[1] Открыто в 1950 г. научным сотрудником Магнитогорского краеведческого музея М. Р. Уфимцевым.

в толще чернозема на глубине 0,20 м от современной поверхности. Местами в обнажениях прослеживаются зольники, иногда большой мощности (до 0,60 м).

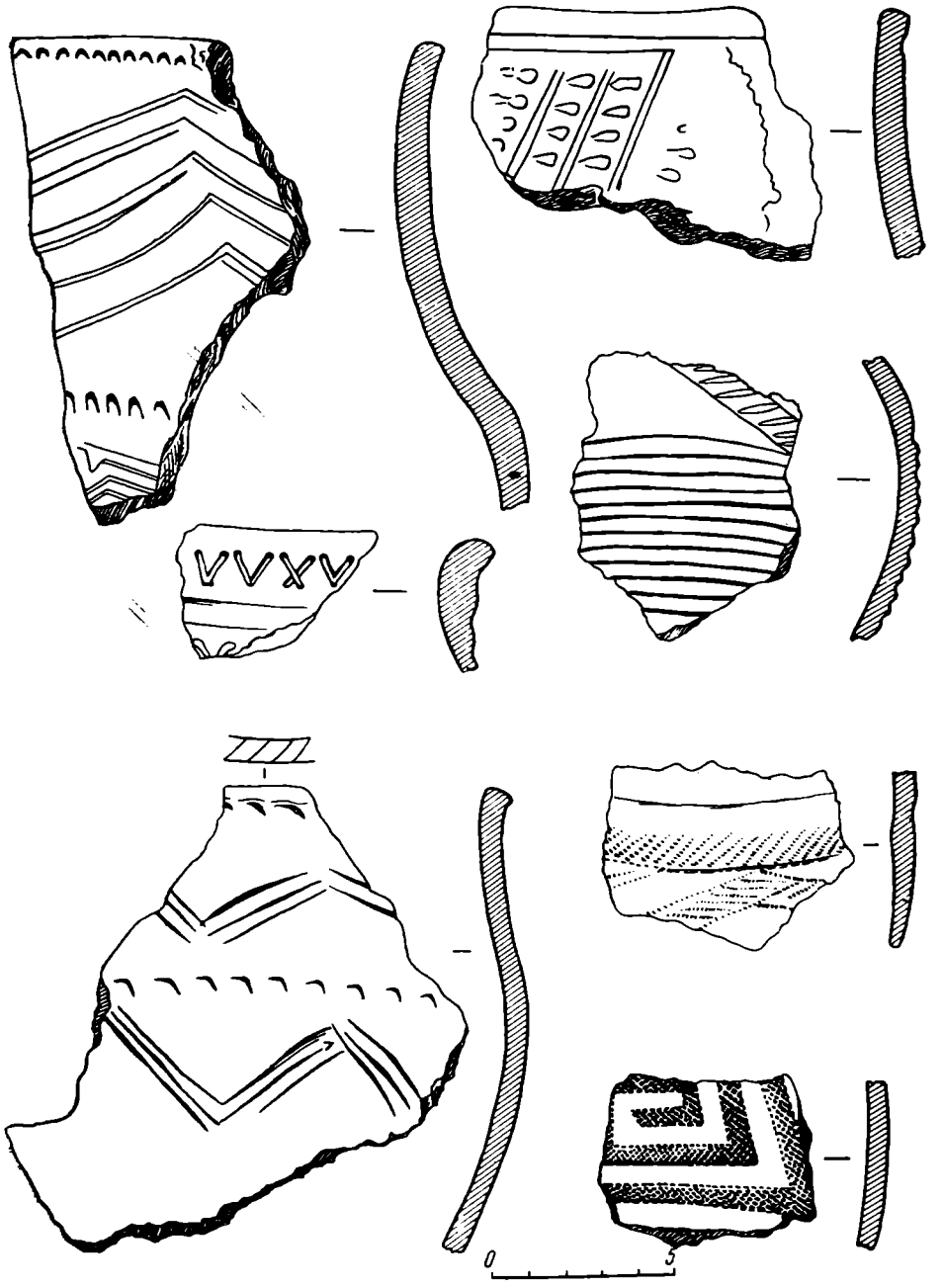

Рис. 22. Селище у горы Мохнатой. Образцы керамики

Находки состоят из керамики преимущественно позднеандроновского типа и редких обломков раннеандроновских (федоровских) сосудов (рис. 22, 23, 24), костей животных, иногда перегорелых, а также поделок из камня. Найдено несколько пестов (рис. 24), «колотушка» афанасьевского типа (рис. 25), отбойник-галька, три каменных шара, обломок ка-

менной терочной плиты (рис. 26), 15 каменных, грубо оббитых дисков, главным образом из сланцев (рис. 24), обломок каменной плиты для дробления руды, кремневые ножевидные пластины, отщепы, часть нуклеуса, концевой скребок, два медных сплеска и кусочек шлака.

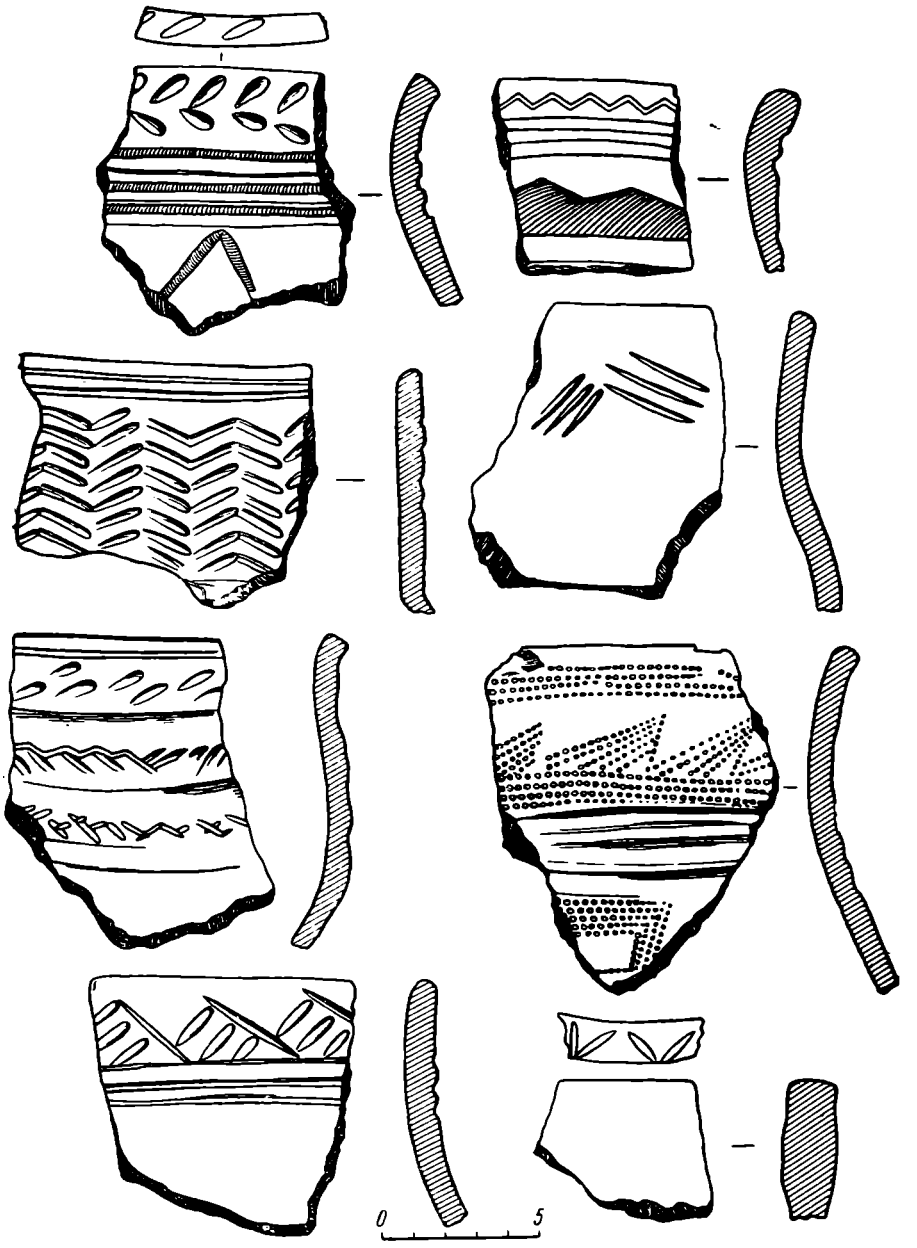

Рис. 23. Селище у горы Мохнатой. Образцы керамики

Агаповское селище[1] Находится в рабочем поселке Агаповке Челябинской области, на обрывистом левом берегу р. Урала. Высота обрыва — 3—4 м. Площадь селища занята огородами и постройками поселка.

[1] Открыто в 1948 г. научным сотрудником археологической экспедиции Магнитогорского музея В. П. Бирюковым.

Культурный слой прослеживается в обнажении берега в толще чернозема, непосредственно под пахотным слоем и имеет мощность 0,40—0,60 м. В нем

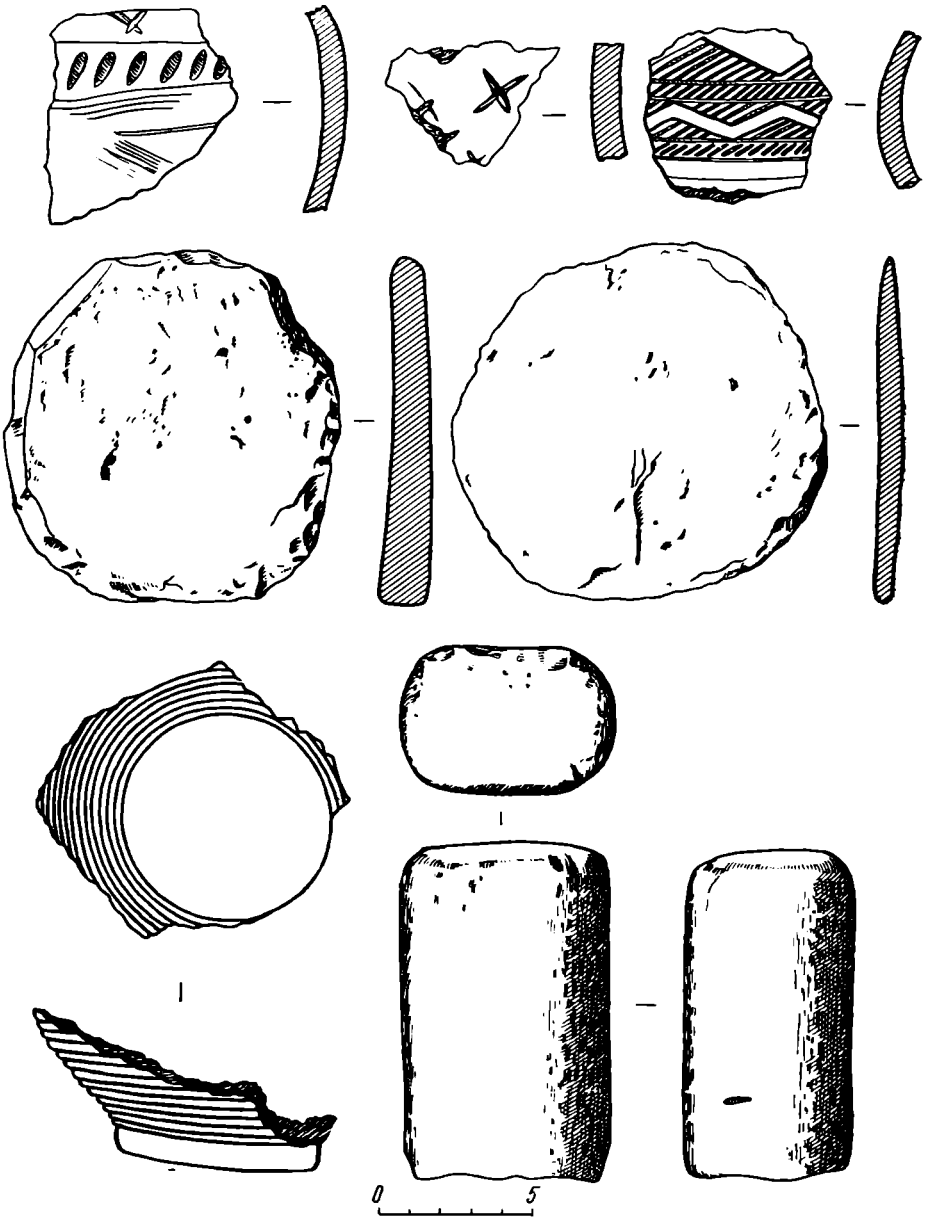

Рис. 24. Селище у горы Мохнатой. Образцы керамики и каменных изделий

найдены обломки костей животных и черепки с орнаментом эпохи бронзы.

В обрыве заметно вдающееся в грунтовую глину углубление длиной около 25 м, видимо, жилище-полуземлянка; на полу углубления — два огромных зольника длиной 10 и 8 м, мощностью 0,25—0,27 м.

Керамика селища состоит из небольшого числа обломков плоскодонных сосудов, орнаментированных желобками, а также горизонтальными и зигзагообразными поясками, которые прочерчены гребенчатым штам-

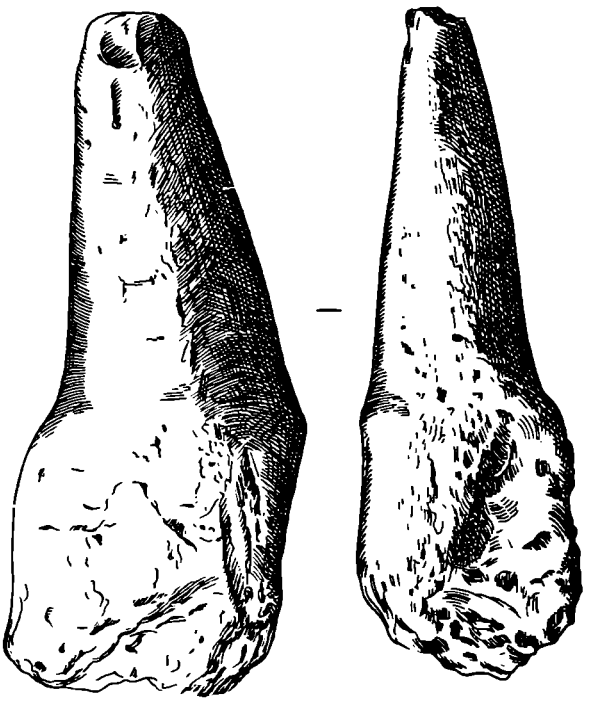

Рис. 25. Селище у горы Мохнатой. Колотушка для дробления руды

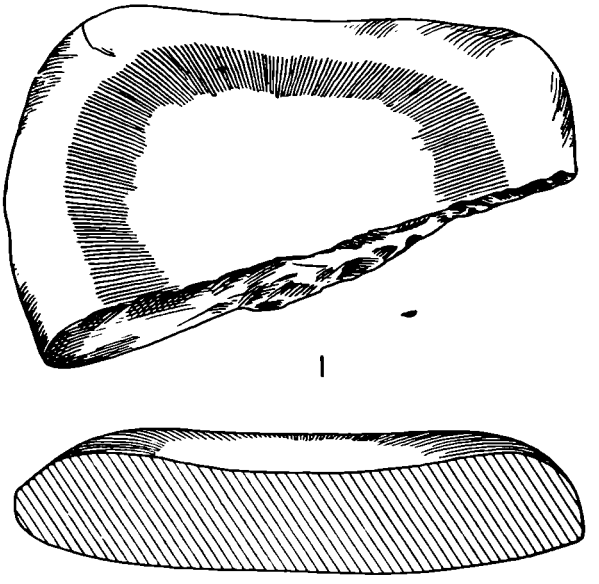

Рис. 26. Селище у горы Мохнатой. Обломок терочной плиты

пом. Эти элементы, в особенности последний, типичны для андроновской керамики. Но на одном черепке оказались грубые штрихи от заглаживания, которые обычны на хвалынской керамике, хотя не чужды иногда и андроновским сосудам.

3. СЕЛИЩА НА р. УЕ

Уйский отряд [1] Южно-Уральской археологической экспедиции обследовал в 1950 г. берега р. Уя от с. Уйского до г. Троицка. Характер берегов р. Уя на этом отрезке весьма неоднороден. В начале маршрута оба берега

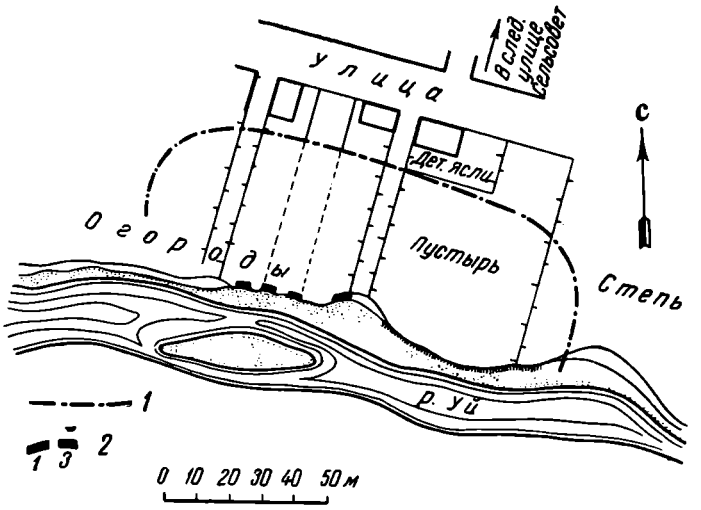

Рис. 27. План Бирюковского селища

1 — приблизительная граница селища; *2* — пункты зачисток обнажения культурного слоя

низки и пологи, затем начинаются холмы, а на отдельных участках — скалистые выходы. Местами степной характер берегов перемежается небольшими березовыми колками. Район р. Уя на этом отрезке входит еще в лесостепь.

Отрядом открыто около пятидесяти различных археологических памятников, в том числе лишь одно андроновское селище в с. Бирюковке. Второе селище на р. Уе открыто в 1939 г. у с. Бобровки к востоку от г. Троицка.

Бирюковское селище. Находится у восточной окраины с. Бирюковки Колхозного района, на левом обрывистом берегу р. Уя (рис. 27).

Культурный слой обнаруживается в обрыве на протяжении 110 м и состоит из мощного зольного слоя и культурных остатков — андроновской керамики и дробленых, частично жженых костей животных. Найдены также каменный пест и круглая каменная плитка. В одной из зачисток обнаружен мощный интенсивно черный слой. В нижней его части обнажаются остатки очага из камней, среди которых много угля. Возле очага найдены обломки андроновских сосудов, орнаментированных гребенчатыми острыми наклонными треугольниками и резными зигзагами.

Площадь селища занята огородами и поэтому не поддается точному определению. Приблизительно она равна 6000 кв. м.

В 2,5 км от селища, вверх по течению реки, на берегу находится группа курганов, часть которых снесена рекой; местные жители под обрывом

[1] Руководитель Н. П. Кипарисова.

находили целые сосуды андроновского типа, некоторые из них, использовавшиеся колхозниками в хозяйстве, приобретены экспедицией.

Бобровское селище[1]. Расположено близ с. Бобровки на р. Уе в 10—15 км ниже г. Троицка. В обрывистом берегу реки обнаружен культурный слой, в котором найдены андроновская керамика и кости домашних животных, доставленные в Челябинский музей. Более подробных сведений о селище не имеется.

4. СЕЛИЩА НА р. ЮРГАМЫШЕ

В 1939 г. Юргамышской археологической экспедицией Челябинского областного краеведческого музея[2] были обследованы в Юргамышском районе Курганской (тогда Челябинской) области берега р. Юргамыша и ее притока р. Таловки. При этом были открыты три андроновских селища — Кипельское, Третье Кипельское и Таловское и три небольших выхода культурного слоя.

Кипельское селище. Находится в 1 км к западу от с. Кипель Юргамышского района, в широкой пойме на правом берегу р. Юргамыш, возле «Черного омута» — наиболее широкой и глубокой части течения реки в этом районе. Обнажающийся в обрыве берега культурный слой был обнаружен в 1923 г. краеведами В. Реутом и Н. Константиновым.

В 1939 г. по поручению Челябинского областного музея селище было разыскано и детально обследовано автором этой статьи. Шурфовкой установлено, что культурный слой занимает в пойме повышенную гривку, которая ныне заливается лишь в очень высокую воду. Гривка вытянута вдоль реки, обрывистым берегом которой и ограничивается с этой стороны; противоположный реке край гривки полого переходит в болотисто-кочковатую пойму, покрытую яркой зеленью, на фоне которой гривка, поросшая степной травой, четко выделяется. Вдоль берега, следуя за его изгибами, гривка тянется на 350 м; ширина ее — 50—90 м. Культурный слой прослеживается по всей гривке, и, таким образом, площадь селища определяется в 22 000 кв. м.

О стратиграфии селища дает представление зачистка обрыва: наносный речной светлый песок с темными горизонтальными прослойками — 0,20—0,35 м, чернозем — 0,35—0,50 м, серовато-коричневый слой — 0,15—0,25 м; супесчаный суглинок.

Культурные находки встречаются в черноземе и частично в серовато-коричневом слое.

Большой интерес представляет факт залегания культурного слоя под пойменными наносами, что позволяет существование поселения отнести к ксеротермическому периоду. Темные горизонтальные прослойки, количество которых на разных участках колеблется от 2 до 4, указывает, видимо, на колебания климата и в последующее время.

В 1939 г. на селище вскрыто раскопками 206 кв. м площади и обнаружено одно целое жилище и другое, в значительной части уничтоженное рекой. Целая землянка (№ 2) на Кипельском селище имеет прямоугольную, почти квадратную в плане форму, размеры у пола — 9×10 м. У границ земляных стенок местами прослежены ямки от столбов, служивших основой стен и подпорками крыши. Пол землянки очень неровный, понижается

[1] Открыто в 1939 г. учителями-историками из г. Троицка.
[2] Под руководством К. В. Сальникова.

от стен к центру жилища, причем разница местами достигает 0,40 м: наибольшая глубина от уровня древнего горизонта в центре равняется 0,90 м. Следовательно, жилище выглядело, как полуземлянка с небольшим углублением в землю, большая же часть жилища должна была возвышаться над поверхностью.

В середине пола жилища обнаружены два ряда ямок от столбов, которые отступают от продольных стен на 3—3,5 м. Северо-западный ряд состоит из четырех ямок, с приблизительно одинаковыми интервалами между ними. Юго-восточный ряд может быть назван рядом лишь условно, так как состоит из двух групп: в одной — две, в другой — четыре ямки, с большим интервалом между этими группами. Концы обоих рядов ямок не доходят до северо-восточной и юго-западной стен жилища на 2,5—3 м.

Специально устроенных очагов в жилище № 2 Кипельского селища не найдено. Возле юго-западной стенки огонь разводился прямо на земляном полу, где оказалось прокаленное пятно на площади в 1 кв. м, а несколько к северо-востоку от центра жилища признаки очага сохранились в виде неглубокой ямки, заполненной пережженными костями и черепками. Возле обоих очагов — кучи золы, причем во втором случае зольник занимает угол жилища и выходит наружу за его пределы.

Сохранившийся угол второй землянки (№ 1) заставляет предполагать, что и это жилище было близко по устройству к первому; к тому же ориентировка обоих жилищ совпадает. В нем найдены два очага: один — в виде круглой ямки диаметром 0,5 м и глубиной от уровня пола 0,15 м, заполненной комочками прокаленной глины и земли; другой представляет собой совсем мелкое углубление диаметром 0,70 м, устланное маленькими пережженными камешками. Возле первого очага в ямке стояла нижняя часть сосуда, верх которого уничтожен обрывом.

Между землянками оказались следы жилищ, менее углубленных в землю; они прослеживаются по большому количеству ямок от столбов, в расположении которых не усматривается никакой закономерности, и нескольких углублений нечетких очертаний, площадью 7—15 кв. м и глубиной (от древнего горизонта) 0,10—0,15 м. Здесь же оказалось несколько остатков очагов, которые обычно помещались внутри этих углублений. Очаги окружались и покрывались зольниками, прочая же площадь углублений была заполнена обыкновенным культурным слоем, но с сильной примесью золы. Эти наземные жилища хронологически не совпадают со временем бытования полуземлянок[1]. Между землянками обнаружены остатки рухнувших стенок и свода примитивной печи, сделанной из маленьких, отлично обожженных кирпичиков.

В состав культурного слоя Кипельского селища входило больше всего костей животных (7931 экземпляр) и черепков глиняной плоскодонной посуды (около 6000). Довольно распространенным видом находок являются также обломки кирпичиков из обожженной глины (704 экземпляра), среди них — около десятка целых. Орудия труда, украшения, разнообразные предметы домашнего обихода и отбросы металлургического производства дополняли состав культурного слоя. К первым относятся обломки бронзовых ножей, наконечники стрел из кости и камня, бронзовые стамески, костяные проколки-шилья, обломки шлифованных каменных орудий, каменные песты, точильный брусок, обломки терочных плиток, лощила из галек, блоковидное глиняное лощило, тупик из челюсти коровы,

[1] К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948.

костяная основа кремневого вкладышевого серпа из челюсти коровы, половина кубика из талька с округлыми гранями и круглым отверстием в середине (грузик ткацкого станка?), костяная пластинка-накладка лука с выемкой для привязывания тетивы.

Из украшений найдены спиральное бронзовое височное колечко и глиняная бусинка.

К предметам домашнего обихода нужно отнести овальную каменную плиту, медные скобочки для скрепления сосудов, обломок глиняного пряслица.

О металлургии свидетельствуют кусочки шлака, кусочки окисленной руды с вкраплениями малахита, обломок литейной односторонней формочки из талька, три части глиняных ножек от плавильных чаш, черепок с ошлакованной стенкой [1].

Третье Кипельское селище. Находится в 0,5 км от с. Кипель вверх по р. Юргамышу, у основания крутого левого берега. В небольшом обнажении в черноземе, на глубине 0,15—0,40 м, обнаружены черепки, кости и комочки обожженной глины. На склоне небольшой возвышенности, у основания которой найден культурный слой, оказалось более 20 ям округлой формы, диаметром 3—12 м, глубиной 0,10—0,70 м, со следами входов.

Заложенные между ямами две разведочные траншеи позволили установить принадлежность ям жилищам какого-то позднего поселения, отмеченного находками в верхних слоях чернозема и даже в дерне обломков серой керамики, сделанной на гончарном круге. Но на глубине 0,40 м оказался андроновский слой с небольшим числом фрагментов керамики.

Таловское селище. Расположено на левом берегу старицы р. Таловки, правого притока р. Юргамыша, в 2 км вверх от с. Петровского Юргамышского района.

На низком мысу, образуемом изгибом старицы реки Таловки, между берегом и пашней находится группа впадин. Точный подсчет их количества провести невозможно. Более или менее заметных углублений насчитывается не менее 20. Форма их в большинстве круглая, диаметр — 7—20 м; некоторые — овальной формы. Глубина впадин — 0,30—1,5 м. У некоторых прослеживаются со стороны реки удлиненные углубления — следы входов. Впадины расположены более или менее равномерно по площади селища, иногда тесно примыкая друг к другу. Правда, местами между впадинами отмечается промежуток в 15—20 м, но при более внимательном осмотре такого участка в густой траве обнаруживаются едва заметные углубления, видимо на месте мелких жилищ.

Культурный слой оказался на глубине 0,10—0,35 м от современной поверхности, в толще супесчаного чернозема. Он густо был насыщен обломками керамики и костей животных: найдено 58 черепков андроновского типа с гребенчатым, линейным и ямочным орнаментом и более 150 осколков костей, частью пережженных. В шурфе встречена также кремневая ножевидная пластинка. По находкам в вымоинах и выкидах из нор площадь распространения культурного слоя установлена на протяжении 300 м по берегу и 120 м перпендикулярно к нему. Следовательно, площадь селища определяется в 36 000 кв. м. Старица, на берегу которой расположено селище, состоит из ряда озерков, в большинстве соединенных друг с другом протоками и мочажинами. Видимо, в древности, когда здесь

[1] Подробный отчет о раскопках Кипельского селища готовится к печати.

находилось поселение, река проходила по руслу этой старицы. Необходимо отметить, что возле селища пойма реки особенно широка.

Между Таловским селищем и с. Петровским по берегу р. Таловки на протяжении 2 км обнаружены еще в трех пунктах следы культурного слоя и возле них — отдельные впадины: одна — диаметром 12 м, глубиной 0,40 м, другая овальная — 20×12 м, при глубине 0,50 м.

5. СЕЛИЩА НА РЕКАХ ИСЕТИ И МИАССЕ

В 1940 г. по поручению Челябинского областного краеведческого музея автором была произведена археологическая разведка по берегам р. Исети от Шадринска до Каменска-Уральского, во время которой были

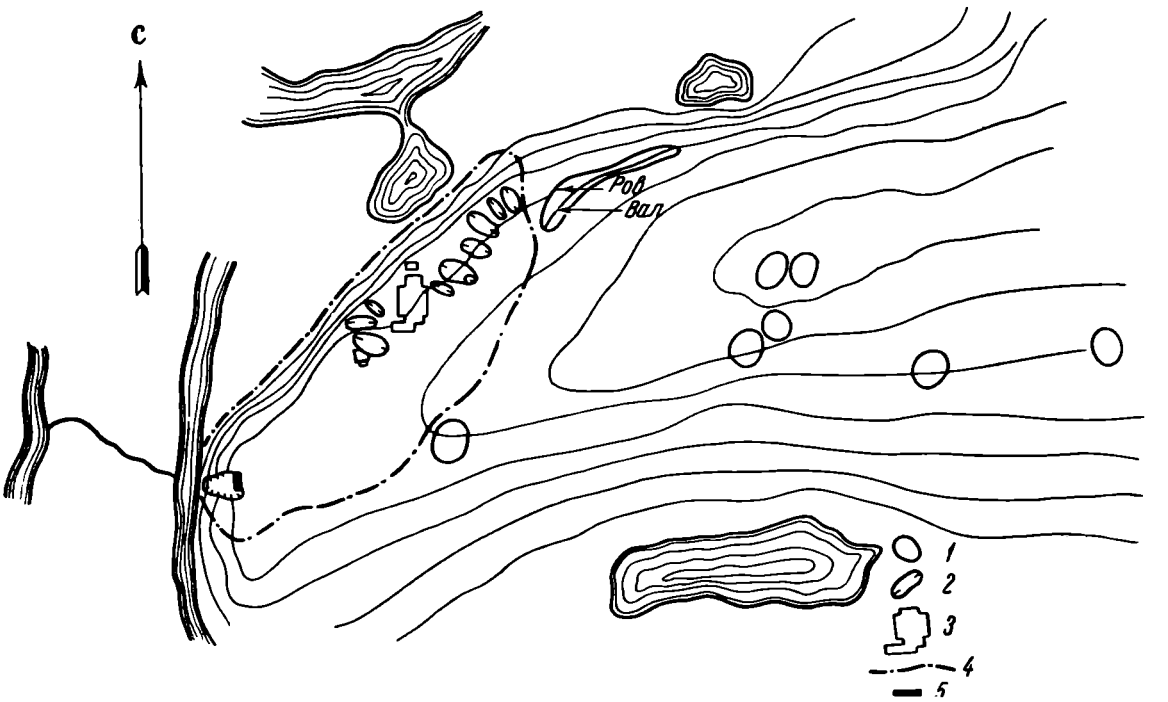

Рис. 28. План Замараевского селища

1 — курганы; *2* — жилищные впадины; *3* — раскоп 1946 г.; *4* — приблизительная граница селища; *5* — зачистка обнажения в песчаном карьере

открыты два андроновских селища: у с. Замараева и у д. Барминой. Ниже по течению реки, близ с. Ближнего Кубасова, одно селище открыто в 1950 г. студентом Шадринского педагогического института В. П. Тимофеевым. В том же районе Зауралья — в низовьях р. Миасса, притока р. Исети, еще в 1914 г. В. Я. Толмачевым было отмечено селище у с. Баклановского.

З а м а р а е в с к о е с е л и щ е[1]. Находится на левом берегу р. Исети в 0,5 км к востоку от с. Замараева, на низком мысу, который вдается в пойму р. Исети узкой полосой длиной свыше 0,5 км, при ширине 150—200 м, возвышаясь над уровнем воды в соседних старицах на 3—5 м (рис. 28). По широкой пойме вокруг мыса разбросаны старицы и протоки.

[1] К. В. С а л ь н и к о в. Замараевское селище. Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948.

К протоку и одной из стариц примыкает культурный слой, прослеженный на западной оконечности мыса, вдоль его северного берега, на протяжении 250 м, полосой 90 м. По северному склону мыса, в восточной половине площади распространения культурного слоя, насчитывается 10 жилищных впадин. Все они — прямоугольно-овальной формы, размером 12×10, 20×10, 24×15 м, глубиной до 1,5 м. Некоторые явственно разделяются несколько повышенной над дном поперечной перемычкой (шириной 2—3 м) на две половины, обнаруживая, повидимому, двухкамерную конструкцию жилищ. Впадины низко спускаются к пойме, местами доходят даже до заболоченной прибрежной полосы, заливаемой весенними водами. К западу от впадин возможны еще остатки жилищ. Следы их в виде нечетких углублений встречаются среди свежих ям и неровностей на оконечности мыса. Но вся эта часть селища густо поросла бурьяном, который мешает установить границы, форму и размеры этих углублений. К тому же на старом плане Зырянова именно здесь указано большое число низких курганов, которые позднее были раскопаны Зографом. Возможно поэтому, что неровности на этой площади связаны с его раскопками. Общая площадь селища определяется в 22 500 кв. м.

Раскопками археологической экспедиции Уральского государственного университета 1946 г.[1] на Замараевском селище исследовано одно жилище— полуземлянка площадью 26×11 м при наибольшей глубине 1 м, ограниченное с трех сторон земляными отвесными стенками, которые к северу сходят на нет. Местами вдоль земляных стенок и поперек жилища в середине, на месте перемычки, в земляном полу оказались узкие неглубокие бороздки — следы деревянных стен.

Внутри жилища обнаружено 8 очажных ям и 2 очага поверхностных. Очажные ямы площадью от 2 до 6,5 кв. м, глубиной от уровня пола 0,60—1,10 м и больше, располагались в два ряда: один, состоявший из 5 очагов, тянулся через длину северных двух третей жилища; второй, из 3 очагов, шел в южной части жилища перпендикулярно первому. В ряде случаев определить глубину очагов не позволила грунтовая вода, выступившая на дне ям.

Заполнение очажных ям состояло из слоев золы, углистой массы и культурных остатков. В середине южной части жилища на поверхности земляного пола обнаружен очаг в виде прокаленного участка диаметром 1,25 м; в юго-западном углу жилища — второй поверхностный очаг в виде квадратной площади 0,70×0,70 м, выложенной валунами и имитирующими их округлыми комками обожженной глины.

По всей площади жилища, а частично и за его пределами, насчитываются 382 ямки от столбов диаметром 0,10—0,80 м, глубиной 0,15—0,75 м. Строгого порядка в расположении ямок не наблюдается. Густо тянутся они вдоль продольных (восточной и западной) земляных стенок северной половины жилища, куда входит большинство наиболее глубоких ямок. Такие же глубокие ямки окружают две центральные, тесно друг к другу примыкающие, очажные ямы, составляя прямоугольник в 7,5 × 3 м.

Возле этих очагов на земляном полу обнаружено несколько раздавленных сосудов, полные костяки двух небольших животных (овцы и теленка?) и череп коровы. Под одним из костяков — следы обожженной бересты. Поверх них прослежены куски сгоревших жердей.

За пределами жилища, у юго-западного и северо-западного его углов обнаружены мощные зольники, густо насыщенные черепками и костями. В зольниках найдены наиболее интересные поделки. В районе перемычки,

[1] Под руководством К. В. Сальникова.

разделявшей жилище на две части, оказалось также большое скопление золы.

На Замараевском селище найдено много керамики, обломков глиняных кирпичиков, кости домашних животных, несколько костей и щитков чешуи крупных рыб и небольшое число разнообразных поделок из камня, кости, глины, бронзы и других материалов. Найдены изделия из камня:

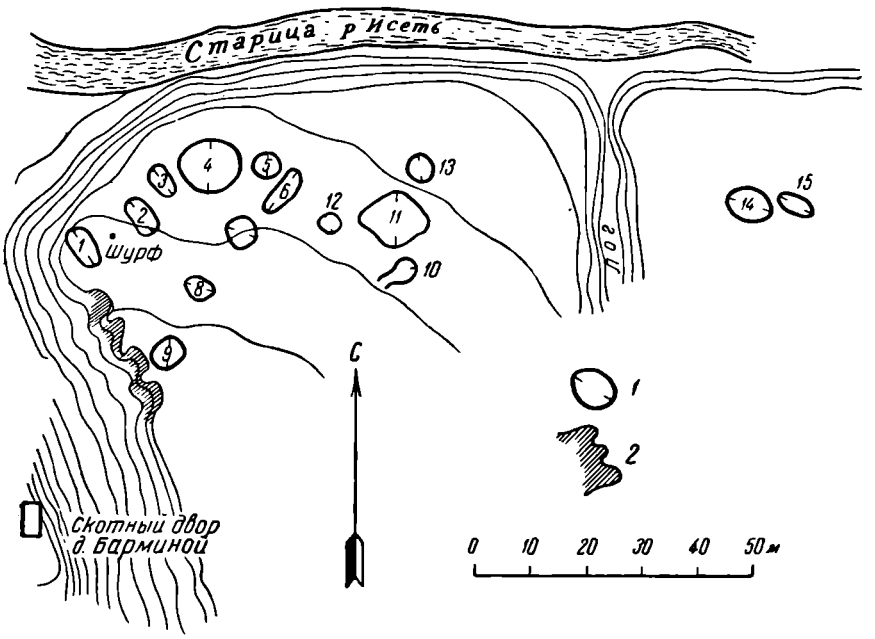

Рис. 29. План Барминского селища

1 — жилищные впадины; *2* — глиняные карьеры

мотыгообразные орудия, обломки зернотерок, песты, терочники, кремневый скребок, крупное скребло из сланца, точильные плитки, лощила из галек, нож из тонкой сланцевой пластинки, обломки шлифованных орудий, поделка в виде кубика.

Найдены несколько шариков из глины (видимо, рыболовных грузил), цилиндрическое грузило с продольным отверстием, обломок стержня (возможно, грузила липчинского типа), ложка-льячка в виде глубокого ковшичка с носиком, литейные формочки для изготовления шильца и крестообразной привески, пряслица из черепков; костяные поделки — проколки, шилья, обломок «тупика», просверленная головка бедренной кости и поделка, напоминающая по форме сечку,— часть какого-то сложного предмета.

Изделия из бронзы представлены обломком браслета со спиральными концами, обломком пластинки (возможно, конец однолезвийного ножа), скобочками для починки сосудов, а также бесформенными маленькими слитками.

Кроме того, найдены кусочки медной руды (медная зелень), талька, янтаря и незначительный (размером в горошину) кусочек золота с нарезками.

Барминское селище. Находится у восточной окраины д. Барминой (Боровое) на невысоком мысу, образованном оврагом и правым берегом старицы р. Исети — «Камышики» (рис. 29). Поверхность мыса

неровная из-за наличия массы углублений различной глубины и размера, в большинстве нечетких очертаний. Хорошо определяются форма и границы 15 впадин глубиной 0,30—1,20 м. Одни из них круглые, диаметром 6—15 м, другие прямоугольные или овальные, размером от 7×7 до 20× ×20 м. У одной впадины ясно прослеживается вход. Большая часть впадин (13) располагается тесной группой, полукругом в два ряда. Две впадины отделены от этой группы пространством в 120 м, лишенным ясных углублений и прорезанным свежим ложком. Территория селища простирается на 300 м по берегу и на 60 м перпендикулярно к нему. Общая площадь его определяется приблизительно в 18 000 кв. м. Поверхность поселения задернована степной растительностью, со стороны оврага частично разрушена глиняными карьерами бывших ранее здесь кирпичных сараев. Как находящееся у самой окраины деревни, поселение в ближайшем будущем при расширении д. Барминой будет застроено.

Шурф, заложенный между впадинами на совершенно ровной поверхности, обнаружил следующую стратиграфию селища:

1) дерн	0,10 м
2) супесчаный перегной с культурными остатками	0,10 »
3) » » лишенный находок	0,20 »
4) серо-золистый слой с находками	0,18 »
5) перегной с прокалом кострища	0,15 »
6) переходный слой	0,12 »
7) грунтовой песок с глубины	0,85

В шурфе и на поверхности, в выкидах из нор, найдены обломки костей животных, черепки сосудов андроновского типа и обломки глиняных кирпичиков кипельского типа. Хотя в шурфе оказались две культурные прослойки, разделенные стерильным слоем, состав находок не обнаруживает разницы между ними.

Ближне-Кубасовское селище. Находится на левом берегу р. Исети, в 1 км выше д. Ближней Кубасовой (Мехонский район Курганской области). Площадь селища последние 15 лет распахивается, поэтому культурный слой разрушается. На пашне встречаются в большом количестве черепки с андроновским орнаментом и с примесью талька в глине, а также пятна крупных зольников с массой пережженных костей.

В 300 м к западу от селища расположена группа из шести курганов высотой около 3 м. Два из них распаханы. Один из последних, по словам местных жителей, был лет 20 тому назад раскопан крестьянами соседнего с. Поротова и в нем были найдены горшки и много бронзовых вещей.

Баклановское селище. Находится в 2 км к югу от с. Баклановского Каргопольского района Курганской области, на обрывистом мысу, образуемом левым берегом р. Миасса и правым берегом впадающей в него речки Бакланки.

В 1914 г. на гладкой поверхности мыса В. Я. Толмачевым[1] было замечено шесть впадин, которые им были объяснены как остатки жилищ. Две из них полуразрушены (видимо, рекой, подмывающей берег), три «мало определенной формы» и последняя — отлично сохранившейся квадратной формы 7×7 м, при глубине 1,5 м. Пять впадин расположены на протяжении 40 м, следовательно, тесно примыкают друг к другу,

[1] В. Я. Толмачев. Отчет об археологических обследованиях в Пермской губернии в 1914 г. Архив ИИМК, д. № 351 за 1914 г.

шестая — в 30 м от первой группы. На том же мысу, где расположено селище, находится группа из 14 курганов диаметром 7—16 м, при высоте 0,25—1 м, а по соседству — известный Бакланский бескурганный могильник, в котором вскрыто в 1911 г. В. П. Бирюковым 35 детских погребений и в 1914 г. В. Я. Толмачевым одно погребение [1]. Все погребения андроновские. Несомненно, и селище, отмеченное по впадинам, должно относиться к андроновской культуре.

6. СЕЛИЩА НА РЕКАХ СИНАРЕ И КАРАБОЛКЕ

40—50 лет назад систематические обследования археологических памятников по рекам Синаре и Караболке были проведены В. Я. Толмачевым. Насколько можно судить по кратким сведениям, имеющимся в архивном фонде В. Я. Толмачева [2], и по небольшим коллекциям с этих памятников, некоторые поселения, бесспорно, относятся к андроновской культуре, а именно: Чесноковская пашня, пашня «Мыс», Низкая пашня, Ключ, Буринское, Мало-Кизыловское. Последнее в 1948 г. было обследовано, с постановкой раскопок, Буринской археологической экспедицией Челябинского областного музея [3]. Поскольку селище находится ныне на территории с. Ново-Бурина, ему присвоено наименование Ново-Буринского.

Ново-Буринское селище. Находится на правом берегу р. Караболки, на окраине с. Ново-Бурина [4] (Буринский район Челябинской области). Берег размывается рекой, и в обрыве (высотой 3—4 м) прослеживается на протяжении 350 м культурный слой, местами выступающий в виде мощных скоплений золы до 0,60 м толщиной. Шурфовкой и сборами на пашне огородов, которые занимают более половины селища, установлено, что ширина сохранившейся площади поселения не превышает 30—40 м. Общая площадь, таким образом, определяется в 14 000 кв. м. Селище разрушается рекой, огородами и дорогами. Признаков жилищ на поверхности не заметно.

В 1948 г. на селище были заложены два раскопа, один площадью 92 кв. м, — на том участке, где надпойменная терраса несколько понижена и заливается весенними водами, отчего часть раскопа перекрыта пойменными наносами песка. На этом участке селища раскопками обнаружены остатки четырех жилищ в виде прямоугольных полуземлянок, углубленных ниже уровня древней поверхности всего на 0,25—0,30 м. Основой стен и опорой крыши служили столбы, ямки от которых сохранились по границам жилищ. Размеры жилищ точно не установлены вследствие неполного вскрытия их, но по открытым участкам ясно, что они были очень крупными. Из четырех захваченных раскопом жилищ от двух сохранились совсем незначительные следы, остальное снесено рекой.

Второй раскоп площадью в 206 кв. м заложен в 70 м от первого на полуразмытой впадине, — единственной, отмеченной на поверхности селища. На месте впадины вскрыты остатки землянки, по сохранившейся части которой размер жилища определяется в 160 кв. м. При этом характер насло-

[1] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 174.

[2] Фонд хранится в Свердловском областном государственном архиве, коллекции — в Свердловском музее и в Государственном Эрмитаже.

[3] Под руководством К. В. Сальникова. Подробный отчет находится в печати.

[4] Село Ново-Бурино возникло 20 лет назад. В. Я. Толмачевым 50 лет назад в этом пункте открыты два селища — Верхнее и Нижнее Мало-Кизыловское, названные так по ближайшей тогда д. Мало-Кизыловой, расположенной в 1 км. Повидимому, В. Я. Толмачев принял за самостоятельные памятники два противоположных конца одного крупного селища.

ений в землянке заставляет предполагать двукратное сооружение здесь жилищ. В жилищах обоих раскопов найдены очаги, вне жилища обнаружены зольники. Последние встречены и в других пунктах селища — в зачистках берега и в разведочных шурфах.

В культурном слое найдено много керамики и костей домашних животных, несколько кусочков медной руды и отдельные орудия: обломки зернотерок, кремневый концевой нож («скребок»), медное шило, каменная плитка-наковаленка с выбоинами в середине, два лощила из галек, обломок сопла с ошлаковавшимся концом, обломок каменного молота, костяной наконечник стрелы.

Керамика представлена всеми типами андроновских сосудов, встречающихся на зауральских селищах: федоровским — с округлыми плечиками и гребенчатым орнаментом, алакульским — с уступчиком на плечиках и резными зигзагами, замараевским, орнаментированным «елочкой», зигзагами, иногда с валиками и «воротничком» по краю. Единичные черепки резко отличаются от обычной андроновской керамики: 1) черепки, повидимому, бомбовидных с прямым горлом сосудов, с типичным для сарматской керамики Зауралья орнаментом на плечиках из резной «елочки»; 2) черепок сосуда с прямым горлом и выпуклыми плечиками, орнаментированный косыми насечками и поясками «веревочки». Аналогии последнему известны в лесном Зауралье в памятниках поздней бронзы и раннего железа.

Поблизости от селища, на территории того же села Ново-Бурина находятся два курганных могильника. Вскрытые в 1948 г. три кургана в обоих памятниках содержали могилы с трупосожжениями и инвентарем, характерным для подобных погребений под Челябинском: сосуды федоровского типа и кости лошади и овцы. Несмотря на отсутствие в погребениях поздней керамики, найденной наравне с ранней на селище, эти могильники надо рассматривать как кладбища Ново-Буринского селища. Общеизвестны случаи, когда в могилы ставились сосуды уже выходивших из употребления в быту форм.

Асенкритовское селище. Расположено в Варненском районе Челябинской области, в 1 км по левому берегу р. Аята, выше поселка Асенкритовского.

В 1947 г. в геологическом шурфе, на глубине 0,4 м, инженером А. П. Сиговым был обнаружен культурный слой мощностью 0,15 м, в котором найдены черепки андроновского типа, обожженные кости коровы и яшмовый отщеп. Культурный слой прослежен по береговому обрыву на высоте 5 м от уровня воды на протяжении 20 м.

Стариковское селище[1]. Находится в 1 км к северу от с. Старикова (Красноармейский район Челябинской области) на низкой гривке среди огромной низины, примыкающей к южному берегу высыхающего оз. Сыкандык.

Несколько лет назад здесь началась распашка, которая затронула культурный слой. На поверхности пашни видны пятна мощных зольников, кости домашних животных, андроновская керамика от сосудов с уступчиком, орнаментированных резными зигзагами и равнобедренными треугольниками. В глине керамики — примесь талька; на внутренней поверхности некоторых черепков — отпечатки ткани. На селище найдены два бронзовых ножа-копья, два бронзовых серпа, три кремневых наконечника стрел и другие каменные орудия и отщепы (рис. 30).

[1] Селище открыто в 1949 г. колхозником с. Старикова С. Х. Хайрулиным и осмотрено в 1950 г. директором Челябинского музея И. Г. Гороховым и К. В. Сальниковым.

* * *

Наблюдения над топографическими условиями расположения селищ, следами жилищ, анализ состава находок на поселениях дают возможность сделать некоторые обобщения.

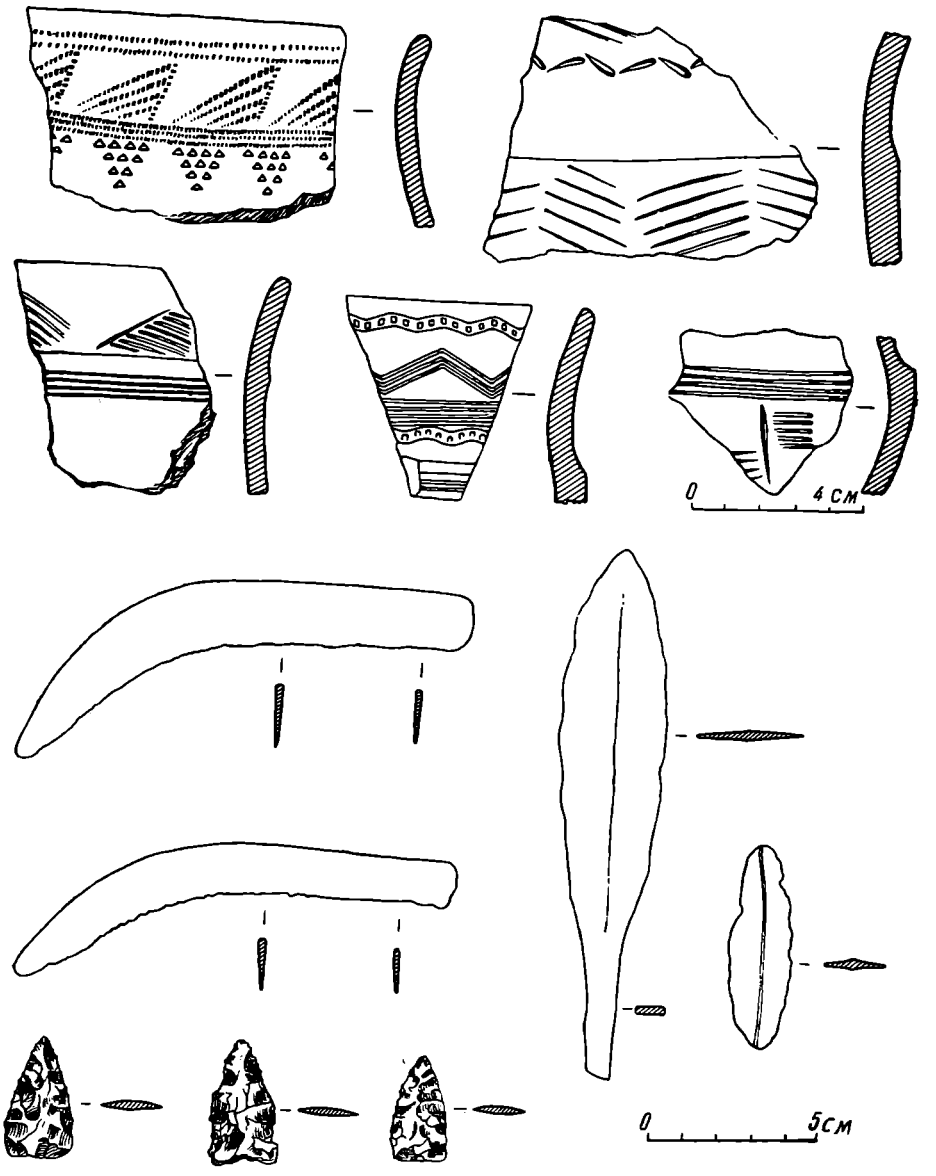

Рис. 30. Стариковское селище. Образцы керамики, орудия из бронзы, кремневые наконечники стрел

Топографические условия расположения андроновских селищ весьма определенны. За редким исключением, они обнаруживаются на низких берегах рек на самом краю современной поймы, а иногда и в пойме.

Чрезвычайно интересным является тот факт, что, несмотря на тяготение к реке, мы нигде в Зауралье не встречаем андроновского культурного слоя, андроновской керамики на дюнах. По берегам среднего течения р. Исети трудами шадринских археологов В. П. Бирюкова, Ю. П. Аргентовского и других на дюнах собраны во многих пунктах крупные коллек-

ции керамики и других предметов, хранящихся в Шадринском музее. Во всех случаях эти находки относятся к двум эпохам: 1) доандроновской, видимо, неолитической, которая характеризуется кремневыми изделиями и обломками прямостенных с внутренним карнизиком сосудов, орнаментированных гребенчатым штампом, ямками и легкой резьбой, и 2) сарматской, которая характеризуется керамикой, обычной на исетских городищах, а также изделиями из бронзы, в том числе трехгранными наконечниками стрел. Нам не известен ни один случай обнаружения на дюнах андроновской посуды. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняется характером хозяйственной деятельности андроновских племен Зауралья. Культурные слои на дюнах оставлены, с одной стороны, охотниками и рыболовами доандроновской эпохи, с другой,— полукочевниками-скотоводами сарматского времени, которые обитали на дюнах, вероятно, в определенное время — летом. Постоянными поселениями им служили городища на речных мысах и крутых берегах. И неолитические, и сарматские племена использовали дюны, повидимому, главным образом, для кратковременного обитания, а не для постоянных жилищ.

Различие топографических условий, в которых мы находим жилища рыбаков и охотников эпохи неолита и полукочевых скотоводов сарматского времени, с одной стороны, и жилища андроновской эпохи, — с другой, свидетельствуют, что хозяйственная деятельность населения Зауралья в эпоху бронзы отличалась от хозяйственной деятельности как неолитических, так и сарматских племен. Андроновские племена не имели временных стоянок. Их скотоводство было не кочевым, а пастушеским, и, может быть, основное значение, во всяком случае не меньшее, чем скотоводство, играло мотыжное земледелие на пойменных низинах. В удобных для этих

Таблица 1

Размеры андроновских селищ

Название селища	Размеры селища			Число впадин
	длина, м	ширина, м	площадь, кв. м	
1. Бахтинское	190	80	15 000	7
2. Черниговское	360	45—50	18 000	17
3. «У Белого камня»	200	50—80	15 000	19
4. Левобережное Бахтинское	140	120	16 000	9
5. «Обрыв»	120	70	8 000	9
6. Трибиякское	120	100	12 000	13
7. Нижне-Бахтинское	130	80	11 000	10
8. Усть-Бахтинское	150	80	12 000	8
9. Нижнее Спасское	210	170	36 000	10
10. У Спасского моста	190	110	21 000	2 (распахано)
11. Верхнее Алексеевское	100	50	5 000	4
12. Таловское	300	120	36 000	20
13. Замараевское	250	90	22 500	10
14. Барминское	300	60	18 000	15
15. Баклановское	Не известны			6
16. Нижнее Алексеевское	190	50—100	13 000	—
17. Кипельское	350	50—90	22 000	—
18. Ново-Буринское	350	40	14 000	—

промыслов пунктах по берегам широких пойм и располагались прочно оседлые, с жилищами сложного устройства, поселения андроновцев. В тех случаях, когда поверхность селища не повреждена пахотой, как правило, хорошо заметны задернованные жилищные впадины. Типичным для андроновских селищ является наличие в одном поселке не отдельных жилищ, а большого их числа, иногда до 20 сооружений (табл. 1).

Внешний вид их и размеры также довольно устойчивы. В современном состоянии жилища выглядят, как впадины круглой или овальной формы. Как показали раскопки на ряде селищ (Замараево, Кипель, Ново-Бурино), жилища в плане всегда прямоугольны. Лишь на нескольких поселениях встретились жилища сравнительно небольших размеров — диаметром 7—9 м. Обычно же диаметр их колеблется между 11 и 20 м, достигая в отдельных случаях 27—30 м. Глубина впадин также сильно колеблется — от 0,10 до 1,5 м; у большинства впадин она равняется 0,30—0,50 м (табл. 2).

На некоторых селищах (Замараевское, Черниговское, у «Белого камня» встретились жилища удлиненно-овальной формы с ясной поперечной перегородкой в середине, делящей землянку на две камеры. Перегородка в современном состоянии выглядит, как оплывший земляной валик, несколько пониженный по сравнению со стенками жилищ. На Замараевском селище все впадины имели такую форму, на других поселениях — лишь некоторые из жилищ.

При внешней однородности впадин конструкция жилищ, как показали раскопки на нескольких селищах, нередко имеет значительные различия. В одних случаях столбы, служившие основой стен, расположены с большими интервалами друг от друга (Кипель), в других — эти интервалы невелики (Замараево). Перекрытия представляются нам или как четырехскатные (Кипель) или как двускатные (Замараево). На Кипельском селище очаги-кострища имели то же взаимное расположение, как и в жилищах Алексеевского селища: один — в центре, второй — в углу. На Замараевском, наравне с поверхностными кострищами, найдено несколько глубоких и обширных очажных ям. На прочих конструктивных деталях жилищ мы останавливаться пока не будем, так как они еще недостаточно изучены. Полуземлянками различной конструкции не исчерпываются формы жилых сооружений. Раскопки вскрывают и поверхностные жилища, следы которых устанавливаются лишь по ямкам от столбов и очагам (Кипель).

Характерной чертой андроновских селищ является наличие мощных зольных слоев, расположенных обычно по соседству с жилой землянкой. Когда поселение имеет естественные обнажения, зольники видны в обрывах. Они выявляются также и шурфовкой. Эти скопления золы тянутся в речных обрывах, где расположены селища, иногда на расстоянии нескольких десятков метров почти непрерывно, создавая впечатление геологического слоя толщиной до 0,60 м. При отсутствии естественных обнажений (обрыв, водомоина, овраг) на непотревоженных пахотой селищах культурный слой на поверхности незаметен, хотя и залегает обычно неглубоко — непосредственно под дерном. Но при внимательном осмотре территории селища и в этих случаях можно установить признаки культурного слоя, просматривая выкиды из нор.

Культурный слой, кроме обязательного присутствия в большом количестве золы, содержит расколотые кости животных, причем всегда обращает на себя внимание множество кальцинированных мелких косточек из кострищ. Из изделий чаще всего встречается керамика. Находки орудий труда, предметов быта, украшений и других вещей редки, но их состав довольно устойчив. В целом по находкам в культурном слое экономика андроновских общин определяется как скотоводческо-земледельческая. По костям можно

Таблица 2

Размеры жилищных впадин на андроновских селищах

№ впадины	Форма впадины	Размеры: площадь, м	Размеры: глубина, м
	Бахтинское		
1	Круглая	Д. 21	0,35
2	Овальная	21×16	0,80
3	»	27×15	0,65
4	»	27×14	1,10
5	Круглая	Д.14	0,35
6	»	Д. 30	0,30
7	Овальная	19×11	0,45
	Черниговское		
1	Овальная	23×16	0,35
2	Круглая	Д. 16	0,40
3	Овальная	11×8	0,20
4	»	23×15	0,50
5	»	12×8	0,30
6	Круглая	Д. 11	0,25
7	Овальная	18×8	0,25
8	»	14×8	0,15
9	»	26×18	0,50
10	»	14×8	0,25
11	Круглая	Д. 18	0,50
12	Овальная (двойная)	25×18	0,50 и 0,85
13	Овальная (двойная)	26×15	0,45
14	Овальная	19×11	0,15
15	»	26×17	0,40
16	Круглая	Д. 11	0,10
17	Овальная	25×17	0,40
	«У Белого камня»		
1	Овальная	27×18	0,40
2	»	18×10	0,50
3	Овальная (двойная)	26×12	0,35
4	Круглая	Д. 14	0,20
5	Овальная	30×20	0,45
6	Круглая	Д. 18	0,45
7	Овальная	13×6	0,15
8	Круглая	Д. 8	0,30
9	»	Д. 14	0,50
10	Овальная	15×7	0,15
11	Круглая	Д. 14	0,10
12	Круглая	Д. 8	0,35
13	»	Д. 7	0,20
14	Овальная	11×5	0,10
15	»	11×7	0,15
16	Круглая	Д. 9	0,10
17	Овальная	19×9	0,35
18	Круглая	Д. 10	0,15
19	Овальная	12×7	0,20
	Левобережное Бахтинское		
1	Овальная	17×9	0,50
2	Круглая	Д. 16	0,10
3	»	Д. 19	0,60
4	Овальная	19×13	0,40
5	»	12×8	0,25
6	»	23×13	0,55
7	»	14×9	0,25
8	Круглая	Д. 14	0,35
9	Овальная	13×9	0,30
	Селище «Обрыв»		
1	Круглая	Д. 13	0,95
2	»	Д. 13	0,90
3	»	Д. 13	0,90
4	»	Д. 15	0,90
5	»	Д. 18	0,90
6	»	Д. 25	0,35
7	»	Д. 11	0,20
8	Овальная	25×6	0,20
9	»	9×6	0,15
	Трибиякское		
1	Овальная	20×11	0,30
2	Круглая	Д. 12	0,40
3	Овальная	18×12	0,15
4	»	12×7	0,15
5	»	15×10	0,65
6	Круглая	Д. 12	0,50
7	»	Д. 7	0,25
8	Овальная	22×10	0,55
9	Круглая	Д. 15	0,15
10	Овальная	19×13	0,40
11	Круглая	Д. 8	0,30
12	»	Д. 9	0,35
13	Овальная	8×6	0,15

Таблица 2 (окончание)

№ впадины	Форма впадины	Размеры: площадь, м	Размеры: глубина, м
	Нижне-Бахтинское		
1	Круглая	Д. 15	0,40
2	»	Д. 10	0,40
3	Овальная	12×7	0,10
4	»	15×9	0,30
5	»	23×15	0,50
6	»	18×9	0,55
7	Круглая	Д. 16	0,25
8	Овальная	13×8	0,35
9	Круглая	Д. 15	0,55
10	»	Д. 12	0,10
	Усть-Бахтинское		
1	Круглая	Д. 11	0,35
2	Овальная	20×11	0,70
3	»	11×6	0,40
4	»	13×8	0,40
5	Круглая	Д. 11	0,30
6	Овальная	15×8	0,35
7	»	20×13	0,45
8	Круглая	Д. 8	0,45
	Нижнее Спасское		
1	Круглая	Д. 10	0,25
2	»	Д. 14	0,25
3	»	Д. 18	0,40
4—5	Овальная	24 и 24	0,40
6	Круглая	Д. 26	0,50
7	»	Д. 16	0,25
8	»	Д. 20	0,40
9	»	Д. 20	0,40
10	»	Д. 20	0,40
	У Спасского моста		
1	Круглая	Д. 20	0,20
2	»	Д. 18	0,30
	Верхнее Алексеевское селище		
1	Круглая	Д. 11	0,25
2	Овальная	12×7	0,40
3	Круглая	Д. 7	0,15
4	»	Д. 10	0,25
	Таловское		
—	Круглая и овальная	Д. 7—20	0,30—1,5
	Ново-Буринское		
—	Прямоугольная	11×14	—
	Замараевское		
—	Овальная	12×10, 20×10, 24×15	До 1,5
	Барминское		
—	Круглая	Д. 6—15	0,30—1,20
—	Прямоугольная	От 7×7 до 20×20	0,30—1,20
	Баклановское		
—	Квадратная	7×7	1,5

установить разведение всех видов домашних животных: овцы, козы, коровы, лошади; нигде не встречены кости свиньи (табл. 3).

О мотыжном земледелии говорят не только находки мотыг каменных и костяных, бронзовых серпов, обломков зернотерок и обожженные зерна пшеницы (последние из близкого к Зауралью Алексеевского селища под Кустанаем), но и топографические условия расположения андроновских селищ. Во всех случаях они соседят с такими участками поймы, где последняя особенно широка или где низкий берег сливается с поймой. В эпоху бронзы повсюду в степной полосе земледелие базировалось на пойменных низинах, как это показали исследования на средней и нижней Волге[1], на Дону[2] и в Зауралье[3].

[1] В. В. Гольмстен. «Серпы» из Сосновой Мазы. ПИМК, 1933, № 5—6.
[2] М. И. Артамонов. Донская экспедиция ГАИМК. ПИМК, 1933, № 1—2.
[3] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, МИА № 21.

Таблица 3

Состав костных остатков на селищах

Селища	Колич. костей	Колич. костей, %	Минимальное число	
			особей	%
Кипельское				
Лошадь	27	4,5	3	8,7
Крупн. рог. скот	405	70	11	32,3
Мелкий » »	139	24	16	47 (из них 13—овцы, 3—козы)
Собака	5	1	2	6
Бобр	3	0,5	1	3
Косуля	1	—	1	3
	580	100	34	100
Ново-Бурпнское[2]				
Лошадь	25	7,66	3	12
Крупн. рог. скот	241	73,92	11	44
Мелк. » »	48	14,72	7	28
Собака	1	0,31	1	4
Косуля азиатская	5	1,54	1	4
Волк	5	1,54	1	4
Бобр	1	0,31	1	4
	326	100	25	100

[1] Определение костей произведено В. И. Громовой.
[2] Определение костей произведено И. А. Шергиной.

Охота и рыболовство играли совсем незначительную роль в хозяйстве. Число костей диких животных в составе находок на исследованных селищах (Кипель, Ново-Бурино) не превышает 4%. Рыболовство установлено только на Замараевском селище, где обнаружены кости и щитки крупных осетровых рыб[1].

Следует отметить обязательное присутствие на всех селищах, где были поставлены раскопки, признаков медно-бронзовой металлургии: шлаков, кусков руды, обломков сопла (фурмы), обломков литейных форм. Имеются находки этого рода и из разведочных сборов на селищах. На основании приведенных фактов нам представляется бесспорным, что медная руда доставлялась в сыром виде на поселения и плавилась здесь, а не на месте добычи, не у рудников. Вполне достоверные плавильни обнаружены на Алексеевском (близ Кустаная) и на Бахтинском селищах. Жители каждого поселения были металлургами в размерах, обеспечивающих потребности их общины в металле.

[1] К. В. Сальников. Замараевское селище. Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948.

Знакомясь с планами андроновских селищ, не удается установить какой-либо системы в расположении жилищ на площади поселения, хотя в некоторых случаях, может быть, можно говорить о разбивке жилищ на несколько групп (Трибиякское, Усть-Бахтинское, Левобережное Бахтинское), разделенных пустым, не застроенным пространством. Впрочем, не надо забывать, что одновременно с более или менее глубокими землянками, следами которых являются впадины, могли существовать и совсем мелкие жилища или наземные сооружения, от которых внешних признаков не сохранилось. Иногда можно предполагать объединение ряда соседних жилищ в единый комплекс при помощи соединявших их проходов, как это установлено О. А. Кривцовой-Граковой на Алексеевском поселении. Наличие такого комплекса на селище «Обрыв» не подлежит сомнению (впадины № 2, 3, 4). На селище «У Белого камня» наводит на эту же мысль тесное расположение некоторых впадин, составляющих отдельные группы. В одну группу входят впадины № 5 и 6, в другую — № 2, 3, 4, в третью — № 9, 10, 11 и, может быть, 12. Такая же теснота в расположении жилищ наблюдается и на Трибиякском селище (впадины № 2, 4 и 5). Каждая такая группа должна, видимо, соответствовать целому селищу срубно-хвалынских племен [1]. Каждую такую группу жилищ населяли члены одной большой патриархальной семейной общины. Общины с небольшим числом членов могли довольствоваться одним крупным жилищем.

Из сравнения размеров поселений, жилищ и группировки последних на селищах можно сделать вывод, что общественный строй племен андроновской и срубно-хвалынской культур не совпадал в своих особенностях. Конкретизировать эту мысль трудно на основе столь ограниченного материала, заключающегося почти только во внешних наблюдениях над памятниками. Во всяком случае патриархальная община у срубно-хвалынских племен, населявшая отдельный поселок, обладала большей хозяйственной самостоятельностью, нежели у андроновцев. Большие андроновские поселки не могли служить местом обитания только одной патриархально-семейной общины. Крупные размеры многих жилищ, тесная группировка иногда ряда жилищ в комплексы говорят скорее за обитание на каждом поселении нескольких больших патриархальных семей, объединенных вместе с тем какими-то общепоселковыми интересами. Может быть, население поселка составляло род, а ряд соседних поселков — племя. Тесное расположение поселений восьми селищ на протяжении 30 км на р. Бахте и четырех селищ на протяжении 20 км на р. Урале должно как будто подтверждать это предположение и вместе с тем указывать на густую населенность Южного Зауралья в эпоху бронзы. Впрочем, известные коррективы в наши предположения может внести вероятность не одновременного существования как поселений, так и жилищ на каждом поселении.

Одновременно необходимо отметить, что попытка рассматривать крупные землянки как «родовые дома» нежилого характера, сделанная М. И. Артамоновым [2] при изучении Ляпичевского поселения эпохи бронзы, наблюдениями над андроновскими поселениями не оправдывается. Раскопки крупных полуземлянок в Алексеевском и Замараевском селищах дают основания считать их обычными жилыми помещениями.

Степь и лесостепь на стыке Европы и Азии были заселены в эпоху бронзы племенами двух близких в общих чертах культур: андроновской и срубно-хвалынской.

[1] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 223.

[2] М. И. Артамонов. Ук. соч.

Несмотря на одинаковые природные и близкие социально-экономические условия существования, эти племена имели в материальной культуре свою этнографическую специфику. Сейчас мы можем сказать, что эта специфика прослеживается и в планировке поселений, и в конструкции жилищ. Исследователи памятников нижнего Поволжья, где поселения срубно-хвалынской культуры изучены сравнительно хорошо, указывают на небольшие размеры селищ со сравнительно небольшими жилищами. Для нижнего Поволжья характерны поселения площадью 8000—10 000 кв. м с 3—6 землянками двух размеров: 25—50 кв. м и 150—200 кв. м. И. В. Синицын рассматривает такое селище как поселок одной патриархальной семьи в 50—70 человек[1]. Правда, в нижнем Поволжье известны и очень крупные поселения, как, например, у с. Старая Яблонка, но, повидимому, оно не является типичным[2]. Что же касается размера жилищ, то для нижнего Поволжья, бесспорно, типичны небольшие жилища[3].

Совершенно другой характер, как было указано выше, носят андроновские селища Зауралья, где мы видим, за редким исключением, более крупные поселки, с бóльшим числом жилищ. Среди последних не встречаются маленькие жилища в 20—30 кв. м. Обычным андроновским жилищем надо считать полуземлянку площадью минимум 100 кв. м; нередки жилища, достигающие и даже превышающие 400 кв. м.

Не меньшие различия устанавливаются и в области внутренней конструкции жилищ. Землянки нижнего Поволжья перекрывались двускатной крышей, опиравшейся краями на поверхность земли; в центре крыша поддерживалась 2—3 столбами. У земляных стенок ясно прослеживаются земляные же нары, встречаются очаги в виде выемки в земляной стенке. Ни очагов такого устройства, ни нар в андроновских жилищах не наблюдается. Здесь мы имеем жилища с деревянными стенами, возвышающимися над уровнем земли, с двускатными и четырехскатными покрытиями, покоившимися на нескольких столбах в центре. Наконец, столь обычных для андроновских селищ мощных зольников на хвалынских поселениях нет. Что конструкция жилищ срубно-хвалынских селищ нижней Волги, отличающая их от жилищ андроновской культуры, является типичной вообще для поселений срубно-хвалынской культуры, видно по материалам поселений на р. Зимнице в Пензенской области[4].

Материалы из раскопок андроновских поселений, как в Зауралье, так и на Алексеевском поселении в Северном Казахстане, убеждают в их однородности. Конструкция жилищ более северных зауральских андроновских селищ отличается от прослеженных О. А. Кривцовой-Граковой в Северном Казахстане. Там земляные стенки жилищ были укреплены плетнем и крыша носила характер куполообразного покрытия казахской юрты. Наши раскопки в Зауралье (Киппель, Замараево) показали более капитальное устройство жилищ со стенами из бревен, покрытых двух- или четырехскатной крышей. Количество очагов не всегда ограничивалось двумя в каждом жилище. Так, в жилище на Замараевском селище, помимо двух очагов-кострищ, имелись еще восемь глубоких очажных ям.

---

[1] И. В. Синицын. Памятники бронзовой эпохи в районе Колышлея. Изв. Саратовского нижневолжского ин-та краеведения, т. V, 1932, стр. 24—25; его же. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI и ср. Изв. Нижневолжского ин-та краеведения, т. IV, 1931, стр. 79.

[2] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. М.— Л., 1935, стр. 174.

[3] Там же, стр. 175.

[4] О. А. Кривцова-Гракова. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь. Труды ГИМ, т. XII. М., 1941.

Но в целом необходимо отметить, что эти различия не столь велики, как различия между поселениями и жилищами срубно-хвалынских племен, с одной стороны, и поселениями и жилищами андроновских племен,— с другой.

В однокультурности зауральских селищ эпохи бронзы с Алексеевским поселением сомневаться не приходится. Выводы о характере андроновских поселений, сделанные на основе раскопки Алексеевского селища, в основном подтверждаются наблюдениями и на селищах зауральских.

При дальнейших исследованиях на территории Южного Приуралья отмеченные особенности в планировке поселений и конструкции жилищ помогут в разрешении вопроса, к какой группе племен эпохи бронзы относится то или иное селище. Такой вопрос должен возникнуть при изучении мест поселений, как он зачастую возникает при исследованиях погребальных памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье, где эти памятники имеют смешанные черты двух соседних культур — андроновской и срубно-хвалынской [1].

Дальнейшие работы в области изучения андроновских поселений Зауралья должны быть направлены на разведку новых районов, что позволит выявить территории расселения отдельных андроновских племен. Необходимо также расширить раскопки селищ для изучения этапов развития андроновских племен.

Чрезвычайно важным, наконец, является исследование переломной эпохи, времени перехода от единой культуры оседлых пастухов и мотыжных земледельцев эпохи бронзы Южного Зауралья к кочевой скотоводческой в степях и полуоседлой скотоводческо-земледельческой в северной полосе лесостепи,— эпохи, совпадающей с переходом к периоду раннего железа.

---

[1] К. В. Сальников. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромное. СА, XIII, 1950.

В. И. ЦАЛКИН

ДОМАШНИЕ И ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ ИЗ СКИФСКОГО НЕАПОЛЯ

(По материалам раскопок Тавро-Скифской экспедиции)

При раскопках скифского Неаполя, производившихся в 1945—1950 гг. Тавро-Скифской экспедицией под руководством П. Н. Шульца, было извлечено большое количество костей различных животных. Они изучались автором настоящей статьи и непосредственно на месте раскопок (в 1948 г.), и в Москве, в лаборатории ИИМК.

Чтобы дать представление о размерах исследованного материала, достаточно указать, что в общем итоге в нашем распоряжении оказалось около 34 500 костей[1]. Как правило, они собирались на месте раскопок с большой тщательностью и передавались для исследования полностью, без предварительной сортировки. В связи с этим среди них оказалось множество мелких и мельчайших осколков, образующихся при сильном разрушении костей. В ряде случаев они представляют собой фрагменты диафизов длинных трубчатых костей, ребер и позвонков; в других случаях даже нет возможности установить, к каким именно частям скелета они относятся. Естественно, что для точного видового определения материал подобного рода совершенно непригоден. Поэтому удалось точно определить только 14 989 экз., которые составляют около 43,5% общего числа исследованных нами костей. Из этого количества 3036 экз., или 20,2%, принадлежат человеку, 11 869 экз., или 79,2%,—различным видам домашних и диких млекопитающих, 84 экз., или 0,6%,— птицам. Остатков других животных, в том числе и рыб, в материале из скифского Неаполя нами не обнаружено совершенно.

Описание костей человека не входит в задачу настоящей статьи. Что же касается костей млекопитающих, то по своему видовому составу они распределяются следующим образом:

1. Лошадь	4060 экз.	от 180 особей
2. Овца .		
3. Коза .	2504 »	» 363 »
4. Крупный рогатый скот	1995 »	» 190 »
5. Свинья	482 »	» 81 »
6. Осел .	9 »	» 3—4 »

[1] Кости из раскопа I происходят из погребений, тогда как кости из раскопа Б обнаружены при раскопках города.

7. Собака	2673	экз.	от	138	особей
8. Заяц .	45	»	»	2	»
9. Благородный олень	18	»	»	5	»
10. Кабан	13	»	»	8	»
11. Еж	13	»	»	1	»
12. Сайга	3	»	»	2	»
13. Лисица	3	»	»	2	»
14. Бобр .	2	»	»	2	»
15. Кулан	2	»	»	2	
16. Обыкновенная слепушонка .	44	»	»	15	»

Таким образом, всего констатировано 16 видов млекопитающих, из которых 7 домашних и 9 диких. Обращает на себя внимание, что 9 видов диких млекопитающих представлены в материале из скифского Неаполя всего лишь 143 экз. костей (1,2% общего числа костей млекопитающих), тогда как на долю 7 домашних видов приходится 11726 экз., или 98,8%. Более подробно на этом интересном обстоятельстве мы остановимся ниже.

Заканчивая на этом общую характеристику костных остатков из скифского Неаполя, обратимся к рассмотрению материала по отдельным видам.

1. ЛОШАДЬ

По обилию костей лошадь в материале из скифского Неаполя, безусловно, занимает первое место. По существу, именно кости лошади и составляют «основной фон» остатков животных из этого памятника. Как уже отмечалось, общее количество костей лошади определяется 4060 экз., которые составляют более 34,0% всех костей млекопитающих. Они принадлежат по крайней мере 180 отдельным особям, в подавляющем большинстве взрослым. Кости молодых животных, у которых эпифизы длинных трубчатых костей еще не срослись с диафизами, сравнительно редки.

Следует особо отметить плохую сохранность костей. Большинство их разрушено или искусственным путем, в связи с употреблением мяса лошадей в пищу, или вследствие неблагоприятных условий залегания в грунте. Этим последним обстоятельством объясняется, в частности, плохая сохранность костей в конских погребениях. В нашем распоряжении отсутствовали поэтому не только целые черепа, но даже и крупные части их; имелись лишь сравнительно небольшие фрагменты мозговых коробок, нижних и верхних челюстей, многочисленные коренные зубы и заметно уступающие им в числе резцы. Понятно, что на основе подобного материала невозможно составить даже самого элементарного представления о краниологических особенностях лошадей из скифского Неаполя. К сожалению, весьма немногочисленными оказались также неповрежденные длинные трубчатые кости конечностей, в особенности проксимальные элементы последних. Целые плечевые, бедренные, лучевые и берцовые кости сохранились лишь в единичных экземплярах. Более обильны неповрежденные и мало поврежденные пястные и плюсневые кости. Гораздо лучше других сохранились первые и вторые фаланги (путовые и венчиковые кости), представленные в остатках из Неаполя значительным числом экземпляров. Целых копытных костей, однако, довольно мало, так как в большинстве случаев они имеют существенные повреждения передней стенки.

Изложенные обстоятельства сильно ограничивают возможность остеологической характеристики лошадей крымских скифов и сводят к минимальным результатам всякую попытку анализа их породного состава. Эта последняя задача, впрочем, представляет большие трудности даже и при значительно лучшем состоянии материала, настолько малы до сих пор сведения о дифференциальных особенностях скелета домашних лошадей. Однако, поскольку остеологических данных по скифским лошадям почти нет, можно надеяться, что приводимые ниже сведения, хотя они и фрагментарны, будут полезны для дальнейших исследований в этом направлении.

Ниже нами приводится описание костей лошади из скифского Неаполя по отдельным элементам скелета.

Изучение серии хорошо сохранившихся пястных костей, состоящей из 22 экземпляров (табл. 1), обнаруживает, что они весьма изменчивы по размерам и структуре.

Таблица 1

Измерения пястных костей лошади

№	Длина общая, мм	Длина снаружи, мм	Ширина по середине диафиза, мм	Отношение ширины диафиза к общей длине кости, %	Отношение ширины диафиза к длине кости снаружи, %
2850	245	233	35	14,2	15,0
2849	244	233	36	14,7	15,5
V	244	234	36	14,7	15,4
2	243	231	36	14,8	15,6
1	241	230	37	15,4	16,1
6	240	228	36	15,0	15,8
5	238	230	36	15,1	15,7
664	235	223	37	15,7	16,6
8	233	224	37	15,9	16,5
971	225	213	36	16,0	16,9
11а	224	211	36	16,1	17,1
11б	224	210	36	16,1	17,1
AI	221	210	33	14,9	15,7
7	220	210	36	16,4	17,1
C_2	219	212	33	15,1	15,6
3	219	208	33	15,1	15,9
IVa	219	208	34	15,5	16,3
IVб	218	208	34	15,6	16,3
Iа	217	205	35	16,1	17,1
Iб	216	203	36	16,7	17,7
4	216	205	32	14,8	15,6
9	208	200	34	16,3	17,0

Так, общая длина пястей варьирует от 208 до 245 мм. Разница в длине между наибольшим и наименьшим экземплярами пястных костей составляет, следовательно, 37 мм. Величина эта, учитывая относительно небольшие общие размеры рассматриваемых костей, значительна. Отношение ширины пясти по середине длины диафиза к общей длине кости колеблется от 14,2 до 16,7%; отношение ширины диафиза к длине пясти снаружи составляет 15,0—17,7%. В первом случае диапазон изменчивости равен 2,5%, во втором—2,7%.

А. А. Браунер[1], дифференцируя домашних лошадей по относительной ширине пясти к общей длине ее, устанавливает следующие градации:

крайняя тонконогость	менее 13,5%
тонконогость	13,5—14,5%
полутонконогость	14,5—15,5%
средненогость	15,5—16,5%
полутолстоногость	16,5—17,5%
толстоногость	более 17,5%

Следуя предложенной схеме, мы можем констатировать, что крайняя тонконогость, так же как и толстоногость среди лошадей из скифского Неаполя не встречаются. Одна из пястей (№ 2850) относится к тонконогим, 11 экз. — к полутонконогим, 9 экз. — к средненогим и, наконец, 1 экз.— к полутолстоногим. Выражая в процентах количество пястей разных типов в исследованной нами серии, мы получаем следующие показательные цифры:

тонконогие	4,5%
полутонконогие	50,0%
средненогие	41,0%
полутолстоногие	4,5%

Таким образом, основная масса лошадей (91%) из скифского Неаполя принадлежит к полутонконогим и средненогим.

Таблица 2

Вариационный ряд общей длины пястных костей лошади

Классы	205	210	215	220	225	230	235	240	245
Варианты	1	—	8	4	—	2	2	5	

При изучении изменчивости длины пястных костей нетрудно заметить, что они образуют две довольно хорошо выраженные размерные группы. К одной из них принадлежат 9 более крупных экземпляров, относящихся к классам вариационного ряда 230—245 мм, к другой —13 меньших по размерам экземпляров, соответствующих классам вариационного ряда 205—225 мм (табл. 2).

Весьма интересно, что между пястями разных размеров могут быть обнаружены и некоторые различия структурного характера. Так, отношение ширины диафиза к общей длине составляет у пястей размером 240—245 мм 14,2—15,4%, в среднем —14,8%. В то же время у пястей размером 215—220 мм это отношение колеблется от 14,8 до 16,7%, в среднем —15,7%. Отношение ширины диафиза к длине пясти снаружи у первых составляет 15,0—16,1%, в среднем —15,6%; у вторых оно равно 15,6—17,7%, в среднем —16,6%. Таким образом, более крупные пясти оказываются в то же время, как правило, и более тонкокостными. Несмотря на существование трансгрессии в этом признаке, структурные различия между пястями разных размеров на сериях представляются достаточно очевидными.

[1] А. А. Браунер. Материалы к познанию домашних животных России, Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. — Записки Об-ва сельского хозяйства Южной России, I, 1916.

К аналогичному заключению приводит и изучение плюсневых костей (табл. 3 и 4). Подобно пястям, они варьируют по общим размерам в очень широких пределах: от 251 до 294 мм. Диапазон изменчивости наибольшей длины превышает у них 40 мм. Отношение ширины диафиза к общей длине колеблется у исследованных нами плюсен от 10,9 до 14,0%, отношение ширины диафиза к длине кости снаружи —от 11,1 до 14,3%.

Таблица 3

Измерения плюсневых костей лошади

№	Длина общая, мм	Длина снаружи, мм	Ширина по середине диафиза, мм	Отношение ширины диафиза к общей длине кости, %	Отношение ширины диафиза к длине кости снаружи, %
2848	294	285	33,5	11,4	11,8
716	284	279	31	10,9	11,1
838	281	275	32	11,4	11,6
IIIа	274	267	37	13,5	13,8
IIIб	274	266	37,5	13,6	14,1
646	270	261	33	12,2	12,6
II	266	258	33	12,4	12,8
4	262	256	30	11,5	11,7
Я29	259	251	34	13,1	13,5
IVа	259	253	31	11,9	12,2
IVб	258	252	31	12,0	12,3
7	257	252	36	14,0	14,3
К2	253	246	35	13,8	14,2
6	251	246	35	13,9	14,2

Таблица 4

Вариационный ряд общей длины плюсневых костей лошади

Классы	250	255	260	265	270	275	280	285	290	295
Варианты	2	4	1	2	2	—	2	—	1	

При сравнении размеров плюсен и относительной ширины диафизов у них легко установить, что в большинстве случаев между ними имеется довольно тесная зависимость, вполне аналогичная той, которая была выше отмечена у пястных костей. Как правило, крупные экземпляры плюсен имеют относительно более тонкий диафиз, чем мелкие. Например, у плюсен с общей длиной от 280 мм и более относительная ширина диафиза составляет 10,9—11,4%, в среднем —11,2%; ширина диафиза в отношении к длине плюсны снаружи равна 11,1—11,8%, в среднем —11,5%. У плюсен меньшего размера, общей длиной 255—260 мм, ширина диафиза к общей длине составляет 11,9—14,0%, в среднем —12,8%; ширина диафиза в отношении к длине кости снаружи —12,2—14,3%, в среднем —13,1%.

Итак, изучение пястных и плюсневых костей лошади из скифского Неаполя приводит к заключению о наличии среди них двух основных групп: одной — более крупной и тонкокостной и другой — уступающей первой по размерам и более грубокостной. В структурном отношении

крупные метаподии представляются несколько менее изменчивыми, чем мелкие, у которых относительная ширина диафиза варьирует в заметно более широких пределах.

Неповрежденные плечевые кости, имеющиеся в исследованном нами материале в количестве 7 экз. (табл. 5), также обнаруживают значительную изменчивость по размерам и структуре. Две из них (экз. № V и 2846) отличаются сравнительно крупными размерами и имеют общую длину 312 и 315 мм. Ширина по середине длины диафиза в абсолютных цифрах составляет 36 и 37 мм, а выраженная в процентах к общей длине кости — 11,5 и 11,7 %. Что касается остальных 5 экз., то они значительно уступают обоим предшествующим по размерам: общая длина их варьирует от 278 до 293 мм, в среднем—286,5 мм. Но абсолютная ширина диафиза у них такая же, как и у более длинных экземпляров, а иногда и превосходит ее. Поэтому относительная ширина диафиза оказывается, естественно, гораздо больше, изменяясь от 12,3 до 13,2% (в среднем—12,8%) общей длины кости. Здесь, следовательно, также намечаются группы крупных и относительно тонкокостных экземпляров и более мелких и грубокостных.

Таблица

Измерения плечевых костей лошади

№	Общая длина, мм	Физиолог. длина, мм	Ширина верхнего конца, мм	Ширина по середине диафиза, мм	Ширина нижнего конца, мм	Ширина нижнего суставного блока, мм	Отношение ширины диафиза к общей длине кости, %
V	315	291	103	37	82	78	11,7
2846	312	293	98	36	85	79	11,5
2891	293	278	94	37	81	74	12,6
I	288	266	92	38	78	75	13,2
II	287	268	97	37	83	76	12,9
IV	286	267	—	36	78	75	12,6
II2	278	258	—	36	76	72	12,9

Кроме описанных выше экземпляров плечевых костей, в материале из скифского Неаполя были обнаружены еще 32 экз. нижней половины одноименных костей. Измерения нижнего суставного блока их, выраженные в форме вариационного ряда, дают следующую картину (табл. 6).

Таблица 6

Вариационный ряд ширины нижнего суставного блока плечевой кости лошади

Классы	70	72	74	76	78	80	82	*n*
Варианты	6	10	8	5	2	1		32

Ширина блока изменяется от 71 до 81 мм.

Повидимому, в основной своей массе эти экземпляры относятся к плечевым костям мелкой и ширококостной группы, у которых ширина блока достигает 76 мм. Ко второй группе, как можно предполагать, принадлежит 8 экз., т. е. 25 % общего количества.

Целых лучевых костей лошади — всего 5 экз. Одна из них весьма крупна и имеет довольно тонкий диафиз, так что отношение его к общей

Таблица 7

Измерения лучевых костей лошади

№	Общая длина, мм	Длина снаружи, мм	Ширина по середине диафиза, мм	Ширина верхнего конца, мм	Ширина верхней суставной поверхности, мм	Ширина нижнего конца, мм	Ширина суставного блока, мм	Отношение ширины диафиза к общей длине кости, %
1116	375	357	42	85	79	84	69	11,2
1	331	314	40	80	72	75	63	12,1
II2	320	307	40	80	70	--	—	12,5
IV	319	308	40	84	75	74	62	12,5
II	318	304	39	82	73	76	66	12,3

длине кости составляет 11,2% (табл. 7). Четыре остальные, варьируя по длине от 318 до 331 мм (в среднем — 322 мм), почти совершенно сходны по абсолютной ширине диафиза. Близки у них и относительные величины этого признака, составляя 12,1—12,5%, в среднем — 12,4% общей длины кости.

Две бедренные кости по общей длине очень близки друг к другу: 376 и 380 мм. Ширина кости по середине диафиза — 40 мм у первой и 41 мм у второй. В отношении к общей длине ширина диафиза составляет 10,6 и 10,9%. Оба этих экземпляра извлечены из конских погребений, причем остальные кости находившихся в них особей относятся, несомненно, к мелкой и ширококостной группе. Сохранившихся бедер лошадей более крупной и тонкокостной группы в нашем распоряжении не оказалось совершенно.

Таблица 8

Измерения берцовых костей лошади

№	Общая длина, мм	Ширина верхнего конца, мм	Поперечник верхнего конца, мм	Ширина нижнего конца, мм	Поперечник нижнего конца, мм	Ширина по середине диафиза, мм	Отношение ширины диафиза к общей длине, %
II	342	96	87	71	45	40	11,7
Я29	344	93	—	71	42	42	12,2
IV	344	—	—	71	43	39,5	11,6
II2	345	—	—	71	43	40	11,6

Четыре берцовые кости, также относящиеся к мелкой и ширококостной группе, весьма сходны по размерам: общая длина их варьирует всего от 342 до 345 мм (табл. 8). Близки они и по относительной ширине диафиза, составляющей 11,6—12,2%, в среднем —11,8% общей длины кости.

Измерения 17 других фрагментов нижнего конца берцовой кости показывают, что ширина его варьирует от 67 до 77 мм. Вариационный ряд величины этого признака обнаруживает отчетливую двухвершинность кривой (табл. 9).

Можно предполагать, что экземпляры с размерами 74—78 мм принадлежат к группе более крупной и тонкокостной, тогда как экземпляры шириной менее 72 мм — к группе мелкой и грубокостной.

Таблица 9

Вариационный ряд ширины нижнего конца берцовой кости лошади

Классы	66	68	70	72	74	76	78
Варианты	2	2	6	2	4	1	

Чрезвычайно сильную изменчивость и размеров и пропорций обнаруживают путовые кости. Так, например, длина путовых костей передней конечности сбоку колеблется от 73 до 90 мм, т. е. в пределах 17 мм (табл. 10)

Таблица 10

Измерения путовых костей передней конечности лошади

№	Общая длина, мм	Длина сбоку, мм	Ширина верхнего конца, мм	Ширина нижнего суставного блока мм	Ширина диафиза, мм
730	99	90	60	51	39
2854	96	86	55	48	38
1594	94	83	58	46	35
917	94	83	56	46	35,5
2905	93	81	57	46	36
906	90	81	58	46	35
913	90	79	58	47	38
6	89	79	56	45	36
538	88	80	56	47	34
1681	88	78	58	47	38
2894	88	77	56	45	38
2851	87	77	57	45	37
1685	87	77	52	41	34
111	87	77	57	46	36
2898	86	75	56	42	37
128	86	77	53	46	37
904	86	77	58	46	36,5
IV	84	75	52	42	34
I	84	74	53	43	36
126	83	73	55	42	35
1687	83	73	52	42	33

Таблица 11

Вариационный ряд длины путовых костей передней конечности лошади сбоку

Классы	72	74	76	78	80	82	84	86	88	90
Варианты	6	6	15	5	10	4	2	—	1	

Вариационная кривая изменчивости этого признака (табл. 11) имеет двухвершинный характер. Одна из них соответствует классу вариационного ряда 76—78 мм, другая — классу 80—82 мм.

Таблица 12

Измерения путовых костей задней конечности лошади

№	Общая длина, мм	Длина сбоку, мм	Ширина верхнего конца, мм	Ширина нижнего суставного блока, мм	Ширина диафиза, мм
1682	92	82	59	46	35
908	90	80	57	45	34
125	90	79	57	45	33
2861	89	78	57	47	36,5
907	88	78	56	44	34,5
2853	87	77	54	45	34,5
1683	86	76	57	46	39
2892	85	76	57	44	35
910	84	76	56	43	35
1001	84	74	59	44	36
977	83	73	54	41	32
1684	83	73	57	42	34,5
2901	83	75	57	43	35
1311	82	73	53	41	33
II2	82	73	55	—	35
II	81	72	—	44	34
Я29	81	71	54	42	34
IV	80	73	54	41	33
1686	80	70	55	42	34
127	79	71	52	41	34
905	79	72	55	42	34
916	78	70	56	43	34

Возможно, что это обстоятельство следует рассматривать как указание на существование двух отдельных размерных групп, подобно тому, что было констатировано нами на рассмотренных выше костях. Существенно, что между двумя этими группами путовых костей наблюдаются заметные различия в некоторых пропорциях. Так, ширина верхнего конца кости, выраженная в процентах от длины ее сбоку, составляет: у крупных экземпляров — 64,0—70,4%, в среднем — 68,3%; у мелких — 68,8—76,6%, в среднем — 72,6%.

Из приведенных цифр явствует, что у крупных путовых костей верхний конец их относительно у́же, чем у мелких. Признак этот, несомненно, трансгрессивен, но на сериях различия выступают совершенно отчетливо.

Еще более ощутительны различия в относительной ширине диафиза, которая в процентах от длины кости сбоку составляет: у крупных экземпляров 42,2—45,1%, в среднем — 43,4%; у мелких — 44,2—49,4%, в среднем — 47,6%.

Диафиз у крупных путовых костей оказывается, таким образом, значительно более тонким, чем у мелких экземпляров.

Задние путовые кости (исследовано 44 экз.; табл. 12) варьируют по длине сбоку от 69 до 82 мм, т. е. в пределах 13 мм.

Вариационный ряд и в этом случае обнаруживает две отдельные вершины, как это было констатировано выше по отношению к путовым костям

Таблица 13

Вариационный ряд длины путовых костей задней конечности лошади сбоку

Классы	68	70	72	74	76	78	80	82
Варианты	2	8	12	7	10	4	1	

передней конечности. Одна из вершин находится в классе 72—74 мм, другая — в классе 76—78 мм (табл. 13).

Аналогичными оказываются и различия в пропорциях между крупными и мелкими экземплярами задних путовых костей. Ширина верхнего конца в процентах к длине кости сбоку выражается: у крупных экземпляров — 70,0—73,1%, в среднем —72,0%; у мелких — 72,6—78,7%, в среднем— 75,6%. У крупных путовых костей задней конечности верхний конец оказывается относительно более узким, чем у мелких экземпляров.

Отношение ширины диафиза к длине кости сбоку составляет у крупных экземпляров: 41,8—46,8%, в среднем —43,8%; у мелких —43,8—52,6%, в среднем —46,9%. Следовательно, крупные путовые кости задней конечности имеют относительно более узкий диафиз, чем мелкие.

Количество неповрежденных и пригодных для необходимых измерений копытных костей (табл. 14) ограничивается всего лишь 20 экз.

По степени изменчивости в размерах они не уступают ранее рассмотренным костям, а по изменчивости структуры даже превосходят их. У копытных костей передней конечности наибольшая ширина варьирует в пределах 78—88 мм, длина передней поверхности — от 49 до 59 мм, высота кости —от 37 до 44 мм. В процентах к наибольшей ширине длина передней поверхности варьирует от 141,1 до 164,7%: отношение высоты кости к ее наибольшей ширине составляет 46,3—53,2%. Эти данные указывают, что в числе исследованных экземпляров имеются и довольно низкие и широкие копытные кости, и относительно узкие и высокие. Разнообразие в этом отношении очень велико. Копытные кости задней конечности имеют длину передней поверхности 48—60 мм, наибольшую ширину— 65—79 мм, высоту —37— 43 мм. Длина передней поверхности у них в процентах к наибольшей ширине составляет 125,9—138,5%, отношение высоты кости к ее наибольшей ширине —51,4—58,5%. Картина изменчивости задних копытных костей в общем такова же, как и у передних.

В заключение предпринятого обзора костей лошади из Неаполя нам остается остановиться лишь на соотношениях отдельных элементов конечностей по размерам. Этими данными мы располагаем благодаря изучению материала из нескольких конских погребений, где в каждом отдельном случае кости принадлежат определенно одной особи (табл. 15).

Общая сумма наибольших длин плечевой, лучевой и пястной костей составляет у четырех лошадей из погребений от 817 до 836 мм и варьирует, таким образом, в весьма скромных пределах. Небольшим оказывается и диапазон колебаний относительных размеров отдельных элементов конечности. Наименьшую изменчивость обнаруживает в этом отношении плечевая кость, наибольшая длина которой составляет от 34,0 до 34,8%. Несколько сильнее варьируют лучевые кости (38,4—39,6%) и пястные кости (26,0—27,0%). В среднем по 4 лошадям, относительная величина отделов передней конечности выражается следующими цифрами: плечевая кость — 34,5%, лучевая — 38,9%, пястная — 26,6%.

Таблица 14

Измерения копытных костей лошади

№	Название кости	Длина передней поверхности, мм	Наибольшая ширина, мм	Ширина суставной поверхности, мм	Поперечник суставной поверхности, мм	Высота кости, мм
1275	Передняя	51	84	51	25	41
934	»	59	87	46	25	44
936	»	56	85	50	25	42
III	»	56	84	49	25	40
2921	»	56	79	48	25	42
935	»	49	80	46	23	37
162		52	80	50	—	41,5
2868	»	56	87	50	23	41
548	»	56	87	50	23	42
I	»	53	78	46	23,5	39
282	Задняя	60	79	48	25	43
582	»	56	75	43	24	42
3005	»	58	74	45	24	42
3010	»	58	75	—	—	40
937	»	54	68	43	23	40
283		48	65	42	23	38
941	»	53	72	47	24	37
285	»	50	72	43	24	37
117	»	52	72	43	—	38

Таблица 15

Соотношения отдельных элементов передних конечностей лошадей из четырех погребений

Элементы передних конечностей	Погребение II		Погребение I		Погребение IV		Погребение у склепа № 2	
	абс.	%	абс.	%	абс.		абс.	%
Наибольшая длина плечевой кости, мм	287	34,6	288	34,4	287	34,8	278	34,0
Наибольшая длина лучевой кости, мм	318	38,4	331	39,6	319	38,7	320	39,1
Наибольшая длина пястной кости, мм	224	27,0	217	26,0	219	26,5	219	26,9
Общая длина трех отделов, мм	829	100,0	836	100,0	825	100,0	817	100,0

Соотношения между элементами задней конечности мы смогли установить только в двух погребениях. В обоих случаях они оказались весьма близкими (табл. 16).

К сожалению, все эти данные относятся только к лошадям, принадлежащим к мелкой и широкостной группе. Каковы соотношения у лошадей более крупных и тонкокостных, установить не удалось.

Таблица 16

Соотношения отдельных элементов задних конечностей лошадей из двух погребений

Элементы задних конечностей	Погребение Я29		Погребение у склепа № 2	
	абс.		абс.	%
Наибольшая длина бедренной кости, мм	376	38,4	380	38,5
» » берцовой кости, мм	344	35,1	345	34,9
» » плюсневой кости, мм	259	26,5	262	26,6
Общая длина трех отделов, мм	979	100,0	987	100,0

Обратимся теперь к вопросу о росте лошадей Неаполя, используя для решения его приведенные выше данные по размерам костей. Разнообразие, которое мы имели возможность выше констатировать в размерах всех костей конечностей, уже само по себе является свидетельством существенных различий в росте животных, которым они принадлежали. Совершенно очевидно, что если лучевая кость общей длиной 318 мм должна была принадлежать лошади малорослой, то одноименная кость длиной 375 мм, несомненно, происходит от особи крупной.

Для установления роста лошадей по величине длинных костей конечностей обычно пользуются коэффициентами Кизевальтера. Вера Громова[1], автор новейшей монографии по лошадям, считает, что наиболее пригодны для этих целей пястные и плюсневые кости. В материале из скифского Неаполя эти кости представлены значительным числом экземпляров — обстоятельство, способствующее получению наиболее надежных результатов. Применяя для вычисления роста лошадей средние значения коэффициента (6,41 для длины пясти снаружи и 5,33 для длины плюсны снаружи), мы устанавливаем, что высота в холке у лошадей из скифского Неаполя варьировала от 128 до 152 см.

В настоящее время определение роста лошадей по длине их костей конечностей значительно облегчено благодаря схеме, лишь недавно опубликованной В. О. Виттом[2]. Упомянутый автор разделяет лошадей по росту в холке на следующие основные группы:

очень мелкие	рост 112 — 120 см
мелкие	120 — 128
малорослые	128 — 136
средние	136 — 144 »
рослые	144 — 152
крупные	» 152 — 160

Для каждой из этих групп В. О. Виттом приводятся характерные размеры длины черепа и костей конечностей.

Анализируя длину имевшихся в нашем распоряжении длинных трубчатых костей лошадей из скифского Неаполя, убеждаемся, что лошади из

[1] Вера Громова. История лошадей в Старом Свете. Труды Палеонтологического ин-та Академии Наук СССР, т. XVII, вып. 1 и 2.

[2] В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов. СА, XVI, 1952, стр. 163—206.

этого памятника варьировали по росту в довольно значительных пределах. Среди них встречались особи малорослые, средние, рослые и даже крупные. Последние, впрочем, представлены всего только двумя костями: плюсной № 2848 длиной, достигающей 294 мм, и лучевой костью № 1116 длиной 375 мм. Размеры этих двух костей, однако, близки к минимальным величинам, приводимым В. О. Виттом для крупных лошадей.

Выражая в процентах количество экземпляров, относящихся к каждой из указанных выше групп, мы получаем следующие характерные цифры:

малорослые	51,0%
средние	23,5%
рослые	22,0%
крупные	3,5%

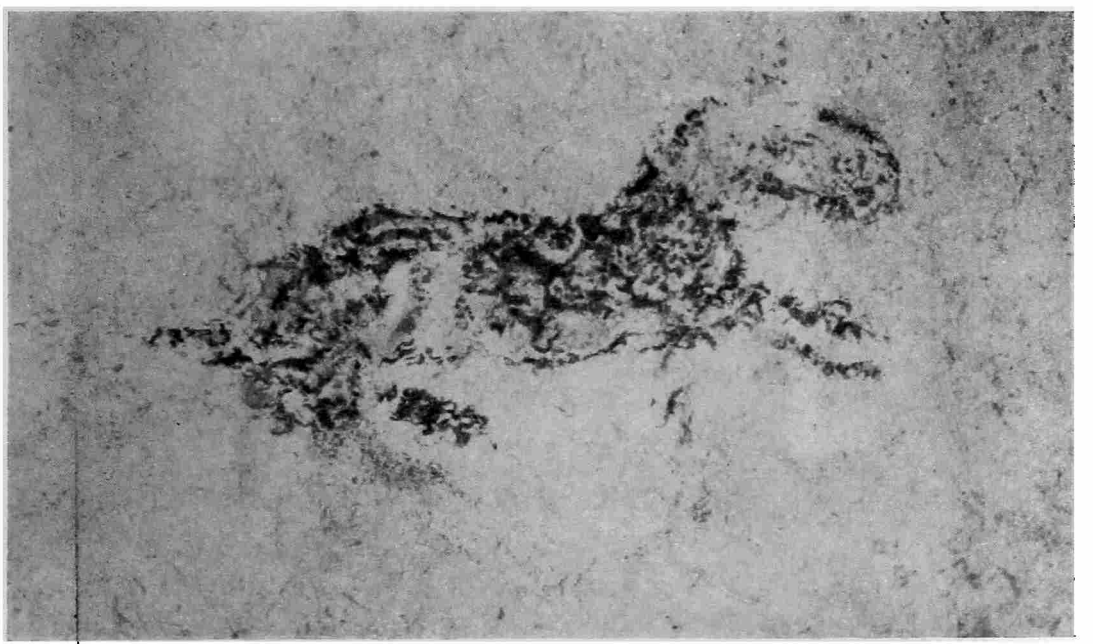

Рис. 1. Изображение лошади в склепе № 2 скифского Неаполя (II в. н. э.)

Рост лошадей крымских скифов колебался, таким образом, от 128 см и примерно до 155 см. При этом основная масса лошадей (более 50%) была малорослой, высотой в холке 128—136 см. Наряду с ними были вполне обыкновенны лошади — средние и рослые, ростом в холке 136—152 мм, и, видимо, лишь немногие достигали несколько больших размеров. Как уже отмечалось выше, рослые и крупные лошади отличались от малорослых также и большей тонкокостностью.

Дать вполне определенный ответ на вопрос о том, как должны интерпретироваться установленные у лошадей из Неаполя значительные различия в размерах и строении костей, в настоящее время очень трудно. Основная причина этому — не только ограниченность бывшего в нашем распоряжении материала и его дурная сохранность, но и отсутствие достаточно подробных данных о диапазоне изменчивости размеров и пропорций костей в пределах одной породы домашних лошадей, о влиянии, которое могут оказывать на все эти признаки возможные различия в условиях содержания, кормления, воспитания, наконец, — совер-

шенно недостаточные до сего времени сведения о дифференциальных особенностях скелета различных пород домашних лошадей. Вполне несомненно лишь одно: лошади крымских скифов были довольно разнообразны как по росту, так и по телосложению.

Рис. 2. Скиф-всадник. Портретный рельеф, найденный в скифском Неаполе
Известняк (II в. до н. э.)

Представление о разнообразии лошадей в Неаполе, основанное исключительно на изучении костных остатков, находит себе подтверждение и в иконографическом материале. Изображение коня, обнаруженное Тавро-Скифской экспедицией в 1945 г. в склепе № 2 Неаполя (рис. 1), довольно сильно пострадало. Однако достаточно ясно видно, что оно воспроизводит небольшую лошадь грубого телосложения, с очень крупной и массивной

(по отношению к туловищу) головой, с явственно выпуклым «бараньим» профилем. Другое изображение (рис. 2) имеет значительные черты сходства с изображениями лошадей на широко известной вазе из Чертомлыцкого кургана. Оно также принадлежит, видимо, лошади небольшого роста и довольно грубого сложения, но со сравнительно небольшой головой и плоским, а не «бараньим» профилем. Наконец, совершенно иной тип лошади встречаем мы в склепе № 9, где изображен выезд всадника на

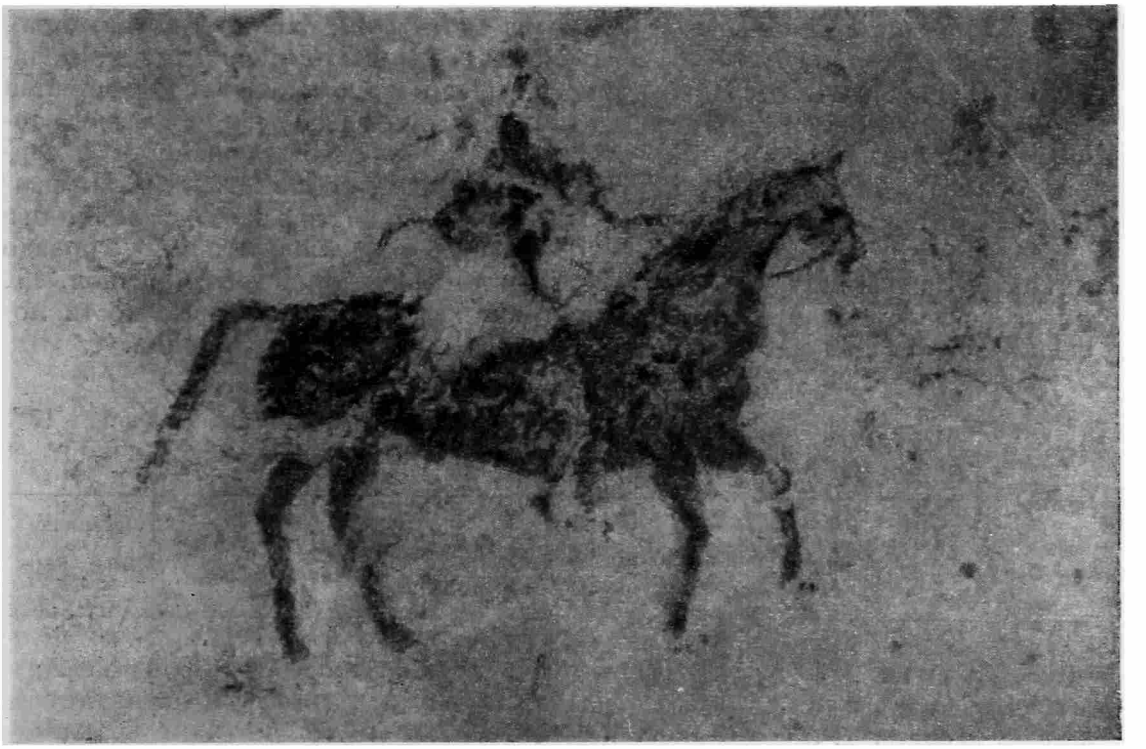

Рис. 3. Изображение всадника в склепе № 9 скифского Неаполя (I в. н. э.)

охоту (рис. 3). Соотношение между фигурой всадника и лошадью показывает, что эта последняя имела крупный рост. Обращает на себя внимание тонкая и изящная голова, с плоским, может быть, даже слегка вогнутым профилем, тонкая, красиво изогнутая шея, мало скошенный круп и тощий у основания хвост. Все эти признаки в общих чертах характерны для лошадей «восточного» типа.

Принято считать, что именно скифы, населявшие южнорусские степи, приручили тарпана и передали искусство коневодства народам Западной Азии. О высоком уровне скифского коневодства свидетельствуют и такие исторические данные, как приказание отца Александра Македонского Филиппа привести с Дона 20 тысяч лучших скифских кобыл для улучшения местной породы лошадей. Однако, поскольку можно судить по исследованному нами материалу, лошади из скифского Неаполя обнаруживают с тарпаном довольно малое сходство. Да и вообще каких-либо остатков этого животного в материале из скифского Неаполя мы обнаружить не смогли, хотя известно, что в южнорусских степях и в Крыму оно продолжало встречаться еще более полутора тысяч лет спустя. По В. И. Громовой[1], общая

[1] Вера Громова. Ук. соч.

длина пястной кости тарпана (по экземпляру из Зоологического музея Академии Наук СССР)—207,5 мм. Почти совершенно те же размеры имеет пясть № 9 из скифского Неаполя, но по относительной ширине диафиза, составляющего 16,3% общей длины кости, она заметно отличается от пясти тарпана, у которого указанное отношение составляет 15,9%. Общая длина плюсны тарпана —252 мм, отношение к ней ширины диафиза — 11,9%. Две плюсны из скифского Неаполя имеют сходные с ним размеры— 251 и 253 мм. Что же касается относительной ширины диафиза, то она у них гораздо больше, чем у тарпана — 13,3 и 13,9%. Таким образом, если в скифском Неаполе и встречаются метаподии, сходные по размерам с таковыми тарпана, то они все же сильно отличаются значительно большей грубокостностью. Характерной особенностью скелета конечностей тарпана В. И. Громова считает короткие и весьма массивные путовые и венчиковые кости. Полная длина путовой кости передней конечности у тарпана — всего 74,5 мм, задней —71,0 мм. Путовых костей столь малых размеров в материале из скифского Неаполя нами вообще не встречено. Все исследованные экземпляры,— а количество их значительно,— гораздо крупнее. Равным образом, как показывают цифры, приведенные в табл. 17, по относительной ширине диафиза и верхнего конца путовые кости лошадей из скифского Неаполя заметно уступают таковым тарпана.

Таблица 17

Размеры и пропорции путовых костей

Название признака	Лошади скифского Неаполя	Тарпан (по В. И. Громовой)
Общая длина передней путовой кости, мм	83—89	74,5
Ширина верхнего конца, % к общей длине кости	57,3—67,4	70,7
Ширина диафиза, % к общей длине кости .	37,2—43,2	45,4
Общая длина задней путовой кости, мм .	78—92	71,0
Ширина верхнего конца, % к общей длине кости	62,1—71,8	75,6
Ширина диафиза, % к общей длине кости	37,5—45,4	47,9

2. КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ

В исследованном нами костном материале из скифского Неаполя крупный рогатый скот представлен весьма обильно: имеется 1995 костей, составляющих примерно 17% всех определенных. Они принадлежали, по меньшей мере, 190 особям, в преобладающем большинстве взрослым; однако молодые экземпляры, с еще несросшимися эпифизами, среди крупного рогатого скота более обыкновенны, чем среди лошадей.

Характеризуя степень сохранности материала, надо отметить, что она еще хуже, чем у лошади. Целых черепов нет совсем. Если не считать одного, сильно поврежденного фрагмента лобно-затылочной части, то в остальных случаях череп представлен либо мелкими осколками мозговой коробки и челюстей, либо коренными зубами. Неповрежденные трубчатые кости конечностей насчитывают всего 2 экз. пястей и 4 плюсен. Большинство костей метаподий разрушено искусственным путем, подобно бедрам, пле-

чевым, лучевым и берцовым костям, которых нет ни одного целого экземпляра. Как и обычно, в относительно хорошей сохранности находятся только астрагалы, пяточные кости и фаланги пальцев.

Прежде всего следует остановиться на имеющихся в материале из скифского Неаполя нескольких экземплярах костных стержней рогов. Общее количество их невелико—всего 9 штук, причем 5 из них настолько разрушены, что для измерений совершенно непригодны. Что же касается остальных, то они отличаются небольшими размерами, как это видно из цифр, приведенных в табл. 18.

Таблица 18

Измерения костных стержней рогов крупного рогатого скота

Пол	Длина по большой кривизне, мм	Диаметры у основания, мм	Обхват у основания, мм
Самец	—	60/58	185
Самка	—	44/35	125
	—	50/38	135
	190	46/35	130

В данном случае интересен самый факт нахождения в костных остатках крупного рогатого скота из скифского Неаполя этих элементов скелета. Дело в том, что со времен Геродота, в V в. до н. э. посетившего скифов на юго-западе современной Европейской части СССР, в литературе укоренилось представление о том, что скифский скот был комолым. На признании этого обстоятельства построена даже широкая теория происхождения комолого скота, ныне распространенного в некоторых районах Северной Европы. Не подвергая сомнению точность сведений Геродота и оставляя в стороне упомянутую выше теорию, следует отметить, однако, что к скоту крымских скифов они отнесены быть не могут. Из-за отсутствия в нашем распоряжении краниологического материала мы не в состоянии установить, были или не были среди этого скота комолые особи. Но находка стержней рогов среди костных остатков рогатого скота из скифского Неаполя (основания их сохранились и на имеющемся фрагменте лобно-затылочной области черепа) позволяет вполне определенно утверждать, что если и не весь скот, то по крайней мере часть его была рогатой.

Большой интерес представляют также хорошо сохранившиеся экземпляры метаподий (табл. 19).

Обе пястные кости и две из плюсневых имеют небольшие общие размеры. От них резко отличаются два других экземпляра плюсен (№ 111 и 112): общая длина их примерно на 60 мм больше. Различия в размерах в этом случае настолько велики, что возникает предположение о принадлежности их к различным породам скота.

Изучение отдельных фрагментов пястных и плюсневых костей, дающих возможность измерить ширину верхних и нижних концов их, еще более расширяет границы изменчивости размеров этих костей. Если две крупные плюсны, рассмотренные нами выше, характеризуют, возможно, верхние пределы размеров, то обе пястные кости и две более мелкие плюсны не составляют их нижних пределов. Как позволяют считать данные,

Таблица 19

Измерения метаподий крупного рогатого скота

№	Название кости	Общая длина, мм	Ширина верхнего конца, мм	Ширина нижнего конца, мм	Ширина диафиза, мм
671	Пясть	177	48	52	28
5103	»	178	57	56	32
452	Плюсна	188	42	—	—
215	»	189	39	48	22
111	»	242	54	63	30
112	»	238	55	—	—

Таблица 20

Вариационные ряды размеров костей крупного рогатого скота

а) Размеры верхнего конца пясти

Классы	44	46	48	50	52	54	56	58	60
Варианты	3	4	3	2	2	4	2	2	

б) Ширина нижнего конца пясти

Классы	48	50	52	54	56	58	60	62	64	66	68
Варианты	2	3	2	4	3	7	3	—	1	2	

в) Ширина верхнего конца плюсны

Классы	37	39	41	43	45	47	49	51	53	55
Варианты	2	3	3	2	2	—	—	1	2	

г) Ширина нижнего конца плюсны

Классы	44	46	48	50	52	54	56	58	60	62	64
Варианты	5	5	3	4	2	2	2	2	1	4	

д) Общая длина таранной кости

Классы	51	53	55	57	59	61	63	65	67	69	71
Варианты	2	5	12	9	11	11	5	4	2	1	

е) Ширина нижнего конца берцовой кости

Классы	48	50	52	54	56	58	60	62	64	66	68
Варианты	5	5	10	8	7	6	7	3	2	1	

Таблица 20 (окончание)

ж) Общая длина пяточной кости

Классы	110	115	120	125	130	135	140
Варианты	2	—	1	1	3	1	

з) Ширина суставного блока плечевой кости

Классы	58	60	62	64	66	68	70	72	74	76	78	80	82	84
Варианты	2	2	2	5	3	4	2	3	—	—	—	1	1	

и) Общая длина первых фаланг

Классы	48	50	52	54	56	58	60	62	64	66	68	70	72	74
Варианты	1	6	5	7	5	5	4	5	1	1	3	1	1	

Таблица 21

Размеры пястных и плюсневых костей крупного рогатого скота

Крупный рогатый скот	Название кости	Общая длина, мм	Ширина концов, мм	
			верхнего	нижнего
Из скифского Неаполя, мелкие экз.	Пясть	177—178	48—57	52—56
Bos taurus (по Штудеру)	»	200	56	61
Bos brachiceros (по Рютимейеру)	»	178—182	42—53	46—53
Из Триполья, мелкие экз. (по Громовой)	»	170	47	51
Из Триполья, крупные экз. (по Громовой)	»	—	60	65—73
Современный украинский скот (по Громовой)	»	232—241	68—78	68—80
Bos primigenius (по И. Черскому)	»	—	79	86
Из скифского Неаполя, мелкие экз.	Плюсна	188—189	39—42	48
Из скифского Неаполя, крупные экз.	»	238—242	54—55	63
Bos taurus (по Штудеру)	»	210—240	47	55
Bos brachiceros (по Рютимейеру)	»	—	—	52
Современный украинский скот (по Громовой)	»	262—276	59—62	64—71
Bos primigenius (по И. Черскому)		295	64	77

приведенные в табл. 20, у скота из скифского Неаполя должны были быть метаподии и заметно меньших размеров.

Не меньший, а часто еще более широкий диапазон изменчивости размеров обнаруживают и другие элементы скелета крупного рогатого скота, как таранная, берцовая, плечевая кости и особенно первые фаланги пальцев. Эти последние, например, варьируют по общей своей длине в пределах от 49 до 74 мм, т. е. диапазон изменчивости у них составляет 25 мм. Все это еще более укрепляет в справедливости

предположения о существовании в скифском Неаполе двух различных пород крупного рогатого скота, отличавшихся друг от друга размерами тела.

Сравнивая размеры пястных и плюсневых костей крупного рогатого скота из скифского Неаполя с размерами одноименных костей различных представителей домашнего и дикого скота (табл. 21), мы обнаруживаем, что мелкие экземпляры их весьма сходны с Bos brachiceros (по Рютимейеру) и мелкой породой из Триполья (по Громовой). Что же касается крупных плюсен, то они по размерам близки к наиболее крупным экземплярам Bos taurus (по Штудеру).

По размерам таранных костей скот из скифского Неаполя имеет значительное сходство с Bos brachiceros, но наиболее крупные экземпляры достигают длиной размеров, констатированных В. И. Громовой у крупной породы из Триполья (табл. 22).

Таблица 22

Размеры таранных костей крупного рогатого скота

Крупный рогатый скот	Длина таранных костей, мм	
	наименьшая	наибольшая
Из скифского Неаполя	52	71
Bos brachiceros (по Рютимейеру)	62	65
Из Триполья, крупные экз. (по Громовой)	70	84
Современный украинский скот (по Громовой)	80	81,5
Bos primigenius (по И. Черскому) .	83	89

Таблица 23

Размеры нижнего конца берцовых костей крупного рогатого скота

Крупный рогатый скот	Ширина, мм	
	наименьшая	наибольшая
Из скифского Неаполя .	49	68
Из Триполья, мелкие экз. (по Громовой) .	54	55
Из Триполья, крупные экз. (по Громовой)	63	65
Современный украинский скот	72	84

По ширине нижнего конца берцовой кости (табл. 23) скот из скифского Неаполя только в немногих экземплярах достигает минимальной величины ее у крупной породы из Триполья или несколько превосходит приведенные В. И. Громовой данные. Большая часть экземпляров в этом отношении стоит ближе к размерам, указанным для мелкой породы из Триполья.

Общая длина больших фаланг, широкую изменчивость которых у скота из скифского Неаполя мы имели уже случай отметить, обнаруживает размеры (табл. 24), констатированные В. И. Громовой и у мелкой, и у крупной породы из Триполья.

Таблица 24

Общая длина больших фаланг конечностей крупного рогатого скота

Крупный рогатый скот	Общая длина, мм		
	средняя	наименьшая	наибольшая
Из скифского Неаполя . . .	--	49	74
Из Триполья, мелкие экз. (по Громовой)	54,0	—	—
Из Триполья, крупные экз. (по Громовой)	67,0	60	71,5
Bos taurus (по Дюрсту)	—	56	58

Обнаружение в костных остатках из скифского Неаполя крупного скота, принадлежавшего, видимо, двум различным породам, отличавшимся размерами, не представляет собой явления исключительного. Аналогичная картина была обнаружена В. И. Громовой [1] при изучении костных остатков из трипольских поселений. Однако расчленить исследованные нами костные остатки крупного рогатого скота из скифского Неаполя на две обособленные размерные группы, соответствующие породам, существование которых нами предполагается, оказывается крайне затруднительным. Объяснение этому явлению можно видеть в свойственной домашним животным широкой изменчивости размеров костей, обусловливающей вполне вероятную трансгрессию в этих признаках между различными породами. Не менее вероятно и другое предположение: имевшиеся в скифском Неаполе две различные породы скота разводились не только в чистоте, но и смешивались между собой.

В заключение следует добавить, что основная масса костей крупного рогатого скота обнаружена в раскопе Б (в слоях под подвалом и в заполнении подвала). Дурная сохранность костей и характер их разрушения не оставляют сомнения в том, что мясо крупного рогатого скота широко использовалось в пищу.

3. МЕЛКИЙ РОГАТЫЙ СКОТ

Количество костей мелкого рогатого скота (овец и коз) в скифском Неаполе очень велико и уступает только числу костей лошади и собаки. Всего имеется 2504 кости от 363 особей. Целых черепов нет совершенно, и остатки их представлены главным образом нижними челюстями или сильно разрушенными частями верхних челюстей. Что весьма существенно, имеется значительное количество костных стержней рогов, хотя обычно и сильно поврежденных, но тем не менее в ряде случаев позволяющих установить характерные и диагностически важные особенности строения и изгиба. Обнаружены также несколько хорошо сохранившихся пястных и плюсневых костей.

В отличие от лошадей и крупного рогатого скота, овцы и козы представлены в остатках из скифского Неаполя большим количеством молодых животных. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, обилие трубчатых костей с несросшимися эпифизами, с другой — многочисленные

[1] В. Громова. Материалы к познанию фауны трипольской культуры. Ежегодник Зоологического музея Академии Наук СССР, 1927.

нижние челюсти, сохраняющие молочные предкоренные зубы и лишенные еще третьего настоящего коренного. Как известно, третий настоящий коренной прорезывается у овец и коз в возрасте около полутора лет. Основываясь на этом признаке, можно установить по нижним челюстям, которых особенно много, что от 40 до 50% костей мелкого рогатого скота из скифского Неаполя принадлежало молодым особям, не достигшим полуторагодовалого возраста.

Таблица 25

Измерения метаподий домашней козы

№	Название кости	Общая длина, мм	Ширина верхнего конца, мм	Ширина нижнего конца, мм	Ширина диафиза, мм	Отношение ширины диафиза к общей длине, %
1581	Пясть	109	21	24	14	13,8
516	»	106	22	25	15	14,1
677	»	104	23	25,5	14,5	14,0
678	»	106	—	—	16	15,1
1576	»	101	21	24	13,8	13,8
1196	»	100	21	25	15	15,0
314	»	96	21	24,5	14,5	15,1
674	»	95	23	24	14	14,9
813	Плюсна	112	19,5	22,5	13	11,5
3021	»	112	18	22	11,5	10,3
214	»	111	19	23	13	11,7
14	»	110	20	23	11,5	10,5
318	»	109	19,5	23	12,7	11,6
1754	»	108	18	22,5	12	11,1
832	»	100	18	21	11	11,0

Костные стержни рогов домашних коз имеются в количестве 36 экз. Из них самцам принадлежит лишь 9, и, за исключением одного, они сильно разрушены. Длина этого стержня по переднему ребру — 180 мм, обхват у основания — 120 мм, диаметры у основания — 45 и 31 мм. Все костные стержни рогов самцов имеют положительный изгиб, определяющий отклонение концов в стороны от медиальной плоскости и указывающий на принадлежность этих коз к типу Capra prisca. Степень изгиба изменчива, и чаще всего он невелик. Стержни рогов самок изгиба, как обычно, не обнаруживают.

Восемь сохранившихся пястных костей варьируют по длине от 95 до 109 мм, в среднем —102 мм (табл. 25). Отношение ширины диафиза к общей длине кости составляет у них 13,8—15,1%, в среднем — 14,5%. Общая длина плюсен (по 7 исследованным экземплярам) — 100—112 мм, в среднем — 109 мм. Отношение ширины диафиза к общей длине кости у них — 10,3—11,7%, в среднем — 11,1%.

Для характеристики размеров домашней козы скифского Неаполя достаточно указать, что у современных европейских коз общая длина пясти 125—135 мм. Совершенно ясно, что коза скифов Крыма отличалась весьма мелкими размерами.

Мелкими размерами, несомненно, отличалась и скифская овца. Четыре пястных кости варьируют по длине от 111 до 119 мм, в среднем — 116 мм

(табл. 26). Ширина диафиза в отношении к общей длине составляет 10,6—11,2%, в среднем — 10,9%. Четыре плюсны имеют длину от 123 до 125 мм, в среднем — 124 мм. Отношение ширины диафиза у них к общей длине кости — 8,0—8,5%, в среднем — 8,2%.

У домашних овец из раннего неолита плюсны имеют длину 135—147 мм, из позднего неолита — 130—147 мм (по Глуру и Штудеру). У овец из скифского Неаполя, как показывают приведенные выше цифры, размеры плюсен значительно меньше. Гораздо более крупной была, видимо, и овца из Триполья, у которой длина плюсны — около 149 мм (по В. И. Громовой)[1].

Таблица 26

Измерения метаподий домашней овцы

№	Название кости	Общая длина, мм	Ширина верхнего конца, мм	Ширина нижнего конца, мм	Ширина диафиза, мм	Отношение ширины диафиза к общей длине, %
518	Пясть	119	20	23	13	10,9
519	»	118	20	23	12,5	10,6
897	»	116	21	22,5	13	11,2
1846	»	111	20	—	—	—
207	Плюсна	125	18,5	21,5	10,0	8,0
1457	»	125	19	22	10,5	8,4
11	»	124	19	23	10,5	8,5
635	»	123	18,5	21,5	9,8	8,0

Из обнаруженных 35 фрагментов нижнего конца плечевых костей 26 экземпляров оказались принадлежащими овцам и лишь 4 — козам. Ширина суставного блока плечевой кости у домашних овец из скифского Неаполя варьирует от 23 до 33 мм, в среднем — 27 мм. Очень близки размеры суставного блока и у коз: от 26 до 29 мм, в среднем — 28 мм.

Костные стержни рогов домашних овец найдены в количестве 17 экз., принадлежащих только самцам. Самки породы, разводившейся в скифском Неаполе, были, видимо, комолыми. Все стержни рогов настолько сильно разрушены, что для измерений непригодны.

4. ДОМАШНЯЯ СВИНЬЯ

Домашняя свинья представлена в костных находках из скифского Неаполя лишь относительно небольшим числом экземпляров: 482 кости, происходящие приблизительно от 81 особи, в основной массе молодых. Сохранность материала очень плоха, даже хуже, чем у мелкого рогатого скота. Черепа, если не считать мелких обломков верхних и нижних челюстей, а также отдельных коренных зубов и резцов, отсутствуют. Из длинных трубчатых костей сохранилась одна берцовая кость, все остальные разрушены искусственным путем или если и целы, то лишены эпифизов. Для измерений пригодны лишь немногочисленные фрагменты нижнего конца плечевых костей, два экземпляра берцовых и коренные зубы.

[1] В. Громова. Материалы к познанию фауны трипольской культуры.

Длина третьего настоящего коренного зуба нижней челюсти 24 — 31 мм, в среднем — 27,5 мм, ширина его — 13 — 15 мм, в среднем — 14,0 мм. Длина того же зуба верхней челюсти — 28—33 мм, в среднем — 30,5 мм, ширина его — 16—18 мм, в среднем — 17 мм (табл. 27). Повидимому, по размерам зубов домашняя свинья скифов была довольно близка к современной примитивной.

Таблица 27

Размеры коренных зубов свиней

Свиньи	Нижняя челюсть		Верхняя челюсть	
	длина M_3, мм	ширина M_3, мм	длина M_3, мм	ширина M_3, мм
Из скифского Неаполя .	24—31	13—15	28—33	16—18
Торфяная свинья (по Ульманскому) .	25—47	15—20	31—46	16—20
Торфяная свинья (по Рютимейеру) .	25—42	11—17	30—40	18—22
Домашняя примитивная свинья (по Боголюбскому и Андреевой) .	35	15	25—30	13—20

Общая длина уже упоминавшегося экземпляра берцовой кости — 182 мм, ширина верхнего конца — 41 мм, его поперечник — 47 мм, ширина нижнего конца — 26,5 мм, его поперечник — 22,8 мм, ширина диафиза — 16 мм. Два фрагмента нижнего конца одноименных костей имеют ширину 26 и 28 мм, поперечник — 24 и 24,5 мм.

Ширина нижнего конца плечевой кости (исследовано 22 экз.) колеблется от 32 до 38 мм, в среднем — 35 мм; ширина суставного блока плечевой кости — от 25 до 29 мм, в среднем — 26,2 мм.

Как и зубы, исследованные элементы скелета свидетельствуют о небольших размерах скифских свиней.

5. ОСЕЛ

Среди домашних животных скифского Неаполя осел по количеству костей, обнаруженных в изученном нами материале, занимает последнее место. Шесть костей этого животного были найдены в раскопе Б, в заполнении подвала, в слоях, относящихся как к римскому, так и к эллинистическому времени; три остальных экземпляра — в раскопе А, у городской стены, в пределах города. Имеющиеся, таким образом, 9 костей представляют два фрагмента нижнего конца лучевой кости, фрагмент верхней части плеча, копытную кость, две передних путовых, две венчиковые кости и один позвонок. Все упомянутые экземпляры очень сильно разрушены и почти непригодны для измерений. Однако, величина их позволяет сказать, что ослы из скифского Неаполя были мелких размеров.

Находка остатков ослов в скифском Неаполе тем более интересна, что Страбон пишет об отсутствии этих животных у скифов. В свете приведенных нами данных справедливость этого утверждения представляется сомнительной. Однако, повидимому, действительно, количество ослов было относительно невелико и большого значения в животноводстве скифского Неаполя они не имели.

6. СОБАКА

Кости собак в материале из скифского Неаполя чрезвычайно многочисленны: обнаружено 2673 экз., происходящих, примерно, от 138 особей. В отличие от всех других, ранее рассмотренных домашних животных, среди костей собак имеется большое количество совершенно неповрежденных трубчатых костей конечностей и четыре почти совершенно целых черепа. В большом числе имеются также неповрежденные нижние челюсти. Исследованные кости собак принадлежали особям самого различного возраста — от новорожденных щенков и вплоть до очень старых, с совершенно стертыми зубами.

Распределение костей собак на территории рассматриваемого памятника весьма неравномерно. В наибольшем количестве они обнаружены в раскопе А (городская стена), за пределами города — в месте, представлявшем собой нечто вроде свалки, куда выбрасывались трупы павших животных. Многочисленны они и в слое над погребением, и в слое, прикрывающем сверху этот последний. Здесь, как и в слое за городской стеной, они составляют основную массу обнаруженных костей. Наоборот,— и это очень характерно,— в раскопе Б, давшем обилие костей всех прочих домашних животных (кухонные остатки), количество костей собак минимально. Это обстоятельство, наряду с отмеченной выше хорошей сохранностью костей, повидимому, указывает на то, что в пищу населением скифского Неаполя собаки не употреблялись.

Таблица 28

Общая длина некоторых костей конечностей собак

Кости	*n*	Lim	*M*	± *m*
Плечевая, мм	28	144—170	151,37	2,39
Лучевая, мм .	22	137—165	150,91	2,17
Бедренная, мм	19	158—196	171,82	2,99
Большая берцовая, мм	31	154—195	172,06	3,26

Судя по размерам костей, собаки из скифского Неаполя представляли довольно пеструю картину. Достаточно указать, что амплитуда изменений общей длины костей, например бедра или большой берцовой кости, достигает 40 мм (табл. 28).

Вместе с тем кости собак довольно естественно разделяются по размерам на две группы: одну — мелкую и другую — более крупную. Это хорошо иллюстрируется следующими данными измерений:

	Мелкая группа	Крупная группа
Плечевая кость .	144—155 мм	165—169 мм
Бедренная »	158—168 »	181—196 »
Большая берцовая кость .	154—166 »	181—195 »

Большую амплитуду колебаний по размерам обнаруживают также и нижние челюсти, 29 экз. которых нам удалось измерить (табл. 29).

Подобно рассмотренным выше костям конечностей, они разделяются по размерам на две аналогичные группы: первая — с длиной нижней

Таблица 29

Размеры нижних челюстей собак

Показатели	Lim	*M*	± *m*
Длина от суставной поверхности, мм	113—140	126,50	3,61
Длина ряда коренных зубов, мм	59—75	67,74	1,19
Высота позади M_3, мм	25—30	26,67	0,71

челюсти от 113 до 119 мм и длиной ряда коренных зубов от 59 до 63 мм и вторая — с длиной челюсти от 129 до 139 мм и длиной ряда коренных зубов от 68 до 75 мм.

Заметно отличаются друг от друга по размерам и те четыре черепа, которые были в нашем распоряжении. Их наибольшая длина варьирует от 173 мм (№ 1234) до 196 мм (№ 1233). Два других экземпляра весьма близки друг к другу по величине: 181 и 184 мм. Что касается краниологической структуры, то черепа в этом отношении довольно сходны между собой и лишь один, наиболее крупный, несколько отличается более длинной и узкой лицевой частью, большей суженностью межглазничной и скуловой области. Длина зубного ряда коренных у них — 62—65 мм. Та же длина, измеренная на четырех других, сильно разрушенных черепах, дала следующие цифры: 60,5; 60,0; 60,0; 63,0 мм. Повидимому, по своим общим размерам эти черепа должны быть близки к тем, измерения которых приведены в табл. 30.

Таблица 30

Измерения черепов собак

Показатели	Черепа			
	№ 1233	№ 12	№ 2455	№ 1234
Длина наибольшая, мм	196	184	181	173
» кондилобазальная, мм	—	175	170	164
» базилярная, мм	171	167	160	155
» морды, мм	88	79	80	74
» носовых костей, мм	75	70	74	61,5
Ширина морды над клыками, мм	37	38	35	36
» межглазничная, мм	35	33	34	31
» скуловая, наибольшая, мм	103	—	107	—
Длина костного нёба, мм	—	90	87	81
Ширина нёба между задними коренными зубами, мм	—	33	33	31
Длина зубного ряда коренных зубов верхней челюсти, мм	65	62,5	63	62

Изучение собак из скифского Неаполя с точки зрения их породного состава — дело дальнейших исследований. Но, основываясь на установленной выше амплитуде изменчивости размеров костей, можно высказать

Рис. 4. Изображения собак. Деталь надгробного рельефа, найденного близ скифского Неаполя. Известняк (I—II вв. н. э.)

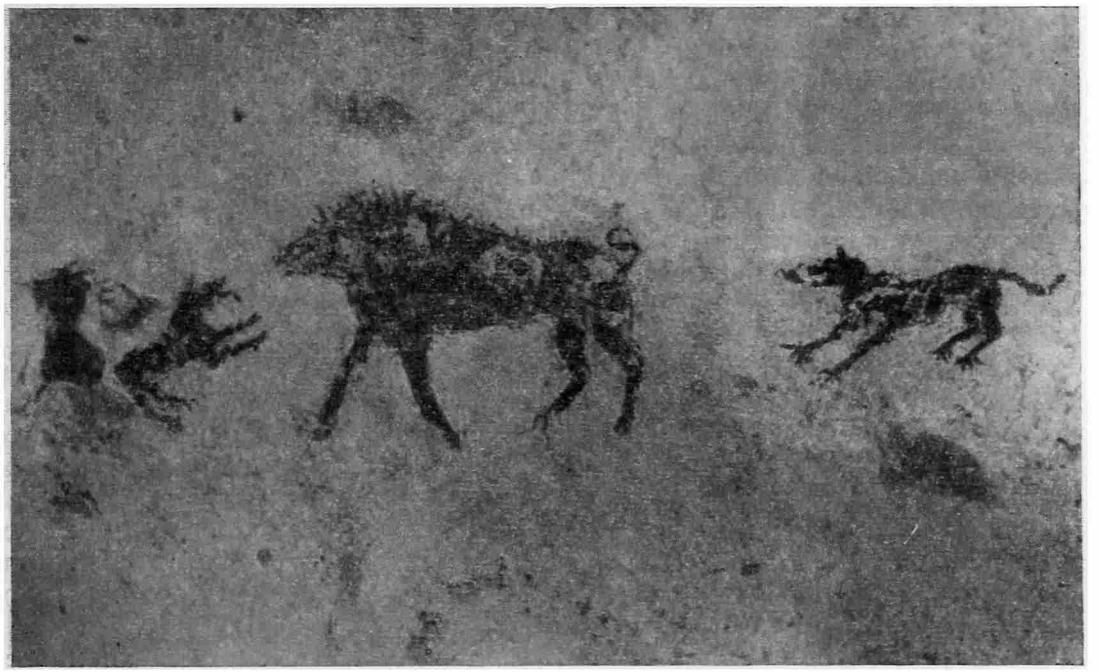

Рис. 5. Охота на кабана. Изображение в склепе № 9 скифского Неаполя (I в. н. э.)

предположение, что в этом отношении они не представляют единого целого. На это, впрочем, указывает и иконографический материал с изображениями собак на рельефах (рис. 4) и в стенной живописи (рис. 5) скифского Неаполя.

7. ЗАЯЦ

Из числа диких животных, кости которых были найдены при раскопках скифского Неаполя, заяц (и ныне широко распространенный на территории Крыма) представлен наибольшим количеством костей (45 экз.). Они были обнаружены в раскопе А, но в двух различных местах: в районе городской стены, за пределами города, и в мавзолее, в погребении № 47.

В первом случае найдена 21 кость от одной особи, во втором — 24 кости тоже от одной особи. В обоих случаях они принадлежат взрослым животным и лишены каких-либо следов искусственных повреждений.

8. ЕЖ ОБЫКНОВЕННЫЙ

Тринадцать хорошо сохранившихся костей одной взрослой особи этого вида обнаружены в мавзолее, в погребении № 4, вместе с костями зайца. Как известно, ежи, особенно в степных районах, роют норы, хотя и неглубокие. Возможно, что подобная нора имелась в погребении № 4 и что обнаруженные кости представляют остатки особи, погибшей от естественных причин.

9. ДИКИЙ КАБАН

Кости этого животного найдены в общем количестве 13 экз. Семь из них обнаружены в раскопе Б, среди костей, заполнявших подвал жилого здания и представлявших собой кухонные отбросы; три других — в раскопе А (западная прирезка, темнозолистый и мусорный слой); последние три — в раскопе AI (двор перед мавзолеем и стена). Все эти кости происходят примерно от 8 взрослых особей. В их числе имеются фрагмент нижнего конца плечевой кости, фрагмент нижней части большой берцовой кости, сильно поврежденная таранная кость, четыре коренных зуба верхней челюсти, три коренных зуба нижней челюсти, фрагмент клыка нижней челюсти, два резца верхней челюсти. На фоне костей домашней свиньи из скифского Неаполя, отличавшейся небольшими размерами, кости кабана выделяются чрезвычайно резко.

Приведем измерения некоторых костей крымского кабана времени скифского Неаполя. Ширина нижнего конца плечевой кости — 55 мм, ширина суставного блока ее — 43 мм. Ширина нижнего конца берцовой кости — 43 мм, поперечник его — 38 мм. Длина третьего моляра верхней челюсти — 42, 42, 43 и 43 мм, ширина его — соответственно 26, 25, 25 и 26 мм. Ширина третьего моляра нижней челюсти — 21, 21 и 22 мм, длина его — 48, 49 и 51 мм. Эти цифры показывают, что по своим размерам кабан Крыма не уступал современному кавказскому подвиду, справедливо считающемуся очень крупным.

Обнаружение костей кабана в материале из скифского Неаполя есть факт, в высшей степени примечательный. В современной фауне Крыма это животное отсутствует полностью. В то же время остатки его известны из всех палеолитических слоев Крыма, вплоть до тарденуаза (Шан-коба), за исключением «слоя с аморфной культурой» из Киик-коба (В. И. Громов[1]). Особенно многочисленны остатки кабана, по данным того же автора, в эпипалеолите. Отсутствие кабана в Крыму в настоящее время В. И. Громов объясняет сравнительно недавним его исчезновением. Находка костей кабана в скифском Неаполе подтверждает справедливость этого предположения и служит свидетельством, что рассматриваемый вид сохранялся в Крыму вплоть до нашей эры и был уже в более позднее время истреблен человеком. Известный знаток природы Крыма И. И. Пузанов (1949 г.)

[1] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Труды Ин-та геологических наук Академии Наук СССР, вып. 64; геологическая серия, № 17.

склонен считать, что исчезновение этого животного произошло уже после прихода татар.

Мартин Броневский[1], бывший в 1578 г. посланником Стефана Батория к крымскому хану, вполне определенно сообщает о существовании в Крыму его времени охоты на кабанов. Также и у В. Х. Кандараки[2] мы находим указание, что кабаны сохранялись в Крыму до 1845 г.

Характерно, что охота на кабана нашла свое отражение и в изобразительном искусстве крымских скифов. Сцена охоты, обнаруженная Таврo-Скифской экспедицией в 1946 г. в росписи склепа № 9 скифского Неаполя, изображает травлю кабана собаками (рис. 5). Характерные черты внешнего облика кабана воспроизведены на рисунке с большим мастерством и правдоподобием. Достаточно обратить внимание на относительно тонкое и стройное туловище, длинные ноги и морду, на позу разъяренного животного, чтобы убедиться, что художник имел в виду именно кабана. Даже характерная для разъяренного животного поднятая дыбом щетина на хребте воспроизведена вполне отчетливо.

10. РЕЧНОЙ БОБР

Совершенно исключительный интерес представляет факт обнаружения среди костей из скифского Неаполя остатков речного бобра. Они найдены в раскопе А, за пределами города, и представляют собой нижнюю половину плечевой кости (№ 288) и фрагмент резца (№ 2565). Судя по их местонахождениям в раскопанном слое, они могли принадлежать двум различным особям.

В палеолите Крыма речной бобр известен из ориньяка (Сюрень I) и азиля (Сюрень II). В современной фауне Крыма он отсутствует совершенно, и до сего времени мы не имели каких-либо данных о нем в более позднее время. Можно было предполагать, что бобр исчез во время так называемой ксеротермической климатической фазы, имевший место за 3—5 тыс. лет до нашей эры, когда реки и озера в Крыму должны были пересохнуть еще сильнее, чем в наше время. Однако находка его в скифском Неаполе указывает, что, подобно кабану, речной бобр существовал в Крыму еще в начале нашей эры и лишь позднее был истреблен человеком.

Характерен самый факт нахождения в Крыму этого животного, населяющего строго определенные стации. Он заставляет предположить, что во времена скифского Неаполя по реке Салгиру простирались уремные леса, служившие местообитанием бобров и исчезнувшие вместе с ними под воздействием человека уже в сравнительно позднее время.

Правда, конечно, количество обнаруженных костей бобра невелико. Но надо иметь в виду, что количество костей диких животных вообще и даже тех из них, которые и ныне довольно многочисленны, в материале из скифского Неаполя незначительно. Поэтому факт нахождения костей бобра вряд ли может быть объяснен простой случайностью и скорее говорит в пользу предположения, что это животное было достаточно обыкновенным в фауне Крыма того времени.

11. САЙГА

Три кости этой антилопы, некогда очень широко распространенной в Восточной Европе, обнаружены в раскопе Б, в заполнении подвала жилого здания. Имеются фрагменты нижней челюсти от двух различных

[1] Мартин Броневский. Описание Крыма. ЗООИД, т. VI, 1867.
[2] В. Х. Кандараки. Универсальное описание Крыма, ч. 7, 1875.

особей и часть лобной кости с основанием костного стержня рога. В палеолите Крыма (В. И. Громов [1]) кости сайги, отличавшейся от современной более крупными размерами, составляют наибольшее количество остатков палеолитической фауны вообще. Она встречается от мустье до азиля включительно, где становится, однако, более редкой и исчезает в тарденуазских слоях. По обилию остатков сайги крымский палеолит занимает первое место в мире. Находка костей сайги в скифском Неаполе указывает, что эта антилопа сохранялась в крымских степях еще на грани нашей эры. И. И. Пузанов считает, впрочем, что она была истреблена уже после прихода татар [2].

12. БЛАГОРОДНЫЙ ОЛЕНЬ

В остатках из скифского Неаполя мы обнаружили 18 костей этого животного, происходящих от 5 особей. В их числе — 2 обломка рога и 14 коренных зубов. Все они найдены в раскопе А, за пределами городской стены. Этот вид и ныне населяет леса горного Крыма, сохраняясь, однако, почти исключительно в пределах Крымского государственного заповедника.

По В. И. Громову [3], этот вид констатирован в палеолите Крыма от нижнего мустье до тарденуаза. В литературе, однако, с прошлого столетия существует (мало кем разделяемый) взгляд на благородного оленя, как на вид, импортированный «повелением крымских ханов». Несостоятельность подобной точки зрения в свете приведенных нами данных о нахождении остатков оленя в скифском Неаполе становится совершенно очевидной.

Непонятным остается отсутствие в скифском Неаполе остатков другого вида оленей — косули, которая и сейчас в Крыму весьма многочисленна.

13. ЛИСИЦА

Единственная кость этого животного, находящаяся в хорошей сохранности,— левая половина нижней челюсти — найдена в раскопе Б, среди других костей из зольного слоя под зданием. Фрагмент плеча обнаружен в раскопе А (западная прирезка, темнозолистый слой), и в нем же (северная прирезка) — фрагмент берцовой кости. Лисица принадлежит к числу не только вполне обыкновенных, но даже и многочисленных представителей современной фауны Крыма.

14. СЛЕПУШОНКА ОБЫКНОВЕННАЯ

Сорок четыре кости этого вида принадлежат 15 особям. Все они обнаружены только в раскопах А и АI. Слепушонка сейчас очень обыкновенна в степях Крыма. Жизнь этот мелкий грызун проводит под землей, роя сложные норы. Повидимому, ряд подобных нор был затронут при раскопках и этим обстоятельством объясняется нахождение костей слепушонки в материале из скифского Неаполя.

---

[1] В. И. Громов. Ук. соч.

[2] И. И. Пузанов. Своеобразие фауны Крыма и ее происхождение. Ученые записки Горьковского гос. университета, вып. 14.

[3] В. И. Громов. Ук. соч.

15. КУЛАН

Замечательной находкой являются 2 путовые кости кулана, обнаруженные в раскопе Б, среди других костей, заполнявших подвал жилого здания. Они имеют вполне удовлетворительную сохранность и принадлежат передней конечности. Происходят эти кости от двух различных особей.

Общая длина путовых костей кулана составляет по экземплярам из скифского Неаполя от 83 до 86 мм, в среднем — 84,5 мм (табл. 31). Они заметно превосходят в этом отношении одноименные кости домашних ослов, у которых (по Д. Сагдиеву [1]) общая длина варьирует от 69 до 73 мм, в среднем — 70 мм. У современных куланов (по 8 экз. из Туркмении) общая длина передних путовых 78—87 мм, в среднем — 83 мм. Размеры их, таким образом, очень близки к указанным выше экземплярам из скифского Неаполя.

Таблица 31

Измерения передних путовых костей кулана

Показатели	Кости	
	№ 1689	№ 1688
Общая длина, мм	86	83
Длина сбоку, мм	77	76
Длина по средней линии передней поверхности кости, мм	73	72
Ширина верхнего конца, мм	44,5	42
Ширина верхней суставной поверхности, мм	42	40
Поперечник верхнего конца, наибольший, мм	—	31
Ширина нижнего конца, мм	40	37
Ширина нижнего суставного блока, мм	38	36,5
Поперечник нижнего суставного блока, наибольший, мм	23	19,5
Ширина по середине диафиза, мм	28,5	26,5
Отношение ширины верхнего конца к общей длине, %	51,7	50,6
Отношение ширины нижнего суставного блока к общей длине, %	44,2	44,0
Отношение ширины диафиза к общей длине, %	33,1	31,9

Особенно характерны пропорции описываемых путовых костей, обнаруживающие свойственную кулану тонкость их структуры. В этом отношении они резко отличаются от путовых костей домашних лошадей из скифского Неаполя, у которых эти кости гораздо шире и толще. Сравнивая пропорции путовых костей крымских куланов и современных туркменских (табл. 32), легко убедиться, что они очень близки друг к другу.

[1] Д. Сагдиев. К анатомии домашнего осла. Труды Узбекского гос. университета, вып. 10, 1939.

Таблица 32

Пропорции путовых костей у куланов и домашних ослов

Показатели	Куланы из скифского Неаполя			Куланы современные из Туркмении			Домашние ослы (по Сагдиеву)		
	мин.	макс.	средн.	мин.	макс.	средн.	мин.	макс.	средн.
Общая длина кости, мм	83,0	86	84,5	78	87	83	69	73	70
Отношение ширины верхнего конца к общей длине кости, %	50,6	51,7	51,2	51,3	53,7	52,3	49,3	54,3	51,9
Отношение ширины нижнего суставного блока к общей длине кости, %	44,0	44,2	44,1	43,8	45,8	44,3	43,6	48,9	45,4
Отношение ширины диафиза к общей длине кости, %	31,9	33,1	32,5	30,1	32,7	31,5	—	—	—

В. И. Громова [1] считает путовые кости, так же как и метаподии куланов, материалом, дающим надежные признаки для того, чтобы отличить этих животных от других представителей рода. Это обстоятельство позволяет считать данное нами видовое определение упомянутых путовых костей вполне точным.

Современное распространение кулана в СССР крайне ограничено в результате прямого истребления этого животного человеком. Сейчас кулан сохранился только в Южной Туркмении, на территории Бадхизского государственного заповедника, и то в небольшом количестве. Совершенно несомненно, что ранее область распространения его была гораздо шире. Однако существует представление, что западнее Волги этот вид не заходил.

Ошибочность указанной точки зрения установлена находками остатков кулана в ряде исторических памятников Восточной Европы. Так, В. И. Громова [2] упоминает, что кости кулана были найдены ею в материале из раскопок памятника бронзовой эпохи (1500—1000 лет до н. э.) в Северокавказском крае, близ станицы Цимлянской, на хуторе Ляпичевом. Установлено также наличие костей кулана в раскопках Исти-Су в культурных слоях II и III вв. н. э. Известны они и из поселения энеолитической или палеометаллической культуры (3000—2000 лет до н. э.) в Усатово-Куяльнике, близ Одессы. Самая поздняя находка остатков кулана сделана И. Г Пидопличкой [3] в городище XI—XII вв. н. э. в г. Вышгороде Киевской области. Материал из скифского Неаполя устанавливает, что в начале нашей эры распространение кулана охватывало даже степи Крыма. Повидимому, и в Крыму, и вообще в степной полосе Восточной Европы он был в то время довольно обычен. Нельзя исключить предположение, что многочисленные исторические сведения о распространении в степях Южной России «дикой лошади» в некоторой (а может быть, и значительной) части относятся не к тарпану, а к кулану.

[1] Вера Громова. История лошадей в Старом Свете.

[2] Там же.

[3] И. Г. Пидопличка. Новгород-Северська верхнечетвертичная фауна. Матеріали довивчення минуошь фаун УРСР, вып. 1, 1938.

* * *

Подводя итоги изложенным выше результатам исследования костных находок из скифского Неаполя, мы должны в первую очередь констатировать громадное численное преобладание костей домашних животных. Количество костей диких животных ограничено всего только 143 экз., составляющими примерно несколько менее 1,3% всех определенных костей млекопитающих.

Следует особо подчеркнуть, что сколь ни мало количество костей диких животных в скифском Неаполе, в их число входят остатки ряда видов, не имеющих промыслового значения, нахождение которых может объясняться чисто случайными обстоятельствами. К этим последним, безусловно, относятся слепушонка, еж, может быть, даже заяц. Если исключить кости этих трех видов, то количество костей диких охотничьих животных составит всего лишь 54 экз. От общего количества костей млекопитающих они составляют только 0,5%.

Столь малый удельный вес костей диких охотничьих животных в материале из скифского Неаполя служит, как нам кажется, достаточно ясным указанием, что экономическое значение охоты (во всяком случае как источника пищи) для населения этого города — столицы крымских скифов — было, в сущности, ничтожно. Это тем более характерно, что не может быть объяснено скудостью базы для охотничьего промысла. Современная дефектность крымской фауны есть в зоогеографическом смысле явление недавнее, обусловленное антропогенными факторами (истребительной и хозяйственной деятельностью человека). Как сейчас представляется, в эпоху скифского Неаполя фауна охотничьих животных Крыма была довольно богата: встречались благородный олень, косуля, куница, барсук, лисица, волк, кабан, сайга, кулан, тарпан, бобр. Повидимому, имелись достаточные ресурсы для охотничьего промысла. Однако, как показывают результаты изучения костных остатков из скифского Неаполя, сколько-нибудь широкого распространения он у скифов не имел. В основе хозяйства населения скифского Неаполя находилось животноводство, уже достигшее высокого уровня развития и удовлетворявшее потребность населения в мясе. Что же касается охоты, то она была, вероятно, занятием аристократии и имела в основном спортивный характер.

Изученный костный материал свидетельствует, что домашние животные крымских скифов были и многочисленны и разнообразны. По существу в скифском Неаполе констатированы все сельскохозяйственные животные, кроме верблюда. Повидимому, важнейшей основой животноводства у крымских скифов была лошадь, использовавшаяся не только как транспортное животное, но и широко употреблявшаяся в пищу. Даже если оставить в стороне раскоп А, где большое количество костей лошади обусловлено наличием специальных конских погребений, и рассмотреть лишь раскоп Б, кости из которого представляют собой кухонные остатки, то преобладание лошади над всеми остальными животными представляется вполне очевидным:

лошадь	1496 костей	— 38,4%
мелкий рогатый скот .	1143 »	— 29,4%
крупный » »	977 »	— 25,1%
свинья	270 »	— 7,0%
осел .	6 »	— 0,1%
		100,0%

Как видно из приведенных выше цифр, кости лошади составляют более 38% всех определенных костей из этого раскопа. Второе место занимает

мелкий рогатый скот (овца и коза), а третье принадлежит крупному рогатому скоту. Свиноводство, как можно думать, было в скифском Неаполе развито довольно слабо, и мясо свиней в питании населения большой роли не играло. Что же касается ослов, то они, видимо, были у скифов редки.

Представляется уместным коснуться в этой статье, хотя бы в самой краткой форме, некоторых данных, полученных в результате изучения костных остатков из греческих поселений Крыма, близких скифскому Неаполю во времени и территориально.

Так, например, изучение костей из Пантикапея (раскопки В. Д. Блаватского в 1945 и 1946 гг.) обнаружили следующие соотношения по числу костей между основными видами домашних животных:

крупный рогатый скот	40,6%
мелкий » »	36,0%
лошадь	12,4%
свинья	11,0%
	100,0%

Любезно предоставленные нам В. Ф. Гайдукевичем данные, полученные Карачаровским при исследовании костного материала из четырехлетних раскопок Мирмекия и Тиритаки, дают следующую картину:

Мирмекий

Крупный рогатый скот	42,7%
Мелкий » »	40,8%
Лошадь	10,8%
Свинья	5,1%
Осел	0,6%
	100,0%

Тиритака

Крупный рогатый скот	51,0%
Мелкий » »	36,3%
Лошадь	8,5%
Свинья	4,0%
Осел	0,2%
	100,0%

Обращает на себя внимание, что соотношения между основными видами домашних животных, обнаруженных в указанных выше греческих поселениях, во всех трех случаях довольно сходны. Основную массу костей составляют повсюду остатки крупного рогатого скота (от 40,6% в Пантикапее до 51,0% в Тиритаке). Несколько уступают им, но также многочисленны кости овец и коз (от 36,0% в Пантикапее до 40,8% в Мирмекии). Что же касается лошади, то количество костей ее невелико и составляет от 8,5% в Тиритаке до 12,4% в Пантикапее. Еще меньше костей свиньи, только в Пантикапее достигающих 11,0%, а в остальных — всего 4,0 и 5,1%. Наконец, на последнем месте находится осел, кости которого в Пантикапее нами вовсе не обнаружены, а в Тиритаке и в Мирмекии составляют ничтожную величину — 0,2 и 0,6%.

Сравнивая данные по указанным греческим поселениям с теми, которые приведены нами для скифского Неаполя, легко заметить, что по численным соотношениям костей они существенно отличаются друг от друга. В скиф-

ском Неаполе наибольшее число костей принадлежит лошади, тогда как в греческих поселениях они играют совершенно второстепенную роль. Кости крупного рогатого скота, составляющие в остатках из греческих поселений основную массу материала, в скифском Неаполе находятся на третьем месте, уступая и лошади, и мелкому рогатому скоту. Обнаруживаются вместе с тем и известные черты сходства, выражающиеся в малом количестве костей свиньи и особенно осла.

Исследованные нами кости в основной своей массе представляют кухонные остатки. Приведенные численные соотношения характеризуют прежде всего значение отдельных видов домашних животных в питании человека. Думается, однако, что в какой-то мере они отражают и некоторые особенности, свойственные животноводству крымских скифов, с одной стороны, и греческих поселений — с другой. С этой точки зрения можно, повидимому, высказать предположение, что основу животноводства у скифов составляла лошадь, использовавшаяся широко и универсально, тогда как у греков преобладающее значение имел крупный рогатый скот.

Заканчивая на этом изложение важнейших данных, полученных в результате изучения костных остатков из скифского Неаполя, хочется остановиться еще на одной любопытной детали. Мы имеем в виду уже отмечавшееся нами ранее полное отсутствие костей рыб. В то же самое время остатки из греческих поселений изобилуют костями рыб, створками съедобных моллюсков, костями дельфинов, ясно свидетельствующими о достаточно высоко развитом рыболовстве и других морских промыслах. Правда, конечно, территориально скифский Неаполь был расположен в значительном удалении от моря, но все же он находился в непосредственной близости к реке Салгир. Как можно сейчас предполагать по ряду данных, во времена скифского Неаполя эта река была более многоводной, нежели теперь. Вполне вероятно, что и рыбные богатства этой реки были существенно больше современных, и какие-то возможности для рыболовства имелись. Интересно, что, по сообщению П. Н. Шульца, кости рыб не были обнаружены и в поселениях скифов в Евпаторийском районе, где, несомненно, условия для рыболовства были вполне благоприятны. Объяснить отсутствие костей рыб в остатках из скифских поселений чисто случайными причинами вряд ли возможно,— настолько обширны исследованные в настоящее время материалы. Едва ли может быть объяснено оно и недостаточностью природных ресурсов для этого промысла. Поэтому возникает предположение, что рыболовство у крымских скифов или вообще отсутствовало, или было развито весьма слабо и не играло сколько-нибудь значительной роли в питании населения.

Что касается найденных нами в скифском Неаполе костей птиц, то из 84 экземпляров 76 принадлежат курице, а 8 остальных — мелким воробьиным птицам.

Н. А. БЕРЕГОВАЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА ОСТРОВЕ ЧЕТЫРЕХСТОЛБОВОМ

(*Медвежьи острова к северу от устья р. Колымы*)

В 1948 г. сотрудник Гидрографического управления Главсевморпути А. М. Сырчин обнаружил на северном высоком берегу о. Четырехстолбового, недалеко от его восточной оконечности с кекуром «Одинокий» и рядом с бухтой, куда прибивает большое количество леса-плавника, три холмика с углублениями посредине. Подобные насыпи были встречены и на западном мысе «Грибок».

Такие холмики, широко распространенные по арктическому побережью северо-востока Сибири, давно были известны как остатки крытых землей полуподземных жилищ древнего прибрежного населения, но лишь немногие из них были раскопаны. Тем более ценны результаты небольших раскопок А. М. Сырчина, которые он провел летом 1948 и 1949 гг. на одном из северных холмиков о. Четырехстолбового.

По наблюдениям А. М. Сырчина, которыми он любезно с нами поделился, древнее жилище представляло собой насыпь из земли и камня, имевшую в диаметре около 6 м и в вышину 1,5 м, с округлым углублением посредине (вероятно, от обвалившейся крыши) около 3,5 м в диаметре. Сбоку в насыпи намечалось заплывшее удлиненное углубление, идущее от ее середины по направлению к морю,— быть может, остаток входного коридора.

Раскоп А. М. Сырчина (размером 2,5×1 м) не доходил до центральной части жилища. Он прорезал его стену, сделанную из вертикальных бревен, между которыми была обнаружена засыпка (толщиной около 60 см) из земли и крупных галек. Такие же камни, вероятно, упавшие с крыши, попадались в центральной округлой западине. В середине этого углубления и на его неразрытом крае, противоположном раскопу, также выступали вертикально поставленные бревна, составлявшие части конструкции жилища.

Процесс раскопок, как всегда в Арктике, был очень медленным, так как вскрывавшаяся постепенно промерзшая поверхность должна была долго оттаивать; в середине жилища был обнаружен целый пласт льда. В раскопе попадались в большом количестве кости нерпы, иногда лахтака и песца, и обломки очень грубых толстостенных глиняных сосудов. В центральном углублении были найдены: большая грубая жировая лампа,

нож из шлифованного сланца, крупная деревянная рукоять мотыги или тесла, наконечник поворотного гарпуна, точильные камни, костяная рукоятка с остатками железного лезвия и другие предметы. На склоне холма обнаружены: сланцевые скобели и наконечники стрел и гарпунов из кости и дерева. Тут же найден мешочек из шкуры нерпы, что-то вроде кисета с остатками сухих листьев внутри. Эта последняя находка и обломки керамики оставлены на месте раскопок.

Жилище на о. Четырехстолбовом, наряду с другими, известными ранее развалинами на Медвежьих островах, представляет собой крайнее западное звено в длинной цепи древних полуземлянок морских зверобоев в виде холмиков с провалом посредине, тянущейся по берегу Северного Ледовитого океана от устья Колымы до мыса Дежнева и далее по всему побережью Чукотского полуострова, описания которых встречаются у русских промышленников и мореходов XVIII в. и у путешественников XIX и начала XX в.

В 1763 г. сержант Анадырской команды Андреев, посланный для обследования Медвежьих островов к северу от устья р. Колымы, доносил, что на «третьем Видимом Острове», на северной стороне, у ручья «была юрта из наносного лесу, который оставлен был стойком, коя вся развалилась.

Подле той же юрты два погреба в длину и поперег по две сажени печатных; в них спущены в землю стены досчатые, а поверх обложены были срубы. Заугольники рублены також не железным топором...», а, как он говорит в другом месте, «каменным или костяным, подобие как зубами грызено». Такие же юрты из наносного леса были обнаружены на первом и пятом «Видимом Острове» [1]. Ф. П. Врангель в описании своего Путешествия по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю в 1820—1824 гг. пишет, что на третьем Медвежьем острове, на северной стороне восточного мыса находился вырытый в земле погреб, внутренние стороны которого были обставлены обтесанными бревнами. Недалеко на берегу было найдено старое весло с двумя лопастями, несколько оленьих рогов и человеческие кости [2]. Врангель сообщает также, что на «восточнейшем из Медвежьих островов» экспедиция нашла «4 столба, состоящие из гранитного порфира; наибольший из оных имел вышины 48 футов, а в окружности 91 фут» и что этот остров получил название Четырехстолбового [3].

Спутник Врангеля, колымский купец Ф. В. Бережной, присоединившийся к экспедиции «из любопытства» и все время бескорыстно ей помогавший, записывает в своем путевом дневнике: «Описывали тот остров в окружности на 42 версты. Нашли на оном острову два полоза саношных, оленьи рога ветхие. Примечанию достойное: на южной стороне острова в каменном утесе медная и железная руда...». О других островах из группы Медвежьих, обследованных экспедицией, Бережной сообщает, что на них «земля большей частью каменистая, есть и песчаные яры; возле опадающие с гор источины. На север отстоящем острову, на южной стороне оного

---

[1] Журнал Анадырской команды сержанта Андреева, веденной во время путешествия по берегам Ледовитого моря. Сибирский вестник, ч. IV, кн. 23, 24, 1823, стр. 67, 68, 70.

[2] Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 21, 22, 23 и 24 гг., ч. II, СПб., 1841, стр. 44.

[3] Известие об экспедициях к северным берегам Сибири, составленное капитан-лейтенантом Литке. Записки, издаваемые Гос. адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности, ч. VI, СПб., 1824, стр. 90, 91.

нашли две ветхие обваленные юрты на манер якутских, ветошное весло и прочие деревянные изделия»[1].

В 1925 г. во время плавания судна «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского на о. Четырехстолбовом были найдены шесть холмиков с провалом посредине, по три — на западной и южной сторонах острова. Близ южных холмиков было разбросано много тюленьих костей, черепков глиняной посуды и между ними найдено несколько обломков каменных ножей, два наконечника копья из камня и два наконечника гарпунов из моржовой кости[2]. Повидимому, на этом же месте, на южной стороне острова, по сведениям А. М. Сырчина, в последние годы тоже находили черепки.

В 1787 г. Г Сарычев, бывший в составе географической и астрономической экспедиции капитана Биллингса, нашел в небольшой бухте севернее «Баранова камня» на берегу ручья «обвалившиеся земляные юрты не в далеком одна от другой расстоянии. Сделаны они были сверх земли и казались круглыми, в диаметре сажени три. По разрытии земли в средине нашли кости тюленьи и оленьи, также много черепьев от разбитых глиняных горшков и два каменные треугольные ножа»[3]. Это были первые археологические раскопки на территории Советской Арктики.

Более чем через полтораста лет после Сарычева, в 1946 г. Колымская экспедиция Института истории материальной культуры Академии Наук СССР и Арктического института Главсевморпути под руководством А. П. Окладникова вновь открыла описанное Сарычевым древнее поселение. Два холмика-жилища в «Бухте Сарычева» и одно — в соседней «Бухте Второй», или «Восточной», были раскопаны и, по описанию А. П. Окладникова, представляли собой «остатки своеобразных деревоземляных сооружений, внутри которых было найдено большое количество костей тюленя и моржа, много черепков толстостенных круглодонных сосудов, также шиферные ножи, тесла, костяные наконечники гарпунов и скульптурные изделия из моржового клыка[4].

К востоку от Баранова мыса на о. Айон в Чаунской Губе в 1920 г. были обнаружены семь больших «курганов», вышиной от 0,6 до 1 м и от 10 до 15 м в диаметре, с углублением в середине и с входным коридором длиной от 6 до 8 м, образованным двумя параллельными земляными стенками и ведущим к морю. Между этими холмиками было еще 10—12 округлых насыпей, вероятно, остатков меньших жилищ. Вокруг них попадались «черепки примитивной кухонной посуды, каменные ножи и обожженные кости»[5]. Далее к востоку от мыса Шелагского и до Берингова пролива, по описанию Врангеля, на всем протяжении берега были видны развалины жилищ, несколько углубленных в землю и покрытых китовыми ребрами и землей. Так, например, на севере и западе о. Шалаурова высокие

[1] Б. А. Вальская. Путевой журнал колымского купца Ф. В. Бережного, участвовавшего в экспедиции Ф. П. Врангеля на северо-восток Сибири. ИВГО, т. 80, вып. 3, май — июнь 1948, стр. 277—279.

[2] Материалы Комиссии по изучению Якутской АССР, вып. 30, Изд. Академии Наук СССР, 1930, стр. 212.

[3] Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение осьми лет при Географической и Астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 г., ч. I, СПб., 1802, стр. 95, 96.

[4] А. П. Окладников. Древние культуры северо-востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае. ВДИ, 1947, № 1, стр. 179—182.

[5] Материалы Комиссии по изучению Якутской АССР, 1930, стр. 211; Th. Mathiassen. Archaeology of the Central Eskimos. Report of the V-th Thule Expedition 1921—1924, v. IV, p. II. Copenhagen, 1927, стр. 154.

скалы были покрыты китовыми ребрами, представлявшими собой «следы хижин народа, некогда здесь обитавшего и питавшегося рыбой и морскими млекопитающими, преимущественно китами, употребляя их ребра вместо бревен при сооружении хижин»[1]. Там же были найдены два больших холма того же типа, как и на о. Айон, и вокруг них черепки глиняной посуды[2].

Во время экспедиции на «Веге» в 1878 г. были обнаружены остатки древнего поселения у мыса Шмидта (или, как его называли чукчи, Иркайпий), на косе, соединяющей мыс с материком. Жилища были построены из китовых костей и покрыты землей. В кучах отбросов вблизи развалин участники экспедиции нашли кости китообразных, а также тюленей, моржей, оленей, собак, песцов и птиц, и предметы из камня и кости. Между ними были каменные топоры, еще державшиеся в деревянных или костяных рукоятках, каменное долото с костяной рукояткой, сланцевые двулезвийные и однолезвийные ножи с черенком и обломок «женского ножа», наконечник копья, тяжелая пешня и клин — из моржового клыка, наконечники стрел с бородками и коническими черенками, обломок орнаментированного игольника, сланцевые точильные камни, обломки керамики, один целый наконечник гарпуна с открытым гнездом и двумя боковыми бородками и т. д.[3]

В 90-х годах прошлого века в этнографической работе об эскимосах Берингова пролива было дано описание древнего поселения на мысе Ванкарем: развалины имели вид холмиков, с ямой посредине и траншеей-входом, направленным к морю. Возле них лежали многочисленные ребра и челюсти кита; одна из китовых костей выступала наружу из холмика; очевидно, они служили материалом для каркаса жилищ[4].

Доктор Кибер, состоявший в Нижне-Колымском отряде Северной экспедиции, в 1824 г. описывает такие же жилища, встреченные им на берегу Колючинской губы[5].

По всему побережью Чукотского полуострова также были известны остатки жилищ в виде холмиков с провалом посредине, выложенных внутри бревнами и китовыми костями. В них попадались старинные орудия из моржовых клыков или камня, глиняная посуда и множество костей животных[6]. С. И. Руденко сообщает, что во время разведок 1945 г. на Чукотском полуострове он встречал развалины полуземлянок вместе с другими остатками древнеэскимосской культуры, начиная от мыса Дежнева, повсюду вдоль побережья от Берингова пролива до мыса Беринга, а также в южной части Анадырского залива[7].

Таким образом, древние прибрежные поселения были известны от мыса Беринга до устья Колымы и, вероятно, далее на запад. В начале XIX в. промышленник Санников, по сведениям Геденштрома, обнаружил на Ново-Сибирских островах остатки «юкагирских жилищ» и вывез оттуда: «обделанную кость с выемкой, в которую вкладывался острый камень из

---

[1] Ф. П. Врангель. Ук. соч., II, стр. 295 и 333.

[2] Материалы Комиссии по изучению Якутской АССР, 1930, стр. 224.

[3] А. Э. Норденшельд. Плавание на Веге. Изд. ГУСМП, Л., 1936, II, стр. 96—98; Th. Mathiassen. Ук. соч., II, стр. 179.

[4] E. W Nelson. The Eskimo about Bering Strait. Eighteenth Annual Report, Bureau American Ethnology, I. Washington, 1899, стр. 265—266.

[5] Д-р Кибер. Чукчи. (Перевод с рукописного сочинения доктора Нижне-Колымского отряда Северной экспедиции Кибера). Сибирский вестник, 1824, ч. II, кн. 9—10, стр. 123.

[6] Материалы Комиссии по изучению Якутской АССР, 1930, стр. 237.

[7] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. Изд. ГУСМП, М.—Л., 1947, стр. 70.

шифера для сбития с оленных кож шерсти» и топор из мамонтовой кости[1]. По свидетельству Врангеля, в устье Индигирки находили развалины хижин, которые назывались «омокским юртовищем»[2].

Из описаний этих поселений видно, что крытые землей жилища из леса-плавника на о. Четырехстолбовом и на некоторых других из группы Медвежьих островов имеют больше всего сходства с такими же сооружениями ближайшего к островам древнего поселения у Баранова мыса.

Находки весла, полозьев саней и оленьих рогов указывают на связи островов с материком.

Далее к востоку от мыса Шелагского появляются полуземлянки из китовых костей. Жилища с деревянным каркасом, близкие по конструкции к постройкам на Медвежьих островах и Барановом мысе, известны только на арктическом побережье Аляски: в районе Бирнирк близ мыса Барроу и в Ипиутаке на мысе Хоп.

Интересные параллели нашим находкам на крайнем севере Аляски мы знаем, к сожалению, только по весьма противоречивым публикациям различных американских авторов и их чрезвычайно сложным хронологическим схемам. Однако общее сходство древней арктической культуры морских зверобоев на обоих континентах не подлежит сомнению.

Самым древним типом жилища на Аляске считаются дома в Ипиутаке, обширном сезонном поселении морских зверобоев и охотников на карибу на мысе Хоп, открытом и исследованном в 1939—1941 гг. Ипиутакский дом — небольшая, слегка углубленная в землю куполообразная хижина, размерами в среднем около 4—5 кв. м, четыреугольная, с четырьмя столбами по углам. Стены состоят из перпендикулярных или наклонных столбов, прислоненных к основной раме; по трем сторонам жилища устроены невысокие спальные платформы из гравия. Крыша была, вероятно, плоская с отверстием для дыма посредине. Остов сооружения был покрыт дерном и сверху засыпан землей или снегом. В большей части домов Ипиутака у западной стены были найдены следы входного коридора на одном уровне с полом[3].

Дальнейшее развитие древних жилищ Аляски и арктического побережья Америки можно разделить на следующие основные этапы, пользуясь принятой в настоящее время терминологией:

1. Жилища древнеберингоморской культуры[4]: небольшие полуподземные дома, со стенами из горизонтально положенных бревен, с длинными входными коридорами ниже пола.

---

[1] Путешествие Геденштрома по Ледовитому морю и островам оного, лежащим от устья Лены к востоку. Сибирский вестник, 1822, ч. XVIII, стр. 119, 120 и ч. XX, стр. 176.

[2] Ф. П. Врангель. Ук. соч., II, стр. 81—82. С. И. Руденко полагает, что западнее устья Колымы едва ли можно будет обнаружить какие-либо следы культуры приморских зверобоев, так как основными районами промысла морского зверя являются Берингово и Чукотское море. В Восточно-Сибирском море его добывается очень мало, а в море Лаптевых встречаются только отдельные экземпляры. Поэтому у приморских зверобоев не было никаких стимулов для продвижения на запад вдоль арктического побережья (ук. соч., стр. 113). Однако в конце XVIII и в начале XIX в. здесь, повидимому, существовали более благоприятные условия для морской охоты. Сарычев (1802 г.) и Кибер (1824 г.) отмечали, что в окрестностях Баранова камня было множество белуг, тюленей и моржей, встречались также и киты. Можно допустить, следовательно, что благоприятные для приморской охоты условия на арктическом побережье Сибири существовали и в более ранние периоды.

[3] H. Larsen and Fr. Rainey. Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture. Anthropological papers of the American Museum of Natural History, v. 42, New York, 1948, стр. 40—42 и 45.

[4] Около начала нашей эры. Ее начальные стадии, повидимому, одновременны с древней эскимосской культурой ипиутак.

2. Жилища культуры пунук[1] того же типа, но более крупных размеров, со стенами, сложенными в основном из камня и китовых костей. Входной коридор — на одном уровне с полом жилища, с круглым расширением или отделением при входе. Остатки древнеберингоморской и пунукской культур известны на о. св. Лаврентия в Беринговом море и на обоих берегах и островах Берингова пролива.

3. Жилища культуры бирнирк[2], открытые в 1918—1919 гг. в районе Бирнирк, к юго-западу от мыса Барроу, четырехугольные, со стенами из вертикально поставленных бревен, вышиной от 2 до 3 футов; размеры — от 45×18 до 15×10 футов. Бревенчатые крыши этих домов с квадратными отверстиями посредине (для освещения, так как в домах не было очагов) поддерживались стенами. Стены были обложены блоками дерна, а вся постройка засыпана сверху землей в виде холмика[3]. Остатки этой культуры известны вокруг мыса Барроу, на мысе Хоп и, повидимому, на арктическом побережье Сибири.

4. Жилища культуры туле[4]: полуподземные округлые из китовых костей и камня, с крышами из китовых ребер, крытые дерном с входным коридором ниже или на уровне пола.

Интересующие нас жилища Медвежьих островов и Баранова мыса не были полностью раскопаны и опубликованы, и поэтому мы не можем восстановить их конструкции, но те черты, которые стали известны, сближают их, скорее всего, с древним арктическим типом дома эскимосской культуры бирнирк.

А. П. Окладников дает следующее предварительное описание исследованных им древних сооружений у Баранова мыса: «Крыша их была засыпана толстым слоем земли, а стены были устроены из наклонно вкопанных в глинистую почву тундры и плотно примыкавших друг к другу в виде «частокола» тонких столбов. Нижние концы столбов обработаны были совсем не так, как столбы нашего времени. Древние строители оставили на них следы не острого металлического, а тупого каменного топора... Тем не менее древние обитатели «бухты Сарычева» сумели построить достаточно внушительные по тем временам жилища: одно из них по своей площади превышало в общей сложности 100 кв. м и состояло из собственно жилища и двух хозяйственных пристроек, расположенных по бокам туннелеобразного входного коридора».

Об образе жизни и занятиях этих древних морских охотников-зверобоев свидетельствуют обилие костей тюленя, моржа, изредка — кита и китовый ус. В одном жилище нашлось целое ребро кита, служившее, повидимому, балкой[5].

Сержант Андреев, описывая развалившуюся «юрту» на одном из Медвежьих островов, также указывал, что она строилась, вероятно, каменным топором и что стены ее были сделаны из бревен плавника,

---

[1] Около 500—1400 г. н. э. Развивается из древнеберингоморской, но включает некоторые азиатские элементы. — H. B. Collins. Archeology of St. Lawrence Island, Alaska. Smithsonian Miscellaneous Collections, vol. 96, № 1. Washington, 1937, стр. 260—261.

[2] Вторая половина I тысячелетия н. э. Одновременна раннепунукской.

[3] A. Mason. Excavations of Eskimo Thule Culture Sites at Point Barrow, Alaska. 23-th International Congress of Americanists, New York, 1930, стр. 383—394.

[4] Развивается на базе бирнирк и одновременна с развитым пунуком. На рубеже I и II тысячелетий н. э. распространяется на восток по арктическому побережью Канады до Гренландии. Отдельные находки ее имеются на мысе Хоп, на мысе принца Уэльского (Аляска) и на нашем арктическом побережье (мыс Шмидта); Th. Mathiassen. Ук. соч., II, стр. 133—158; H. B. Collins. Outline of Eskimo prehistory. Smithsonian Miscellaneous Collections, vol. 100, Washington, 1940, стр. 562.

[5] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 179—181.

поставленных вертикально; около нее были и пристройки: «два погреба» с досчатыми стенами.

Таким образом, холмики-жилища на Медвежьих островах и на Барановом мысе имели внутри деревянный четырехугольный каркас из вертикально или наклонно поставленных бревен, с боковым входным коридором, у которого в двух случаях были еще хозяйственные пристройки. Жилище, раскопанное А. М. Сырчиным, вероятно имело ту же конструкцию и отличалось лишь одной интересной деталью: двойной стеной из бревен, с засыпкой из земли, и камней посредине. Возможно, что в этом жилище не было очага, на что указывает находка глиняной жировой лампы. Стены из вертикально или наклонно поставленных бревен, обложенные дерном, характерны и для ипиутакских жилищ, но пристройки у боковых входных коридоров и жировые глиняные лампы вместо очага встречаются на более поздней стадии бирнирк.

К типам этой древней эскимосской культуры, повидимому, принадлежит также инвентарь в жилищах Баранова мыса и находки на о. Четырехстолбовом [1].

Главным датирующим элементом в инвентаре древнеэскимосских поселений являются наконечники поворотных гарпунов. На о. Четырехстолбовом в раскопе А. М. Сырчина и среди старых находок имеется всего 5 наконечников гарпунов из кости и моржового клыка и один деревянный, повидимому детская игрушка. Все они являются поворотными наконечниками, которые и до сих пор применяются эскимосами в охоте на морского зверя [2]. Среди них можно различить два основных типа. Первый, к которому относится большая часть наконечников о. Четырехстолбового (4 экземпляра), принадлежит к культуре бирнирк. Для нее характерны костяные наконечники гарпунов с открытым гнездом, двумя пазами для боковых каменных вкладышей и сложной боковой шпорой у основания; встречаются также наконечники с одним боковым каменным вкладышем и противолежащей ему бородкой. Наконечники гарпунов о. Четырехстолбового отличаются от типов бирнирка на мысе Барроу простой базальной шпорой. Только в одном случае (находки 1925 г.) на ней намечается раздвоение орнаментального характера. Это обстоятельство указывает, вероятно, на более позднее происхождение наших находок по сравнению с гарпунами бирнирк. Второй, более поздний тип наконечников гарпунов на о. Четырехстолбовом (1экземпляр), относится к туле-пунукскому периоду, для которого характерны тонкие простые наконечники гарпунов с открытым гнездом без вкладышей и бородок. В жилище, раскопанном А. М. Сырчиным, встречено четыре наконечника гарпунов.

№ 1[3]. Костяной наконечник гарпуна без концевого копьеца с открытым гнездом и двумя боковыми пазами для каменных вкладышей под прямым углом к плоскости круглой прорезанной дыры для линя и сломанной боковой шпорой в основании. Наконечник имеет круговой желобок для обвязки (пояска) гнезда. Над дырой с обеих поверхностей сделаны

[1] Коллекция Баранова мыса еще не описана. Ссылки даются на часть материала этой коллекции, любезно предоставленную мне А. П. Окладниковым.

[2] Поворотные наконечники гарпунов характеризуются следующими чертами: заостренные к верхнему концу, иногда оснащенные концевым каменным копьецом, все они имеют посредине дыру для линя; в нижней части орудия сделаны открытое или закрытое гнездо-втулка, в которую входит заостренный конец древка гарпуна (точнее — промежуточный колок, вставляющийся в древко), и в косо срезанном основании — базальная шпора. Благодаря такому устройству наконечник, попавший в тело животного, как только натягивается веревка, соскакивает с промежуточного колка и поворачивается перпендикулярно входному отверстию раны.

[3] Номера предметов даны по предварительным описям коллекций о. Четырехстолбового и Баранова мыса.

Находки 1948—1949 гг. в древнем жилище на о. Четырехстолбовом

1—3 — костяные наконечники гарпунов; *4* — деревянный наконечник гарпуна (игрушка); *5* — амулет (коготь); *6* — игольник из птичьей кости; *7—8* — обломки острий из кости и рога. Нат. вел.

небольшие орнаментальные треугольники, служащие как бы ее продолжением. Под ней, вероятно, для удобства продевания веревки, с одной стороны орудия сделано полуовальное углубление, а с другой — желобок, соединяющий дырку с гнездом. Поперечное сечение линзовидное. Длина — 9 см (табл. I, *1*).

На Барановом мысе основную массу наконечников гарпунов (22 из 29 экземпляров) составляют те же бирнирские типы, какие мы встречаем на о. Четырехстолбовом. Ближайшими аналогиями с № 1 являются наконечники № 28 (бухта Сарычева, жилище V; рис. 1,*3*) и № 15 и 162 (жилище I), хотя они отличаются устройством желобков и прорезей для пояска гнезда. № 28 и 15 крупные и массивные; № 162— миниатюрный наконечник гарпуна, служивший, вероятно, для охоты на рыбу [1].

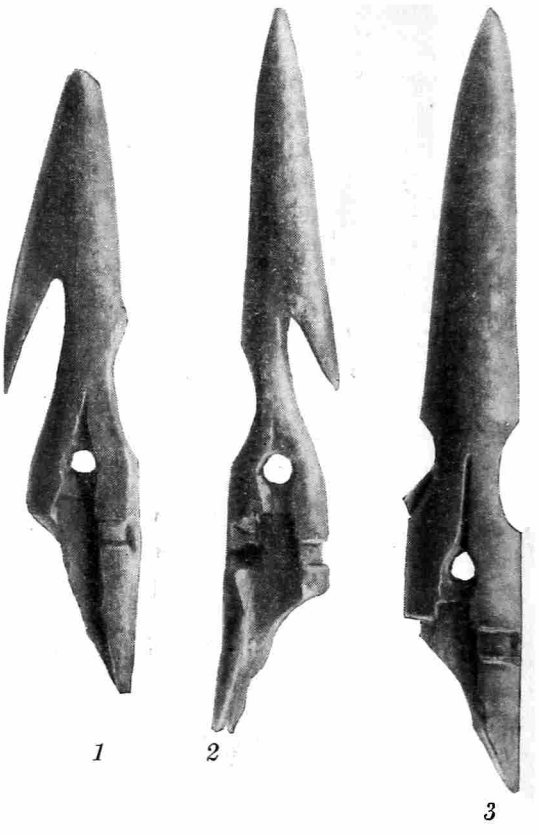

Рис. 1. Наконечники гарпунов. Раскопки А. П. Окладникова на Барановом мысе. Бухта Сарычева, жилище V. Нат. вел. (По А. П. Окладникову, см. ВДИ, 1947, № 1, рис. 2)

На Чукотском полуострове находки наконечников гарпунов типа бирнирк довольно многочисленны и, по описанию С. И. Руденко, приурочены к району Берингова пролива на севере и мыса Беринга на юге [2]. Наконечники с двумя боковыми вкладышами имеют обыкновенно сложную шпору и прорези для пояска гнезда; экземпляры с круговым желобком для обвязки гнезда отсутствуют. Таким образом, полных аналогий с нашим наконечником нет. Наиболее близким по типу является один экземпляр из пунукского слоя поселения Сирэник (бухта Провидения).

В районе мыса Барроу, в частности в Бирнирк, известно много наконечников этого типа [3], но все бирнирские наконечники гарпунов с двумя боковыми вкладышами, имеют сложные (двойные и тройные) базальные шпоры, за исключением одного экземпляра из Бирнирк, опубликованного в 1933 г. [4]

№ 2. Костяной наконечник гарпуна, тонкий, заостренный на верхнем конце, без копьеца, с боковой бородкой и проти-

[1] Н. А. Береговая. Наконечники гарпунов из древних поселений Баранова мыса. (Раскопки Колымской экспедиции 1946 г.), МИА, № 39, 1953, рис. 6, *1, 2, 6*.

[2] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 73, табл. 19, рис. 11.

[3] A. Mason. Aboriginal American Harpoons. Annual report of the U. S. National Museum for the year 1900. Washington, 1902, стр. 72, 77, мыс Барроу; C. Wissler. Harpoons and darts in Stefansson collection. Anthropological papers of the American Museum of Natural History, v. XIV, p. II. New York, 1916, рис. 3, *b*, *c*, Бирнирк; A. Mason. Excavations..., табл. V, рис. 9, мыс Барроу.

[4] H. B. Collins. Archaeological investigations at Point Barrow. Alaska. Explorations and field work of the Smithsonian Institution in 1932. Washington, 1933, рис. 45, *c*, Бирнирк.

волежащим ей пазом для бокового каменного вкладыша под прямым углом к плоскости овальной прорезанной дыры для линя. Простая боковая базальная шпора обломана на конце. Обработка наконечника не закончена: открытое гнездо только намечено; не сделаны желобки для обвязки гнезда. Имеется одна боковая прорезь для пояска, выходящая на спинку орудия. Поперечное сечение — в форме линзы. Длина — 8 см (табл. I, *2*).

К этому же типу относятся два тоже небольших наконечника из моржового клыка, найденных на о. Четырехстолбовом в 1925 г.[1] Оба имеют боковую бородку, противолежащей ей паз для каменного вкладыша и боковую базальную шпору. Один из них, который особенно близко напоминает наконечник № 2, имеет одну боковую прорезь для пояска гнезда; другой — повидимому, две прорези по сторонам гнезда, выходящие в квадратный желобок на спинке наконечника, и слегка раздвоенную на конце боковую базальную шпору (рис. 2, *1—2*).

Рис. 2. Наконечники гарпунов. Находки 1925 г. на о. Четырехстолбовом. $^2/_3$ н. в. (По Матиассену, см. ук. соч., II, рис. 12)

Ближайшими аналогиями наконечнику № 2 о. Четырехстолбового на Барановом мысе являются № 26 и 27 из жилища V, № 17 и 19 из жилища I в бухте Сарычева и три сломанных наконечника: № 1 (жилище V) и № 21, 22 (жилище I). Все они более крупные, чем наш экземпляр; в двух случаях имеют слегка раздвоенную на конце базальную шпору и некоторые элементы орнамента: треугольники над дырой для линя, нарезки на шпоре и т. д. (рис. 1, *1—2*) [2].

На Чукотском полуострове из близких аналогий можно указать только на один экземпляр из пунукского слоя Сирэник — с боковой бородкой, но без противолежащего паза для каменного вкладыша, двумя прорезями для пояска и слегка раздвоенной боковой базальной шпорой [3].

Находки наконечников гарпунов, сходных с № 2, на Аляске сосредоточены главным образом в районе Бирнирк. Все они отличаются от описываемых нами наконечников наличием сложной базальной шпоры [4]. Такой же тип наконечника имеется среди находок на мысе Хоп (с простой базальной шпорой и рудиментарным пазом против боковой бородки. Авторы относят его к западному типу культуры туле [5].

№ 3. Наконечник гарпуна из кости морского животного, тонкий, заостренный кверху, с открытым гнездом и простой боковой базальной шпорой. Под округлой прорезанной дырой для линя с одной поверхности наконечника сделано полуовальное углубление, а с другой — желобок, соединяющий ее с гнездом. Одна прорезь—для пояска гнезда

---

[1] Материалы Комиссии по изучению Якутской АССР, 1930, стр. 212; Th. Mathiassen. Ук. соч., II, стр. 180, рис. 12, *1—2*.

[2] А. П. Окладников. Ук. соч., рис. 2; Н. А. Береговая. Ук. соч., рис. 7, *1*, *4*, *5*, *6*, *9*, *10*, *11*.

[3] С. И. Руденко. Ук. соч., табл. 19, рис. 13.

[4] C. Wissler. Ук. соч., рис. 3, *d*; 4, *a*, *b*, *c*, *d*; A. Mason. Excavations..., табл. V, рис. 10—11; H. B. Collins. Archaeological investigations at Point Barrow, рис. 45, *a*.

H. Larsen and F. Rainey. Ук. соч., табл. 95, рис. 2.

с противолежащим ей желобком, который заходит на спинку орудия. Поперечное сечение — в форме линзы. Длина — 8 см (табл. I, *3*).

В коллекции Баранова мыса имеется всего 2 экземпляра подобных наконечников. Почти полное сходство представляет наконечник № 29 из жилища I в бухте Сарычева — такой же величины, отличающийся только треугольной формой дыры для линя [1]. В жилищах Баранова мыса эти наконечники представляли собой более позднее явление и могли быть занесены извне.

По описанию С. И. Руденко, тот же тип тонких в форме ивового листа наконечников хорошо представлен в собраниях Чукотского полуострова; он встречается здесь, главным образом, в поздних комплексах, относящихся к концу пунукской стадии и хронологически уже к началу торговых сношений с русскими [2].

Только один такой наконечник имеется в бирниркской коллекции с мыса Барроу [3] Немногочисленные находки этого типа наконечников гарпунов на о. св. Лаврентия относятся к развитому пунуку [4]. Среди наконечников культуры туле — центральных и гренландских эскимосов этот тип («туле I») считается ранней и редкой формой. Они служили как для охоты на лосося, так и на тюленя [5].

№ 4. Деревянный наконечник гарпуна, тонкий, заостренный, с открытым гнездом, напоминающий по форме № 3. Поперечное сечение линзовидное. Длина — 9 см. Незаконченный экземпляр; повидимому — игрушка (табл. I,*4*).

№ 5. Острие из моржового клыка, сломанное на нижнем конце. Кончик орудия заполирован. С левого края сделаны глубокие нарезки, которые продолжаются тонкими нацарапанными поперечными линиями на верхней поверхности. Обломок мог служить заготовкой для гарпуна, хотя в основании острия не сделано характерного косого среза для базальной шпоры. Поперечное сечение круглое наверху и четырехугольное в основании. Длина — 9,5 см (табл. I, *8*).

№ 13. Заостренный обломок оленьего рога с глубокой нарезкой-желобком вдоль одного края. Косо сломанное основание и нарезки на верхней гладкой поверхности позволяют предположить, что острие было заготовкой для гарпуна. Поперечное сечение треугольное. Длина — 8 см (табл. I,*7*).

Наряду с орудиями морского промысла в жилище на о. Четырехстолбовом были найдены также орудия охоты на наземных животных и птиц и различные предметы домашнего обихода.

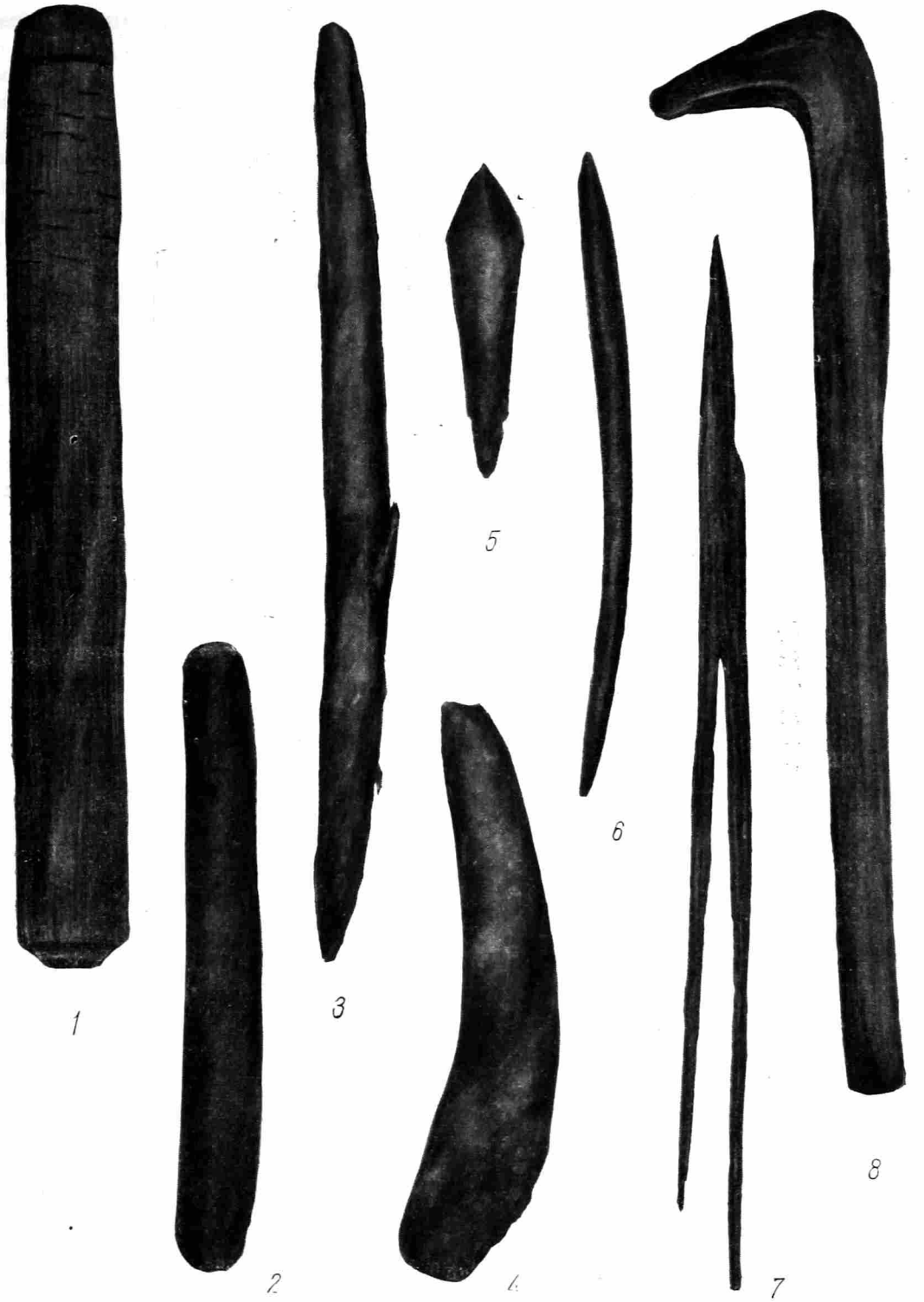
№ 7. Костяной наконечник стрелы в виде тонкого, слегка изогнутого стержня с одним более толстым, заостренным кверху концом и другим — тонким и уплощенным. Поперечное сечение круглое. Длина — 11,3 см (табл. II, *6*).

Близкой аналогией этому орудию является роговой наконечник стрелы № 15 из жилища V в бухте Сарычева на Барановом мысе — с несколько уплощенным острием и косо срезанным черенком в основании.

С. И. Руденко сообщает, что простые наконечники стрел существовали на Чукотском полуострове в наиболее древних (уэленской и древнеберингоморской) стадиях эскимосской культуры. Большей частью они имели

---

[1] Н. А. Береговая. Ук. соч., рис. 8, 7.
[2] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 74; табл. 7, рис. 21 и табл. 13, рис. 3 и 4.
[3] A. Mason. Excavations..., табл. V, рис. 8.
[4] H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, стр. 310, табл. 71, рис. 12.
[5] Th. Mathiassen. Ук. соч., 1927, I, табл. 1, рис. 1.

Находки 1948—1949 гг. в древнем жилище на о. Четырехстолбовом

1 — деревянная рукоятка ножа; *2*, *4* — костяные рукоятки; *3* —костяная рукоятка ножа с остатками железного лезвия; *5—6* — костяные наконечники стрел; *7* — наконечник стрелы деревянный; *8* — большая деревянная рукоятка тесла.

заостренный конический черенок, но иногда и уплощенный, как в нашем экземпляре[1].

На о. св. Лаврентия простые наконечники стрел с коническим черенком появляются только в пунукских слоях; древнеберингоморские наконечники характеризуются боковыми бородками и коническими черенками [2]. Близкую к ним форму имеют наконечники стрел культуры бирнирк [3]. Та же форма черенка отличает все типы наконечников туле. Простые наконечники стрел, сходные с нашими экземплярами, встречаются в более поздних находках на территории центральных эскимосов [4].

Интересные аналогии нашему наконечнику представляют простые наконечники стрел из неолитических находок Шигирского торфяника. Они все имеют, однако, более крупные размеры и ближе напоминают описанный выше наконечник с Баранова мыса (например, № 55-46-258 коллекции Государственного Эрмитажа, круглый в сечении, со срезом в основании, длиной 28 см). Еще больше сходства можно отметить с наконечниками стрел нижнего неолитического слоя стоянки Веретье, которые имеют те же или немного меньшие размеры [5].

№ 8. Деревянный наконечник стрелы с расщепленным основанием и сломанным продольно острием, которое, вероятно, имело прорезь для концевого копьеца. Острие слегка обожжено. Поперечное сечение в утолщенной части орудия приближается к квадратному. Длина — 18,2 см (табл. II, 7).

В коллекции Баранова мыса таких наконечников нет. Наконечники стрел этого типа, который С. И. Руденко считает одним из древнейших на Чукотском полуострове, обнаружены в открытой им древней стоянке в Уэлене (у м. Дежнева)[6]. А. П. Окладников нашел подобные наконечники на р. Бугачан, левом притоке Нижней Лены, в погребениях раннего бронзового века — начала I тысячелетия до н. э.[7]

Аналогичные находки известны также в неолитических остатках на Камчатке[8].

За пределами Азиатского материка единственными и самыми близкими аналогиями являются наконечники стрел из оленьего рога и моржового клыка с концевым копьецом и расщепленным основанием, найденные в погребениях так называемой культуры «близкой ипиутаку» на мысе Хоп. Последняя имеет много общих элементов с комплексом древней эскимосской культуры — ипиутак и в то же время некоторые более поздние типы орудий [9].

№ 6. Костяной наконечник тупой птичьей стрелы с обломанным конице-

---

[1] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 82; табл. 2, рис. 1, Уэлен; табл. 17, рис. 3, Кивак.

[2] H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, стр. 323—324, табл. 74, рис. 14.

[3] A. Mason. Excavations..., стр. 386.

[4] A. Mathiassen. Ук. соч., II, стр. 45—46; I, табл. 65, рис. 17—19 (наконечники имеют трехгранное сечение).

[5] М. Е. Фосс. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье. МИА, № 2, 1941, стр. 212—235, табл. III, рис. 1 и 5.

[6] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 82—83, табл. II, рис. 6—8, Уэлен (костяные наконечники).

[7] А. П. Окладников. Ленские древности. Материалы по древней истории Якутии, вып. 2. Якутск, 1946; его же. История Якутии, т. I. Якутск, 1949, табл. XIX, *1*.

[8] С. И. Руденко. Культура доисторического населения Камчатки. СЭ, 1948, № 1, стр. 153—179, табл. VII, *24*, *28*.

[9] H. Larsen and F. Rainey. Ук. соч., стр. 162, табл. 78, рис. 12—14 и табл. 78, рис. 9.

ским черенком. Поперечное сечение головки четырехугольное. Длина — 5,5 см (табл. II, *5*).

В коллекции Баранова мыса близких аналогий нет.

По мнению С. И. Руденко, такие стрелки применялись также для охоты на пушного зверя, что подтверждается данными сибирской этнографии. На Чукотском полуострове они значительно варьируют по форме и величине и получают широкое распространение в конце пунука; однако они известны еще в уэленском древнем стойбище. Наиболее близкий по форме к нашему наконечнику экземпляр происходит из нижнего горизонта восточного сектора раскопок в Сирэник и относится к пунукскому времени [1].

На о. св. Лаврентия тупые наконечники птичьих стрел появляются только в пунуке [2]. Они довольно часты на мысе Барроу [3]. Известны также в культуре туле [4] и у большинства эскимосских племен Аляски, центральной области и Гренландии, описанных в конце прошлого века [5]. Тупые птичьи стрелки встречаются в северной Евразии, например, в Норвегии (Финмаркен) [6], у коряков, чукчей, в неолитических находках на Камчатке [7] и т. д. Они распространены по всей полярной зоне и, повидимому, принадлежат к материковому охотничьему комплексу орудий.

Наконец, подобные наконечники известны в нижнем неолитическом и верхнем слое (около начала нашей эры) стоянки Веретье [8].

№ 12. Деревянная рукоятка, вероятно, так называемого «мужского» (кинжаловидного с черенком) ножа, с продольным срезом на одном конце, к которому привязывалось сланцевое лезвие. На срезе и на поверхности рукоятки на этом конце сделаны тонкие поперечные нарезки. Конец рукоятки закруглен и отделяется глубокой поперечной нарезкой для удобства привязывания. Этой же цели служили, вероятно, и поперечные нарезки. На противоположном конце рукоятки была сделана, повидимому, шишечка, которая обломана. Она могла служить для подвешивания ножа. Поперечное сечение овальное. Длина — 16,3 см (табл. II, *1*).

В коллекции Баранова мыса имеются только обломки деревянных рукояток ножей.

На Чукотском полуострове, по описанию С. И. Руденко, деревянные рукоятки служили для толстых сланцевых клинков с широким черенком и распространены довольно широко. Ближе всего к нашему экземпляру стоят пунукские (Сирэник) и позднепунукские рукояти (Наукан) у м. Дежнева [9].

В Ипиутаке дерево плохо сохранилось и деревянных рукояток найдено всего три — с боковым лезвием [10]. На о. св. Лаврентия ножи с широкой

---

[1] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря..., стр. 83, табл. 23, рис. 3, Сирэник.

[2] H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, табл. 74, рис. 11.

[3] C. Wissler. Ук. соч., стр. 427, рис. 33. (Коллекция Стефансона).

[4] Th. Mathiassen. Ук. соч., II, стр. 50.

[5] F. Boas. The Central Eskimo. Sixth Annual Report, Bureau American Ethnology. Washington, 1888; J. Murdoch. The ethnological results of the Point Barrow expedition. Ninth Annual Report, Bureau American Ethnology. Washington, 1892.

[6] H. Larsen and F. Rainey. Ук. соч., рис. 12, *b* — наконечник птичьей стрелы из Кельмо.

[7] W. Bogoras. The Chukchee. The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History, v. VII. New York, 1904, I, рис. 74, *f*, *h*, *n*; W. Iochelson. The Koryak — там же, т. X, 1905—1908, II, рис. 96, *c*, *d*.

[8] М. Е. Фосс. Ук. соч., табл. III, 2; табл. V, 7; табл. VI, *2*, *4* и т. д.

[9] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря..., стр. 90, табл. 25, рис. 1, *27* и *35*; табл. 11, рис. 5.

[10] H. Larsen and F. Rainey. Ук. соч., стр. 81.

короткой деревянной рукояткой и лезвием из шлифованного сланца на конце представляют тип, наиболее распространенный — в древнеберингоморских и пунукских слоях [1]. Среди находок в древних бирниркских жилищах у мыса Барроу также встречались деревянные рукоятки ножей с концевым пазом для каменного лезвия [2].

№ 9. Костяная рукоятка ножа, заостренная на нижнем конце, с уплощенным и закругленным верхним концом, у которого сбоку сделан паз для лезвия, длиной около 2,2 см, с сохранившимися остатками железа. Орудие в средней части надломлено, и с этой стороны поверхности обнажен губчатый слой; с другой стороны посредине сделана продольная нарезка, от которой с одного и другого конца отходит по четыре коротких линии в виде «елочки». По всей вероятности, это знак владельца, подобный тем, которые мы встречали на наконечниках копий с мыса Барроу [3]. Поперечное сечение в средней части орудия овальное. Длина — 11 см (табл. II, *3*).

Рукоятки ножей с боковым лезвием у верхнего конца или так называемые ножи для строганья известны по всей эскимосской территории и широко распространены во времени; по словам С. И. Руденко, они до последнего времени употребляются для резания кости или моржового клыка [4].

Наиболее близкую аналогию рукоятке с о. Четырехстолбового представляет костяная рукоятка ножа № 49 из жилища № 1 на Барановом мысе, с сохранившимся в ней боковым железным лезвием. Нижний конец орудия, слегка закругленный, имеет гнездо для концевого лезвия. Посредине рукоятки сделаны продольные и поперечные нарезки (может быть, также знаки собственности.)

На Чукотском полуострове близких аналогий таким рукояткам и железных лезвий нет.

Рукоятки ножей с узкими, около 1 мм, пазами, сделанными сбоку у верхнего конца, известны в Ипиутаке [5]. На о. св. Лаврентия рукоятки этого типа из дерева и кости встречаются, начиная с древнеберингоморской и пунукской стадий [6]. У центральных эскимосов на стадии туле эти ножи были одной из типичных форм [7]. Они были представлены у эскимосов мыса Барроу и состояли из длинной, слегка изогнутой костяной рукоятки и вставленного в нее сбоку у острия небольшого кремневого лезвия, выступающего как в бритве [8]. Такие ножи употреблялись для работы по дереву.

В последнее время стали известны факты употребления железа на самых ранних стадиях эскимосской культуры, например в Ипиутаке, где в древнем жилище было найдено гравировальное орудие с железным острием [9]. Находки на о. Четырехстолбовом и Барановом мысе говорят о том, что железо применялось здесь уже сравнительно широко, так как из него делались не только острия, но и довольно крупные лезвия ножей. Уже

---

[1] H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, стр. 333, табл. 38, рис. 1; табл. 29, рис. 11.
[2] A. Mason. Excavations..., стр. 386.
[3] C. Wissler. Ук. соч., рис. 32, 35. (Коллекция Стефансона).
[4] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 90.
[5] H. Larsen and F. Rainey. Ук. соч., стр. 81—82, табл. 8, рис. 2—7.
[6] H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, стр. 333, табл. 38, рис. 2, 3 и табл. 78, рис. 1, 2.
[7] Th. Mathiassen. Ук. соч., II, рис. 1, *21*; I, табл. 18, рис. 2—6; табл. 37 рис. 10.
[8] J. Murdoch. Ук. соч., стр. 219 и сл., рис. 115, *a*, 116 и 117, *a*, *b*.
[9] H. Larsen and F. Rainey. Ук. соч., стр. 82—83, табл. 8, рис. 24.

в I тысячелетии до н. э. железо распространилось по большей части территории Сибири, откуда оно могло постепенно и в очень небольших количествах проникать к арктическим охотникам и морским зверобоям[1].

№ 10. Костяная рукоятка, сломанная на одном конце; на другом — сделана небольшая нарезка и имеется след от слома, может быть, небольшой шишечки. С одной стороны орудия обнажена губчатая поверхность кости. Можно предположить, что рукоятка представляет одну из продольных половинок, связанных вместе и имевших на конце паз для лезвия. Поперечное сечение овальное; длина —10,5 см (табл. II,*2*).

В жилищах Баранова мыса встречено несколько костяных рукояток с пазами для лезвия на одном или обоих концах[2]. В двух рукоятках сохранились остатки каменного (Бухта II, № 8) и железного (Бухта Сарычева I, № 62) концевого лезвия.

На Чукотском полуострове это наиболее распространенный тип рукояток. Близкие аналогии имеются из пунукского слоя Сирэник, в Энмылен (у мыса Беринга) и т. д.[3]

Такие же рукоятки встречаются в древних жилищах Ипиутака[4]. На о. св. Лаврентия костяные рукоятки ножей с прорезью на конце известны в древнеберингоморских и пунукских слоях[5]. Ножи с концевым лезвием встречаются по всей территории центральных эскимосов на стадии туле[6]. Рукоятки ножей из двух связанных половинок характерны главным образом для западных эскимосов. Таковы, например, рукоятки из коллекции с мыса Барроу с лезвием ножа на одном конце и острием — на другом, или рукоятка с мыса Хоп, в которой сохранилось железное лезвие, и т. д.[7]

В жилищах культуры бирнирк у мыса Барроу также были найдены рукоятки ножей из моржового клыка из двух связанных вместе половинок, с пазами для концевых лезвий на одном или двух концах[8].

№ 11. Изогнутая поделка из рога оленя с одним толстым и другим уплощенным концом. Одна сторона орудия стесана до губчатого слоя. Можно предположить, что это половинка изогнутой рукоятки (?). Поперечное сечение овальное. Длина —10 см (табл. II, *4*).

№ 14. Игольник — полая костяная трубочка, круглая в сечении, без орнамента. Длина —6,7 см (табл. I, *6*).

В коллекции Баранова мыса имеется только обломок игольника с круговыми нарезками[9].

На Чукотском полуострове этот тип игольника встречается главным образом в пунукских слоях, например игольник из птичьей кости в Сирэник[10].

В древних жилищах Ипиутака были встречены полые птичьи косточки, которые могли служить игольниками или трубочками для питья[11]. Этот

---

[1] А. П. Окладников. История Якутии, т. I, 1949, стр. 178 и сл.

[2] Бухта Сарычева, жилище V, № 11, 12 и жилище I, № 62; Бухта II, № 7—9, 13 и др.

[3] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря..., стр. 90; табл. 25, рис. 17, 20; табл. 34, рис. 31 и др.

[4] H. Larsen and F. Rainey. Ук. соч., табл. 8, рис. 9, 13, 14.

[5] H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, табл. 78, рис. 1—3; табл. 38, рис. 9—10.

[6] Th. Mathiassen. Ук. соч., II, стр. 69; табл. 17, рис. 8, 10—13 и табл. 83, рис. 8.

[7] Th. Mathiassen. Ук. соч., II, стр. 72.

[8] A. Mason. Excavations..., стр. 386.

[9] Бухта Сарычева, жилище I, № 92.

[10] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря..., табл. 23, рис. 11.

[11] H. Larsen and F. Rainey. Ук. соч., табл. 23, рис. 6; табл. 48, рис. 4.

простейший тип игольника был, повидимому, и самым древним. На о. св. Лаврентия он встречается среди остатков древнеберингоморской культуры и обыкновенно покрыт богатым орнаментом [1]. На мысе Барроу развивается «крылатый» тип игольника, который впоследствии распространяется среди центральных эскимосов на стадии туле [2]. У современных эскимосов мыса Барроу еще в конце прошлого века существовали простые игольники из птичьих костей и костяные иглы [3]. По сообщению Богораза, металлические игольники у чукчей делались по эскимосскому образцу и представляли собой полые трубочки, которые встречались обыкновенно вместе с женскими швейными мешочками [4]. Игольники были, повидимому, широко распространены в полярной области Евразии [5].

№ 16. Коготь тюленя (?), служивший, вероятно, амулетом (табл. I, *5*).

В коллекции Баранова мыса имеется коготь моржа, употреблявшийся с той же целью. На Чукотском полуострове часто встречались амулеты, сделанные из клыков медведя, волка, собаки, моржа и других животных, иногда с отверстиями для подвешивания или со специальной повязкой [6].

В поселении западной культуры туле на мысе Хоп найден просверленный зуб медведя [7] Такие амулеты известны и у центральных эскимосов восточной туле [8].

Эскимосы мыса Барроу носили на себе в виде амулетов кусочки кожи или связки когтей медведя, росомахи [9]. У современных эскимосов Лабрадора очень распространенным амулетом являются когти совы [10] и т. д.

№ 20. Нож из шлифованного глинистого сланца с одним выпуклым лезвием и обломанным черенком. Длина — 10,5 см (табл. III, *4*).

В коллекции Баранова мыса полных аналогий нет. Имеется один двулезвийный кинжаловидный нож из шлифованного сланца типа эскимосских «мужских ножей». На Чукотском полуострове однолезвийные шлифованные сланцевые ножи характерны для пунукской и более поздних стадий эскимосской культуры. Двулезвийные ножи преобладают в поздних поселениях [11].

На о. св. Лаврентия среди остатков древнеберингоморской и пунукской культуры встречаются ножи с короткой широкой деревянной рукояткой и двусторонним концевым лезвием из шлифованного сланца [12]. Этот тип продолжал существовать в Аляске почти до современности [13].

В поселении культуры бирнирк у мыса Барроу также были найдены двулезвийные шлифованные сланцевые ножи и рукоятки к ним, сделанные

---

[1] H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, стр. 353—354, табл. 17, рис. 6—7 и табл. 66, рис. 7.

[2] A. Mason. Excavations..., стр. 387, табл. IV, рис. 6—8; Th. Mathiassen. Ук. соч., II, стр. 92—95.

[3] J. Murdoch. Ук. соч., рис. 325.

[4] W. Bogoras. Ук. соч., стр. 225, рис. 155, *d*, *2*.

[5] W Thalbitzer. Parallels within the culture of the arctic peoples. 20-th. International Congress of the Americanists. Rio de Janeiro, 1924, стр. 283—287.

[6] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря..., стр. 97, табл. 16, рис. 13, 16, 17, мыс Чаплина; табл. 30, рис. 1—3, 11, Сирэник.

[7] H. Larsen and F. Rainey. Ук. соч., табл. 95, рис. 2.

[8] Th. Mathiassen. Ук. соч., I, табл. 57, рис. 2, 3.

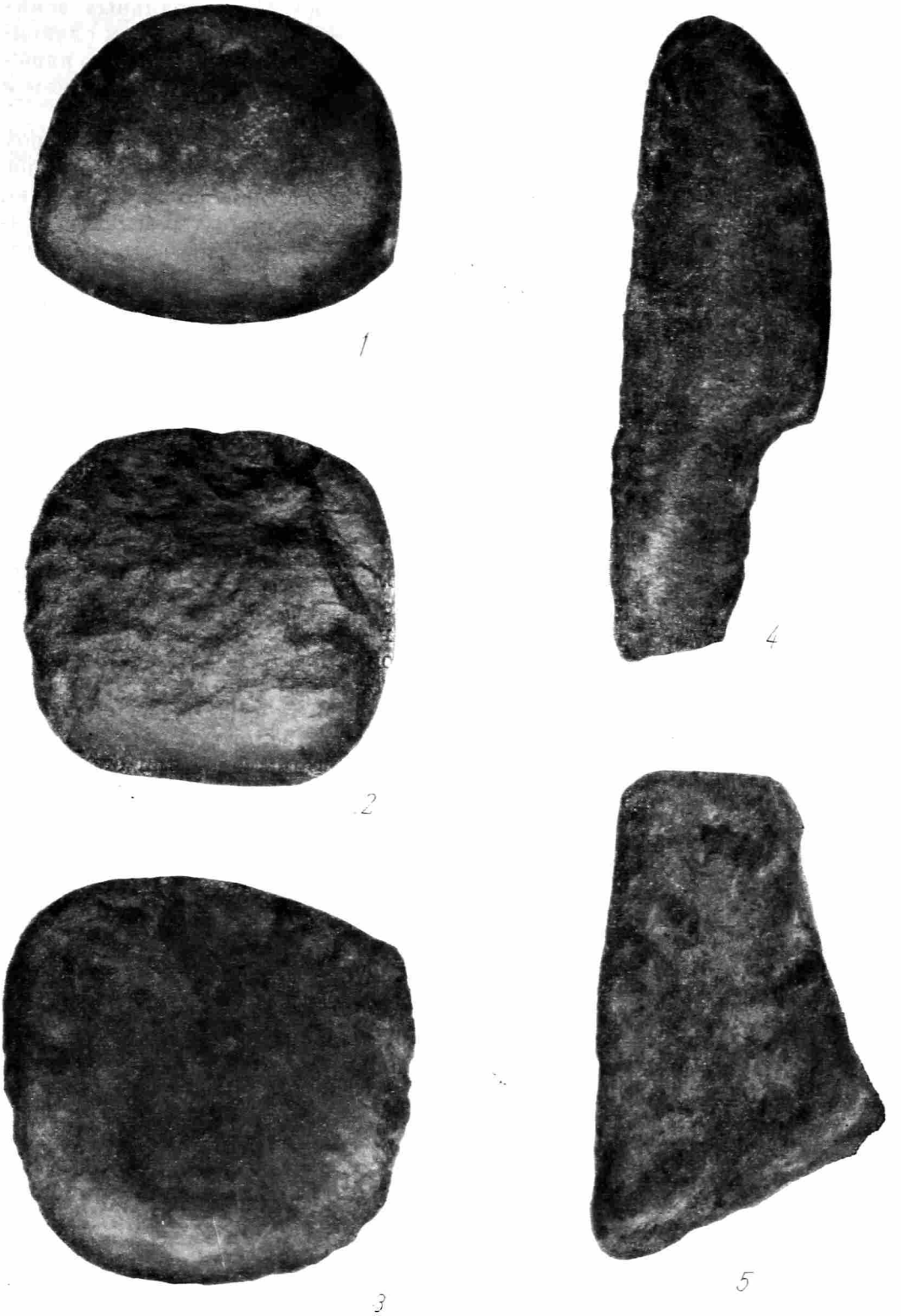
[9] J. Murdoch. Ук. соч., стр. 436.

[10] E. W Hawkes. The Labrador Eskimo. Canada Depart. of Mines. Geological Survey. Memoir 91, № 14. Anthropol. Series. Ottawa, 1916, табл. XXXIV, *a*.

[11] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря..., стр. 89, табл. 25, рис. 13, Сирэник; табл. 34, рис. 20, Энмылен.

[12] H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, стр. 339.

[13] J. Murdoch. Ук. соч., рис. 103. E. W. Nelson. Ук. соч., табл. 47, рис. 2, 3.

Находки 1948—1949 гг. на о. Четырехстолбовом

1—3—скобели из шифера; *4*—нож из шифера; *5*—точильный камень.

из двух связанных пластинок моржового клыка[1]. У центральных эскимосов на стадии туле существовали различные типы шлифованных сланцевых ножей; преобладали двулезвийные. Наиболее близкую аналогию нашему экземпляру представляет широкий сланцевый нож с одним лезвием и черенком из Науйан[2].

Однолезвийные каменные ножи современных эскимосов мыса Барроу служили главным образом для разрезания пищи. Они имели выпуклое лезвие длиной 2,5—7 дюймов и рукоятку, обыкновенно более короткую, чем лезвие. Черенок такого ножа привязывался к концу плоской костяной рукоятки тюленьим ремешком или же вставлялся в прорезь на конце рукоятки[3].

№ 17, 18 и 19 — скобели из глинистого сланца, по форме напоминающие эскимосские «женские ножи» (ulu) с полулунным лезвием, но слишком массивные для резания; употреблялись, вероятно, для скобления.

№ 17. Массивное орудие подчетырехугольной формы с почти прямым шлифованным лезвием. Размеры — 6×6 см (табл. III, *2*).

№ 18. Орудие дисковидной формы, целиком шлифованное с одной поверхности и с закругленным шлифованным лезвием — с другой. Размеры — 6×5,2 см (табл. III, *1*).

№ 19. Орудие подчетырехугольной формы, более тонкое, чем скобели № 17, 18, шлифованное с одной поверхности. Два края, сходящиеся под углом, обработаны оббивкой. Противоположный — закругленный край подшлифован и скошен к лезвию. Размеры 6,5×6,5 см (табл. III, *3*).

В коллекции Баранова мыса аналогий нет. Имеются типичные женские ножи, целиком шлифованные, полулунной формы.

На Чукотском полуострове скобели, большей частью сделанные из кремнисто-глинистого сланца, вставлялись в специальные рукоятки. Таковы, например, дисковидный скобель из окременелого туфа, с частично шлифованной поверхностью, происходящий из Энмылена, или скобель из кремнистого сланца, подчетырехугольной формы, также с частично шлифованной поверхностью — из числа отдельных находок на Чукотском полуострове[4]. Последний тип орудия характерен для более поздних поселений.

Богораз описывает подобные скобели, но с оббитым лезвием, из кремня, или обсидиана, употреблявшиеся у юкагиров, камчадалов и чукчей. Лезвие укреплялось в середине изогнутой деревянной рукоятки, которую захватывали обеими руками, и служило для обработки кож[5].

Некоторое сходство скобели с о. Четырехстолбового имеют с «тесловидными скребками» из древнеберингоморских находок на о. св. Лаврентия. Это оббитые орудия из кремнистого сланца или зеленоватого кварца, которые имеют отшлифованный и скошенный рабочий край, напоминающий № 17 и 19. Они употреблялись также, вероятно, для обработки кож или дерева[6].

№ 21—22. Точильные камни из песчаника. Один экземпляр имеет типичную вогнутую поверхность (табл. III, *5*).

Точильные камни встречаются по всей эскимосской территории. Употреблялись для шлифования каменных, главным образом сланцевых ору-

---

[1] A. Mason. Excavations..., стр. 386.
[2] Th. Mathiassen. Ук. соч., I, табл. 19, рис. 7.
[3] J. Murdoch. Ук. соч., стр. 150—153, рис. 106.
[4] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря..., табл. 34, рис. 22; табл. 37, рис. 7 (находки разного времени — от древнеберингоморского до протоисторического).
[5] W. Bogoras. Ук. соч., стр. 217—218, рис. 144, *a*.
[6] H. B. Collins. Ук. соч., стр. 152, рис. 16 и табл. 42, рис. 12, 13, 15.

дий, а также орудий из клыка и рога, для обтачивания костяных игл и т. д. Иногда они имеют желобки. Известны с древнейших этапов эскимосской культуры, например в жилищах и погребениях Ипиутака [1], в древнеберингоморских слоях на о. св. Лаврентия и в более поздних слоях тех же местонахождений [2]. В стоянках туле они распространены по всей территории центральных эскимосов[3].

На Чукотском полуострове точильные камни появляются также на ранних стадиях, когда шлифовались только лезвия оббитых орудий; они широко распространены в более поздних поселениях [4].

№ 15. Деревянная рукоятка мотыги или тесла, утолщенная и изогнутая на одном конце почти под прямым углом, с гладкой плоскостью согнутой части для прикрепления лезвия; с внутренней стороны ее сделана также зарубка для удобства привязывания. Длина — 34 см (табл. II, *8*).

Относительно коллекции Баранова мыса А. П. Окладников пишет, что «едва ли не самыми замечательными находками среди всего этого множества вещей являются целиком сохранившиеся тяжелые деревянные рукоятки для каменных и костяных топориков или тесел» [5].

На Чукотском полуострове рукоятки мотыг и тесел, которые делались обыкновенно из дерева, при раскопках встречаются редко. Наибольшее сходство с экземпляром о. Четырехстолбового имеет случайная находка: деревянная рукоятка кирки-мотыги, расширенная на переднем конце; поверхность, соприкасающаяся с мотыгой, здесь вогнута; для прикрепления мотыги, помимо зарубки у верхнего конца, прорезана треугольная дыра в теле рукоятки [6].

В домах и погребениях древнего поселения Ипиутак встречено большое количество тесел. Большие тяжелые тесла не имели зарубок и желобков для привязывания, но прикреплялись непосредственно к рукояткам, которые, по предположению Ларсена и Рейни, были из дерева и должны были иметь форму Т, подобно рукояткам более поздних эскимосских тесел с реки Кобук [7]. На о. св. Лаврентия деревянные рукоятки тесел и мотыг известны с пунукского времени [8]; оттуда этот тип распространяется на запад и восток эскимосской территории. Однако как на о. св. Лаврентия, так и в поселениях культуры туле рукоятки — прямые [9]. Большое сходство с нашим экземпляром имеет рукоятка из оленьего рога с привязанным к ней теслом, найденная в бирнирских жилищах, близ мыса Барроу [10].

№ 23. Глиняная лампа с округлым дном, овальной формы, с одной стороны которой в стенке сделана широкая неглубокая выемка. Глина необожженная, плохого качества. Внутри сосуда — следы копоти и

---

[1] H. Larsen and F. Rainey. Ук. соч., табл. 10, рис. 7—10; табл. 22, рис. 14; табл. 47, рис. 1—3.

[2] H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, табл. 43, рис. 7 (из базальта) и рис. 10 (из диорита с вогнутой поверхностью) и др.

[3] Th. Mathiassen. Ук. соч., I, табл. 16, рис. 11—14 и табл. 47, рис. 10—13.

[4] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря..., стр. 87, табл. XIV, рис. 11; табл. XXXV, рис. 13.

[5] А. П. Окладников. Древние культуры северо-востока Азии..., стр. 181.

[6] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря..., стр. 65, табл. 37, рис. 3.

[7] H. Larsen and F. Rainey. Ук. соч., стр. 85.

[8] H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, табл. 79, рис. 1 и 3.

[9] Th. Mathiassen. Ук. соч., I, табл. 21, рис. 2 и 6 (костяные рукоятки).

[10] A. Mason. Excavations..., табл. III.

остатки жира[1]. Размеры: по длинной оси — 22 см, поперек — 9,5 см: высота — 11 см (рис. 3).

В коллекции Баранова мыса аналогий нет; оттуда известны фрагменты керамики более высокого качества, большей частью орнаментированные.

На Чукотском полуострове имеется много обломков плоских, тяжелых глиняных жирников с валиками для фитилей: они встречаются на пунукских и более поздних стойбищах [2].

Рис. 3. Глиняная лампа из древнего жилища на о. Четырехстолбовом. Находки 1948—1949 гг. Около $^1/_2$ нат. вел.

Глиняные лампы известны в древнеберингоморских и пунукских слоях о. св. Лаврентия. Они сделаны из слабо обожженной глины, смешанной с крупным гравием, часто с примесью волос, перьев или травы; по форме — неглубокие, толстостенные, с коническим дном[3]. Древний округлый тип глиняной лампы широко распространен в Аляске, как показывают, например, раскопки на полуострове Сьюард[4]. Жирник с о. Четырехстолбового очень напоминает по форме толстостенные каменные лампы культуры туле (которые отличаются от основного типа туле — ламп полулунной формы с рядом шишечек у переднего края [5]).

На мысе Хоп в погребениях Старой Тигары, которые предшествуют на несколько столетий эскимосам современного поселения Тигара, встре-

---

[1] Согласно анализу В. А. Петрова.
С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря..., стр. 93.
[3] H. B. Collins. Archaeology of St. Lawrence Island, стр. 342, табл. 84, рис. 3.
[4] Там же, табл. 53, рис. 2.
[5] Th. Mathiassen. Ук. соч., II, стр. 99; I, табл. 26, рис. 1.

чались также очень грубые, округлые, толстостенные лампы из слабо обожженной глины, смешанной с гравием и жиром[1].

По описанию Богораза, глиняные лампы еще существовали у азиатских эскимосов и прибрежных чукчей в начале XX в. Они были овальной формы, с одним или двумя валиками для фитилей. Лампы ставились на особые подставки — округлые глиняные сосуды с плоским дном и срезанной с одной стороны в виде полукруга стенкой; в эти подставки стекал жир из зажженной лампы. Такие же подставки бытовали у эскимосов Аляски[2]. По форме эти сосуды очень близки к описываемой нами лампе, отличаясь от нее только плоским дном.

Ближе всего, повидимому, лампа с о. Четырехстолбового стоит к неглубоким округлым лампам из очень грубой глины, смешанной с гравием и пропитанной жиром, найденным в древних бирнирkских жилищах близ мыса Барроу[3].

* * *

Таким образом, типы жилищ на Медвежьих островах и на Барановом мысе и ведущие типы орудий — наконечники гарпунов — принадлежат к древней эскимосской культуре бирнирк, остатки которой известны почти исключительно на арктическом побережье Азии и Америки: в древних поселениях на о. Четырехстолбовом и в бухте Сарычева, близ мыса Барроу и на мысе Хоп. Отдельные находки известны также по берегам и островам Берингова пролива.

Наконечники гарпунов типа бирнирк на побережье Аляски отличаются от основных типов наконечников на о. Четырехстолбовом и у Баранова мыса сложной, двойной или тройной шпорой в основании, тогда как в наших экземплярах шпора всегда простая или с намечающимся раздвоением (рис. 1 и 2); это указывает, повидимому, на более поздний возраст наших находок, на их переходный характер от типов бирнирк к простым тонким наконечникам гарпунов культуры туле, имеющим всегда простую базальную шпору.

За исключением наконечников гарпунов бо́льшая часть инвентаря древних жилищ бирнирkской культуры у мыса Барроу принадлежит к типам культуры туле[4]. То же самое мы видим и на о. Четырехстолбовом: не менее одиннадцати из двадцати поддающихся определению предметов в коллекции А. М. Сырчина следует отнести к культуре туле и одновременной с ней — пунукской.

К типам туле принадлежат 5 предметов: наконечник гарпуна № 3, костяная рукоятка с боковым лезвием и знаком собственности № 9; рукоятка с концевым лезвием № 10; коготь тюленя — амулет № 16. Незаконченный маленький деревянный гарпун-игрушка № 4 также ближе всего напоминает наконечники туле.

К типам пунук относятся 6 предметов: наконечник стрелы № 6, деревянная рукоятка ножа № 12, однолезвийный сланцевый нож № 20 и 3 сланцевых скобеля № 17—19.

К типам бирнирк — 4 предмета: наконечники гарпунов № 1 и 2, рукоятка мотыги или тесла № 12 и глиняная лампа № 23.

---

[1] H. Larsen and F. Rainey. Ук. соч., стр. 177, табл. 91, рис. 1—3.

[2] W. Bogoras. Ук. соч., стр. 184—186, рис. 103, *a*, *b* и 104, *a*.

[3] A. Mason. Excavations..., стр. 386.

[4] Там же. Коллинз утверждает, что, за исключением некоторых элементов сходства с древнеберингоморской и пунукской культурами, остальные элементы бирнирк те же, что и в культуре туле, и бирнирkские наконечники гарпунов с одной бородкой являются прототипом наконечников туле с двумя бородками (тип II).— H. B. Collins. Outline of Eskimo prehistory, стр. 561—563.

Остальные пять предметов из коллекции о. Четырехстолбового должны быть, повидимому, отнесены к более раннему времени: игольник (или шитьевая трубочка) из полой кости без орнамента (№ 14) и простой костяной наконечник стрелы (№ 7) имеют близкие аналогии среди находок ипиутакской и древнеберингоморской культур, причем подобные наконечники стрел встречаются в неолитических стоянках, например в Веретье; деревянный наконечник стрелы с расщепленным основанием (№ 8) близко стоит к некоторым костяным наконечникам из древнего поселения в Уэлене и из погребений культуры, «близкой ипиутаку» на мысе Хоп, и в особенности напоминает найденный А. П. Окладниковым наконечник стрелы из погребения эпохи бронзы на р. Бугачан (Нижняя Лена). Наконец, точильные камни из песчаника (№ 21—22) представляют элемент эскимосского инвентаря, появляющийся еще в древнем поселении Ипиутак и существовавший на всех стадиях эскимосской культуры.

Присутствие этих древних типов эскимосской культуры в инвентаре жилища на о. Четырехстолбовом, быть может, следует объяснить тем, что все они (за исключением наконечника стрелы с расщепленным основанием) являются широко распространенными элементами полярной культуры Евразии, и некоторые из них сохранялись в быту до последнего времени.

Анализ инвентаря из раскопок А. М. Сырчина позволяет, таким образом, сделать некоторые предварительные выводы: 1) о единстве древней культуры о. Четырехстолбового и Баранова мыса и 2) о переходном характере руководящих орудий — наконечников гарпунов на о. Четырехстолбовом — от типов бирнирк к типам средневековой эскимосской культуры туле.

Большинство исследователей эскимосской культуры Берингова пролива и арктического побережья Аляски относит появление культуры бирнирк к первой половине I тысячелетия н. э.[1] С. И. Руденко датирует ее второй половиной I тысячелетия [2]. Повидимому, около этого времени в районе мыса Барроу и на мысе Хоп на основе бирнирк начинает развиваться культура туле, в ее раннем западном варианте [3].

Инвентарь древнего жилища на острове Четырехстолбовом, сохраняя основные черты культуры бирнирк, имеет много общих элементов также с западной туле и одновременной ей культурой пунук, но относится, повидимому, к самому позднему этапу существования этих культур. Как показывают новейшие находки на Медвежьих островах, на о. Четырехстолбовом были обнаружены, наряду с наконечниками гарпунов описанных типов, также стеклянные бусы, датирующие их временем начала торговых сношений с русскими, т. е. приблизительно половиной XVII в.[4]

Если не вызывает сомнения то, что Медвежьи острова были заселены из района Баранова мыса, то вопрос об этническом составе этого древ-

---

[1] H. B. Collins. Outline of Eskimo prehistory, рис. 36, хронологическая таблица; Fr. De Laguna. The prehistory of Northern North America as seen from the Yukon. Memoirs of the Society for the American Archaeology, Supplem. to American Antiquity, vol. XII, № 3, ч. 2, 1947, стр. 6 — хронологическая таблица.

[2] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря..., стр. 108.

[3] Западная культура туле отличается от более поздней восточной туле (когда эскимосские племена распространяются по северному побережью Канады и доходят до Гренландии) отсутствием каменных ламп полулунной формы, собачьей упряжки, снежных ножей и т. д. — H. Larsen and E. Rainey. Ук. соч., табл. 95.

[4] Устное сообщение А. П. Окладникова в марте 1952 г.

него населения с характерными чертами эскимосской культуры может быть поставлен только в предварительном плане.

В 1726 г. якутский казачий голова Афанасий Шестаков доставил в Петербург карту северо-востока Сибири, на которой к северу от устья Колымы изображен остров (повидимому, один из Медвежьих островов), «населенный шелагами, подвластными князю именем Копай»[1].

В 1787 г. Г. Сарычев писал о населении вокруг Баранова мыса: «О жителях сих мест, которые без сомнения должны быть чукчи, сказывали колымские казаки, что они назывались шелагами; по поселении по соседству с ними Россиян, перешли они на Восток и основали жилище свое близ выдававшегося далее прочих к северу мыса, который с того времени стал называться Шелагским»[2]. До 20-х годов XIX в. предания о шелегах сохранились без изменений. Ф. Врангель сообщает, что шелаги — обитали в приморской тундре к востоку от Колымы, но были вытеснены оттуда чукчами; от них получил название Шелагский мыс[3]. О шелагах пишет также д-р Кибер, ссылаясь на свидетельства чукчей, которые еще помнили, что это племя населяло окрестности мыса Шелагского и Чаунского залива и говорило «языком чуждым». Одеждой и образом жизни они походили на ламутов, тунгусов и юкагиров, живущих в тундре. Впоследствии шелаги удалились на восток от залива Чаунского, после чего о них не было никаких известий[4]. Геденштром сообщает со слов чукотской женщины, что «шелаги, жившие на Чауне и на Шелагском носу, будучи в долговременной распре с чукчами, принуждены были оставить свои жилища. Некоторая их часть... погибла от ленских тунгусов, большая же часть перешла в Америку»[5].

По сведениям Майделя, побывавшего на северо-востоке Сибири в 60-х годах прошлого века, среди русских поселенцев на Колыме сохранились предания о вымершем племени шелагов, по имени которого и называется мыс Шелагский. Он слышал от чукчей, что вокруг этого мыса жили в старину их единоплеменники, которые, однако, говорили на ином языке. Они были вытеснены оттуда на запад. Майдель отмечает, однако, что сами чукчи называли племя, жившее вокруг мыса Эрри (Шелагского) и говорившее отличным от них языком, не шелагами, а анкалами, что означает: прибрежные жители. Возможно, что эскимосообразные анкалы, пишет Майдель, которые и до сих пор встречаются в одиночку среди чукчей у Берингова моря, жили прежде и по берегу Ледовитого океана, тем более что и в настоящее время по всему побережью, от мыса Эрри до мыса Пээк (Дежнева), находят остатки жилищ, отличающихся от палаток оседлых чукчей[6]. По свидетельству капитана Шишмарева, в начале XIX в. у племен, живших близ мыса Шелагского и имевших оленей и байдары, еще были в употреблении костяные лабретки, вставлявшиеся в губу, «наподобие жителей американского берега»,

---

[1] Н. Н. Зубов и К. С. Бадигин. Разгадка тайны земли Андреева. «Природа», 1952, № 2, стр. 90.

По сведениям Г. Майделя, название «шелаги» стало известно от промышленника Ивана Вилегина, побывавшего на Медвежьих островах около 1720 г. Он знал некоего чукчу Копая, жившего, по его словам, в 200 верстах от Нижне-Колымска, который сообщил ему, что «шелаги» — не чукотское слово.— Г. Майдель. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. СПб., 1894, стр. 224.

[2] Г. Сарычев. Ук. соч., ч. I, стр. 96.

[3] Ф. П. Врангель. Ук. соч., ч. II, стр. 332.

[4] Сибирский вестник, 1824, ч. II, кн. 9—10, стр. 93.

[5] Там же, 1822, ч. XIX, стр. 150.

[6] Г. Майдель. Ук. соч., стр. 274.

т. е. украшения, типичные для эскимосов и известные им на стадии туле[1].

Врангель передает местное предание о том, что за 200 лет до его путешествия, весь Азиатский берег, от Шелагского мыса до Берингова пролива, занимало племя онкилонов, т. е. приморских жителей. Это известие подтверждалось тем, что на всем протяжении берега он видел следы хижин, совершенно отличных от тех, в которых обитают чукчи. Во время путешествия Врангеля среди чукчей еще свежо было предание о вражде онкилонского старшины Крехая с главой оленных чукчей. Крехай был разбит и бежал вместе со своим народом на мыс Иркайний, где укрепился, но впоследствии и отсюда был изгнан чукчами. Он поселился затем на о. Шалаурова, где Врангель видел развалины жилищ. Туда собрались все родичи Крехая, и вскоре они удалились на байдарах на незнакомую землю, видимую в ясные дни с мыса Якан[2]. Однако чукчи говорили спутнику Майделя, что исчезнувшее население у мыса Эрри не могло бы добраться до этой отдаленной земли на байдарах и утверждали, что они ушли на Медвежьи острова[3].

Можно предположить, что изгнанники, действительно, жили на этих островах, где известны довольно многочисленные остатки жилищ, а, по описанию Андреева, на «Третьем Видимом Острове», на «отпрядыше», отстоявшем на 11 саженей от берега, была устроена даже «крепость на подставках десяти лесинах матерых лиственичных»[4]. Это укрепление, изображенное позже на карте Плениснера[5], и самый «отпрядыш» были, вероятно, разрушены льдами и не сохранились уже во время посещения Врангелем Медвежьих островов.

Все эти сведения, так же как и археологические находки, указывают на то, что какое-то приморское племя, жившее на арктическом побережье к востоку от устья Колымы, обладавшее языком и типом жилищ, отличавшими его от оседлых чукчей, и близкое по своей материальной культуре к древним эскимосам, вынуждено было покинуть эти места в сравнительно недавнем прошлом, и поселиться на Медвежьих островах, где оно существовало в XVII в. и, по некоторым сведениям, до начала XVIII в.

Тем более важное значение приобретает в настоящее время продолжение раскопок на Медвежьих островах и дальнейшие археологические исследования на нашем крайнем северо-востоке.

---

[1] Сведения о чукчах капитана Шишмарева. Записки Гидрографического департамента Морского министерства, т. X. СПб., 1852, стр. 186.
[2] Ф. П. Врангель. Ук. соч., ч. II, стр. 33.
[3] Г. Майдель. Ук. соч., стр. 274.
[4] Сибирский вестник, ч. IV, кн. 23—24, 1823, стр. 65—67.
[5] Н. Н. Зубов и К. С. Бадигин. Ук. соч., стр. 91.

П. А. РАППОПОРТ

ХОЛМ

Холм — один из интереснейших древнерусских городов. Будучи основан в XIII в., он уже во второй половине XIV в. окончательно отошел от России и в дальнейших своих судьбах был связан с историей Польши. Однако в начальный, продолжавшийся не многим более ста лет, отрезок времени Холм играл в истории Руси важную роль, как один из наиболее ярких культурных и политических центров всей Русской земли.

Точная дата основания Холма неизвестна. В Ипатьевской летописи рассказ об основании Холма занесен под 1259 г. в связи с описанием большого пожара города, происшедшего в этом году[1]. Однако город отмечен уже как существующий и раньше, в событиях 1249 г.[2] В 1248 г. летопись говорит, что ятвяги «всю страну ту попленища, и еще бо Холму не поставлену бывъшю Данилом»[3]. Под 1235 г. также указано, что мазовецкий князь Конрад стоял на месте «кде ныне град Холм стоить», хотя под тем же годом Холм отмечен уже и как существующий город[4]. Разбивка Ипатьевской летописи на годы вообще очень условна, и в ряде случаев события здесь размещены явно не в хронологическом порядке. Поэтому основание Холма можно относить к 30—40-м годам XIII в. без уточнения этой приблизительной датировки[5]. Ясно лишь то, что город был основан князем Даниилом Романовичем и вскоре стал одним из важнейших городов Галицко-Волынской земли. Из Угровска была переведена в Холм также и епископия[6]. В рассказе о пожаре Холма в 1259 г. летописец подробно перечисляет великолепные постройки, сооруженные здесь Даниилом, в том числе церкви, высокую боевую башню, колодец глубиной в 35 сажен, «столп» с каменным орлом вблизи города и пр.[7]

---

[1] Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 557—558.
[2] Там же, стр. 535.
[3] Там же, стр. 531.
[4] Там же, стр. 516.
[5] См., например, А. В. Лонгинов. Червенские города. Варшава, 1885, стр. 56. О датировке событий этого времени в Ипатьевской летописи см. Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. Исторические записки, вып. 12, стр. 232. Впрочем, постройка «города» Даниилом еще не означает, что ранее здесь не существовало поселения.
[6] Летопись по Ипатскому списку, стр. 494.
[7] Там же, стр. 558—559.

Во второй половине XIII — начале XIV в. Холм неоднократно упоминается в различных событиях русской истории. К середине XIV в. значение Холма падает в связи с дроблением и общим ослаблением Волынской земли, вызванным ее изоляцией от остальных русских земель[1]. В 1349 г. Холм был взят польским войском, а к 60-м годам XIV в. окончательно присоединен к Польше, где продолжал сохранять роль важного политического и культурного центра до XVII в. Лишь в XVIII в. Холм теряет свое былое значение и превращается в сравнительно небольшой провинциальный городок[2].

Яркая, хотя и кратковременная роль Холма в русской истории привлекала к нему внимание не только историков вообще, но и специально исследователей древнерусской материальной культуры. Чрезвычайно своеобразные (судя по летописи) архитектурные памятники Холма, несомненно, представляют собой важное звено в истории развития русской архитектуры и не без основания сопоставлялись с архитектурными памятниками не только Галича, но и Владимиро-Суздальской Руси[3].

К сожалению, все приводившиеся сведения о Холме и его памятниках ограничивались летописными данными, так как никаких остатков этих древних сооружений в современном городе Холме на поверхности земли не сохранилось.

Между тем в 1910, 1911 и 1912 гг. в Холме производились систематические археологические раскопки, вскрывшие часть Холмского детинца. Несмотря на высокий научный интерес этих раскопок, их результаты не были обработаны и не получили никакого отражения в научной литературе.

Задача настоящей публикации — хотя бы в самых общих чертах подвести итоги археологических работ в Холме, проведенных в 1910—1912 гг.

Следы каких-то древних архитектурных сооружений были заметны в городе Холме даже и без археологических раскопок. Так, еще в конце XIX в. у подножья горы, на которой расположен кафедральный собор, были видны куски стен из серого и белого камня[4]. Автор небольшой газетной статьи о холмских древностях, опубликованной в 1910 г., также отметил наличие в Холме остатков стен, «которые местами выходят в городе наружу»[5]. Так как эти остатки стен (или фундаментов) были сложены из белого известняка, а не как древняя Белавинская башня — из дикого серого камня, то автор статьи высказывал сомнение в древности остатков этих стен.

В 1910 г. Археологическая комиссия выдала архитектору П. П. Покрышкину открытый лист на право производства раскопок в городе Холме и его окрестностях[6]. Основное внимание П. Покрышкин уделил обследованию Столпьенской и Белавинской башен в окрестностях Холма, однако тем же летом 1910 г. он начал раскопки и в самом городе. Желая определить

---

[1] В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 299.

[2] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 74, стр. 524.

[3] См., например, статьи Н. Н. Воронина «К вопросу о взаимоотношении галицко-волынской и владимирско-суздальской архитектуры XII—XIII вв.» и М. К. Каргера «Зодчество Галицко-Волынской земли в XII—XIII вв.», КСИИМК, III, 1940.

[4] Ф. Горбачевский. Русские древности и памятники православия Холмско-Подляшской Руси. Варшава, 1892, стр. 4.

[5] ИАК. Прибавление к вып. 37, стр. 158. В фото-архиве ИИМК хранится фотоснимок Покрышкина, изображающий «древнюю кладку, повидимому церковной абсиды (в огороде соборного протоиерея)». См. фото-архив ИИМК, 0.315, № 82.

[6] Архив ИИМК. Дело археологической комиссии № 23 за 1909 г.

местонахождение древнего Холмского детинца и остатков архитектурных сооружений, известных по летописи, П. Покрышкин начал раскопки в наиболее вероятном месте расположения древнего городского центра — на Соборной горке (или «Высокой горке»).

Горка эта представляет собой почти прямоугольную в плане площадку со сравнительно плоской поверхностью, имеющую размеры приблизительно 60 ×40 м. Высота этой площадки над окружающей местностью— от 7 м в восточной части до 17 м в западной. На горке расположена Кирилло-Мефодиевская церковь, построенная в 70-х годах XIX в. [1]

Две траншеи, заложенные в южной части горки и направленные с севера на юг, сразу же обнаружили на краю горки древнюю стену, имевшую толщину около 2 м и сохранившуюся на высоту до 4 м. Стена эта по технике кладки была очень близка к Белавинской башне, хотя, как отмечал П. Покрышкин, «кладка сравнительно с Белавинской башней аккуратнее» [2].

Успешное начало работ показало целесообразность продолжения раскопок именно на Соборной горке, и работы эти были намечены на 1911 г. Краткая информация об итогах работ 1910 г. была опубликована в отчете Археологической комиссии [3].

В 1911 и 1912 гг. раскопки на Соборной горке продолжались. Направление шурфов П. Покрышкиным было изменено, и все раскопки этих лет были ориентированы параллельно обнаруженной древней стене. В результате трехлетних работ была вскрыта довольно значительная площадь (около 300 кв. м) в юго-восточной части Соборной горки, вплоть до существующей Кирилло-Мефодиевской церкви (рис. 1). Остальная часть Соборной горки, т. е. вся ее середина и северо-западная часть, совершенно не была затронута раскопками.

Несмотря на несомненную важность и историческую ценность полученных материалов, раскопки в Холме были закончены в 1912 г. из-за отсутствия средств у местных организаций, субсидировавших раскопки. Ни Археологическая комиссия, ни Московское археологическое общество также не сочли возможным выделить деньги для продолжения работ. В переписке, завязавшейся по этому поводу, Археологическая комиссия сообщила Московскому археологическому обществу о том, что раскопки в Холме велись с 1910 по 1912 г. под руководством архитектора П. П. Покрышкина и местного историка Ф. В. Кораллова: «Результатом раскопок явилось открытие крепостной стены этого времени (т. е. XIII в.— *П. Р.*) и около ста тесаных зеленых камней, представляющих части наличников, колонн и архивольтов церковного здания местного «романского» стиля того же времени. Выяснено также, что крепость Даниила Галицкого основана на древнейшем городище. Обследование горы только начато, на ней произведены лишь разведки» [4].

В печать о результатах раскопок в Холме попала лишь краткая информация о том, что раскопками обнаружены «дубовые засеки (ряжи), устройством своим напоминающие таковые же в Спасе на Берестове в Киеве... крепостная стена, под которой найден утрамбованный слой

[1] При постройке церкви площадка горки была спланирована. До этого она была гораздо более конусообразной. Об этом см. Е. Ливотов. Кирилло-Мефодиевская церковь в г. Холме. Холмский народный календарь на 1905 г., стр. 123. Именно на этой горке уже в самом конце XIX в. стала обнаруживаться какая-то древняя стена — см. Ф. Кораллов. Несколько слов о древностях Холма (Люблинские губ. ведомости, 1903, № 265).

[2] Архив ИИМК, ф. 21, № 716.

[3] ОАК за 1909 и 1910 гг. СПб., 1913, стр. 175.

[4] Архив ИИМК. Дело Археологической комиссии № 23 за 1909 г.

из глины и щебня и еще ниже — остатки языческого кострища, которые покоились на мощном утрамбованном слое. В другом месте была обнаружена круглая внутри, четырехугольная снаружи башня, сложенная из твердого плитняка. Найдено до 6 пудов сплава меди с оловом»[1].

В феврале 1913 г. Археологическая комиссия сообщала в Холм, что научный отчет о раскопках составляется П. Покрышкиным «в свободные часы от неотложных служебных обязанностей»[2]. Однако, пови-

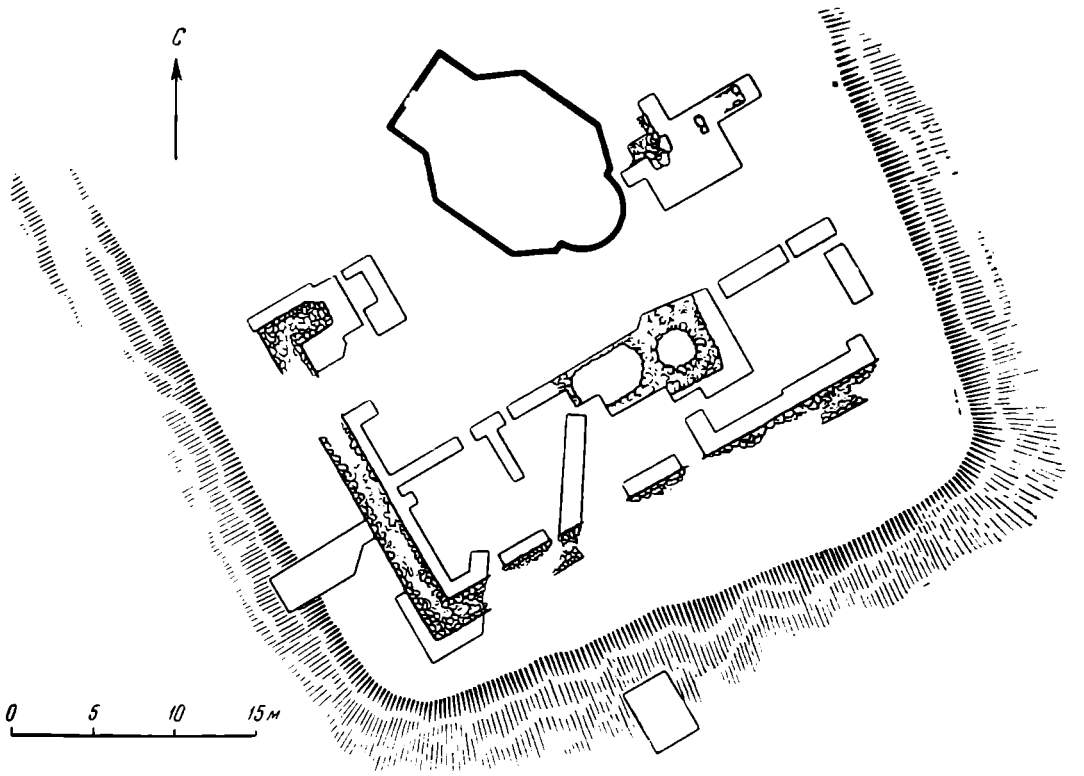

Рис. 1. Генеральный план раскопок в Холме в 1910—1912 гг.

димому, никакого отчета П. Покрышкин так и не успел написать. Не сохранилось даже дневника раскопок или же вообще относящегося к этим раскопкам текстового материала, кроме нескольких листков из записной книжки с черновыми пометками[3]. В архиве ИИМК имеются, однако, черновые чертежи раскопок, которые дают возможность восстановить план раскопанных сооружений и профиля шурфов[4]. Кроме того, в фото-архиве ИИМК хранится около 50 фотографий раскопанной стены и отдельных, найденных при раскопках, архитектурных фрагментов[5].

Эти материалы дают возможность, хотя бы частично и в самой общей форме, получить представление об итогах раскопок в Холме.

Одна из наиболее характерных особенностей раскопок в Холме — почти полное отсутствие вещевых находок. В результате раскопок, кроме сохра-

[1] ИАК. Прибавление к вып. 50, стр. 127, а также журнал «Светильник», 1913, № 3, стр. 31.
[2] Дело Археологич. комиссии № 23 за 1909 г.
[3] Архив ИИМК, ф. 21, арх. № 24.
[4] Там же, арх. № 25.
[5] Фото-архив ИИМК, фотографии в альбомах 323, 326, 329, 389, 395 и 559.

нившихся остатков древних стен, было найдено лишь большое количество архитектурных фрагментов (рис. 2). Повидимому, почти все эти фрагменты относятся к остаткам какой-то одной, чрезвычайно богато декорированной постройки, вероятнее всего,— храма. Они представляют собой обработан-

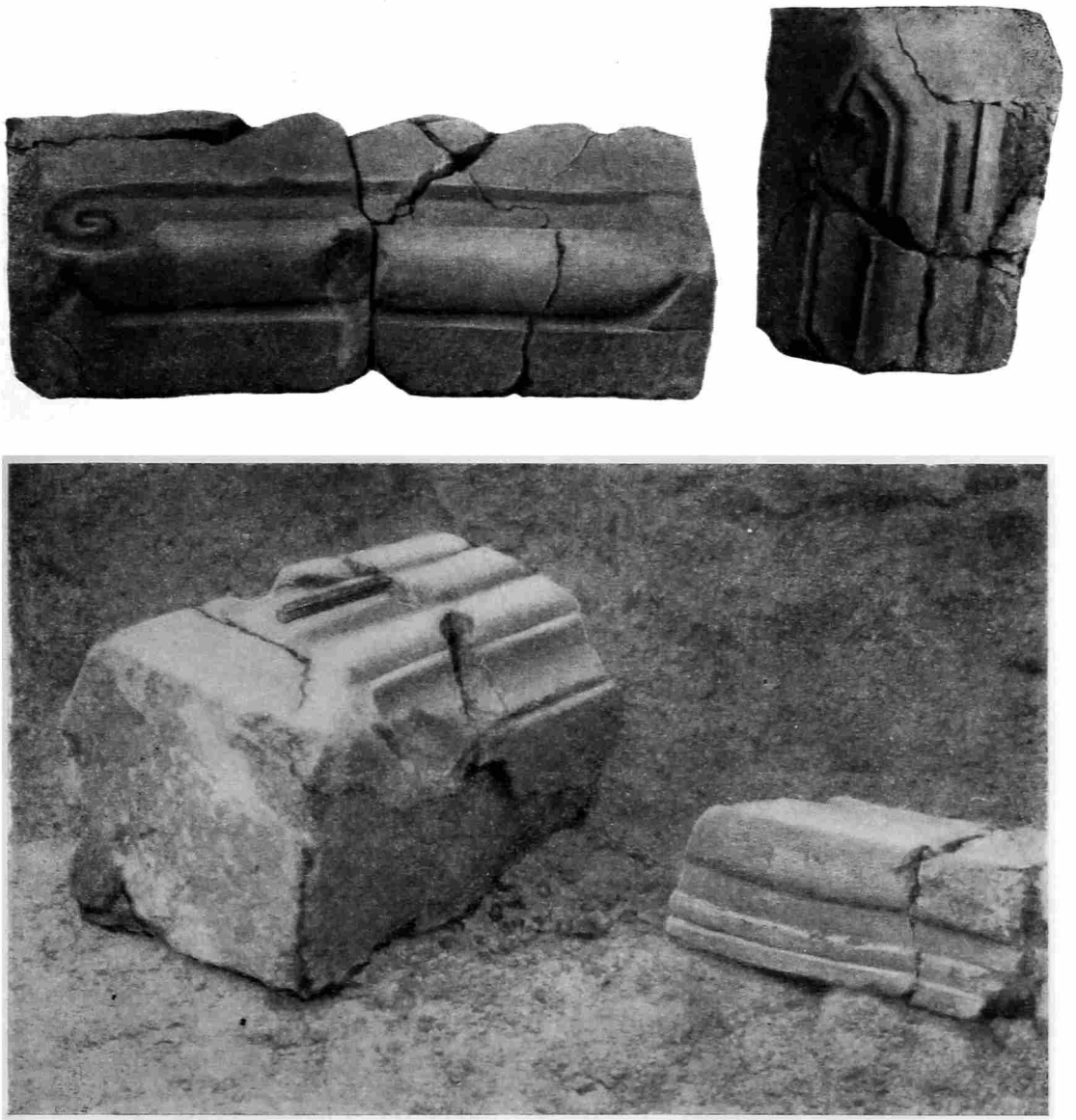

Рис. 2. Архитектурные фрагменты

ные блоки глауконитового известняка, известного в летописи под названием «зеленый холмский камень». Многие из найденных кусков являются обломками баз, архивольтов, косяков порталов и других частей архитектурной декорации здания; многие куски имеют сложную и выразительную профилировку.

Некоторые фрагменты удавалось даже соединить друг с другом. Так, например, удалось составить значительную часть основания перспективного портала (рис. 3).

Общий характер профилировки архитектурных деталей, обнаруженных раскопками в Холме, несомненно указывает на их принадлежность к XIII в. Фрагменты эти имеют много общего с архитектурными деталями памятников владимиро-суздальского зодчества XII—начала XIII в. и еще больше с памятниками Галича. Сохранившаяся почти целиком церковь Пантелеймона в Галиче дает особенно близкие аналогии найденным в Холме кускам архитектурной отделки [1].

Таким образом, принадлежность Холмской постройки, от которой происходят найденные фрагменты, к XIII в. вряд ли может вызывать сомнение. Очень вероятно, что эти тесаные камни являются следами разрушения,

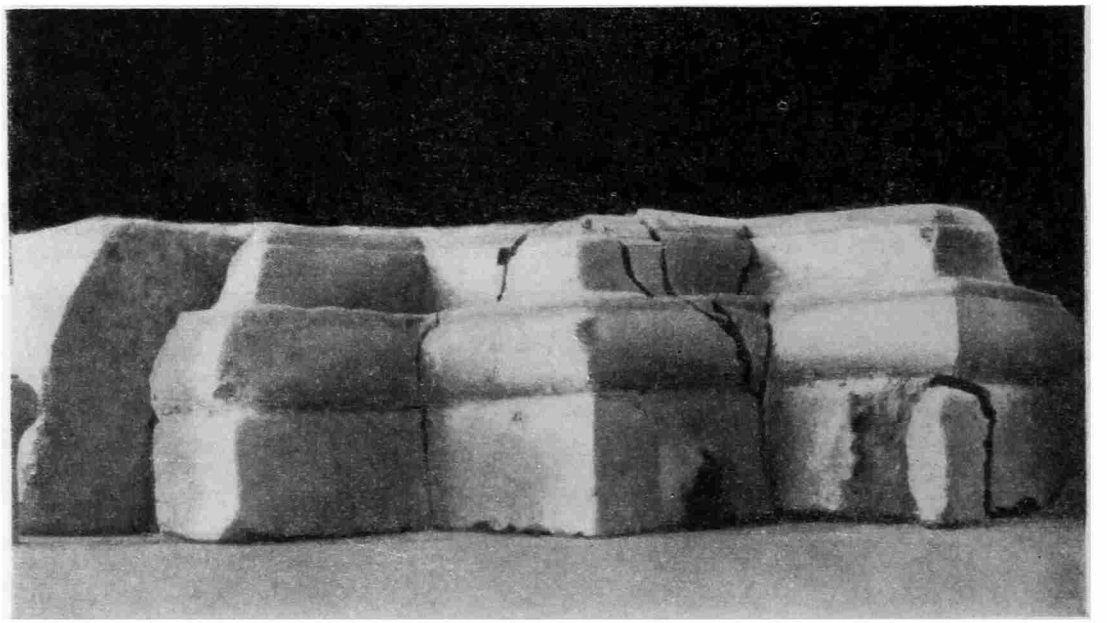

Рис. 3. Фрагмент портала

вызванного пожаром Холма в 1259 г., и относятся именно к одной из тех церквей, которые упомянуты в Ипатьевской летописи. Правда, после пожара 1259 г. Холм был сразу же восстановлен, и блоки развалившейся постройки могли быть вновь использованы, хотя бы и в перетесанном виде. Поэтому не исключено также, что данные фрагменты относятся к постройке, сооруженной (или обновленной) при восстановлении Холма после этого пожара.

Но основную ценность Холмских раскопок представляют все же не отдельные архитектурные детали, а сохранившиеся на месте остатки сооружений и в особенности та стена, которая была обнаружена на краю Соборной горки.

Стена эта имеет совершенно прямолинейное направление вдоль юго-восточного края горки, затем в южном углу стена поворачивает под прямым углом и продолжается на расстоянии 22,5 м вдоль юго-западного края горки. Далее стена вновь поворачивает под прямым углом к северо-востоку и вскоре обрывается, будучи в этом месте полностью разрушенной.

[1] С. В. Бессонов. Архитектура Западной Украины. М., 1946, стр. 18; К. Б. Скуревич. Зодчество западных славян и влияние на него романской архитектуры. СПб., 1906; I. Pelеński. Halicz w dziełach sztuki średniowiecznej. Kraków, 1914, стр. 19—30.

Таким образом, вскрытая раскопками стена образует часть прямоугольника. Общая длина вскрытого участка стены — около 57 м.

Стена имеет толщину около 2 м и сложена из известняковых камней на известковом растворе (рис. 4). Среди камней кладки преобладает зеленый камень, хотя встречаются и белые камни, а также камни, имеющие желтоватый и даже красноватый оттенок. Поверхностные слои кладки состоят из более крупных камней, а внутри стены находится забутка из более мелкого битого камня. На углах стены камни почти исключительно зеленые,

Рис. 4. Стена, вскрытая раскопками

хорошо отесанные. Кое-где в кладке (как на наружной, так и на внутренней поверхности стены) видны небольшие прямоугольные впадины со сторонами 20—25 см — гнезда от строительных лесов. Ряды камней в кладке довольно тщательно выравнены, но перевязь швов не соблюдена. Возможно, что с внешней стороны стена была оштукатурена или побелена, так как на камнях сохранились следы серой извести, тогда как известковый раствор в швах кладки имеет другой, более белый цвет.

Стена сохранилась на высоту 1,5—2 м и в большинстве мест начинается прямо под дерновым слоем. Повидимому, до XIX в. стена эта существовала над поверхностью земли и была частично сломана в 1876 г. при планировке участка во время закладки Кирилло-Мефодиевской церкви. Первоначально стена находилась на самом краю холма, и основание ее с наружной стороны залегает поэтому значительно ниже, чем с внутренней стороны, со стороны двора (рис. 5). Эта разница объясняется тем, что подошва стены не горизонтальна, а выложена уступами по самому склону горки. Разница в заложении основания стены по высоте более 1 м, и поэтому с наружной стороны стена сохранилась на высоту более 3 м. Сохранившиеся участки стены имеют заметный наклон внутрь двора детинца.

С внутренней стороны рядом со стеною кое-где была обнаружена вымостка из белых и зеленых известняковых камней. Под этой вымосткой

имеется тонкий слой извести. Выше расположен слой щебня, а под ним — опять тонкий слой извести, уходящий под стену. Быть может, эти два слоя извести указывают на два строительных периода или же на наличие какой-то капитальной перестройки стены.

На наружном склоне холма, приблизительно на 3 м ниже основания стены, имеется кладка из нескольких рядов крупных зеленых камней,— по всей вероятности, древняя облицовка склона. В шурфе, заложенном на юго-восточном склоне горки значительно ниже основания стены, были обнаружены деревянные лежни, перекрещивающиеся под прямым углом. Повидимому, именно эти лежни и дали основание корреспондентам газет писать (очевидно, со слов Покрышкина) о «дубовых засеках». Наиболее вероятно, что лежни в данном случае служили для укрепления склонов холма.

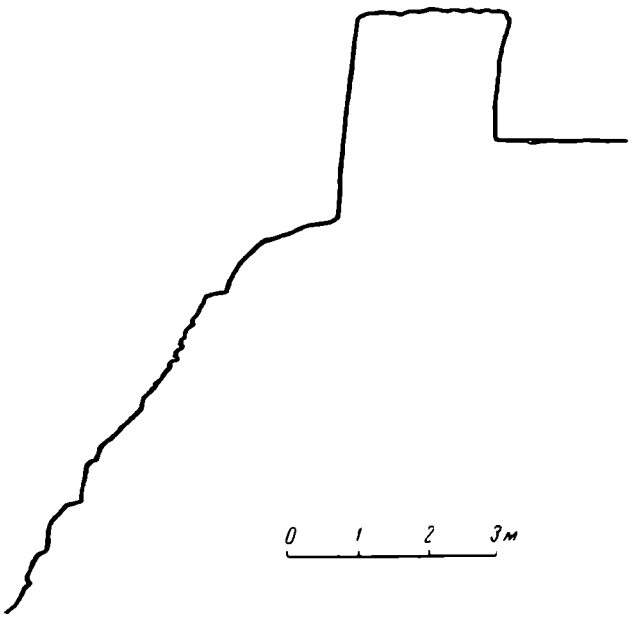

Рис. 5. Профиль остатков юго-западной стены

Кроме сохранившихся частей древней стены, раскопками было вскрыто еще одно своеобразное сооружение, обнаруженное юго-восточнее апсиды Кирилло-Мефодиевской церкви и представляющее собой остатки каменной постройки, сложенной в довольно грубой и небрежной технике из твердого плитняка на белом известковом растворе с очень малым содержанием песка. Сооружение это не было вскрыто целиком, и поэтому его план не полностью выяснен; однако ясно все же, что это была приблизительно квадратная в плане постройка с круглым внутренним помещением. П. Покрышкин определял это сооружение как башню, но, повидимому, не был в этом уверен, так как на некоторых чертежах слово башня заключено в кавычки, а на других эта постройка названа «колодцем». В действительности постройка эта никак не могла быть колодцем, так как ее плотно утрамбованное и обложенное камнями дно находится на глубине всего около 4 м от современной поверхности земли.

Некоторое сомнение может вызвать очень небольшой диаметр внутреннего круглого помещения — немногим более 2 м. Однако даже огромная Столпьенская башня имеет диаметр внутреннего помещения всего 3 м при наружных сторонах около 5 м. Приблизительно такие же стороны, по 5 м, имеет и раскопанная постройка. Поэтому вполне вероятно, что данное сооружение, действительно, является башней. Если же предположить, что это и есть остатки упоминаемой в летописи «вежи», то раскопанная часть, повидимому, является тем каменным основанием, имевшим в высоту 15 локтей, на котором находилась основная часть башни — ее деревянный верх.

Рядом, с юго-западной стороны, к башне примыкало удлиненное помещение. Как это помещение, так и сама башня были внутри завалены мел-

кими камнями и землей, а кое-где находились и крупные зеленые камни, в том числе профилированные части архитектурного убранства.

По сравнению с правильными геометрическими линиями стены очертания башни очень грубы и неправильны, причем со стороны внутреннего круглого помещения кладка имеет особенно небрежный вид, так как здесь почти вся известь из швов кладки выветрилась.

Остатки еще одного сооружения были обнаружены северо-восточнее апсиды Кирилло-Мефодиевской церкви. Здесь была раскопана часть какой-то постройки, о плане которой судить невозможно из-за очень небольшой площади раскопа. Кладка этого сооружения гораздо более аккуратная, чем кладка башни, и очень похожа на кладку стены. Все углы выложены из тщательно отесанных крупных камней. Повидимому, постройка эта уходит под здание современной Кирилло-Мефодиевской церкви. В связи с этим необходимо отметить, что при рытье котлованов для этой церкви были обнаружены какие-то древние стены или фундаменты [1]. По сведениям, сообщенным П. Покрышкину местными жителями, тогда же было найдено около 25 пудов сплавившейся меди. В раскопках 1912 г. в этом районе на очень небольшой глубине также был найден большой кусок сплава меди с оловом. Естественно сопоставить эти данные с летописными свидетельствами о церкви Ивана в Холме, пол которой был «слит от меди и от олова чиста» [2].

Очень вероятно, что в этом районе раскопками вскрыт небольшой кусок этого замечательного сооружения, так подробно и восторженно описанного в летописи [3].

В кратком отчете П. Покрышкина за 1910 г., а также и в газетных корреспонденциях, написанных, очевидно, со слов П. Покрышкина, уже в 1913 г. отмечено, что обнаруженная раскопками стена была построена на более древнем городище. К сожалению, именно эта сторона совершенно не отражена в сохранившейся документации и не может быть поэтому решена без дальнейших раскопок. Наружная сторона древней стены опирается внизу на почвенный слой с явно выраженной гумусной прослойкой в самой верхней части. Эта гумусная прослойка определяет древний уровень почвы, а ниже находятся те слои, которые П. Покрышкин, повидимому, считал культурными слоями древнейшего городища. Однако на чертежах П. Покрышкина нет никаких данных, по которым можно было бы судить о том, что это, действительно, культурные слои, а не естественно-слоистая структура горки. Во всяком случае ясно, что подошва стены с наружной стороны лежит на древнем уровне земли, ниже которого строительных остатков не имеется.

Над этим уровнем находится насыпной слой толщиной до 1,5 м, состоящий из перемежающихся слоев зеленого каменного щебня и глины. Слои эти заходят под основание стены, отчего ее подошва и приобретает ступенчатый характер. Подошва внутреннего края стены лежит уже на самой верхней прослойке этих слоев. Трудно предположить, чтобы такой мощный насыпной слой был искусственно создан для постройки крепостных сооружений. Более вероятно, что эти утрамбованные слои свидетельствуют о наличии на горке каких-то сооружений, уничтоженных в связи со

[1] При рытье фундаментных рвов здесь были обнаружены остатки каменной стены «шириной в 5 аршин», обуглившиеся брусья, пожелтевшая известь, мусор, пепел, человеческие кости и «остатки разного древнего оружия» (Холмский народный календарь на 1905 г., стр. 125).

[2] Ипатьевская летопись, стр. 559.

[3] Возможно, однако, что данное сооружение является частью крепостной стены, а сплав меди с оловом относится к церкви, которая находилась где-либо поблизости.

строительством стены. Быть может, это остатки построек, уничтоженных при пожаре 1259 г., потому что как раз под этим слоем на древней поверхности земли по всему городищу прослеживаются следы пожара,— угли, закопченные камни и пр.[1]

Вопрос о датировке остатков сооружений, обнаруженных в Холме, не может быть решен достаточно точно, так как стратиграфические наблюдения, которые можно было сделать во время раскопок, либо вообще

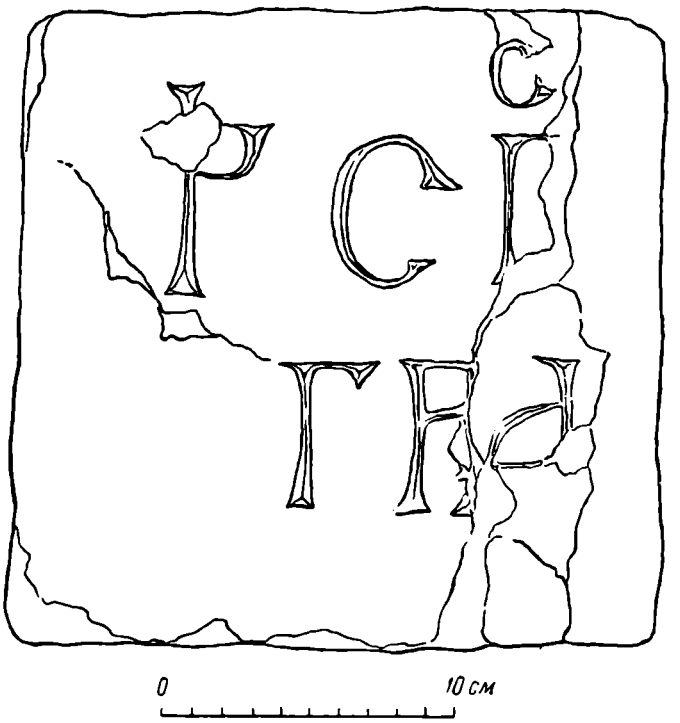

Рис. 6. Надпись на камне

не были сделаны, либо не получили отражения в сохранившейся документации. Точно так же неизвестно, что́ представляли собой те «черепки», которые были находимы во время раскопок и могли служить датирующим материалом.

Ни для П. П. Покрышкина, ни для его сотрудников, повидимому, не было сомнения в том, что раскопанные сооружения относятся ко времени Даниила Галицкого. Действительно, технические особенности кладки стены, раскопанной в Холме, близки к технике кладки Белавинской и Столпьенской башен. Однако, во-первых, сами эти башни недостаточно точно датированы и, повидимому, относятся не ко времени Даниила, а несколько позже — к концу XIII в. или даже первой половине XIV в. Во-вторых, техника каменной кладки может говорить лишь о близости строительной традиции, но не о точном хронологическом совпадении памятников, так как эта техника могла не изменяться за 100 или даже 150 лет.

Более определенным материалом для датировки может служить надпись (рис. 6), сделанная на отесанном зеленом камне, имеющем высоту около 21 см. Она состоит всего из шести букв, расположенных в две строки.

[1] Конечно, далеко не все следы пожара, вскрытые в процессе раскопок, обязательно связывать именно с пожаром 1259 г. Большие пожары в Холме бывали и гораздо позже, например в 1578 г.— Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией, т. XIX. Вильна, 1892, стр. 209.

Этот камень был уложен в кладку стены у западного угла. Несмотря на то, что камень лежал в кладке надписью наружу, можно не сомневаться в том, что это — вторичное употребление камня. Несомненно, что в данном месте камень с надписью был использован просто как строительный материал,— об этом говорят и место, где камень был найден, и обломанность самой надписи. Поэтому датировка надписи может определить лишь то время, раньше которого стена не могла быть построена.

Однако и датировка самой надписи представляет значительную трудность, ввиду ее необычности. Дата надписи может быть определена лишь очень относительно; наиболее вероятно, что надпись эта должна быть отнесена ко времени постройки Холма, т.е. к 30—40-м годам XIII в., а сооружение вскрытой раскопками стены может, таким образом, относиться ко времени восстановления крепости после пожара 1259 г. Эта датировка вполне согласуется как со строительно-техническими особенностями раскопанных сооружений, так и с остальными данными, а именно наличием под щебеночным слоем городища следов пожара, находкой куска сплава меди с оловом и пр.

Конечно, не исключена возможность, что крепостная стена Холмского детинца перестраивалась и несколько позже. Возможно, что некоторые из сооружений древнего Холма просуществовали даже до XVI в., так как в выбоине крепостной стены была найдена при раскопках польская монета 1550 г., а в районе башни в верхнем слое земли обнаружены обломки изразцов, относящихся, повидимому, к XV—XVI вв. [1]

Это не дает, однако, никаких оснований, чтобы сомневаться в древности вскрытых раскопками сооружений. Во всяком случае очевидно, что весь комплекс Холмского детинца был построен не позже середины XV в., когда значение Холма, потерявшего свою национальную и политическую самостоятельность, резко падает.

Археологическое изучение городов Волынской земли, особенно таких, как Любомль, Чарторыйск, Луцк, несомненно может дать более широкие и исчерпывающие сведения о культуре русских городов второй половины XIII — начала XIV в. Однако и раскопки в Холме, даже несмотря на то, что значительная часть их документации утеряна, все же дают интересные и ценные сведения об архитектуре этого наименее изученного периода русской истории.

---

[1] Во время раскопок были неоднократно находимы обломки красных брусчатых кирпичей с продольными бороздами на одной из постелей. Размеры кирпичей — $5^1/_4 \times 2^3/_4 \times 2$ вершка; $6 \times 2^3/_8 \times 0{,}06$ вершка; есть обломки кирпичей толщиною $1^3/_4$ вершка и др. Кирпичи эти могут относиться к сооружениям второй половины XIII в., хотя могут оказаться и результатом гораздо более позднего ремонта.

В. И. МАРКОВИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В РАЙОНЕ СЕЛ. КАПЧУГАЙ ДАГЕСТАНСКОЙ АССР

Окрестности сел. Капчугай имеют ряд интересных археологических памятников, относящихся к различным историческим эпохам: наскальные изображения, кромлехи эпохи бронзы, поселения и могильник раннего средневековья [1].

Сел. Капчугай (Буйнакского района Дагестанской АССР) расположено близ железнодорожной ветки Махачкала — Буйнакск., в 18 км от Буйнакска и в 8 км от ст. Кумторкала, в долине речки Шура-озень. Сразу же за Кумторкала начинается бесплодная котловина, пересеченная во многих местах руслами давно высохших горных речек; она тянется до озера Ах-Гель и окружена скалистыми отрогами Нарра-Тюбинского и Салтавского хребтов.

Весь комплекс капчугайских ущелий носит название Тепли-Таш. Скалы ущелья сложены из белого песчаника чокракского горизонта (миоцен)[2], легко подвергающегося выветриванию, чему способствуют сильные западные и восточные ветры [3]. В связи с этим археологические памятники, особенно наскальные изображения, находятся на пути к полному уничтожению. Многие из них едва выступают на фоне скал и пересечены трещинами.

Археологические объекты у сел. Капчугай исследовались мною с марта 1948 г. по август 1952 г. За это время тщательно был осмотрен участок от отрога горы Уллуюик у сел. Кумторкала до сел. Капчугай; западные районы ущелий за рекой Шура-озень почти не осматривались [4].

Наскальные изображения в основном сосредоточены в двух лощинах, тянущихся с юго-запада на северо-восток по обеим сторонам скалистой горы. Гора эта вытянута в широтном направлении и опускается на северо-восток под углом в 33° У геологов она носит название «Главного хребта» [5]. На западном склоне «хребта» находится каменоломня (ломки песчаника

---

[1] Некоторые из них уже были упомянуты в печати: М. Н. Исаков. Новые археологические находки в Дагестане. КСИИМК, XXXVI, 1951; его же. Следы каменного века в Дагестане. Газеты «Социализмдин пайдах» (на лезгинском яз.) от 15 ноября 1949 г., № 726 и «Ленин елу» (на кумыкском яз.) от 15 марта 1950 г., № 3569;

[2] И. И. Козорезов и И. Д. Филимонов. Строительные и абразивные материалы Северокавказского края. Севкавгиз, 1935, стр. 415.

[3] М. А. Майоров. Эоловая пустыня у подножья Дагестана. Махачкала, 1927.

[4] В поездках в Капчугай принимали участие Л. Марковина, Б. Иванов, В. Черепанов, Л. Бутько и художник В. Крюков.

[5] В. Д. Голубятников. Строительные материалы Дагестанской АССР. Сб. «Природные ресурсы Дагестанской АССР». М.— Л., 1935, стр. 281.

для стекольной промышленности). Первая лощина начинается непосредственно от каменоломни, с юга она ограничена «Главным хребтом», с севера грядами скал, образующими шесть самостоятельных групп. Каждая гряда отвесна с южной стороны и полога с северной. На отвесных сторонах этих гряд имеется ряд наскальных изображений.

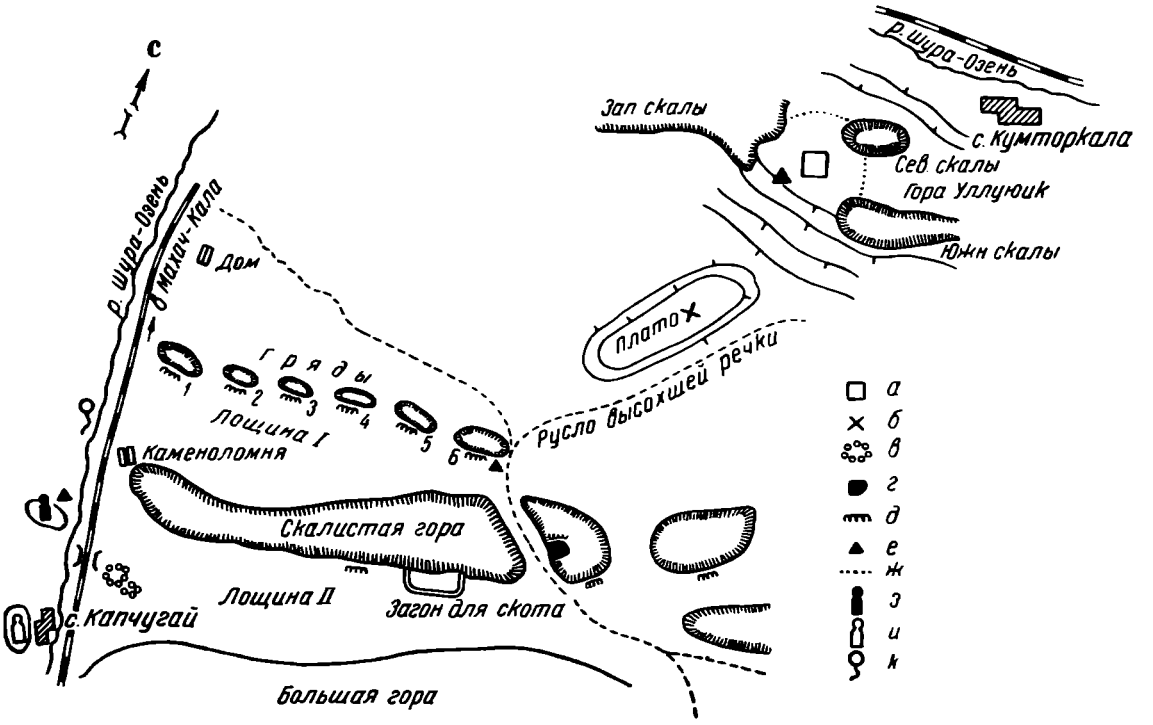

Рис. 1. Схематический план окрестностей селений Капчугай и Кумторкала с указанием археологических объектов

а — средневековое поселение, *б* — средневековый могильник, *в* — кромлех, *г* — грот с изображениями, *д* — наскальные изображения, *е* — культурный слой, *ж* — остатки стен, *з* — старое кладбище, *и* — современное кладбище, *к* — родник.

Вторая лощина расположена за каменоломней, между «хребтом» и другой, более мощной горой. В этой лощине изображения сосредоточены на скале в 1 км от каменоломни, у загона для скота. У входа в лощину находятся два кромлеха.

Одиночные изображения имеются во второй лощине на отдельных утесах, являющихся продолжением «хребта». Небольшая группа, наскальных изображений находится в гроте, расположенном в каньоне пересохшей речки, разрезающей в этом месте «хребет» (рис. 1). Почти у всех археологических памятников найдены обломки, кремневые отщепы и поделки. Поэтому, для простоты изложения, после описания каждого объекта я даю описание сопутствующих ему находок.

1. НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ПЕРВОЙ ЛОЩИНЕ

Первая гряда скал узкая, протянувшаяся на большую длину, имеет только одно изображение: сильно стилизованная фигура человека, с руками, разведенными в стороны, помещена над линиями, направленными друг

к другу под разными углами. Голова человека изображена четырьмя точками. Справа от человека нанесена фигура оленя с ветвистыми рогами; туловище, хвост, ноги, рога и их ответвления трактованы с помощью одних линий. Длина рисунка — 17,5 см (рис. 2, *1*). Изображения процарапаны по песчанику. Находок под этой грядой скал нет.

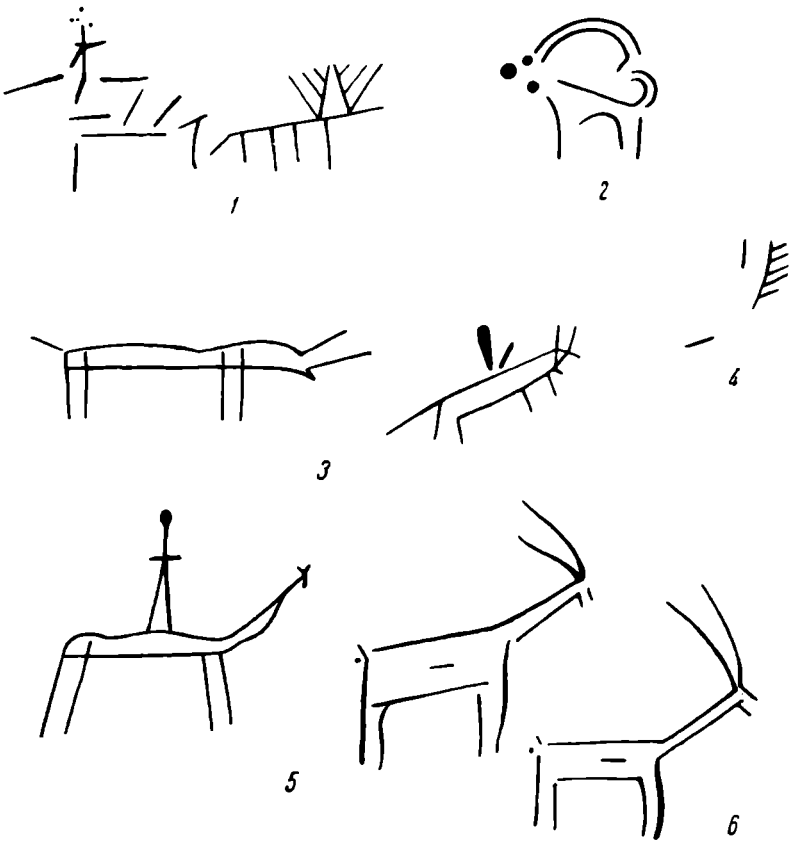

Рис. 2. Наскальные изображения в первой лощине у сел. Капчугай

1— на первой гряде скал; *2* — на второй гряде скал; *3* — на третьей гряде скал; *4* — на четвертой гряде скал; *5*, *6* — на шестой гряде скал

Вторая, более высокая, но короткая гряда скал расположена на расстоянии 100—150 м к востоку от первой. На ней имеются два изображения. Первое—небольших размеров, представляет тура (?). Животное стоит в спокойной позе, приподняв голову, рога закинуты на спину, хвост загнут вверх. Туловище передано несколькими линиями, рога — один над другим, в виде полуовальных линий; такими же двумя линиями трактован хвост. Голова изображена тремя точками, образующими треугольник. Длина рисунка — 17 см (рис. 2, *2*).

Второе изображение, больших размеров (весь комплекс рисунка занимает более 1,5 кв. м), представляет целую сцену, на которой даны изображения различных животных — оленей, лошадей, лани и др. (рис. 3). Фигуры животных, переплетаясь между собой, кажутся, на первый взгляд, беспорядочным нагромождением линий. В верхнем левом углу помещено животное с широкой, тупой головой, под ним — изображение лани, фигура которой очень велика и расположена наклонно по отношению к другим

рисункам. Лань имеет узкую, длинную шею и небольшую головку, что свойственно этим животным (длина — 50 см). Ноги лани пересекают многочисленные линии, сделанные с разным нажимом; возможно, это стрелы, которые должны поразить животное. Сбоку, под передними ногами лани изображен олень с ветвистыми рогами, а ниже — ряд сильно стилизованных изображений животных, напоминающих рисунок первой гряды.

Рис. 3. Изображения на второй гряде скал в первой лощине у сел. Капчугай

Затем, еще ниже,— олень с одним рогом и ухом; рядом, впереди него,— всадник на коне. Всадник сидит в седле и держит лошадь за повод. Лошадь, всадник и остальные аксессуары изображены одними прямыми линиями. Длина фигуры всадника равна 12 см. Ниже даны незавершенные фигуры и символ плодородия (знак женского пола).

Всю группу изображений завершает сделанный в округлых линиях рисунок лошади с седлом, но без всадника. Это изображение напоминает детский рисунок. Оно нанесено более острым орудием (возможно,— ножом) и манерой исполнения отличается от остальных. Рисунок почти не успел выветриться и, вероятно, является поздним подражанием.

Под второй грядой скал, прямо на поверхности земли, были найдены: фрагмент толстостенного сосуда (из серой глины с примесью шамота)

с лощеной поверхностью и двумя желобками, нанесенными лощилом (рис.4а, *1*); несколько бесформенных обломков розового и серого кремня;

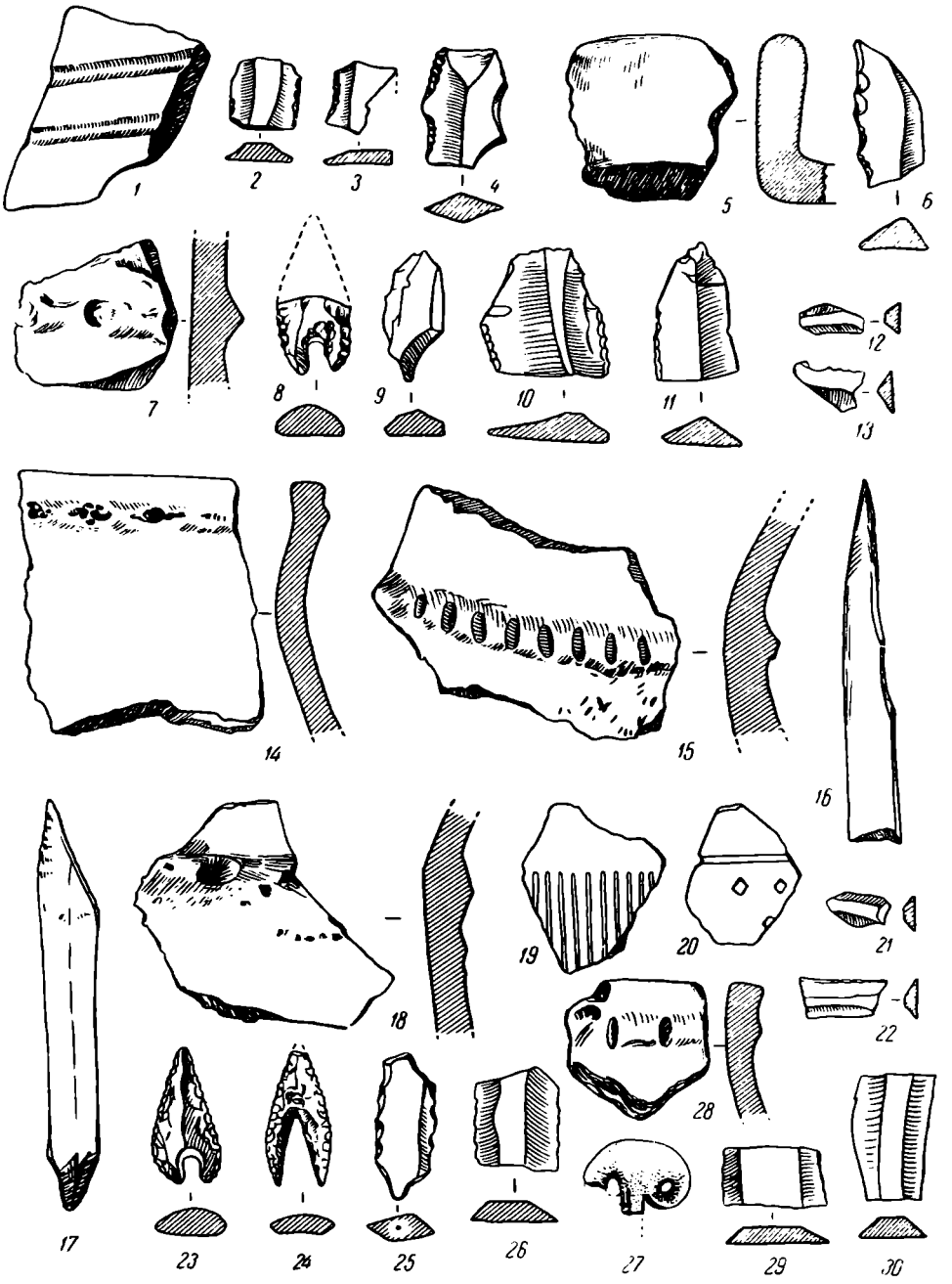

Рис 4а. Находки из первой лощины у сел. Капчугай и с территории Тарнаира (г. Махачкала)

1—1 — вторая гряда скал сел. Капчугай; *5—13* — пятая гряда скал сел. Капчугай; *14—25* — шестая гряда скал сел. Капчугай; *26—30* — с территории Тарнаира (г. Махачкала); *1—13, 16, 17, 20—30* нат. вел., *14, 15, 18, 19*—$^1/_2$ нат. вел.

4 отщепа (белый и серо-желтый кремень), имеющих в поперечнике формы трапеции и треугольника (рис. 4а, *2—3*); три из них — со следами ретуши, один, возможно, представляет собой заготовку стрелы (рис. 4а, *4*).

Третья гряда состоит из 4 групп скал, переходящих одна в другую. На одной из них находится сильно выветрившееся архаического типа изображение животного (возможно,— быка). Спина его дана двумя ломаными линиями, живот — одной, параллельной им, хвост слегка поднят, ноги, как и на предыдущих рисунках, параллельны, но в верхней части линии ног заходят за линию живота. Голова животного с рогами наклонена (бодается). Длина изображения— 21 см (рис. 2, *3*). Находок под этой группой скал нет.

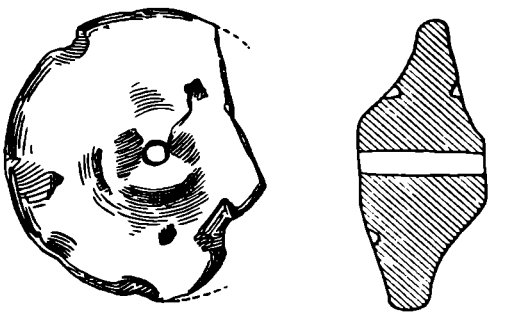

Рис 4б. Керамическое колесо от модели повозки. Лощина первая, гряда шестая, сел. Капчугай

Четвертая гряда скал—незначительной высоты. На ней изображена охотничья сцена: человек на коне преследует оленя. Фигура человека изображена двумя линиями — перпендикулярной и наклонной. Фигура коня сильно стилизована, характер животного ничем не подчеркнут. хвост находится под углом к туловищу, что не характерно для лошади, голова не дорисована. От оленя сохранились один рог с ветвями и две черточки (облом скалы). Рисунок всадника равен 14,5 см. Изображение сильно выветрилось (рис. 2, *4*). Под этой грядой были найдены: обломок донной части толстостенного сосуда, внутренняя поверхность которого заглажена (по характеру теста, толщине и внешнему виду он напоминает черепок, найденный у второй гряды); несколько осколков сероватого кремня: заостренный отщеп с ретушью и вкладыш (оба из желтоватого прозрачного кремня). Тут же был найден крупный обломок терочника из сероватозеленого долерита (базальта, рис. 20, *2*)

Пятая гряда имеет всего одно изображение. На скалу нанесена фигура оленя, но очень схематичная, хотя и в несколько более реальной манере, чем рисунок оленя первой гряды. Туловище его трактовано как прямоугольник, к которому пририсованы две прямые линии — ноги. Два других прямых штриха, на некотором расстоянии от туловища животного, обозначают шею. Прямыми линиями изображены и рога животного, один — с ответвлениями, другой — без них. Длина этого рисунка — 16 см. Немного ниже оленя выгравированы два квадрата, возможно, изображающие охотничьи сооружения. Четвертой стороны у них нет. Один квадрат разделен диагональю, другой — прямой линией, параллельной основанию (перегородка; рис. 5).

Под пятой грядой найдено очень много осколков кремня, среди них — несколько отщепов со следами ретуши (рис. 4а, *10*, *11*), три микролитических вкладыша (рис. 4а, *12*, *13*), проколка из розоватого кремня (рис. 4а, *9*), обломок нижней части наконечника кремневой стрелы с выемом, прекрасной работы, из такого же прозрачного желтоватого кремня, что и вкладыши. Длина и ширина обломка стрелы — 12 мм, глубина выема — 5 мм (рис 4а, *8*). Тут же был найден обломок толстостенного лепного сосуда

(обмазанного красноватой глиной и покрытого лощением), орнаментированный налепным валиком, пальцевыми углублениями (рис. 4а, 7).

Наконец, самая последняя, шестая гряда скал в этой лощине наиболее богата и находками и изображениями. Эта гряда отстоит к востоку от полотна железной дороги на 1 — 1,5 км. Покатой (северо-западной) стороной она опускается к руслу высохшей речки. С юго-востока гряда круто обрывается вниз. Здесь на расстоянии 1,5—2 м от поверхности земли

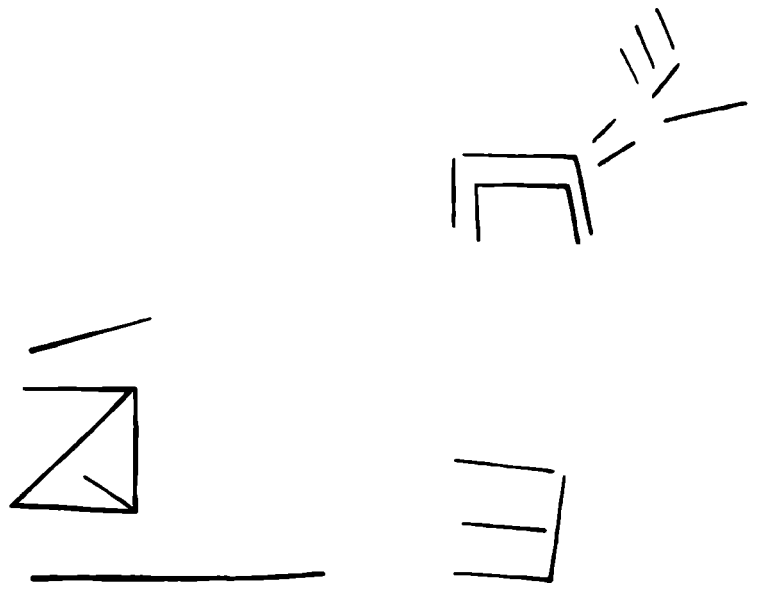

Рис. 5. Изображения на пятой гряде скал в первой лощине у сел. Капчугай

имеется целая галлерея наскальных изображений. Они покрывают длинной лентой скалу, одна картина чередуется с другой, порой покрывает соседнюю. Поверх рисунков имеются современные записи, фамилии русскими и арабскими буквами, есть и современные рисунки, грубо выполненные. Самые древние, рассматриваемые нами, изображения находятся на грани полного исчезновения вследствие бурной деятельности ветров. С большим трудом нам удалось зарисовать лучше сохранившиеся.

Крайним (с левой стороны) изображением является сцена «джигитовки» На спине коня, с длинной шеей, узкой головой и торчащими маленькими ушами, стоит человек; ноги у него расставлены, руки разведены в стороны под прямым углом к линии туловища, голова изображена точкой. Длина лошади — 19 см (рис. 2, 5). Следующий рисунок — охота с копьем на оленя: человек с очень длинным, слегка изогнутым копьем, сидя на коне, гонится за оленем; ноги коня находятся в спокойном состоянии, они перпендикулярны к линии живота и параллельны между собой, но охотник держит лошадь на поводу, словно сдерживает ее бег. Резчику не удалось изобразить движение в фигуре лошади, однако размах копья и ноги оленя динамичны. Олень изображен художником теми же линейными средствами, какие мы видели на рисунках гряд второй и пятой. Длина копья охотника равна 43 см (рис. 6). Рядом находится изображение оленей. Рисунок этот сделан не прямыми, а плавными, мягкими, округлыми линиями. У одного из оленей (левого), кроме рогов, имеются уши (обычно изображаются только рога). Этот олень изображен бегущим. Интересны два соседних оленя. Перед ними изображены луки со стрелами,

фигуры охотников отсутствуют. Рисунок символизирует сцену охоты. Самый нижний олень недоработан (его длина —21 см; рис. 7). Ниже оленей изобра-

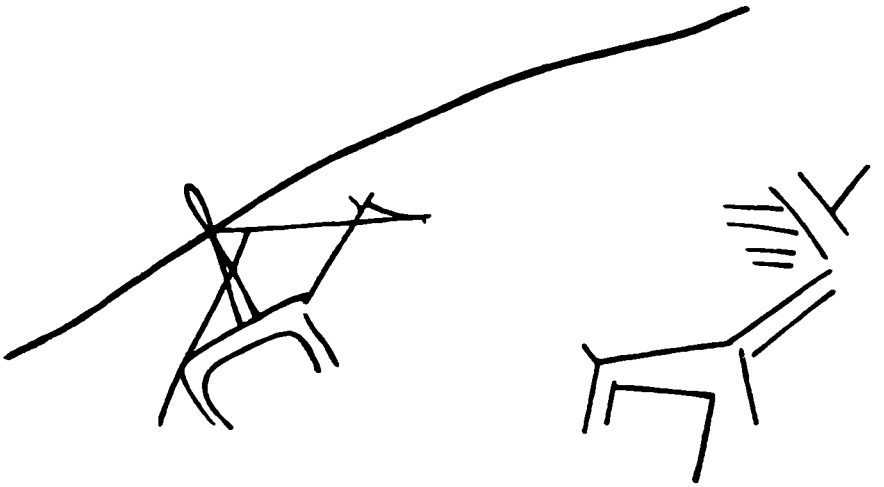

Рис. 6. Охота на оленя. Изображение на шестой гряде скал в первой лощине у сел. Капчугай

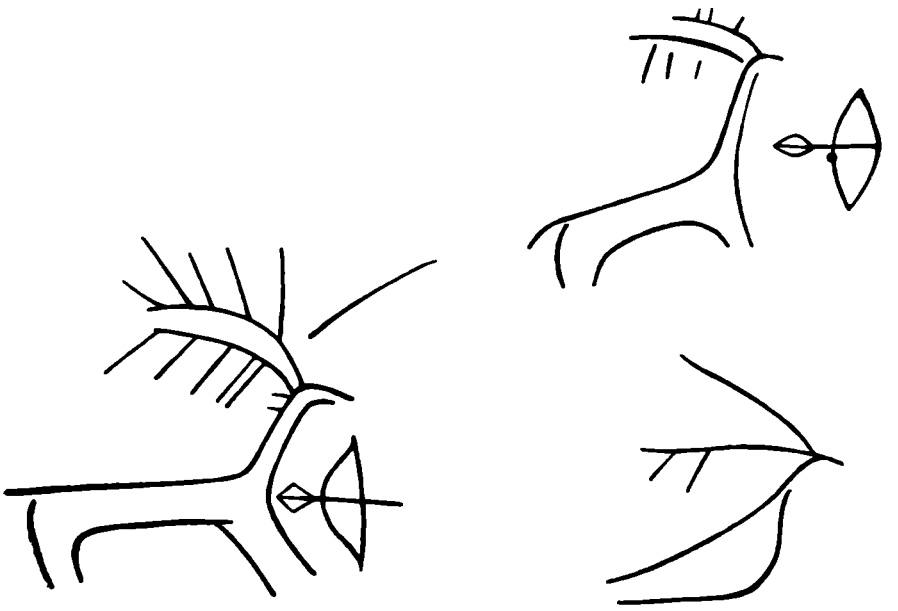

Рис Охота на оленей. Изображение на шестой гряде скал в первой лощине у сел. Капчугай

жены козлы. Они исполнены почти прямыми линиями, рога у них волнистые, высокие. Посредине туловища животных проведены черточки. Скорее всего, черточками отмечены наиболее уязвимые места в теле животного. Длина большого козла равна 17 см (рис. 2, *б*). Несколько выше фигур козлов, следом за тремя оленями, изображена группа из двух всадников, следующих друг за другом. Исполнены они линейно, без всякой попытки к объемности, и в этом отношении напоминают рисунок первой гряды. У обоих всадников правые руки согнуты в локте, левыми они держат повод, есть намеки на пальцы.

Первый всадник сидит в седле, второй едет без седла. Ноги всадников спущены по бокам лошадей, чего не было на предшествующих рисунках. У всадника, сидящего в седле, обозначены ступни ног, копыта его коня переданы точками. Длина рисунка всадника без седла — 21—22 см. Расположенные ниже изображения собаки (?) и козла даны с попыткой передачи объемности (рис. 8). За фигурами всадников следуют изображения двух мужчин и женщины. Мужчины протягивают друг другу руки (первый — левую, второй — правую). Другие их руки согнуты в локте и приближены к бедрам. Туловище и ноги мужчин изображены утолщенными

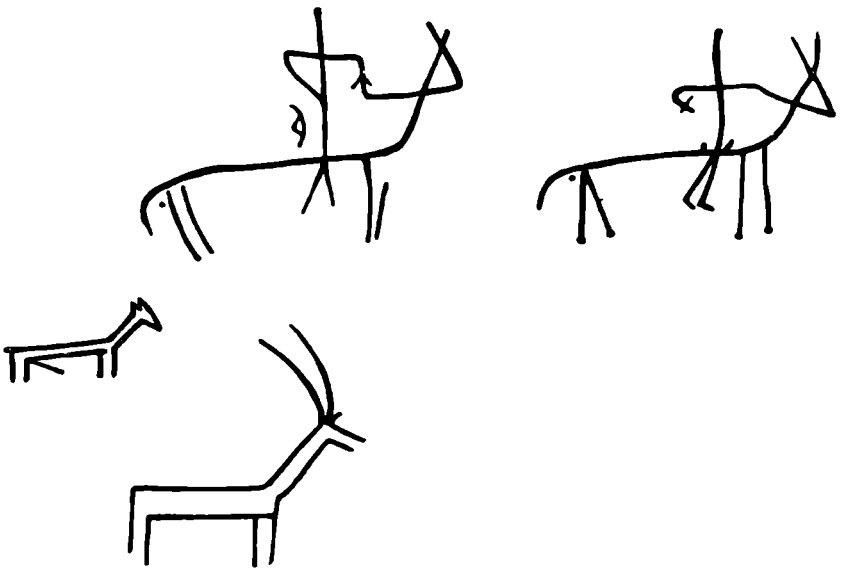

Рис. 8. Изображения на шестой гряде скал в первой лощине у сел. Капчугай

линиями (стремление к передаче объема), ноги имеют ступни, руки — с пальцами. Головы изображены большими точками. Такого же характера изображение женщины, но ноги у нее сделаны линиями без утолщений. Руки женщины разведены в стороны, правая имеет пять пальцев, на левой руке пальцы не сделаны. Фигура женщины несколько больше фигур мужчин (высота изображений мужчин — 15 см). Ноги у всех трех фигур расставлены, и между ними художник изобразил знаки, символизирующие пол (рис. 9).

На некотором расстоянии от описанной группы имеются довольно точные изображения различных животных. Среди них узнаются кабан, туры, серна. Кабан имеет геометрическую форму тела, голова его поднята. Туры и серна изображены своеобразно — сочетанием полукруглых и прямых линий. На туловище серны имеются две точки; это, вероятно, — наиболее уязвимое место животного (длина серны — 24 см). Ниже серны изображен лабиринт (рис. 10).

Под грядой, на которой нанесены эти изображения, оказались многочисленные находки.

В 2—3 м от скал, близ русла высохшей речки, в обрыве почвы, прослежен культурный слой толщиной 25 см с большим количеством золы и угольков (рис. 1). В нем найдены две костяные проколки и лощило. Обе проколки сделаны из осколков трубчатой кости с заостренными концами (рис 4а, *16*, *17*), лощило — из части зуба животного со сглаженным краем.

Возле гряды, среди многочисленных обломков кремня, были найдены два кремневых наконечника стрел с выемом (аналогичны наконечнику, найденному у пятой гряды). Наконечники тщательно отретушированы

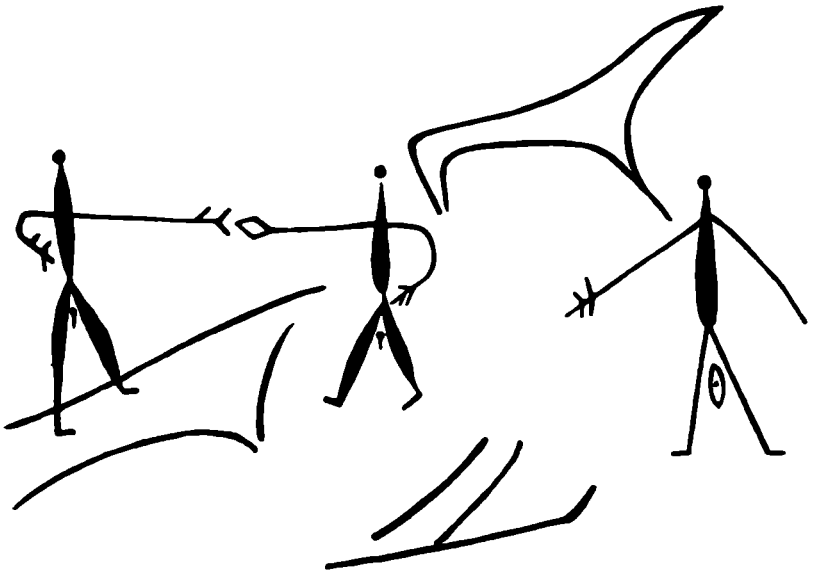

Рис. 9. Группа из двух мужчин и женщины. Изображение на шестой гряде скал в первой лощине у сел. Капчугай

Рис. 10. Изображения на шестой гряде скал в первой лощине у сел. Капчугай

(размер первого — 21 12 мм, глубина выема — 5 мм; размер второго — 19 × 10 мм, глубина выема — 10 мм; рис. 4а, *23*, *24*). Поблизости были найдены кремневая проколка (рис. 4а, *25*) и несколько вкладышей-микролитов (рис. 4а, *21*, *22*).

Среди огромного количества камней и речных валунов (кварциты, железистый песчаник, известняк) было обнаружено интересное орудие из черноватого кварцита. Оно имеет удлиненную форму, нижняя часть сглажена, с одного края заметны следы подтески. Очевидно, это гладилка: размеры ее — 110 × 50 × 24 мм. Тут же были обнаружены два терочника: плоский, с противолежащими рабочими концами, сделанный из черного

кварцита (85 × 74 × 37 см), и цилиндрический из желтоватого песчаника (диаметр — 5 см, высота — 3,5 см).

Обломки посуды шестой гряды по длине и лощению ничем не отличаются от найденных у предшествующих гряд. Сосуды были леплены от руки, большей частью залощены, но, кроме них, здесь же найдено несколько обломков с грубой обмазкой сырой глиной по внешней поверхности. Они несколько напоминают сосуды так называемой каякентско-хорочоевской культуры. Вся посуда — слабого и неравномерного обжига. Многие сосуды были орнаментированы. Это большей частью налепной орнамент в виде выпуклого валика с вдавлениями пальцами или палочкой, как на пятой гряде (рис. 4а, *14*, *15*, *18*). Встречается орнамент и иного характера: линейный поясок, сделанный лощилом, четырехугольные вдавления, нанесенные штампом по сырой глине, параллельные полосы, идущие от венчика ко дну (рис. 4а, *19*, *20*), и беспорядочная штриховка гребенкой. Профилированные обломки посуды позволяют считать, что сосуды были и баночной формы, и с отогнутым венчиком. Следует отметить интересную находку глиняного колеса от модели повозки. Колесо — биконической формы, диаметром 4,2 см, со сквозным отверстием для оси, украшено с обеих сторон неглубокими вдавлениями; глина в изломе двуцветная — черная, переходящая в красную (рис. 4б).

Таковы наскальные изображения и сопутствующие им находки в первой лощине.

Изображения первой лощины по тематике и по степени реалистического воспроизведения животных, фигур людей и пр. можно разделить на два типа:

1. Примитивные изображения, большей частью исполненные почти одними прямыми линиями. В них едва заметно стремление к объемной передаче тела животного. Наиболее характерны для этого типа изображения первой, четвертой и частично второй гряд (рис. 2, *1*, *4*); к этому же типу я отношу рисунок лабиринта (шестая гряда) и знаки плодородия. Изображения этого типа настолько примитивны, что с большим трудом поддаются расшифровке.

2. Реалистические изображения животных. Художник воспроизводит реально существующих животных (туров, серн, козлов, ланей и др.). Степень выражения особенностей животных различна.

Между первым и вторым типами можно наметить изображения, занимающие промежуточное положение [например, изображение быка (?), третья гряда, рис. 2, *3*].

К сценам охоты я отношу рисунок, символизирующий охоту (олени с направленными на них луками, шестая гряда).

Все изображения первой лощины исполнены гравировкой (процарапыванием) каким-то острым орудием по гладкой поверхности скал.

2. НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ЛОЩИНЕ

Во второй лощине изображения сосредоточены в трех местах: на стене «хребта» и на двух соседних, сравнительно небольших утесах. Наибольшее число изображений расположено на скалистой стене «Главного хребта», где они следуют друг за другом на разной высоте от уровня почвы (от 0,7 до 2 м и более). Стена находится в 1 км от полотна железной дороги к юго-востоку, за каменоломней, у загона для скота (рис. 1).

Здесь, как и в первой лощине, можно наметить два типа изображений: примитивные, характера непонятных знаков и намека на реальных животных и реалистические изображения.

К первому типу можно отнести следующие изображения: знак в виде буквы Т, с дополнительными наклонными черточками по сторонам ножки

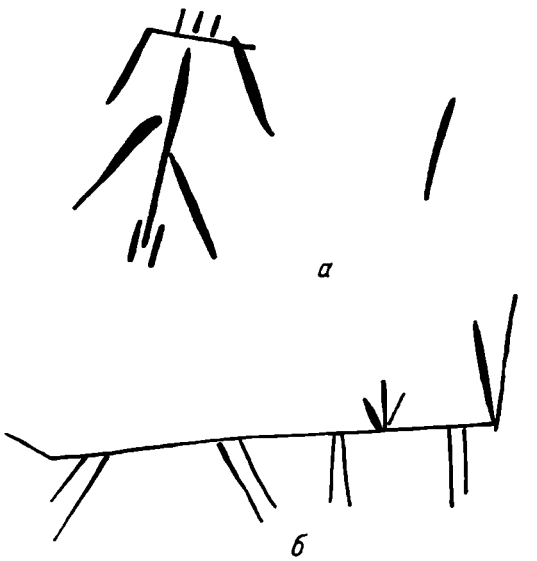

Рис. 11. Изображения на скалистой стене во второй лощине у сел. Капчугай

буквы и несколькими штрихами снизу и сверху. Возможно, это стилизованная фигура человека (рис. 11, *а*). Другое примитивное изображение представляет собой животное с длинным туловищем, восемью ногами и хвостом (туловище — одна линия). Животное имеет длинные уши и

Рис. 12. Ревущие олени. Наскальное изображение во второй лощине у сел. Капчугай

трезубец на спине. Длина его — 42 см (рис. 11, *б*). Третий рисунок более реалистичен, он изображает оленя с сигарообразным телом. Ниже этого оленя начинаются изображения, которые мы относим ко второму типу.

Особенно интересна группа из трех оленей с дугообразными рогами; головы у них подняты вверх, создается впечатление, что животные ревут

[самый малый олень — длиной 97 см (рис. 12)]. Среди другой группы животных ясно выделяются силуэты тура и кабана. У кабана — поза обороняющегося; животное изображено несколькими линиями, но характер его схвачен художником исключительно верно (рис. 13). Не менее интересна группа бегущих шакалов [?] и козла. Тела животных вытянуты, как при стремительном беге (рис. 14). Несколько далее даны изображения оленей, туров и, возможно, бегущих лисиц.

Среди рисунков первого и второго типа имеются изображения охотничьих сцен. На одном рисунке изображен человек с луком и щитом возле двух оленей и тура (голова тура срезана краем скалы). Фигура человека трактована совершенно иначе, чем предшествующие. На рисунке объемно

Рис. 13. Изображения на скалистой стене во второй лощине у сел. Капчугай

даны грудь, бедра, руки; голова трактована не как точка, а в виде овала, очерченного несколькими линиями. На голове обозначены волосы. Руки человека подняты вверх и согнуты в локтях; в правой он держит стрелу, в левой — лук, а к локтю его привязан щит. Высота фигуры человека — около 18 см (рис. 15). Это изображение при описании было ошибочно перенесено М. И. Исаковым с данной скалы в грот, находящийся в каньоне высохшей речки, пересекающей обе лощины [1].

На другом рисунке изображен всадник на коне, гонящий перед собой двух оленей. Всадник сидит в седле, за его спиной привязана поклажа (три штриха), в руке у него копье. Ноги всадника имеют ступни, голова — в виде равностороннего треугольника с двумя точками — глазами. Голова дана в фас, а ноги и туловище — в профиль (рис. 16).

Под этой группой изображений были найдены обломки сосудов с красной обмазкой, сглаженные с обеих сторон (того же типа, что у гряд первой лощины), и терочник из коричневого кварцита, квадратной формы, со стесанными углами. Его размеры — 80 × 75 × 25 мм. По внешнему виду этот терочник подобен терочникам, найденным в первой лощине (исключая круглый, рис. 20, *3*). Аналогичные терочники встречаются и в районе сел. Тарки (большей частью из черного кварцита).

[1] КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 183, рис. 53.

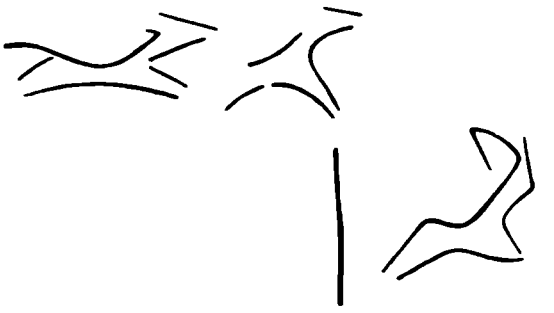

Рис. 14. Бегущие шакалы (?) и тур. Изображение на скалистой стене во второй лощине у сел. Капчугай

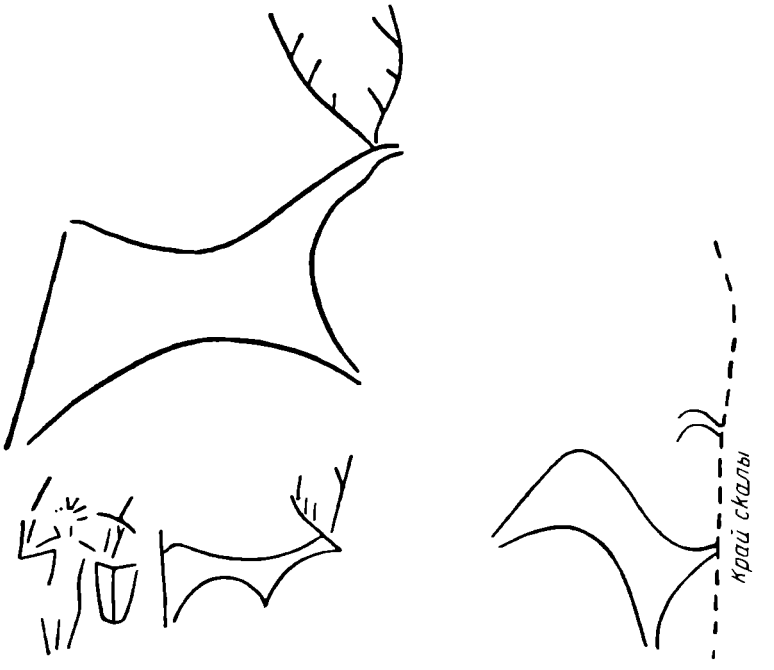

Рис. 15. Охота на оленей. Изображение на скалистой стене во второй лощине у сел. Капчугай

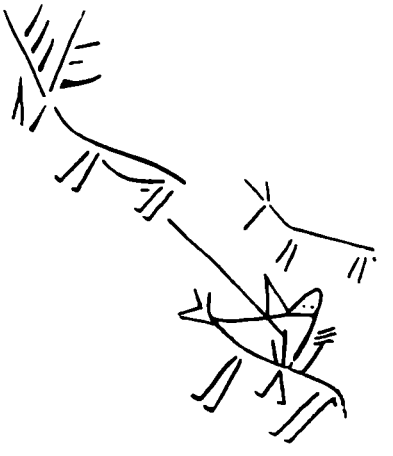

Рис. 16. Охота на оленей. Изображение на скалистой стене во второй лощине у сел. Капчугай

Интересное одиночное изображение находится к востоку, за руслом высохшей речки: на скале очень схематично изображен козел; туловище — в виде толстой сигарообразной линии, рога — в виде двух тонких извилистых линий, ноги прямые, перпендикулярные к туловищу (длина фигуры — 27 см). Выше рисунка козла изображены два овала, разделенные продольной линией с одной или двумя точками на ней (рис. 17). Это известный со времен палеолита знак женского пола, символизирующий плодородие и играющий важную роль в магической подготовке к охоте [1].

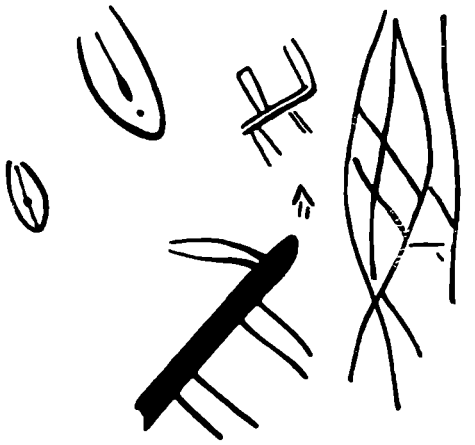

Рис. 17. Одиночное наскальное изображение во второй лощине у сел. Капчугай

Следующее одиночное изображение имеется на втором увале, на некотором расстоянии от первого (в 300 м от русла высохшей речки). Здесь изображен, вероятно, тур. Рисунок нанесен на коре песчаника, пропитанной солями железа. Прочная порода потребовала иной техники нанесения рисунков. Все предыдущие рисунки выполнены простым процарапыванием по мягкому песчанику, этот же исполнен точечным пунктиром в один и два ряда каким-то твердым заостренным орудием. Тур (?) дан в спокойной позе, почти прямыми линиями. Особенности животного переданы слабо, схематично. Внутри большого изображения (его длина 108 см) помещено несколько рисунков поменьше — козла, кабана, волка-

Рис. 18. Одиночное изображение во второй лощине у сел. Капчугай

[1] А. С. Г у щ и н. Происхождение искусства. «Искусство», 1937, стр. 50, рис. 25.

шакала (?). Под большим изображением тура имеются еще два: овца и неоконченный рисунок какого-то животного. Неоконченный рисунок помещен и над спиной тура. Рисунки внутри большого изображения и овца исполнены реалистично. Козел выполнен мягким контуром с поднятой головой, кабан — в позе обороняющегося. Изображение большого тура сделано двойным пунктиром, других животных — одинарным (рис. 18).

Возможно, автор рисунка, помещая внутри большого изображения животного малые изображения, тем самым думал наделить его качествами этих животных: силой кабана, быстротой горного козла и т. д.

Изображение тура также было ошибочно перенесено М. И. Исаковым в его статье в грот [1]. Под скалой с изображениями был найден небольшой кремневый отщеп.

В гроте, описанном М. И. Исаковым, мы находим с левой стороны, на уступе скалы, изображения пяти знаков плодородия и двух групп перекрещивающихся линий. Размеры этих рисунков не превышают 12 см. Других изображений в гроте не имеется.

Наскальные изображения, подобные открытым в ущельях у сел. Капчугай, в 1948 г. мне удалось обнаружить и у сел. Ленин-кент, на гряде песчаника, тянущейся по плоскости параллельно Нарра-Тюбинскому хребту.

Здесь можно видеть те же символы женского пола и геометрические начертания, что и в Капчугае (рис. 19). Они процарапаны по песчанику, как и большая часть описанных изображений. Возможно, они исполнены тем же населением капчугайских ущелий, тем более, что на перевале горы Уллуюик, ведущем из ущелий, встречается та же древняя керамика с налепными валиками (рис. 20, *1*). К сожалению, пока еще не все скалы у сел. Ленин-кент обследованы. Находок у Ленин-кента сделано не было, но на небольшом расстоянии от него, в местности Тарнаир [2], в зоне выдувания встречается масса обломков орнаментированной посуды и поделок. Некоторые обломки сосудов с Тарнаира — того же характера, что и собранные у гряд Капчугай (рис. 4а, *28*). Тут же было найдено бронзовое или медное навершие булавки с двумя волютами (рис. 4а, *27*). Вполне возможно, что окрестности Капчугая, Ленин-кента, Тарнаира были территорией, население которой в определенную эпоху отличалось одинаковой материальной культурой, тем более что все эти пункты сосредоточены вокруг одного хребта Нарра-Тюбе.

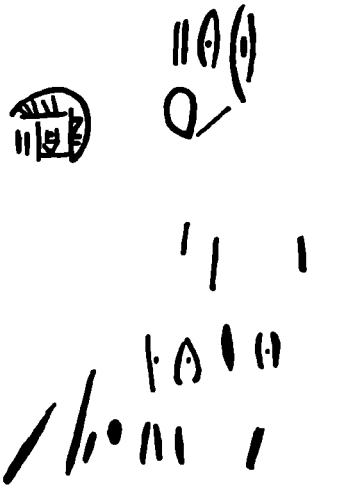

Рис. 19. Изображение на скалистой гряде у сел. Ленин-кент

Капчугайские и ленин-кентские наскальные рисунки очень напоминают изображения, сделанные красной краской в верховьях р. Кубани, у р. Кишлюорла, где также изображены охотники, стреляющие из лука, олени, лабиринты, геометрические фигуры [3]. Но, к сожалению, эти писаницы, исследованные В. М. Сысоевым, не датированы. Описываемые

---

[1] КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 183.

[2] Местность за поселком Махачкала I от отрогов горы Тарки-Тау и до восточной стороны Нарра-Тюбинского хребта.

[3] В. М. Сысоев. Древности по верхнему течению р. Кубани. МАК, вып. 9, 1904, стр. 164, рис. 68, 69.

нами изображения находят себе некоторые параллели и в рисунках на скалах Кабристана (Азербайджан)[1], однако авторы, их описавшие, недостаточно обосновывают их датировку.

Капчугайские изображения, как уже было отмечено выше, неоднородны. Среди них намечаются два типа: 1) рисунки архаического облика и 2) более поздние объемные изображения. Очевидно, все они равновременны и имели различный смысл.

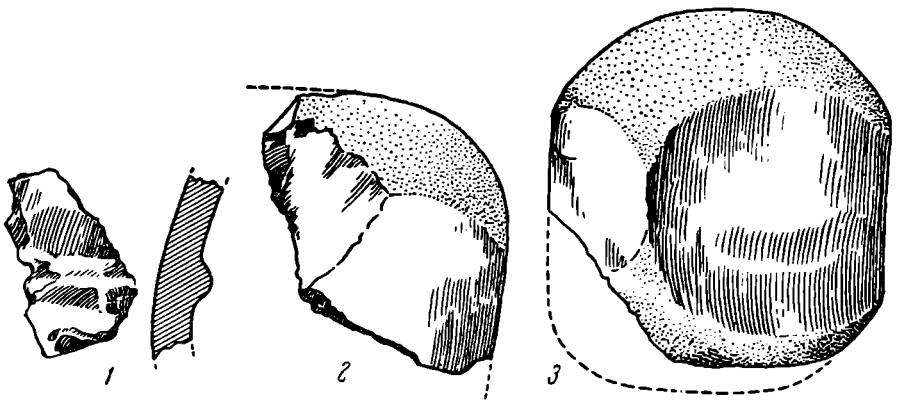

Рис. 20. Находки из окрестностей сел. Капчугай и с горы Уллуюик (сел. Кумторкала)

1 — фрагмент керамики (гора Уллуюик, сел. Кумторкала); *2* — обломок терочника из долерита первая лощина, четвертая гряда скал, сел. Капчугай); *3* — терочник из кварцита (вторая лощина, сел. Капчугай); *1* — нат. вел., *2,3*—1/2 нат. вел.

Описываемые нами наскальные изображения, вероятно, являются своеобразными магическими пожеланиями счастливой охоты (рисунок охоты, где изображены не стреляющие охотники, а луки, направленные на оленей), плодородия (знаки женского пола). Изображение горных козлов может быть связано с культом горного козла, как приносящего счастье[2]. Возможно, некоторые изображения представляют собой своеобразные обращения к животным-покровителям рода. В этом отношении они близки рисункам телеутов на бубнах. Характер исполнения описываемых нами изображений на скалах также близок к этим примитивным рисункам[3].

На посуде из Ханлара (Азербайджан) [4] и Бешташени (Грузия) [5] встречается орнаментика с рисунками, подобными исследованным нами наскальным изображениям. Этот факт необходимо учитывать при датировке капчугайских памятников.

Собранная возле наскальных изображений керамика, особенно с налепным орнаментом, тождественна керамике из манасских курганов (отмечу сосуд из кургана 3, катакомба 2, раскопки 1951 г. К. Ф. Смирнова) и керамике из Карабудахкентского поселения [6]. Манасские катакомбы и Кара-

[1] Н. К. Верещагин и Н. О. Бурчак-Абрамович. Рисунки на скалах юго-восточного Кабристана. ИВГО, т. 80, вып. 5, 1948.

[2] М. И. Дальский. Наскальные изображения в бассейне реки Зарафшан. МИА, № 15, стр. 239.

[3] Н. Н. Дыренкова. Материалы по шаманству у телеутов. Сб. МАЭ, т. 10, 1949, стр. 107, 121, рис. 6, 7.

[4] Я. И. Гуммель. Раскопки поселения I на запад от Ханлара. КСИИМК, XXIII, 1948, рис. 37.

[5] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети I. Тбилиси, 1941, стр. 341, табл. 53.

[6] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, XLV, 1952, стр. 88.

будахкентское поселение датируются серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э., Такого же характера керамика встречается в поселении у сел. Банай [1]. Сосуды с подобным налепным валиком и лощеной поверхностью известны и в соседней Грозненской области,— из могильника у сел. Первомайского (раскопки Е. И. Крупнова), который датируется серединой II тысячелетия до н. э.[2]; такой же валик имеют так называемые «репчатые» сосуды с р. Маныч, тоже датируемые эпохой бронзы [3]. Налепной валик с насечкой есть и в более поздних сосудах — глубоких мисках из Кобанского могильника (Осетия) [4].

Находка керамического колеса от модели повозки для Дагестана не является новостью. А. П. Кругловым в поселении у Джемикента, датируемом им второй половиной II тысячелетия до н. э., было найдено подобное колесо [5]. Известны находки предметов, напоминающих колеса, у сел. Шенгавит (Армения) среди керамики III тысячелетия — первой половины II тысячелетия до н. э. [6] В Кобани (Осетия) была найдена привеска в виде колеса (олицетворение солнца) [7]. Таким образом, капчугайское глиняное колесо можно с некоторым основанием отнести также ко II тысячелетию до н. э.

Что же касается кремневых наконечников стрел с выемом, то подобные стрелы были находимы в могильных комплексах Грозненской области [8], Азербайджана [9] и Грузии [10], т. е. в соседних областях. Суммарно они датируются эпохой бронзы, точнее III и II тысячелетиями до н. э. Кварцитовые терочники из Капчугая напоминают пест-терочник из Успенского поселения эпохи бронзы (Заволжье) [11] и также могут быть отнесены к этой эпохе.

Навершие бронзовой булавки из Тарнаира можно датировать II тысячелетием до н. э. по аналогии с подобными булавками из Нальчика [12].

В могильных комплексах Грузии II тысячелетия до н. э. известны костяные проколки [13], подобные найденным нами.

Ханларская керамика с изображениями, подобными капчугайским, датируется Я. И. Гуммелем первой половиной II тысячелетия до н. э.[14] Керамика из сел. Бешташени датируется XII—XI вв. до н. э.[15] Наскальные изображения животных Капчугая второго типа по своему контуру

---

[1] Материалы разведок Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии Наук СССР под руководством М. И. Пикуль в Северном Дагестане в 1951 г.

[2] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 92, рис. 25.

[3] М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 332, рис. 7.

[4] МАК, VIII, 1900, табл. XII.

[5] А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. КСИИМК, XIII, 1946.

[6] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 33.

[7] МАК, VIII, 1900, стр. 68—69.

[8] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 96.

[9] Я. И. Гуммель. Некоторые памятники ранней бронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, XX, 1948, стр. 15—21.

[10] Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 21, рис. 11.

[11] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 210, рис. 17.

[12] Б. Е. Дегеи. Курганы в Кабардинском парке г Нальчика. МИА, № 3, табл. VII, *3*.

[13] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 33.

[14] КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 68—76.

[15] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети I. Тбилиси, 1941, стр. 66.

(особенно изображения у лабиринта в первой лощине) очень напоминают контуры статуэток из Кюль-Тапы (Армения), которые Б. Б. Пиотровский датирует III тысячелетием — первой половиной II тысячелетия до н. э. [1]

Капчугайское изображение лабиринта по рисунку несколько напоминает лабиринт из сел. Махческ (Осетия). Е. И. Крупнов, подчеркивая необычность подобного мотива для Кавказа, относит Махческий лабиринт к докобанской эпохе [2]. В Дагестане на средневековых жилых постройках аварцев можно увидеть изображения лабиринтов или спиралей, как стремление магически оградить свой дом от неприятеля [3]. Изображение лабиринта из Капчугая не связано с жилыми комплексами — его можно сблизить с культовыми изображениями типа лабиринта у с. Махческ.

Таким образом, исходя из датировок находок и наскальных изображений, наиболее вероятной датировкой описанных памятников Капчугая можно считать II тысячелетие до н. э. Если же учесть, что изображения Капчугая разнохарактерны,— от примитивных до вполне реалистических, то возможно, что некоторые из них относятся к более позднему времени (I тысячелетие до н. э.). Пока нет конкретных фактов для последнего утверждения, но выше уже была отмечена находка отдельных обломков более поздних сосудов с обмазкой глины по внешней поверхности, напоминающих сосуды так называемой каякентско-хорочоевской культуры (первая половина I тысячелетия до н. э.)[4], очень часто украшенные налепными валиками. Также в подтверждение второй, более поздней даты говорят аналогичные некоторым капчугайским изображения на керамике из Восточного Закавказья (Азербайджан), датируемой первой половиной I тысячелетия до н. э. [5] Проведение дальнейших работ в Капчугае позволит уточнить этот вопрос.

---

[1] Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 184, рис. 4.

[2] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, стр. 64.

[3] Н. Б. Бакланов. Архитектурные сооружения Дагестана. Труды III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М.— Л., 1939, стр. 29.

[4] А. П. Круглов. Предскифские памятники Северо-восточного Кавказа. Уч. записки ЛГУ, вып. 13, Л., 1949, стр. 127.

[5] Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940.

О. В. МИЛОРАДОВИЧ

КАБАРДИНСКИЕ КУРГАНЫ XIV—XVI вв.

На Северном Кавказе — на территории Ставропольского края (район Пятигорья), Кабардинской, Северо-Осетинской республик и Грозненской области до реки Сунжи расположены многочисленные курганы, получившие с давних времен наименование кабардинских (рис. 1). Дата курганов — XIV—XVI вв. Возникновение их связывается с непосредственными предками кабардинцев.

Изучение этих интересных погребальных памятников может дать много нового для неясных до сих пор вопросов этногенеза адыго-черкесо-кабардинских племен, их расселения в послемонгольский период, формирования на территории бывшей Алании и т. п.

Раскопки кабардинских курганов велись с XIX в., но специально этим вопросом до настоящего времени никто не занимался, хотя материала накопилось достаточно, чтобы приступить к его систематизации и изучению. Публикуемые полевые отчеты иногда снабжались пространными комментариями, в которых решались вопросы датировки и принадлежности раскапываемых памятников определенным этническим группам, например, статьи-отчеты Д. Я. Самоквасова [1], Б. В. Лунина [2], А. В. Мачинского [3], Е. И. Крупнова [4] и др.

Отдельные высказывания или небольшие разделы по этим вопросам встречаются на страницах работ, посвященных общим вопросам кавказской археологии, преимущественно кабардинской [5].

Большое количество кабардинских курганов известно в Пятигорье. Обследование и раскопки в этом районе проводились в разное время разными лицами, но больше всех в этой области сделано Д. Я. Самоквасовым,

---

[1] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 242—254.

[2] Б. В. Лунин. Курганные могильники близ г. Пятигорска Терской обл. Зап. Сев.-Кавк. краев. об-ва археол., ист. и этногр., кн. I (т. III), вып. 2, Ростов-на-Дону, 1927, стр. 3—17.

[3] А. В. Мачинский. Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика. МИА, № 3, стр. 317—324.

[4] Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. Уч. записки КНИИ, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 296—301.

[5] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабарды. МИА, № 3, стр. 27—30; Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Труды ГИМ, XII, М., 1941, стр. 188—190; его же. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946, стр. 42—47; А. П. Смирнов. К вопросу формирования кабардинской народности по археологическим данным. Уч. записки КНИИ, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 94, 107 и др.

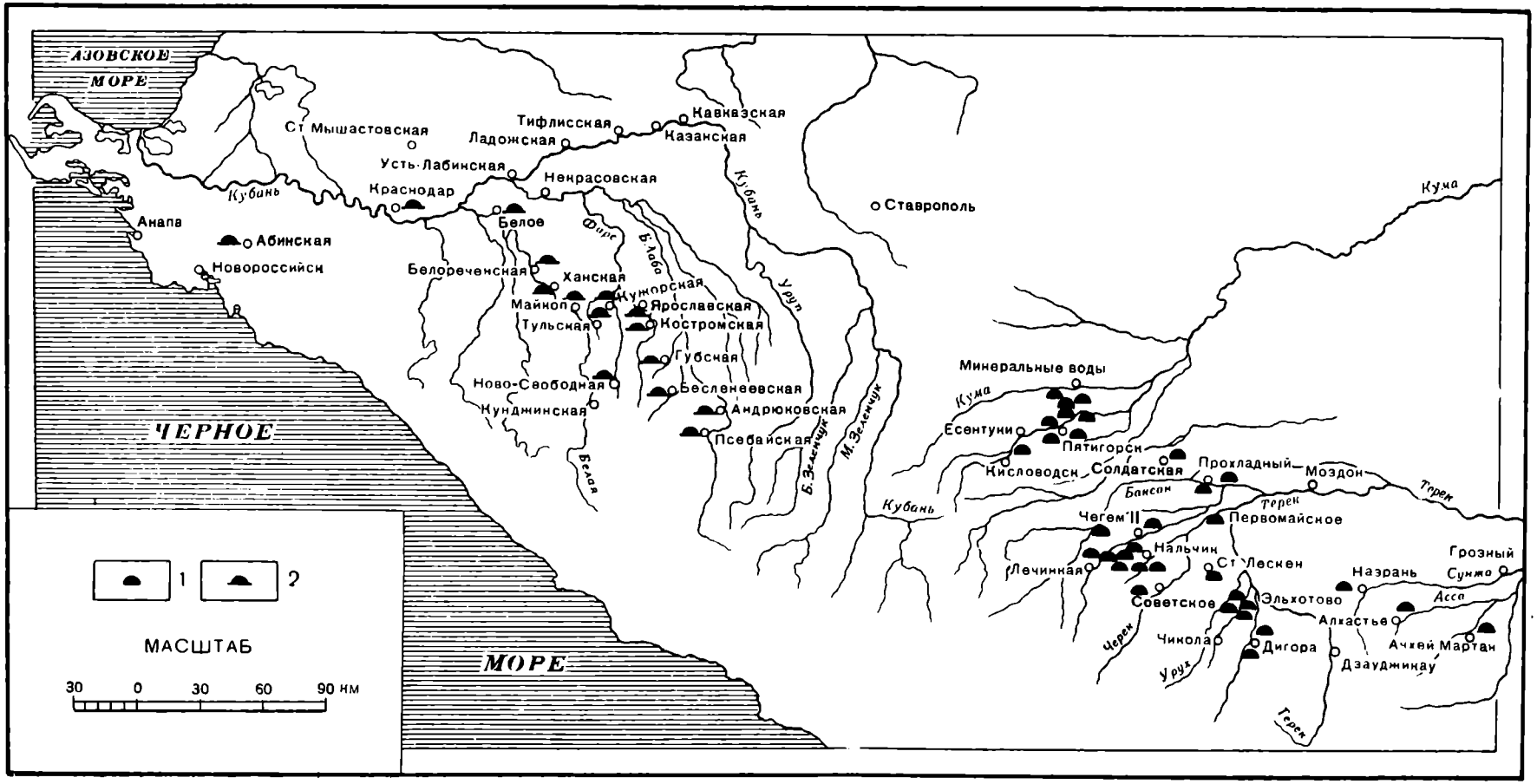

Рис. 1. Карта распространения адыго-черкесских курганов

1 — кабардинские, 2 — белореченские

раскопавшим в 1881—1882 гг. 201 курган, в которых был добыт огромный вещевой материал, представляющий большую археологическую ценность.

Кроме Д. Я. Самоквасова, обследование и раскопки кабардинских курганов в Пятигорье производили в 1877 г. Н. Г. Керцелли (близ ст. Горячеводской)[1]; в 1901 г.—В. Р. Апухтин в районе Минеральных вод и ст. Горячеводской[2]; в 1902 г.— А. Н. Грен близ ст. Николаевской. В 1907—1909 гг. этот район обследовал, не производя раскопок, Н. Е. Макаренко, лишь отметивший наличие групп кабардинских курганов[3].

В 1920—1921 гг. на Константиногорском плато и у Лермонтовского железнодорожного разъезда произвел раскопки Б. В. Лунин[4].

Уже в недавнее время раскопки курганов производили местные работники — Н. М. Егоров и др. (материалы не опубликованы, вещи из раскопок хранятся в Пятигорском музее).

Огромное количество кабардинских курганов зафиксировано также на территории Кабардинской АССР.

В 1879 г. здесь близ станций Прохладной и Солдатской[5] произвел раскопки таких курганов В. Б. Антонович, в 1912 г. — Н. А. Караулов, близ немецкой колонии Эбенецер[6], в 1897 г. — художник И. А. Владимиров[7], в районе г. Нальчика и по рекам Баксану и Череку. Много кабардинских курганов в Кабардинской АССР выявлено Северокавказской экспедицией ГАИМК[8], а также экспедицией ИИМК — ГИМ — КНИИ под руководством Е. И. Крупнова[9].

На территории Малой Кабарды у сел. Ислам в 1898 г. один кабардинский курган раскопал В. И. Долбежев, отметивший, что «подобных курганчиков замечено в этой местности не мало». Им же раскопан один такой курган на территории Северо-Осетинской республики — у сел. Кескем[10].

В Северной Осетии эти курганы зафиксированы близ ст. Эльхотово, вокруг знаменитого татартупского минарета (почти на границе с Кабардой). Здесь у ст. Змейской, на левом берегу Терека, вел раскопки в 1877 г. Н. Г. Керцелли[11]. На противоположном берегу Терека большой курганный могильник в 1879 г. раскапывал В. Б. Антонович[12]. Местный краевед Ф. С. Панкратов (публиковавший свои работы под псевдонимом Ф. С. Гребенец) произвел раскопки в 1912—1913 гг. в трех местах этого района — за «Глубокой Балкой», близ станицы Змейской и в 2—3 верстах от минарета[13].

---

[1] Н. Г. Керцелли. Антропологическая выставка Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1878, т. I, стр. 204 и сл.; т. II, стр. 275 и сл.

[2] Правительственный вестник, 1903, № 242.

[3] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1900—1901 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 121.

[4] Б. В. Лунин. Ук. соч.

[5] В. Б. Антонович. Дневник работ, веденных на Кавказе. Труды V Археолог. съезда. Протоколы Подготовительного комитета, М., 1882, стр. 217—259.

[6] ИАК. Прибавление к вып. 46, 1912, стр. 132—135.

[7] ОАК за 1897 г., стр. 43—46, 138—145.

[8] А. В. Мачинский. Ук. соч.; А. А. Иессен. Краткий отчет о работах Баксанской экспедиции. ИИМК, 1934—1936 гг., М.— Л., 1940, стр. 233.

[9] Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. Уч. записки КНИИ, т. IV, Нальчик, 1948.

[10] ОАК за 1898 г., стр. 141, 159—160.

[11] Н. Г. Карцелли. Ук. соч.

[12] В. Б. Антонович. Ук. соч.

[13] Ф. С. Гребенец. Курганы в окрестностях станции Змейской. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1915, вып. 44, стр. 1—30.

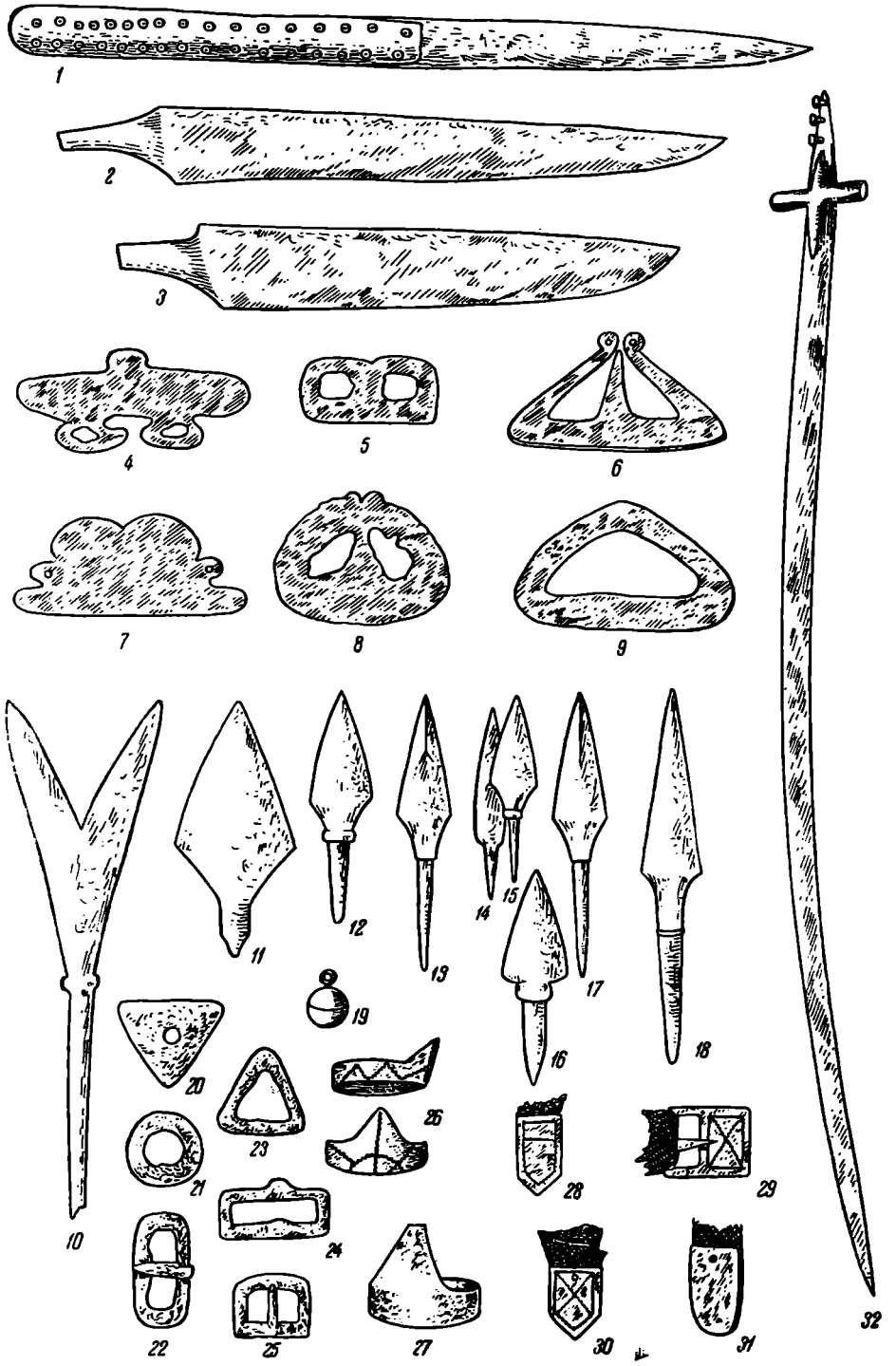

Рис. 2. Характерные предметы мужских погребений

1 — нож с костяной рукояткой из кургана № 17 у колонии Константиновки; *2* — нож из кургана № 13 у колонии Каррас; *3*— нож из кургана № 12 (там же); *4*—кресало из кургана № 37 (там же); *5* — кресало из кургана № 14 (там же); *6* — кресало из кургана № 13 (там же); *7* — кресало из кургана № 15 у колонии Константиновки; *8* — кресало из кургана № 5 у сел. Чегем II (Куденетово II); *9* — кресало из кургана № 9 у колонии Константиновки; *10*, *11*, *12*, *14*, *15* — наконечники стрел из кургана № 13 у колонии Каррас; *13* — наконечник стрелы из кургана № 2 у сел. Чегем II (Куденетово II); *16* — наконечник стрелы из кургана № 4 на р. Нальчике; *17* — наконечник стрелы из кургана № 1 у сел. Чегем II (Куденетово II); *18* — наконечник стрелы из кургана № 19 у колонии Каррас; *19* — серебряная пуговица из кургана № 4 на р. Нальчике; *20*—*25* — бляшка, кольца и пряжки от колчана из кургана № 13 у колонии Каррас; *26* — серебряный перстень из кургана № 1 на р. Нальчике; *27* — серебряный перстень из кургана № 4 (там же); *28* — серебряный наконечник из кургана № 1 на р. Нальчике; *29* — серебряный наконечник из кургана № 11 близ г. Нальчика; *30*—серебряная пряжка из кургана № 11 близ г. Нальчика; *31* — серебряный наконечник из кургана № 4 на р. Нальчике; *32*—сабля из кургана № 5 у сел. Чегем II (Куденетово II). Вещи, найденные в курганах у колоний Каррас и Константиновки,— из раскопок Д. Я. Самоквасова; вещи, найденные близ Нальчика,— из раскопок И. А. Владимирова.

Отдельные группы кабардинских курганов имеются и в других пунктах Северной Осетии: у сел. Назран (раскопки В. Б. Антоновича 1873 г.)[1], у сел. Христианское (современное название — Дигора; раскопаны также В. Б. Антоновичем) и у сел. Канташеево (раскопки В. Л. Бернштама 1879 г.)[2].

На территории Грозненской области кабардинских курганов зафиксировано значительно меньше — всего две группы: 1) у сел. б. Алхасте в Ассинском районе[3], где Е. И. Крупновым в 1939 г. в группе из восьми курганов были раскопаны три; 2) на правом берегу р. Фортанги, к западу от сел. Ачхой-Мартан, где А. П. Кругловым и А. В. Мачинским в 1936 г. был раскопан один курган[4]. Эта группа — самая восточная из всех известных до настоящего времени кабардинских могильников.

* * *

Что же представляют собой кабардинские курганы?

Характерными для их внешнего вида являются: форма полушария; средние и небольшие размеры насыпей, почти всегда обложенных камнями (большей частью по поверхности, иногда в виде кольца на подошве); окружение ровиком.

Группируются курганы в могильники, насчитывающие от нескольких до 200—300 насыпей, расположенных беспорядочно, близко одна к другой, за что нередко получают у местного населения наименование «частые кургашки».

Погребальный обряд характеризуется следующими чертами: погребенные лежат в вытянутом положении, на спине, с протянутыми конечностями, головой на запад (небольшие отклонения встречаются, но редко), почти всегда в деревянных гробах самого разнообразного устройства или в подобии гроба (обкладка камнями, покрытие досками, корой и т. д.). Как правило, гроб впущен в материк очень неглубоко, нередко стоит даже выше горизонта

Характерна засыпка могилы древесным углем в большей или меньшей степени, нередко выражающаяся лишь в небольшой кучке под головой погребенного. Но иногда углем засыпана вся могила до краев.

Инвентарь четко разграничен на мужской и женский. Посмотрев на вещи, найденные в кургане, почти всегда безошибочно можно сказать — мужчина или женщина были в нем похоронены.

Только железный нож, самый распространенный предмет в мужском инвентаре, нередко бывает положен и в женские погребения и встречается в погребениях как самых богатых, так и беднейших (инвентарь последних часто им только и ограничен).

Мужской инвентарь — железные сабли, колчаны из дерева, бересты и кожи, снабженные кольцами, пряжками и шнурами и украшенные бляшками; стрелы железные (в колчанах и отдельно), часто с остатками древков; остатки луков; железные кресала (разных типов), при них кремень, часто в мешочке — простом холщевом или расшитом узором; остатки головного убора, одежды, кожаной обуви; пуговицы, обрывки поясов шелковых и плетеных, наконечники от них и пряжки. Иногда в мужских погребениях встречаются серьги золотые и серебряные, а также изделия из кости (рис. 2).

---

[1] В. Б. Антонович. Ук. соч.

[2] Труды Подготовит. комитета V Археолог. съезда, М., 1882, стр. 297.

[3] Труды ГИМ, вып. XII, М., 1941.

[4] А. П. Круглов. Археологические раскопки... Грозный, 1938, стр. 30—31.

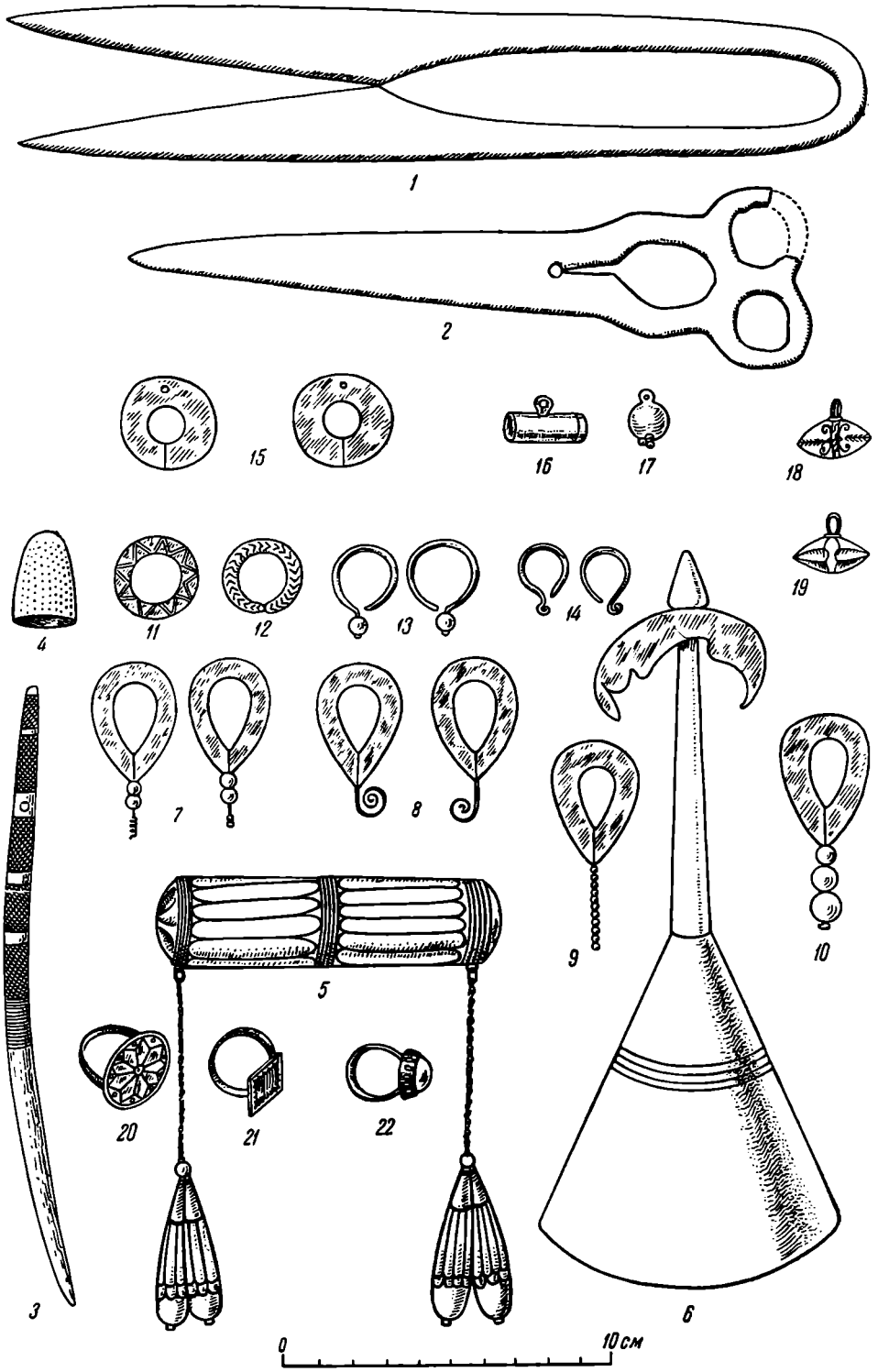

Рис. 3. Характерные предметы женских погребений

1 — ножницы из кургана № 5 у колонии Каррас; *2* — ножницы из кургана № 1 у колонии Константиновки; *3* — костяная игла из кургана № 21 (там же); *4* — наперсток медный из кургана № 5 (там же); *5* — несессер серебряный из кургана № 40 у колонии Каррас; *6* — серебряное головное украшение из того же кургана; *7* — серьги золотые из кургана № 1 у колонии Константиновки; *8* — серьги золотые из кургана № 40 у колонии Каррас; *9* — серьга золотая с жемчужинками из кургана № 45 у колонии Каррас; *10* — серьга золотая с серебряными бусами из кургана № 46 (там же); *11*, *12*—кольца позолоченные из кургана № 5 у колонии Константиновки; *13* — серьги с серебряными бусами из кургана № 2 (там же); *14* — серьги золотые из кургана № 3 близ г. Нальчика (раскопки И. А. Владимирова); *15* — пара колец серебряных из кургана № 49 у колонии Каррас; *16* — пуговица серебряная из кургана № 44 (там же); *17* — пуговица серебряная из кургана № 41 (там же); *18*, *19* — пуговицы позолоченные из кургана № 3 близ г. Нальчика (раскопки И. А. Владимирова); *20*—перстень с серебряным щитком из кургана № 44 у колонии Каррас; *21*, *22* — перстни со вставленными камнями из кургана № 44 (там же). Вещи, найденные в курганах близ колоний Каррас и Константиновки,— из раскопок Д. Я. Самоквасова.

Женский инвентарь — железные ножницы двух типов,— так называемые «для стрижки овец» (пружинные) и современного портняжного типа с двумя кольцами; крупные и толстые костяные иглы, иногда орнаментированные; головные уборы (и их остатки) с конусовидным металлическим украшением, с навершием в виде лунницы; остатки одежды, обуви; пуговицы, украшения — серьги золотые, серебряные, бронзовые, перстни со стеклянными и каменными вставками и узорчатыми щитками; в небольшом количестве бусы (рис. 3).

Детский инвентарь беден, состоит из небольшого количества мелких предметов, пары колечек, пряжечки, пуговицы, 2—3 бусин; подросткам клалось уже все то, что полагалось взрослому.

* * *

Нередко в состав инвентаря взрослых — как мужчин, так и женщин — входят кусочки рога. Иногда это просто обломки, но чаще на них имеются следы среза ножом, зарубки, а иногда даже орнамент.

Характерным для данных курганов нужно считать отсутствие сосудов (исключение составляет глиняный кувшин, найденный в кургане № 3 у ст. Прохладной в Кабарде)[1], отсутствие стремян, удил и прочих принадлежностей коня.

Интересно отметить большое разнообразие в устройстве гробов кабардинских курганов, различных в погребениях одного и того же могильника. Так, например, в двенадцати курганах, раскопанных Б. В. Луниным на Константиногорском плато (район Пятигорья), покойник или был положен в выдолбленную колоду, покрытую крышкой, или же лежал на доске и был накрыт долбленой колодой. В отчете Б. В. Лунина не указан пол погребенных, но, судя по инвентарю, можно предположить, что вторым способом были похоронены женщины (колоды 1, 2, 3, 6 и 11). В могильниках близ б. колонии Каррас (Пятигорский район, раскопки Д. Я. Самоквасова) из 52 описанных курганов 5 самых богатых (с саблями) погребений мужчин были в долбленых колодах, остальные,— более бедные мужские и все без исключения женские,— в досчатых гробах.

Это же сочетание досчатых гробов и колод мы видим и в других кабардинских могильниках. У ст. Прохладной в двух женских погребениях (1 и 6 группы А) гробы сколочены из 6 досок, скрепленных пазами, в четырех мужских и одном детском гробы выдолблены в виде корыт, из них два лежали в перевернутом положении, т. е. покрывали собой костяк.

В могильнике у городища Татартуп (Северная Осетия, раскопки Ф. С. Гребенца) женские погребения находились в досчатых гробах, скрепленных скобами, мужские — в колодах, выдолбленных из дубовых стволов. Покойники в эти колоды задвигались через отверстие со стороны ног, после чего отверстие забивалось чурбаком.

Но в могильнике у Эбенецер шесть мужских погребений были в гробах из дубового корья и лишь одно,— женское, богатое, с конусовидным головным украшением,— в долбленой колоде.

Таким образом, мы видим, что в каждой курганной группе имеются какие-то отличия в устройстве гроба, выделяющие погребения либо по признакам пола, либо по их имущественному положению. Однако какой-нибудь общей закономерности в погребальном обряде для этого типа курганов не прослеживается.

---

[1] В. Б. Антонович. Дневник работ, веденных на Кавказе. Труды V Археолог. съезда. Протоколы Подготовительного комитета, стр. 238.

Иногда гроб имел сложное устройство, иногда был разукрашен; так, например, в кургане № 4 у ст. Прохладной гроб украшен мозаичной инкрустацией из костяных квадратиков, расположенных в шахматном порядке и орнаментированных циркульным рисунком.

* * *

В Прикубанье известны курганы, имеющие очень большое сходство с кабардинскими. Исследованы они в основном Н. И. Веселовским в Белореченской и других Кубанских станицах. Курганы эти рассеяны по всему левобережью Кубани от устья р. Лабы до р. Урупа на востоке и до р. Абинки на западе. Они известны под наименованием «белореченских». Сходство этих курганов с кабардинскими имеет для последних большое значение, так как белореченские курганы точно датированы XIV—XVI вв.— монетами и арабскими надписями.

В типичном для этих памятников женском погребении в ст. Белореченской (курган № 12, раскопки Н. И. Веселовского 1896 г.)[1] в деревянном ларце лежали три серебряные золотоордынские монеты хана Узбека (1320 г.), хана Шадибека (1401—1402 гг.) и Сеид-Ахмеда (1402—1419 гг.).

В ст. Ярославской при доследовании грабленых курганов белореченского типа сотник Поплавский обнаружил трапезундскую серебряную монету XIV—XV вв. с дырочкой для привешивания[2].

В кабардинских курганах монетных находок нет совершенно. Правда, есть одно упоминание, сделанное П. П. Надеждиным в его книге «Кавказский край», изданной в Туле и посвященной географическому описанию Кавказа, где он пишет: «Близ ст. Эльхотово Владик. ж. д. и станицы Прохладной, при раскопках курганов найдены гробы, сбитые из досок или выдолбленные из дерева и содержащие по одной особи. Со стороны скелетов, даже детских, заметно было много оружия: длинные и изогнутые сабли, на восточный образец, ножи, кинжалы, луки, колчаны из берестовой коры и пр. По монетам XIV—XV веков, встречавшимся в этих курганах, можно судить, что они принадлежат воинам, с которыми сталкивались русские в степях Северного Кавказа в средние века»[3]. Я думаю, что это упоминание о монетах ошибочно, хотя и повторено за П. П. Надеждиным уже дважды — Л. П. Семеновым в его статье «Татартупский минарет», а со слов последнего — А. П. Смирновым в его работе «К вопросу о формировании кабардинской народности по археологическим данным»[4]. Откуда взял свои сведения Надеждин,— неизвестно. Можно предположить, что он хотел сказать: «По монетам XIV—XV вв., встречавшимся в подобных курганах», вместо сказанного им: «в этих курганах», так как никаких упоминаний о находке монет ни у одного из авторов раскопок у ст. Прохладной и близ Эльхотово мною не обнаружено. Неизвестны они также и Л. П. Семенову, иначе он бы сослался на первоисточник, а не цитировал Надеждина.

Попутно хочу уточнить еще одно упоминание о монетных находках, сделанное Д. Я. Самоквасовым и иногда вносящее неясность в этот важный вопрос. В разделе «Общее обозрение могил половецко-татарской эпохи»[5] Д. Я. Самоквасов пишет: «Могильники окрестностей сел. Вороной (бывш. Екатеринославской губернии, Ново-Московского уезда), несо-

[1] ОАК за 1896 г., стр. 41.
[2] ОАК за 1895 г., стр. 64.
[3] П. П. Надеждин. Кавказский край. Тула, 1901, стр. 425.
[4] Уч. записки КНИИ, т. IV, стр. 88.
[5] Д. Я. Самоквасов. Ук. соч., стр. 253.

мненно, относятся ко времени господства монголов над Русской землею, в них найдены металлические зеркала и золотые подвески с татарскими надписями. К тому же времени относятся курганные могильники области Пятигорья с покойниками, погребенными без могильных ям и в неглубоких ямах с остатками деревянных гробов; могильники этого рода датированы монетами ханов Узбека и Джанибека». Иногда это упоминание монет ханов Узбека и Джанибека понимается как указание на находки, сделанные в Пятигорье, на самом же деле в Пятигорье, в кабардинских курганах, нет ни одной нумизматической находки. Указанные монеты найдены в могильнике у д. Вороной и поступили в собрание Д. Я. Самоквасова от А. А. Карцевой (4 серебряные золотоордынские монеты ханов Узбека и Джанибека)[1].

Итак, мы видим, что кабардинские курганы, не дав монетных находок, все же могут быть датированы по аналогии с очень сходными с ними белореченскими курганами.

В чем же заключается это сходство?

1. Погребальный обряд тот же — покойник клался головой на запад (очень редко — на юг), на спине, в вытянутом положении, с вытянутыми руками и ногами, часто в деревянном гробу.

2. Обряд засыпки могилы древесным углем имеет место и в белореченских курганах.

3. В белореченских курганах, как и в кабардинских, не найдено удил и стремян и прочих принадлежностей сбруи коня[2].

4. Большие совпадения, нередко до тождества, имеет погребальный инвентарь.

Отличия между кабардинскими курганами и белореченскими заключаются в следующем:

1. Белореченские курганы имеют сосуды — золотые, серебряные, бронзовые, деревянные, стеклянные и глиняные.

2. Белореченские курганы, как по устройству гробниц, так и по инвентарю, много богаче кабардинских.

В кабардинских курганах нет привозных вещей; в белореченских — привозные стеклянные сосуды, поясные бляшки из Киликии[3], ткани и другое. Найдены поясные наборы, много золотых и серебряных изделий, остатки богатой одежды. Таким богатством отличаются курганы лишь близ самой ст. Белореченской; курганы же белореченского типа, рассеянные по Кубанскому краю, близ станиц Кужорской, Ярославской, Костромской, Губской, Андрюковской и других, значительно беднее и отличаются от кабардинских часто только наличием в них сосудов.

Полное единство описываемых памятников подчеркивают некоторые вещи, входящие в состав могильного инвентаря, например железные навершия в виде трезубцев, найденные: одно — в районе г. Нальчика (рис. 4, *1*) и три у ст. Абинской (запад Прикубанья; рис. 4, *2* и *3*); трезубцы спаяны из железных пластин, на конце имеют острие для насадки. Кабардинский трезубец был насажен на древко, и к нему была прикреплена, очевидно, какая-то ткань, следы которой сохранились в погребении в виде волокон. Из трех белореченских трезубцев два совершенно тождественны кабардинскому, а третий трезубец немного иной.

Каково назначение этих трезубцев?

---

[1] Д. Я. Самоквасов. Ук. соч., стр. 241.

[2] Исключение составляет одно погребение в медном гробу (раскопки Веселовского 1897 г. у ст. Белореченской), где в ямке, выкопанной под гробом, лежали стремена.

[3] К. А. Ракитина. Группа серебряных украшений из кубанских могильников XIV—XV вв. Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. III, Л., 1940.

И. А. Владимиров, нашедший один из них, высказал совершенно невероятное предположение, что «трезубец подобен тем, которые употреблялись кочевыми народами для стаскивания неприятеля с седла». Трезубцы недостаточно для этого прочны (спаяны из 2 пластин).

Б. А. Рыбаков в своей работе «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.» [1], упоминая трезубец, найденный в

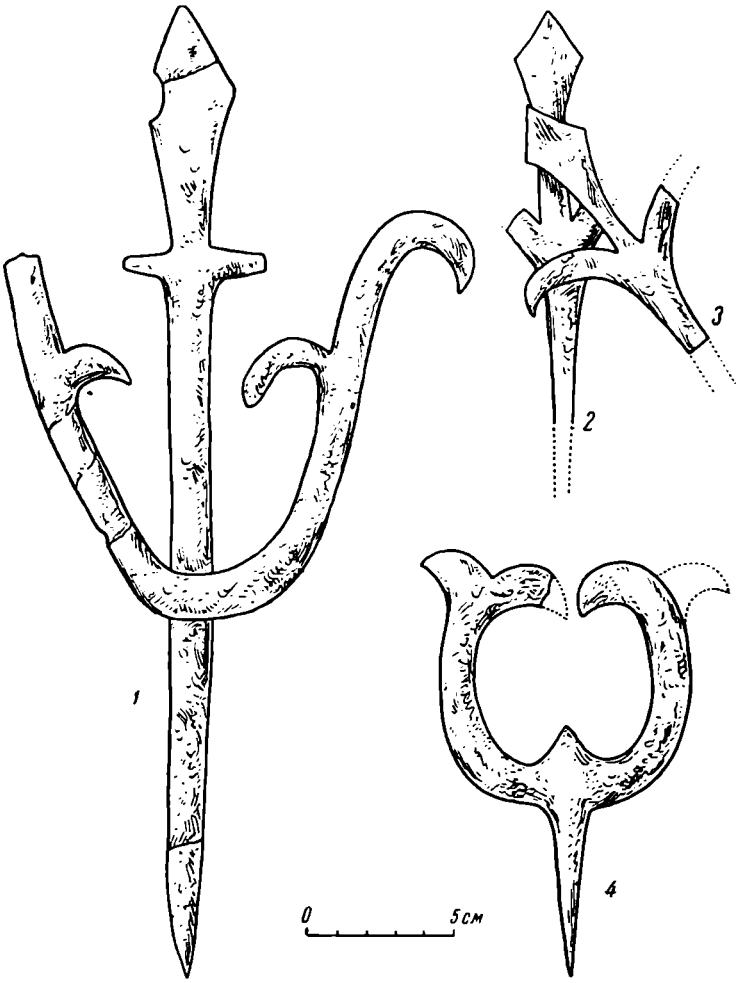

Рис. 4. Железные трезубцы

1 — трезубец из кургана близ г. Нальчика (раскопки И. А. Владимирова); *2—3* — трезубцы из кургана у станицы Абинской (раскопки Н. И. Веселовского); *4* — трезубец из кургана у станицы Абинской (раскопки В. Г. Тизенгаузена).

районе г. Нальчика, объясняет назначение его, как навершия, служившего украшением знамени или стяга воина. С ним согласен В. П. Пожидаев [2]. Это навершие Б. А. Рыбаков сравнивает с княжеским знаком князя Мстислава Владимировича (на костяной обкладке лука, найденной в Тмутаракани).

Н. Дубровин, описывая погребальный обряд черкесов, пишет: «В Кабарде существует обыкновение класть на могилу умершего вырезанное

[1] СА, VI, стр. 242.

[2] В. П. Пожидаев. Кабардинская тамга. Уч. записки КНИИ, т. IV, Нальчик, 1948.

из дерева небольшое изображение того, чем занимался покойник при жизни: на могиле воспитанника[1] ставится железный трезубец в виде вилки на шесте, к которому прикрепляют черную или красную ткань» [2].

Был ли этот трезубец навершием стяга или погребальным трезубцем, подобным описанному Дубровиным, сейчас определить трудно. Но знак его, бесспорно, есть кабардинская или черкесская тамга, т. е. родовой знак собственности, фамильный герб своего рода. Каждый кабардинский князь, выступая в поход, подымал свое знамя, украшенное родовой тамгой. Тамга сопровождала его и в загробный мир. На надгробных памятниках в прежние годы непременно изображалась тамга погребенного.

В. П. Пожидаев, большой знаток кабардинской тамги, отмечает, что основными элементами ее являются диск и лира (развилка), в различной степени осложненности, ставшие тамгой многих кабардинских фамилий. Тамги Булатовых, Кудашевых и Маршакова очень сходны с теми знаками, которые мы имеем на железных трезубцах (рис. 5) [3].

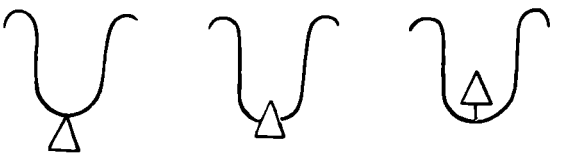

Рис. 5. Кабардинские тамги

В двух курганах, раскопанных И. А. Владимировым на берегу р. Нальчика, в мужских погребениях у голов найдено по серебряному «блюдцу» [4]. Эта интересная особенность погребального обряда известна также в белореченских курганах. Н. И. Веселовский в своем отчете пишет, что иногда под голову и под оба локтя покойника, а иногда еще под обе пятки клали по серебряному, слегка вогнутому блюдцу, имевшему от $1^1/_2$ до 2 вершков в диаметре; из шести случаев эта особенность встретилась пять раз в мужских погребениях и только один раз в женском; иногда блюдце заменяли сосуды золотые и серебряные, деревянные ковши и чаши.

На Кубани этот обычай известен с эллинистического времени.

Д. Я. Самоквасов в курганах Пятигорья отмечает, что в гробах у поперечных стенок в головах и ногах скелетов иногда имелись плоские камни, 4 и 6 вершков длины, а в двух женских могилах камни заменены пятиугольными деревянными дощечками в 1 четверть длины и ширины и 1 вершок толщины. Может быть, камни и дощечки заменяют прежние блюдца и другие сосуды в более позднее время?

Однако решить этот вопрос трудно. Кабардинские и белореченские курганы до сих пор не поддаются какому-либо хронологическому членению. Попытку выделить в кабардинских курганах более позднюю группу сделал Б. В. Лунин, отнесший раскопанные им (в 1921 г.) 12 курганов на Константиногорском плато (Пятигорье) к XVII в. — первой половине XVIII в., мотивируя это тем, что могильный инвентарь этих курганов сильно отличается от инвентаря курганов, раскопанных тут же, в Пятигорье, дру-

[1] Воспитанник, или аталык, — из широко распространенного в Кабарде обычая аталычества. — *О. М.*

[2] Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1. СПб., 1871, стр. 87.

[3] В. П. Пожидаев. Ук. соч.

[4] ОАК за 1897 г., стр. 141—142.

гими исследователями —Д. Я. Самоквасовым, В. Р. Апухтиным, А. Н. Греном. В 12 курганах, исследованных Б. В. Луниным, погребенные лежат в колодах, скрепленных железными скобами. В этих погребениях отсутствует (кроме одного случая) древесный уголь, насыпи почти не оплыли, железо почти не имеет ржавчины и состав могильного инвентаря иной. Б. В. Лунин пишет: «Если раскопки Самоквасова, Грена и Апухтина отразили жизнь и быт «воинственного народа» (действительно, в раскопанных перечисленными лицами насыпях, содержащих мужские костяки,— сабли, кинжалы, стрелы, луки с колчанами и т. п. едва ли не превышали собой по количеству предметы мирного обихода), то курганы, исследованные нами и рассматриваемые как более поздние сооружения, представляют исключительно бытовой инвентарь мирного обихода оседлого народа, утратившего черты воинственности».

В. Р Апухтин, неоднократно производивший археологические изыскания в районе Кавказских минеральных вод, не видел основания к разделению по времени курганов, исследованных Самоквасовым, Луниным и им самим, считая их одновременными, так как и в его раскопках, в соседстве друг с другом, встречались погребения, тождественные как изученным Д. Я. Самоквасовым, так,— в небольшом количестве,— и изученным Б. В. Луниным. В этих погребениях могильный инвентарь был не только однообразен и крайне невелик количественно, но иногда отсутствовал совершенно.

Я не могу согласиться с доводами Б. В. Лунина. Скрепление гробов скобами, наряду с отсутствием угля, не может служить признаком поздней даты, так как в других кабардинских курганах, например в раскопанных Ф. С. Гребенцом близ минарета Татартуп (сел. Эльхотово) деревянные гробы сколочены скобами, инвентарь в них самый обычный и во всех погребениях находится уголь. Веселовский также отмечает, что в курганах ст. Белореченской гробы были сколочены с помощью гвоздей и скоб. Совершенно невозможно представить себе в XVII в. на Северном Кавказе мирный, утративший черты воинственности народ, которому Б. В. Лунин приписывает курганы с «инвентарем мирного обихода». Очевидно, отсутствие оружия в них является признаком имущественного неравенства, которое прослеживается в кабардинских и белореченских курганах очень ясно. Оружие, главным образом сабли, всегда сопровождает погребения богатые.

В курганном могильнике, раскопанном Б. В. Луниным, насчитывалось 46 насыпей, из которых он раскопал 12, быть может, как раз с самыми бедными погребениями.

У Д. Я. Самоквасова в 105 раскопанных им курганах Карраского могильника, близ Пятигорска, только пять (XII, XIII, XV, XXXIV и XXXVII) содержали сабли. Из 20 курганов, раскопанных И. А. Владимировым, сабля была найдена лишь в двух (Чегма II), в раскопках В. Б. Антоновича у ст. Прохладной из 14 погребений — в четырех и т. д. В курганах ст. Белореченской, где весь могильный инвентарь выделяется своим богатством, сабли сопровождали почти все мужские погребения, даже самые бедные.

Итак, хронологических различий в кабардинских курганах пока отметить не удается. Имеются лишь небольшие локальные отличия. Мы видим на большой территории от низовьев Кубани до р. Сунжи на востоке погребения под курганными насыпями в деревянных гробах, головой на запад, с одинаковым инвентарем, основной особенностью которого является полное отсутствие принадлежностей-коня. Последнее приходится подчеркнуть по той причине, что погребения кочевников, синхронные белореченским и кабардинским курганам, в составе могильного инвентаря, как правило, имеют принадлежности коня — удила, стремена и т. п.

Какой народности могли принадлежать курганы кабардинские, а также белореченские? Я думаю, не может быть никакого сомнения в принадлежности их адыго-черкесо-кабардинским племенам, населявшим в XIV—XVI вв. (дата курганов) точно ту же территорию, которую занимают курганы. Об этом говорят нам как исторические источники, так и народные предания.

В народных преданиях, собранных кабардинским историком Ш. Б. Ногмовым[1], повествующих о борьбе кабардинцев с монголами в эпоху татарского нашествия, упоминаются географические пункты, расположенные на территории современной Кабарды. Так, например, в рассказе о борьбе с татарами и тургутами действие происходит в месте соединения р. Малки с Тереком; отступая, кабардинцы дошли до реки Псиган-су, отделив половину своего войска на р. Баксан. В «Книге большому чертежу» [2], дающей сведения, относящиеся к XVI в., говорится: «А от Черного моря те горы и до Хвалимского моря. А в тех горах по Тереку и по рекам по иным пятигорские черкесы и кабарда и опохи и осоки и кугены и мичкизы...

А ниже другая река Баксан средний 20 верст. А ниже Баксана река Палк 20 верст, а сошлись те четыре реки все в одно место, а от того потекла одна река Белая, а по тем рекам земля Пятигорских черкес...» и т. п. О черкесских племенах на Кубани рассказывают нам итальянские источники. С XIII в., т. е. со времени основания на Западном Кавказе генуэзских колоний, итальянцы тесно соприкасались с местными племенами, окружавшими их колонии и отчасти их населявшими, самыми многочисленными среди которых были черкесы. Итальянцы вели с ними оживленную торговлю, вывозя хлеб и огромное количество рабов и снабжая эти племена товарами запада. Эти сведения относятся к XIV —XV вв.[3] Можно предположить, что где-то около ст. Белореченской помещался центр Черкесии, где жили наиболее богатые ее представители, а Белореченский курганный могильник являлся местом их погребений.

Многолюдная Черкесия и ее многочисленные племена в эпоху позднего средневековья не дают иных погребальных памятников, кроме курганов, носящих в литературе наименование «белореченских» и «кабардинских».

Еще одним указанием на принадлежность этих курганов адыго-черкесам может служить описание погребального обряда адыго-черкесов, сделанное Георгием Интериано в его очерке о Черкесии и являющееся первым описанием этой страны, относящимся к концу XV в.[4]

Интериано пишет: «Зихами (Zichi) зовутся они на народном греческом и латинском языках; татары и турки зовут их черкесами, а на их собственном наречии имя им Адиге... Их похороны торжественны. Это делается таким образом: берут что ни на есть толстое дерево и от самой толстой части отрезают в длину, насколько окажется нужным, потом распиливают его надвое, выдалбливают его настолько, чтобы можно было поместить тело, складывают обе половины дерева и относят на место, назначенное для погребения, где толпа народа собирается делать над покойником темху, т. е. земляной курган...». Это описание совпадает с обрядом погребения в кабардино-белореченских курганах.

---

[1] Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1947.

[2] Книга большому чертежу. М.— Л., 1950, стр. 88, 90.

[3] Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко. Очерки по истории Генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. Исторические записки, 1938, № 3.

[4] Зап. Русского географ. об-ва по отделу этнографии, т. II. СПб., 1869.

В настоящее время уже ясно прослеживается непрерывность развития адыго-черкесо-кабардинских племен на Западном Кавказе с древних времен.

Первую попытку проследить формирование кабардинской народности по археологическим данным сделал в упоминаемой выше работе А. П. Смирнов, выявивший древнюю меото-синдскую основу в памятниках золотоордынского времени на Кубани. Формирование двух больших этнических массивов, двух кавказских народностей — кабардинской и осетинской — намечается уже в I тысячелетии до н. э. (Кобанское время). Аланы—оссы—осетины и черкесы — кабардинцы—косоги упоминаются в русских летописях, а также в персидских источниках золотоордынского времени всегда рядом. Исторические судьбы этих народов тесно связаны. Археологические памятники алан на Северном Кавказе хорошо известны, между тем как археологические памятники адыго-черкесо-кабардинских племен не изучены и даже не выделены до настоящего времени. Сделать это является задачей советских археологов.

Ф. Н. ТАВАДЗЕ и В. Ф. БАРКАЯ

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАБОТКИ МЕТАЛЛОВ ДАВЛЕНИЕМ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ГРУЗИИ

До революции археологические раскопки и исследования в Грузии носили эпизодический характер, поэтому добываемый материал не мог служить базой для разработки вопросов истории древней культуры грузинских племен. Уделяя большое внимание изучению истории наших народов, Советское правительство предоставляет огромные возможности археологам и историкам для ведения систематических изысканий и исследований в широком масштабе.

Многочисленные изделия из меди, бронзы и других металлов найдены при археологических раскопках в различных районах Грузии. Ныне не подлежит сомнению, что металл, из которого изготовлены эти памятники, выплавлен из местных руд и что их выделывали местные мастера; это подтверждает, что в Грузии металлургическое производство начинает развиваться по крайней мере с начала III тысячелетия до н. э.[1]

Ценнейшие золотые, серебряные, медные и бронзовые предметы, а также изящно выполненные, искусно раскрашенные, разнообразные гончарные изделия и другие предметы, найденные при археологических раскопках, являются показателями высокого мастерства художников и ремесленников древней Грузии.

Эти немые памятники старины могут стать живыми свидетелями прошлого только при всестороннем изучении и, в частности, при установлении технологии их изготовления.

Археологические раскопки, произведенные советскими археологами Б. А. Куфтиным, Г. К. Ниорадзе, А. М. Апакидзе, А. Н. Каландадзе, Н. В. Хоштария, Г Ф. Гобеджишвили, Г. А. Ломтатидзе и др. на территории Грузии, дали богатейшие материалы различных эпох. Среди предметов, изготовленных из разных металлов и с различной технологией, видное место занимают пустотелые серебряные и золотые изделия сложной формы и орнаментации, привлекающие внимание сложностью изготовления. Даже беглый осмотр указанных предметов показывает, что они изготовлены на вращающихся механизмах — первобытных токарных станках.

Установление технологии изготовления этих предметов представляет большой интерес в связи с историей развития техники обработки металлов. Литература по этому вопросу очень бедна. Иностранными учеными

[1] Ф. Н. Тавадзе. Металлургия меди древнейших времен Закавказья по археологическим материалам. Аннотация докладов, ноябрь 1951 г., гор. Баку.

высказаны ложные взгляды о первичном применении токарного станка для обработки металлов. Это нашло некоторое распространение и в трудах советских ученых. Данная работа ставит своей целью установить технологию изготовления пустотелых серебряных и золотых изделий, имеющих форму тел вращения.

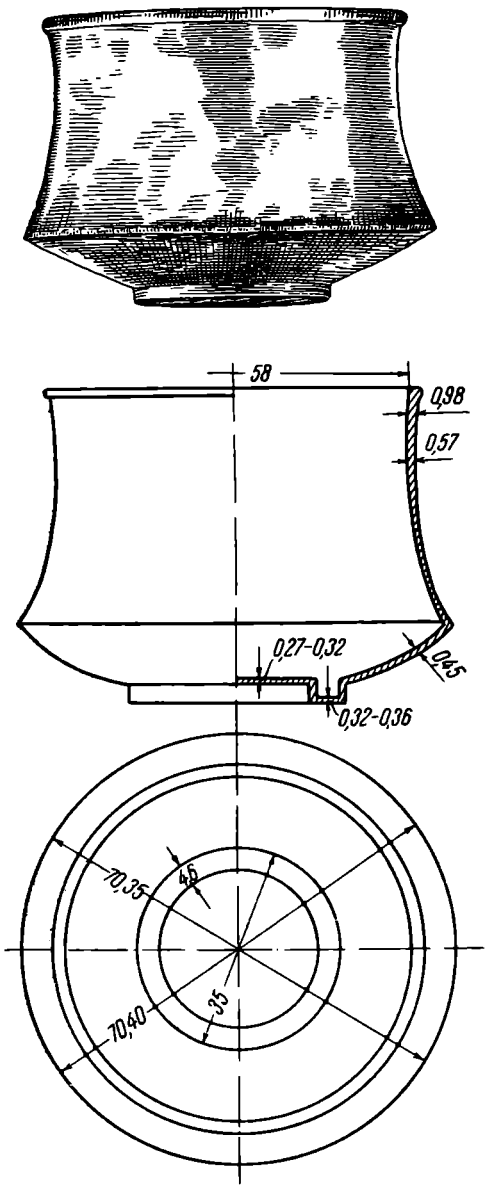

Рис. 1. Серебряная чаша гладкая (общий вид и разрез; Триалети)

Изучаемые нами предметы были найдены при археологических раскопках в различных районах Грузии: в Триалети — на южной территории Советской Грузии, в одном из древнейших очагов культуры эпохи бронзы; в Сталинири — северном районе Грузии, нынешнем центре Юго-Осетинской автономной области; в Багинети — одном из участков Мцхети (22 км от г. Тбилиси), старейшего столичного города рабовладельческого царства Картли (Иберии); в Мцхетском акрополе — в Армазисхеви (3 км к западу от Мцхети), фамильной усыпальнице картлийских Эриставов-шитиахшов; в Бори (Западная Грузия) — в пограничном районе Восточной и Западной Грузии.

Исследования производились в химико-реставрационной лаборатории Государственного музея Грузии имени академика С. Н. Джанашия, в фондах которого хранятся эти предметы в настоящее время [1].

Поверхности изучаемых предметов подвергались макроскопическому исследованию, производились также общий обмер и измерение толщины стенок в разных сечениях. Технология производства изучаемых изделий устанавливалась экспериментами и анализом возможных ее вариантов, с учетом степени технической оснащенности мастерских грузинских ремесленников.

1. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ТРИАЛЕТСКИХ КУРГАНОВ

Из многочисленных изделий, найденных в курганах Триалети, для исследования мы выбрали:

1) серебряную чашу гладкую (рис. 1), № Ц2-971;

2) серебряный кубок с ритуальными сценами (рис. 2 и 3), № Ц2-282;

[1] При выполнении настоящей работы нам предоставляли нужные материалы, давали ценные указания и оказывали постоянную помощь А. М. Апакидзе и А. И. Джавахишвили, за что выражаем им глубокую благодарность.

Рис. 2. Серебряный кубок с ритуальными сценами (Триалети)

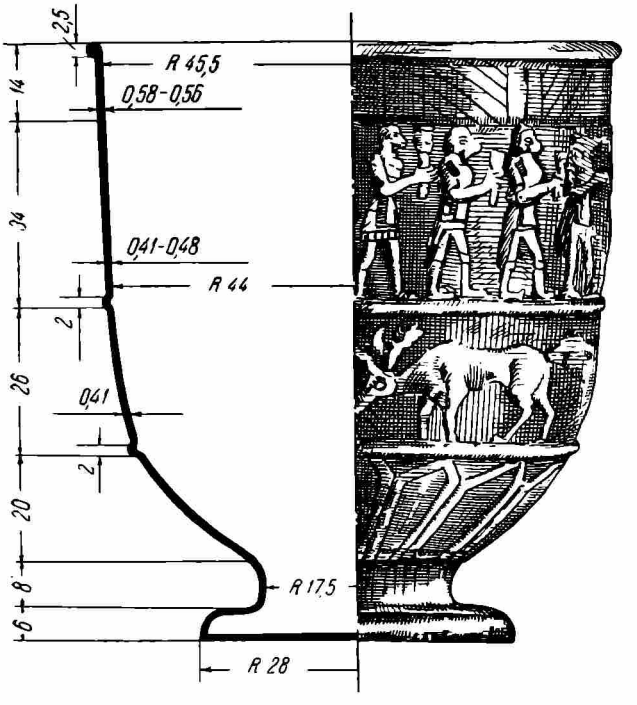

Рис. 3. Разрез серебряного кубка с ритуальными сценами (Триалети)

3) золотую чашу (рис. 4), № Ц2-271;

4) золотой кубок, украшенный апликацией, филигранью и вставными камнями (рис. 5).

Эти богатейшие памятники древней культуры Грузии автором раскопок Б. А. Куфтиным датируются XV веком до н. э.

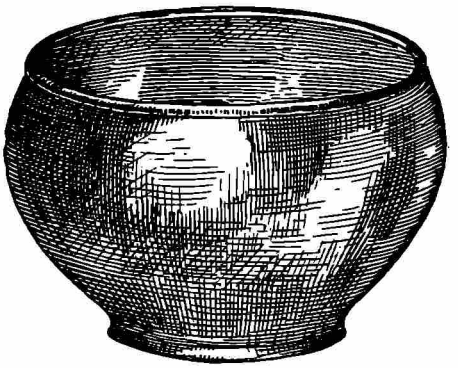

Рис 4. Золотая чаша (Триалети)

Рис. 5. Золотой кубок, украшенный апликацией, филигранью и драгоценными камнями (Триалети)

Рис. 6. Дно серебряной чаши с накерненным центром

Рис. 7. Дно золотой чаши с накерненным центром

Вследствие чрезвычайной древности этих предметов раскрытие технологии их изготовления представляет особый интерес для изучения истории техники.

Изучением этих изделий устанавливается, что сделавшие их мастера-ремесленники не только знали, но и широко использовали при работе кернер и циркуль; об этом свидетельствуют оставшиеся накерненные центры и круговые риски на донных частях сосудов (рис. 6 и 7). Таким образом, изготовление полых изделий, имеющих форму тел вращения, независимо от технологии их производства, всегда начиналось вырезкой из листа круглой заготовки соответствующего размера.

Листовые заготовки, очевидно, получали путем проковки кускового металла — золота или серебра. Вырезывание заготовок соответствующего размера доказывает, что мастера исходили из предварительных расчетов в зависимости от толщины листа и размеров изготовляемого изделия.

При детальном изучении предметов из Триалети (за исключением золотого) кубка усматривается почти аналогичная технология их изготовления, а именно из предварительно прокованного листа соответствующей толщины и размеров, видимо, вырезалась заготовка. Затем ей придавалась желаемая форма путем выколотки, что подтверждается следами частых ударов молотка с круглой головкой, особенно хорошо заметными на внутренней поверхности изделия.

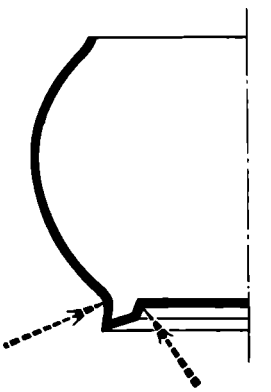

Рис. 8. Разрез золотой чаши с указанием мест на поверхности, оформленных остро рельефным переходом

Характерной особенностью золотой и серебряных чаш (рис. 1 и 4) является чистая отделка наружных поверхностей и острорельефное оформление переходов от донышка к боковой поверхности (рис. 8). При этом обращают на себя внимание точность размеров и строгая симметричность относительно оси изделий и соответственно накерненных центров. Эти характерные особенности приводят к мысли о применении обжатия, проглажки и шлифовки при окончательной отделке.

Очевидность обработки шлифовкой наружных поверхностей этих изделий подтверждается тем, что хорошо заметные на внутренней поверхности следы молотка не наблюдаются на наружной поверхности. Однако если допустить, что шлифовку и полировку этих изделий ремесленники могли легко осуществить вручную, вращая деталь в руках, то при этом невозможно исправить неточность профиля выколоченного изделия и обжать деталь на переходных поверхностях строго концентрично относительно своего центра. Этим путем нельзя обеспечить точность диаметральных размеров. Поэтому надо полагать, что обжатие, проглажку и шлифовку этих изделий ремесленники производили не вручную, а на оправках при вращении. Формы оправок должны были соответствовать формам готовых предметов.

На использование вращающегося станка при изготовлении этих изделий в свое время было вполне правильно указано Б. А. Куфтиным, который при этом писал, что «характерная обработка дна золотой и серебряных чашек первой группы путем проковки и вытягивания на вращающемся станке оказывается в наличии и на серебряной кружке с припаянной дугообразной ручкой, украшенной накладным проволочным витым шнуром, из кургана XVI... Эта техника, не представленная еще в Шумере, кажется более прогрессивной, чем простая, хоть и необычайно искусная, ковка драгоценных кубков... Происхождение этой техники принадлежит эпохе, когда

опыт гончарного круга сумел вызвать мастеров по золоту обращаться с пластическими свойствами драгоценных металлов, как с глиной, в то время как раннее мастерство сверления и точки каменных сосудов, обнаруженных еще в неолитических слоях додинастического Египта, начинало собою совсем другое направление в выделке сосудов, с потерей материала, приведшее лишь очень поздно, в греко-римское время, к токарному станку по бронзе»[1].

Действительно, будучи хорошо знакомы с пластическими свойствами серебра и золота, ремесленники того времени могли перенять опыт гончарного производства и использовать принцип вращения для обжатия, проглажки и шлифовки серебряных и золотых изделий. Нижняя суженная часть серебряной чаши с ритуальными сценами (рис. 2) является ярким доказательством того, что эта чаша изготовлена путем обжатия первоначально выколоченной заготовки (ритуальные сцены на ее боковой поверхности исполнены тиснением и чеканкой).

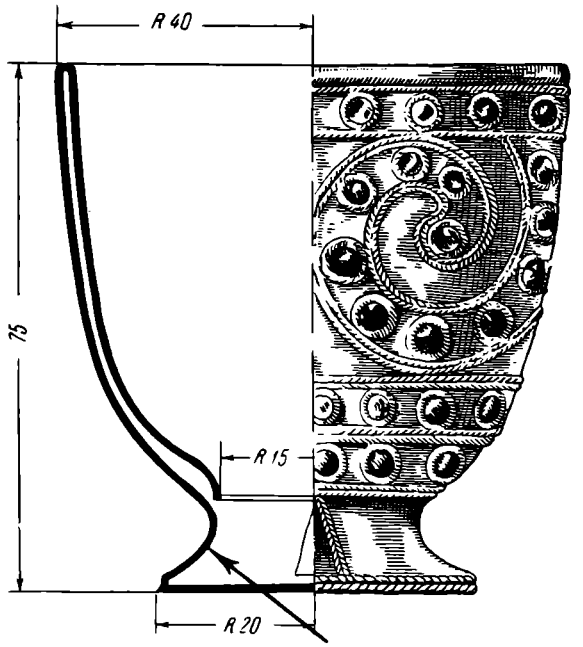

Рис. 9. Разрез золотого кубка

Таким образом, анализ рассматриваемых предметов показывает, что ремесленники к тому времени уже хорошо были знакомы с использованием принципа вращения и при обработке листового металла и, вероятно, должны были иметь станок с вращающимся шпинделем. Если примем за основу предположение о существовании токарного станка, использовавшегося также и для пластической обработки металлов, то подобная технология должна была найти свое дальнейшее развитие, вплоть до непосредственного получения пустотелых изделий из листовой заготовки.

С этой точки зрения, из всех изучаемых нами изделий, найденных при раскопках в Триалети, исключительное место занимает роскошный золотой кубок (рис. 5). Он изготовлен из цельного листового золота и имеет двойные стенки. Наружная стенка кубка вывернута и, отступя на 1—2 мм от внутренней стенки, следует вниз по ее контуру (рис. 9). У основания вывернутая наружная стенка суживается, образуя ножку, и заканчивается припаянным дном.

Подробное обследование поверхностей наружных и внутренних стенок золотого кубка,— даже при увеличении,— не обнаруживает следов выколотки. Это дает основание думать, что следы ударов молотка удалены тщательной шлифовкой после его изготовления.

Однако предположение об изготовлении кубка выколоткой лишено всякого реального основания, поскольку изделия с двойными стенками (тем более при столь близком, — 1—2 мм, — расстоянии стенок друг от друга) невозможно производить выколоткой даже при виртуозном владении этим ремеслом.

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 97—98.

По предположению Б. А. Куфтина, кубок «...изготовлен из одного куска золота, выкованного первоначально в виде овальной формы узкогорлой бутылки, донная половина которой была затем вдавлена внутрь, наподобие стенок мяча так, что получилась глубокая чаша с удвоенной стенкой на ножке, в которую превратилась бывшая шейка бутыли»[1]. (Наше эскизное изображение описанного приема приведено на рис. 10).

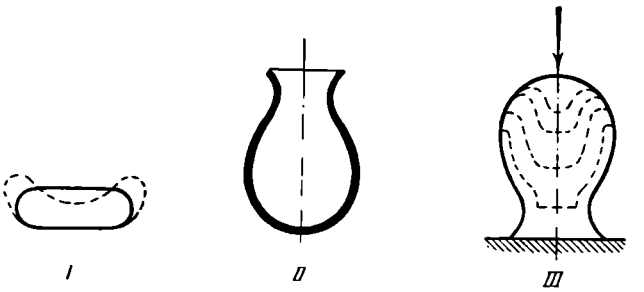

Рис. 10. Эскизное изображение переходов изготовления кубка (по Б. А. Куфтину)

Однако это предположение, высказанное впервые Б. А. Куфтиным, несмотря на его остроумие, нам кажется сомнительным, поскольку в современной технике холодной штамповки известно, что подобным приемом, именуемым обратной вытяжкой, вдавливаются изделия (первоначально имеющие только цилиндрическую форму), опирающиеся своей открытой частью на плоскость или надетые на втулкообразную вытяжную матрицу (рис. 11 и 12). Только указанные условия обеспечивают необходимую жесткость заготовки, имеющей форму полого цилиндра, при ее выворачивании.

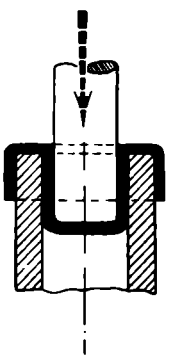

Рис. 11. Схема обратной вытяжки цилиндрического стакана на втулкообразной матрице

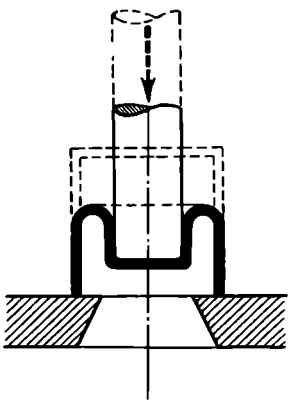

Рис. 12. Схема обратной вытяжки без матрицы

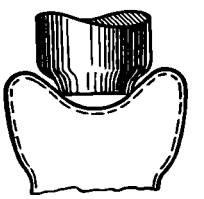

Рис. 13. Эскиз вдавливания золотой оболочки профильным пуансоном

Поэтому изготовление кубка выворачиванием, даже с применением втулкообразной матрицы, нам кажется сомнительным, ввиду того что заготовка имела форму бутылки, а не цилиндрическую. Действительно, при изготовлении кубка вдавливанием (рис. 10) в начале вдавливания бутылеобразной заготовки образуется лунка, вызывающая увеличение жесткости вдавливаемой части оболочки. По мере перемещения пуансона жесткость верхней (деформирующейся) части оболочки будет возрастать и станет больше, чем у нижней части (ножки). Вследствие этого произойдет потеря устойчивости всей оболочки, и она расплющится гораздо раньше, чем осуществится полное плавное вдавливание ее донной части. Кроме того,

[1] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 92.

при вдавливании на некотором расстоянии от торца пуансона выворачивание золотой оболочки будет осуществляться под определенным радиусом (рис. 13) и не будет следовать остро переходящему контуру торца пуансона. И понятно, что при этом не мог оформиться острорельефный контур дна кубка (рис. 9).

Если все же предположить изготовление бутылеобразной заготовки кубка выколоткой, то хотя бы на внутренней поверхности кубка должны обнаруживаться следы ударов молотка (допускаем их зашлифовку на внешней поверхности). Однако даже на внутренней поверхности обжатой горловины кубка (на рис. 9 указано стрелкой), этого не наблюдается.

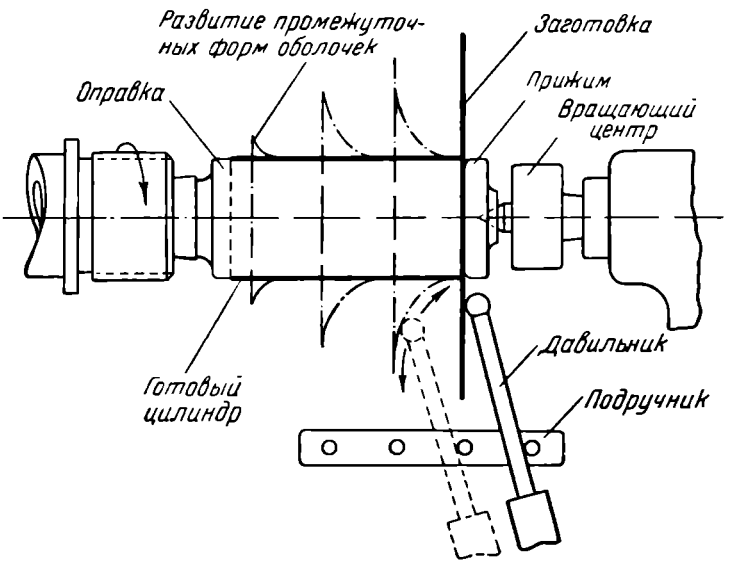

Рис. 14. Схема давильного процесса

Наоборот, внутренняя поверхность шероховата, подобно «апельсиновой корке». Это указывает на то, что металл подвергся непрерывной пластической деформации. Такими особенностями характеризуются наружные поверхности лунок, выдавленных на приборе Эриксена, а также внутренние поверхности вытянутых и выдавленных изделий. Вместе с тем об изготовлении данного кубка путем вытяжки не может быть речи, поскольку это затруднительно даже для современной техники и требует сложного оборудования, существование которого в ту эпоху, безусловно, подлежит сомнению.

Предположение об изготовлении кубка посредством гидравлической вытяжки также лишено реального основания.

Остается разобрать возможность изготовления кубка посредством давильного процесса, который легко осуществим на самых простых станках, имеющих вращательное движение шпинделя и предназначенных, например, для обработки дерева.

Токарно-давильный процесс представляет собой один из видов обработки металлов давлением, при котором вращающаяся, первоначально круглая листовая заготовка, вследствие непрерывной местной пластической деформации, превращается в полое изделие. Процесс выдавливания (рис. 14) осуществляется следующим образом: деревянная (или металлическая) оправка, предварительно выточенная в соответствии с формой изготовляемого изделия, устанавливается в шпинделе (главной вращающей части)

станка. Заготовка прикладывается плотно к торцу оправки, прижимается прижимом и затем приводится во вращение. На поверхность вращающейся пластинки вручную прижимают давильник и перемещают его от прижима к периферии.

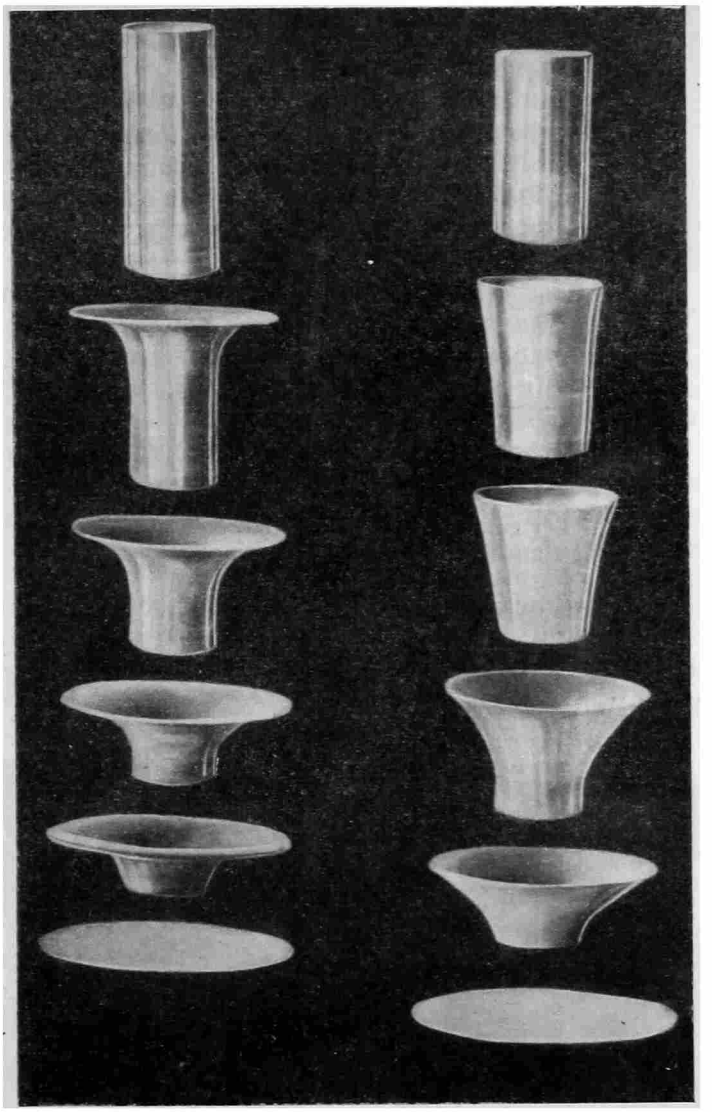

Рис. 15. Промежуточные формы развития оболочек при выдавливании алюминиевой пластинки в цилиндрический стакан

Давильник имеет гладкий простой профиль и может быть изготовлен из металла, кости и дерева. Под воздействием давильника пластинка деформируется пластически и превращается в оболочку. При повторных проходах давильника оболочка постепенно уменьшается и принимает форму оправки. Формы промежуточных оболочек могут быть различны и зависят от траектории движения давильника. На рис. 15 представлены промежуточные формы развития оболочек при выдавливании пластинки в цилиндрический стакан.

При малом числе оборотов, тонкая пластинка не выдерживает усилия давильника и образуется гофр. В таких случаях выдавливание осуществляют с применением внутренней деревянной поддержки (рис. 16).

Подобную технологию (рис. 14 и 15) обработки листового металла ремесленники-металлисты могли перенять от уже существовавшего и широко применявшегося в гончарном производстве способа формовки глины на вращающемся гончарном круге.

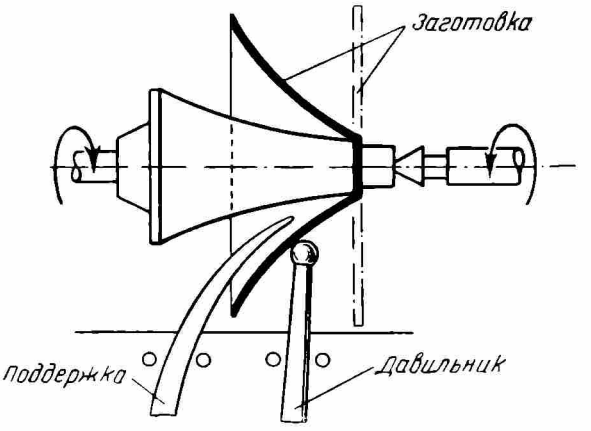

Рис. 16. Схема давильного процесса с применением внутренней деревянной поддержки

Для выяснения возможности изготовления рассматриваемых пустотелых (золотых и серебряных) предметов при помощи выдавливания мы решили установить соответствующие критерии оценки изготовления предмета давильным прессом.

Рис. 17. Выдавленное изделие с характерными круговыми следами давильника

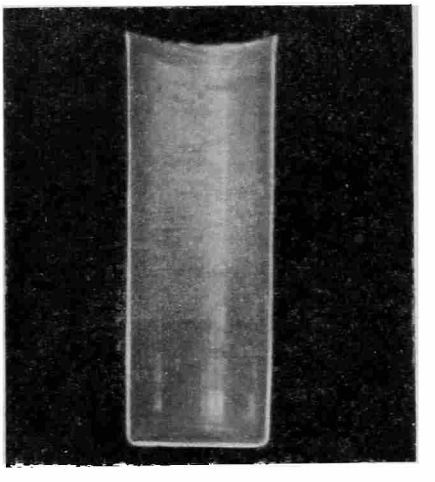

Рис. 18. Изменение толщины стенки стакана при выдавливании

После непосредственного экспериментального освоения давильной технологии нами был проведен ряд опытов, давших возможность уловить основные особенности и характерные показатели этого процесса, как, например:

1. На поверхности выдавленных изделий от давильника остаются концентричные круговые риски, которые, в зависимости от профиля

инструмента, величины подачи и скорости вращения, становятся заметными в большей или меньшей степени (рис. 17).

2. Наружная поверхность изделия, по которой перемещается давильник, становится глянцевой, а внутренняя — шероховатой и матовой наподобие «апельсиновой корки».

3. При выдавливании наблюдается характерное изменение относительной толщины металла (рис. 18). Это особенно заметно в местах резких переходов форм. Так, например, в процессе выдавливания на одной и той же оправке, при переходе с малого диаметра на большой толщина уменьшается, и наоборот,— с переходом с большого диаметра на малый, вследствие посадки и обжатия металла, толщина увеличивается.

Рис. 19. Разрез конического стакана, выдавленного из алюминиевого листа деревянным давильником

4. Давильный процесс на весьма пластичных металлах можно осуществить даже при малых числах оборотов шпинделя, с помощью внутренней поддержки (рис. 16). Нам удалось выдавить миску из алюминиевого листа толщиною 0,75 мм, диаметром 100 мм, при 100 об/мин с применением внутренней поддержки.

На рис. 19 показан разрез конического стакана, выдавленного нами деревянным давильником. На поверхности этого стакана нет характерных круговых следов давильника. Это указывает на то, что при тщательном выполнении процесса можно избежать следов инструмента на поверхности детали.

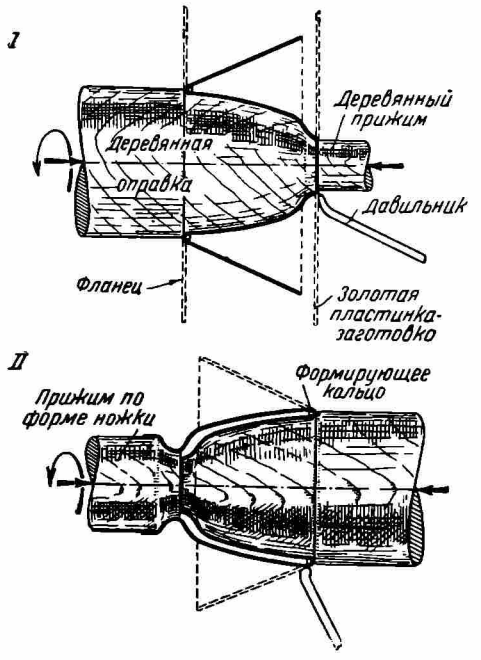

Рис. 20. Схема предполагаемого процесса выдавливания золотого кубка

Установленные опытным путем приведенные выше признаки дали нам возможность критически рассмотреть в отдельности каждый древний предмет и в каждом случае установить технологию его изготовления.

Учитывая все изложенное, мы полагаем, что изготовление золотого кубка могло быть осуществлено только следующим образом (рис. 20): круглая золотая заготовка, вырезанная из предварительно прокованного листа, выдавливалась давильником на оправке, имеющей форму и размеры внутренней части кубка (рис. 20, *I*); затем сставшаяся часть заготовки (фланец) постепенно выворачивалась давильником в обратную сторону, обхватывая уже выдавленную часть, и переходила на поверхность прижима, имеющего форму ножки — нижней части кубка (рис. 20, *II*); после окончания процесса выдавливания лишняя часть металла обрезалась, а затем вынимались оправка и прижим; окончательное оформление кубка производилось напайкой отдельно изготовленных частей художественного орнамента.

Изучая золотой кубок из Триалети, устанавливаем, что он обладает выделенными нами признаками, характеризующими применение давильного процесса.

Учитывая простоту оборудования и инструментов, необходимую для осуществления давильного процесса, отсутствие следов выколотки на поверхности кубка, невозможность его изготовления выколоткой и обратным вдавливанием, а также шероховатость внутренней поверхности ножки кубка, приходим к заключению, что золотой кубок мог быть изготовлен только посредством выдавливания на токарно-давильном станке. Описанные выше приемы работы (очевидно, известные в Грузии с середины II тысячелетия до н. э.) широко применяются в давильной технологии и в настоящее время при изготовлении изделий с двойными стенками.

Впоследствии технические навыки ремесленников времен Трialети не исчезли, а развивались и усовершенствовались по всей территории Грузии, о чем свидетельствуют археологические памятники более поздних времен.

2. ПРЕДМЕТЫ ИЗ СТАЛИНИРСКОГО КЛАДА

Исследованию подвергались только два предмета: чаша (рис. 21) и узкогорлый кувшин (рис. 22), изготовленные из листового серебра,

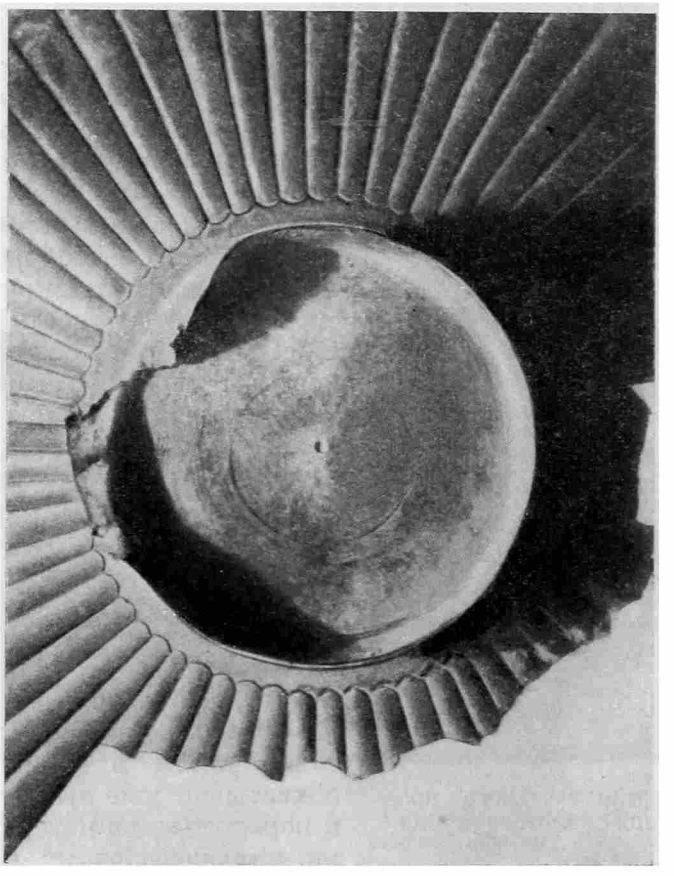

Рис. 21. Орнаментированная серебряная чаша (Сталинири)

датированные I в. н. э. Поверхности сосудов украшены сложным, изящно выполненным симметричным орнаментом. Они поражают высоким мастерством исполнения.

Чаша, диаметром 215 мм, состоит из корпуса — чаши и кольцевой ножки диаметром 75 мм, высотой 11 мм. Корпус чаши и ножка изготовлены из одной заготовки (рис. 21). Толщина кольца-ножки (1 мм) сравнительно больше, чем толщина корпуса (0,45—0,5 мм).

Анализ формы чаши, с точки зрения ее выполнения, и различная толщина ее корпуса и ножки указывают на то, что первоначальная заготовка была получена литьем, в виде круглой плоской отливки с центральным утолщенным кольцом для ножки.

Из такой заготовки ремесленник сначала вытягивал кольцо для ножки проковкой на полукруглой наковальне с тупым концом, а затем производил проковку всего листа до нужных размеров по диаметру и толщине. По окончании проковки ремесленник находил приближенный центр кольца и по нему правил кольцо ножки. Этот же центр служил для разметки нужного диаметра заготовки при последующей обрезке неровностей края и лишнего металла.

Высказанное нами предположение делается убедительным на основе макроструктурного анализа металла в местах разрыва кольца.

Несмотря на то, что заготовка для изготовления чаши была получена литьем и проковкой, на поверхности чаши совершенно отсутствуют следы ударов молотка. Это указывает на то, что окончательная формовка чаши не производилась выколоткой. Исчезновение следов ударов молотка нельзя приписать результату окончательной шлифовки, так как при большой поверхности чаши неровности толщины листа и неодинаковые углубления, создаваемые ударами молотка, не выравниваются полностью при шлифовке.

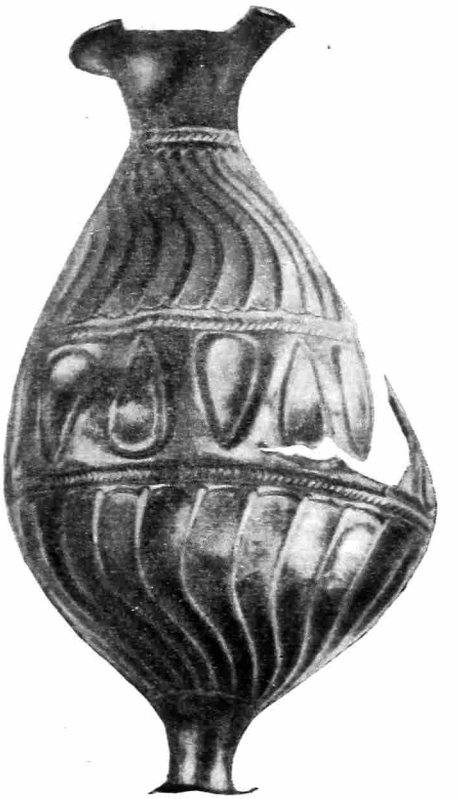

Рис. 22. Орнаментированный серебряный узкогорлый кувшин (Сталинири)

Следы ударов молотка могли исчезнуть вследствие непрерывной пластической деформации металла при окончательном оформлении чаши. Непрерывную пластическую деформацию, как указывалось выше, металл претерпевает в процессе вытяжки (штамповки) и выдавливания.

Оценивая возможности применения указанной технологии для изготовления чаши и основываясь на сопоставлении результатов ее изучения с признаками, характеризующими давильный процесс, считаем, что общая форма чаши получалась выдавливанием. Окончательное оформление орнаментов производилось после выдавливания и шлифовки нанесением рисунка с последующей чеканкой и тиснением на деревянной оправке или на смоле.

На узкогорлом серебряном сосуде — кувшине диаметром в средней части 110 мм и высотой 230 мм, изготовленном из целого листа, нет следов пайки и ударов молотка.

Явным доказательством изготовления данного сосуда выдавливанием служат концентрические риски (следы давильника), которые не прерываются в углублениях орнамента и охватывают всю поверхность кувшина.

Выдавливание такого кувшина можно производить на оправке, имеющей форму изготовляемого изделия. Во избежание поломки узких частей оправки в процессе выдавливания, вероятно, взамен цельных деревянных оправок использовалась составная — с металлическим сердечником. На поверхности оправки резчики по дереву заранее готовили желаемый орнамент, по которому впоследствии тиснением и чеканкой наводили орнамент на выдавленном серебряном кувшине.

По окончании отделки из оправки вынимался металлический стержень и оправка выжигалась.

Особое внимание привлекает наличие на кувшине сложного рельефного орнамента. Выполнение подобного орнамента требует от мастера умения правильного деления круга на множество одинаковых секторов, что в свою очередь невозможно проделать без достаточного знакомства с соответствующими расчетами, измерениями и измерительными инструментами.

Этот краткий разбор даже двух предметов из сталинирского клада с достаточной ясностью показывает высокую культуру металлообработки еще в I в. н. э.

3. ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК В БАГИНЕТИ

Из предметов, найденных при раскопках в Багинети, наибольший интерес представляют серебряная чаша (рис. 23), № Б-46/1-3, и серебряный черпак (рис. 24), № Б-46/1-11. Эти находки датированы II веком н. э.

Серебряная чаша, представленная на рис. 23, имеющая диаметр открытого края 180 мм, диаметр у основания 70 мм, высоту 95 мм, по внешней боковой поверхности покрыта мелкими концентрическими рисками (рис. 25), причем вся поверхность проглажена и в шести местах вдавлена внутрь, образуя одинаковые овальные углубления. Внутренняя поверхность чаши более матовая. Характерно то, что чаша сделана из цельного круглого листа, и риски на ее поверхности не прерываются даже в углублениях. Обмеры толщины стенки чаши (рис. 26) показывают, что толщина ее меняется, причем от дна к раскрытому краю сперва идет постепенное утонение, затем утолщение, так что у открытого края чаша имеет наибольшую толщину. Получение этой чаши из листового серебра возможно было путем выколотки на специальных наковальнях круглоголовым молотком, но следов выколотки на поверхности чаши не наблюдается. Если все же допустить возможность изготовления чаши путем выколотки, соглашаясь при этом с мнением, что следы выколотки были сошлифованы, то наличие резко меняющейся толщины не находит объяснения. Если же риски приписать следам шлифовки, то они должны быть более тонкими и неравномерными как по расположению, так и по размерам, и частично прерывистыми в углублениях. Таким образом, трудно допустить изготовление указанной чаши путем выколотки и следует искать другой способ ее выделки.

Учитывая, что в это время ремесленники уже хорошо знали процесс выплавки металла и литье с применением восковых моделей (что давало им возможность получить художественно орнаментированные ажурные литые изделия), можно было бы допустить мысль об изготовлении данной чаши посредством литья. Однако столь малая толщина стенки чаши, ее изменение по высоте изделия и концентрические круговые риски, расходящиеся с центра к периферии, делают неосновательным такое допущение. Изготовление подобной чаши при современной технике возможно как путем глубокой вытяжки, так и путем выдавливания.

Если предположить, что чаша изготовлена путем глубокой вытяжки на предполагаемом первобытном прессе, то для этой цели ремесленнику

Рис. 23. Серебряная чаша (Багинети)

понадобилось бы изготовить штампы для нескольких переходов, так как вытяжка данной чаши в одну операцию невозможна, даже при современной технике обработки металлов давлением. Помимо этого, изделия, изготов-

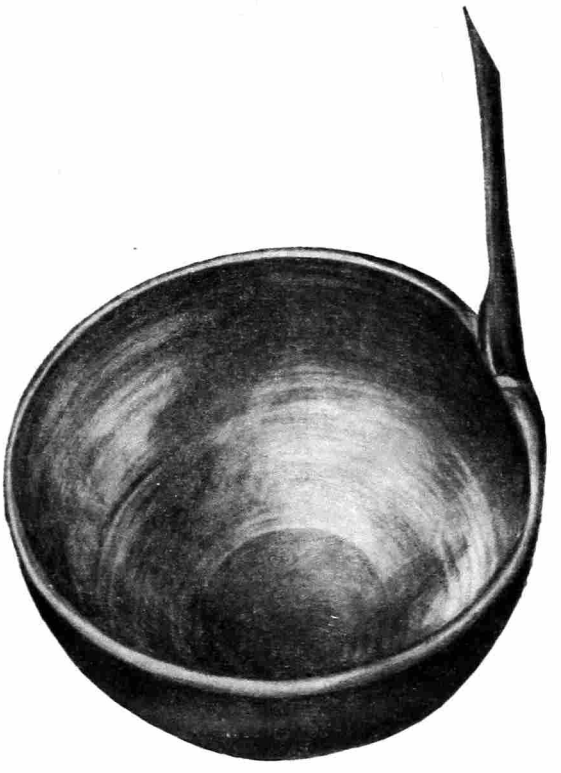

Рис. 24. Серебряная черпалка (Багинети)

ленные путем глубокой вытяжки, на внешней поверхности могут иметь только продольные риски, а не круговые, однако на поверхности чаши этого не наблюдается. Учитывая, что изготовление подобной чаши намного легче и проще путем выколотки, вряд ли ремесленник избрал бы такой трудный способ, как штамповку. Однако, как уже отмечалось, следов выколотки на поверхности чаши также не наблюдается.

Рис. 25. Круговые риски на поверхности серебряной чаши

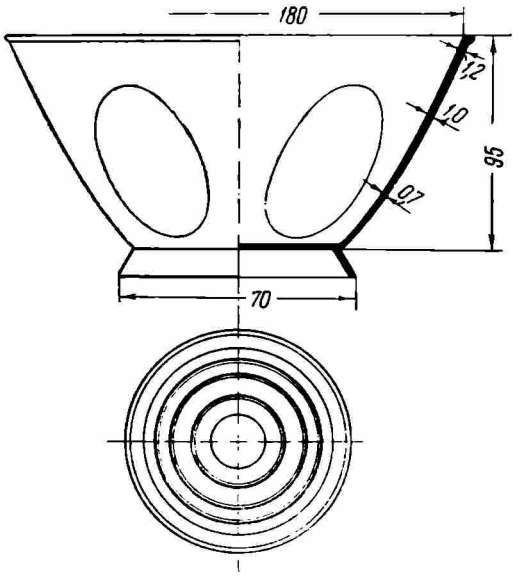

Рис. 26. Изменение толщины стенки и дна серебряной чаши

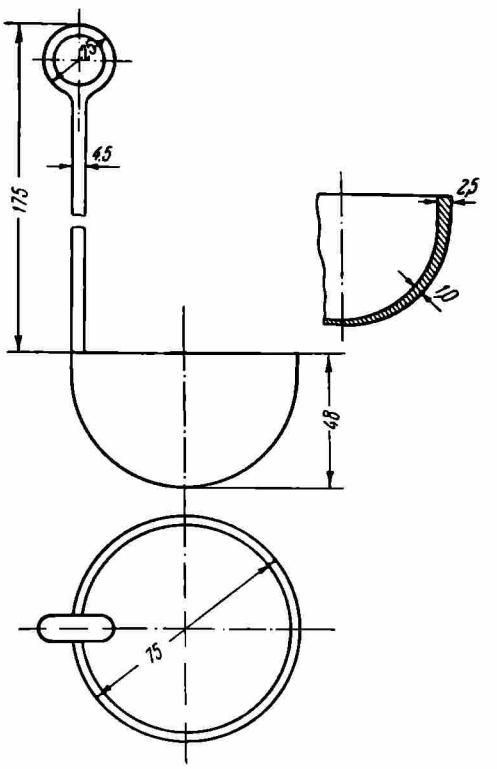

Рис. 27. Изменение толщины стенки серебряной черпалки

Все изложенное в равной мере относится и к серебряному черпаку (рис. 24 и 27), который изготовлен посредством выдавливания, причем первоначальная заготовка была отлита, затем она прошла выколотку и выдавливание.

Особый интерес представляет нижняя часть чаши, на дне которой имеется смещенный центр. Вокруг этого центра, набитого керном, эксцентрично располагаются концентрические (относительно друг друга) круги шириной 1 мм и глубиной меньше 0,1 мм (рис. 28).

Рис. 28. Дно серебряной чаши

Получение подобных концентрических бороздок на пластичных металлах возможно чертилкой или резцом. Если допустить, что бороздки получены циркулем или чертилкой, то при их нанесении центром должна была служить керновая точка, однако, как отмечалось выше, накерненная точка эксцентрична по отношению к этим концентрическим бороздкам (рис. 28). Помимо этого, бороздки в каждом отдельном случае имеют строго одинаковую ширину и глубину. В некоторых бороздках наблюдаются равномерно чередующиеся риски со строго определенным шагом, примерно в 0,1 мм.

Следовательно, эти бороздки и риски в них не могли быть получены циркулем-чертилкой вручную и тем более — из эксцентрично расположенного центра. Видимо, накерненная точка служила для другой цели — для первоначальной вырезки круглой листовой заготовки, а бороздки были получены от другого центра, который здесь не виден.

Таким образом, остается предположить, что эти бороздки были сделаны при вращении изделия резцом, имеющим ширину режущей части, равную ширине бороздки. Внимательное рассмотрение поверхности обработки бороздок, в особенности в местах рисок, показывает, что резец вибрировал при их расточке. Подобные следы вибрации режущего инструмента в современной практике обработки металлов резанием получаются при достаточном числе оборотов заготовки посредством упруго вибрирующего резца.

Все изложенное позволяет предполагать, что бороздки были сделаны на прототипе токарного станка при помощи режущего инструмента — резца, тем более что его использование для обработки дерева и других материалов прослеживается еще со времени триалетских курганов. Подтверждением сказанного может служить уникальная находка Б. А. Куфтина — бронзовый резец (не опубликован), найденный при раскопках в Ливиевском кургане (Юго-Осетия) в 1949 г., датированный им началом II тысячелетия до н. э. Резец заточен с двух концов по разной геометрии. Твердость его по Бринеллю H_B =120, что почти в три раза превышает твердость серебра и золота.

Анализируя вышеизложенное, приходим к заключению, что описываемая нами чаша изготовлена выдавливанием и что к этому времени ремесленники обрабатывали на станках резцом не только дерево, но и металл.

4. ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК В АРМАЗИСХЕВИ

Из предметов Армазисхевского некрополя нами изучены: серебряные узкогорлый сосуд-кувшин (рис. 29) и обкладки ножки погребального ложа (рис. 30), датированные II веком н. э.

О технике изготовления узкогорлых сосудов мы уже говорили при разборе изделий из находок в Сталинири. Здесь следует указать, что подобные сосуды, видимо, были широко распространены по всей территории Грузии и изготовлялись тем же способом. Характерно, что изготовление подобных предметов требовало от ремесленника хорошего знакомства с разными методами обработки металлов, начиная от литья заготовок и кончая холодной обработкой — резанием. Из литой заготовки выколачивалась заготовка для давильного процесса, затем в нее вставлялась составная оправка и производилось выдавливание с последующей шлифовкой и снятием стружки из донной и горловой частей кувшина. Крышка и художественно орнаментированная ручка кувшина готовились отдельно литьем и ковкой, а затем припаивались к почти готовому сосуду. Отделка сосуда завершалась тонкой шлифовкой всей его поверхности.

Особенно сложными даже при современной технике являются ножки погребального ложа, найденные в Армазисхевском некрополе в каменных ящиках № 1, 3 и 6 в количестве 16 штук. Каждая ножка сделана из орехового дерева и обтянута листовым серебром, причем деревянные части ножки заранее выточены и украшены различным резным орнаментом.

В среднем общая высота каждой ножки равна 350 мм, средний диаметр наиболее выступающих частей равен 144 мм.

Серебряный покров точно облегает рельеф деревянных сердечников и не имеет следов пайки (рис. 30). Почти на всех ножках переходы из одного диаметра в другой выполнены настолько гладко, что изготовление ножки из составных частей вызывает большое сомнение. Наряду со сказанным, отсутствие следов продольной пайки наводит на мысль, что эти ножки обтянуты цельной заготовкой из одного листа.

Изготовление подобных изделий методом штамповки, выколотки или тиснения невозможно вследствие наличия в них деревянных, художественно орнаментированных сердечников. Об изготовлении ножки литьем не может быть и речи, так как это неосуществимо при столь малой толщине стенок (0,2—0,8 мм) и тем более при наличии в них деревянного сердечника.

При осмотре на гладких (без орнаментов) поверхностях ножки ясно видны характерные круговые риски — следы давильника.

Измерения показывают (рис. 31), что толщина стенки по разным сечениям колеблется от 0,2 до 0,8 мм.

В переходах с малого на большой диаметр стенка утоняется и, наоборот, с большого на малый — утолщается, что говорит о растяжении и о посадке металла в процессе выдавливания на этих местах. В сердечнике (деревянная часть) со стороны торца имеется центровое углубление, также свидетельствующее об изготовлении ножки на станке при вращении детали.

Однако можно полагать, что центровое углубление на торце оправки использовалось только при ее предварительной обточке, т. е. при изготовлении самого сердечника. Кроме того, орнаментированная поверхность

Рис. 29. Узкогорлый серебряный кувшин

Рис. 30. Детали ножки погребального ложа (Армази)

ножки вызывает сомнение в возможности перемещения давильника на поверхности металла в процессе выдавливания. Рассматривая внимательно эти орнаменты, мы замечаем, что они равно удалены от оси в каждой плоскости. Учитывая при этом, что в процессе выдавливания на деревянных оправках часть изделия оформляется в «воздухе», не прижимаясь к поверхности оправки, надо думать, что при выдавливании заготовки на орнаментированной оправке получается гладкая форма тела вращения (без орнамента), профиль которой будет соответствовать грубому профилю вращения орнаментированной деревянной оправки.

Для наибольшей убедительности мы решили проверить наше предположение экспериментально, т. е. изготовить часть такой ножки. Опыт полностью подтвердил наше предположение: на рис. 32 представлена часть ножки, изготовленная нами из листового алюминия на резной деревянной оправке с последующим ручным тиснением орнаментов.

Выдавливание ножки из одного листа представляет большую трудность, так как материал, вследствие высокой степени деформации в холодном состоянии, будет рваться до достижения окончательной формы.

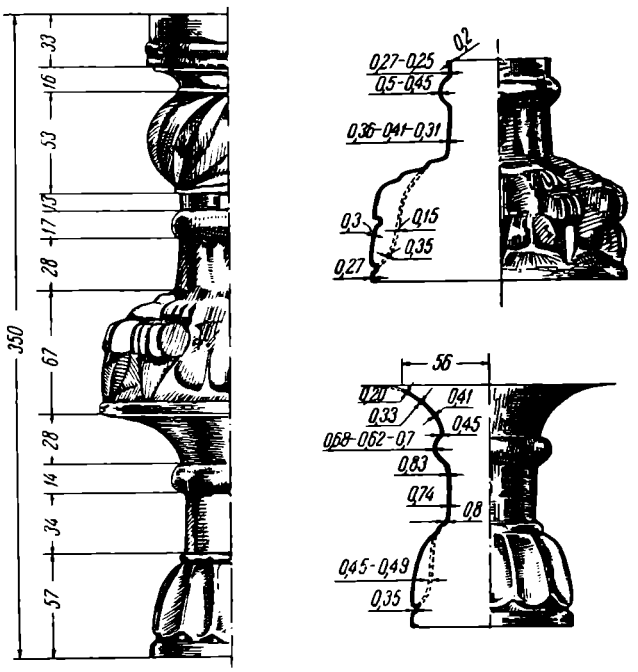

Рис. 31. Изменение толщины стенки ножки погребального ложа

Осуществлению полного выдавливания с применением промежуточных обычных отжигов препятствует наличие деревянного сердечника, находящегося в частично уже выдавленной заготовке. Следовательно, можно предположить, что ремесленники того времени могли выдавить ножку из одного (первоначально сравнительно толстого) листа с постепенным вытягиванием (утонением) металла по контуру сердечника, применяя при этом длительный низкотемпературный отжиг всей заготовки с сердечником в жидкой среде, взамен обычного отжига.

Обтягивание деревянной ножки листовым серебром сравнительно легко можно было производить с двух концов, с двумя заготовками, соединяя их в средней части ножки посредством завальцовки и тщательной пайки. Осмотр ножек не обнаруживает следов завальцовки и пайки, если поперечные трещины (не охватывающие всю окружность) у мест резких переходов не приписать результатам раскрытия завальцовки и пайки.

Таким образом, учитывая невозможность обтягивания листовым материалом резных деревянных сердечников путем выколотки или вытяжки и принимая во внимание характерные круговые следы давильника и изменение толщины стенки, приходим к заключению, что обтягивание

деревянных ножек саркофагов листовым серебром могло производиться только путем выдавливания. Придав предварительную форму и сбжав металл по контуру сердечника, окончательное оформление художественных орнаментов ножки производили тиснением и чеканкой вручную.

Рис. 32. Деталь ножки погребального ложа, выдавленная нами из алюминиевого листа на деревянном сердечнике

5. СЕРЕБРЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КЛАДА У СЕЛ. БОРИ

Из борийского клада, датированного II веком н. э., изучались серебряные изделия, по своей форме и орнаменту сходные с предметами, изготовление которых возможно выдавливанием листового материала. На рис. 33 представлены художественно орнаментированные серебряные изделия из листового серебра. Изучение этих изделий производилось в Государственном Эрмитаже, где они хранятся. Подобное исследование поверхностей этих предметов и сопоставление его результатов с критериями оценки применимости процесса выдавливания дало нам основание заключить, что эти предметы были изготовлены выдавливанием с последующим тиснением и художественной чеканкой.

Наилучшим подтверждением наших выводов о применении процесса выдавливания в комбинации с тиснением, чеканкой и обработкой резанием при изготовлении художественно орнаментированных изделий (тела вращения из пластичных металлов на деревянных сердечниках) является недоконченная серебряная деталь из борийского клада с деревянным сердечником (рис. 34).

На рис. 34, *1* представлена часть недоконченной серебряной ножки погребального ложа: на рис 34, *3* — вид этой же ножки сверху; на рис. 34, *5*—вид снизу. На рис 34, *2* изображена часть отломанного деревянного сердечника, вынутого из детали, изображенной на рис. 34, *1*. На рис. 34, *4* и *6* показан деревянный сердечник сверху и снизу.

Внимательное рассмотрение приведенных выше предметов дает полное представление об изучаемых деталях. Они подтверждают, что ремесленник предварительно вытачивал на токарном станке деревянный сердечник (оправку), затем вручную производил вырезку орнамента и окончательную отделку всей поверхности оправки. О применении токарного станка в процессе изготовления деревянного сердечника свидетельствует центровое гнездо на его торце (рис. 34, *6*).

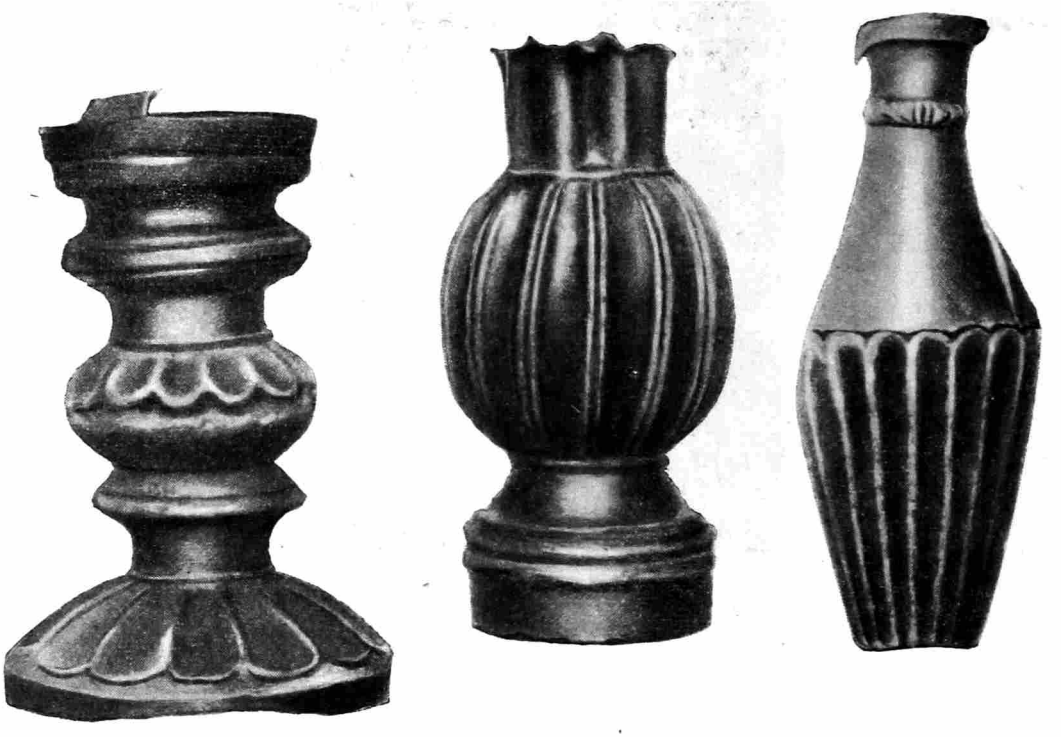

Рис. 33. Художественно орнаментированные серебряные изделия (Бори)

У серебряной обкладки и деревянной оправки (рис. 34, *1* и *2*) хорошо видны одинаковые рельефные резные бараньи головки. Это доказывает, что изготовление серебряной детали производилось на деревянной оправке, имеющей форму изготовляемой детали.

Верхняя листовая часть серебряной детали (рис. 34, *1*) представляет одно целое с нижней частью. Сейчас нам трудно судить, по какой причине верхняя часть осталась недоконченной. Эта счастливая случайность ясно доказывает, что заготовкой для изготовления подобных предметов всегда служил только листовой металл. Наглядное подтверждение сказанного мы видим на рис. 35. Здесь приведена в увеличенном виде донная часть серебряной детали. Этот снимок показывает, что ремесленник, вероятно с целью экономии, вырезал излишний драгоценный металл с торцевой части ножки. Вырезка лишнего металла произведена зубилом, очевидно, после перегиба листа от донной части на сердечник.

При тщательном осмотре поверхностей серебряной обкладки следов ударов молотка не видно. Было бы неправильно допустить их сошлифовку с поверхности металла, тем более что обработка обкладки не была завершена. Ремесленник вряд ли приступил бы к промежуточной шлифовке детали до придания ей окончательной формы. Таким

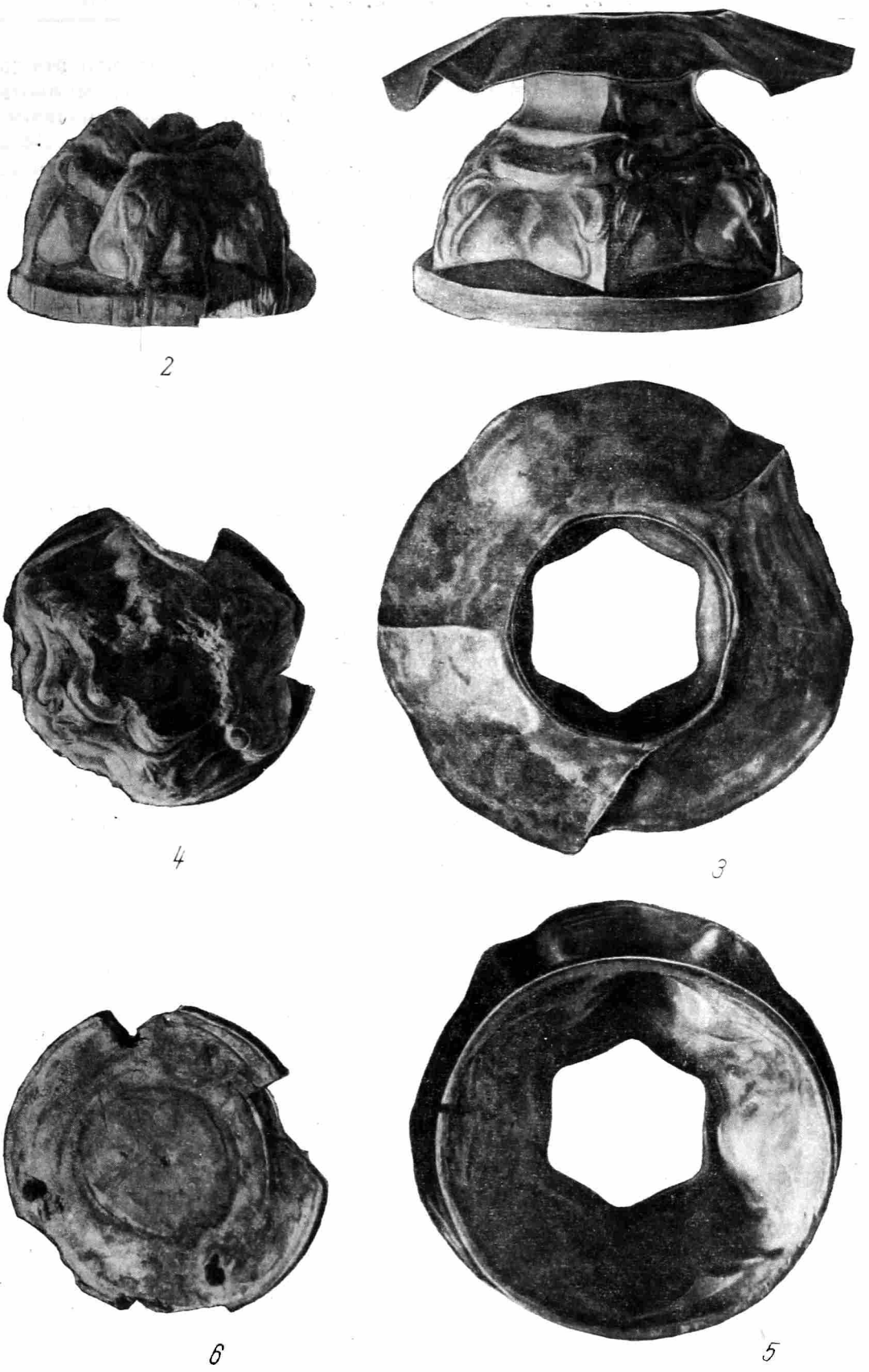

Рис.

1, 3, 5— часть недоконченной серебряной ножки погребального ложа (Бори); *2, 4, 6*— часть отломанного деревянного сердечника, вынутого из этой ножки

образом, отсутствие следов ударов молотка говорит о том, что эта деталь была изготовлена без помощи выколотки, тем более что выколотка подобных деталей на деревянных сердечниках, как это уже отмечалось, вообще невозможна. По этой же причине нельзя предполагать возможность изготовления подобных деталей штамповкой и посредством литья.

Наличие на детали незавершенной листовой заготовки без следов ударов молотка является ярким подтверждением ее изготовления из листовой заготовки на деревянном сердечнике путем выдавливания. При

Рис. 35. Донная часть детали (рис. 34, *1*), снятая в увеличенном виде

осмотре поверхности обкладки легко обнаруживаются круговые риски — характерные следы давильника. Верхняя, незаконченная часть оставшегося листа — более матовая и отличается от нижней, что также является признаком изготовления детали выдавливанием.

Характерно, что толщина серебряного листа у донной части примерно в 1,5—2 раза больше, чем у оставшейся заготовки. Это показывает, что в процессе выдавливания произошло постепенное утонение материала.

Как известно, более тонкие листы выдавливаются труднее, так как интенсивнее утоняются и рвутся. Очевидно, ремесленник, хорошо зная это обстоятельство, первоначальную толщину листовой заготовки умышленно брал сравнительно больше и в процессе выдавливания постепенным утонением ее достигал нужной толщины и глубины выдавливания.

Окончательное оформление рельефного орнамента, как уже указывалось выше, производилось после выдавливания детали с приближенной формой при помощи тиснения.

Таким образом, рассмотренные нами серебряные изделия, представленные на рис. 33 и 34, являются ярким доказательством широкого распространения давильного процесса и на территории Западной Грузии во II в. н. э.

В заключение следует отметить, что несмотря на ведущиеся в Грузии широкие археологические исследования, уже давшие исключительно богатый материал, раскопки охватывают пока лишь незначительную часть ее территории. Дальнейшие исследования, бесспорно, обогатят советскую археологию новыми находками предметов художественного производства древних грузинских мастеров.

Рассмотренные нами художественные предметы, изготовленные столь сложной техникой, указывают на наличие в XV—XII вв. до н. э. и в начале нашей эры на территории Грузии слоев населения, которые были потребителями таких изделий. Этот факт подтверждает существование в то время социальной дифференциации, выделения богатых и бедных[1].

[1] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 23—24.

Следует отметить, что давильная технология, зародившаяся еще при разложении родового строя, получила свой совершенный вид в последующих веках, когда возникает классовое общество[1], когда развивается ремесленное производство, от сельского хозяйства отделяется ремесло и закладывается фундамент развития городской жизни.

Рассмотренные выше серебряные изделия из Багинети, Армазисхеви и Бори принадлежат уже развитому классовому обществу.

Дальнейшее развитие городской жизни вынуждало ремесленников изыскивать все новые и новые формы и художественное оформление для своих произведений. Наряду с этим для удовлетворения нарастающего спроса на металлические изделия, ремесленники были вынуждены изыскивать также и новые приемы работы с целью усовершенствования производства и увеличения количества изделий.

Найденные в Армазисхевском некрополе 16 ножек саркофагов указывают на большой спрос подобных изделий среди знати во II в. н. э. Такое развитие ремесла в древней Грузии требовало достаточной сырьевой базы. На экономное расходование драгоценного металла указывает вырезка лишнего металла из донных частей ножек саркофагов.

Понятно, что выколотка — самый ранний, но недостаточно эффективный способ обработки листового металла—не могла удовлетворить большую потребность населения в металлических изделиях, особенно если принять во внимание, что выколотка не дает возможности изготовить целый ряд предметов различной формы и обтягивать листовой металл на деревянных сердечниках. Наиболее совершенным методом обработки (для того времени) листового металла, доступным нашим далеким предкам, является токарно-давильный процесс, для изобретения которого в древней Грузии уже имелась материальная база и соответствующий опыт.

Исследование серии различно датированных археологических металлических изделий, имеющих форму тел вращения, убедительно показало, что процесс выдавливания листовых пластичных металлов применялся грузинскими племенами еще со времени разложения родового строя. Токарно-давильный процесс в дальнейшем широко применялся по всей территории Грузии. Грузинские ремесленники передавали эту технику из поколения в поколение, развивали ее и сохранили до настоящего времени.

Результаты наших исследований показывают, что давильная технология и прототип токарного станка были известны намного раньше, чем это указывается в технической литературе [2].

Применение токарно-давильной технологии и холодной обработки металлов резанием и шлифовкой при вращении заготовки и, соответственно, использование прототипов токарного станка племенами, проживавшими в древнейшие времена на территории Советского Союза, было явлением значительного технического прогресса.

---

[1] Там же, стр. 50—54.

[2] И. К у з н е ц о в. Давильное дело. БСЭ, т. XX; Г. С. С е р е б р я н и к о в. Выдавливание изделий из листовых металлов на токарном станке. М., 1927.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

М. Е. ФОСС. ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 29, М., 1952.

Настоящая монография представляет собой крупный труд, обобщающий разультаты долголетних археологических изысканий как самого автора, так и других советских исследователей (А. Я. Брюсова, Н. Н. Гуриной, В. И. Равдоникаса и др.) на севере нашей страны. Ее автор, М. Е. Фосс, является одним из ведущих советских специалистов по каменному веку, имеющим большие заслуги в изучении данной территории.

В дореволюционный период по неолиту нашего севера были известны лишь отдельные случайные и разрозненные факты. В настоящее время в результате продолжительных систематических работ советских ученых, в том числе в особенности М. Е. Фосс, мы знаем эту эпоху на севере лучше, чем на юге. Более того, изучение неолита севера достигло ступени, позволяющей давать не только описание и анализ археологических памятников, но и приступить, как это делает автор, к написанию истории племен севера в это отдаленное время. Ознакомление с настоящей работой показывает, что, озаглавив ее «историей», автор поступил не слишком претенциозно и что ему, действительно, удалось проследить основные вехи истории европейской части нашего севера в рассматриваемую эпоху.

Основываясь на археологических материалах, следуя твердо установившимся в советской археологии методологическим требованиям. автор широко использовал и данные других дисциплин — этнографии, геологии, палеоботаники, палеозоологии и др. В итоге ему удалось вскрыть местные различия в условиях существования человека в разных районах изучаемой территории и показать вызванные этими различиями своеобразия в формах жилища, орудий труда, образе жизни населения и тем самым восстановить конкретные условия жизни и развития древнего общества. Глубоко изучив весь богатый материал, добытый как дореволюционными любителями-археологами, так и советскими исследователями, М. Е. Фосс создала крупный труд, который, несомненно, явится отправным для всех последующих работ в данной области. Капитальная работа М. Е. Фосс относится к тем творческим трудам, которые — даже в частях, рассматривающих более или менее известные факты, не говоря о новых, — будят мысль и открывают новые перспективы.

Мы не имеем, естественно, возможности рассмотреть здесь все или даже наиболее важные из тех многочисленных положений и выводов, которые даются на страницах этого обширного исследования. Все они

являются результатом многолетней тщательной работы, глубокого знания памятников как непосредственно исследуемой территории, так и соседних областей, и огромного опыта, накопленного в процессе их изучения. Мы остановимся лишь на некоторых положениях и заключениях, которые представляются нам особенно существенными или интересными.

Главы I—VI составляют в известном смысле вступительную часть работы, в которой излагаются общие, исходные положения и соображения, дается определение понятий «археологическая культура» и «северный или лесной неолит», приводится обзор истории исследования неолита на севере, характеризуется древний ландшафт лесной полосы, дается общая характеристика северного неолита, ставится вопрос о начале заселения севера европейской части СССР и излагаются соображения о значении орнаментики для разрешения вопросов этногенеза в изучаемую эпоху.

Главы VII—X содержат анализ неолитических культур севера. В XI и XII главах и в кратком заключении делаются общие выводы, в которых рассматриваются вопрос о происхождении племен северного неолита, а также их связи между собой и с соседями. На основании предшествующего анализа автор приходит к заключению, что север Восточной Европы был заселен из двух центров: из волго-окского бассейна и из Западной Сибири. Оба центра были заселены этнически различными племенами. Из волго-окского бассейна прослеживается неоднократное продвижение населения в северном направлении, в область каргопольской культуры и далее в Карелию и Беломорье. Наконец, в последнем разделе, озаглавленном «Материалы», описываются памятники и дается список выявленных до настоящего времени мест севера, населенных в IV—I тысячелетиях до н. э.

Автор совершенно правильно начинает свою работу с выяснения содержания термина «неолит». Это тем более необходимо, что в силу неодинаковости развития общества в эту эпоху нет общепризнанного определения этого термина. Автор определяет неолит как время бытования камня, продолжавшего применяться в эпоху, когда уже был известен металл, и придает этому понятию, имея в виду особенно условия севера, с полным основанием более широкое содержание. Под неолитом в лесной полосе подразумевается время бытования камня и связанной с ним особой техники в эпоху родового строя. Поздний неолит знал уже и металл. М. Е. Фосс перечисляет ряд находок медных или бронзовых предметов на севере и доказывает, что предметы из меди появились в лесной зоне уже на рубеже III и II тысячелетий. Одновременно стала распространяться и техника обработки металла. Однако камень и неолитическая материальная культура оставались в лесной зоне господствующими вплоть до появления железных орудий. Основной причиной слабого распространения бронзы у населения лесной области М. Е. Фосс считает его удаленное положение от источников меди (стр. 14, левая колонка). Тут возникает, однако, вопрос, не было бы правильнее усмотреть эту причину в крайне слабой развитости производительных сил и, в зависимости от этого, обмена. За это говорит хотя бы тот самый факт, который автор приводит на следующей странице, что у населения степной зоны, шагнувшего в развитии производства дальше своих северных соседей, бронзовые предметы получают большее распространение, несмотря на то, что отдельные части этой области весьма удалены от источников металла.

При допущении более раннего, чем полагали до недавнего времени, распространения меди отпадает, между прочим, известное противоре-

чие, существовавшее по этому вопросу между археологами и языковедами. В то время как мы полагали, что предметы из меди появились в лесной зоне не ранее первой половины или даже середины II тысячелетия до н. э., лингвисты утверждали, что название меди в финно-угорских языках (ср. эстонское vask, финское vaski) восходит уже ко времени финно-угорской языковой общности, которую по разным соображениям нельзя датировать позже III тысячелетия.

В противоположность мнению, имевшему до недавнего времени широкое хождение, автор на основании глубокого изучения памятников утверждает, что северный неолит не был чем-то застойным (стр. 16, правая колонка), хотя и развивался — в силу исключительно тяжелых природных условий — медленнее, чем культуры юга.

В первой же главе М. Е. Фосс дает свое определение и другому термину, «археологической культуре». Как сам автор уже в предисловии отмечает, это определение расходится с пониманием того же термина в работе А. Я. Брюсова[1], вышедшей незадолго до появления рассматриваемого труда. М. Е. Фосс под археологической культурой подразумевает (стр. 6, левая колонка) «совокупность археологических памятников, объединенных одним временем, общей территорией и характеризуемых общими чертами». Этот общий отпечаток наложили на культуру, согласно пониманию автора, те конкретные условия существования (сходная географическая среда, одинаковые занятия и др.), в которых протекала жизнь населения, создавшего данную культуру. М. Е. Фосс по существу отрицает связь археологических культур с определенными этническими общностями. А. Я. Брюсов, напротив, считает, что археологическая культура обычно выражает этническое единство соответствующего населения. Отрицание связи между этническими общностями и археологическими культурами, как комплексами, вытекает, повидимому, из того обстоятельства, что автор считает решающим этническим признаком только один из признаков культуры, а именно орнаментику. Таким образом, М. Е. Фосс, как это отметил в ходе защиты ее работы в качестве докторской диссертации А. П. Окладников, значительно суживает значение археологических культур. Было бы неправильно утверждать, что любая археологическая культура без исключения основывалась на этническом единстве населения, но, с другой стороны, трудно согласиться со столь категорическим отрицанием этого, как это выражено в настоящей работе.

Интересна и содержательна глава о древнем ландшафте севера Восточной Европы. Описания природной среды, приводимые в археологических работах, нередко страдают слабой увязкой с анализом и истолкованием археологических памятников. В рассматриваемом труде естественно-исторические факты не только теснейшим образом связаны с археологическими, но на основании их сделан и ряд существенных выводов. Значительное отличие древних ландшафтных зон от современных иллюстрируется соответствующей картой (рис. 6). Отмечая своеобразие природных условий разных районов севера и вытекающие из этого различия в условиях охоты и рыбной ловли, а также в сырьевой базе, автор в главе III и последующих указывает на необходимость выяснения в каждом конкретном случае связанных со всем этим местных особенностей материальной культуры (различия в материале и формах орудий, в приемах обработки камня, в составе производственного инвентаря).

[1] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 20.

Автор совершенно правильно предостерегает от ошибочного однобокого истолкования этих особенностей как различий, вытекающих из разного этнического состава населения.

В главе V автор пытается дать ответ на вопрос о начале заселения севера европейской части СССР Рассмотрев древнейшие памятники севера — памятники так называемого «арктического палеолита», стоянку Кунда, Ягорбские находки,— автор приходит к заключению, что вопрос о первичном заселении севера еще не может быть разрешен,что следует считать вполне правильным. Пока не будет разрешена загадка так называемого «арктического палеолита» и не будет установлено время появления на крайнем севере Европы населения лапоноидного типа, процесс древнейшего заселения севера останется невыясненным. В связи с «арктическим палеолитом» есть ссылка на работу А. Нуммедаля 1929 г., но не упоминается вышедшая позже основная публикация соответствующих материалов: Johs. Böe et A. Nummedal. Le Finmarkien. Oslo (Instituttet för Sammenlignende Kulturforskning), 1936. Для решения проблемы древнейшего заселения севера европейской части СССР имела бы известный интерес также статья, касающаяся того же вопроса на соседней финской территории: A. Äyräpää. Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. Acta Archaeologica, XXI. Köbenhavn, 1950 (стр. 1—43).

Глава VI посвящена важной проблеме о значении орнаментики родового общества для решения вопросов этногенеза. Эта глава занимает в известной мере центральное место в монографии, поскольку она является исходной для трактовки этнических вопросов во всей данной работе и поскольку на основании выводов, сделанных в этой главе, автор подвергает пересмотру ряд своих прежних взглядов относительно этнического состава древнего населения в пределах изучаемой территории. В этой главе убедительно показано, что орнаментике, в частности стилистическим особенностям узоров керамики, которая лучше всего сохранила нам неолитическую орнаментику, следует придавать при разработке вопросов этнических различий первенствующее значение по сравнению с особенностями, прослеживаемыми в остальном археологическом материале, в формах орудий труда, технике их изготовления и т. п. Автор развивает тут дальше взгляды, высказывавшиеся не раз уже прежде, в особенности В. А. Городцовым. Если прежде по этому вопросу приводились лишь общие соображения, то М. Е. Фосс разрабатывает его подробнее на основании конкретных археологических фактов и, что особенно ценно, подкрепляет свои выводы хорошо подобранными примерами из области этнографии. Эта глава, несомненно, продвигает вперед разработку методики изучения сложных вопросов этнической принадлежности неолитических культур, и это следует считать большой заслугой автора.

Следует, однако, сказать, что сами по себе вполне правильные выводы, сделанные в данной работе относительно значения орнаментики для разрешения этнических вопросов, не могут считаться во всех случаях единственным решающим основанием для разрешения сложных проблем этногенеза. Автору следовало бы сильнее, чем это делается в работе, подчеркнуть, что орнаментика является среди других лишь о д н и м, хотя и наиболее надежным, признаком для установления этнической принадлежности той или другой части древнего населения и что, помимо ее, для решения этого вопроса следует привлечь и в с е д р у г и е археологические данные, в случае возможности, сверх того непременно еще и антропологические и лингвистические материалы. Другими

словами, вопросы этнической принадлежности древнего населения могут с успехом решаться только при условии комплексного их изучения и сопоставления всякого рода данных и соображений. Мы напоминаем эту общеизвестную истину лишь потому, что автор, как нам кажется, в некоторых случаях слишком односторонне применяет выдвинутые им положения относительно особого значения орнаментики.

Следующие главы (VII—X) посвящены разбору памятников отдельных культур. Особенно подробно проанализированы каргопольская и беломорская культуры, которые автор изучал на протяжении многих лет и в области которых он является крупнейшим специалистом. Анализ является весьма тщательным и убедительным. Тем не менее выводы, делаемые автором на основании этого анализа о существовавших на данной территории древних племенах, нельзя признать во всех отношениях убедительными. Причиной является, как уже указывалось, тот факт, что автор несколько односторонне исходит из выдвинутых им в предшествующей главе положений о значении орнаментики для этих вопросов. На основании этого автор допускает, что каждое изменение в стиле орнаментики глиняной посуды означает изменения в этническом составе населения. Таким образом, в противоположность своим прежним взглядам о наличии преемственной связи между разными этапами каргопольской культуры, М. Е. Фосс предполагает, что на протяжении ее существования происходил ряд перерывов с изменениями в этническом составе ее носителей. Тому обстоятельству, что большинство каргопольских поселений является однослойным, что их производственный инвентарь и — это следует особо напомнить — техника его изготовления проявляют известную преемственность, не придается существенного значения. Решающим считается изменение характера узоров керамики. Автор не учитывает того, что орнамент должен был с развитием производства и соответственной идеологической надстройки подвергаться известным изменениям; при этом он мог воспринять и в действительности воспринимал новые элементы извне. Вследствие того, что автор не проанализировал этих вопросов, сделанные им выводы не являются вполне убедительными, и перед читателем поневоле возникает вопрос, являлись ли все отмеченные автором изменения орнаментики в действительности результатом изменений в составе племен или же их приходится объяснять по-иному.

В общем представляется наиболее обоснованным предположение о том, что третий этап каргопольской культуры знаменует собой появление нового населения. Этот этап характеризуется не только совершенно новым типом керамики, но и новым производственным инвентарем и новой техникой изготовления. И все же остается необъясненным одно обстоятельство. Почему городищенские скотоводы и земледельцы, проникнув сюда, не принесли с собой хотя бы начал этих типов хозяйства? Ведь крайне редко случается, и только в особых условиях, чтобы какое-нибудь племя перешло от более высокого уровня производства к более низкому. А в данном случае мы как будто не находим никаких причин тому, почему пришельцы не могли принести с собой скотоводства. Этот случай может служить примером того, что для получения полной ясности в вопросах этнической принадлежности населения недостаточно аргументировать не только орнаментикой и характером керамики или даже всем остальным вещественным материалом. Для этого требуется, как видим, еще и рассмотрение сверх того ряда других связанных с археологическим материалом фактов и соображений.

Две последние главы не вызывают, если не считать затронутых в них только что указанных спорных вопросов, возражений. Выдвигае-

мое автором важное положение о заселении лесной полосы из двух разных центров, из волго-окского бассейна и из Западной Сибири, может считаться твердо установленным фактом. Большой интерес и важность для дальнейшего детального изучения неолита этой области имеет установление в ее пределах двух больших групп керамики — ямочно-гребенчатой на востоке и гребенчато-ямочной на западе (ср. карту—рис. 88 рецензируемой книги).

Однако нельзя не отметить одного пробела в рецензируемой работе: в ней не учтены богатые неолитические памятники северо-западного Приладожья. Вследствие этого данная древнейшая история нашего севера является неполной. Правда, в дополнительный список населенных мест включены важнейшие неолитические местонахождения названного района, но без ссылок на литературу. Ссылки на литературу или указания других источников отсутствуют и у многих других названий древних населенных мест. Повидимому, автор недооценил значения своего капитального труда. Было бы, естественно, весьма желательно, чтобы такая капитальная работа, как настоящая, представляющая исходную основу для всех последующих исследователей северного неолита, содержала в себе все необходимые указания на соответствующие источники. Приходится также пожалеть, что в ней отсутствует полный список литературы. В статьях или даже небольших монографиях, посвященных какому-нибудь отдельному вопросу, достаточно давать одни лишь подстрочные ссылки на литературу. Но в крупных сводных трудах необходимо помещать особо список литературы и всех других использованных источников. Этот недостаток почувствует каждый археолог, изучающий памятники как данной территории, так и соседних областей.

Рассматриваемая монография является, без сомнения, крупным и весьма ценным вкладом в нашу советскую археологическую литературу. Сделанные нами немногочисленные критические замечания не снижают сколько-нибудь существенно ее больших достоинств.

Х. А. Моора

А. В. ЗБРУЕВА. ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ В АНАНЬИНСКУЮ ЭПОХУ. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья, т. V. Материалы и исследования по археологии СССР, № 30, М., 1952.

Труд А. В. Збруевой «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху» представляет собой ценное научное исследование монографического характера, основанное на богатом и оригинальном археологическом материале, большая часть которого была собрана, обработана и проанализирована самим автором. Общий объем рецензируемой книги—свыше 40 печатных листов; состоит она из предисловия, краткого введения, 11 основных глав и выделенного в особый раздел детального описания 20 археологических памятников, относящихся к ананьинской культуре (стр. 216—319). Книга богато иллюстрирована рисунками, фотографиями, планами-чертежами и географическими картами (всего 66 рисунков и 56 сводных иллюстративных таблиц).

В предисловии автор в сжатой форме характеризует основные цели и задачи своего исследования. Главнейшую из них он справедливо видит в том, чтобы «осветить одну из важнейших и самых ярких страниц древней истории народов Прикамья, эпоху раннего железа, время сложения и развития так называемой ананьинской культуры» (стр. 5), созданной древними племенами, «из которых впоследствии образовались коми-пермяки и удмурты» (там же). За предисловием в книге А. В. Збруевой следует «Введение», в начале которого помещена общая характеристика ананьинской культуры, указано время ее существования (VIII—III вв. до н. э.), намечены взаимоотношения с другими более или менее одновременными культурами Восточной Европы (стр. 7—9). Во «Введение» включены также разделы «История изучения» (стр. 9—14), «Источники» (стр. 14—19) и «Территория расселения ананьинских племен» (стр. 19—22).

Первая основная глава книги А. В. Збруевой носит название «Ананьинские памятники, их характеристика и хронология». Глава эта, имеющая по преимуществу описательный характер, распадается, естественно, на два раздела в соответствии с двумя видами ананьинских памятников — «Поселения» (стр. 23—28) и «Могильники» (стр. 28—44). Значительный интерес представляет попытка автора выделить последовательные хронологические группы ананьинских памятников и с максимальной возможной четкостью проследить их географическое размещение.

Вторая глава посвящена хозяйству и занятиям ананьинцев (стр. 45—65); в ней шесть разделов: «Земледелие», «Скотоводство», «Охота», «Рыболовство», «Металлургия», «Производство орудий и других предметов из кости, шитье, плетенье и обработка кожи». Уже

простой перечень этих заголовков ясно показывает, что вторая глава по своему содержанию является одной из самых важных во всей рецензируемой книге: в ней идет речь об основных производительных силах общества ананьинской эпохи, об одной из двух сторон характерного для него способа производства.

Третья глава — «Керамика», — небольшая по своему объему (стр. 66—74), тематически тесно связана с предыдущей и могла бы по существу составить один из ее параграфов. Учитывая, однако, важность изучения глиняной посуды и других керамических изделий для характеристики различных культур, выделяемых археологами, не приходится возражать против того, что описанию керамики посвящена отдельная глава. Верно ведь, что «одним из типичных элементов ананьинской культуры является своеобразная глиняная посуда, которая составляла главную массу находок с городищ и селищ, как продукт местного массового производства, и часто встречалась при погребениях» (стр. 66).

Четвертая глава — «Одежда и украшения» — состоит из двух разделов: «Одежда и украшения костюма мужчин» (стр. 75—79) и «Одежда и украшения женщин» (стр. 79—87). Следует отметить, что автор умело использует те скудные данные, которые имеются в его распоряжении по костюму ананьинцев, и удачно привлекает для их интерпретации этнографические материалы по современным народам Прикамья.

Пятая глава книги А. В. Збруевой посвящена вооружению ананьинцев. В этой главе, насыщенной богатым и тщательно описанным фактическим материалом, 5 разделов: «Луки и стрелы» (стр. 88—93), «Копья» (стр. 93—99), «Мечи и кинжалы» (стр. 99—104), «Клевцы» (стр. 104—107) и, наконец, «Кельты» (стр. 107—110). Все перечисленные виды вооружения рассматриваются автором с различных сторон: со стороны материала и техники изготовления, со стороны их назначения у ананьинских племен, со стороны специфических особенностей, характерных для ананьинской культуры.

Большое место в рецензируемом труде занимает как по объему, так и по содержанию шестая глава — «Погребальный обряд и религиозные представления ананьинцев» (стр. 111—135). В этой главе читатель найдет детальную характеристику всех погребений ананьинской эпохи, как исследованных самим автором, так и описанных в археологической литературе. А. В. Збруева не ограничивается, однако, только описанием этих погребений, но и стремится дать их научную интерпретацию и воспроизвести с наибольшей возможной полнотой все особенности погребального обряда изучаемого времени. Больше того, основываясь на археологических данных и привлекая в процессе научного анализа этнографические материалы (преимущественно по народам Прикамья), автор предпринимает интересную попытку нарисовать общую картину религиозных представлений ананьинцев и характерных черт их культа.

Большой интерес представляет также следующая (седьмая) глава рецензируемой монографии — «Искусство» (стр. 136 — 146). И здесь автор далеко выходит за рамки чистого описания, стремясь путем тщательного изучения различных предметов искусства сделать ряд выводов о характере того общества, которое оставило нам эти предметы. Особенно большое внимание уделено в этой главе, естественно, изображениям животных — в первую очередь хищных, — столь типичным для ананьинской культуры. Материалы, относящиеся к искусству, А. В. Збруева использует и в восьмой главе книги, носящей название «Общество» (стр. 147—163). Именно в этой главе сосредоточены все основные научные выводы автора, касающиеся уровня социально-экономического

развития ананьинских племен и характерных особенностей их общественного строя. Строй этот А. В. Збруева считает родовым, патриархальным, с сохранением, однако, устойчивых традиций матриархата. На основании детального изучения специфических черт различных местных групп ананьинских памятников автор считает возможным говорить о существовании в Прикамье в рассматриваемую эпоху ряда родственных племен со сходной культурой, объединявшихся, быть может, в племенной союз. «Основной задачей этого союза, — пишет А. В. Збруева, — была защита от внешних врагов. Вероятно, эти союзы были кратковременные, возникавшие в связи с крупной военной опасностью, и быстро распадались» (стр. 163).

Тесно связаны между собой тематически две следующие главы книги А. В. Збруевой — девятая («Культурные связи ананьинских племен», стр. 164—188) и десятая («Сложение ананьинской культуры», стр. 189—204). В девятой главе, пользуясь главным образом сравнительным анализом различных элементов материальной культуры, автор прослеживает связи ананьинских племен с современными им племенами Северного Кавказа, Причерноморья и нижнего Поволжья, Зауралья и юго-западной Сибири, Беломорского побережья и всего лесного севера Восточной Европы от Печоры до Финляндии (см. карту на стр. 187 рецензируемой книги). Наиболее тесными, по мнению А. В. Збруевой, были связи между ананьинскими и западносибирскими племенами. «По всей вероятности, — указывает она, — в Приуралье на Каме и в Зауралье на Оби жили родственные группы племен, связанные общим происхождением» (стр. 181). В десятой главе автор рецензируемого труда делает попытку разрешить сложную проблему происхождения ананьинской культуры. Большой научный интерес в этой главе представляют новые данные о «предананьинских» археологических памятниках Прикамья, до настоящего времени очень слабо изученных. Именно изучение этих памятников — Луговской, Ананьинской, Казанской и других стоянок, а также современных им могильников эпохи поздней бронзы — позволило автору придти к выводу о местном происхождении ананьинской культуры. Культура эта складывалась, повидимому, на обширной территории, в которую входило не только нижнее Прикамье, но и бассейн Камы в целом и даже некоторые области Западной Сибири, в особенности лесостепной ее части (стр. 204).

Последняя (одиннадцатая) глава труда А. В. Збруевой носит название «Отражение ананьинской культуры в культуре народов Прикамья» (стр. 205—215). Основная цель этой главы заключается в том, чтобы показать путем сравнительного анализа археологических и этнографических материалов связь ананьинских племен с современными народами Прикамья, в первую очередь с удмуртами и коми-пермяками, отчасти также с марийцами и маньси (вогулами). Для доказательства этого тезиса, который сам по себе не вызывает возражений, автор прослеживает судьбу ананьинских «культурных традиций» в области поселений, жилища, одежды, украшений и т. д. в последующие исторические эпохи, особенно во II тысячелетии н. э., когда существование известных в настоящее время прикамских народов является уже твердо установленным. «Сравнение археологических материалов ананьинского времени с материалами X—XIV вв. н. э, — пишет А. В. Збруева, — и некоторыми элементами современных жилищ и национальной одежды удмуртов и коми-пермяков позволяет установить их взаимную связь и наличие ананьинских традиций в культуре удмуртов и коми-пермяков, которые ясно наблюдались в X—XIV вв. и слабые отзвуки которых дожили до современности» (стр. 215).

Несомненным достоинством работы А. В. Збруевой, частично отмеченным уже выше при обзоре содержания отдельных глав, является то, что автор, не в пример многим старым и некоторым новым археологам, не ограничивается описанием и формально-типологическим анализом всех имеющихся в его распоряжении фактических материалов, но последовательно стремится к использованию этих материалов для возможно полной характеристики всех сторон хозяйственной, общественной и культурной жизни «ананьинцев» во взаимной связи и обусловленности. Основываясь на методологии марксизма-ленинизма, автор старается средствами археологической науки дать законченное представление о способе производства и экономическом базисе населения Прикамья в ананьинскую эпоху, о характерных особенностях его материальной, а в известной степени и духовной культуры. Именно с этой точки зрения, отличающейся большой целеустремленностью, автор рассматривает различные — нередко очень скудные — данные о занятиях ананьинцев — земледелии, скотоводстве, охоте, рыболовстве, всевозможных отраслях домашнего производства, о поселениях и жилище, об одежде и украшениях, о вооружении, погребальном обряде и художественном творчестве.

Некоторые выводы А. В. Збруевой, касающиеся хозяйства, общества и культуры ананьинских племен, могут, конечно, вызвать возражения со стороны части советских археологов, работающих над проблемами древнейшей истории народов Прикамья. Далеко еще не разрешенными, а во многом и весьма спорными являются, например, вопросы об относительной роли земледелия и скотоводства, охоты и рыболовства в экономической деятельности ананьинцев, о характере их родовой организации — материнской или отцовской, о возникновении в ананьинскую эпоху крупных племенных союзов и т. п. Не все исследователи согласятся, я думаю, с тем, что «...особый погребальный обряд некоторых погребений Ананьинского могильника... указывает на то, что это были погребения более значительных людей, чем родовые вожди, очевидно, вождей целого племени, и притом, может быть, наиболее сильного и влиятельного, или вождей союза племен» (стр. 163). Вполне возможно, что ведущей отраслью хозяйства ананьинцев было не земледелие, и даже не земледелие со скотоводством, как это предполагает А. В. Збруева (стр. 50), а именно скотоводство, которое, по мнению А. П. Смирнова, заняло к концу ананьинской эпохи «господствующее положение» [1]. Возможно также, что род и семья в ананьинское время уже были вполне патриархальными, а племенные союзы еще не возникали (богатые погребения Ананьинского могильника могли быть захоронениями наиболее влиятельных или выдающихся представителей родо-племенной знати, а не обязательно «вождей союза племен»).

Как бы ни разрешились, однако, все перечисленные вопросы в будущем, останутся незыблемыми основные положения А. В. Збруевой о комплексном характере хозяйства ананьинцев (земледелие, скотоводство, охота, рыболовство), об их оседлом образе жизни в укрепленных поселениях-городищах, о своеобразных чертах их материальной культуры (орудий труда, вооружения, одежды, украшений и т. п.), о наличии в обществе ананьинской эпохи развитой родовой организации, больших семей, обитавших в общих коллективных жилищах, довольно ясно выраженной имущественной дифференциации, домашнего рабства, сложной системы религиозных представлений и связанных с ними культов. Широкие круги советских читателей, интересующихся древней историей нашей Родины, узнают из книги А. В. Збруевой не только о том, какие предметы выделы-

[1] См. МИА № 28, стр. 61.

вали и употребляли ананьинцы, но и о том, как они жили, как удовлетворяли свои материальные и культурные потребности. Разносторонняя хозяйственная, общественная и культурная жизнь ананьинских племен описана автором очень ярко и убедительно, язык изложения простой и ясный, иллюстрации в общем подобраны умело и являются хорошим дополнением к тексту.

Общая положительная оценка книги А. В. Збруевой не означает, конечно, того, что книга эта лишена каких бы то ни было недостатков. Недостатки есть, и некоторые из них представляются, на наш взгляд, довольно существенными. В первую очередь бросается в глаза неполнота тех разделов рецензируемой книги, которые посвящены проблемам происхождения ананьинской культуры, ее дальнейшей судьбы и этнической принадлежности создавших ее племен. В монографии, посвященной ананьинской эпохе — одной из самых важных эпох в истории формирования угро-финских народов, мы вправе ожидать если не разрешения (для этого нехватает еще фактических данных), то по крайней мере постановки вопроса об «этническом лице» ананьинцев, а также об их связи с предшествующими и последующими племенами той же территории. К сожалению, А. В. Збруева почти не касается всех этих важнейших этногенетических проблем, если, конечно, не считать таким «касательством» беглого замечания о том, что «сложение ананьинских племен является лишь небольшой частью общего процесса формирования племен и народностей, говорящих на языках финно-угорской семьи» (стр. 5).

На современном этапе развития советской исторической науки нас не может, я думаю, удовлетворить и столь же общее заключение о том, что ананьинские племена являются отдаленными предками современных финноязычных народов Прикамья — коми-пермяков и удмуртов (гл. XI, стр. 205—215). Читатель не сможет узнать из книги А. В. Збруевой, какими конкретно историческими путями шло преобразование древних ананьинцев в современных коми и удмуртов (если оно вообще имело место), через какие этапы проходило это преобразование, когда оно началось и когда закончилось, каковы были его причины и следствия для общего процесса образования угро-финских народов. Автор рецензируемого труда вскользь упоминает о том, что ананьинскую культуру в Прикамье сменила новая культура — пьяноборская (стр. 44), но совсем не касается вопроса о том, почему произошла эта смена и какими этногенетическими процессами она сопровождалась. Непонятно, отчего в книге А. В. Збруевой культура ананьинских племен сопоставляется непосредственно с культурой коми-пермяков и удмуртов начала II тысячелетия н. э., о культуре же населения Прикамья в промежуток между ананьинской эпохой и средневековьем ничего не говорится.

Серьезные возражения вызывают также методы сопоставления культурных особенностей древних и современных народов, применяемые А. В. Збруевой. Так, например, говоря о связи ананьинской культуры с культурой удмуртов и коми, она считает возможным для доказательства реального существования такой связи привлекать данные о сходстве ананьинских и финских раннесредневековых городищ, о наличии у ананьинцев и позднейших финноязычных народов землянок, коллективных большесемейных жилищ, особых родовых кладбищ (или, точнее, особых мест на кладбищах), захоронений с вещами и костями животных и т. д. (стр. 209—212). Совершенно очевидно, однако, что во всех перечисленных случаях не может быть и речи о каких-либо специфических этнических связях: указанные аналогии объясняются вовсе не тем, что коми-пермяки и удмурты раннего средневековья были непосредственными

потомками ананьинцев (а ведь именно это и нужно доказать автору), а просто тем, что те и другие, живя на одной и той же территории (следовательно, в одинаковых естественно-географических условиях), не слишком сильно различались между собой и по уровню социально-экономического развития (последние ступени первобытно-общинного строя).

Выставляя это положение, мы отнюдь не хотим оспаривать развиваемую А. В. Збруевой мысль о том, что ананьинцы были предками удмуртов и коми. Напротив: мысль эта сама по себе представляется, как уже упоминалось, в высшей степени правдоподобной. Но, привлекая для ее обоснования данные по самым различным сторонам хозяйственной, общественной и культурной жизни ананьинцев без достаточного учета степени их этнической специфичности, автор по существу не подкрепляет свое правильное положение, а, напротив, ослабляет всю аргументацию в его пользу. Действительными, а не мнимыми указаниями на реальную генетическую связь между ананьинскими племенами и народностями феодальной эпохи могут служить только те культурно-бытовые особенности, которые являются этнически специфичными (например, формы орудий труда, керамики или вооружения, орнаментальные мотивы, детали погребального обряда и т. п.). Эти особенности, отличающиеся большой устойчивостью на протяжении столетий и даже тысячелетий, следует учитывать в первую очередь при разработке сложных вопросов этнической истории.

При чтении одиннадцатой главы книги А. В. Збруевой невольно возникает еще один вопрос — вопрос о том, были ли ананьинские племена предками только некоторых угро-финских народов (например, удмуртов и коми), или же на основе этих племен в дальнейшем сформировались все народы угро-финской языковой семьи или по крайней мере значительная их часть. Очевидно, что от ответа на поставленный вопрос в сильнейшей степени зависит и решение проблемы о месте ананьинцев и их культуры в этнической истории населения не только Прикамья, но и всей Восточной Европы и Западной Сибири. Фактические материалы для разработки этого важнейшего исторического вопроса в нашем распоряжении, несомненно, имеются, как из области археологии, так и из области этнографии. Думается, что анализ этих материалов должен был бы привести А. В. Збруеву к выводу о связи ананьинских племен не только с коми и удмуртами, но и с народами угорской языковой группы, среди которых были, вне всякого сомнения, наряду с таежными охотниками-рыболовами, также земледельцы и особенно коневоды. Хорошо известно ведь, что в середине века угорские народы обитали на обширной территории как к востоку, так и к западу от Урала, в частности и на территории, входившей в область распространения ананьинских памятников (например, в бассейнах верхней Камы, Чусовой и Белой). О вероятных связях ананьинцев с уграми Приуралья автору разбираемого труда следовало бы сказать гораздо более подробно.

Не разрешен в книге А. В. Збруевой и вопрос о происхождении ананьинской культуры. Нельзя же в самом деле считать разрешением этого вопроса, — важнейшего для всей древней истории Прикамья, — вывод о том, что ананьинская культура сложилась на месте, хотя в ней и обнаруживаются ясные следы влияний культур эпохи поздней бронзы, развившихся на соседних территориях, в особенности срубной и андроновской (стр. 204). Делая такой вывод, сам по себе совершенно правильный, автор, очевидно, не разрешает вопроса о происхождении ананьинской культуры, а только отодвигает его на несколько столетий вглубь времен. Читателю остается только догадываться, что́ же представляла собой та «предананьинская» культура, которая пред-

шествовала ананьинской, откуда она взялась в Прикамье, каким этническим группам принадлежала. Не останавливается А. В. Збруева и на вопросе об отношении ананьинской культуры к тем культурам Прикамья эпохи поздней бронзы, которые хорошо известны нам по старой и новой археологической литературе и которые по самой своей географической локализации должны были играть какую-то определенную роль в истории формирования ананьинских племен. Можно ли, вправе мы спросить, ставить проблему происхождения ананьинской культуры, совершенно не касаясь вопроса об ее отношении к таким археологическим памятникам, как, например, сейминско-турбинские или абашевские?

Очень хорошо, что А. В. Збруева стремится в своей работе использовать антропологические данные, относящиеся к ананьинской эпохе (стр. 19, 189—190, 205—206 и др.). К сожалению, далеко не всегда такое использование оказывается удачным и полным. Так, например, опираясь на материалы Т. А. Трофимовой, автор рецензируемой книги вполне правильно констатирует, что в расовом отношении ананьинцы были неоднородны: в их состав входили как европеоидные, так и монголоидные типы (стр. 190 и 204). Но ведь из этого бесспорного факта с железной необходимостью следует вывод о том, что ананьинские племена не могли быть однородными и по своему происхождению, что они складывались в процессе смешения и, вероятно, языковой ассимиляции этнических групп, проникших в Прикамье в конце II тысячелетия или в начале I тысячелетия до н. э. из различных областей Восточной Европы и Западной Сибири. Европеоидные элементы в составе ананьинцев указывают, скорее всего, на их этногенетические связи с племенами степной полосы Причерноморья, нижнего Поволжья и Казахстана; монголоидные же элементы свидетельствуют о наличии аналогичных связей с населением таежной полосы северо-западной Сибири. Почему А. В. Збруева не сделала даже попытки сопоставить эти антропологические данные с археологическими, почему она не поставила вопроса о том, когда и при каких исторических условиях могли происходить те переселения с юга на север и с востока на запад, которые привели к смешению в Прикамье европеоидных и монголоидных антропологических черт?

Впрочем, упоминания о каких бы то ни было переселениях вообще почти отсутствуют в книге А. В. Збруевой. Невольно создается впечатление, что автор рецензируемого труда не допускает даже мысли о том, что многие историко-культурные и этногенетические процессы могут быть в какой-то степени связаны с реальными передвижениями населения. Лишь в одном случае мы находим упоминание о том, что «на побережье Белого моря находились поселения ананьинцев, может быть временные, связанные с сезонной охотой или торговыми операциями» (стр. 185). Но почему случай этот остается единственным? Неужели же многочисленные и глубокие культурные связи ананьинцев с соседними восточноевропейскими и западносибирскими племенами, о которых так убедительно рассказывает автор, объясняются только обменом или заимствованием форм различных вещей и ни в какой степени не связаны с племенными передвижениями? Ведь сам автор говорит о расселении в ананьинскую эпоху родственных по происхождению племен на обширных пространствах бассейнов Камы и Оби. Не могли же племена эти возникнуть одновременно в Приуралье и в Зауралье? Очевидно, область их формирования была первоначально более ограниченной и лишь постепенно увеличивалась в дальнейшем путем племенных переселений либо с запада на восток, либо с востока на запад (последнее более вероятно). Почему А. В. Збруева не коснулась, хотя бы в порядке постановки вопроса, всех этих проблем,

непосредственно связанных с историей населения Прикамья в ананьинскую эпоху?

Можно, конечно, пытаться отвести наши критические замечания, ссылаясь на то, что автор рассматриваемого труда сознательно ограничил свою задачу характеристикой ананьинской культуры и соответствующей ей эпохи и не ставил перед собой широких историко-культурных и этногенетических проблем, выходящих за географические и хронологические рамки выбранной темы исследования. Однако доводы подобного рода кажутся нам совершенно неубедительными, особенно если учесть, что Прикамье является одной из наиболее изученных в археологическом отношении областей СССР и что именно с Прикамьем и смежными территориями Восточной Европы и Западной Сибири связан целый ряд уже опубликованных научных работ, затрагивающих вопросы происхождения и этнической истории угро-финских народов (труды А. П. Смирнова, В. Н. Чернецова, А. Я. Брюсова, М. В. Талицкого и др.). Даже в прежних работах самой А. В. Збруевой, например в ее статье «Происхождение ананьинской культуры», опубликованной в 1941 г.[1], вопросы этногенеза затрагивались в гораздо большей степени, чем в рецензируемой монографии.

Из других серьезных недостатков монографии А. В. Збруевой надо указать на совершенно бесстрастный, «повествовательный» характер изложения в разделе «История изучения» вводной главы (стр. 8—14). Автор ограничивается здесь тем, что очень кратко излагает, по существу почти перечисляет, в одинаковом стиле, без каких бы то ни было оценок те исследования, посвященные ананьинской культуре, которые появились до рецензируемой монографии. А. В. Збруева уклоняется от каких-либо критических замечаний даже по адресу буржуазных археологов, от какой-либо научной полемики. Такой объективизм советскому ученому, конечно, не к лицу. Надо надеяться, что как при переиздании своего, безусловно ценного труда, посвященного ананьинской культуре, так и при подготовке других работ по археологии Прикамья А. В. Збруева учтет нашу критику и не будет больше избегать ни постановки широких историко-культурных и этногенетических проблем, ни разбора, с принципиальных позиций самой передовой в мире советской науки, острых дискуссионных вопросов археологии.

Н. Н. Чебоксаров

КРЕПОСТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. II. Материалы и исследования по археологии СССР, № 31, М., 1952.

Второй том «Материалов и исследований по археологии древнерусских городов» посвящен исследованию памятников древнерусского крепостного зодчества, теме, которой советские археологи до настоящего времени не уделяли достаточного внимания.

Совершенно недопустимо, что до сих пор основным источником наших сведений о древнерусском крепостном строительстве остается безнадежно устаревшая работа Ф. Ласковского, опубликованная почти сто лет назад. Ласковский зачастую некритически, поверхностно использует письменные источники, непрерывно преувеличивает роль иноземных мастеров в древнерусском крепостном зодчестве, ограничивает историю крепостного зодчества изучением главным образом его инженерно-технической стороны, не делая даже попытки связать развитие крепостного зодчества с историческим развитием русской культуры и русского государства.

Поэтому заслуживает всемерного одобрения инициатива Института истории материальной культуры, опубликовавшего рецензируемый сборник, который кладет начало (как мы надеемся) систематической публикации научных отчетов и исследований в этой области истории русской культуры.

Во втором томе «Материалов и исследований по археологии древнерусских городов» публикуются работы, хронологически охватывающие разнообразные материалы по крепостному зодчеству древней Руси, начиная с X в. и кончая XVII веком.

Статья А. Л. Монгайта «Оборонительные сооружения Новгорода Великого» ставит перед собой задачу исследования укреплений одного из крупнейших городов древней Руси. На основе данных, полученных в результате работ археологической экспедиции ИИМК в 1947—1948 гг и реставрационных работ Новгородской специальной проектно-реставрационной мастерской в 1945—1947 гг. автор пытается дать историю возникновения и развития оборонительных сооружений Новгорода и охарактеризовать, насколько возможно, их конструктивные и архитектурные особенности.

В статье рассматриваются три линии оборонительных сооружений Новгорода: Детинец, окружающий его Малый земляной город и внешняя оборонительная ограда, названная автором, по аналогии с другими русскими городами, «Окольным городом». В свете новых данных, полученных в процессе археологических раскопок и реставрационных работ.

по-иному зазвучали лаконические и в силу этого не всегда достаточно понятные современному читателю упоминания летописей о новгородских оборонительных сооружениях. Привлекая эти новые данные, а также некоторые неопубликованные архивные материалы (описи Новгорода 1675 и 1676 гг.), автор получил возможность показать оборонительные сооружения Новгорода и их историю с большей полнотой, ясностью и убедительностью, чем это было сделано кем-либо ранее.

А. Л. Монгайту удалось внести ясность в высказывания других авторов о новгородских укреплениях и исправить содержавшиеся в них ошибки, касавшиеся не только самих оборонительных сооружений (в работах В. А. Богусевича, Б. К. Мантейфеля и др.), но и планировки тех частей Новгорода, которые примыкали к его укреплениям (у П. Л. Гусева и И. П. Красова). Новые натурные и архивные материалы дали возможность автору рецензируемой статьи использовать должным образом и те изображения Новгорода на иконах, русских и иностранных планах XVII—XVIII вв., которые не раз привлекались прежними исследователями. Но теперь они стали более понятными, так как многое изображенное на них подтверждается не только описями и другими документами XVII в., но и результатами раскопок. Все это значительно пополняет наши сведения об укреплениях Новгорода и, в частности, о наименее изученных Малом земляном городе и Окольном городе.

Приводимые А. Л. Монгайтом результаты раскопок, произведенных в 1947—1948 гг. в ряде мест по линии валов Окольного города, убедительно доказывают, что не только башни, но и значительная часть стен этого внешнего кольца новгородских укреплений была каменной, причем наибольший интерес представляет участок стены к югу от Первомайской улицы. Эта стена отличается от открытого ранее (1932—1933) участка каменной стены на Славне своей очень тщательной для новгородской архитектуры кладкой из тесаного камня. Это расширяет наши представления о строительной технике Новгорода XIV в. Однако вряд ли можно кладку этой стены отождествлять с кладкой во владимиро-суздальских постройках XII—XIII вв., где и камень тесался более тщательно и имел более правильную форму, и швы были тоньше и вся кладка обладала большей регулярностью. Кладка стены, которую можно видеть на рис. 6 рецензируемой работы, занимает промежуточное положение между владимирской и типичной для Новгорода XIV в. кладкой из ломаного плитняка и камня неправильной формы, слегка отесанных с лицевой стороны.

Но, как бы то ни было, остатки этих стен ценны для изучения новгородской строительной техники и особенностей оборонительных сооружений новгородской земли XIV в. Интересна, в частности, большая толщина этой стены (около 4,5 м), опровергающая, как на это указывает А. Л. Монгайт, установившееся мнение о малой толщине каменных стен, возводившихся до появления огнестрельного оружия. В рецензируемой статье опровергается также и другое предвзятое мнение, касающееся оборонительного значения монастырей, окружавших Новгород. Последние рассматривались некоторыми авторами как своего рода форты, защищавшие подступы к городу. Развивая мысль, высказанную по этому поводу в 1941 г. М. К. Каргером, автор статьи на основании летописных цитат доказывает, что в случае осады эти монастыри представляли большую опасность для самого Новгорода, как возможные опорные пункты осаждающих его войск, чем и объясняется сожжение их новгородцами при нашествиях неприятеля. Ценно установление А. Л. Монгайтом точной даты постройки окружавшего Детинец Малого земляного города

(1582). Это второе кольцо новгородских укреплений имело вид земляного вала с шестью бастионами «вобановского» типа, как они названы в статье. До сих пор принято было считать, что такие укрепления появились на Руси лишь с 20—30-х годов XVII в., но новгородский Малый земляной город заставляет отнести время их появления по меньшей мере на полвека раньше, к концу царствования Ивана Грозного. Приходится пожалеть, в связи с этим, что автор не дал рисунков Флоро-Лавровского изображения Новгорода и шведского плана этого города 1611г., на которых Малый земляной город показан с бастионами.

Дальнейшая история Малого земляного и Окольного городов изложена достаточно полно, а цитируемые в статье документы и особенно опись 1675 г., публикуемая полностью в приложениях, вместе со старинными изображениями Новгорода, позволили дать довольно убедительные реконструкции двух башен, входивших в состав этих укреплений (рис. 15 рецензируемой статьи). По этому поводу можно сделать лишь два замечания. Неубедительными выглядят высокие, похожие на окна, бойницы башен и обломов стены, которые, прорезая два-три венца, должны были сильно ослаблять рубленые стены. Затем, как можно видеть по сохранившимся деревянным крепостным башням XVII в., их углы предпочитали рубить не с остатком, но «в лапу».

О стенах и башнях новгородского Детинца в статье сообщается меньше новых данных. Кроме того, при изучении последнего памятника следовало бы больше внимания уделить его архитектурным особенностям, сопоставив его с другими сохранившимися постройками того времени, что позволило бы избежать некоторых спорных выводов. К ним относится, например, утверждение автора о перестройке (или даже частичной постройке вновь) Дворцовой башни во второй половине XVII в., основывающееся только на различии в описании ее в описях 1666 и 1676 гг. Исходя из этого, А. Л. Монгайт считает, что более богатая, чем у других, обработка фасадов Дворцовой башни, а также сходная с ней обработка фасадов Спасской и Владимирской башен относится к XVII в. Но, глядя на фасады этих башен, читатель вправе поставить вопрос о том, почему перестройка XVII в. наделила эти башни архитектурными деталями, свойственными не этому веку, но XV или даже XIV в. Таковы «бровки» над широкими окнами-бойницами Владимирской башни, подобные таким же деталям на фасадах церкви Спаса на Ильинской улице 1374 г. и особенно на барабане Симеоновской церкви Зверина монастыря 1467 г. и на фасадах дворца в Угличе (конец XV в.). Круглые розетки-медальоны Дворцовой башни находят аналогию только в одной из построек конца XV в.— Благовещенской башне Московского кремля, нижняя часть внутреннего фасада которой имеет такие же украшения. Строительный материал этих башен не подтверждает предположения А. Л. Монгайта о их перестройке в XVII в. и заставляет скорее видеть в них постройки XV в., в которых раньше, чем в каких-либо других из сохранившихся русских крепостей, появились украшения фасадов, вполне уместные во Владимирской и Спасской башнях,—надвратных башнях, расположенных по концам былой главной улицы новгородского Детинца.

Вообще часть статьи, посвященная стенам и башням Детинца, говорит о том, что автору не удалось изучить их в той же степени, что и остатки укреплений Окольного города. При их изучении автору следовало бы больше внимания уделить конструктивным и архитектурным особенностям, которые, в сопоставлении их с особенностями других родственных по времени и архитектуре построек,

могут дать не меньше, а может быть, больше материалов для суждения о стенах и башнях Детинца, чем старинные изображения и архивные документы. В результате оказались нерешенными и многие другие весьма важные вопросы. Таковы, например, вопросы о времени происхождения и назначении широких окон-бойниц Владимирской и Спасской башен (к слову сказать, чертежи последней не подтверждают гипотезы А. Л. Монгайта о заделке древних бойниц ради украшений фасада), или вопрос о причинах отличия Покровской башни с ее навесными бойницами и горизонтальными уступами от других башен, или вопрос о воротах этой же и Федоровской башен. На все эти вопросы рецензируемая статья не могла дать ответа из-за недостаточной изученности этих частей новгородского Детинца.

Все же статья А. Л. Монгайта пополняет наши сведения о Детинце. Ценность ее увеличивается большим количеством иллюстраций, фотографий, обмерных чертежей и реконструкций не сохранившихся башен. Эти реконструкции, сделанные на основе описей XVII в. и иконных изображений, кажутся довольно правдоподобными, но все же не следует изображение на Михайловской иконе считать достаточным доводом для утверждения о существовании белокаменных резных украшений проездной арки Пречистенской башни. Следует отметить также и ошибку, допущенную на рис. 43, где на фасаде Владимирской башни не показаны ворота.

Статья П. А. Раппопорта «Из истории военно-инженерного искусства древней Руси» (стр. 133—201) заполняет существенный пробел в литературе по истории русской архитектуры. Значительная группа древнерусских крепостей, о которой идет речь в настоящем исследовании, оставалась до последнего времени мало известной историкам русской культуры и русского искусства, а между тем древние крепости Старой Ладоги, Порхова, Изборска и Острова, которые подробно изучил автор, являются важнейшими памятниками русской архитектуры. Исследование П. А. Раппопорта отличается большими научными достоинствами и представляет собой ценный вклад в науку о русском зодчестве.

Задача, поставленная перед собой автором, состояла в том, чтобы сделать для изучения перечисленных памятников все возможное без постановки археологических раскопок, для которых работа П. А. Раппопорта подготовила материал. Нельзя сказать, чтобы литература, посвященная перечисленным памятникам, а также та, в которой они упоминаются, была бедна в отношении количества книг и статей. Однако до сих пор не существовало серьезной обобщающей работы, в научных сочинениях до самого последнего времени бытовали неверные взгляды и противоречивые высказывания, что объясняется обилием мелких заметок, содержащих множество не проверенных и просто неверных данных. Теперь всякий будет пользоваться именно этой работой П. А. Раппопорта в качестве основной по данному кругу памятников.

Работа в целом состоит из отдельных монографий, посвященных перечисленным крепостям. Каждая из них состоит из двух частей: сводки всего того, что известно по данному памятнику, и самостоятельного исследования памятника в натуре, с тщательным учетом всех материалов первой части.

Большую ценность представляет уже критический обзор литературы по отдельным крепостям. Этот обзор во всех случаях сделан весьма обстоятельно, причем приведены также и забытые, частично очень старые публикации, которые нередко дают существенный фактический материал, позволяя представить себе в настоящее время исчезнувшие части

памятника. Особенно важно сопоставление источников по данному памятнику: письменных источников, старых чертежей и изображений. Необходимо отметить, что автор не ограничивается использованием только изданного раньше материала, а привлекает результаты неизданных исследований, по которым тщательно собрал материалы в соответствующих архивах.

При обследовании памятников в натуре особенно важным является то обстоятельство, что автор обобщает в одном лице историка архитектуры и археолога. Это дает ему возможность более полно изучить русские крепости, рассмотреть их с нескольких сторон, что очень существенно для правильного понимания и истолкования этих сооружений. Методологически правильна основная установка автора, согласно которой памятники архитектуры являются самостоятельными историческими, историко-культурными и историко-архитектурными источниками. Это позволяет извлечь из них такие выводы, которых не могут дать никакие другие источники. Следует отметить тщательность и точность описаний памятников в натуре, отражающих кропотливую и искусную работу автора по собиранию новых фактов, добываемых путем наблюдений над произведениями архитектуры. Существенное место занимают также вопросы реконструкции первоначального вида тех или иных зданий и их деталей. В результате всех этих развернутых анализов автор приходит к возможности датировки изучаемых им крепостей, рассмотрения их особенностей, а также тех причин, которые вызвали появление последних. Он, далее, определяет место, занимаемое изученными памятниками в истории русской культуры и в истории русской архитектуры.

Следует признать, что автору вполне удалось выполнить намеченную работу — свести воедино все то, что можно узнать о данной крепости, не производя раскопок, и обобщить этот огромный материал.

П. А. Раппопорт внес существенные исправления в результаты исследований В. А. Богусевича. Последний в своих работах дал много ценного для истории русского крепостного зодчества, в частности он обратил внимание на зависимость архитектуры древнерусских крепостей от развития военной техники, что до него мало учитывалось. Появление и развитие огнестрельного оружия имеют в этом смысле особенно большое значение. В. А. Богусевич правильно установил, что именно в связи с этим переворотом в военной технике древнерусские крепости подвергались в более позднее время довольно основательным переделкам. Новые материалы, полученные автором рецензируемой статьи, установили, однако, что некоторые конкретные выводы В. А. Богусевича необходимо несколько изменить. Так, например, оказалось, вопреки предположению В. А. Богусевича, что и прямоугольные, и круглые башни сооружались в русских крепостях одновременно еще до появления огнестрельного оружия и что нет основания связывать появление круглых башен с развитием последнего. Также выяснилось, что еще до начала применения огнестрельного оружия стены русских крепостей стали делать гораздо толще, что стоит в зависимости от появления и развития новых стенобитных орудий большой мощности. Однако оказалось, что развитие огнестрельного оружия все же было обстоятельством, в свою очередь вызвавшим дальнейшее утолщение крепостных стен. Очень существенно указание автора на то, что утолщение стен в зависимости от появления огнестрельного оружия должно было произойти не сразу после его появления, а только впоследствии, в результате дальнейшего усовершенствования пушек, которые первоначально не были настолько мощными, чтобы пробивать крепостные стены. Все эти

выводы помогут дальнейшим исследователям и направят их изыскания на правильный путь.

Следует отметить также существенные выводы автора в отношении отдельных исследованных им крепостей. После работы П. А. Раппопорта стало ясно, что крепость Старой Ладоги, построенная впервые из камня в 1114 или 1116 г., дошла до нас в том виде, какой она получила только после постройки крепости заново в конце XV или в начале XVI в. Автору не удалось отыскать остатков первоначальной крепости. Однако вряд ли может быть сомнение в том, что эти остатки не могли исчезнуть совершенно и что они будут найдены в процессе дальнейших архитектурно-археологических исследований. Отыскать эти остатки необходимо, так как у нас нет уверенности в том, что более поздняя крепость в точности повторяет очертания первоначальной, форма которой очень важна для истории русской архитектуры. Автору удалось подтвердить, что в Порхове сохранились отдельные части крепости, сооруженные в 1387 г., и что вся крепость в основном относится ко времени ее перестройки в 1430 г. Существенно, что к 1387 г. относится устройство входов в крепость. В отношении Изборска автор пришел к убедительному выводу, что частей крепости 1330 г. не сохранилось и что укрепления Изборска относятся ко времени не ранее середины XV в., а может быть, даже XVI в. Исследование крепости в Острове привело автора к заключению, что она возведена в первой половине XV в. и не была перестроена позднее. Эта крепость в настоящее время, к сожалению, уже не существует, она была разрушена фашистскими варварами. Однако, пользуясь исследованием П. А. Раппопорта, можно на месте хорошо представить себе ансамбль Острова, церковь которого сохранилась. Ансамбль Острова был прекрасно вписан в ландшафт.

Недостатком работы П. А. Раппопорта является некоторая ее односторонность, заключающаяся в том, что материал рассматривается главным образом с археологической точки зрения, причем все-таки недостаточно учитывается архитектурно-художественное значение древнерусских крепостей. Вследствие этого не освещена с должной полнотой та сторона этого материала, которая имеет особенно большую ценность для истории русской культуры,— его значение в качестве национального русского архитектурного наследия.

Автор, например, обходит молчанием здания, которые в настоящее время стоят внутри крепостей; он почти не ставит вопроса о том, какие постройки были внутри крепостей в древности. Уже теперь, до производства раскопок, кое-что можно сказать в этом отношении. В частности, интересна и существенна связь церковных построек и крепостных сооружений, проявляющаяся, например, в том, что церкви обычно стоят вблизи крепостных стен, иногда вблизи крепостных ворот, что наблюдается в Порхове, Изборске и Острове, особенно в последнем. Это, конечно, не случайность. Нужно выяснить причины этого явления, рассмотреть функциональную сторону такого расположения, а также обратить внимание и на архитектурно-композиционную его сторону. Необходимо было бы остановиться на архитектурно-композиционной стороне также и при изучении отдельных башен и стен исследуемых крепостей. Например, следовало бы рассмотреть вопрос о форме башен, в особенности об изменении архитектурных объемов башен за счет уменьшения ширины их в верхних этажах по отношению к нижним, изменении, равномерном в одних случаях (рис. 13 рецензируемой работы) и неравномерном в других (рис. 11). Следовало также сделать хотя бы предварительную попытку охарактеризовать архитектурный образ

отдельных крепостей в целом, так как археологическое исследование в том случае выполнило бы свою задачу целиком, если бы оно сопровождалось выяснением архитектурного образа исследуемого сооружения.

Ценно приложение к исследованию П. А. Раппопорта, в котором публикуются некоторые документы, содержащие сведения об изученных им крепостях.

Несомненный научный интерес имеет также и вторая работа П. А. Раппопорта, помещенная в сборнике,— «Волынские башни» (стр. 202—223). Правда, она отличается менее законченным характером и является предварительным обзором материала по вопросу об отдельно поставленных башнях, сохранившихся в бывшей Волынской земле. Назначение этих башен еще не совсем ясно, их датировки носят подчас все еще предварительный характер. Можно тем не менее отметить, что после работы П. А. Раппопорта начинает вырисовываться особая группа древнерусских крепостных сооружений, повидимому характерная для Волыни второй половины XIII и начала XIV в. Этот период является одним из самых темных периодов истории русского зодчества, что еще более увеличивает важность настоящего исследования. Очень интересен и ценен экскурс, посвященный вопросу об особом типе кирпича с продольными бороздами на одной стороне. Было бы желательно, чтобы автор более критически отнесся к реставрации В. В. Сусловым башни в Каменец-Литовске, которую он публикует на рис. 2 рецензируемой статьи. Научная ценность этой реставрации умаляется субъективным отношением Суслова к памятникам архитектуры прошлого, проявившимся, например, в фантастической форме балкона на середине высоты башни. Во второй работе П. А. Раппопорта архитектурно-композиционным вопросам уделено также недостаточно внимания.

Обстоятельное исследование В. В. Косточкина «Крепость Ивангород» отличается тщательностью научной документации, основанной на исследовании сохранившихся крепостных сооружений и изучении обширных архивных материалов об этом совершенно не исследованном памятнике, древнейшая часть которого относится к 1492 г. и принадлежит, безусловно, к наиболее интересным и ценным комплексам древнерусского крепостного зодчества.

Несмотря на то, что крепость Ивангород часто упоминается в литературе, до настоящего времени не было ни одной специальной работы, посвященной этому во многом своеобразному памятнику древнерусского крепостного строительства. Работа В. В. Косточкина, имеющая характер монографического исследования, восполняет этот существенный пробел, который, казалось бы, трудно уже восполнить вследствие варварского разрушения крепостных сооружений Ивангорода при отступлении фашистских войск в 1944 г.

Автор доказывает ошибочность некоторых сведений о строительстве Ивангорода, распространенных в имеющейся литературе и основанных на поверхностном изучении письменных источников, как, например, по вопросу о первоначальном месте постройки крепости, датировке отдельных сооружений, мифических иноземных мастерах и т. д. Исследование на месте, проведенное автором в 1950 г. и подкрепленное внимательным изучением архивных материалов, позволило ему впервые установить отдельные этапы строительства сложного комплекса крепостных сооружений Ивангорода.

Открытое и реконструированное автором первоначальное ядро крепости постройки 1492 г. представляет исключительный интерес, так как является, повидимому, наиболее ранним примером применения

в русской крепостной архитектуре регулярного плана в виде четырехугольника с четырьмя квадратными в плане башнями по углам. Очевидно, необычайность этого явления заставила летописца, против всяких обыкновений, подчеркнуть особенность новой крепости, указав, что ее план был «четвероуголен».

Материалы исследования дают возможность установить характер дальнейшего расширения первоначальной крепости в 1496 г., снова в виде значительно большего по площади прямоугольника с четырьмя, теперь уже круглыми, башнями по углам, что является прообразом позднейших крепостных сооружений XVI в. в Туле и Зарайске. Устанавливая одновременно позднейшие (XVI—XVII вв.) перестройки и пристройки к первоначальной крепости, автор статьи раскрывает сложную архитектурно-строительную «биографию» Ивангорода, создававшегося на протяжении более чем двух столетий. Убедительно аргументированные выводы исследования позволяют дать реконструкцию крепостного ансамбля на всех этапах его строительства, что является, безусловно, наиболее значительным вкладом в историю древнерусского крепостного зодчества.

Вместе с тем необходимо отметить один весьма существенный недостаток этого интересного исследования, который, правда, в большей или меньшей степени присущ всем работам, опубликованным в рецензируемом томе «Материалов и исследований». Мы говорили об этом уже в отношении работы П. А. Раппопорта. Древнерусские крепостные сооружения являлись не только военно-инженерными, но и всегда были архитектурно-художественными сооружениями. Сохранившиеся до нашего времени ансамбли древнерусских кремлей и монастырей наглядно свидетельствуют об этом. Однако эта важнейшая сторона крепостного зодчества древней Руси не получила сколько-нибудь заметного отражения и в работе В. В. Косточкина. Между тем автором собран исключительно обильный и ценный фактический материал, который давал полную возможность характеризовать не только военно-инженерное искусство, но и большое художественное мастерство древнерусских мастеров-градостроителей, создавших не только сооружение специально утилитарного назначения, но и величественный, монументальный архитектурный ансамбль, выражавший крепнувшую мощь и величие молодого Русского государства. В монографическом исследовании, занимающем почти 100 стр. текста, не нашлось места для характеристики замечательного архитектурного ансамбля Ивангорода. Автор ограничивается только беглым упоминанием о том, что «Ивангород был и прекрасным архитектурным ансамблем, созданным как бы руками одного мастера, и иностранцев изумляла дерзкая смелость русского народа, поставившего величественную крепость в непосредственной близости от враждебного ливонского города Нарвы» (стр. 226).

Этот пробел особенно досаден в данном случае и потому, что величественный ансамбль русской крепости Ивангорода расположен буквально «лицом к лицу» — на расстоянии 150 м от Ливонского замка на противоположном берегу р. Наровы, что является совершенно редкостным и исключительно благоприятным обстоятельством для того, чтобы сравнить их и характеризовать особенности и своеобразие русского крепостного зодчества того времени.

Следует также выразить сожаление, что такая обстоятельная монография почти совершенно не затрагивает вопроса о внутреннем содержании крепости и о посаде, ее окружавшем. Кстати сказать, опубликованная В. В. Косточкиным уже после выхода в свет рецензируемой

книги статья «Архитектура Ивангородской крепости»[1] в ограниченных пределах журнальной статьи касается указанных выше вопросов.

Мы уже отмечали выше тщательную аргументацию автора для обоснования отдельных положений и выводов его статьи, однако иногда пунктуальность автора становится чрезмерной. Общеизвестно, например, что при обороне крепости защитники ее применяли не только огнестрельное, но и другие виды оружия. Поэтому едва ли есть какая-либо необходимость доказывать этот бесспорный факт ссылкой на то, что когда-то близ крепости был найден в земле бердыш (стр. 284). Едва ли нужно было приводить в качестве примера военно-крепостного строительства и прообраза крепости Ивангород первоначальный деревянный монастырь Сергия Радонежского, где Сергий «келии убо четверообразно сотворити повеле, посреде их церковь» (стр. 316). В данном случае вопросы обороны не играли решающей роли, и планировка монастыря с церковью посредине вызывалась совершенно иными требованиями.

В статье И. В. Трофимова и И. А. Кирьянова «Материалы к исследованию Нижегородского кремля» публикуется ряд новых данных,, полученных в результате проведенных в 1949—1950 гг. обследований и изучения крепостных сооружений кремля с целью составления проекта его реставрации. Исследование проводилось в широком плане и внесло ясность по ряду вопросов историко-археологического, архитектурно-строительного, инженерно-геологического и гидрогеологического характера. Опубликованные материалы дают ряд новых сведений и в отношении последовательности отдельных периодов строительства, конструктивного устройства и первоначального архитектурного облика стен и башен Нижегородского кремля.

Новой, интересной гипотезой является высказанное авторами предположение о наличии в существующей постройке остатков первоначальной крепости 1365—1374 гг. Это предположение основывается на изучении особенностей (правда, неясно,— каких именно) белокаменной кладки нижней части стен на отдельных участках нагорной части кремля, а также на изучении летописных источников, свидетельствующих о строительстве каменной крепости в Нижнем-Новгороде в одно время со строительством первого каменного кремля в Москве (1367).

Вместе с тем представляется несколько преждевременным, без проведения более детальных археологических исследований, утверждать, «что стены существующего кремля XVI в. покоятся на остатках сооружения XIV в., повторяя его план по крайней мере в нагорной части» (стр. 324).

В статье приводится также ряд новых данных в отношении конструктивного устройства стен и башен кремля, настенной боевой площадки, особенностей отдельных архитектурных и конструктивных деталей. Особенно важным является выяснение степени участия в строительстве Нижегородского кремля присланного из Москвы мастера Петра Фрязина, которому некоторые историки приписывали полностью строительство Нижегородского кремля. Как предполагают авторы статьи, на его долю следует отнести постройку сравнительно небольшого участка стены в западной части кремля; этот участок представлял собой «прибавку» к почти законченному сооружению (стр. 324).

Статья насыщена богатым фактическим материалом, свидетельствующим о большой исследовательской работе; однако графический материал, сопровождающий текст, почти не дает новых обмерных чертежей,

[1] «Архитектура СССР», 1953, № 2.

ограничиваясь в основном публикацией старых обмеров, зачастую весьма схематичных и лишенных масштаба (стр. 323, 327, 338). Непонятно также отсутствие указаний об авторах обмеров, данных на рис. 2, 6 и 10.

Необходимо отметить также некоторые мелкие погрешности фактического характера, допущенные авторами статьи. Неверно утверждение, что Нижний Новгород является «старейшим из городов Поволжья» (стр. 38), так как основание Нижнего-Новгорода, как справедливо указывают авторы статьи (стр. 320), относится к 1221 г., в то время как Тверь упоминается в летописи уже в 1208 г. (Лавр,, 413), Углич — в 1149 г. (Лавр., 304), а Ярославль — в 1071 г. (Лавр., 170).

Не можем мы согласиться и с мнением авторов, что «по своему научно-историческому значению Нижегородский кремль почти равноценен Московскому кремлю» (стр. 38). В наивном стремлении во что бы то ни стало «возвеличить» удельный вес и значение Нижегородского кремля авторы допускают уже прямое искажение фактов, когда относят Московский кремль к крепостям «меньших размеров» по сравнению с Нижегородским кремлем (стр. 329). Кстати сказать, и Коломенский кремль по своим размерам (периметру стен) почти равен Нижегородскому кремлю.

Строительство укреплений Московского кремля на стр. 323 датируется 1485—1508 г. а на стр. 329 дается уже иная датировка — 1485—1510 гг. Следовало бы также знать, что Буйносов-Ростовский — фамилия, которую нельзя писать «Буйносов ростовский», как это сделано дважды на стр. 341.

Заключающая сборник статья Т. Н. Сергеевой-Козиной «Можайский кремль 1624—1626 гг.» является интересной попыткой реконструировать крепостные сооружения Можайска, не сохранившиеся до нашего времени, пользуясь главным образом обширными документальными материалами, опубликованными в свое время архим. Дионисием в «Можайских актах 1506—1775 гг.», и писцовой книгой города, составленной в 1596—1598 гг.

Можайский кремль, построенный в 1624—1626 гг. при участии известных зодчих первой половины XVII в. Бажена Огурцова, Федора Возоулина и Михаила Ушакова под общим руководством В. В. Измайлова, был одним из наиболее важных укрепленных пунктов на подступах к Москве. Его стратегическое значение особенно усилилось после потери Смоленской крепости в результате польско-литовской интервенции начала XVII в.

Царское правительство, поручившее первоначально строительство Можайской крепости англичанину Д. Талеру, вскоре было вынуждено полностью отстранить его, так как русские мастера убедительно доказали, что предложенный Д. Талером проект неудачен — «начертил он его без хитрости», с чем был вынужден согласиться и незадачливый автор проекта.

Сопоставляя данные письменных источников с данными натурного обследования и привлекая в качестве аналогий некоторые близкие по характеру постройки этого периода, Т. Н. Сергеева-Козина дает реконструкцию плана Можайского кремля, эскизы реконструкции стен и башен кремля, восстанавливая его архитектурный облик. Чрезвычайно важной находкой является фрагмент белокаменных ворот крепости и части крепостной стены, обнаруженные автором в кладке подвалов нового Никольского собора, построенного в 1808—1812 гг., для строительства которого были использованы материалы разобранных в 1802 г. стен и башен древней крепости.

Разумеется, реконструкция первоначального вида такого сложного комплекса на основании главным образом письменных источников не может являться вполне достоверной и достаточно убедительной, особенно в отношении архитектурного облика стен и башен Можайского кремля. В данном случае не представляется возможным восстановить элементы декоративного убранства, которые с конца XVI в. начали играть все более заметную роль в русской крепостной архитектуре (Смоленская крепость, Астраханский кремль, стены и башни Пафнутьева-Боровского монастыря и т. д.).

Вместе с тем опыт реконструкции Можайского кремля, даже при некоторой спорности отдельных выводов автора и известной схематичности архитектурного облика реконструированных сооружений, является ценным вкладом в историю русского крепостного зодчества. Выполненная автором работа обогащает наши знания о творчестве русских зодчих первой четверти XVII в., периода, от которого сохранилось чрезвычайно мало архитектурных памятников, особенно крепостного характера.

В целом опубликованные в сборнике материалы представляют безусловно ценный вклад в историю древнерусской культуры, освещая одну из наименее исследованных ее областей. Необходимо отметить работу редактора сборника проф. Н. Н. Воронина, который сумел придать единство содержанию и способу изложения разнообразного материала, представленного в сборнике. Следует настоятельно пожелать Институту истории материальной культуры продолжить это ценное начинание и смелее выходить «на поверхность земли» в своих исследованиях памятников материальной культуры народов Советского Союза.

Н. И. Брунов, П. Н. Максимов, А. Г. Чиняков

Д. П. КАЛЛИСТОВ. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ Учпедгиз, М., 1952. 186 стр. Тираж 15 000 экз. Цена 3 р. 80 к.

Рецензируемая книга состоит из введения и четырех глав. В конце книги помещен список литературы.

Во введении (стр. 5—7) определяются хронологические рамки, кратко излагаются задачи исследования и сущность исторического развития Северного Причерноморья в античную эпоху.

Первая глава ««Мир варваров» Северного Причерноморья» (стр. 8—48) посвящена доколонизационному периоду. Автор дает характеристику населения, социального строя и культуры, начиная с III—II тысячелетия до н. э. по VI в. до н. э. На большом археологическом материале характеризуется культура Триполья, Приазовья и Северного Кавказа. Основным положением является утверждение о том, что «... к концу рассматриваемого периода межплеменные связи распространяются на все Северное Причерноморье» (стр. 14), а все население этой области представляет собой исторически единый мир. Археологические памятники, по мнению автора, выявляют черты типологического единства материальной культуры населения Северного Причерноморья. Большое внимание уделяется характеристике скифов, их социальному строю и быту. Здесь же автор затрагивает вопрос о взаимном влиянии греков и скифов.

Вторая глава посвящена греческой колонизации северного побережья Черного моря (стр. 49—64). Автор начинает с характеристики «великой греческой колонизации» и затем переходит к общим вопросам, связанным с колонизацией Северного Причерноморья. Колонизация последнего, по мнению автора, представляла собой двусторонний процесс и успех ее был обусловлен высоким уровнем развития производительных сил местного общества.

В третьей главе (стр. 65—79) автор переходит непосредственно к изложению материала, связанного с основанием известных нам городов в Северном Причерноморье, и их истории. Глава содержит несколько параграфов: первый, вводный, посвящен основанию городов-колоний греками (стр. 65—79), затем специальные параграфы посвящены крупнейшим городам-государствам — Ольвии (стр. 79—89), Херсонесу (стр. 90—100), Боспору (стр. 101—140), Боспору и Митридату Евпатору (стр. 141—152). В последних четырех параграфах, или разделах, излагается история этих государств с XI—V вв. до н. э. по II—I вв. до н. э.

Изложение дальнейшей истории государств дается уже не раздельно, а вместе, в четвертой главе, озаглавленной «Северное Причерноморье в конце I века до н. э. и в первых веках н. э.» (стр. 153—184).

Большой заслугой Д. П. Каллистова является его стремление удовлетворить потребность нашей интеллигенции и широких масс в научно-

популярной литературе по истории нашей Родины. Факт издания книги, посвященной Северному Причерноморью древнейшего периода, следует всячески приветствовать. Большой заслугой автора является и то, что он счел нужным уделить особое внимание местному, коренному населению Северного Причерноморья и обрисовал его как самостоятельную, полностью сложившуюся большую силу. Таким образом, автор дает на широком фоне историю греческих поселений и городов. Д. П. Каллистову удалось связать историю государств Северного Причерноморья с историей Восточного Средиземноморья и показать, насколько жизненно необходимой для эллинской метрополии была связь с побережьем Северного Понта.

Большой фактический материал по истории государств Северного Причерноморья подан в живом и доступном изложении. Убедительна и интересна интерпретация отдельных памятников, в частности декрета в честь Протогена. Привлечение большого археологического и иллюстративного материала является также достоинством книги.

Но, наряду с отмеченными положительными фактами, книга Д. П. Каллистова имеет ряд недостатков. Решение главных проблем, выдвинутых автором в работе, часто очень спорно или неправильно.

Много возражений вызывает та характеристика состояния развития местного, негреческого населения Северного Причерноморья, которая дается автором.

Негреческое население, мир «варваров» характеризуется им слишком обобщенно и монолитно. Несмотря на те широкие, даже слишком широкие хронологические рамки (с III тысячелетия до н. э.), которые берет автор, этот мир в его описании выглядит совершенно статичным. В своем изложении автор чрезвычайно замедляет развитие этого «варварского» мира. Уже в начале I тысячелетия до н. э., по словам автора, «... возникают предпосылки для зарождения социального и экономического неравенства» (стр. 14), однако и в более позднее время это население в социальном отношении остается все таким же (стр. 68).

Автором не учитывается и обходится молчанием мнение ряда советских ученых о возникновении государства у синдов в V в. до н. э. Социальное развитие последних принижается до состояния родовых отношений: «Что касается местных племен, признавших или вынужденных себя признать подданными Боспорского государства, то это были племена, не изжившие еще родовых отношений; в своем историческом развитии они не дошли еще до системы развитых классовых отношений» (стр. 102). Очень нечетко автором дается характеристика социального строя скифов. Так, неясно и запутанно решается вопрос о степени развития рабовладения и применении труда рабов у скифов. Для аргументации тезиса о развитии рабовладения приводятся данные Геродота о рабах у скифов-кочевников, о восстании рабов (стр. 28). Но здесь же следует противоречивое положение об ограниченном применении рабского труда. Нечеткость в изложении и доказательствах помешает и читателю составить ясное представление. Кроме того, автор впадает в большие преувеличения, говоря о широком экспорте рабов из Северного Причерноморья в средиземноморскую Грецию в V в. до н. э., и хронологически неуместно приводит данные Полибия, историка II в. до н. э. (стр. 27).

Совершенно неверно и, главное, не аргументировано самим автором его отрицание наличия государства у скифов. Целый ряд советских историков и археологов в своих выступлениях на скифо-сарматской конференции ИИМК в 1951 г. пришел к мнению о наличии государства у скифов в IV в. до н. э. Д. П. Каллистов обходит молчанием это мнение.

Более того, крайняя расплывчатость и нечеткость его формулировок создают у читателя представление об отсутствии государства у скифов даже в эпоху Скилура и Палака: «Первые бесспорные признаки скифской государственности на территории Северного Причерноморья можно обнаружить не раньше III и начала II вв. до н. э., когда в Крыму возникает прочное объединение скифских племен, возглавленное Скилуром и Палаком», — пишет автор на стр. 30 (подчеркнуто нами.— *Г. Ц.*) и повторяет далее тот же тезис на стр. 95: «Дело в том, что к началу II в. до н. э. в непосредственной близости от границ принадлежавшей Херсонесу территории окончательно сформировалось и окрепло первое в Северном Причерноморье по времени объединение варваров уже государственного характера» (подчеркнуто нами.— *Г. Ц.*). Закономерно возникают вопросы о том, какое же понятие вкладывает автор в «объединение государственного характера» и почему оно обладает лишь «признаками государственности», не являясь все же государством, как таковым.

Игнорирование своеобразия в развитии отдельных племен и народов Северного Причерноморья, а также сильное преувеличение и выпячивание черт «типологической» общности приводят автора к выводу об «историческом единстве северочерноморского племенного мира» (стр. 24), неоднократно повторяемому в книге. Тезис об «историческом единстве», затушевывающий многообразие социального строя и культуры различных народов, явно неудачен и ошибочен. И если его сопоставить с теми формулировками «скифская эпоха», «скифский» и «скифо-сарматский» периоды, которыми пользуется автор (стр. 12, 25, 30, 32), то невольно вспомнится давно отвергнутая «стадиальная» теория Марра, отголоски которой нашли место в книге Д. П. Каллистова.

Схематическое изображение развития народов Северного Причерноморья привело к тому, что тот археологический материал, который привлечен в первой главе, дан излишне сухо, автор зачастую ограничивается только перечислением памятников без достаточного их осмысления. Не совсем удачно, по нашему мнению, заглавие первой главы, посвященной местному населению доколонизационного периода: ««Мир варваров» Северного Причерноморья». Хотя термин «варвары» и дается в кавычках, автор сохраняет греческое наименование без всяких объяснений того, что именно эллины называли так всех не-греков. Проще и понятнее было бы назвать главу «Население Северного Причерноморья».

Характеристика негреческого населения Северного Причерноморья дается, к сожалению, только в первой главе. В дальнейшем к вопросу о состоянии «мира варваров» автор больше не возвращается. На всем протяжении истории античных городов от VI в. до н. э. до IV в. н. э. этот «мир» остается таким, каким он был показан автором для доколонизационного периода. В представлении читателя сохраняются его «статичность», «монолитность» и «историческое единство».

Одной из главных проблем, поставленных в книге, является проблема взаимоотношений между греками-колонистами и негреческим населением. Автор считает, что решению этой проблемы следует уделить основное внимание (стр. 77). Однако уже в самом начале работы автор сводит ее лишь к «борьбе двух миров» (стр. 6). Исследование этого вопроса приводится Д. П. Каллистовым крайне односторонне. За исходный, определяющий момент берется фактор торговли. Повышенный интерес автора привлекает вопрос о роли общения и развития межплеменных связей. Последние излишне подчеркнуты, и роль их явно преувеличена. Высокой степенью развития межплеменных связей автор объясняет, в частности, успех греческой колонизации (стр. 64). В даль-

нейшем на протяжении всего античного периода взаимоотношения между «мирами» определяются тем, насколько города удовлетворяют торговые интересы окружающих племен (стр. 81). Изменениями торговой конъюнктуры объясняются враждебные действия и наступление «варваров» на города: на Ольвию в первой половине III в. до н. э. (стр. 89), на боспорские города накануне объединения полисов Археанактидами (стр. 110), на Ольвию, Херсонес, Боспор с конца II в. до н. э. (стр. 142). Изменением взаимоотношений между греками и «варварами» автор объясняет многие события, происходившие в Северном Причерноморье: «Пожалуй, самой существенной причиной потрясений, которые переживали северочерноморские эллины, было резкое обострение их взаимоотношений с местным населением» (стр. 85). Но поскольку характер взаимоотношений определяется, по мнению автора, состоянием торговли, то и все «потрясения», следовательно, объясняются не теми социальными процессами, которые происходили в приморских городах и окружавшей их негреческой периферии, а только торговыми факторами.

С проблемой взаимоотношения тесно связаны вопросы обособления двух «миров» и вопросы их ассимиляции, которым Д. П. Каллистов также уделяет большое внимание. На первой странице введения автор совершенно верно пишет о том, что с появлением греческих колоний местные племена пришли в длительное и тесное соприкосновение с миром античной цивилизации. Местные жители многое заимствовали у греков, а последние — у местного населения. На следующей странице все исторические события автор сводит уже только к борьбе «двух миров» — «мира варваров» и «мира эллинов». Оба «мира» рисуются автором крайне обособленно. Тезис о том, что колонизация Северного Причерноморья представляла собой двусторонний процесс (стр. 62), звучит декларативно, ибо участие в ней «варваров» не показано, этот «мир» безучастно стоит в стороне. Обособленностью двух миров объясняет автор двойственность магистратур в причерноморских городах (стр. 182). Тезис об обособленном развитии явно неудачен. Обособленность всегда сопровождается замкнутостью, отчужденностью от окружающего.

Д. П. Каллистову следовало бы подчеркнуть не обособленность, а самобытность и стойкость культуры как скифов, так и других народов Северного Причерноморья. В своем развитии они не обособлялись и не замыкались, а принимали активное участие в том историческом процессе, который происходил в Северном Причерноморье. Против обособленности говорят те многочисленные факты, которые приводит и сам автор: участие «варваров» в городской жизни полисов, активное участие в боспорских событиях и варваризация греческих городов.

В заключение анализа проблемы взаимоотношений греков и местного населения следует сказать, что спорное и одностороннее ее решение, данное автором, вытекает, как нам кажется, из того, что автор решал ее не на основании детального анализа социальных процессов, происходивших в государствах Северного Причерноморья и у окружавших их народов, а на основании значительного преувеличения только одного торгового фактора и предвзятого мнения об обособленности и изолированности «двух миров». Такое решение вопроса, выдвинутое автором в еще более резкой форме в 1949 г. в работе «Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи», вызвало возражения многих историков и археологов. Возражения и мнения об ошибочности теории Д. П. Каллистова были отчасти опубликованы в рецензиях на его первую работу. Д. П. Каллистов с этими мнениями не посчитался и с дополнительными аргументами в пользу своей теории в печати не

выступил. Приводя те же положения в популярной работе, рассчитанной на широкого читателя, автор, как нам кажется, поступил неверно. Следовало во всяком случае оговорить гипотетичность своих положений.

Ряд замечаний вызывают вопросы, связанные с колонизацией и историей греческих городов.

При выяснении причин колонизации греками Северного Причерноморья автор также несколько преувеличивает роль торговли, превращая тем самым все колонии в исключительно торговые пункты (глава вторая). Не совсем ясен вопрос о том, какой удельный вес занимали мирные и насильственные моменты в колонизации, Глава вторая создает впечатление только о мирном процессе колонизации, но факты, приведенные на стр. 65, 92, говорят об обратном. Неясна также роль местных догреческих поселений при основании колоний.

Конструктивно вопрос об основании греческих городов дается несколько неудачно — он оторван от разбора общих предпосылок колонизации и от изучения дальнейшей истории городов-колоний. «Великой греческой колонизации» автор уделяет слишком много внимания и не избегает повторений.

При перечислении наиболее древних греческих вещей, найденных на территории Северного Причерноморья, автором не всегда учитываются археологические находки последних раскопок. В частности, не учтены находки фрагментов ионийских сосудов второй половины VII в. до н. э., добытые раскопками В. Д. Блаватского на месте древнего Пантикапея.

Объяснения, которые дает автор факту объединения полисов Археанактидами, очень спорны и даже неправильны. Причина объединения, по мнению автора, была порождена состоянием торговли: под влиянием нажима «варваров», недовольных прекращением торговли с ионийскими центрами, города объединяются в союз. С этим положением согласиться трудно. Конечно, торговля с ионийскими центрами прекратилась, но торговая деятельность боспорских городов не оборвалась. Археологический материал,— фрагменты импортной аттической керамики на территории Пантикапея,— дает возможность говорить о том, что уже до 480 г. торговля Боспора с Афинами была весьма значительной. Энергичная деятельность Фемистокла по укреплению морской мощи Афин, строительные работы и связанное с ними увеличение населения Аттики, сопровождались, видимо, неоднократными морскими рейсами на Боспор за хлебом. И если связывать объединение понтийских городов Боспора только с внешнеполитическими событиями, то можно сказать, что оно возникло в противовес активизации афинских устремлений. Однако главные причины объединения следует искать в тех внутренних событиях, которые происходили в Северном Причерноморье, на что указывалось в свое время В. Д. Блаватским, выдвинувшим предположение о роли в этом процессе слагавшихся объединений соседних Боспору племен[1].

В характеристике греческих городов анализ их политического строя везде предшествует и превалирует над анализом производительных сил и производственных отношений городов и особенно Боспорского государства. Здесь также излишне подчеркнута роль торговли. Автор отмечает создание на Боспоре собственной сельскохозяйственной базы в эпоху Спартакидов (стр. 115), но не дает ее социальной характеристики и не ставит вопроса о непосредственном производителе. Точно так же непонятно, какие

[1] В. Д. Блаватский. Рецензия на кн. Д. П. Каллистова «Очерки по истории Северного Причерноморья». ВДИ, 1950, № 3, стр. 115.

процессы вызвали изменение экономической базы Ольвии (стр. 171). Недостаточно объяснены также причины расцвета Боспора в IV—III вв. до н. э., I—II вв. н. э. и причины последующего упадка.

Глубоко неправильным является наименование Боспорского государства «крупной колониальной державой». Автора, во-первых, не смущает модернизация, во-вторых, он не учитывает того, что Боспор не имел колоний в настоящем смысле этого слова. Крайне неясно и схематично рисуются социальные отношения в государствах Северного Причерноморья. Неверный и мало понятный тезис — «в последующей истории Северного Причерноморья линия классового антагонизма и борьбы не раз совпадала с линией глубоких различий между племенным миром и миром античной рабовладельческой цивилизации» (стр. 83) — является для автора исходным в этом вопросе.

При исследовании истории греческих городов автор совершает ту же ошибку, что при исследовании «мира варваров». Города в его представлении также представляют единый и монолитный организм, один «мир», противостоящий такому же монолитному «миру варваров». Автор упоминает о сращивании аристократии греческой и племенной, но не придает, видимо, подобным процессам должного значения.

Автор уделяет большое внимание событиям на Боспоре, связанным с деятельностью Митридата Евпатора, и говорит о двойственной и «вероломной» политике Митридата: от союза с городами он переходит к союзу с «варварами» (стр. 144). Нам кажется, что политика Митридата по отношению к Северному Причерноморью всегда была единой. Митридат всегда рассчитывал использовать богатства и людские резервы не городов, а именно той обширной территории, которая за ними лежала. Но вначале и сырье и людей он намерен был взять через посредство тех греческих городов, которые были тесно связаны с этими территориями. Вскоре, однако, Митридат, видимо, убедился в бессилии и ослаблении городов, потрясаемых внутренней социальной борьбой, и в потере ими влияния на окружающие племена. Ему пришлось, минуя эти города, сноситься с племенами непосредственно.

Конфликт Митридата с городами мог возникнуть не потому, что политика «...сближения с окружающими Боспор племенами оказалась совершенно несовместимой с одновременным сохранением ему верности со стороны рабовладельческих городов побережья» (стр. 150), а потому, что своими непосредственными сношениями с племенами Митридат отсекал города от их жизненно необходимой базы. Кроме того, восстания городов против Митридата нужно объяснить также социальными причинами: города были резиденциями и греческой, и племенной аристократии. Митридат же в последний период своей деятельности охотно принимал в свои войска представителей самых низших и бедных слоев населения, и рабов, и рядовых «варваров». Это не могло не нарушить интересы аристократии. Предложенное же Д. П. Каллистовым объяснение политики и событий в эпоху Митридата, как нам кажется, вытекает также из теории «обособления двух миров».

Чрезвычайно важный период в истории Северного Причерноморья,— I в. до н. э.—IV в. н. э.,— период варваризации, нового расцвета Боспора, гибели античных городов представлен автором крайне суммарно и совершенно неудовлетворительно. Выяснение проблем сарматизации, социального развития, заменено лишь перечислением фактов.

На наш взгляд, работа Д. П. Каллистова имеет целый ряд недостатков принципиального характера, что мешает безоговорочно рекомендовать ее преподавателям средней школы.

Крайне желательно ее переиздание с соответствующей доработкой. Д. П. Каллистов обладает всеми возможностями для того, чтобы дать нашему учителю более доброкачественную и полезную книгу.

Книга Д. П. Каллистова страдает и рядом фактических неточностей и редакционных недочетов. И те, и другие довольно полно приведены в ранее вышедшей рецензии Д. Б. Шелова[1]; мы вполне согласны с замечаниями этой рецензии и считаем нужным отослать к ней читателя.

Г. А. Цветаева

---

[1] ВДИ, 1952, № 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Аз. ФАН СССР — Азербайджанский филиал Академии Наук СССР
Арм. ФАН СССР — Армянский филиал Академии Наук СССР
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВДИ — Вестник древней истории
ВМГ — Вестник музея Грузии
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ГУСМП — Главное управление Северного морского пути
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗМАИ — Записки Московского археологического института
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАНОЯЛ — Известия Академии Наук СССР, Отделение языка и литературы
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИРКИСВА — Известия Русского комитета для изучения Северной и Восточной Азии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК
КНИИ — Кабардинский научно-исследовательский институт
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение ИИМК
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
BGA — Bibliotheka Geographorum Arabicorum
BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
EI — Encyclopedie de L'Islam
IOSPE — Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini.
JA — Journal Asiatique
JASB — Journal of the Asiatic Society of Bengal
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan
NTS — Norsk tidsskift for Sprogirtenskap
OZ — Orientalistische Zeitung
SC — Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (Scythica et Caucasica)
SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin.
TP — Th'oung Pao
ZDMG — Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В СБОРНИКАХ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ», XI—XIX

XI

В. И. Равдоникас. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.).
М. К. Каргер. Киев и монгольское завоевание.
П. И. Борисковский. Древнепалеолитические местонахождения среднего Поднестровья.
П. П. Ефименко. Из материалов палеолитического поселения Костенки I, землянка А.
С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевецкая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР.
С. А. Семенов. Жатвенные кремневые ножи из позднеолитического поселения Лука-Врублевецкая на Днестре.
А. П. Окладников. Древнейшие наскальные изображения Северной Азии.
Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении.
Г. К. Ниорадзе (Тбилиси). Археологические находки в селе Квишари.
И. В. Синицын (Саратов). Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья
С. М. Макалатия (Тбилиси). Раскопки Двинского могильника.
Н. В. Анфимов (Краснодар). К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху.
С. И. Руденко. Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г.
Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма.
К. В. Тревер. К вопросу об античном храме в Гарни.
М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г.
А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тяньшаня.
И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. (По материалам полевых исследований 1938, 1940, 1945 и 1946 гг. в бассейне р. Ворсклы).

XII

В. И. Равдоникас. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). Часть II.
И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. (По материалам полевых исследований 1947 г. в бассейне р. Сейма).
С. Н. Бибиков. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала.
Н. Н. Гурина. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова.
М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами.
А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов».

Материалы

Г. П. Сергеев. Позднеашельская стоянка в гроте у сел. Выхватинцы (Молдавия). Предварительное сообщение.

С. Н. Замятин. Памяти Михаила Вацлавовича Воеводского.
М. В. Воеводский. Находки раннего палеолита в бассейне р. Десны.
Л. Я. Крижевская. Неолитические стоянки окрестностей сел. Алексеевского Вышневолоцкого района.
А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут.
Э. Р. Рыгдылон. Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке.
Т. М. Девель. Обозрение коллекций собрания Фотоархива Института истории материальной культуры Академии Наук СССР.

XIII

И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного Левобережья. (По материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.).
М. К. Каргер. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб.
Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI века.
С. Н. Бибиков. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала.
А. П. Окладников. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея.
В. Ф. Гайдукевич. Боспорский город Илурат.
С. И. Капошина. Погребение скифского типа в Ольвии.
А. П. Манцевич. Гребень и фиала из кургана Солоха.
А. П. Иванова. Боспорские антропоморфные надгробия.
А. А. Передольская. О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница.
Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической эпохи.

Материалы

С. Н. Замятнин. Первая русская инструкция для раскопок.
Н. Н. Гурина. Результаты археологического обследования среднего течения реки Мсты.
К. В. Сальников. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного.
М. М. Иващенко. Кувшинный могильник в Западной Грузии.
В. С. Синяев. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма.
В. П. Левашева. О городищах Сибирского юрта.

XIV

А. П. Окладников. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири.
О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период.
В. П. Шилов. О расселении меотских племен.
Е. Г. Кастанаян. Обряд тризны в Боспорских курганах.
Г. П. Грождилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г.
Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладоги.
Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги.
Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания.
А. Л. Якобсон. Из истории армянского средневекового зодчества. V. Армянские монастыри XIII в. Хоракерт и Мшкаванк.

Материалы

Л. Н. Соловьев. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии.
А. Я. Брюсов. «Сетчатая» керамика.

XV

М. И. Артамонов. Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и советская археология.
И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них.

М. К. Каргер. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований.
Г. Ф. Корзухина. Серебряная чаша из Киева с надписями XII века.
Ф. Д. Гуревич. Из истории раннего Гродно.
П. И. Борисковский. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины.
С. Н. Бибиков. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен Юго-Восточной Европы.
С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана.
В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья.
А. П. Иванова. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора.
В. П. Шилов. Синдские монеты.

Материалы

Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги.
Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных.
Ю. С. Крушкол. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея
А. К. Рюмин. Новые данные о Чадобецкой неолитической стоянке на р. Ангаре.
И. В. Мегрелидзе. Археологические находки в Дидо.
Н. М. Егоров. Боргустанский клад 1941 г.
Л. Н. Иваньев. Древности села Чугуевки в Приморском крае.
А. П. Окладников. Древние поселения в пади Большой Дурал на Амуре (Предварительное сообщение).
Г. Г. Стратанович. Китайская чаша из урочища Большой Дурал.
Г. А. Чернов. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры.
А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (Опыт хронологической классификации).
Е. П. Алексеева. Документы по археологии, хранящиеся в фондах ЦГИАЛ.

XVI

И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения днепровского лесостепного Левобережья.
М. И. Артамонов. Белая Вежа.
М. К. Каргер. К истории киевского зодчества XI века. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде.
А. Н. Рогачев. Остатки первобытно-общинного жилища верхнепалеолитического времени у с. Костенок на Дону.
С. А. Семенов. Костяные землекопные орудия из палеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкари I.
М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане.
В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов.
А. А. Иессен. Ранние связи Приуралья с Ираном.
М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея.
К. В. Тревер. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках.

Материалы

Л. Н. Иваньев. Археологические находки в окрестностях Владивостока.
Н. А. Козырев. Новая неолитическая стоянка, обнаруженная в Ленинградской области.
Г. И. Горецкий. Следы палеолита и мезолита в нижнем Подонье.
А. П. Окладников. Новые неолитические находки на Ангаре, в районе дер. Кежмы.
М. Ф. Розен. Некоторые новые данные о древних горных работах на Змеиногорском руднике на Алтае.
В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане.

XVII

От Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР.

Статьи и доклады

Задачи советских археологов в свете трудов И. В. Сталина по вопросу языкознания и экономическим проблемам.

Б. А. Рыбаков (Москва). Древние русы. (К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина).

Х. А. Моора (Тарту). Возникновение классового общества в Прибалтике. (По археологическим данным).

К. Ф. Смирнов (Москва). Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры.

А. Н. Рогачев (Ленинград). Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита. (По материалам Тельманской стоянки в Костенках).

Материалы и сообщения

В. Д. Блаватский (Москва). Новые данные о строительстве Пантикапея.

А. И. Вощинина (Ленинград). О связях Приуралья с Востоком в VI—VII вв. н. э. (Уфимский клад, найденный в 1941 г.).

В. В. Джапаридзе (Тбилиси). Художественная глазурованная керамика Грузии XI—XIII вв. (Краткий очерк).

Р. К. Куликаускене (Вильнюс). Погребения с конями у древних литовцев.

М. К. Каргер (Ленинград). К истории киевского зодчества конца XI — начала XII в. Церковь Спаса на Берестове.

Критические статьи и рецензии

Издания Института археологии АН УССР («Археологія», т. I—V, 1946—1951; «Археологічні пам'ятки», т. I—II, 1949).

Ш. Ф. Мухамедьяров (Казань). А. П. Смирнов. Волжские булгары, М., 1951.

Н. Я. Мерперт (Москва). Вопросы происхождения булгар в книге А. П. Смирнова «Волжские булгары».

Н. Н. Погребова (Москва). К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов. (По поводу статей А. П. Манцевич).

Хроника

Итоги полевых археологических исследований 1951 г. (Сессия Отделения истории и философии и пленум Института истории материальной культуры Академии Наук СССР).

П. П. Ефименко, И. Г. Шовкопляс (Киев). Итоги полевых археологических исследований на территории УССР в 1951 г..

Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов». Л., 1951.

Приложение

Н. А. Винберг и В. Б. Ечеистова (Ленинград). Советская археологическая литература за 1950 год.

Список сокращений.

XVIII

Статьи и доклады

Научные и организационные задачи советской археологии в свете решений XIX съезда КПСС.

А. Я. Брюсов (Москва). Некоторые теоретические основы хронологии неолита.

А. А. Иессен (Ленинград). К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. (Новочеркасский клад 1939 г.).

Б. Н. Граков и А. П. Мелюкова (Москва). Две археологические культуры в Скифии Геродота.
Б. А. Рыбаков (Москва). К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси.
А. Л. Монгайт (Москва). Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э.
В. В. Седов (Москва). Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.).

Материалы и сообщения

М. З. Паничкина (Ленинград). Разведки палеолита на средней Волге.
О. Н. Бадер и З. П. Соколова (Молотов). Стоянка Боровое озеро IV на Чусовой.
О. М. Джапаридзе (Тбилиси). Бронзовые топоры Западной Грузии. (К вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры).
С. П. Толстов (Москва). Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1950 г.
А. М. Беленицкий (Ленинград). Из археологических работ в Пянджикенте 1951 г.
А. В. Арциховский (Москва). Раскопки 1951 г. в Новгороде.
В. Л. Янин (Москва). Печати из новгородских раскопок 1951 г.
В. Н. Лазарев (Москва). Васильевские врата 1336 г.

Библиография

Л. Н. Иваньев (Иркутск). Литература по археологии Советского Дальнего Востока. (Опыт библиографического указателя).

XIX

П. П. Ефименко и И. Г. Шовкопляс (Киев). Археологические открытия на Украине за последние годы.

Статьи

Н. Н. Воронин (Москва). Архитектурный памятник, как исторический источник. (Заметки к постановке вопроса).
С. А. Тараканова (Москва). Длинные и удлиненные курганы.
Ю. В. Кухаренко (Москва). К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда).
М. М. Дьяконов (Ленинград). Сложение классового общества в Северной Бактрии.
Б. Б. Пиотровский (Ленинград). Скифы и древний Восток. (Доклад на конференции по скифо-сарматской археологии).
Л. И. Янитс (Тарту). Новые данные по неолиту Прибалтики.

Материалы и сообщения

А. П. Окладников (Ленинград). Оленный камень с реки Иволги.
М. И. Максимова (Ленинград). Надгробие из Херсонеса.
В. Д. Блаватский (Москва). О херсонесском термине ΣΑΣΤΗΡ.
С. П. Толстов (Москва). Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии Наук СССР в 1951 г.
М. И. Артамонов (Ленинград). Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища.
А. М. Щербак (Ленинград). Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону.
В. Л. Янин (Москва). Печати наместников новоторжских.
Памяти А. Ю. Якубовского.

Критические статьи и рецензии

Обсуждение книги Я. А. Брюсова «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху».

Д. С. Лихачев (Ленинград). А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, стр. 68.
Л. Р. Кызласов и К. Ф. Смирнов (Москва). С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.— Л., 1952.
А. С. Амальрик и А. Л. Монгайт (Москва). И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (По данным, собранным М. В. Талицким). М., 1952.
А. Н. Москаленко (Воронеж). А. Ф. Шоков. Скифы на среднем Дону. Воронеж, 1952.

Приложение

Н. А. Винберг и Т. Н. Заднепровская. Советская археологическая литература за 1951 г.
Перечень сокращений к списку Советской археологической литературы за 1951 г.
Указатель археологических памятников и авторов, упоминаемых в археологической литературе за 1951 г.
Список сокращений к т. XIX «Советская археология».

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и доклады

Стр.

М. К. Каргер (Ленинград). Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. 5

В. Д. Блаватский (Москва). Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья . 31

А. М. Мандельштам (Сталинабад). О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье . 57

И. К. Свешников (Львов). Культура линейно-ленточной керамики на территории верхнего Поднестровья и Западной Волыни . 100

С. С. Сорокин (Ленинград). Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы . . 131

Д. И. Блифельд (Киев). К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах среднего Поднепровья IX—X вв. 148

Материалы и сообщения

К. Х. Кушнарева (Ленинград). Памятники медного века в Нагорном Карабахе 165

О. Н. Бадер (Молотов). Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье 180

К. В. Сальников (Свердловск). Андроновские поселения Зауралья . 213

В. И. Цалкин (Москва). Домашние и дикие животные из скифского Неаполя (По материалам раскопок Тавро-Скифской экспедиции) . . 253

Н. А. Береговая (Ленинград). Археологические находки на о. Четырехстолбовом (Медвежьи острова к северу от устья р. Колымы) 288

П. А. Раппопорт (Ленинград). Холм . 313

В. И. Марковин (Махачкала). Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР 324

О. В. Милорадович (Москва). Кабардинские курганы XIV—XVI вв. 343

Ф. Н. Тавадзе и В. Ф. Баркая (Тбилиси). Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии 357

Критические статьи и рецензии

Х. А. Моора (Тарту). М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 29, М., 1952 385

Н. Н. Чебоксаров (Москва). А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья, т. V. Материалы и исследования по археологии СССР, № 30, М., 1952 391

Н. И. Брунов, П. Н. Максимов, А. Г. Чиняков (Москва). Крепостные сооружения древней Руси. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. II. Материалы и исследования по археологии СССР, № 31. М., 1952 399

Г. А. Цветаева (Москва). Д. П. Каллистов. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952 410

Список сокращений 417

Перечень статей, помещенных в сборниках «Советская археология», XI—XIX 418

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР

Редактор издательства *Л. Р. Кызласов*. Технический редактор *А. А. Киселева*

РИСО АН СССР № 43-46В. Т-09051. Издат. № 491. Тип. заказ № 673. Подп. к печ. 11/XII 1954 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л 13,25+1 вклейка Печ л. 36,3 +1 вклейка. Уч -издат. л. 35+1 вкл. (0,2 уч.-издат. л.). Тираж 2000. *Цена по прейскуранту 1952 г. 22 руб. 70 коп.*

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
14	16 сн.	(рис. 5б)	(рис. 5а)
19	10 св.	дает	дате
44	15 св.	потоков	потомков
47	7 сн.	Персисад	Перисад
87	3 сн.	M a ç o n d i	M a ç o u d i
100	17 св.	проблемы	проблему
157	15 сн.	1938 г.	1948 г.
196	Масштаб на рис. 15.	4 *м*	4 *см*
292	8 сн.	белуг	белух
344	На рис. 1	Кунджинская	Курджинская
354	13 сн.	(Чегма II)	(Чегем II)
361	18 св.	золотого) кубка	золотого кубка)